

MIESIĘCZNIK
POŁOCKI.

Т о м I.
Р о к 1818.

*«Вестник Полоцкого государственного университета»
продолжает традиции первого в Беларуси литературно-
научного журнала «Месячник Полоцкий».*

ВЕСТНИК ПОЛОЦКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия А. Гуманитарные науки

В серии А научно-теоретического журнала публикуются статьи, прошедшие рецензирование, содержащие новые научные результаты в области истории, литературоведения и языкознания.

ВЕСНІК ПОЛАЦКАГА ДЗЯРЖАУНАГА УНІВЕРСІТЭТА
Серыя А. Гуманітарныя навукі

У серыі А навукова-тэарэтычнага часопіса друкуюцца артыкулы, якія прайшлі рэцэнзаваанне і змяшчаюць новыя навуковыя вынікі ў галіне гісторыі, літаратуразнаўства і мовазнаўства.

HERALD OF POLOTSK STATE UNIVERSITY
Series A. Humanity sciences

Series A includes reviewed articles which contain novelty in research and its results in history, literary studies and linguistics.

Журнал входит в Российский индекс научного цитирования.

Адрес редакции:
Полоцкий государственный университет, ул. Блохина, 29, г. Новополоцк, 211440, Беларусь
тел. + 375 (214) 59 95 44, e-mail: vestnik@psu.by

Отв. за выпуск *А.И. Корсак*.
Редактор *И.Н. Чапкевич*.

Подписано к печати 30.03.2021. Бумага офсетная 70 г/м². Формат 60×84^{1/8}. Ризография.
Усл. печ. л. 26,50. Уч.-изд. л. 31,39. Тираж 100 экз. Заказ 183.

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 903.5 + 393.92 (476.4) «09/12»

**РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ ПОГРЕБАЛЬНОЙ ОБРЯДНОСТИ
СЛАВГОРОДСКОГО РАЙОНА МОГИЛЁВСКОЙ ОБЛАСТИ ПО МАТЕРИАЛАМ 2014 – 2017 гг.**

канд. ист. наук А.М. АВЛАСОВИЧ
(Могилёвский государственный университет им. А.А. Кулешова)

Материалы археологического изучения курганных некрополей являются ценным источником по реконструкции миграционных процессов, этнокультурных трансформаций, социально-политического устройства и эволюции религиозных представлений населения X – XIII вв. Обозначенный регион в древнерусское время был заселён племенами радимичей, что в достаточной мере отражают письменные свидетельства Повести временных лет и материалы предшествующих раскопок. Однако, вместе с тем, остаётся ряд важных вопросов, на которые в настоящее время нет однозначных ответов. Наиболее важным следует считать вопрос генезиса племён радимичей, времени заселения ими белорусского Посожья, а также реконструкцию процессов огосударствления и христианизации исследуемой территории. Для ответа на поставленные вопросы необходим комплексный анализ письменных источников, данных археологии, лингвистики, этнографии, применения естественно-научных методов. В рамках настоящей статьи впервые вводятся в широкий научный оборот результаты крайних археологических раскопок, а также обозначено их место в решении поставленных вопросов.

Ключевые слова: погребальная обрядность, курганный некрополь, кремация, ингумация, тризна, христианизация.

Введение. С 2014 г. археологический отряд Могилёвского государственного университета имени А.А. Кулешова на территории Славгородского района Могилёвской области проводит изучение памятников археологии древнерусского времени. Под руководством автора настоящей статьи в 2014 г. исследована одна курганная насыпь могильника Взмутное, содержащая биритуальное погребение. В этом же году у д. Усохи обнаружены два камня с рельефными изображениями княжеских знаков Рюриковичей.

В 2017 году нами изучалась курганная группа-1 у д. Васьковичи. Исследование данного памятника обусловлено спором в научной среде о локализации летописной битвы 984 г. на реке Пищани. Полученные мною материалы позволяют пересмотреть ранее, казалось бы, однозначные выводы.

Основная часть. Курганный могильник Взмутное располагается на восточном берегу одноимённого озера в 4,5 км северо-восточнее г. Славгород, в 1,5 км севернее шоссе Славгород – Чериков, в лесу. Памятник состоит из 246 насыпей полусферической формы, округлых в плане. Первые исследования памятника относятся к концу XIX в. В 1892 г. старший чиновник особых поручений при губернаторе С.Ю. Чоловский произвёл раскопки двух насыпей с трупоположениями [19, с. LXXIII – LXXIV]. В 2014 г. одна курганная насыпь исследована мною.

Курган № 111. Курган имел полусферическую форму, округлый в плане.

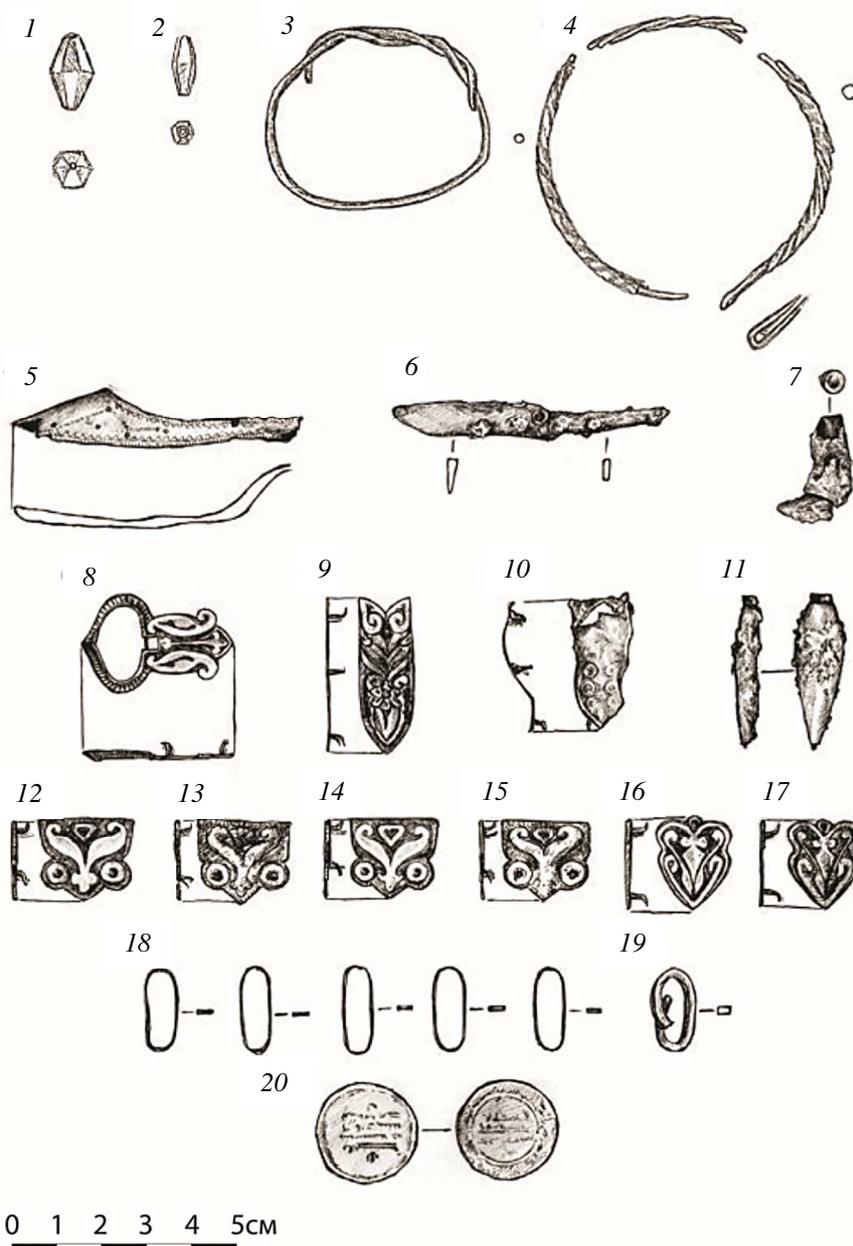
Стратиграфия. Насыпь кургана состояла из песка светло-жёлтого цвета. В центре насыпи он находился непосредственно под гумусированным слоем и продолжался до материковой поверхности. На глубине 0,6 м замечены продолговатые прослойки тёмно-жёлтого песка. Отмеченная прослойка проходит прерывистой дугой по профилю 3-В. Её мощность 3–24 см, образована вследствие погребённого слоя дёрна при досыпании насыпи.

Погребение 1. В северной половине кургана на уровне древней дневной поверхности в зольном слое находились остатки кальцинированных костей. Замечено, что фрагменты черепа и зубы располагались в западной части скопления, останки рёбер и конечностей – в центральной и восточной частях пятна. При данном погребении обнаружена сильно оплавленная бусина из синего стекла и четыре зонные бусины из глухого стекла, спёкшиеся вместе.

Погребение 2. На уровне трупосожжения, в 0,6 м южнее находилось погребение, совершённое по обряду трупоположения. Костяк сохранился фрагментарно, ориентирован головой в западном направлении. При нём в области шеи и груди обнаружены две сердоликовые бусины (рисунок 1, 1-2), 7 ед. зелёного бисера и одна стеклянная бусина с белыми полосами. У черепа найдено височное кольцо с плохо завязанными концами (рисунок 1, 3), на месте запястья правой руки обнаружен трёхпроволочный витой браслет (рисунок 1, 4).

Погребальный обряд. Стратиграфия насыпи указывает на то, что первоначально на выбранной площадке на уровне древней дневной поверхности совершён ритуал очищения огнём. При этом будущее место погребения окаймлено неглубокими канавками – «кольцами крады». После совершения трупосожжения на стороне кальцинированные кости были собраны, перенесены на подготовленную площадку и погребены под насыпью. Её первоначальная высота составила около 0,85 м. Некоторое время спустя, южнее

кремации, на уровне зольного слоя совершено подзахоронение по обряду труположения, после чего насыпь окончательно досыпали.

1-4 – курган № 111 могильник Взмутное; 5-7 – курган № 5 могильник-2 Васьковичи;
8-20 – курган № 7 могильник-2 Васьковичи
Рисунок 1. – Погребальный инвентарь

Хронология. Рамки бытования указанных предметов следует определить: бронзовый витой браслет – XI – начало XII в. (см. рисунок 1, 4) [7, с. 70–71]; браслетообразное височное кольцо – конец X – XII в. (см. рисунок 1, 3) [7, с. 70–59]; бусина синего цвета – вероятно, конец X – XI в. [17, с. 21]; бисер – конец X – XI в. [17, с. 21]; бусина с белыми полосами – конец X – XI вв. [17, с. 21]; сердоликовые бипирамидальные бусы – конец X – начало XII в. (см. рисунок 1, 1-2) [17, с. 20].

Выводы. Нахождение в одной насыпи двух женских захоронений может указывать на их родственную связь. Какого-либо подчинённого положения не прослежено. Биритуализм и элементы костюма свидетельствуют о совершении погребений на рубеже I – II тыс., в период христианизации региона.

Курганный могильник-2 Васьковичи расположен на правом берегу р. Песчанка в 0,6 км северо-восточнее восточной окраины одноимённой деревни, в лесу, с восточной стороны лесной дороги на д. Шеломы в 0,15 км южнее курганного могильника-1.

Изначально в историографии оба некрополя фигурируют как единый комплекс. Он известен с 1873 г. и насчитывал в то время более 100 насыпей [14, с. 73]. В 1925 г. археологические раскопки курганного могильника-1 произвёл И.А. Сербов. Учёный исследовал четыре насыпи. Два погребения им идентифицированы как женские, третье – мужское. В одном из женских погребений находился дирхем 911 г. [18, с. 18]. В 1961 г. раскопки первой группы продолжили Л.В. Алексеев и З.М. Сергеева. Ими изучены три насыпи. В двух случаях обнаружены погребения по обряду труположения на уровне горизонта, в третьем – трупосожжение [4, с. 55]. В 2017 г. археологической экспедицией под руководством автора исследованы четыре насыпи (№№ 5, 7, 8, 20) второй курганной группы.

Курган № 5 имел полусферическую форму. Повреждён кладоискательской ямой подквадратной формы 0,95 × 0,91 м. Погребение не пострадало.

Стратиграфия. Насыпь кургана состояла из песка серого и светло-жёлтого цвета. В верхней трети их разграничивал слой пепла дугообразной формы. Под ним из песка светло-жёлтого цвета выделялись очертания первоначальной песчаной насыпи, которая размещалась на нижнем зольнике, оставленном от ритуального кострища. Оба зольника соединялись у окраины насыпи. Нижний зольник предваряла песчаная подсыпка светло-жёлтого цвета. На уровне древнего горизонта под нижним зольным слоем в северном поле насыпи обнаружен плоский камень размерами 0,4 × 0,5 м и толщиной 0,1 м.

Погребение. В южной части насыпи на подсыпке в верхнем пепельном слое зафиксированы остатки кремации. Кальцинированные кости располагались в корневой системе выросшей на этом месте сосны, которая нарушила первоначальное положение останков. Удалось установить, что погребение располагалось компактным скоплением овальной формы, которое имело размеры 0,4 × 0,6 м. Среди кальцинированных костей находился бронзовый наконечник ножен скрамасака и фрагмент дужки ведра (рисунок 1, 5, 7).

Погребальный обряд. Первоначально на северо-западной стороне выбранной площадки был установлен плоский камень, имеющий ритуальное значение (возможно на его поверхности имелась надпись или рисунок?). Обе его стороны искусственно стёсаны. Им придана плоская поверхность, чем, таким образом, получена плита. Изделие поставлено на ребро в северо-западной окраине зольного слоя. Его лицевая и обратная стороны обращены в южном и северном направлениях. Обнаружение на этом уровне фрагментов стенок говорит о ритуальном разбитии горшка. Здесь же положен железный миниатюрный нож (рисунок 1, 6). После этого возведена подсыпка из жёлтого песка на высоту до 0,38 м. На образовавшейся возвышенности разведено ритуальное кострище. По окончании выжигания площадки, на ней совершена новая, меньшая по диаметру, подсыпка мощностью до 1 м. Далее на новой площадке разведено меньшее по размеру кострище. После этого принесены и расположены в южной части останки, в слое пепла, сожжённого на стороне человека. Это действие сопровождалось ритуальным разбитием горшков. Лепные и гончарные фрагменты которых в основном сконцентрированы на данном уровне. В это же время с погребением положены ножи скрамасака и ведёрко. От последнего сохранился сильно коррозированный фрагмент дужки. На этих предметах не обнаружены следы воздействия огня. После этого насыпь была окончательно досыпана.

Хронология. Раннекруговая керамика в курганных насыпях с кремациями на территории Полоцкой земли начинает использоваться не ранее конца X в. [7, с. 85–86]. В регионе Гомельского Поднепровья она появляется в первой половине указанного столетия. Что касается скрамасака, то это холодное оружие, как правило, не выходит за пределы X в. [13, с. 72]. Таким образом, фрагмент венца лепного сосуда в сочетании со стенками круговой керамики и наконечником ножен боевого кинжала позволяют датировать возведение насыпи серединой – концом X в. Однако наиболее вероятной является верхняя, дохристианская, граница определённого нами хронологического диапазона.

Выводы. Судя по сопровождающему материалу погребение принадлежит мужчине-язычнику. Наконечник ножен скрамасака может указывать на его принадлежность к дружинному сословию.

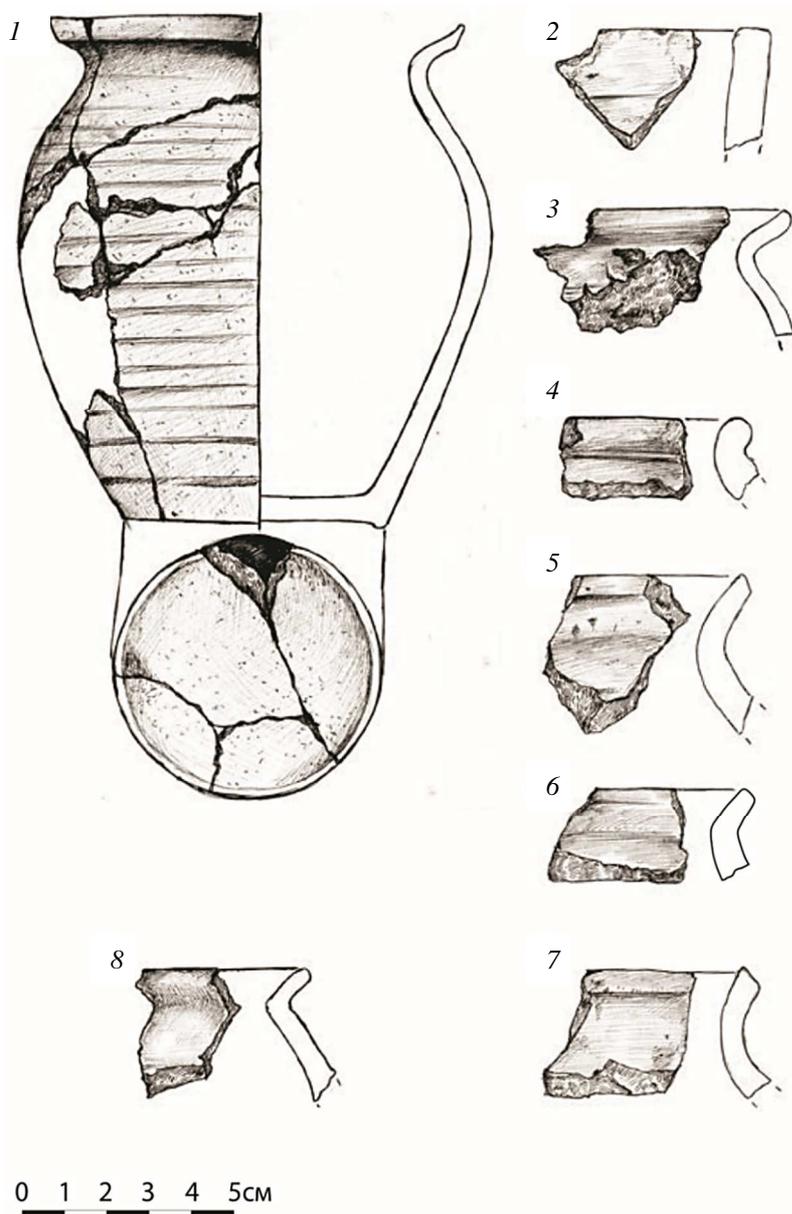
Курган № 7 имел полусферическую форму. Повреждён кладоискательской ямой подквадратной формы 1,55 × 1,42 м. Погребение не пострадало.

Стратиграфия. Насыпь в основных чертах повторяет строение кургана № 5, однако характеризуется большим включением зольных и пепельных прослоек. Верхняя треть насыпи состояла из песка серого цвета. Под ним располагался пласт песка светло-жёлтого цвета. Эти два слоя разграничивались прерывистой дугообразной прослойкой пепла, которая у краёв насыпи сообщалась с нижним зольным слоем. В восточной части насыпи в теле жёлтого песка отдельно выделялась зольно-угольная прослойка, которую подстилал слой органического характера. По своей структуре весьма схож с высушенным мхом или истлевшей тканью. Под органической прослойкой находился песок оранжевого цвета. Этот слой подстилал нижний зольник, который располагался на подсыпке светло-жёлтого цвета.

Погребение. В восточной части насыпи при расчистке локальной зольно-угольной прослойки зафиксированы остатки кремации и сопровождающий инвентарь. Удалось установить, что кальцинированные кости располагались компактным скоплением овальной формы по линии Север – Юг, которое имело размеры 0,98 × 0,73 м. Среди кальцинированных костей находились поясная гарнитура и арабский серебряный дирхем (рисунок 1, 8–20).

Погребальный обряд. Первоначально, на уровне древней дневной поверхности было разведено ритуальное кострище, в центре которого разбит круговой сосуд (рисунок 2, 1). После этого на данной площадке совершена небольшая подсыпка песка жёлтого цвета мощностью около 0,1 м. Далее в восточной части погребальной площадки разведено локальное мощное кострище, под воздействием которого подстилающий его песок оказался прокален и поменял свой цвет. После сгорания здесь положили материал органического происхождения и сделали небольшую песчаную подсыпку мощностью около 0,05 м. После этого сюда были принесены и рассыпаны кальцинированные кости с углями и элементы поясной гарнитуры. Последняя имеет следы воздействия высокой температуры, что наиболее заметно по одной из накладок наконечника пояса (рисунок 1, 10). При этом серебряный дирхем не оплавлен, имеет лишь потемнение от пребывания в слое угля. Вероятно, его положили сюда при рассыпании кремации. Судя по нахождению здесь нескольких фрагментов стенок толстостенного сосуда, остатки сожжения могли быть принесены в нём, после чего горшок ритуально разбили. Далее погребение присыпали слоем жёлтого песка мощностью до 0,12 м, над ним совершена тризна, а насыпь окончательно досыпана.

Анализ керамического материала показывает, что кроме толстостенного сосуда в ходе возведения насыпи были разбиты ещё семь сосудов, имеющих разную профилировку венцев (рисунок 2, 1–8).

1–8 – курган № 7 могильник-2 Васьковичи

Рисунок 2. – Погребальный инвентарь

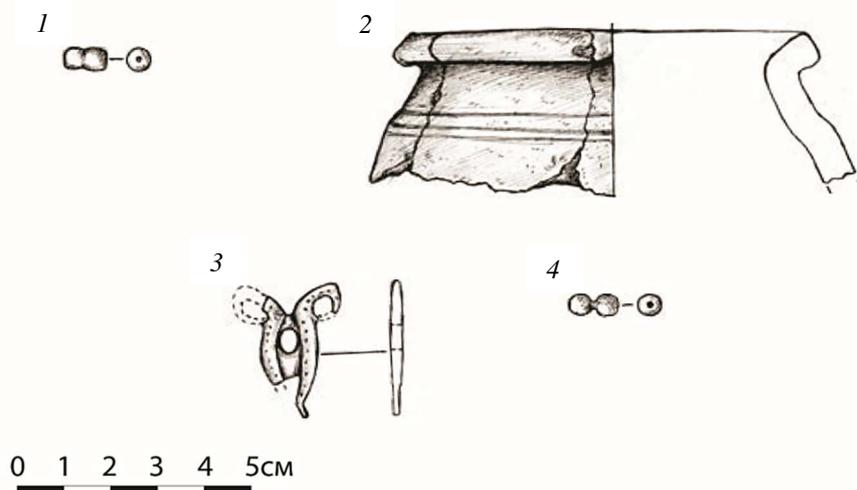
Хронология. Относительно времени сооружения данной насыпи, мы имеем редкую возможность определения узкой датировки. Обнаруженный арабский дирхем отчеканен в 944 г. и относится к династии Саманидов. Поясная гарнитура имеет ряд схожих по стилистике и формам аналогов. Наконечники пояса схожи с изделиями второй половины X – XI в. Подобные пряжки, как правило, не выходят за пределы X в., а поясные накладки этой формы с растительным орнаментом характерны для 2-й половины X в. [12, с. 44, 47, 55; рис. 19:7, 20:14, 22:7]. Обнаруженный развал кругового сосуда, согласно классификации В.М. Горюновой, относится к типу I, который распространяется с 80-х гг. X в. и бытует до середины XI в. [8, с. 135]. Профилировка сосудов с прямопоставленным горизонтально срезанным и со слегка отогнутым кососрезанным венцами характерна для второй половины X в. При этом сам обряд трупосожжения на территории изучаемого региона не выходит за пределы X в. Таким образом, описанное погребение можно уверенно датировать 80-ми годами X столетия.

Выводы. Судя по сопровождающему материалу захоронение принадлежит мужчине-язычнику. Поясная гарнитура свидетельствует о его отношении к дружинному сословию.

Курган № 8 имел полусферическую форму. Повреждён кладоискательской ямой подквадратной формы 0,79 × 0,61 м. Погребение не пострадало.

Стратиграфия. Насыпь состояла из песка светло-жёлтого цвета. На середине высоты встречена прерывистая дугообразная прослойка пепла. У краёв она сообщалась с нижним зольным слоем, который располагался на древнем дневном горизонте.

Погребение. В южной части при выходе на уровень верхнего пепельного слоя зафиксированы остатки кремации и фрагменты обгоревшего дерева. В ходе расчистки установлено, что здесь находилась обугленная деревянная конструкция. Изъятые образцы позволяют предположить, что она состояла из досок шириной не менее 5 см. По сохранившимся фрагментам удалось определить её размеры – 0,72 × 0,3 м. Основная масса кальцинированных костей находилась в южной части конструкции и частично за её пределами. Ящик располагался в южной стороне насыпи и был поставлен под наклоном. Такое положение объясняет «высыпание» остатков кремации за пределы ящика в сторону наклона. Относительно сторон света, конструкция поставлена по линии Север – Юг с небольшим отклонением в западную сторону. В слое, подстилающем погребение, обнаружена стеклянная двухчастная бусина «лимонка» (рисунок 3, 1).

1–2 – курган № 8 могильник-2 Васьковичи; 3–4 – курган № 20 могильник-2 Васьковичи
Рисунок 3. – Погребальный инвентарь

Погребальный обряд. На выбранной погребальной площадке было разведено ритуальное кострище, после сгорания которого возведена невысокая, до 0,35 м, насыпь. Далее в южной части площадки под наклоном поставили деревянный ящик, в него поместили останки кремации, совершённой на стороне. После этого на площадке было разведено второе кострище, которое в значительной степени повредило ящик. По завершении процесса насыпь окончательно досыпали.

Хронология. Анализ керамического материала свидетельствует о разбитии здесь в ритуальных целях трёх сосудов – одного кругового и двух лепных. Аналогии раннегончарного сосуда хорошо известны в слоях Рюрикова городища. Наиболее ранние экземпляры, согласно М.В. Горюновой, относятся к середине – третьей четверти X в. (рисунок 3, 2) [9, с. 95]. Время бытования двухчастных бус «лимонки» приходится на X – первую четверть XI в. [20, с. 88]. Сочетание обнаруженных артефактов и обряда трупосожжения позволяет определить время возведения кургана № 8 концом X в.

Выводы. Нахождение в насыпи бусины, как элемента женского костюма, может свидетельствовать о захоронении здесь индивида женского пола. Среди кальцинированных останков удалось обнаружить фрагмент челюсти с коренным зубом без корня. Это указывает на стадию формирования зуба и даёт возможность определить возраст умершего в пределах 4 – 8 лет. Таким образом, с определённой долей осторожности, мы можем предположить, что в конце X в. здесь была погребена девочка доподросткового возраста.

Курган № 20 имел полусферическую форму. Повреждён кладоискательской ямой подквадратной формы 0,86 × 1,74 м. Погребение не пострадало.

Стратиграфия. Насыпь состояла из песка светло-жёлтого цвета. На уровне древней дневной поверхности зафиксирован зольно-угольный слой, оставленный ритуальным очищением огнём площадки будущей насыпи. В верхней трети, на южном склоне насыпи зафиксировано локальное зольно-угольное включение, которое при расчистке оказалось, деревянной конструкцией. Отличительной чертой является наличие большого количества камней на всех уровнях насыпи.

Следует отметить нахождение у юго-западной окраины насыпи плоского камня, схожего с камнем кургана № 5. Здесь он также был поставлен на ребро и ориентирован своей лицевой (плоской) стороной по направлению к погребению. Его размеры 0,3 × 0,32 м при толщине 0,14 м.

Погребение. В ходе послонной разработки южного склона насыпи на глубине 0,2 – 0,25 м начали фиксироваться крупные фрагменты угля и остатки кремации. При тщательной расчистке, нами установлено нахождение здесь обугленной деревянной конструкции. Она сложена из досок шириной до 0,16 м. Также удалось зафиксировать две поперечные дощечки шириной 0,06 м. Наибольшая плотность кальцинированных костей отмечена в южной части данного ящика. Здесь же, среди остатков кремации, обнаружена двухчастная бусина «лимонка» и орнаментированное украшение из кости (подвеска/застёжка?) (рисунки 3, 3–4). Указанные предметы не имеют следов воздействия огня. При разборке конструкции установлено, что 0,2 м ниже её находился камень диаметром 0,18 м.

Погребальный обряд. На выбранной для насыпи площадке первоначально было разведено ритуальное кострище, после сгорания которого совершена подсыпка высотой около 0,6 м от нижнего зольного слоя. На этом уровне из камней выложено подобие окружности и поставлен ящик с остатками кремации, совершённой на стороне. Сам ящик установлен в юго-восточной части образовавшейся подсыпки. Он находился под наклоном, его северо-западная сторона располагалась выше юго-восточной, что объясняет высыпание костей за пределы ящика. Относительно сторон света он ориентирован по линии Юго-Восток – Северо-Запад. После размещения ящика с остатками трупосожжения, стеклянной бусиной и костяной фигурной подвеской насыпь была окончательно досыпана.

Хронология. Относительно времени сооружения кургана № 20 мы можем судить по находке бусины. Бытование двухчастных бус «лимонок» ограничивается X – первой четвертью XI в. [20, с. 88]. Аналогии костяной подвески мне не известны. Сочетание бусы «лимонки» и обряда трупосожжения позволяет определить время возведения кургана № 20 концом X в.

Выводы. Нахождение в насыпи бусины, как элемента женского костюма, может свидетельствовать о захоронении женщины по обряду трупосожжения с последующим помещением останков в деревянный ящик.

Полученные мною данные об обряде захоронения органично вписываются в ранее выстроенную схему эволюции погребального обряда трупосожжения, согласно которой наиболее поздним видом является расположение трупосожжений выше уровня горизонта [2, с. 5–6]. Сопровождающий погребения материал позволяет определить достаточно узкие хронологические рамки возведения исследованных насыпей. Языческий, по своей сути, обряд трупосожжения ограничивает верхнюю границу датировки концом 980-х – 990-ми гг. Наличие узкодатируемых по новгородским аналогам керамических форм, сочетание круговой и лепной посуды также указывают на самый рубеж языческой и христианской эпох. Наиболее узкодатируемой является кремация с поясным набором и целым комплексом керамических сосудов кургана № 7. Время его возведения следует очертить в пределах 980-х годов. К этому необходимо добавить находку арабского дирхема 944 г. Как известно, время хождения подобных монет до попадания в культурный слой или погребение составляет несколько десятилетий, что снова указывает на 80-е годы X столетия. Аналогичный погребальный обряд, зафиксированный в соседнем кургане № 5, также позволяет датировать эту насыпь 80-ми годами X в. Эту точку зрения подкрепляет не только идентичный погребальный обряд и близость в расположении двух насыпей, но и наличие предметов материальной культуры, указывающих на дружинное сословие умерших.

Из последнего обстоятельства возникает правомерный вопрос о возможности синхронного погребения этих представителей военизированного сословия вследствие определённого события, что невольно нас возвращает к вопросу о локализации летописной битвы 984 года на р. Пищани, в ходе которой радимичское ополчение было разбито передовым отрядом князя Владимира Святославича во главе с воеводой Волчьим Хвостом.

В настоящее время наиболее обоснованной является позиция О.А. Макушника, отстаивающего локализацию летописной битвы в окрестностях Гомеля (Гомия) [15]. Не вдаваясь в детали и аргументы уважаемого коллеги, следует отметить факты в пользу разгрома радимичей в окрестностях Славгорода (Прупоя, Пропошеска). Летописное название реки, на которой состоялась битва, «Пищань». Данный гидроним созвучен с протекающей в 6,5 км юго-западнее от Славгородского городища речушкой Песчанкой. Нынешнее название вполне может являться производным от «Пищани» Нестора. Добавим к этому, что курганы с погребениями воинов-язычников могильника-2 у д. Васьковичи находится на правом берегу современной Песчанки всего в 400-450 м юго-восточнее её русла.

Также следует отметить один интересный топоним. В 3 км северо-западнее исследованного некрополя находится деревня Шеломы. Её название, вероятнее всего, происходит от слова «шелом» – древнерусское именование шлема. Такое название населённый пункт вполне мог получить вследствие летописного сражения. Отдельно отметим, что через отмеченную деревню протекает р. Песчанка, а на местном кладбище сохранились несколько курганных насыпей. Последнее обстоятельство указывает на тысячелетнее существование здесь поселения.

В контекст топонима «Шеломы» логично вписываются открытые мною погребения дружинников-язычников с узкой датировкой 980-х гг. Они также косвенно указывают на событие 984 г., которое могло стать причиной смерти и их последующего захоронения в курганах отмеченного некрополя у д. Васьковичи.

Ещё одним пунктом в пользу славгородской «Пищани» является близкое расположение летописного города «Прупоя», который с высокой долей вероятности мог быть важным племенным центром обороняющихся радимичей. В связи с этим, логичным выглядят находки двух камней с рельефными изображениями княжеских трезубцев у д. Усохи Славгородского р-на [1]. Первый наиболее заметный и этим привлёкший наше внимание петроглиф представляет собой камень высотой чуть более 0,5 м. Его лицевая сторона стёсана до ровной плоскости. На всё поле образовавшейся поверхности нанесён трезубец (рисунок 4, 1). Второй имеет два изображения, расположенные у самого края выровненной стороны (рисунок 4, 2).

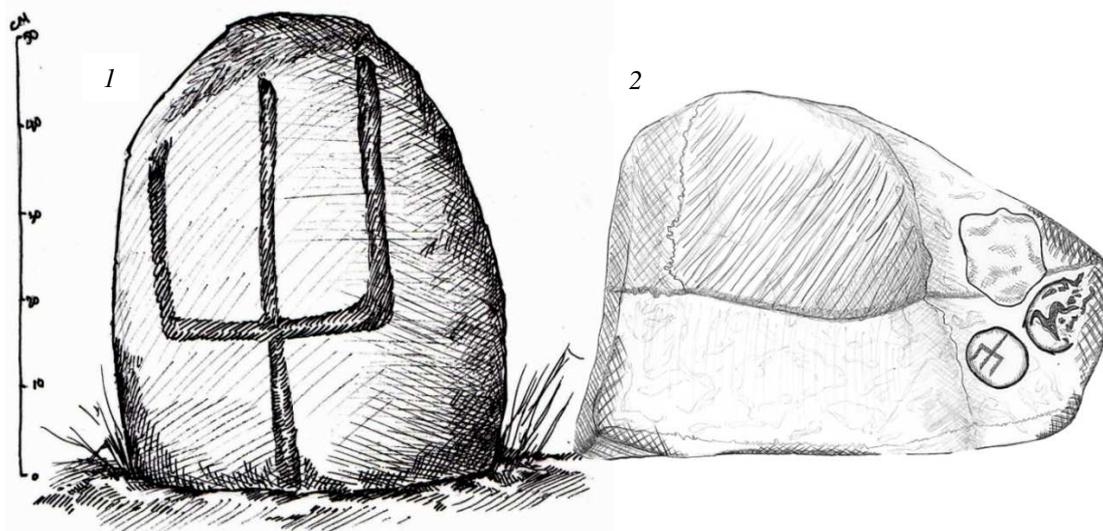
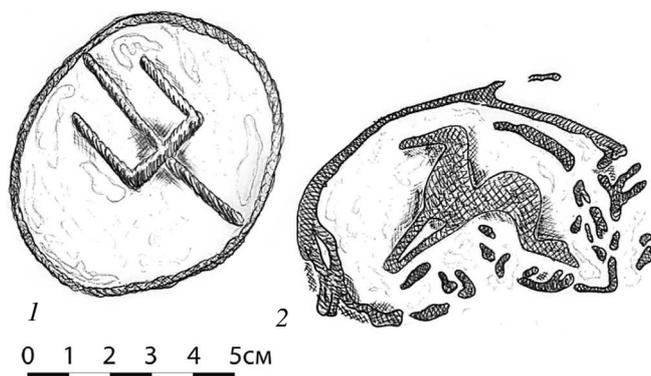

Рисунок 4. – Камни с изображениями княжеских знаков (1, 2), д. Усохи (Славгородский р-н)

Первое изображение – трезубец. По очертаниям он представляет собой уменьшенную копию большого трезубца на первом камне. Примечательным является его исполнение. На поверхности камня изначально сделано округлое углубление, в котором далее был вырезан княжеский знак. Подобное нанесение, в некоторой степени, схоже с оттиском печати (рисунок 5, 1). Соседнее изображение является более схематичным и не поддаётся однозначной интерпретации. По устному замечанию член-кор. НАН Беларуси, д-ра ист. наук, профессора И.А. Марзалюка, оно может иллюстрировать мифического восьминоного коня бога Одина Слейпнира (рисунок 5, 2). Такая трактовка выглядит вполне убедительной с учётом достаточно высокого процента варягов среди дружинников киевского князя.

В целом, описанные трезубцы по своей стилистике сопоставимы с родовым знаком Владимира Святославича. Появление описанных камней может быть связано с включением Посожья в орбиту влияния Киева после разгрома радимичей и маркировать здесь место сбора дани – погост.

Перечисленные факты составляют далеко не полный список доводов, позволяющих положить начало новому витку научной дискуссии о локализации летописной битвы. Однако это тема отдельной публикации ближайшего будущего.

1 – изображение трезубца; 2 – изображение Слейпнира

Рисунок 5. – Петроглифы на втором камне, д. Усохи (Славгородский р-н)

Возвращаясь к могильнику-2 у д. Васьковичи, следует оценить его информативность относительно вопроса этнической или культурной принадлежности оставившего его населения. Ключевым элементом в данном вопросе является место расположения кремаций и использование дополнительных элементов погребальной обрядности. Детальный анализ подкурганых захоронений боршевской культуры VIII–X вв. и кремаций на территории Могилёвского Поднепровья указывает на миграционные процессы донских славян в бассейн Верхнего Поднепровья. Инфильтрация носителей южнославянских археологических культур VIII–X вв. в бассейн верхнего Днепра не вызывает сомнения, в частности у одного из ведущих белорусских специалистов в области курганной погребальной обрядности А.В. Войтеховича [7, с. 30–31, 100].

Отметим те черты, на которых строится наше заключение.

Для эталонных памятников боршевской культуры на р. Воронеж и Верхней Оки использование деревянных камер в курганных насыпях является отличительной чертой [5, с. 88–89, 94, 96; 6, с. 14–15, 17; 16, с. 8–9]. Более упрощённый вариант этой традиции зафиксирован мною в курганах № 8 и № 20 исследуемого некрополя у д. Васьковичи. В данном случае, следует полагать, мы имеем дело с эволюцией обрядности и конкретного элемента, в частности. Эти изменения необходимо оценивать в качестве следствия социальных трансформаций, а именно индивидуализацией и выделением малой семьи. В боршевской культуре погребальная камера служила общей усыпальницей. С распадом большой патриархальной семьи отпадает необходимость в сооружении общей камеры. Они сменяются небольшими деревянными ящиками, которые не единожды зафиксированы в Могилёвском Поднепровье. К этому следует добавить, что часть поздних погребений воронежской группы и часть верхнеокских камер тоже имеют более упрощённую конструкцию: они изготовлены из досок/плах [5, с. 99].

В погребальной традиции донских славян этого времени известна традиция обжигания камер/ящиков. Она наиболее характерна для Воронежской группы некрополей боршевской культуры [5, с. 117], она же известна и в курганах верховья Оки [11, с. 154, 155, 157]. Ряд ящиков с кремациями Могилёвского Поднепровья также имеет следы воздействия огня¹. В частности, конструкция кургана № 8 располагалась непосредственно на зольной прослойке, образовавшейся после проведения тризны.

В Боршевской курганной группе трупосожжения во всех случаях совершены за пределами площадки будущей насыпи [5, с. 94; 6, с. 15]. Кремации могильника-2 Васьковичи также проведены на стороне.

Одним из отличительных признаков трупосожжений донских славян, имеющим сакральный оттенок, является место размещения кальцинированных костей в насыпи. Так, для Боршевского некрополя характерно стабильное расположение деревянных камер в северо-восточной части кургана [5, с. 87, 88; 6, с. 14, 15; 10, с. 80]. В группе воронежской расположение кремаций фиксируется в восточной части погребальной площадки [5, с. 95]. Местоположение камер в курганах боршевской культуры в стороне от центра насыпи объясняется их привязанностью к близлежащей реке. Камеры находились в секторах по направлению либо в сторону нижнего течения (Лысогорский могильник), либо в сторону верхнего течения реки (Боршевский могильник) [5, с. 113, 117]. Анализ расположения кремаций могильника-2 Васьковичи также обнаруживает тяготения расположения кальцинированных костей в ближнем к р. Пещанке поле насыпи, т.е. в сторону нижнего течения.

Наконец, последним элементом является уровень расположения погребений. В основной массе боршевских курганов кремации находятся на уровне горизонта. Однако в поздних захоронениях этой культуры, в частности Лысогорского могильника, известны деревянные ящики, расположенные не на горизонте, а на

¹ По справедливому замечанию Н.А. Плавинского, зачастую обгоревшее дерево можно спутать с деревом, подвергшимся естественному процессу карбонизации. В данном случае следует быть внимательным и обращать внимание на археологический контекст: имеется ли прокаленность песка и наличие пепла.

подсыпке [5, с. 117]. На территории Могилёвского Поднепровья известен лишь один случай кремации в ящике на горизонте и семь насыпей с трупосожжениями в ящиках, расположенных выше уровня горизонта.

Заключение. Инфильтрация донских славян в Могилёвское Поднепровье кажется вполне обоснованной. Отмечу, что данное заключение строится на гораздо большей фактической базе, нежели четыре исследованные насыпи Славгородского района [3, с. 15, 17]. При этом на указанной территории фиксируются элементы материальной культуры и погребальной обрядности как роменской, так и культуры типа Луки-Райковецкой. Заселение обозначенной территории южнославянскими культурами должно быть связано с вынужденной миграцией славян из бассейна Дона из-за печенежской угрозы. Именно в X в. на поселениях боршевской культуры встречаются следы пожаров, а культура как таковая перестаёт существовать. И в этом же столетии на территории Могилёвского Поднепровья начинают фиксироваться подкурганые захоронения со слегка видоизменённым или, точнее, эволюционировавшим погребальным обрядом. Этому способствовало и то, что Могилёвское Поднепровье, судя по всему, в период с VII по X вв. не было заселено. По крайней мере, после исчезновения колочинских поселений здесь не фиксируются какие-либо более поздние материалы додревнерусского периода. В свою очередь, продвижение представителей южнославянских культур далее на север было затруднено заселённостью данной территории кривичским населением, выросшем из культуры смоленско-полоцких длинных курганов. Однако локальные следы попыток такого проникновения зафиксированы археологически [7, с. 27]. Исходя из приведённых фактов, следует полагать, что этнической подосновой радимичских племён являются южнославянские культуры VIII – X вв., среди которых наиболее отчётливо выделяются боршевские древности. Сбежав от печенежской угрозы и заселив Могилёвское Поднепровье, переселенцы были легко подчинены киевскому князю Владимиру. Для этого хватило всего лишь передового отряда Волчьего Хвоста...

ЛИТЕРАТУРА

1. Авласович, А.М. Знаки Рюриковичей с территории Могилёвского Поднепровья / А.М. Авласович // Копытинские чтения – IV : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф., Могилев, 19–20 марта 2020 г. / под общ. ред. А.Г. Агеева, А.В. Колосова, В.В. Табунова. – Могилев : МГУ им. А.А. Кулешова, 2020. – С. 14–15.
2. Авласович, А.М. Итоги изучения погребального обряда трупосожжения в Могилёвском Поднепровье и Посожье / А.М. Авласович // Итоги научных исследований ученых МГУ имени А.А. Кулешова 2016 г. : материалы науч.-метод. конф., Могилев, 25 янв. – 1 февр. 2017 г. / под ред. Е.К. Сычовой. – Могилев : МГУ им. А.А. Кулешова, 2017. – С. 5–7.
3. Авласович, А.М. Погребальная обрядность на территории Могилёвского Поднепровья и Посожья в X – XIII вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06 / А.М. Авласович ; Ин-т истории НАН Беларуси. – Минск, 2017. – 28 с.
4. Алексеев, Л.В. Раскопки курганов в Восточной Белоруссии / Л.В. Алексеев, З.М. Сергеева // Краткие сообщения ин-та археологии. – 1973. – Вып. 135. – С. 49–55.
5. Винников, А.З. Славяне лесостепного Дона в раннем средневековье (VIII – начало XI века) / А.З. Винников. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1995. – 168 с.
6. Винников, А.З. Юго-восточная окраина славянского мира в эпоху образования древнерусского государства (лесостепное Подонье в VIII – первой половине XI вв.) / А.З. Винников // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. История. Политология. Социология. – 2012. – № 2. – С. 14–20.
7. Войтехович, А.В. Погребальный обряд населения Полоцкой земли в X – XII вв. / А.В. Войтехович ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – Минск : Беларус. навука, 2019. – 269 с.
8. Горюнова, В.М. Датированные возможности раннегончарной керамики X-начала XI в. / В.М. Горюнова // Рос. археология. – 2009. – № 4. – С. 132–139.
9. Горюнова, В.М. Раннегончарная керамика Рюрикова городища и общие тенденции развития раннегончарных комплексов городских центров Северной Руси X – начала XI вв. / В.М. Горюнова // Труды ИИМК РАН. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2005. – Т. XVIII. – С. 82–121.
10. Ефименко, П.П. Курганный могильник у с. Боршева / П.П. Ефименко, П.Н. Третьяков // Материалы и исследования по археологии. – 1948. – № 8. – С. 79–91.
11. Изюмова, С.А. Курганный могильник VIII – X вв. около деревни Западной / С.А. Изюмова // Советская археология. – 1946. – № 2. – С. 151–163.
12. Кенько, П.М. Поясная гарнитура с территории Беларуси (I – XIII вв.). Свод археологических источников / П.М. Кенько. – Минск : Беларус. навука, 2012. – 172 с.
13. Кирпичников, А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 1. Мечи и сабли IX – XIII вв. / А. Н. Кирпичников // Свод археологических источников / под общ. ред. Б.А. Рыбакова. – Вып. Е1–36. – М. – Л. : Наука, 1966. – 181 с.
14. Копытин, В.Ф. Археологические памятники Славгородского района Могилёвской области / В.Ф. Копытин. – Могилёв : Изд-во МГУ им. А. А. Кулешова, 2001. – 158 с.
15. Макушнікаў, А.А. Бітва 984 г. на рацэ Пяшчане і летапісны шлях «ў радзімічы» / А.А. Макушнікаў // Гістарычна-археалагічны зборнік ; Ін-т гісторыі НАН Беларусі. – 1995. – № 6. – С. 202–213.
16. Носов, Е.Н. К вопросу о происхождении домовин в курганах роменско-боршевской культуры / Е.Н. Носов // Краткие сообщения ин-та археологии. – 1974. – Вып. 139. – С. 8–12.

17. Рьер, Я.Г. Сельское общество Могилёвского Поднепровья X – XIII вв. По археологическим данным / Я.Г. Рьер. – Могилев : УО «МГУ им. А.А. Кулешова», 2010. – 176 с.
18. Сербаў, І.А. Аб выніках архэалёгічных дасьледваньняў каля Нова-Быхаву і на сярэднім Сожы / І.А. Сербаў // Працы Першага Зьезду Дасьледчыкаў Беларускае Архэалёгіі і Архэаграфіі. – Мінск, 1926. – С. 17–19.
19. Чоловский, С.Ю. Дневник раскопок, проведенных старшим чиновником особых поручений при Могилевском Губернаторе Сем. Юл. Чоловским / С.Ю. Чоловский // Памятная книжка Могилевской губернии на 1893 годъ. – Могилев на Днѣпрѣ : Тип. Губ. Правленія, 1893. – С. LIV–LXXXIII.
20. Щапова, Ю.Л. О происхождении некоторых типов древнерусских бус / Ю.Л. Щапова // Советская археология. – 1962. – № 2. – С. 81–96.

Поступила 11.11.2020

RESULTS OF ARCHAEOLOGICAL STUDY OF FUNERAL RITES OF SLAVGOROD DISTRICT OF MOGILEV REGION ACCORDING TO 2014–2017 EXCAVATIONS

A. AVLASOVICH

The results of an archaeological study of the burial mounds are a valuable source for the reconstruction of migration processes, ethnocultural transformations, socio-political structure and the evolution of religious beliefs of the population of the 10th - 13th centuries. The designated region in ancient Russian time was inhabited by the Radimichi tribes, which is reflected in the written evidence of the Tale of Bygone Years (the primary chronicle) and excavation materials. However, a number of important questions remain, to which there are currently no definite answers. The question of the genesis of the Radimichi tribes, the time of their settlement in the Belarusian Posozhie, as well as the reconstruction of the processes of nationalization and Christianization of this territory should be considered the most important issue. To answer these questions, a comprehensive analysis of written sources, data from archeology, linguistics, ethnography and the use of natural scientific methods are required. Within the framework of this article, for the first time, the results of recent archaeological excavations are introduced into a wide scientific circulation, and their place in solving the questions posed is indicated.

Keywords: funeral rituals, barrow necropolis, cremation, inhumation, funeral feast, Christianization.

УДК 930.253+94(476)

СТАНОВЛЕНИЕ ПАРТАРХИВА ЦК КП(б)Б (1921 – 1941 гг.)

Т.Н. АГЕЕНКО

(Национальный архив Республики Беларусь, Минск)

Начало формирования архивной базы по истории КП(б)Б относится к 1921 г., когда при ЦБ КП(б)Б был создан Истпарт. Одними из основных его задач являлись сбор материалов по истории партии и революционного движения, рассмотрение вопросов сохранности партийных документов. Создание в 1929 г. партархива закрепило обособленное хранение партийных документов. На протяжении 1930-х гг. перед архивом стояли задачи комплектования документами партийных, комсомольских и других организаций, документами, имевшими отношение к истории партии и хранившимися у отдельных лиц; консультирования организаций по вопросам обработки и передачи документов на хранение; обеспечения сохранности документов, их использования путем выдачи архивных справок и подбора документов для Института истории партии при ЦК КП(б)Б.

Ключевые слова: Истпарт, партархив, комплектование, использование документов.

Введение. Документы, отложившиеся в результате деятельности КПСС и ВЛКСМ (в том числе КП(б) и ВЛКСМ(б)) стали составной частью Архивного фонда КПСС и поступали на хранение не в государственные, а в партийные архивы, научно-методическое руководство которыми осуществлял Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. После включения в 1992 г. партийных документов в состав Государственного архивного фонда, документы Центрального партархива ЦК КПБ поступили на хранение в Национальный архив Республики Беларусь. Однако научно-справочный аппарат к ним существенно отличался от принятого в государственных архивах и не в полной мере отвечал современным требованиям. Касается это и документов архивного фонда «Центральный партийный архив КПБ» (ф. 511п), в котором отсутствует историко-архивная справка к фонду. Кроме того, изучение этапов становления партархива ЦК КП(б)Б представляет профессиональный и познавательный интерес, т.к. в связи со степенью воздействия Коммунистической партии на все стороны жизни общества здесь оказались сконцентрированы уникальные источники, без которых невозможно ни одно исследование по истории Беларуси советского периода.

Основная часть. Организация архивного дела Компартии Беларуси относится к июню 1921 г., когда при Центральном Бюро (ЦБ) КП(б)Б была создана Комиссия по сбору и изучению материалов по истории КП(б)Б и Октябрьской революции (Истпарт) [1, с. 3]. Однако наладить систематическую работу в 1921 – 1923 гг. в связи с отсутствием опыта и нехваткой специалистов не удалось. Кроме того, наблюдались случаи небрежного отношения Истпарта к имевшимся у него материалам. Так, в 1923 г. были утеряны документы, переданные для выставки заграничным бюро Компартии Литвы. Часть из них найдена среди дел архива ЦБ КП(б)Б в измятом виде и беспорядке. В результате данного инцидента, секретарь Истпарта С. Полторжицкий писал в ЦБ, что отсутствие руководителя и коллегии превратило Истпарт в архив с документами, имеющими историческую ценность, но не используемыми должным образом [2, л. 65]. В связи с этим он предлагал все хранившиеся в Истпарте материалы направить в Москву.

В ноябре 1923 г. председателем Истпарта был назначен Д. Жилунович (ноябрь 1923 г. – июнь 1924 г.), который одновременно возглавлял Центрархив БССР, также была создана коллегия. На ее заседаниях рассматривались вопросы методологии выявления и сбора материалов, организации их хранения и использования. Кроме того, вопросы Истпарта поднимались перед ЦБ КП(б)Б. Так, на заседании бюро в ноябре 1923 г. Д. Жилунович указывал, что задачами Истпарта являлись систематизация архивных фондов, организация архивного дела в партийных учреждениях, поиск и сдача в историко-революционные отделения особо ценных документов. Им поднимался вопрос о передаче архива ЦБ в Центрархив и организации при нем историко-революционного отделения [3, с. 75]. Однако положительно урегулированное 25 декабря 1923 г. на заседании президиума ЦБ это решение было отменено 31 декабря на пленуме КП(б)Б.

К концу 1923 г. Истпартом были собраны материалы за 1917 – 1920 гг., в том числе и документы ЦБ КП(б)Б по 1922 г. включительно. Вместе с тем, никаких действий по приведению их в порядок не проводилось, условия хранения оставляли желать лучшего. С. Агурский, занимавший должность заведующего Истпартом с июня 1924 г. по сентябрь 1929 г., отмечал, что учреждение превратилось в информационное бюро, «куда стали обращаться за получением справок, касавшихся старинных архивных дел, того или иного отдела, дел правда, имевших свою историю, но историю не представляющую никакого интереса для Истпарта» [4, л. 4–8].

Важным документом, разграничивавшим функции Истпарта и Центрархива, было информационное письмо, направленное в апреле 1926 г. Истпартом ЦК ВКП(б) во все Истпартотделы. В нем подчеркивалось, что «Истпартотделы никаких архивных материалов (исключая партархивы) не собирают и не хранят – эти задачи относятся к компетенции Центрархива; все образованные до настоящего времени Истпартотделами собрания архивных материалов (исключая партархивы) должны быть в ближайшее время

переданы соответствующим органам Партархива» [5, л. 4]. Несмотря на распоряжения Москвы, белорусский Истпарт продолжал хранить и собирать материалы не только по указанной тематике.

В середине 1920-х гг. нередкими были случаи продажи партийных документов на рынке в качестве оберточной бумаги, уничтожения материалов при ликвидации окружкомов. Для устранения этих недостатков секретариат ЦК КП(б)Б 13 сентября 1925 г. принял постановление о необходимости улучшения работы по сохранению партархивов. Партийным комитетам поручалось назначить ответственных за эту работу.

На протяжении второй половины 1926 г. вопросы партархива неоднократно были предметом обсуждения на заседаниях секретариата ЦК. В октябре 1926 г. заведующим архивом ЦК КП(б)Б был назначен Я. Куник, а для временной работы направлен Крендель [6, лл. 59, 353]. Архив помещался в специально отведенной комнате, документы хранились на открытых полках.

В конце 1926 г. с предложением о создании Центрального партархива при ЦК КП(б)Б, а в округах при окружкомах – окружных отделах Центрального архива, выступил заведующий управлением делами Центральной Контрольной Комиссии (ЦКК) КП(б)Б Д. Бобрик. Он отмечал, что партийными органами БССР накоплено много материалов, которые необходимо сконцентрировать в одном месте; указывал на ненадлежащее хранение документов. На докладную записку, переадресованную из ЦК КП(б)Б в Истпарт, была наложена резолюция: «В ЦК ВКП(б), Истпарте вырабатывается общий план приведения архивов в порядок. Нужно подождать директив из Истпарта» [7, л. 18].

На состоявшемся в январе 1927 г. всесоюзном совещании заведующих истпартов принято решение организовать партийные архивы при ЦК, краевых, областных, губернских и окружных комитетах партии. В то же время отмечалось, что вопрос об упорядочении архивов рассматривался и прорабатывался в органах ЦК ВКП(б). Истпартам рекомендовалось принять все меры к сбору и хранению партийных архивов, ставя перед парткомами вопрос о материальных средствах (помещение, штат работников и др.) [8, с. 207].

В мае 1928 г. ЦК КП(б)Б принял решение о необходимости согласовывать с Истпартом уничтожение архивных материалов и переводе в Могилев ненужного для текущей работы архива ЦК КП(б)Б [9, л. 4]. Таким образом, постановление закрепляло за Истпартом функции куратора архивных вопросов в парторганизациях, а также заложило основу концентрированного и обособленного хранения документов партийного комплекса. Для архива было отремонтировано холодное, плохо отапливаемое помещение в здании Могилевского исторического музея, куда архив переехал осенью 1928 г. В Минске при Истпарте также существовал архив. Интересно, что занимавший в то время должность заведующего архивом А. Черняк в отчете за ноябрь 1928 г. указывал на свое незнание с архивной и канцелярской работой. Отвечая ему, С. Агурский писал, что основными задачами заведующего партархивом являются выдача справок в короткие сроки и приведение в порядок документов [10, л. 78]. Однако упорядочение документов проводилось медленно. В связи с отсутствием помещения для работы пользоваться фондами архива было сложно.

После слияния Истпарта и Института Ленина Оргбюро ЦК ВКП(б) 25 марта 1929 г. признало необходимым создать Единый партийный архив при Институте Ленина. 28 июня 1929 г. ЦК ВКП(б) утвердил «Положение о Едином партийном архиве», в соответствии с которым был организован партархив Истпарта ЦК КП(б)Б как Белорусское отделение Единого партийного архива ВКП(б). Его комплектование осуществлялось за счет документов партийных комитетов, контрольных комиссий, комсомольских организаций и фракций советских, профсоюзных и других учреждений, партийных документов, которые находились на хранении у отдельных лиц и имевших отношение к истории партии [11, с. 21].

Организация партархива совпала с реорганизацией Истпарта в научно-исследовательский институт по изучению истории КП(б)Б и революционного движения в Беларуси. Начатая по решению ЦК КП(б)Б в мае 1929 г., она была завершена к 1 октября. Партархив стал структурной частью Института истории партии и революционного движения при ЦК КП(б)Б [12, с. 116]. Техническое руководство могилевским отделением секретариат ЦК возложил на Могилевский окружком, научно-политическое оставалось за институтом [13, л. 284]. В ноябре 1929 г. заведующим партархивом был назначен В. Венюков, его заместителем в Минске – Я. Куник.

Основной задачей партархива на протяжении 1930-х гг. был прием документов на хранение и их учет. Много внимания уделялось консультированию местных парторганов о порядке обработки и передачи документов на хранение. Был разработан ряд методических документов, регулировавших эти вопросы. Однако, особенно в первой половине 1930-х гг., учреждения сдавали документы в необработанном виде.

На протяжении всего изучаемого периода очень сложным был кадровый вопрос. Чаще всего работники архива не имели специального образования. На первом месте при подборе были не профессиональные качества, а членство в партии. В 1930 г. Институт Ленина при ЦК ВКП(б) рекомендовал поменять заведующего архивом в связи с его большой загруженностью на другой работе, что привело к недостаточному вниманию к партархиву. На место заведующего предлагалось найти «выдержанного старого партийца, которому можно будет поручить заведывание партархивом и который будет всецело занят этой работой» [14, л. 3]. Помимо этого, ощущалась нехватка работников, а те, что были, использовались Могилевским РК КП(б)Б в своих целях (например, заведующего архивом направляли в район) [15, лл. 51–52]. В 1933 г. штат могилевского отделения состоял из двух слабо квалифицированных архивариусов и заведующего [16, л. 8], в 1938 г. – из двух научных сотрудников и трех архивно-технических [17, лл. 22–23].

В 1932 – 1934 гг. партархив возглавлял С. Клебанов. Однако, уже в апреле 1933 г. из-за болезни, отсутствия квартиры, он практически не приступил к работе. Неоднократно С. Клебанов обращался в партархив Института Маркса-Энгельса-Ленина (ИМЭЛ) и Института истории партии из-за трудностей в работе, особенно связанных с нехваткой работников (например, в 1934 г. в партархиве работал заведующий архивом и архивариус (она же машинистка в одном лице)), что препятствовало выполнению плана. Заведующий архивом писал, что в таких условиях его «работа» в архиве являлась лишней [18, л. 2]. С мая 1934 г. по сентябрь 1938 г. архив возглавлял И. Васильев. Только в 1934 г., после проверки ИМЭЛ, в партархиве был выделен секретный фонд архива в количестве 19 590 дел (до этого документы хранились в общепринятом порядке), ответственным за учет и хранение секретного фонда был назначен Срогович [19, лл. 13, 15–16].

До начала Великой Отечественной войны партархив размещался в Могилеве в здании обкома КП(б)Б. Рабочие комнаты располагались на первом этаже. В 1934 г. под хранилище были приспособлены подвальные помещения, установлены стеллажи, на окна – железные решетки, на двери – замки, приняты противопожарные меры, проведен первичный переучет архивных документов [20, лл. 37–39].

В связи с проверкой партдокументов на протяжении 1935 – 1936 гг. все внимание архива было отведено поиску информации для парторганов. В 1935 г. было рассмотрено 9 236 запросов и выдано 10 700 справок (в некоторых случаях на одного человека составляли несколько справок), в 1936 г. – более 5 000 справок. Организации запрашивали сведения о приеме в партию, прохождении чисток партии и подтверждении выдачи партбилетов. Кроме того, архивисты выявляли материалы компрометирующего характера [21, лл. 2–3]. Два работника партархива почти на протяжении всего года были оторваны от основной своей работы, выполняя специальные задания отдела руководящих партийных органов ЦК КП(б)Б по выявлению «замаскировавшихся врагов партии» [22, лл. 1–3].

В 1938 г. была утверждена структура расположения архивных материалов по архивохранилищам. Она состояла из отделов: центральных организаций КП(б)Б, губернских, окружных, городских, районных и первичных парторганизаций, заграничных и других партий, ЛКСМБ [23, лл. 8–9].

В связи с поступлением в архив большого количества документов в конце 1930-х гг. партархив столкнулся с нехваткой площадей, на что указывал научный работник М. Рай в докладной записке на имя директора Института истории партии. Он предлагал построить отдельное здание для партархива, а в случае невозможности – спроектировать корпус для архива в здании, которое планировалось построить для государственного архива. 21 августа 1938 г. по этому вопросу было принято постановление ЦК КП(б)Б о включении в смету строительства архивохранилища Центрального архивного управления БССР и корпуса для партархива [11, с. 27]. Но до начала войны вопрос с помещением для архива не был решен.

Постановлением бюро ЦК КП(б)Б от 16 июля 1938 г. Институт истории партии был ликвидирован. Партархив перешел в непосредственное ведение ЦК КП(б)Б и стал называться партактивом ЦК КП(б)Б. 26 сентября 1938 г. его заведующим назначили Ф. Попова (занимал эту должность до апреля 1955 г.) [24, с. 29].

В декабре 1938 г. на производственном совещании работников партархива был заслушан доклад о введении трудовых книжек и поднятии трудовой дисциплины. В нем отмечалось, что в рабочее время сотрудники ходили в буфет, много времени тратили на телефонные разговоры, уходили раньше времени, наблюдалась плохая общественная дисциплина. В результате, с 1 января 1939 г. был введен индивидуальный учет проделанной работы [25, лл. 1–2].

После принятия 2 декабря 1939 г. постановления Оргбюро ЦК ВКП(б) «О партийных архивах» все партархивы были переданы в ведение областных, краевых и республиканских комитетов партии. Определялись их основные задачи: комплектование, сохранение, научно-техническая обработка материалов партийных, комсомольских организаций и политотделов, изучение и разработка истории местных партийных организаций, справочная работа. 3 марта 1940 г. решением ЦК КП(б)Б в БССР были образованы партархивы при Минском, Витебском, Гомельском, Могилевском и Полесском обкомах КП(б)Б. Республиканский партархив прекращал прием документов местных партийных и комсомольских органов и организаций с 1936 г., поскольку ими стали комплектоваться созданные архивы [11, с. 27].

В 1940 г. рассматривался вопрос о переводе партархива из Могилева в Минск. Так, 19 октября 1940 г. в докладной записке на имя секретаря ЦК КП(б)Б П. Пономаренко, директор партархива Ф. Попов указывал, что необходимость этого вызвана сложностями обеспечения сохранности пересылаемых в большом количестве дел для ЦК КП(б)Б; необходимостью приближения партархива к центру научных сил Беларуси, что давало возможность активнее использовать материалы при разработке вопросов по истории КП(б)Б и БССР [26, л. 30–33]. Однако, до 26 июня 1941 г. архив оставался в Могилеве, откуда был эвакуирован в Москву, а затем – в Уфу.

Заключение. Таким образом, период становления партархива можно разделить на три этапа:

1. Июнь 1921 г. – октябрь 1926 г. Характеризовался сбором материалов по истории партии и революционного движения, рассмотрением вопросов сохранности партийных документов в связи с их уничтожением и продажей, попытками передачи материалов в Москву, историко-революционное отделение при Централархиве.

2. Октябрь 1926 г. – июнь 1929 г. Отмечен увеличением внимания к архивным вопросам со стороны ЦК и ЦКК КП(б)Б: назначен заведующий архивом ЦК, изменилось отношение Истпарта к архивной работе от безразличия к кураторству этих вопросов, архивные документы были перевезены в Могилев.

3. Июнь 1929 г. – июнь 1941 г. характеризовался окончательным обособлением партийных архивов от государственных, в работе основное внимание уделялось приему документов на хранение и их учету, документы использовали в идеологических целях. Произошло расширение круга задач, оказывалось больше внимания к работе партархива со стороны ИМЭЛ, Института Истории партии, были созданы филиалы партархива в областях, но так и не был решен вопрос собственного здания. Кроме того, существовала проблема нехватки площадей и квалифицированных кадров.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фонды бывших архивов Коммунистической партии Белоруссии: Краткий справочник : в 2 ч. / сост.: Г.С. Данилова, В.Д. Селеменев ; предисл.: В.Д. Селеменев, М.Ф. Шумейко. – Минск : НАРБ, 1997. – Ч. 1. – 104 с.
2. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 60 п. Оп. 1. Д. 3.
3. Шумейко, М.Ф. Деятельность Истпарта ЦК КП(б)Б по созданию источниковой базы историко-партийной науки в 1920-е годы / М.Ф. Шумейко // Археографический ежегодник за 1987 год. – М. : Наука, 1988. – С. 73-81.
4. НАРБ. – Ф. 60 п. Оп. 1. Д. 10.
5. НАРБ. – Ф. 60 п. Оп. 1. Д. 13.
6. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 1285.
7. НАРБ. – Ф. 60п. Оп. 1. Д. 16.
8. Письмо заведующего Истпартом ЦК ВКП(б) М. Савельева местным Истпартам // Пролетарская революция. – 1928. – № 2(73). – С. 205–208.
9. НАРБ. – Ф. 60п. Оп. 1. Д. 38.
10. НАРБ. – Ф. 60п. Оп. 1. Д. 35.
11. Агеенко, Т.Н. Комплектование партархива ЦК КП(б)Б в 1930-1941 гг. / Т.Н. Агеенко // Беларускі археаграфічны штогоднік. – 2019. – № 20. – С. 21–30.
12. Шумейко, М.Ф. Роль Белорусского Истпарта в собирании, сохранении и использовании архивов новейшей политической истории Беларуси / М.Ф. Шумейко // Архивы и делопроизводство. – 2011. – № 3. – С. 114–119.
13. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 4340.
14. НАРБ. – Ф. 60п. Оп. 1. Д. 51.
15. НАРБ. – Ф. 60п. Оп. 1. Д. 74.
16. НАРБ. – Ф. 511п. Оп. 1. Д. 18.
17. НАРБ. – Ф. 60п. Оп. 1. Д. 302.
18. НАРБ. – Ф. 511 п. Оп. 1. Д. 11.
19. НАРБ. – Ф. 60п. Оп. 1. Д. 187.
20. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 7419.
21. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 8577.
22. НАРБ. – Ф. 60п. Оп. 1. Д. 272.
23. НАРБ. – Ф. 511п. Оп. 2. Д. 106.
24. Шумейко, М.Ф. Археографическая подготовка и публикация документов КПБ/КПСС : метод. рекомендации / М.Ф. Шумейко. – Минск : БелНИИДАД, 2017. – 132 с.
25. НАРБ. – Ф. 511п. Оп. 2. Д. 13.
26. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 16921.

Поступила 30.10.2020

FORMATION OF THE PARTY ARCHIVE OF THE CENTRAL COMMITTEE OF THE COMMUNIST PARTY (BOLSHEVIKS) OF BELARUS (1921 – 1941)

T. AHEYENKA

The beginning of the formation of an archival base on the history of the Communist Party (Bolsheviks) of Belarus dates back to 1921, when the Istpart was created under the Central Bureau of the Communist Party (Bolsheviks) of Belarus. One of his main tasks was to collect materials on the history of the party and the revolutionary movement, to consider issues of preserving party documents. The creation of the party archives in 1929 consolidated the separate storage of party documents from other documents. Throughout the 1930-s. the archive was faced with the task of acquiring documents from party, Komsomol and other organizations, documents related to the history of the party and kept by individuals; advising organizations on the processing and transfer of documents for storage; ensuring the safety of documents; their use by issuing archival information and selecting documents for the Institute of Party History under the Central Committee of the Communist Party (Bolsheviks) of Belarus.

Keywords: *Istpart, party archive, acquisition, exploitation documents.*

УДК 719:06(476)"1991/2006"

АДМІНІСТРАЦЫЙНЫЯ ПАДЫХОДЫ ДА АХОВЫ НЕРУХОМЫХ МАТЭРЫЯЛЬНЫХ
ГІСТОРЫКА-КУЛЬТУРНЫХ КАШТОЎНАСЦЕЙ У 1991 – 2006 гг.
(НА ПРЫКЛАДЗЕ ДЗЕЙНАСЦІ МІНСКАГА, МАГЛЁЎСКАГА,
ГОМЕЛЬСКАГА АБЛАСНЫХ ВЫКАНАЎЧЫХ КАМІТЭТАЎ)

К.В. АНДРЭЙЧЫК

(Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт)

Разглядаецца практычны вопыт дзейнасці органаў дзяржаўнага кіравання абласнога тэрытарыяльнага ўзроўню па ахове нерухомых матэрыяльных гісторыка-культурных каштоўнасцей, выяўлена спецыфіка адміністрацыйна-эканамічных механізмаў аховы і рэалізацыі мерапрыемстваў па захаванні, утрыманні і рацыянальным выкарыстанні помнікаў прамысловай і грамадзянскай архітэктуры.

Ключавыя словы: органы ўлады, заканадаўства, дзяржаўнае рэгуляванне, дзяржаўная палітыка, гісторыка-культурныя каштоўнасці.

Уводзіны. З атрыманнем дзяржаўнага суверэнітэту ў Беларусі распачаўся доўгі працэс будовы нацыянальнай сістэмы аховы гісторыка-культурнай спадчыны, пад якой разумеецца комплекс адміністрацыйных, прававых і эканамічных мер, накіраваных на ўлік, захаванне, аднаўленне, утрыманне і выкарыстанне гісторыка-культурных каштоўнасцей. У законе ад 1992 г. “Аб ахове гісторыка-культурнай спадчыны” дзяржаўная палітыка вызначалася Вярхоўным Саветам Рэспублікі Беларусь, а рэалізоўвалася Саветам Міністраў праз спецыялізаваную інспекцыю па ахове гісторыка-культурнай спадчыны, на мясцовым тэрытарыяльна-адміністрацыйным узроўні рэалізацыя дзяржаўнай палітыкі ўваходзіла ў кампетэнцыю абласных выканаўчых камітэтаў. Планаваанне, каардынацыя і кантроль былі замацаваны за профільнымі ўпраўленнямі, камітэтамі і дэпартаментамі, якія часта рэструктурваліся. Кіраўніцтва кожнай вобласці краіны абіралася ўласны шлях аднаўлення нерухомых гісторыка-культурных каштоўнасцей.

Асноўная частка. Мінскі абласны выканаўчы камітэт, а таксама гарвыканкам пайшлі па шляху будовы бізнес-мадэлі ў аднаўленні гістарычнай часткі горада. Рашэннем ад 28 мая 1991 г. № 184 было створана ўпраўленне па кансервацыі і рэстаўрацыі помнікаў гісторыі і культуры Мінгарвыканкама. Ужо ў 1992 г. з мэтай прыцягнення сродкаў замежных інвестараў пачало працаваць акцыянернае таварыства адкрытага тыпу “Стары Менск”, на якое былі ўскладзены задачы па будаўніцтве, рэканструкцыі і прыстасаванні помнікаў. Упраўленне па рэстаўрацыі і кансервацыі было скасавана. У якасці фундатораў выступілі Мінскі гарвыканкам і Галоўрэстаўрацыя, якія мелі кантрольны пакет акцый [1, л. 13; 2, л. 73]. Выканкам меў права валодання, карыстання і здачы ў арэнду забудовы тэрмінам на 49 гадоў без права іншых форм распараджэння. АТ “Стары Менск” падпісаў дамовы аб стварэнні двух сумесных прадпрыемстваў з фірмамі Італіі і Вялікабрытаніі для рэканструкцыі і далейшай эксплуатацыі шасці будынкаў, будаўніцтва гатэля і ратушы. Памер інвестыцый склаў 22 млн \$. Усе затраты на рэканструкцыю і прыстасаванне неслі замежныя партнёры, а прыбытак размяркоўваўся ў роўнай прапорцыі. Такім чынам, была ўведзена мадэль акцыянавання аднаўленчых работ у цэнтрах гістарычнай забудовы з умовай захавання дзяржаўнай уласнасці на будынку. Ужо ў 1991 г. былі распачаты работы па рэстаўрацыі раёна гістарычнай забудовы “Верхні горад” і прыстасаванні яго для размяшчэння ўстаноў і арганізацый культуры, гандлю, турызму, грамадскага харчавання. Агульны кошт праекта склаў 450 млн руб. Работы праводзіліся па вул. Інтэрнацыянальнай, на пл. Свабоды, д. 19, 23 і гарадской ратушы. У 1993 г. завяршылася рэканструкцыя будынка дзіцячай музычнай школы, музея гісторыі мастацтва, распачата будаўніцтва па вул. Інтэрнацыянальнай, Герцэна. У ходзе рэстаўрацыйных работ у 1990 – 2000-х гг. было цалкам адноўлена першапачатковае аблічча Сабора Найсвяцейшага імя Прасвятой Дзевы Марыі, у якім ў 1990-х гг. знаходзіўся “Дом фізкультурніка”. У 1993 г. храм вярнулі каталіцкай царкве, у 1997 г. ён быў паўторна асвечаны. Знакавай падзеяй у рэвіталізацыі гістарычнай спадчыны Мінска стала будаўніцтва сімвала гарадскога самакіравання – ратушы, якая была знесена яшчэ ў 2-й палове XIX ст. У 2002 – 2004 гг. пад кіраўніцтвам архітэктара С. Баглава праводзілася ўзвядзенне будынка гарадской ратушы. На першым паверсе размешчаны выставачныя залы для экспазіцыі музея Мінска. У вялікай экспазіцыйнай зале ўсталяваны макет гістарычнага цэнтра горада пачатку XIX ст. пад шкляным купалам. На другім паверсе ратушы, дзе калісьці размяшчаўся магістрат, размяшчаецца зала для прыёма ганаровых гасцей і нарад. У 2004 г. дзверы ратушы адчыніліся для наведвальнікаў мастацкіх экспазіцый. Прылеглы да будынка сквер таксама быў рэканструяваны [2, л. 76].

Горадабудаўнічае планаваанне развіцця тэрыторыі сталіцы рэалізоўвалася ў межах генеральнага плана, “Плана функцыянальнага выкарыстання Мінска”. У 2004 г. Прэзідэнтам быў прыняты Указ № 330 “Аб развіцці гістарычнага цэнтра г. Мінска”. Буйныя тэмпы ўрбанізацыі вымагалі ад уладаў планаваць умовы для ажыццяўлення гаспадарчай і іншай дзейнасці, ствараць сістэмы інжынернай, транспартнай інфраструктуры, ажыццяўляць добраўпарадкаванне. Увага была скіравана на гістарычны цэнтр Мінска – “Верхні горад” з прылеглымі кварталамі ў межах вуліц Інтэрнацыянальнай – Гарадскога Вала – Нямігі – Ракаўскае і Траецкае прадмесці і тэрыторыя Мінскага замчышча, асноўная частка якога прымыкае да

р. Свіслач паміж вуліцай Багдановіча і Палацам спорту. З канца 1980-х гг. доўжылася рэстаўрацыя асабняка дваранскага і шляхецкага роду Ваньковічаў па вул. Інтэрнацыянальнай, 33А. У 2000 г. да 200-годдзя з дня нараджэння мастака музей быў адкрыты. Да гэтай даты было прымеркавана адкрыццё ў сядзібным доме пастаяннай экспазіцыі, якая дае магчымасць пазнаёміцца з працамі В. Ваньковіча і культурай беларускай сядзібы 1-й паловы XIX ст. Была адноўлена і сама сядзіба: пабудаваны флігель кіраўніка, брама, усталяваны помнік В. Ваньковічу.

У 2004 г. было ўтворана камунальнае будаўніча-эксплуатацыйнае ўнітарнае прадпрыемства “Мінская спадчына”. Заснавальнікам з’яўляўся Мінскі гарадскі выканаўчы камітэт. Галоўныя мэты прадпрыемства: рэканструкцыя, рэстаўрацыя аб’ектаў камунальнай уласнасці, размешчаных у кварталах гістарычнай забудовы “Верхні горад”, “Ракаўскае прадмесце” і “Траецкае прадмесце”; прыстасаванне аб’ектаў для размяшчэння офісаў, гадлёвых кропак, турыстычнай інфраструктуры, пошук новых інвестараў і партнёраў для рэалізацыі інвестыцыйных праектаў; кіраванне і здача ў арэнду, эксплуатацыя і ўтрыманне будынкаў. У адпаведнасці з рашэннем Мінскага гарадскога выканаўчага камітэта ад 29 снежня 2005 г. № 2320 з мэтай забеспячэння захаванасці нерухомай маёмасці камунальнай уласнасці арэндадаўца павінен быў страхавальніцтва арандаваную нерухомую маёмасць, а сродкі, атрыманыя па страхавой кампенсацыі, выкарыстоўваліся на рамонт арандаванай маёмасці. У 2000 г. уладамі было прынята рашэнне аб прыстасаванні былых карпусоў мужчынскага манастыра бернардынцаў да патрэб гатэлю (“Манастырскі”), аднак працы былі праведзены ў 2009 – 2014 гг. 15 красавіка 2004 г. было прынята рашэнне аб аднаўленні гасцініцы “Еўропа”. Першых пастаяльцаў гасцініца прыняла ў 2007 г. [3].

Яшчэ адным прыкладам прыцягнення сродкаў інвестараў стала ўтварэнне ў 1991 г. сумеснага беларуска-польскага прадпрыемства “Рэнаватум” (было ліквідавана ў 2014 г.). Міністэрства культуры выступіла заснавальнікам. Падобны вопыт быў пераняты ў Гродзенскай вобласці [4] Мэтай прадпрыемства было ажыццяўленне дзейнасці ў галіне аднаўлення, рэстаўрацыі, выкарыстання помнікаў гісторыі і культуры, каштоўнасцей і навакольнага асяроддзя, экскурсійна-турыстычнага і гандлёвага абслугоўвання на аснове падзелу працы і кааперацыі, аб’яднання намаганняў і сродкаў у навукова-тэхнічным, вытворчым, сацыяльным развіцці. Прадпрыемства займалася распрацоўкай навукова-даследчай, праектнай, каштарыснай дакументацыі помнікаў гісторыі і культуры і аб’ектаў новага будаўніцтва; навуковымі, тэхнічнымі, фізіка-хімічнымі, мікрабіялагічнымі даследаваннямі; распрацоўкай тэхналогій; патэнтавай справай; кансервацыйнымі, рэстаўрацыйнымі, мастацкімі, будаўнічымі работамі; камерцыйнай, асветніцкай, інфармацыйнай дзейнасцю на тэрыторыі краін-удзельніц і ў іншых краінах; стварэннем сістэмы культурна-турыстычных комплексаў і паслуг і іх выкарыстаннем; аказаннем паслуг з правам арэнды; будаўніцтвам, пакупкай і эксплуатацыяй гасцініц, транспартных сродкаў; аказаннем экскурсійна-турыстычных паслуг; прыняццем на баланс помнікаў гісторыі і культуры, стварэннем прадпрыемстваў будаўнічай індустрыі, вырабам інструментаў, абсталявання, матэрыялаў для выканання работ [5, л. 98].

Доля міністэрства ў фондзе прадпрыемства складала 28%. Аднак Закон “Аб уласнасці” забараняў Міністэрствам выступаць у якасці заснавальніка суб’ектаў гаспадарання недзяржаўнай формы ўласнасці. Таму ў 1996 г. Міністэрства культуры заявіла аб выхадзе са складу заснавальнікаў і перадала свае правы і долю маёмасці падведамаснай арганізацыі – Нясвіжскаму Нацыянальнаму гісторыка-культурнаму запаведніку. Паўнаважымі партнёрамі былі арэнднае прадпрыемства “Беларускі рэстаўрацыйна-праектны інстытут”, арэнднае прадпрыемства “Мінскае абласное рэстаўрацыйнае ўпраўленне”, з польскага боку – Дзяржаўнае прадпрыемства “Майстэрні па рэстаўрацыі помнікаў даўніны”, Фонд культуры Рэспублікі Польшча. Агульная колькасць сродкаў статутнага фонду ад Рэспублікі Беларусь складала 64%. Польскім бокам была праведзена рэстаўрацыя былога заезнага двара, ратушы, асобных будынкаў гістарычнай забудовы горада [5, л. 75]. Архіўныя крыніцы сведчаць аб частых выпадках парушэння ахоўнага заканадаўства. Даволі “пакутлівым” аказаўся “Верхні горад”. Абранне камерцыйнага шляху засваення тэрыторыі прывяло да страты часткі гістарычнай забудовы. У выніку праверак Пракуратурай было высветлена, што мелі месца парушэнні ў працэдурцы выдачы зыходна-дазваляльных дакументаў, узгадненні праектна-каштарыснай дакументацыі на рэстаўрацыйныя і іншыя работы. Сітуацыя была абцяжарана адсутнасцю зацверджанага спіса аб’ектаў, якія падлягалі ахове і, як вынік, поўнай немагчымасцю прыцягнення віноўных да адказнасці. Напрыклад, было выяўлена, што кіраўніцтва Камітэта па рэстаўрацыі і кансервацыі помнікаў гісторыі і культуры аднаасобна прымала рашэнні аб правядзенні работ без узгаднення з навукова-метадычнай Радай, напрыклад, па помніку архітэктуры і горадабудаўніцтва рэспубліканскага значэння па вул. Герцэна, 2а (тэрыторыя “Верхняга горада”). У 1997 г. аўтэнтчны помнік быў разабраны, а на яго месцы з’явілася новабудова. У ходзе праверак была выяўлена праектна-каштарысная дакументацыя не на аднаўленне і рэстаўрацыю, а на новае будаўніцтва. З грубым парушэннем закона вяліся работы па рэканструкцыі будынкаў па вул. Інтэрнацыянальнай, д. 31, 31а, 33, 33б. Перад пачаткам работ не былі праведзены даследаванні манументальнага жывапісу і інтэр’ераў. ААА “Трайпл”, з’яўляючыся ўласнікам д. 10 у “Ракаўскім прадмесці”, атрымаў узгадненне на работы, у выніку помнік страціў аўтэнтнасць і атрымаў прыбудовы. Неаднаразова эксперты падкрэслівалі, што правядзенне праектна-рэстаўрацыйных работ у гістарычным цэнтры Мінска адбыліся не ў адпаведнасці з зацверджаным горадабудаўнічым праектам рэканструкцыі ўсяго “Верхняга горада”, канцэпцыі рэканструкцыі і прыстасавання, праектаў новага будаўніцтва, добраўпарадкавання тэрыторыі і інжынернага забеспячэння. Рэканструкцыя і прыстасаванне помнікаў сталі служыць інтарэсам камерцыі,

у выніку выдаваліся дазволы і помнікі зносіліся, аднаўляючыся з новых матэрыялаў. Акты прававерак Пракуратуры сведчаць, што ў 1998 г. без узгаднення з Навукова-метадычнай радай Камітэтам былі выдадзены дакументы па аб'ектах: Палац Румянцавых-Паскевічаў, Гарадская Ратуша ў Нясвіжы, Ратуша з гандлёвымі радамі ў Шклове. У 1994 г. быў адобраны праект па разборцы і аднаўленні будынкаў на пл. Свабоды № 19, 21 нанова. Будынкi былі знесены, новыя пабудовы прыстасавалі для кропак харчавання, гандлю, паслуг. У 1994 г. знеслі будынак (жылы дом XVIII – XX стст.) па вул. Інтэрнацыянальнай, 5, на яго месцы пабудавалі гатэль “Еўропа”. Па ацэнцы Пракуратуры былі знішчаны помнікі па вул. Інтэрнацыянальная, 25, Герцэна, 6, Вызвалення, 5, вул. Камсамольская дд. № 5, 7, 9, 16. Помнікі былі знесены, а ўзведзеныя новабудоўлі аказаліся па памерах больш за былыя. Уласнікі аб'ектаў хацелі атрымаць ільготы на праектныя ці рэстаўрацыйныя работы, аднак з-за страты аўтэнтычнасці помнікі страчвалі свае ўласцівасці каштоўнасцей.

Інтэнсіўнае бізнес-засваенне гістарычнага цэнтра горада вымушала мясцовыя улады прымаць экстраардынарныя рашэнні з мэтай развіцця інфраструктуры. Вострай крытыцы падвяргалася рэалізацыя праекта ўзвядзення шматузроўневай паркоўкі на вул. Няміга, якая павінна была вырашыць праблему недахопу парковачных месцаў, у сувязі з будаўніцтвам новых аб'ектаў у гэтай частцы горада [6, с. 3].

Акты прававерак фіксавалі парушэнні ахоўнага заканадаўства па Мінскай вобласці [7, л. 162]. Да прыкладу, на тэрыторыі гісторыка-культурнага запаведніка “Заслаўль” пад пагрозай апынуліся нерухомыя каштоўнасці (X, XI, XVII, XVIII стст.). Заслаўскім выканкамам ў 1997 г. было падпісана ахоўнае абавязальства ў дачыненні да ўсіх каштоўнасцей, акрамя Спаса-Праабражэнскай царквы. Мясцовымі ўладамі без прававерання даследчых работ, узгаднення дакументацыі было прынята рашэнне аб пачатку работ па рэканструкцыі пажарнага вадаёму, праектавання рэканструкцыі ёмістасці для захоўвання нафтапрадуктаў на тэрыторыі гісторыка-культурнай каштоўнасці “Гістарычны цэнтр Заслаўля”. Без дазволу былі пабудаваны ёмістасці нафтабазы, дарожная інфраструктура. Без увагі мясцовых улад застаўся помнік археалогіі X ст. “гарадзішча Замэчак”. На помніку вялася некантралюемая гаспадарчая дзейнасць. Каля вала была ўзведзена лазня і іншыя шматлікія гаспадарчыя і жылыя пабудовы. Лазня была знесена толькі пасля вынясення прадпісання Пракуратуры. У паўночнай частцы на схіле гарадзішча знаходзіліся агароды жыхароў, вёўся выпас жывёлы. Аналагічныя парушэнні заканадаўства выяўлены пракурорскімі прававеркамі ў Барысаўскім, Уздзенскім, Дзяржынскім раёнах [7, л. 165].

Рэстаўрацыю помнікаў архітэктуры і горадабудаўніцтва па Гомельскай вобласці курывала камунальнае вытворчае ўнітарнае прадпрыемства “Гомельрэстаўрацыя”, утворанае ў 1980 г. у структуры аблвыканкама. У канцы 1990 г. сумесна Гомельскім і Магілёўскім аблвыканкамамі пры ўдзеле Міністэрства культуры былі створаны камісіі па абследаванні тэхнічнага стану і распрацаваны мерапрыемствы па захаванні нерухомай спадчыны населеных пунктаў, якія пацярпелі ад аварыі на ЧАЭС. На тэрыторыі 10 раёнаў Гомельскай вобласці знаходзіліся 362 помнікі археалогіі, 97 помнікаў архітэктуры. Фінансаванне ажыццяўлялася за кошт сродкаў, якія вылучаліся на пераадоленне наступстваў аварыі ў адпаведнасці з Нацыянальнай праграмай пераадолення наступстваў чарнобыльскай катастрофы на 1993 – 1995 гг. і да 2000 г. За гэты час было выяўлена больш за 60 археалагічных аб'ектаў, вялася праца ў 12 з 16 пацярпелых раёнаў. З 1992 г. праводзілася экспертыза ўсіх архітэктурных помнікаў Веткаўскага і Гомельскага раёнаў, што дазволіла прадухіліць разбурэнне помнікаў. Праекты зон аховы распрацоўваліся ў Быхаўскім, Касцюковіцкім, Клімавіцкім раёнах. Аднак з-за згортвання фінансавання былі скончаныя работы ў шэрагу сядзібна-паркавых ансамбляў: у Нароўлі, в. Дзям’яні (Добрушскі раён), в. Галоўчыцы (Нараўлянскі раён), в. Барысаўшчына (Хойніцкі раён). Прычынамі маруднага тэмпу аднаўлення было недастатковае развіццё рэстаўрацыйнай базы, тэхналогіі дэактывацыі помнікаў, недахоп спецыялістаў [8, с. 188].

У 1993 г. пачалася праца ў палацава-паркавым комплексе Козел-Паклеўскіх у Чырвоным Беразе (Жлобінскі раён). У 1994 г. даследаваны стан помнікаў драўлянага дойлідства. За кошт дзяржаўнага фінансавання, мясцовага бюджэту, дапамогі прадпрыемстваў былі адноўлены будынак ратушы ў Чачэрску, помнік драўлянага будаўніцтва ў Нароўлі з прыстасаваннем пад музеі. За кошт мясцовага бюджэту адноўлена Праабражэнская царква ў Чачэрску. У 2003 г. за кошт рэспубліканскага бюджэту быў скончаны першы этап рэстаўрацыі палаца Румянцавых-Паскевічаў, у адчыненым корпусе размясцілася экспазіцыя “Уласнікі Гомельскага Палаца Румянцавых-Паскевічаў”. Мясцовыя органы ўлады ініцыравалі збор сродкаў праз аб’яўленне латарэі і ў 2004 г. была праведзена рэстаўрацыя ляпнога дэкору галоўнага корпуса [7, л. 45]. Праводзіліся работы ў касцёле Прасвятой Тройцы ў Рэчыцы (1998 – 2006 гг.), Свята-Успенскім праваслаўным саборы (1999 – 2003 гг.), устаноўлены купал на царкве Усіх Святых у Тураве (2005 г.). Былі закансерваваны Палац Горватаў у Нароўлі, калегіум езуітаў у в. Юравічы (Калінкавіцкі раён), сядзібны комплекс Дарыя-Дзерналовічаў у Карме, сядзіба ў в. Хальч (Веткаўскі раён). Такім чынам, з пачатку 1990-х гг. ахова нерухомай спадчыны Гомельскай вобласці праводзілася па наступных кірунках: выяўленне і фіксацыя нерухомай спадчыны зоны, пацярпелай ад аварыі. Да ліку буйных аб'ектаў, на якіх былі праведзены рэстаўрацыйныя работы, адносяцца Палац Румянцавых-Паскевічаў у Гомелі, ратуша ў Чачэрску, рэстаўрацыя культурных будынкаў, кансервацыя сядзібных комплексаў [9; 10, л. 143].

Тэмпы аднаўлення нерухомай спадчыны Магілёўскай вобласці у пач. 1990-х гг. адрозніваліся ад паказчыкаў па іншых абласцях. Гэта было выклікана неабходнасцю пераразмеркавання сродкаў абласнога бюджэту на ліквідацыю наступстваў ад аварыі на ЧАЭС. Радыёактыўнаму забруджванню падверглася 14

раёнаў Магілёўскай вобласці: Бялыніцкі, Бабруйскі, Быхаўскі, Кіраўскі, Клімавіцкі, Клічаўскі, Касцюковіцкі, Краснапольскі, Крычаўскі, Круглянскі, Магілёўскі, Слаўгарадскі, Чавускі, Чэрыкаўскі. У зоне, пацярпелай ад ЧАЭС, апынулася 46 помнікаў архітэктуры, 576 помнікаў археалогіі, 63 брацкія магілы. Савет Міністраў звяртаўся да Міністэрства па надзвычайных сітуацыях і абароне насельніцтва за фінансавай дапамогай (долевым удзеле ў рэстаўрацыі нерухомах гісторыка-культурных каштоўнасцей) у межах дзеяння праграмы па мінімізацыі і пераадоленні наступстваў Чарнобыльскай катастрофы на 1996 – 2000 гг. Аднак атрымаў адмову па прычыне фінансавання толькі жыллёва-камунальнага будаўніцтва [11, л. 116]. У канцы 1990 г. сумесна Гомельскім і Магілёўскім аблвыканкамамі пры ўдзеле Міністэрства культуры былі створаны камісіі па абследаванні стану і распрацаваны мерапрыемствы па захаванні нерухомай спадчыны населеных пунктаў, якія пацярпелі ад аварыі на ЧАЭС. У выніку правядзення выратавальных экспедыцый па адселеных вёсках у экспазіцыйны сектар “Падняпроўе” Беларускага дзяржаўнага музея архітэктуры і побыту былі перавезены будынкі з в. Бракава Слабада (Чавускі раён), ветраны млын з в. Зелянец (Хоцімскі раён). У зоне радыёактыўнага забруджвання Магілёўскай вобласці ў першыя гады праводзілася дэактывацыя ўсіх жылых, грамадскіх, адміністрацыйных і гаспадарчых будынкаў, ажыццяўляўся вялікі аб’ём работ па добраўпарадкаванні населеных пунктаў [12, с. 542].

Ахову нерухомай спадчыны Магілёўскай вобласці курывала Галоўнае ўпраўленне архітэктуры і горадабудаўніцтва і ўпраўленне культуры і інфармацыі. Пастановай Савета Міністраў ад 17.01.1991 г. было ўтворана ўпраўленне па рэстаўрацыі і кансервацыі помнікаў гісторыі і культуры Магілёўскай вобласці. Асаблівацю арганізацыйна-кіраўніцкага механізму аховы нерухомах каштоўнасцей Магілёўшчыны стала стварэнне рамонтна-рэстаўрацыйных і праектных падраздзяленняў у структуры ўпраўлення па рэстаўрацыі. Да 2000-х гг. было сфарміравана 4 арганізацыі: “Магілёўрэстаўрацыя”, УПКП “Цэнтр па рэстаўрацыі” камітэта па будаўніцтве, інвестыцыям і будаўнічай індустрыі аблвыканкама, ААТ “ЖАН”, ППМ “ІКАН” (г. Меціслаўль). У межах вобласці асноўны акцэнт па аднаўленні нерухомай спадчыны быў зроблены на г. Магілёў і г. Шклоў. У апошнім з нагоды падрыхтоўкі да святкавання “Дажынак-99” быў праведзены комплекс работ па Шклоўскай ратушы са сродкаў рэспубліканскага бюджэту, а рамонтныя работы ў іншых гарадскіх аб’ектах фінансаваліся з мясцовага бюджэту [13, с. 19; 210, л. 20]. Для ажыццяўлення рэстаўрацыі рыхтавалася абласная і гарадская праграма “Спадчына”, якая ўключала мерапрыемствы па аднаўленні і прыстасаванні аб’ектаў, развіццю культуры, сеткі музеяў. Крокам на шляху аднаўлення спадчыны Магілёва стала прыняцце Саветам Міністраў пастановы “Аб зацвярджэнні праекта зон аховы гістарычнага цэнтра г. Магілёва” № 25 ад 19.10.2005 г. У ахоўную зону былі ўключаны тэрыторыя замку, гандлёвая плошча і вакольны горад (Стары горад) у межах вала XVII – XVIII стст. (вул. Камсамольская). Ахоўная зона была вызначана для захавання старажытнай вулічнай сеткі. У ахоўныя зоны культурнага пласта ўваходзяць бескурганны могільнік XII – XIII стст. на тэрыторыі існуючага парку імя Горкага; тэрыторыя гарадзішча I тысячагоддзя да н.э. - XIII ст.; урочышча Змеёўка; тэрыторыі былых Задубровенскага, Траецкага і Пахроўскага пасадаў. Усяго на тэрыторыі абласнога цэнтра налічваецца 56 нерухомах каштоўнасцей. Пераважная колькасць аб’ектаў была прынята да аховы ў 1998 г. [13; 12, с. 442].

У 1997 г. у структуры Магілёўскага аблвыканкама быў утвораны каардынацыйны савет па пытаннях захавання гісторыка-культурнай спадчыны. Падобны вопыт быў пераняты ў Брэсцкай вобласці [15]. Рашэннем Магілёўскага аблвыканкама № 2–8 ад 13 студзеня 2005 г. “Аб каардынацыйным савете па пытаннях захавання гісторыка-культурнай спадчыны” быў сфарміраваны новы склад, які ўключаў 13 дарадцаў. Старшынёй савета быў прызначаны намеснік старшыні Магілёўскага аблвыканкама А.Т. Глаз. Асноўныя функцыі падраздзялення ўключалі распрацоўку і разгляд перспектывных і бягучых праграм па рэстаўрацыі, аднаўленні, рэканструкцыі, рэгенерацыі, навуковых даследаванняў і абследаванняў гісторыка-культурных каштоўнасцей і іх выкарыстанне; садзейнічанне Міністэрству культуры Рэспублікі Беларусь па ахове гісторыка-культурнай спадчыны Рэспублікі Беларусь у ажыццяўленні ім функцый па захаванні, аднаўленні і выкарыстанні гісторыка-культурных каштоўнасцей; разгляд і ўзгадненне праектаў рэстаўрацыі найбольш важных архітэктурных аб’ектаў, уключаных у Дзяржаўны спіс гісторыка-культурных каштоўнасцей дзяржавы, рэстаўрацыі цэнтраў гістарычнай забудовы гарадоў і гарадскіх пасёлкаў вобласці; ажыццяўленне арганізацыйна-метадычнага кіраўніцтва дзейнасцю гарадскіх і раённых выканаўчых камітэтаў па захаванні матэрыяльнай і духоўнай спадчыны; разгляд прапановаў і заяў юрыдычных і фізічных асоб па паляпшэнні сістэмы аховы, захавання і папулярызацыі гісторыка-культурнай спадчыны і прыняцце мер па іх рэалізацыі. Ахова гістарычнай спадчыны ўключала аднаўленчыя работы на помніках архітэктуры, добраўпарадкаванне тэрыторый грамадскага карыстання, мемарыялізацыю памяці аб падзеях ВАВ [16; 14, с. 23]. Яскравай падзеяй у культурным жыцці горада стала аднаўленне страчанай архітэктурнай спадчыны – Магілёўскай ратушы, якая была знішчана ў 1957 г., адноўлена ў 2008 г. Падрыхтоўчыя работы расцягнуліся амаль на 16 гадоў. Сімвалічная закладка каменя адбылася ў 1992 г., толькі ў першай палове 2000-х гг. была падрыхтавана праектна-каштарысная дакументацыя. З апорай на архіўныя крыніцы за кароткі тэрмін з’явілася новая архітэктурная дамінанта – будынак на плошчы Славы. Будаўніцтва пачалося ў 2007 г. і скончана ў 2008 г. З моманту адкрыцця ў будынку размешчаны Музей гісторыі Магілёва. Улічваючы, што будынак з’яўляецца копіяй, законам ён не прыняты пад ахову і гісторыка-культурнай каштоўнасцю не з’яўляецца [17].

Заклучэнне. Такім чынам, кіраўніцтва тэрытарыяльна-адміністрацыйных адзінак абірала ўласныя эکانамічныя механізмы аховы і захавання нерухомай спадчыны. Напрыклад, у Мінскай вобласці мясцовыя ўлады

выступілі заснавальнікамі акцыянерных таварыстваў (“Стары Менск”, “Мінская спадчына”), стымулявалі прыцягненне сродкаў замежных інвестараў (беларуска-польскае прадпрыемства СП “Рэнаватум”), якое выконвала аднаўленчыя работы з далейшай здачай аб’ектаў у арэнду. Спецыфіка Магілёўскай і Гомельскай абласцей вызначалася ў дзейнасці вытворчых унітарных прадпрыемстваў у структуры аблвыканкамаў (“Гомельрэстаўрацыя”, “Магілёўрэстаўрацыя”). У Гомельскай вобласці практыкавалі прыцягненне пазабюджэтных сродкаў праз абвясчэнне латарэй. Аналіз дакументаў Міністэрства культуры дазволіў меркаваць, што фінансаванне аднаўленчых работ Гомельскай і Магілёўскай абласцей адбывалася за кошт уласных абласных сродкаў. Недасканалы кантроль з боку улад за ходам аднаўленчых работ прыводзіў да страты аб’ектамі іх аўтэнтычнасці. Рэалізацыя мерапрыемстваў на лакальным узроўні ў межах горадабудаўнічай палітыкі спрыяла эстэтызацыі і добраўпарадкаванню населеных пунктаў і тэрыторый, прымушала карыстальнікаў і ўласнікаў нерухомых матэрыяльных каштоўнасцей да падтрымання іх у належным стане, садзейнічала акцэнтацыі ўвагі на асобныя помнікі, архітэктурныя комплексы, гістарычную забудову як архітэктурныя дамінанты пэўнай лакацыі, папулярызаванні ведаў аб гісторыка-культурнай спадчыне, садзейнічала развіццю сацыяльнай, гарадской, турыстычнай інфраструктуры, добраўпарадкаванню тэрыторый грамадскага карыстання, тым самым аказвала станоўчае ўздзеянне на эканамічнае і культурнае аздаравленне населеных пунктаў краіны. Нерухомыя гісторыка-культурныя каштоўнасці, як аб’екты дзяржаўнай маёмасці, выступалі інструментам актывізацыі прадпрыемальніцкай дзейнасці.

ЛІТАРАТУРА

1. Дзяржаўны архіў Мінскай вобласці (ДАМВ). – Ф. 2316. Воп. 5. Спр. 12.
2. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 7. Воп. 12. Спр. 666.
3. Мінская спадчына [Электронны ресурс]. – Режим доступа: <http://spadchina.by/istoriya-predpriyatiya.html>. – Дата доступа: 12.05.2019.
4. Андрейчик, Е.В. Охрана недвижимых историко-культурных ценностей в регионах Беларуси в 1990-е – начале 2000-х гг. (на примере Гродненской области) / Е.В. Андрейчик // Ученые записки Таврич. нац. ун-та им. В.И. Вернадского. Сер. Историч. науки. – 2020. – Т. 31(70), № 1. – С. 46–53.
5. НАРБ. – Ф. 7. Воп. 16. Спр. 3642.
6. Дзянісаў, У. Страсці вакол Малага гасцінага / У. Дзянісаў // Звязда. – 25 снежн. – 1999. – С. 3.
7. НАРБ. – Ф. 7. Воп. 16. Спр. 2549.
8. Чернобыль: взгляд праз дзесяцігоддзе / Пад рэд. Я.В. Малашэвіч. – Мінск : Беларус. Энцыкл., 1996. – 319 с.
9. Бородачева, Г.И. Вечно юный древний Гомель : контрольный текст экскурсии / Г.И. Бородачева. – Минск : УП «Национальное агентство по туризму». – 2008. – 54 с.
10. НАРБ. – Ф. 7. Воп. 12. Спр. 1194.
11. НАРБ. – Ф. 7. Воп. 12. Спр. 2257.
12. Дзяржаўны спіс гісторыка-культурных каштоўнасцей Рэспублікі Беларусь / склад.: В.Я. Абламскі, І.М. Чарняўскі, Ю.А. Барысюк. – Мінск : БЕЛТА, 2009. – 684 с.
13. НАРБ. – Ф. 7. Воп. 16. Спр. 2548.
14. Володько, Л.А. Вдоль по Ленинской пройдем : контрольный текст экскурсии / Л.А. Володько. – Минск : УП «Национальное агентство по туризму», 2008. – 79 с.
15. Андрэйчык, К.В. Дзейнасць міжведамаснага каардынацыйнага савета па ахове матэрыяльнай і духоўнай спадчыны Брэсцкага абласнога выканаўчага камітэта (1997 – 2001 гг.) / К.В. Андрэйчык // Весн. МДУ ім. А.А. Куляшова. Сер. А, Гуманіт. навукі. – 2020. – № 1(55). – С. 46–53.
16. Андрэйчык, К.В. Ахова і выкарыстанне матэрыяльных нерухомых помнікаў гісторыі і культуры ў Рэспубліцы Беларусь у 1991 – 2001 гг.: планаванне і мерапрыемствы мясцовых улад / К.В. Андрэйчык // Романовские чтения – 13 : сб. ст. междунар. научн. конф., посвящ. 105-летию МГУ им. А.А. Кулешова, Могилев, 25–26 окт. 2018 г. / под общ. ред. А.С. Мельниковой. – Могилёв : МГУ им. А.А. Кулешова, 2019. – С. 110–111.
17. О координационном совете по вопросам сохранения историко-культурного наследия [Электронный ресурс] : решение Могилев. обл. исполн. ком., 13 янв. 2005 г., № 2–8 // Право. Законодательство Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://pravo/dcm03317.htm>. – Дата доступа: 25.03.2018.

Паступіў 12.11.2020

ADMINISTRATIVE APPROACHES TO THE PROTECTION OF IMMOVABLE MATERIAL HISTORICAL AND CULTURAL VALUES IN 1991-2006 (ON THE EXAMPLE OF THE MINSK, MOGILEV, GOMEL REGIONAL EXECUTIVE COMMITTEES)

K. ANDREICHYK

Examines the practical experience of government management of the regional territorial level of governance for the protection of immovable material historical and cultural values, the specificity of administrative-economic mechanisms of protection and implementation of measures for the conservation, maintenance and rational use of monuments of civil and industrial architecture.

Keywords: government bodies, legislation, state regulation, state policy, historical and cultural values.

УДК : 630.3(091)(476) + 630.86(091)(476)

НАРЫХТОЎКА ДРАЎНІНЫ І ЛЕСАХІМІЧНЫЯ ПРОМЫСЛЫ Ў ТРАДЫЦЫЙНАЙ КУЛЬТУРЫ ЛЕСАКАРЫСТАННЯ БЕЛАРУСАЎ (ПЕРШАЯ ТРЭЦЬ XX ст.)

А.Ю. БАБІЧ

(Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт)

Вызначаны напрамкі развіцця лесахімічнага і лесанарыхтоўчага промыслаў у гістарычным кантэксце першай траціны XX ст. Характарызуюцца такія традыцыйныя віды лесакарыстання, як лесанарыхтоўка, смалакурэнне, гонка дзэгцю, вывальванне вугалю. Разгледжаны асаблівасці арганізацыі лесахімічнай вытворчасці ў першай трэці XX ст., звернута ўвага на значэнне лесапрамысловай дзейнасці ў гаспадарчым жыцці беларускага сялянства. Паказаны ўплыў сацыяльна-эканамічных і палітычных фактараў на сістэму лесакарыстання беларусаў.

Ключавыя словы: этналогія, лесакарыстанне, традыцыі, промысел, драўнінныя рэсурсы, лесахімічныя промыслы, саматужны промысел, прамысловая кааперацыя, арцель.

Уводзіны. Нарыхтоўка драўніны ўяўляе сабой важнейшую культурную форму лесакарыстання. Паказальна, што тэрмін “лесакарыстанне” працягла час звязваўся толькі з выкарыстаннем драўніны як асноўнага ляснога рэсурсу, а праславянская форма *lěszь*, па меркаваннях даследчыкаў, першапачаткова вызначала ‘будаўнічы матэрыял’, што генетычна суадносіцца з лацінскім *lignum* ‘драўніна, матэрыял’ [1, с. 287–288]. Для традыцыйнай сялянскай гаспадаркі драўніна служыла ўніверсальным прыродным рэсурсам, які выкарыстоўваўся для будоўлі жылля і гаспадарчых пабудоў, уцяплення і асвятлення жылля, вырабу транспартных сродкаў, мэблі, посуду. Для шэрагу промыслаў драўніна была ўнікальным сыравінным рэсурсам, які нельга было замяніць іншымі матэрыяламі. Са спажываннем драўніны былі звязаны лесахімічныя промыслы: выпальванне вугалю, гонка смалы і дзэгцю, вытворчасць паташу. Смала выкарыстоўвалася для прасмолкі рыбацкіх лодак, канатаў, рыбакоўных нератаў; паташ ужываўся ў фармацэўтыцы і кандытарскай вытворчасці, быў неабходны для мыцця воўны, адбельвання і фарбавання тканін, шкларобства і мылаварэння. Дзэгаць прымяняўся ў гарбарстве, пры вырабе сырамятнай скуры, для змазкі калёсных восяў; вугаль – у кавальскай справе і металургіі. Сырацечную саснову смалу – жывіцу – выкарыстоўвалі ў фармацэўтыцы, з яе выраблялі белы вар для смалення лодак, драгвы, друкарскую фарбу, перапрацоўвалі на каніфоль і шкіпінар.

Асноўная частка. Напачатку XX ст. значная колькасць сялянскага насельніцтва займалася сезоннай працай на лесапавале, першаснай апрацоўкай драўніны і перавозам яе да месцаў лесасплаву і чыгуначных станцый. Агульная колькасць сялян, што прымалі ўдзел у лясных промыслах, да гэтага часу прыкметна скарацілася ў параўнанні з тымі ж паказчыкамі канца XIX ст. Разам з тым заробкі іх у грашовым выражэнні павялічыліся ў 2-3 разы [2, с. 466]. Найбольш развітыя лясныя промыслы былі ў Мінскай губерні, дзе імі штогод займаліся 60-80 тыс. работнікаў. У той жа губерні ў перадаенныя 1912 і 1913 гг. сумарны гадавы прыбытак наёмных работнікаў у галіне лясных промыслаў перавысіў адпаведны паказчык 1905 г. у 2 разы (табліца).

Табліца. – Стан лясных промыслаў у Мінскай губерні (пачатак XX ст.) [3–9]

Уліковая дата	1905	1906	1908	1910	1911	1912	1913
Колькасць занятых рабочых (чал.)	69 243	61 171	67 040	84 890	89 467	69 596	68 176
Сумарны гадавы прыбытак (руб.)	1 240 789	1 113 036	1 250 840	1 711 590	1 395 290	2 632 150	2 716 249

Напачатку XX ст. драўніну з Мінскай губерні адпраўлялі чыгункай у Прусію, Рыгу, Варшаву, Лібаву, Вільню і Херсон, сплаўлялі па Прыпяці і Нёмане на Мемель, па Прыпяці, Дняпру і Бярэзіне – у Кіеў, Паўднёвую і Паўднёва-Заходнюю часткі Расіі [10, с. 113–114; 11, с. 63].

Значная частка сялян вырабляла лясныя матэрыялы – брусы, шпалы, кроквы, бандарную клёпку, абады да колаў, санныя палазы. Паводле ўспамінаў М. Ганчарыка, напачатку XX ст. у яго роднай вёсцы Клянік Ігуменскага павета Мінскай губерні сяляне займаліся калёсным і санным промыслам. У многіх дварах мелася парня для вырабу абадоў, палазоў ці дугаў. Гатовыя вырабы вазілі прадаваць на кірмаш у Мінск [12, с. 16–17].

Парада дрэва мела непасрэдную сувязь з далейшым прызначэннем вырабаў. Беларускія бондары ўлічвалі розныя механічныя і хімічныя ўласцівасці драўніны: цвёрдасць, трываласць, пластычнасць,

устойлівасць да разбурэння, здольнасць вытрымліваць рэакцыі браджэння і перадаваць спецыфічны арамат прадуктам, якія захоўваюцца ў бондарным вырабе [13, с. 78]. У залежнасці ад віду (пароды) і якасці дрэва вызначалася яго далейшае выкарыстанне. З дуба рабілі аснову для фундамента хаты; клёпкі і днішчы, прызначаныя для бондарнага посуду; калодзежныя зрубы; дэталі воза (восі, ручкі, спіцы ў колы, пярэчкі ў драбіны і інш.); калы для платоў і жэрдак; зубы для бараны і інш. Бяроза выкарыстоўвалася для вырабу насілак (шасты для нашэння коп сена), лапат для гумна, апраў (ложа) для стрэльбы, верацён, абвязкі на вулі і борці на зіму, асобных частак павозкі (калодкі, аглоблі) і інш. Галоўнымі вырабамі з ясеню былі абады для колаў і палазы для саней [14, с. 161, 163–164]. Дрэва для калодных вулляў, якія рабілі пераважна са смалістых і зрэдку з іншых парод, маглі спецыяльна ссушваць, дзеля чаго знізу вакол ствала здымалі кару [15, с. 428].

Да пачатку XX ст. выраб смалы, дзэгцо, вугалю значна скараціўся ў сувязі з заменай сасновай смалы і дзэгцо змазачнымі масламі з нафты, паташу – содай, драўніннага вугалю – каменным. Вытворчасць паташу спынілася зусім [16, с. 128]. Прадукцыя ішла пераважна на мясцовыя патрэбы. Сыравінай для атрымання лесахімічнай прадукцыі служылі розныя пароды хвойных і ліставых дрэў [17, с. 85]. Смалу выкурвалі з хваёвага асмолу, нарыхтоўка якога была традыцыйным промыслам жыхароў лясных вёсак у веснавую і восеньскую пару. Лепшым лічылі спелы пнёвы асмол з карчоў старых хвой, што праляжалі ў зямлі некалькі гадоў. Выкарыстоўвалі таксама стваловы асмол з ніжняй часткі дрэва і павалу. Прасушаныя карчы раскоўвалі на кавалкі – асмол (*лучына*, *лучыва*) – даўжынёй каля 1 м [16, с. 129].

Найбольш старажытны – ямны альбо майданны спосаб смалакурэння – існаваў на Беларусі да канца XIX ст. У XX ст. майданы канчаткова былі выцеснены. На змену ім прыйшлі спачатку цагляныя печы, пазней – печы з жалезным катлом, і нарэшце – рэртортная ўстаноўка (з вялікім вертыкальным цыліндрычным катлом). І цагляныя печы, і печы з жалезным катлом, і рэрторты дазвалялі вырабляць не толькі смалу, але і шкпінары ды вугаль. А.А. Дзевегагін характарызуе Западны раён Расійскай імперыі, які ўключаў і беларускія губерні, як *важны цэнтр смалакурэння* да Першай сусветнай вайны [18, с. 12]. Найбольшая частка шкпінараў, які вырабляўся ў беларускіх губернях напачатку стагоддзя, прызначалася на экспарт у Германію, Англію і іншыя краіны, у той час як смала рэалізоўвалася пераважна на ўнутраным рынку.

Гонка дзэгцо з бяросты ажыццяўлялася некалькімі спосабамі: у ямах-майданах, кучах (вогнішчах), вялікіх гліняных гаршках. Апошні спосаб апісаў І.А. Сербай. Прыстасаванне ўяўляла сабой печ з гліны і цэгля (“гаршок”) вышынёй $3\frac{1}{4}$, дыяметрам $2\frac{1}{2}$ аршына, па абодвух баках якога размяшчаліся кажухі з люхтамі. У гаршку спераду, уверсе і ўнізе рабіліся невялікія акенцы, а ўнутры ад падлогі праходзіла труба праз пласт зямлі ў прыямак, дзе стаяла карыта для дзэгцо. Смалавыя сухія карчы праз акенцы накладвалі ў гаршок да верху. Калі печ такім чынам была насаджана, вокны закладаліся цаглянамі і шчыльна замазваліся глінай. У кажухах разводзіўся моцны агонь. Смала ў чыгунах тлела, і дзэгаць па трубе ішоў найпрост у карыта [19, с. 16].

Сацыяльна-эканамічныя і палітычныя падзеі, якія адбываліся на Беларусі ў першыя дзесяцігоддзі XX ст., прывялі да значнага памяншэння лясных рэсурсаў краю. У 1920-я гг. у БССР ажыццяўляецца шэраг мерапрыемстваў па ўліку лясоў. Гэта было абумоўлена імкненнем дзяржаўнага кіраўніцтва ўпарадкаваць сістэму лясной гаспадаркі для далейшай інтэнсіўнай працоўкі, а таксама захавання і аднаўлення ляснога фонду. Праведзеныя мерапрыемствы выявілі значнае скарачэнне лясных масіваў. З 1914 па 1923 г. плошча лясоў на тэрыторыі БССР у межах 1921 г. (Бабруйскі, Барысаўскі, Ігуменскі, Мазырскі, часткова Мінскі і Слуцкі паветы) скарацілася на 9,2% і складала 1 792 525 дзесяцін (у 1914 г. – 1 974 243 дзесяцін) [20, с. 1–2]. Крытычная сітуацыя з ляснымі ўгоддзямі склалася ў Віцебскай губерні, большасць паветаў якой былі вернуты ў 1924 г. БССР. Згодна з данымі 1927 г., лясістасць Аршанскай і Віцебскай акруг была самай нізкай па рэспубліцы – пакрытыя лесам плошчы складалі адпаведна 16,5% і 14,9% ад іх тэрыторыі [21, с. 6]. У больш спрыяльным становішчы знаходзілася Полацкая акруга, якая разам з Мазырскай і Мінскай уваходзіла ў тройку найбольш багатых лесам частак БССР. Адзначым, што ў 1923–24 гг. толькі з Мазыршчыны было вывезена 5 млн пудоў лясных грузаў чыгункай і 2,5 млн пудоў – па рэках [22, с. 20].

Каб задаволіць патрэбы сялян у драўніне, а таксама дзеля падтрымкі сельскай гаспадаркі ў 1924 г. з агульнага ляснога фонду БССР былі вылучаны і перададзены сялянам у “бестэрміновае і дармавое карыстанне” лясны мясцовага значэння. На 1928 г. плошча лясоў мясцовага значэння складала 516 073 га (альбо 16% лясоў дзяржаўнага значэння) [23, с. 11]. Аднак сельскае насельніцтва, як і раней, адчувала дэфіцыт у драўніне, што прыводзіла да самавольных вырубак. Паводле Е.П. Міхасенкі, у лясках мясцовага значэння аб’ёмы самавольна высечанага лесу не саступалі памерам санкцыянаванага штогадовага водпуску драўніны [24, с. 7]. У канцы 1920-х гг. з мэтай паляпшэння арганізацыі лясной гаспадаркі, у прыватнасці ў сферы лесааховы і лесааднаўлення, а таксама для ўпарадкавання сістэмы размеркавання драўнінных рэсурсаў было прынята рашэнне аб перадачы лясоў мясцовага значэння камунам, саўгасам і калгасам у бестэрміновае і бясплатнае карыстанне.

У 1920-я – 1930-я гг. вясковае насельніцтва БССР шукала дадатковых прыбыткаў, у тым ліку і на вырубцы, пілаванні, вывазе лесаматэрыялаў. М. Азбукін вызначаў выключную ролю драўнінных лясных

рэсурсаў для Беларусі, з прычыны таго, што лес даваў галоўны прадукт вывазу, базу для фабрычнай прамысловасці, магчымасць для заробкаў сялянству на павале лесу, дастаўцы яго на рум і сплаве [22, с. 20]. Значная колькасць сялян была занята на лесахімічных промыслах: карчавала пні, выпальвала вугаль, здабывала смалу, гнала дзёгаць і шкіпінар. Шмат людзей адпраўлялася на сезонныя заробкі (з глыбокай восені і на працягу зімы) у больш лясныя раёны краіны [25, с.30].

Работнікі адной спецыялізацыі аб'ядноўваліся ў арцелі. Напрыклад, у мястэчку Лагойск Мінскай акругі ў 1928 г. працавала даволі вялікая арцель гантаўшчыкоў (61 чалавек) [26, с. 31]. Кустарнае смалакурэнне мела ў 1920-я гг. у савецкай Беларусі дробнапрамысловую форму. У Бабруйскім раёне дзейнічалі 4 смалакурныя арцелі “Смаласкіп”, падпарадкаваныя Белкаапрамсавету (вв. Скачок, Брожа, Гарадзецкая, Казулічы). У мястэчку Асіповічы з 1933 г. дзейнічаў смалакурны завод-арцель “Чырвоны Хімік” (114 чалавек) [27, с. 4–5]. Развіццю прамысловай кааперацыі спрыяў пераход да новай эканамічнай палітыкі і прыняцце ў 1921 г. дэкрэту СНК РСФСР “Аб прамысловай кааперацыі”, які вызначыў пачатак перыяду адноснай свабоды дзейнасці кааператывных арганізацый у савецкай Беларусі. Каапераванне саматужнікаў у галіне лясных і лесахімічных промыслаў матывавалася больш выгоднымі ўмовамі на закупку сыравіны. Згодна з пунктам А Ляснога Кодэкса ў рэдакцыі ад 16 кастрычніка 1924 г., аб'яднання ў арцелі саматужнікі, якія ўваходзілі ў сістэму лясной і прамысловай кааперацыі, атрымлівалі патрэбную для іх вытворчасці драўніну па таксавых коштах, на тых жа ўмовах, на якіх яе атрымлівала мясцовае сельскае насельніцтва [28, с. 143]. У той час як прыватнікі не маглі спадзявацца на падобныя ільготы. У дакуменце 1926 г. Лясным Кіраўніцтвам паведамляецца: “... *смалярэм, не аб'яднаўшымся у таварыства, ці арцель саматужнікаў, ніякіх праў на зьніжэння цэн на смалье і дрывы законам не дадзены...*” [29, л. 80].

Развіццё лесахімічных промыслаў геаграфічна абумоўлівалася станам лясістасці і наяўнасцю драўніны патрэбнай якасці. Напрыклад, са змяншэннем лясістасці было звязана слабае развіццё лесахімічнай вытворчасці ў Аршанскай акрузе [30, с. 2].

Савецкім кіраўніцтвам была пастаўлена мэта стварэння замест саматужнай вытворчасці адзінага дзяржаўнага прамысловага сектару народнай гаспадаркі. Ужо ў снежні 1929 г. дзяржаўны сектар складаў 35% усёй вытворчасці смалы і шкіпінару, 55% выраблялі каапераваныя саматужнікі і толькі 10% – прыватнікі. У 1928 г. адпаведна – 6,6%, 32,4% і 61%. Адбывалася паступовае ўзбуйненне лесахімічнай прамысловасці. Напрыклад, у Бабруйскім Хімлесгасе ў 1933 г. працавала 335 чалавек [27, с. 8–9].

У 1920-я – 1930-я гг. на Беларусі мелася каля 370 рэртортных устаноў з гадавым цыклам работ, якія ўваходзілі ў сістэму Беларускага саюза саматужна-прамысловай кааперацыі. У 1926 – 1927 гг. у Барысаўскім раёне налічвалася 14 смалакурных заводаў і 10 лесапілак пры млынах і сукнавальнях [31, с. 59]. У канцы 1920-х гг. на Беларусі ўзнік новы від лесахімічнай вытворчасці на кааператывнай аснове – здабыванне сырацечнай смалы – жывіцы, галоўным чынам шляхам падсочки сасны. У 1929 г. адкрыліся Навабеліцкі каніфольна-экстракцыйны, а ў 1930 г. – Барысаўскі каніфольна-шкіпінарны заводы, дзе з жывіцы выраблялі каніфоль і шкіпінар [27, с. 22–25].

У 1930-я гг. Беларусь з'яўлялася адным з найбольш значных раёнаў смалакурнай вытворчасці ў СССР. Тут здабывалася 30% смалы і 40% шкіпінару ад іх агульнай колькасці па СССР [17, с. 88]. У сувязі з пераходам на планавую эканоміку і курсам на індустрыялізацыю краіны, з канца 1920-х гг. і да 1940-х гг. лесапрамысловы сектар стаў важнай крыніцай сродкаў для набыцця машын і абсталявання. У асобныя гады нарыхтоўкі драўніны ў БССР даходзілі да 25 млн м³/год, а ў сярэднім складалі 18 млн м³ [32, с. 55].

Інтэнсіўныя лесараспрацоўкі адбываліся ў 1920-я – 1930-я гг. у заходняй частцы Беларусі, што ўваходзіла ў склад Польшчы. Паводле статыстычных даных, звыш 50% вырубленых у Польшчы лясоў у міжваенны перыяд прыходзілася на Віленскае, Навагрудскае і Палескае ваяводства [33, с. 14]. Да канца міжваеннага перыяду Палессе заставалася самым лясістым ваяводствам Польскай рэспублікі паводле агульнай плошчы, нягледзячы на сур'ёзнае і пастаяннае змяншэнне лясных абшараў. Адзінкавыя буйныя прамысловыя прадпрыемствы, якія дзейнічалі там у міжваенны перыяд, былі звязаны з дрэваапрацоўкай (фанерныя і запалкавыя фабрыкі). Прадукцыя, што выраблялася на іх, мела вялікае значэнне ў маштабах усёй краіны [34, с. 219]. За межы лесапрамыслоўцы набывалі лес на карню і наладжвалі інтэнсіўную лесанарыхтоўку пасродкам пашырэння сеткі вузкакалейных чыгунак (600 км) і лесапільных заводаў. Значныя маштабы лесанарыхтоўчай дзейнасці пацвярджаюць і статыстычныя даныя: за 1919 – 1935 гг. па двума ваяводствам (Навагрудскаму і Палескаму) плошча лясоў скарацілася прыблізна на 316,4 тыс. га [33, с. 14].

У Заходняй Беларусі лясы адыгрывалі важную ролю ў якасці крыніцы дадатковых даходаў, якія атрымлівала сельскае насельніцтва пры іх эксплуатацыі (напрыклад, арганізаваныя высечкі і вываз драўніны). Для жыхароў вёскі значэнне заняткаў, звязаных з лесанарыхтоўкай, падвышалася адносна высокімі заробкамі і тым фактам, што найбольшую інтэнсіўнасць гэтыя работы набывалі ў зручны для вяскоўцаў зімовы час [34, с. 219–220]. На тэрыторыі Заходняй Беларусі была створана даволі дасканалая сістэма кантролю і аховы лясоў ад несанкцыянаванай эксплуатацыі. Піліп Засім у сваім эканамічным і сацыяльным даследаванні в. Шані Пружанскага павята напачатку 1930-х гг. адзначае, што крадзяжы лесу раней былі звычайнай справай, аднак такія злачынствы амаль спыніліся па прычыне суровых пакаранняў [35, с. 417].

Рост узроўню злачынасці, звязанай з лесакарыстаннем, назіраўся падчас эканамічнага крызісу першай паловы 1930-х гг. У сувязі са змяншэннем у некалькі разоў заробкаў у галіне лесапрацоўкі вырасла колькасць парушэнняў у гэтай сферы. У міжваенны перыяд на тэрыторыі Заходняй Беларусі функцыянавала 44 смалакурні, якія былі абсталяваныя пераважна так званымі “латышскімі” печамі [36, с. 81].

Заклэчэнне. Такім чынам, у ландшафтнай гісторыі Беларусі перыяд першай трэці XX ст. адзначаны істотным змяншэннем лясістасці тэрыторыі. Так, у 1900 і 1922 гг. дадзены паказчык складаў адпаведна 37 і 22% (знізіўся з 1900 па 1914 г. на 4% і з 1914 па 1922 г. – на 11%). Фарміраванне такой неспрыяльнай для прыроднага асяроддзя сітуацыі ў сферы выкарыстання лясных рэсурсаў (у першую чаргу – драўнінных) адбывалася пад уплывам працяглых ваенных дзеянняў, змены улады і нестабільных грамадска-палітычных абставін, раздзялення і ўваходжання частак тэрыторыі Беларусі ў склад розных дзяржаўных утварэнняў. Палітычныя і сацыяльна-эканамічныя падзеі першай трэці XX ст. прывялі да рэарганізацыі (ў савецкай Беларусі) альбо рэканструкцыі (у Заходняй Беларусі) існуючай лесагаспадарчай сістэмы. Асноўнымі кірункамі структурнай рэарганізацыі лесагаспадарчага комплексу ў БССР сталі нацыяналізацыя прыродных рэсурсаў і цэнтралізацыя кіравання.

У першай трэці XX ст. лесахімічныя промыслы (смалакурэнне, гонка дзэгцю і шкіпінару, выпальванне вугалю) захоўваліся пераважна ў форме саматужнага промыслу. Эканамічныя пераўтварэнні перыяду НЭПа спрыялі развіццю дробнапрамысловай кааперацыі ў галіне лесахімічных промыслаў. Канец 1920-х гг. азначыў пераход на шлях фарміравання ў БССР адзінага дзяржаўнага лесапрамысловага комплексу і паступовага ўзбуйнення лесахімічнай прамысловасці.

Нарыхтоўка драўніны і лесахімічныя промыслы з’яўляліся важнай крыніцай прыбытку для беларускага насельніцтва і дазвалялі часткова альбо цалкам кампенсаваць дэфіцыт бюджэту сялянскай сям’і. Сялянскае насельніцтва займалася сезоннай працай на лесапавале, першаснай апрацоўкай драўніны і перавозам яе да месцаў лесасплаву і чыгуначных станцый, карчавала пні, выпальвала вугаль, здабывала смалу, гнала дзёгаць і шкіпінар. Несанкцыянаваныя вырубкі лясоў беларускімі сялянамі найчасцей былі абумоўлены аб’ектыўнай патрэбай у драўніне, а таксама імкненнем пашыраць свае сельскагаспадарчыя ўгоддзі.

ЛІТАРАТУРА

1. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа. – Мінск : Навука і тэхніка. – Т. 5: К-Л / Уклад. В.У. Мартынаў, І.І. Лучыц-Федарэц ; рэд. В.У. Мартынаў. – 1978. – 320 с.
2. Гісторыя сялянства Беларусі са старажытных часоў да нашых дзён : у 3 т. – Мінск : Беларуская навука. – Т. 2: Гісторыя сялянства Беларусі ад рэформы 1861 да сакавіка 1917 г. / З.Е. Абергауз [і інш.] ; пад рэд. В.П. Панюціча. – 2002. – 552 с.
3. Памятная книжка Минской губернии на 1907 год. – 1906. – 200, 207, [3] с.
4. Памятная книжка Минской губернии на 1908 год. – 1907. – 200, 163, [3]с.
5. Памятная книжка Минской губернии на 1910 год. – 1909. – 192, 187, III с.
6. Памятная книжка Минской губернии на 1912 год. – 1911. – 224, 211, III с.
7. Памятная книжка Минской губернии на 1913 год. – 1912. – [532 с.]
8. Памятная книжка Минской губернии на 1914 год. – 1913. – 240, 189, III с.
9. Памятная книжка Минской губернии на 1915 год. – 1914. – 232, 185, III с.
10. Памятная книжка Минской губернии на 1902 год. – 1901. – 218, 208 с.
11. Памятная книжка Минской губернии на 1911 год. – 1910. – 224, 138, II с.
12. Ганчарык, М.М. Шлях ад пачатку стагоддзя: Успаміны / М.М. Ганчарык. – Мінск : ННАЦ імя Ф.Скарыны, 2003. – 290 с.
13. Титов, В.С. Народные деревообрабатывающие промыслы Белоруссии (1917–1941). Этнографические очерки бондарного промысла и изготовления транспортных средств / В.С. Титов. – Минск : Наука и техника, 1976. – 135 с.
14. Пяткевіч, Ч. Рэчыцкае Палессе / Ч. Пяткевіч. – Мінск : Беларускі кнігазбор, 2004. – 670 с.
15. Никифоровский, Н.Я. Очерки простонародного жителя-бывтца в Витебской Белоруссии и описание предметов обиходности : (этнографические данные): с географическим видом Витебской губернии и четырьмя чертежами в тексте / Н.Я. Никифоровский. – Витебск : Губ. тип., 1895. – 552 с.
16. Беларусы : у 8 т. – Мінск : Навука і тэхніка. – Т. 1: Прамысловыя і рамесныя заняткі / рэдкал.: В.К. Бандарчык, М.Ф. Піліпенка, В.С. Цітоў. – 1995. – 351 с.
17. Промыслы і рамёствы Беларусі / В.К. Бандарчык [і інш.] ; рэдкал.: В.К. Бандарчык, В.І. Мясешка, М.Ф. Піліпенка / Акад. навук Беларусі. ССР, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору. – Мінск : Навука і тэхніка, 1984. – 190 с.
18. Деверягин, А.А. Очерк смолокурения и сухой перегонки в России до войны / А.А. Деверягин. – М. : Выш. сов. нар. хоз., 1918. – 91 с.
19. Сербов, И.А. Поездки по Полесью 1911 и 1912 года / И.А. Сербов. – Вильна : Сев.-Зап. Отд. Императ. русс. географ. общ-ва, 1914. – 51 с.
20. Седашев, Я.Н. Лесное хозяйство в Белорусской Советской Социалистической Республике / Я.Н. Седшев. – Минск : Нар.ком.землед. ССРБ, 1923. – 15 с.
21. Седашев, Я.Н. Богата ли Белоруссия лесом? / Я.Н. Седашев. – Гомель : Тип. «Полеспечать», 1928. – 16 с.
22. Азбукін, М. Мазырская акруга / М. Азбукін // Наш край: штомесячнік Цэнтральнага Бюро Краязнаўства пры Інбелкульце. – 1928. – № 8(35) – 9(36). – С. 4–21.

23. Міхасенка, Е.П. Лясы мясцовага значэння на Беларусі і карыстанне імі / Е.П. Міхасенка. – Мінск : Белдзяржвыд, 1929. – 34 с.
24. Міхасенка, Е.П. Лясы ў калгасах / Е.П. Міхасенка. – Мінск : Белдзяржвыд, 1930. – 40 с.
25. Кулакоў, Т.П. Эканамічны стан Азарыцкага раёну, Мазырскай Акругі / Наш край: штомесячнік Цэнтральнага Бюро Краязнаўства пры Інбелкульце. – 1929. – № 5(44). – С. 28–36.
26. Самцэвіч, В. Мястэчка Лагойск (Менскай акругі) / В. Самцэвіч // Наш край: штомесячнік Цэнтральнага Бюро Краязнаўства пры Інбелкульце. – 1928. – № 4 (31). – С. 25–32.
27. Спіс прамысловых прадпрыемстваў БССР / Кіраўн. нар.-гасп. учота БССР. – Гомель : Палесдрук, 1935. – Вып. 1. – 541 с.
28. Квятковский, М. Кустарная деревообделочная промышленность / М. Квятковский // Кустарная промышленность СССР : сб. ст. и материалов. / Пром.-экон. Совет ВСНХ СССР ; под ред. С.П.Середы.– М. : Изд-е Цент. Управ-я Печати ВСНХ СССР, 1925. – Вып. 1. – С. 132–144.
29. Зональный государственный архив в г. Полоцке. – Ф. 288. Оп. 1. Д. 4.
30. Кустарная промышленность : материалы к IX Пленуму Оршанского окружного исполнительного комитета / Орш. окруж. план. комиссия. – Орша : Изд-во Орш. окруж. испол. ком., 1927. – 16 с.
31. Самцэвіч, В. Нарыс эканамічнага становішча Барысаўскага раёну / В. Самцэвіч // Наш край: штомесячнік Цэнтральнага Бюро Краязнаўства пры Інбелкульце. – 1927. – № 6(21) – 7(22). – С. 53–59.
32. Багинский, В.Ф. Состояние и перспективы лесопользования в Республике Беларусь / В.Ф. Багинский // Научный вестник. – 2004. – Вып. 14.5.–1. Лісознавство, лісівніцтва, лісова наука і освіта. – С. 54–57.
33. Кухарев, Б.Е. Сельское хозяйство Западной Белоруссии (1919 – 1939 гг.) / Б.Е. Кухарев ; под ред. И.Н. Шемякина. – Минск : Выш.шк., 1975. – 112 с.
34. Ціхарцкі, П. 3 гісторыі “вялікай дэпрэсіі” на Палессі: эканамічны крызіс першай паловы 1930-х гг. у Палескім ваяводстве і спробы яго пераадолення / П. Ціхарцкі // ARCHE Пачатак. – 2013. – № 4. – С. 211–229.
35. Засім, П. Шані, вёска Пружанскага павета. Эканамічнае і сацыяльнае даследаванне / П. Засім // ARCHE Пачатак. – 2013. – № 4. – С. 359–419.
36. Mironowicz, E. Bilorus / E. Mironowicz. – Warszawa : TRIO, 1999. – 298 s.

Паступіў 09.12.2020

TIMBER CUTTING AND WOOD CHEMICAL CRAFT IN THE TRADITIONAL FOREST MANAGEMENT CULTURE OF BELARUSIANS (FIRST THIRD OF THE 20TH CENTURY)

A. BABICH

The article defines the directions for the development of wood-chemical crafts and logging in the historical context of the first third of the 20th century. Such traditional types of forest use are characterized as logging, distillation of wood resin, race of tar, charring. The features of the organization of wood-chemical production in the first third of the XX century are considered. Attention is drawn to the importance of forestry activities in the economic life of the Belarusian peasantry. The influence of socio-economic and political factors on the forest management system of the Belarusians is shown.

Keywords: *ethnology, forest management culture, traditions, crafts, wood-chemical crafts, logging, distillation of wood resin, race of tar, charring, wood harvesting, artel.*

УДК 930(476)«19»:001«1954/1963»

КООРДИНАЦИЯ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИСТОРИКОВ БССР (1954 – 1963 гг.)*канд. ист. наук, доц. В.А. БЕЛОЗОРОВИЧ**(Гродненский государственный университет им. Я. Купалы)*

В статье раскрывается процесс координации научной деятельности историков Беларуси в 1954 – 1963 гг. – в период разработки концепции отечественной истории советского периода. Утверждается, что актуальность проблематики научных работ, в основном кандидатских диссертаций, формировалась через проведение республиканских совещаний ученых, создание Научного совета по координации при Институте истории Академии наук Белорусской ССР. Подробно характеризуется ход проводимых мероприятий, участники дискуссий, актуальная проблематика работ. Исследование основано на неопубликованных документах из Центрального научного архива Национальной академии наук Беларуси (фонды 3, 6) и Национального архива Республики Беларусь (фонд 4п). Сделан вывод о зависимости исторических исследований от проводимой партийной политики. Прослежена руководящая и контролирующая роль со стороны ЦК КПБ.

Ключевые слова: *история Беларуси, историография истории Беларуси, историческая наука Беларуси, институт истории, Координационный совет.*

Введение. Вопрос о координации научной деятельности в исторической науке БССР приобрел актуальность в 1950-е гг., что было обусловлено расширением кадрового состава ученых, необходимостью перехода к изучению крупных тем, нарастающим давлением со стороны коммунистической партии на характер научных исследований. Послевоенный период характеризуется органическим сочетанием истории и государственных структур в единую советскую общественно-политическую систему. История, помимо фундаментальной, выполняла идеологическую функцию, следуя интересам правящей партии. При этом сформировались различные средства общественного воздействия на историков: финансирование исследований, издание работ, доступ к неопубликованным источникам, контроль над проблематикой работ и др. Исследователи должны были стремиться сохранить «чистоту марксистско-ленинского мировоззрения», неукоснительно следовать ленинским принципам классовости и партийности.

В первое послевоенное десятилетие перед отечественной исторической наукой стояла задача подготовки обобщающей работы по истории БССР. Она была возложена на сотрудников Института истории Академии наук Белорусской ССР и преподавателей минских высших учебных заведений. Контроль осуществлялся со стороны Центрального комитета Коммунистической партии Белоруссии (ЦК КПБ). Разработка концепции истории Беларуси для двухтомной, а затем пятитомной «Истории Белорусской ССР» требовала корректирующих действий.

Основная часть. После издания в 1954 г. первого тома «Истории Белорусской ССР» стала очевидной необходимость координации исследований, проводимых учеными республики. До 1960 г. она решалась в форме совещаний историков. Одно из первых состоялось 27 мая 1954 г. в Минске при участии 53 человек. Академик В.Н. Перцев во вступительном слове обратил внимание присутствующих на необходимость «отказаться от кустарных методов работы, от случайных тем и от подчинения тем индивидуальным интересам научных работников» [1, л. 6]. Научная деятельность должна быть организованной и скоординированной, чтобы сохранялась актуальность исследований, отсутствовала повторяемость тем. В.Н. Перцев указал на рост значимости коллективных работ при изучении истории городов, например, истории г. Минска, истории экономики, истории социально-политических отношений, истории культуры. Организаторы совещания планировали получить ответы на два вопроса: о темах научных исследований аспирантов и преподавателей вузов; о разработке истории городов Беларуси [1, л. 8]. Также Институт истории нуждался в информации о состоянии научной работы в отдельных научных учреждениях республики, степени разработанности белорусскими историками самых важных проблем истории, подготовке коллективных работ.

В своем выступлении заведующий сектором истории Белоруссии советского периода Н.В. Каменская отметила, что отечественные историки, вооруженные «животворной теорией марксизма-ленинизма», совершили радикальный поворот в научном познании, приступив к изучению истории народов СССР в советский период. Помимо «Истории Белорусской ССР» в двух томах были подготовлены к изданию сборники документов по периоду 1900 – 1917 гг. (т. III), периоду установления советской власти и образования БССР (т. IV). Сотрудники института развернули работу над монографиями, посвященными следующим проблемам: формирование белорусской буржуазной нации, рабочего класса, крестьянское движение в эпоху империализма, история Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны, история Великой Отечественной войны и др. Из больших коллективных тем в стадии завершения находилась важная проблема – «История Минска». Требовали разработки вопросы истории колхозного движения в БССР, союза рабочего класса и крестьянства, формирования белорусской социалистической нации. Из

уст Н.В. Каменской прозвучала критика в адрес отдельных вузов республики, включая Белорусский государственный университет им. В.И. Ленина и Минский государственный педагогический институт им. М. Горького. Историк считала, что профессорско-преподавательский состав «игнорирует» историю советского периода. Так, в пединституте из шести заявленных тем не было ни одной по истории советского периода, а в БГУ из шестнадцати тем только пять имели отношение к советской эпохе. Формулировка многих исследовательских тем историков в Брестском, Витебском, Гомельском, Гродненском, Могилевском педагогических институтах носила неконкретный характер, например, «Эсеры на службе у англо-франко-американских империалистов». Н.В. Каменская предложила подготовить коллективные работы к юбилейным датам, посвященным 50-летию революции 1905 – 1907 гг., 40-летию Октябрьской революции 1917 г. [1, л. 9–14].

Проблему разработки истории городов Беларуси осветил старший научный сотрудник А.М. Карпачев. В отличие от Н.В. Каменской, сумевшей «обойти» научные идеологизмы предшествующего двадцатилетия, историк оперировал положениями и цитатами из «Краткого курса истории ВКП(б)», работы И.В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР». Историк обратил внимание на роль истории городов в воспитании народа в духе советского патриотизма [1, л. 15, 16]. А.М. Карпачев отметил недостаточную разработку истории белорусских городов, указав единичные исследования А.И. Горбкова («История гор. Гомеля в советский период (1917 – 1948 гг.)»), В.Р. Тарасенко (раскопки Минского замчища), В.В. Шатилю («Минск в годы Первой русской революции»), А.Т. Нетьлькина («Минск во второй половине XIX в.»), В.Г. Гневко («Минск в годы первой пятилетки») [452, л. 19]. Затем кратко изложил концепцию коллективной работы Института истории АН БССР «История Минска» и высказал пожелание о дальнейшей фундаментальной разработке истории городов Беларуси в региональных вузах [1, л. 20–25].

В прениях по основным вопросам совещания первым выступил профессор Могилевского пединститута А.П. Пьянков. Ученый отметил, что необходимость подобной встречи назрела давно из-за отсутствия координации тем научных исследований [1, л. 26]. Участник форума историков доцент Минского государственного пединститута А.В. Полонский указал на недостатки подготовленного к совещанию перечня тем диссертаций и неудовлетворительное обслуживание исследователей в Минском и Гродненском государственных архивах. Доцент БГУ Л.С. Абецдарский не согласился с выводом директора Института истории партии Ф.А. Новиковой о плохой организационной подготовке совещания и с позицией Н.В. Каменской о недостаточной разработке истории советского периода. По его мнению, сложилась проблема в исследовании феодальной эпохи, поскольку в Институте истории только З.Ю. Копыский и А. М. Карпачев могли читать скоропись, а большинство сотрудников не владели латинским языком. Так же в прениях выступили В.Р. Тарасенко, Л.Н. Преображенская, М.Я. Гринблат, А.И. Азаров, М.Б. Фридман, С.Р. Шуцкий, В.М. Горцев, А.Г. Хохлов, И.С. Кравченко, В.Н. Перцев [1, л. 26–38].

По итогам совещания приняли постановление, в котором констатировалось, что отсутствие должной координации в области исторических исследований, разобщенность научной деятельности историков республики явились причиной существенных недостатков в разработке важнейших вопросов истории. Поэтому все исследуемые темы необходимо было согласовывать с Советом по координации научной деятельности АН БССР. Институту истории предлагалось принять план мероприятий по укреплению научных связей между историками республики и ежегодно проводить координационные совещания. Кафедрам истории и основ марксизма-ленинизма вузов рекомендовали обсудить возможность их участия в разработке истории городов Беларуси, праздновании 50-летия Первой русской революции 1905 – 1907 гг., 40-летия Великой Октябрьской социалистической революции [1, л. 39–41].

Следующее совещание планировали провести в начале 1955 г. Однако удалось его организовать лишь 23 марта 1957 г., когда завершилась разработка концепции отечественной истории советского периода для второго тома «Истории Белорусской ССР». В докладе И.С. Кравченко отмечалось, что в планы научной деятельности Института истории были включены новые задачи: «первобытнообщинный строй по данным археологии, проблемы феодализма и капитализма, проблема истории городов» [2, л. 3]. Ученый перечислил успехи, достигнутые сотрудниками института. Это, прежде всего, издание «Истории Минска», разработка истории Гомеля, Могилева, Гродно, Бреста. Из научных проблем институт исследовал проблему героического эпоса, формирование белорусской народности, «белорусской буржуазной нации», «историческое развитие капитализма», развитие народного образования, историю крестьянства в восстановительный период, быт крестьянства на временно оккупированной немецко-фашистскими захватчиками территории БССР и др. [2, л. 4].

О состоянии разработки проблем Октябрьской революции и гражданской войны в Беларуси сообщила Н.В. Каменская. Историк лично исследовала тему «Социалистическое строительство в Беларуси в период иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918 – 1920 гг.)». Она собрала большой архивный и документальный материал, издала две монографии: «Вялікая Кастрычніцкая сацыялістычная рэвалюцыя і ўтварэнне БССР», «Первые социалистические преобразования в Белоруссии: 25 окт. 1917 – июль 1919 г.». Исследователь написала ряд разделов во второй том «Истории Белорусской ССР»: «Победа Октябрьской социалистической революции в России и установление Советской власти в Белоруссии», «Образование БССР и ее взаимоотношения с братскими советскими республиками», «Борьба Советского государства за мир и участие в ней белорусского народа в период триумфального шествия Советской власти».

Н.В. Каменская обратила внимание участников совещания на отсутствие исследований по таким вопросам, как история фабрично-заводских комитетов, формирование и деятельность отрядов Красной гвардии, слом старого и создание нового государственного аппарата, деятельность профсоюзов и др. По ее мнению, слабо освещена «хозяйственная сторона жизни народа в этот период», хотя имеется возможность написать «десятки кандидатских и докторских диссертаций по вопросам трудового героизма, созидательной работы, управления промышленностью, строительством, деятельности партийных, комсомольских и профсоюзных организаций, культурного строительства в годы гражданской войны в Белоруссии» [2, л. 6–7].

В выступлении заведующего сектором истории Белоруссии досоветского периода Е.П. Лукьянова прозвучала информация о состоянии разработки проблемы истории крестьянского движения в Беларуси накануне Октябрьской революции 1917 г. Историк подготовил к печати монографию «Крестьянское движение в Белоруссии накануне Великой Октябрьской социалистической революции». Е.П. Лукьянов указал на важность изучения истории крестьянства и неудовлетворительный характер планирования научных разработок по данной проблеме, что проявилось в дублировании тем, затягивании сроков их исполнения, отсутствии надлежащего контроля [2, л. 7].

Участники совещания обсудили вопрос «О подготовке к 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции». Ранее высшим учебным заведениям БССР было предложено принять участие в подготовке общереспубликанского сборника научных работ, посвященного истории «Великого Октября». Однако, со слов директора института И.С. Кравченко, ответа не последовало. Пришлось сотрудникам Института истории АН БССР подготовить сборник документов и материалов в объеме 100 печатных листов по событиям Октябрьской революции. К знаменательной для советского общества дате запланировали участие ученых республики в работе Всесоюзного съезда историков в Москве и проведение выездной сессии Отделения общественных наук АН БССР в г. Гродно [2, л. 8].

После основных докладчиков выступили от Республиканской партийной школы А.И. Воронова, от Архивного управления при МВД БССР – А.И. Азаров, от Минского государственного пединститута – А.П. Пьянков, от БГУ – Л.С. Абецдарский, от Института истории – К.И. Шабуня, З.Ю. Копыцкий, В.А. Милованов, от Гродненского историко-археологического музея – З.Б. Лосев, от Координационного Совета АН БССР – А.Г. Хохлов. Историки обратили внимание на сложившееся взаимодействие между Институтом истории АН БССР и Институтом истории партии при ЦК КПБ, расширение и упорядочение документальной архивной базы, необходимой для проведения исторических исследований, слабое изучение периода феодализма, важность акцентирования исторической взаимосвязи белорусского и русского народов («Мы должны идти туда, куда шли белорусы»), на актуальность изучения истории Западной Беларуси, необходимость издания историко-краеведческого журнала в республике [2, л. 9–14].

В конце 1950-х гг. перед учеными республики была поставлена задача разработки «Истории БССР» в восьми томах к юбилейной дате – 50-летию образования БССР. Чтобы ученые четко соблюдали методологические подходы и идейные принципы советской историографии, по решению ЦК КПБ 1–3 июня 1960 г. в Минске состоялось Совещание историков республики. Открыл встречу заведующий отделом науки, вузов и школ ЦК КПБ Н.Ф. Капич. С основным докладом «О задачах историков Белоруссии в свете решений XXI съезда КПСС и постановления ЦК КПСС «О задачах партийной пропаганды в современных условиях» выступил директор Института истории АН БССР, член-корреспондент И.С. Кравченко. Далее слово взял и. о. директора Института истории партии при ЦК КПБ Н.М. Мешков. Его доклад был посвящен вопросу научной разработки истории Коммунистической партии Белоруссии. Сообщения об использовании архивных документальных материалов по истории Беларуси и истории КПБ предоставили начальник Архивного управления при Совете Министров БССР А.И. Азаров, заместитель директора Института истории партии при ЦК КПБ по партийному архиву С.З. Почанин. Ученые отметили, что в концепции белорусской истории недостаточно освещена роль народных масс в истории, слабо отражена руководящая роль Коммунистической партии в процессе социалистического строительства, неудовлетворительно разработаны закономерности развития социалистического общества, поступательный переход к коммунизму [3].

В прениях по докладом участвовали заместитель директора Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС М.А. Двойнишников, профессор Минского педагогического института А.П. Пьянков, директор Института истории АН Литовской ССР Ю.И. Жюгжда, научный сотрудник Института истории партии при ЦК КПБ М.Е. Шкляр, заведующий кафедрой истории БССР БГУ Л.С. Абецдарский. Также выступили представители исторической науки Украины и Эстонии, сотрудник журнала «Вопросы истории КПСС». В совещании приняли участие академик АН СССР И.И. Минц, рассказавший о разработке проблем истории Октябрьской революции 1917 г., и руководитель группы отдела истории советского общества АН СССР В.Е. Полетаев, осветивший проблемы истории социалистического и коммунистического строительства в СССР [4].

Сотрудники Института истории АН БССР, выступившие на совещании, единодушно поддержали задачу разработки восьмитомной истории БССР [5, л. 30]. Секторы института в течение 1960 г. подготовили планы-проспекты томов и планируемый состав авторов-разработчиков текста. Комплектация авторского коллектива осуществлялась из сотрудников Института истории и других учреждений АН БССР, Института истории партии при ЦК КПБ, БГУ, Минского, Брестского, Гродненского педагогических институтов, Минского политехнического института, Львовского университета и др. вузов [6, л. 22].

Новая задача решалась в условиях возросшего влияния партии на развитие исторической науки. 3 апреля 1961 г. вышло Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мерах по улучшению координации научно-исследовательских работ в стране и деятельности Академии наук СССР». Его реализация привела к формированию Научного Совета при Академии наук СССР по комплексной проблеме в области естественных и гуманитарных наук, имевшего консультативный характер [6, л. 100]. При академиях наук советских республик создали аналогичные структуры. В Академии наук БССР Научный Совет по координации научно-исследовательской деятельности в области истории Белоруссии возглавил директор Института истории И.С. Кравченко.

В 1960 г. состоялись два заседания совета. На 1961 г. было запланировано обсуждение плана-перспекта восьмитомной «Истории БССР», планов научной деятельности кафедр вузов и др. учреждений, проведение совещания участников археологических раскопок, созыв симпозиума по проблеме «История городов Белоруссии», подготовка симпозиума по истории фабрик и заводов Беларуси [6, л. 1]. Однако практическим результатом координации стало привлечение вузовских историков к работе над проспектом многотомной «Истории БССР», рецензирование 89 тем по отечественной истории, совместная подготовка научных изданий. Среди них – сборники документов и материалов по истории Беларуси в восстановительный период, истории коллективизации, воссоединению белорусского народа (Институт истории АН БССР, Институт истории партии при ЦК КПБ, Архивное управление при Совете Министров БССР, госархивы), программа по истории БССР для вузов, учебник по истории БССР для 7 – 8-х классов и хрестоматии по истории Беларуси для средней школы (Институт истории АН БССР, Центральный институт школ, БГУ, Минский пединститут), сборник воспоминаний о совместных действиях белорусских и словацких партизан в годы Великой Отечественной войны (Институт истории АН БССР, Словацкая академия наук). Археологи привлекали сотрудников музеев к проведению раскопок [6, л. 22–24].

Отдельное внимание Научный Совет по координации уделял подготовке докторских диссертаций по истории Белоруссии. В 1962 г. были утверждены 25 тем для исследовательской разработки, например, «Аграрно-крестьянский вопрос в конце XIX – начале XX в.» (К.И. Шабуня), «Экономическое развитие городов Белоруссии во второй половине XVII – XVIII в.» (Е.М. Карпачев), «Формирование белорусской нации» (Е.И. Корнейчик), «Борьба белорусского народа за воссоединение с Россией» (Л.С. Абецдарский), «Профсоюзы Белоруссии в 1917–1920 гг.» (В.Г. Гневко), «Развертывание социалистической революции в белорусской деревне и борьба за хлеб в 1918–1920 гг.» (Б.М. Фих), «Беднейшее крестьянство – союзник пролетариата в борьбе за победу Октября в Белоруссии» (И.М. Игнатенко) и др. [7, л. 7–8].

К концу этого года сформировался расширенный состав совета. Бюро Научного Совета состояло из нового директора Института истории Н.В. Каменской, заместителя директора института П.Т. Петрикова, заведующего сектором археологии В.Д. Будько, заведующего сектором истории Белоруссии досоветского общества К.И. Шабуня, заведующего сектором истории Белоруссии Октябрьской революции и социалистического строительства И.С. Кравченко, заведующего сектором истории Великой Отечественной войны и партизанского движения в Белоруссии А.Н. Мацко, заведующего сектором истории Белоруссии послевоенного периода И.Е. Марченко, заведующего кафедрой истории СССР БГУ П.З. Савочкина, заведующего кафедрой истории СССР Минского педагогического института А.В. Полонского, секретаря совета, младшего научного сотрудника института Н.И. Галенчика.

Всего в Координационном Совете по истории Белоруссии было пять секций: секция археологии Белоруссии (В.Д. Будько, В.И. Горемыкина, Э.М. Загорульский, К.Т. Ковальская, А.Г. Митрофанов, Б.В. Миролюбов, Л.Д. Поболь, Г.И. Пех, О.В. Рыжковская, В.И. Гилеп, Г.И. Йоне, Г.В. Штыхов, В.Н. Рабцевич), секция истории Белоруссии досоветского общества (К.И. Шабуня, Л.С. Абецдарский, М.П. Баранова, М.Я. Гринблат, А.П. Грицкевич, З.Ю. Копыцкий, Я.Н. Мараш, А.В. Полонский, В.А. Сербента, В.В. Чепко, П.Г. Козловский), секция истории Советской Белоруссии периода Великой Октябрьской социалистической революции, гражданской войны и социалистического строительства (И.С. Кравченко, А.И. Азаров, В.Н. Антонин, В.А. Бондаренко, В.Г. Гневко, Н.Е. Завалеев, М.И. Злотник, И.М. Игнатенко, Н.В. Каменская, П.З. Савочкин, Б.М. Фих, В.А. Полуян, Л.А. Савицкая), секция истории Советской Белоруссии периода Великой Отечественной войны (А.Н. Мацко, В.Ф. Романовский, И.С. Кравченко, А.П. Купреева, П.П. Липило, А.И. Залесский, Э.Ф. Языкович, Р.Р. Крючок, П.С. Ловецкий, Г.Н. Шевела, А.А. Факторович, В.И. Лемешонок, Н.А. Якубовский, А.В. Семенова, Н.И. Старовойтов, С.В. Давыдова), секция истории Советской Белоруссии в послевоенный период (И.Е. Марченко, Е.П. Беязо, В.Н. Сидорцов, С.Д. Войтович, Е.Г. Вайнруб, Н.И. Галенчик, В.М. Иванов, П.Т. Петриков, М.С. Сегал, В.С. Толстой, Е.И. Фирсова, Л.М. Лыч) [7, л. 1–6].

Из мероприятий, организованных Научным Советом по координации научно-исследовательской деятельности в области истории Белоруссии в 1963 г., следует отметить обсуждение проблемы разработки истории заводов и фабрик Белоруссии, состоявшееся 15 марта. С основным докладом выступил заведующий сектором истории социалистического и коммунистического строительства Института истории И.Е. Марченко. Основные положения по проблеме, изложенные ученым, были поддержаны и дополнены приглашенными участниками совещания. Историк В.Я. Райский рассказал о разработке истории завода «Гомсельмаш», М.С. Сегал – Минского тракторного завода, А.Г. Вайнруб – Минского автомобильного завода, Т.А. Марудов – витебской фабрики «Коминтерн» и др. [8, л. 8–12].

На Июньском (1963 г.) Пленуме ЦК КПСС рассматривался вопрос об очередных задачах идеологической работы партии. Историческая наука должна была совершить решительный поворот к изучению проблем построения социалистического и коммунистического общества в СССР. Предстояло улучшить координацию научных исследований, ликвидировать дублирование тем. В частности, было обращено внимание, что Институт истории АН БССР одновременно приступил к разработке многотомной «Истории Белорусской ССР» и «Очерков истории классовой борьбы в Белоруссии в эпоху феодализма» [9, с. 12]. Тем не менее, 23 декабря 1963 г. на заседании бюро Научного Совета при Отделении общественных наук АН СССР отчет белорусских историков утвердили. Свои замечания высказали академики Е.М. Жуков, Б.А. Рыбаков, И.И. Минц, М.В. Нечкина. Главной задачей Института истории АН БССР являлась подготовка уже пятитомной истории Беларуси [10, л. 17].

Заключение. Таким образом, в 1954 – 1962 гг. координация научной деятельности первоначально осуществлялась через проведение республиканских совещаний историков БССР, а затем – через организацию Координационного совета по истории Белоруссии при Институте истории Академии наук Белорусской ССР. Академическое учреждение разрабатывало перечень актуальных тем для диссертационных исследований. Сотрудники Института истории организовывали республиканские совещания с целью ознакомления вузовских ученых с проводимыми в Академии наук БССР исследованиями и их приобщения к подготовке коллективных тем. Ведущие историки республики были объединены в Научный Совет по координации научно-исследовательской деятельности в области истории Белоруссии, не обладавший юридическими полномочиями, но выполнявший роль центра по определению актуальности исторических исследований и перспектив их разработки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Центральный научный архив Национальной академии наук Беларуси (ЦНА НАНБ). – Ф. 3. Оп. 1. Д. 229.
2. ЦНА НАНБ. – Ф. 3. Оп. 1. Д. 289.
3. Совещание историков // Советская Белоруссия. – 1960. – 3 июня. – С. 1.
4. ЦНА НАНБ. – Ф. 6. Оп. 1. Д. 2.
5. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4п. Оп. 73. Д. 196.
6. ЦНА НАНБ. – Ф. 6. Оп. 1. Д. 1.
7. ЦНА НАНБ. – Ф. 6. Оп. 1. Д. 4.
8. ЦНА НАНБ. – Ф. 6. Оп. 1. Д. 7.
9. Передовая – задачи исторической науки в свете решений Июньского Пленума ЦК КПСС // Вопросы истории. – 1963. – № 8. – С. 3–18.
10. ЦНА НАНБ. – Ф. 6. Оп. 1. Д. 8.

Поступила 15.06.2020

COORDINATION OF SCIENTIFIC ACTIVITIES HISTORIANS OF THE BSSR (1954 – 1963)

V. BELAZAROVICH

The article reveals the process of coordinating the scientific activities of historians of Belarus in 1954–1963 – during the development of the concept of national history of the Soviet period. It is stated that the relevance of the problems of scientific works (mainly PhD theses) was formed through the holding of national meetings of scientists, the creation of a Scientific Council for coordination at the Institute of history of the Academy of Sciences of the Belarusian SSR. The course of events, participants in discussions, and current issues of work are described in detail. The research is based on unpublished documents from the Central scientific archive of the National Academy of Sciences of Belarus (Fund 3, fund 6) and the National archive of the Republic of Belarus (Fund 4p). The conclusion is made about the dependence of historical research on the party policy. The author traces the leading and controlling role of the Central Committee of the PBC.

Keywords: history of Belarus, historiography of the history of Belarus, historical science of Belarus, Institute of history, Coordinating Council.

УДК 94(476)+339,5

**ВОПРОСЫ ВНЕШНЕТОРГОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БССР
В ПОСЛЕДНИЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ СУЩЕСТВОВАНИЯ СССР**

*канд. ист. наук, доц. В.В. БОРИСЕНКО
(Могилевский институт МВД Республики Беларусь)*

Статья посвящена некоторым особенностям осуществления внешнеторговой деятельности БССР в рамках Советского Союза. Показана специфика организации внешней торговли в СССР и влияние жесткой централизации на степень участия республики в союзных торгово-экономических отношениях. Анализируются возможности Белорусской ССР в зарабатывании валюты за счет сверхплановой и новой, ранее не экспортировавшейся, продукции и в ее использовании для обеспечения предприятий и организаций импортными оборудованием и приборами, которые не могли быть получены за счет отечественного производства. А также рассматривается роль товарообменных операций с зарубежными государствами в обеспечении внутреннего рынка товарами широкого потребления.

Ключевые слова: *Белорусская ССР, внешнеторговая деятельность, торгово-экономические отношения, экономическое сотрудничество, экономическая интеграция, внешний рынок, экспорт, импорт.*

Введение. В начале 1990-х гг. некогда могучая единая держава – Союз Советских Социалистических Республик – перестала существовать. Бывшие союзные республики принялись за построение собственных суверенных государств, что потребовало от них самостоятельного выбора ориентиров во внутреннем развитии и определения стратегических внешнеполитических приоритетов. Этот процесс оказался крайне сложным и противоречивым, сопровождался кризисными явлениями в политической и экономической жизни, разгулом преступности. В ряде случаев не удалось избежать крупных общественных беспорядков с человеческими жертвами вплоть до полномасштабных и кровопролитных военных действий.

Свой путь становления независимого, суверенного и демократического государства прошла и Республика Беларусь, которой, как большинству других постсоветских стран, довелось пережить тяжелые экономические потрясения. Их глубина и острота были предопределены распадом СССР и прекращением деятельности СЭВ. В результате оказались разорваны традиционные, складывавшиеся в течение послевоенных десятилетий внутрисоюзные и международные связи республики, что вынуждено привело к резкому сокращению промышленного и сельскохозяйственного производства, росту явной и скрытой безработицы, высокой инфляции. Перед государством стояла задача не только стать полноправным и уважаемым членом мирового сообщества, но, с одной стороны, восстановить, где это возможно, свою нишу в международном разделении труда, а с другой, – найти современные перспективные направления в своем хозяйственном развитии, выйти с новыми конкурентоспособными товарами на мировые рынки и занять там достойное место.

Интегрирование в современную мировую экономику является длительным и противоречивым процессом, требующим выработки долгосрочной стратегии, которая может сопровождаться структурной перестройкой и пересмотром форм и методов хозяйственных связей. Эти вопросы встали перед Республикой Беларусь довольно остро. Ведь во второй половине XX в. БССР достигла высокого уровня индустриального развития, стала обладателем высокого научно-технического потенциала, но, при этом, на ее территории практически отсутствуют запасы сырьевых ресурсов. Очень выгодным, с геополитической и логистической точки зрения, является местоположение Беларуси. В силу этих и целого ряда обстоятельств еще в составе Советского Союза сформировался открытый характер белорусской экономики. Поэтому решение в республике проблем создания новых рабочих мест, гарантированной достойной заработной платы, внедрения передового зарубежного опыта и новейших технологий, получения прямых иностранных инвестиций возможно, в первую очередь, через расширение и диверсификацию внешнеэкономических связей. Не случайно в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь прямо указывается, что в современных условиях «важным фактором обеспечения устойчивого развития государства становится обеспечение успешной интеграции Республики Беларусь в глобальное экономическое пространство» [1]. При этом непременным условием принятия обоснованных решений является всестороннее изучение, научный анализ и глубокое осмысление накопленного в предшествующие годы опыта, что позволяет применять позитивную практику и избегать допускаемых ранее просчетов.

Основная часть. Если к середине XIX в. в Европе сложились все условия для хозяйственной специализации отдельных стран, что стало важным стимулом для расширения торговли между ними, то ко второй половине XX в. развитие глубоких и устойчивых межгосударственных отношений в экономической сфере привело к активным интеграционным процессам, которые имели тенденцию к расширению и углублению. В таких условиях ни одно государство мира не в состоянии было обеспечивать результативное функционирование своего хозяйственного механизма и, что немаловажно, стабильный рост экономики без эффективного внешнеэкономического сотрудничества. Не случайно поэтому примерно с рубежа

1950-х – 1960-х гг. ежегодное увеличение объемов международной торговли высокоразвитых в технологическом отношении стран в полтора раза превосходило рост их валового национального продукта¹, а ускоренные темпы экономического развития были характерны для государств, чья внешняя торговля росла более высокими темпами [2, с. 24]. При этом, уровень участия в международной торговле небольших по размеру государств постепенно повышался за счет сокращения доли крупных. Например, удельный вес Японии на мировом рынке с 1961 по 1974 гг. увеличился с 3,6% до 6,9%, ФРГ – соответственно с 8,5% до 9,5%, Франции – с 5,0% до 5,7%. Для США этот показатель за тот же период времени снизился с 12,8% до 12,0%, при сохранении их мирового лидерства, а для СССР – с 4,3% до 3,1% [3].

Насколько вписывалась в этот мировой тренд Белорусская ССР, которая в качестве одной из республик принимала участие во внешней торговле Советского Союза, а по площади своей территории вполне соответствовала размерам среднего европейского государства?

Прежде всего следует иметь в виду, что в экономических связях с зарубежными странами БССР не могла выступать в качестве самостоятельного правового субъекта. Вопрос о возможных формах управления внешней торговлей возник с момента образования СССР. После его детального обсуждения с ответственными работниками национальных республик на проходившем 9 – 12 июля 1923 г. совещании в Центральном Комитете Российской Компартии (большевиков) было принято решение о целесообразности сделать Народный комиссариат внешней торговли общесоюзным. Уже на следующий день Декретом Центрального Исполнительного Комитета СССР вся торговля с другими государствами передавалась в руки единого союзного ведомства [4, с. 36]. Сохранялась такая система управления внешнеторговой деятельностью на протяжении всего существования Советского Союза. Однако отстранение руководства союзных республик и непосредственных производителей от участия в планировании, организации и осуществлении торговых операций с зарубежными странами, а также действовавшая тогда система распределения валюты, поступающей от экспорта, привели к тому, что фактически единственным действенным стимулом к развитию и расширению внешнеэкономического сотрудничества была угроза получения взыскания за срыв соответствующих плановых показателей [5, с. 115–116]. Отсюда и нежелание тех или иных руководителей прилагать дополнительные усилия для внедрения чего-то нового, как и произошло с инициативой Генконсульства Польской Народной Республики в БССР² об организации в г. Минске постоянно действующей выставки польских товаров и открытия специализированного магазина по продаже овощей, фруктов и цветов, выращенных в Польше. Вопрос оказался за рамками компетенции республики, а пытаться решать его через союзные органы никто не стал [6, л. 316].

Еще одним наглядным примером является попытка открыть в 1973 г. в г. Минске республиканское отделение Внешторгбанка СССР. Приказом № 132 от 10 июля 1972 г. Правление Госбанка СССР поручило Белорусской республиканской конторе Госбанка реализовать данный проект. Сразу же последовал запрос в исполнительный комитет Минского городского Совета депутатов трудящихся о выделении соответствующего помещения. Однако, в 1972 – 1973 гг. вопрос даже не ставился в повестку дня для обсуждения, а в 1974 г. последовал отказ, аргументированный отсутствием в городе подходящих свободных помещений³. При этом, срок оплаты предприятиям, расположенным на территории республики, за товары, поставляемые за рубеж, через центральный офис Внешторгбанка составлял в среднем 13 – 14 операционных дней, то есть не менее двух недель, а иногда на такие платежи требовалось и более длительное время. Так, в том же 1974 г. из-за затягивания оплаты белорусские предприятия не смогли получить своевременно 23 из 600 миллионов рублей за отправленную на экспорт продукцию [7, лл. 306–316.]. А валютные отчисления на счет БССР за сверхплановую поставку на экспорт 415 мясных лошадей в 1970 г. были сделаны ВВТО «Продинторг» только во втором квартале 1971 г. [8, л. 1]. Время же для проведения расчетов в случае открытия белорусского отделения Внешторгбанка должно было сократиться до двух дней. Естественно, что достаточно продолжительные сроки перечисления денег на счета производителей негативно сказывались на их заинтересованности не только в расширении экспорта, но и на участии во внешней торговле.

Именно чрезмерной централизацией и отсутствием заинтересованности можно объяснить тот факт, что с 1972 г. по 1986 г. рост объема внешней торговли республики (в 2,8 раза) лишь незначительно превышал рост ВВП (в 2,5 раза), а доля участия Белорусской ССР в общем торговом обороте Советского Союза с зарубежными странами снизилась с 6,15% до 3,44%. Но при этом на предприятиях, расположенных на территории БССР, выпускалась высокотехнологичная продукция, которая была востребована потребителями не только в социалистических и развивающихся, но и высокоразвитых капиталистических государствах [9, с. 86, 89], что дает основания полагать, в случае создания более упрощенных условий для выхода

¹ Валовой национальный продукт (ВНП) отражает совокупную стоимость благ, созданных резидентами государства, вне зависимости от их географического положения. Согласно Рекомендациям ООН по расчету системы национальных счетов от 1993 г. показатель ВНП был заменен показателем валового национального дохода, который складывается из совокупной стоимости всех товаров и услуг, произведенных в течение года на территории государства (то есть валового внутреннего продукта), и доходов, полученных гражданами страны из-за рубежа, минус доходы, вывезенные из страны иностранцами.

² Было открыто в г. Минске в соответствии с совместным решением ЦК КПСС и Совета Министров СССР в 1972 г.

³ Отделение Внешторгбанка СССР в г. Минске было открыто только в январе 1980 г., накануне проводимых в Советском Союзе летних Олимпийских игр [10, с. 61].

на внешние рынки, при отсутствии излишней регламентации и централизации, с одновременной выработкой четко построенной логистики и стратегии продвижения своих товаров, а также при соответствующем повышении материальной заинтересованности самих производителей в выпуске пользующихся спросом экспортных товаров, продукция белорусских, прежде всего, машиностроительных предприятий могла быть представлена во внешней торговле Советского Союза более широко.

В связи с тем, что основными производителями экспортной продукции в БССР были предприятия союзного подчинения, то и основная часть валюты от продажи их товаров за границей до республики не доходила [5, с. 116]. В такой ситуации важным, а иногда и основным источником валюты, поступающей в распоряжение Совета Министров БССР, являлся так называемый сверхплановый экспорт, который, несмотря на название, также планировался. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 776-257 от 10 августа 1967 г. в целях повышения заинтересованности предприятий и организаций в высококачественном изготовлении и своевременной отгрузке продукции на экспорт определяло отчисления союзным министерствам и ведомствам, а также правительствам союзных республик в размере 80% валютной выручки от продажи тех видов продукции, которые не предусматривались в экспортном плане (в течение четырех лет с начала экспорта этой продукции) и в размере 50% – от продажи товаров сверх намеченных показателей, если они входили в номенклатуру плана [11, лл. 47–48]. Согласно нормам, которые были утверждены распоряжением Совета Министров БССР от 11 марта 1974 г. № 145р, непосредственным производителям такой продукции должно было поступать не менее 50% этих средств [12, л. 93.]. Тем самым повышалась заинтересованность как отдельных предприятий и организаций, так и республиканских министерств, и в целом правительства БССР в увеличении количества выпускаемых товаров для поставок за пределы Советского Союза. Как следствие, – положительная динамика объемов экспорта и поступлений валюты в республику. Если в 1971 г. на республиканский счет поступило по данной статье 2,048 миллиона инвалютных рублей⁴, то в 1974 г. уже 4,043 миллиона [13, л. 148]. В начале 1970-х гг. по объему валютных поступлений БССР вышла на третье место среди союзных республик после РСФСР и Украинской ССР [14, л. 75.].

Крупнейшими поставщиками сверхплановых и новых товаров на экспорт были предприятия Министерства легкой промышленности БССР (32,1% общего объема этой группы товаров в 1974 г.), Министерства мясомолочной промышленности (26,6%) и Министерства местной промышленности (23,1%) [15, л. 158]. По группам изделий преобладала продукция промышленного производства – 58,3% (в 1971 г.), продовольствие составляло 28,6%, сырье – 13,1% [16, л. 110]. Товарная номенклатура по данному виду экспорта была довольно широкой. Прежде всего, это ферментное и эндокринное сырье, картофельные крекеры, стеклянная посуда, мясные лошади, льноотходы, отходы кожевенного и обувного производства, музыкальные инструменты, раскладные кровати, льняные мешки. Кроме того, значительные валютные отчисления Белорусская ССР имела от экспорта стальной эмалированной посуды, канистр, предметов женского туалета, постельного белья, швейных изделий [6, л. 39; 17, л. 99]. Особую статью экспорта составляла переработанная продукция животноводства: в Болгарию, Венгрию, Чехословакию, ГДР, Югославию, Чили, Кубу, Швейцарию и Италию отгружалось свиное и говяжье мясо, жир, масло; субпродукты: легкие, спинной мозг, желчь, гипофиз, казеин, надпочечники, семенники, щитовидные и поджелудочные железы продавались во Францию, Австрию, ФРГ, Швецию, Швейцарию, Венгрию, Чехословакию и ГДР. В ФРГ, Швецию и Швейцарию вывозилось мясо диких животных – кабана, лося и оленя [18, л. 50], а отстрел зверей осуществлялся в том числе и в заповедных местах. Так, согласно приказа Госкомитета Совета Министров БССР по охране природы от 14 октября 1971 г. № 154, заказнику «Беловежская пуща» предписывалось поставить в 1972 г. на Брестский мясокомбинат 50 туш лосей для продажи в страны Западной Европы [19, л. 81].

В то же время, изделия, выделяемые для дополнительного экспорта, не всегда реализовывались на внешнем рынке из-за низкого качества. В 1972 г. по этой причине не удалось продать пеностекло, столовые и чайные ложки, женские платья, пианино, картофель сушеный. Отсутствие должной упаковки и высокие отпускные цены не позволили сбыть за границей в том же году хозяйственные свечи, кожевенные обрезки и стружку [20, л. 88]. В результате претензий к качеству товаров, упаковке и расфасовке, внешней отделке, а также высокой отпускной цене некоторых изделий Всесоюзные внешнеторговые объединения (ВВТО) смогли реализовать в 1974 г. только 64,2% от выделенного объема поставок сверх плана экспорта [21, лл. 39–40]. Государственной инспекцией Министерства внешней торговли СССР в 1977 г. проводился контроль качества экспортной продукции на двадцати предприятиях Министерства легкой промышленности БССР. Из них на восемнадцати проверенная продукция, которая была уже принята службами контроля предприятий, полностью или частично возвращалась на доработку [22, л. 31]. Сложившееся положение можно, наверное, объяснить все тем же отсутствием заинтересованности в выпуске качественной и конкурентоспособной продукции для увеличения валютных поступлений, ведь половина этих средств все-таки до непосредственного производителя не доходила. В такой ситуации легче было не проявлять инициативу и не утруждать себя дополнительной работой. Наглядным примером может служить отсутствие в республике заинтересованности в переходе от экспорта отходов кожевенного производства к экспорту кожевенной муки на удобрение, которая пользовалась повышенным спросом в европейских странах. Соответствующее предложение Госплану и хозяйственным органам БССР были сделаны через ВВТО западногерманской фирмой «Сиверс», которая была готова бесплатно предоставить чертежи и технологическое описание производства такой муки. При

⁴ 1 инвалют. руб. = 0,60 дол. США

этом половина имеющихся в Белорусской ССР кожевенных отходов вообще практически не использовалась, а потери от этого составляли до 100 тысяч инвалютных рублей в год [23, л. 12 – 13].

Важное место во внешнеэкономических связях Беларуси занимали товарообменные операции. Они были выгодны, так как позволяли на каждый вложенный рубль получить продукции на 2,5 – 3 рубля, а по некоторым видам – на 10 и более рублей [18, л. 214]. В течение 1971 – 1975 гг. экспортные поставки в рамках товарообмена составили 61,28 миллионов рублей, в то время как импортные поступления по этой статье – 131,77 миллионов рублей [13, л. 178], а в 1975 – 1980 гг., соответственно, 77,3 миллиона и 141,6 миллиона рублей [24, л. 50]. Регулярно вывозились из БССР по товарообмену сушеная черника, сушеные и соленоотварные грибы, картофельный крахмал, рогакопытное сырье, восстановленное хлопчатобумажное волокно и шерсть, тряпье, лекарственно-техническое сырье, льнокостра, некоторые отходы легкой промышленности. Периодически, исходя из наличия ресурсов и спроса за границей, на внешний рынок отгружались свежий картофель, хозяйственное мыло, макулатура, пакля, пчелиный воск, сушеные желуди и рябина, суровая бязь, мясо, технические и пищевые жиры, игрушки, стеклянная посуда, детские товары и другие изделия. Основным поставщиком продукции являлась система потребительской кооперации.

Главными партнерами по товарообмену были такие страны, как Чехословакия, Вьетнам, Югославия, Венгрия, Болгария, Бельгия, Голландия, ФРГ, Италия и др. [6, л. 79]. Особое место в этом виде торговых операций занимали имеющая общую границу с БССР Польша и Финляндия. К примеру, в 1973 г. в последнюю продали конину, технических жир, сосновую смолу, строительные гвозди, детские велосипеды, набивной ситец, отбельную вязь, полульняное полотно, изделия из стекла и пианино. В обмен там были закуплены одеяла их искусственного шелка, мужские пальто, спортивные костюмы, женские платья, чехлы для автомобильных сидений, пряжа и материалы для промышленности [18, лл. 216 – 217].

Согласно Постановлению ЦК КПСС и Совета Министров СССР, о котором говорилось выше, поступающую в республику валюту разрешалось тратить на приобретение лицензий, технической документации, новейших машин, оборудования, приборов и других товаров, которые не могли быть получены за счет отечественного производства. В 1974 г., например, наиболее крупные закупки за рубежом были сделаны республиканскими Министерством здравоохранения (онкологическое оборудование и рентгенофлюорографические установки), Белкоопсоюзом и Министерством торговли (подъемно-транспортное оборудование), Министерством бытового обслуживания (оборудование для чистки ковров), Министерством промышленного строительства (коммунальное оборудование), Министерством легкой промышленности (оборудование для отделки кожевенной продукции) и др. [17, л. 100]. Нетрудно заметить, что значительную часть существенных приобретений совершили те белорусские министерства и ведомства, которые во внешнеэкономическом сотрудничестве участие не принимали вовсе или участвовали в незначительных масштабах. Связано это было с тем, что вся перечисляемая на счет республики валюта распределялась между предприятиями, выпускавшими экспортную продукцию, фондодержателями товаров, а также министерствами, которые не участвовали в образовании валютного фонда.

В рассматриваемый период времени значительное число предприятий строилось или модернизировалось на основе импортного оборудования. Так, поставки из-за границы расширяли ассортимент и увеличивали производственные мощности промышленности строительных материалов. В начале 1970-х гг. в БССР вырабатывалось на импортном оборудовании около половины кровельного картона, более двух третей древесноволокнистых плит, значительная часть цемента, все производство льнокостричных плит [23, л. 7].

Импортное оборудование, установленное в 1972 – 1974 гг., способствовало на Втором городском молочном заводе г. Минска улучшению культуры производства, повышению качества и стойкости молока, его сохранности, уменьшению количества рабочих, сокращению расходов на транспортировку тары, бой бутылок и, тем самым, позволило получить годовой экономический эффект в сумме 255 тысяч рублей. Приобретенные в 1971 и 1972 гг. конвейер фирмы «Чибек» для глазурирования облицовочных плиток и нанесения на плитку рисунка и автомат фирмы «Сити» для загрузки плиток с глазурировочного конвейера были смонтированы на Минском комбинате строительных материалов, что дало возможность обеспечить годовой выпуск цветной облицовочной плитки в объеме 500 тысяч квадратных метров, из них 130 тысяч квадратных метров плитки с рисунком. Годовой экономический эффект от внедрения составил 67,8 тысяч рублей. Механизированные линии шлифования и полирования щитовых деталей, установленные на Борисовской фабрике пианино, содействовали резкому увеличению производительности труда при отделке щитовых деталей музыкальных инструментов, улучшению качества отделки и фанерирования. Годовой экономический эффект составил – 26,2 тысячи рублей. Установленные на предприятиях Управления художественными промыслами Министерства местной промышленности БССР многоволоочные вышивальные автоматы фирмы «Текстима», стачивающие обметочные машины МО-816 фирмы «Джули», полупромышленные вязальные аппараты «Тоёта» и гладильные прессы СУ-313 позволили повысить производительность труда в три раза. Внедрение на Минском производственном объединении «Большевик» и Бобруйском комбинате пяти контактно-вакуумных сушилок «Твин-Вак» фирмы «Шарво» улучшило качество хромовых кожевенных товаров из ялового сырья повышенных развесов. Экономия сырья при этом достигла 2% или 85 тысяч рублей в год, производительность труда увеличилась на 22%, уровень механизации ручного труда на операциях достиг 70% [13, лл. 179–180]. Закупка восьми сетковязальных аппаратов позволила республике на 30% решить вопрос расфасовки картофеля и овощей в хлопчатобумажные сетки.

Поставки болгарских электропогрузчиков и штабелёров дали возможность на всех оптовых базах местных торгов перейти на поддонный и контейнерный метод хранения овощей и внутрискладской транспортировки товаров, значительно облегчить тяжелые и трудоемкие операции по перевалке и погрузке грузов [13, л. 181]. Подобных конкретных примеров можно привести довольно много.

Однако поступающие в республику и непосредственно на предприятия валютные средства не всегда использовались рационально и по назначению. На практике часто получалось, что министерства, закупая импортное оборудование, не учитывали возможности республики и союзных организаций в обеспечении его необходимыми материалами. Так, купленный в Великобритании для Министерства бытового обслуживания БССР фотоаппарат для срочного изготовления фото стоимостью 2,7 тысяч инвалютных рублей, большую часть времени не работал из-за отсутствия импортной пленки [6, л. 42]. Отдельные руководители вообще расходовали валюту не по целевому назначению, а на приобретение товаров для бытовых нужд. Затем они могли продаваться по заниженным ценам работающим на предприятии сотрудникам или «нужным» людям, вообще не имеющим к данной организации никакого отношения [15, лл. 81–82].

Попыткой изменить положение стали Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 23 декабря 1983 г. «О повышении государственной дисциплины и усилении режима экономии в расходовании валютных средств» и, с аналогичным названием, Постановление ЦК КПБ и Совмина БССР от 10 февраля 1984 г. Однако без изменений самой системы осуществления внешнеторговых операций, разработки действенных, включая материальные, стимулов поправить ситуацию было практически невозможно.

Особое внимание при характеристике импортных поставок в БССР заслуживают вопросы качества закупаемых товаров. Объективный и действенный контроль зарубежных изделий могли проводить только хорошо подготовленные специально для этих целей независимые эксперты, которые были сосредоточены в Торгово-промышленной палате (ТПП) республики. Но наличие значительного бюрократического аппарата, ведомственная монополия и отсутствие заинтересованности приводили к ситуациям, когда специалисты ТПП были не в состоянии охватить проверками весь объем импортной продукции. Например, эксперты Торгово-промышленной палаты осуществляли технический контроль не более 50 – 65% всего промышленного оборудования, поставляемого из-за границы [25, л. 42]. Отсюда следовали неоправданные в ряде случаев затраты белорусских покупателей по самостоятельному устранению производственных дефектов зарубежных станков и механизмов. Нередко предприятия и оптовые базы Министерства торговли БССР приглашали экспертов только через 2 – 5 месяцев после поступления импортных товаров народного потребления. Это делало невозможным, в случае обнаружения брака, использовать гарантийные обязательства фирм-поставщиков [26, л. 15].

Вместе с тем работа сотрудников Бюро товарных экспертиз ТПП БССР по проверке качества зарубежных изделий давала свои результаты. В ходе проверок в 1976 – 1980 гг. они забраковали 5,5% осмотренного импортного оборудования [25, л. 78]. На Минском тракторном заводе в феврале 1985 г. ими была признана некачественной углеродистая сталь в количестве одной тысячи тонн итальянской фирмы «Удени». При этом представители фирмы согласились с такими выводами. Итальянцы надеялись, что контроль будет осуществляться заинтересованной стороной, тогда можно будет предъявить обвинение в предвзятости, а значит и отклонить претензии. Им частично удалось так поступить на Минском заводе шестерен, куда специалисты Бюро экспертиз не были приглашены [27, л. 40].

Закключение. Итак, можно констатировать, что Белорусская ССР принимала участие в поставках экспортной продукции Советского Союза, но ее потенциальные возможности на международных экономических рынках полностью не использовались. Существовавшая в СССР строгая централизация внешней торговли привела, с одной стороны, к отстранению руководства союзных республик и непосредственных производителей от участия в планировании, организации и осуществлении торговых операций с зарубежными странами, а с другой – к созданию достаточно громоздкого бюрократического аппарата, что приводило к необходимости вести большие объемы переписки, различного рода согласований. Такая система организации внешнеторговой деятельности не способствовала проявлению заинтересованности и инициативы у руководства республикой и отдельных предприятий в расширении ассортимента выпускаемой экспортной продукции и улучшении ее качества, внедрении в производство современных для того времени достижений науки и техники. Для более эффективного использования экономического потенциала БССР по выходу на зарубежные рынки требовались изменения в системе организации внешней торговли, предоставление большей свободы предприятиям и республиканским органам управления. Но конкретные шаги по устранению излишней централизации начали предприниматься в СССР только в период «перестройки»⁵.

Основную группу экспортных товаров составляли изделия наукоемких и технологически сложных отраслей производства, прежде всего, машиностроения и химической промышленности, что свидетельствовало о высоком уровне развития индустриального потенциала республики и соответствии по техническим характеристикам и качественным параметрам целого ряда товаров аналогичным западным образцам.

⁵ Постановлением ЦК КПСС и Совета Министров СССР 1986 г. «О мерах по совершенствованию управления внешнеэкономическими связями» с 1 января 1987 г. ряду министерств и ведомств Советского Союза, а также 70 крупнейшим промышленным объединениям и предприятиям было предоставлено право непосредственного осуществления экспортно-импортных операций.

Основным источником поступления иностранной валюты в БССР служил так называемый экспорт сверхплановой и внеплановой продукции. Для этих целей в основном использовались товары широкого народного потребления, продукты питания и отходы производства. Средством пополнения внутреннего рынка, в том числе остродефицитными товарами, являлись товарообменные операции. Однако, отсутствие действенной системы стимулирования труда приводило к несоответствию значительной части экспортной продукции международным стандартам, и, в конечном итоге, сокращению возможностей непосредственного участия республики во внешнеэкономических операциях.

Важную роль в становлении и развитии целых отраслей промышленного производства и других отраслей народного хозяйства Белорусской ССР играло импортное оборудование, но отсутствие должной заинтересованности и ведомственная разобщенность приводили к тому, что часть его вводилась в строй с опозданием, просроченными гарантийными сроками, а уже установленное использовалось не всегда эффективно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 9 ноября 2010 г., № 575 : в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 24.01.2014 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
2. Новый этап экономического сотрудничества СССР с развитыми капиталистическими странами / А.И. Бельчук [и др.] ; отв. ред. А.И. Бельчук. – М. : Наука, 1978. – 303 с.
3. Мировая торговля // Внешняя торговля. – 1976. – № 1. – С. 53–55.
4. Горбатенко, Д. Участие союзных республик во внешней торговле СССР / Д. Горбатенко, В. Савин // Внешняя торговля. – 1983. – № 4. – С. 35–40.
5. Борисенко, В.В. К вопросу организации внешнеэкономической деятельности БССР (1971 – 1985 гг.) / В.В. Борисенко // Весн. Магілёўс. дзярж. ун-та імя А.А. Куляшова. – 1999. – № 4. – С. 112–123.
6. Национальный архив Республики Беларуси. – Ф. 4. Оп. 62. Д. 807.
7. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 7. Оп. 5. Д. 5045.
8. НИАБ. – Ф. 31. Оп. 9. Д. 1415.
9. Борисенко, В.В. К вопросу о развитии торгово-экономических отношений Беларуси с зарубежными странами (1971 – 1985 гг.) / В.В. Борисенко // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 2000. – № 4. – С. 85–92.
10. Филипович, Л. Создание Белвнешэкономбанка и обслуживание внутреннего валютного долга / Л. Филипович // Банкаўскі веснік. – 2013. – № 7. – С. 61–65.
11. Государственный архив общественных объединений Могилевской области. – Ф. 9. Оп. 139. Д. 58.
12. НИАБ. – Ф. 7. Оп. 5. Д. 5046.
13. НИАБ. – Ф. 31. Оп. 9. Д. 2855.
14. НИАБ. – Ф. 7. Оп. 5. Д. 3831.
15. НИАБ. – Ф. 7. Оп. 5. Д. 5047.
16. НИАБ. – Ф. 31. Оп. 9. Д. 1735.
17. НИАБ. – Ф. 31. Оп. 9. Д. 2470.
18. НИАБ. – Ф. 7. Оп. 5. Д. 4598.
19. НИАБ. – Ф. 7. Оп. 5. Д. 3830.
20. НИАБ. – Ф. 7. Оп. 5. Д. 4216.
21. НИАБ. – Ф. 31. Оп. 9. Д. 2466.
22. НИАБ. – Ф. 911. Оп. 7. Д. 1423.
23. НИАБ. – Ф. 7. Оп. 5. Д. 4214.
24. НИАБ. – Ф. 1049. Оп. 1(пр.). Д. 198.
25. НИАБ. – Ф. 1049. Оп. 1(пр.). Д. 194.
26. НИАБ. – Ф. 1049. Оп. 1(пр.). Д. 190.
27. НИАБ. – Ф. 1049. Оп. 1(пр.). Д. 231.

Поступила 17.03.2020

THE QUESTIONS OF THE FOREIGN TRADE ACTIVITIES OF THE BSSR IN THE LAST DECADES OF THE EXISTENCE OF THE USSR

V. BORISENKO

Some features of the implementation of the foreign trade activities of the BSSR in the framework of the Soviet Union are disclosed in the article. The specifics of the organization of foreign trade in the USSR and the influence of strict centralization on the degree of republic participation in allied trade and economic relations are shown in it. The possibilities of the Byelorussian SSR in earning currency at the expense of superplanned and new products not previously exported and in its use for providing enterprises and organizations with imported equipment and devices that could not be obtained due to domestic production are analyzed in the article. The role of exchange operations with foreign countries in providing the domestic market with consumer goods is also considered in the article.

Keywords: *Belarusian SSR, foreign trade, trade and economic relations, economic cooperation, economic integration, foreign market, export, import.*

УДК 39.01(=161.3)+39.01(=172)](091)

ВЫНАХОДНІЦТВА ЭТНАГРАФІЧНЫХ РЭГІЁНАЎ БЕЛАРУСІ
І ЛІТВЫ: ПАРАЎНАЛЬНАЯ ХАРАКТАРЫСТЫКА

канд. гіст. навук Ю.І. ВНУКОВІЧ

(Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі, Мінск)

Параўноўваецца вынаходніцтва этнаграфічных рэгіёнаў Беларусі і Літвы як інструментаў навуковай класіфікацыі і інтэрпрэтацыі тэрытарыяльных варыянтаў этнічнай культуры. Паказана выключная важнасць сацыяльна рэlevantных маркераў тэрытарыяльнай ідэнтычнасці/адрознасці для паспяховага канструявання этнаграфічнага рэгіёна як у навуковым, так і ў шырокім публічным дыскурсах. На прыкладзе гістарычнай Віленічыны прадэманстравана, якім чынам у выніку дзяржаўна-тэрытарыяльных змен адбываецца інтэграцыя ў нацыянальныя праекты этнаграфічных рэгіёнаў этнічна неаднастайных памежных тэрыторый.

Ключавыя словы: этнічная культура, навуковая класіфікацыя, этнаграфічны рэгіён, катэгарызацыя, ідэнтыфікацыя, Беларусь, Літва, кампаратывістыка.

Уводзіны. Даследуючы культуры народаў свету, этнолагі рэгулярна сутыкаюцца з неабходнасцю вылучэння іх спецыфічных варыянтных тыпаў. У аснове адной з найбольш ранніх і распаўсюджаных класіфікацый разнастайнасці этнічных культур ляжыць крытэрыі іх тэрытарыяльнай прыналежнасці. У айчыннай этналогіі гэтая навуковая традыцыя знайшла сваё найбольш выразнае адлюстраванне ў працоўцы так званага «гісторыка-этнаграфічнага раяніравання», выкананага на падставе падсістэм матэрыяльнай культуры беларускім этнографам В.С. Цітовым [1–3]. Праўда, навуковы канструкт «гісторыка-этнаграфічнага рэгіёна»¹, прыняты і шырока растыражаваны ў працах айчынных даследчыкаў канца ХХ – пачатку ХХІ ст., так і не набыў магутнага інструментальнага значэння, якое ён мае ў многіх краінах Еўропы. Каб лепш зразумець прычыны такой сітуацыі, нялішнім будзе звярнуцца да замежнага вопыту вынаходніцтва і канцэптуалізацыі этнаграфічных рэгіёнаў. Адзін з найбольш блізкіх і даволі паспяховых прыкладаў канструявання этнатэрытарыяльных ідэнтычнасцей дэманструе суседняя Літва, дзе вывучэнне лакальна-рэгіянальнай разнастайнасці этнічнай культуры было і ёсць адным з прыярытэтных кірункаў этналагічнай навукі [4, р. 21–24; 5, р. 126; 6, р. 126–127; 7, р. 12–18].

Хоць само паняцце этнаграфічнага рэгіёна² з’яўляецца даволі ўмоўным і адносным, яно мае вялікае інструментальнае значэнне і аказвае непасрэдна ўплыў на характар інтэрпрэтацый варыянтных з’яў этнічнай культуры як у навуковым, так і ў куды больш шырокім публічным дыскурсе (непасрэдна звязаным з узнаўленнем і падтрыманнем рэгіянальнай ідэнтычнасці). Літоўскі этнолаг В. Туменас увогуле задаецца пытаннем: «Калі існуе шмат разнастайных варыянтаў падзелу Літвы на пяць этнаграфічных зямель, ніводны з якіх не фармалізаваны на адміністрацыйнай карце краіны (у адрозненне ад суседняй Латвіі), а ў першай палове ХІХ ст. такой разнастайнасці рэгіёнаў яшчэ ўвогуле не было, ёсць усе падставы ўзняць пытанне, ці не з’яўляецца паняцце субэтнасаў і іх зямель легендай альбо выключна інструментам класіфікацыі, створаным у галовах вучоных, сучасным міфам культурнай ідэнтычнасці. Ці папулярнае разуменне субэтнічнага, субрэгіянальнага патрыятызму, якое існуе ў грамадстве, мае што-небудзь агульнае з навуковымі высновамі?» [5, р. 127].

Мэта гэтага артыкула – параўнаць канцэптуальныя падыходы ў навуковым канструяванні этнаграфічных рэгіёнаў Беларусі і Літвы, улічыўшы перадусім іх інструментальную значнасць у дыскурсіўным працэсе фарміравання рэгіянальнай ідэнтычнасці. Канструктывісцкі кірунак у сучасных гуманітарных навуках заахвочвае нас разгледзець гэтую праблематыку ў паняццях, якія падкрэсліваюць суб’ектыўны, множны, сітуацыйны характар (этнічнай, рэгіянальнай і інш.) ідэнтычнасці³, што канструюецца і рэканструюецца ў працэсе дыскурсу. Пры гэтым асноўная ўвага будзе звернута не на *культурны інвентар* (г. зн.

¹ У навуковай літаратуры сустракаецца шэраг фактычна сінанімічных паняццяў: «гісторыка-культурны рэгіён», «этнаграфічная вобласць», «этнакультурны рэгіён», «этнарэгіён» і інш. У літоўскай этналогіі таксама прыняты тэрмін «этнаграфічная зямля» (літ. *etnografinė žemė*), які ў большай ступені выяўляе семантыку зямліцтва/сваецтва, а таксама мае пэўныя канатацыі з гістарычнымі назвамі кшталту *Жамойцкая зямля*.

² У артыкуле ўжываецца тэрмін «этнаграфічны рэгіён» у яго самым шырокім значэнні, сугучна ідэям П. Бурдзье, што любы рэгіён найперш трэба разглядаць як прадукт акта класіфікацыі [8, с. 48–49]. Згодна з гэтай логікай этнаграфічны рэгіён пачынаецца тады, калі ён пачынае цікавіць этнографу, г. зн. можна казаць пра яго фармальнае вынаходніцтва (у тым сэнсе, як разумее гэты працэс Э. Хабсбаўм [9, р. 4–7]).

³ На хрэстаматыйным прыкладзе братаў Іваноўскіх гэта выдатна праілюстраванаў беларускі этнолаг П.У. Церашковіч, які акцэнтаваў асабліва высокую ступень культурнай гібрыдызацыі, эластычнасці і зменлівасці ідэнтычнасці ў сацыяльных практыках жыхароў памежжа [10, с. 266–268].

знешнія «аб'ектыўныя» адрозненні), якія змяшчаюць у сабе этнаграфічныя рэгіёны, а на сацыяльна рэлевантныя маркеры ідэнтычнасці, г. зн. дыферэнцыяльныя прыкметы, якія людзі знаходзяць у іншых і выяўляюць самі для дэманстрацыі сваёй тэрытарыяльнай прыналежнасці.

Асноўная частка. Першапраходцам, які свядома падзяліў Літву на асобныя гістарычныя рэгіёны, быў вядомы археолаг, гісторык і этнограф Т. Нарбут. Сам ураджэнец беларуска-літоўскага памежжа, ён сістэматычна вывучаў гісторыю ВКЛ, праводзіў археаграфічныя і археалагічныя расшукі на Лідчыне. У сваім артыкуле «Вызначэнне межаў уласнай Літвы ад стараны Славяншчыны» («Oznaczenie granic Litwy właściwej od strony Słowiańszczyzny»)⁴, ён не толькі геаграфічна адасобіў «сапраўдную Літву» ад славян (г. зн. ад суседняй Польшчы і Беларусі), але яшчэ і вылучыў у ёй чатыры «правінцыі» [11, s. 269–270]. Паводле Т. Нарбута, у міжрэччы Пелясы, Дзітвы, Жыжмы і Шальчы размяшчалася *Пелюзія* (або *Пелязія*); далей у бок Віліі аж да ракі Нявежы – правінцыя *Нерома*; тэрыторыю ад ракі Нявежы на ўсход, ахопліваючы ўвесь Вількамірскі павет, займала Верхняя (Горная) Літва (*Auxtele*)⁵; аж да мора распасціралася Ніжняя (Дольная) Літва – Жамойцкая зямля (або *Жмудзь*)⁶. Вылучэнне «Неромы» і «Пелюзіі» («Пелязіі») у якасці асобных гістарычных абласцей Літвы не мела пад сабой асаблівага навуковага грунту (за выключэннем нешматлікіх згадак зямлі Неромы ў сярэднявечных летапісах, якую Т. Нарбут штучна намагаўся «прывязаць» да літоўскай назвы ракі Віліі – *Нярыс*). Аднак відавочна, што акрэсленыя такім чынам «правінцыі» адлюстроўвалі найперш уласнае разуменне даследчыкам тэрытарыяльна-гістарычных асаблівасцей Літвы. Напрыклад, на першы погляд загадкавую Пелюзію⁷ ва ўяўленні Т. Нарбута засялялі групы мясцовага літоўскага насельніцтва, важную ролю ў фарміраванні якіх адыгралі заходнія балты (борці, дайновы і інш.), што ў мінулым сяліліся ў раёне ракі і аднайменнага возера Пеляса. Пры гэтым ён адзначаў, што дыялектныя адрозненні паміж літоўцамі Аўкштайціі ды прыдуманых ім Пелюзіі і Неромы значна меншыя ў параўнанні з літоўцамі Жэмайціі, а найчысцейшая літоўская мова захавалася ў Вількамірскім павеце, г. зн. «на класічных літоўскіх землях» [11, s. 269–270].

Іншы вядомы гісторык, сучаснік Т. Нарбута, М. Балінскі сцвярджаў, што ў першай палове XIX ст. у народным ужытку ўсё яшчэ захоўваліся назвы зямель былога ВКЛ, якія вынікалі «з розніцы родавай яго жыхароў, або іх мясцовага становішча і звычаяў» [12, s. 117]. Паводле М. Балінскага, усё Віленскае і большая частка Трокскага ваяводства ёсць *уласная Літва*, а Жамойцкае княства з'яўляецца «ніжэйшай яе [Літвы?] часткай», або *Жмудзю*; ваяводства Полацкае, Віцебскае і Мсціслаўскае з [усходняй] часткай Мінскага называюцца *Беларуссю*, Навагрудскае з часткамі Трокскага каля Гродна і [заходняй] Мінскага – *Чорнай Руссю*; астатняя частка Трокскага ваяводства паміж Нёманам, Аўгустоўскай пушчай і прускай мяжой завецца *Запушчанскім Трактам*; нарэшце, паўднёвыя часткі ваяводстваў Мінскага і Брэст-Літоўскага – *Палессем* [12, s. 117]. Такі гістарычны падзел Літвы і Беларусі з невялікімі варыяцыямі заставаўся пануючым у працах многіх польскамоўных даследчыкаў XIX ст.⁸

Адным з першых, хто паспрабаваў класіфікаваць беларусаў на асобныя «нацыянальныя групы» быў афіцэр расійскай арміі, этнограф і картограф нямецкага паходжання Р.Ф. Эркерт. У сваёй працы «Погляд на гісторыю і этнаграфію заходніх губерняў Расіі» («Взгляд на историю и этнографию западных губерний России») [14], якая выйшла ў якасці спецыяльнага дадатку да яго «Этнаграфічнага атласа заходне-рускіх губерняў і суседніх абласцей» («Этнографический атлас западно-русских губерний и соседних областей») [15], наконт этнаграфічнага адрознення беларусаў ён даслоўна пісаў наступнае: «Первоначальные национальные особенности, свойство почвы, соседство Литовцев и влияние Поляков создали несколько национальных групп Белоруссов, которые существуют еще и теперь, или именно теперь-то более или менее ясно. Особенно заметны две главные группы. Первую из них составляют так называемые *настоящие Белоруссы* в губерниях Витебской и Могилевской (также далее на восток) и в восточной части Минской губернии. Они примыкают на западе к Латышам, к Двине вверх до Десны и далее к Борисову, вниз по Березине. Другую группу составляют живущие далее на западе *Белоруссы, которые однако сами не зовут себя этим именем, да и Поляками не называются Белоруссами*; они по большей части не дают себе никакого национального названия, а язык свой называют «простым». Великоруссы и Поляки в общежитии обыкновенно обозначают их словами: «из униятов». Для этих западных Белоруссов, которые сильно подверглись польскому влиянию,

⁴ Калі падыход вызначаць межы старажытнай (лічы, уяўнай) «сапраўднай Літвы», закладзены Т. Нарбутам, фактычна лёг у падмурак дыскусу тэрытарыялізацыі літоўскай этнічнасці ў яе гістарычнай праекцыі, то вылучаныя ім «правінцыі» Літвы засталіся ў літоўскай гістарыяграфіі парадаксальным чынам ніяк не праінтэрпрэтаваныя і не асветленыя.

⁵ Відаць, тут пададзены перакручаны лацінізаваны варыянт назвы Аўкштайціі (літ. *Aukštaitija*), якая ў сваю чаргу этымалагічна звязваецца з літ. *aukštas* «высокі».

⁶ Цяпер прынятая назва Жэмайціі (літ. *Žemaitija*); паходзіць ад літоўскага слова *žemas* «нізкі».

⁷ Тут нялішнім будзе прыгадаць, што менавіта ў гэтай «правінцыі» (у Лідскім павеце) размяшчаўся родавы маёнтак Нарбутаў – Шаўры, у ваколіцах якога даследчык правёў большую частку сваіх натуральных і археалагічных даследаванняў.

⁸ У канцы XIX ст. польскі антраполог Ю. Талька-Грынцэвіч «на падставе мовы, паходжання і культуры» не толькі вылучыў тры групы беларусаў («усходніх», «заходніх» і «палешукоў»), але і паспрабаваў вызначыць прыблізную іх колькасць [13, s. 6–8].

в особенности в северо-восточной трети Гродненской губернии, принято вообще название Черноруссов (по черным овцам, из шерсти которых они делают себе одежду); но сами они не называют себя этим именем⁹. Большая часть Подлясья, в особенности Сокольский уезд, и весьма немногие места Августовской губернии в Царстве Польском, населены третьей, наиболее ополченной категорией Белоруссов (Подляшанами)» [14, с. 64]. Як добра бачна (звярніце ўвагу на арыгінальны аўтарскі курсіў!), галоўным крытэрыем свайго падзелу беларусаў на тры этнаграфічныя групы¹⁰ Р.Ф. Эркерт паспрабаваў зрабіць катэгарызацыю і ідэнтыфікацыю як самімі людзьмі, што непасрэдна ўваходзілі ў гэтыя групы (г. зн. уласна беларусамі), так і тымі, хто ў гэтыя групы не ўваходзіў, але жыў тут па-суседству («в общежитии») (г. зн. рускімі і палякамі)¹¹. Пры гэтым асноўным маркерам іх ідэнтычнасці/адрознасці выступала канфесійная прыналежнасць як асноўная ўліковая адзінка Расійскай імперыі таго часу. Нельга не заўважыць, што ў цэлым класіфікацыя беларусаў на заходнюю і ўсходнюю групы, прапанаваная Р.Ф. Эркерт, адпавядала гістарычна-геаграфічнаму падзелу тэрыторыі іх пражывання на Літву і [Белую] Русь, большасць аб'ектўных крытэрыяў размежавання якіх да XIX ст. ужо размыліся [17, с. 159].

Кожную з гэтых груп беларусаў Р.Ф. Эркерт у духу свайго часу надзяліў прымардыяльнымі этнаграфічнымі ўласцівасцямі: «Настоящие Белоруссы находятся на очень низкой степени образования; жители Могилевской губернии очень бедны, малаго роста и слабого сложения; их язык, одежда и нравы подверглись польскому влиянию меньше, нежели в большей части уездов Витебской губернии, которая, по своему географическому положению, была долго театром войн между Поляками и враждебными им соседями на севере» [14, с. 65]. «Собственную Белоруссию» (узгадаем Нарбутаўскую «ўласную Літву»!)¹², дзе «обработка земли в высшей степени запущена», даследчык метафарычна параўноўваў «с бедной, но прекрасной девушкой, которая может рассчитывать на богатое наследство» [14, с. 65]. А вось заходнія, ці «каталіцкія» беларусы ўсяляк прыраўноўваліся ім да палякаў і супрацьпастаўляліся «вельікарсам»: «Католические Белоруссы вообще (которых мы более или менее считаем Поляками) почти все носят польский костюм, отличающийся от одежды Белоруссов; по своему образу мыслей, привычкам и роду жизни, они совершенные Поляки». І далей: «В нравах и роде жизни западных, не настоящих Белоруссов, сильно обнаруживается польское влияние; но у них до сих пор и не было почти никакой связи с Великоруссами. Они бреют бороду и усы, одеваются очень бедно, и имеют темный цвет лица. Общественные удовольствия их заключаются в музыке (скрипка) и пляске; для последней они собираются по праздникам в корчме (совершенно польском заведении, составляющем резкую противоположность к чисто русскому постоялому двору) и попарно, мужина с женщиной, пляшут польские танцы» [14, с. 66]. Зазначым, што падобны стэрэатып заходніх беларусаў як моцна спаланізаваных і акаталічаных захоўваўся цягам усяго XX ст.

Што тычыцца літоўцаў, то Р.Ф. Эркерт падзяліў іх усяго толькі на дзве групы, «находящиеся между собою в близком родстве, а именно на Литовцев в тесном смысле слова, или Литвинов, и Жмудь» [14, с. 69]. Больш за тое, калі беларусы на створанай ім этнаграфічнай карце «лагатыпізаваныя» адным колерам¹³, то літоўцы ў адпаведнасці з гэтай класіфікацыяй выяўлены ў двух розных колерах, што адпаведна пазначаюць рассяленне «літвінаў» і «самагітаў» (ці «Жмудзі») [15, Т. I]. Характарызуючы розніцу паміж гэтымі групамі «літоўскага племені», Р.Ф. Эркерт пісаў, што «Жмудь в нравственном и материальном отношении стоит гораздо выше Литовцев», а «самый чистый тип ее можно найти в Тельшевском уезде, где в то же время и очень любимое земледелие развито гораздо более, нежели во всех прочих уездах, населенных Жмудью» [14, с. 69]. Апісваючы Жэмайцію, даследчык параўноўваў яе са Швейцарыяй: «В топографическом отношении страну, населенную Жмудью, можно назвать чем-то в роде Швейцарии; селения и дома отличаются чистотою и довольством». Жэмайты, на яго думку, вылучаліся таксама «большою религиозностью, привязанностью к католической вере, твердостью и энергиею характера и воинственным духом» [14, с. 70]. Падобны стэрэатып Жэмайціі (як своеасаблівага рэзервата «літоўскасці») канструявалі многія даследчыкі XIX ст.¹⁴ Дастаткова толькі сказаць, што менавіта ўрадженцы гэтай часткі Літвы

⁹ Пра гістарыяграфічную штучнасць тэрміна «чарнаруссы» пісаў не толькі Р.Ф. Эркерт. Напрыклад, крытыкуючы знакамітую працу А. Кіркора, яго сучаснік і апанент С.В. Шалковіч адзначаў: «Между народностями Литовского полесья автор очерка находит и *Черноруссов*; он помещает их в 3-х приходах Лидского уезда. Считаю долгом заметить, что такого названия племени мы нигде не встречали в западно-русских актах; оно существует только в польской исторической литературе» [16, с. 85].

¹⁰ Жыхароў Заходняга Палесся Р.Ф. Эркерт аднёс да «маларусаў».

¹¹ Тут дарэчы яшчэ будзе звярнуць увагу на тое, што ў сваіх высновах Р.Ф. Эркерт абапіраўся не толькі на асабістыя назіранні, але і на апытанні «некалькіх сотняў салдат, ураджэнцаў тых мясцовасцей» [14, с. 5].

¹² Увогуле пошук і канцэптуалізацыя «класічных», «сапраўдных», «справдчаных» зямель таго або іншага народа была адной з цэнтральных тэм еўрапейскага народнаўства XIX ст. З гэтым звязана актыўнае канструяванне мовазнаўцамі, этнографамі і фалькларыстамі ў сваіх працах спецыфічных моўных і культурных эталонаў этнічнага, адрозных ад аналагічных атрыбутаў сваіх найбліжэйшых суседзяў.

¹³ Словы пра этнічную маргінальнасць заходніх беларусаў на карце наглядна мусіла пацвярджаць неверагодная колькасць ружовых плямін, што абазначалі анклав польскага насельніцтва.

¹⁴ Вядомы фалькларыст П.А. Бяссонаў нават лічыў, што ў пытаннях супраціву культурнай і моўнай асіміляцыі з боку палякаў у жэмайтаў магло б падвучыцца і беларусы: «Литовский корень, еще целый на Жмуди, виден в ее природе, сильной, могучей, резкой типом и чертами, сильной физическим сложением, выразительной глазами, не бледной,

(Д. Пашкевіч, Л. Юцэвіч, С. Даўконтас і інш.), якія свабодна валодалі літоўскай мовай і добра ведалі культуру літоўцаў «знутры», яшчэ ў першай палове XIX ст. задалі ў сваіх класічных працах тыя культурныя эталоны «літоўскага», што пасля па інерцыі сталі выкарыстоўвацца іншымі даследчыкамі для ацэнкі адпаведнасці «традыцыйнаму» і «этнічнаму». Да таго ж, лінгвістычна-этнаграфічны каларыт Жэмайці-Жмудзі (у яе самым шырокім разуменні) у літоўскай нацыянальнай праекцыі вельмі добра падыходзіў для канстрування сімвалічнай культурнай мяжы з «іншымі» суседзямі і, адпаведна, для стварэння выразнага вобразу «літоўскага» з максімальным індэксам адрознасці¹⁵.

Такім чынам, самыя першыя спробы класіфікаваць беларусаў і літоўцаў паводле іх этнатарытарыяльных адрозненняў былі зроблены яшчэ ў сярэдзіне XIX ст. Гэтыя класіфікацыі ў значнай ступені былі заснаваныя на рэгіянальных самапрэзентацыях мясцовага насельніцтва і адлюстроўвалі гістарычны падзел літоўцаў як мінімум на дзве вялікія групы – аўкштайтаў («сапраўдную Літву») і жэмайтаў («Жмудзь»), а беларусаў – на ўсходніх, пераважна праваслаўных («сапраўдных») і заходніх, канфесійна неаднастайных (з размытай катэгарызацыяй і ідэнтыфікацыяй) беларусаў; у якасці асобных этнаграфічных груп беларусаў даследчыкі таксама вылучалі падляшан і палешукоў. Адзначым, што гэтыя класіфікацыі ў далейшым былі пакладзены ў аснову не толькі этнакультурнага рэгіянавання (найперш Літвы), але таксама дыялектнага падзелу літоўскай і беларускай моў¹⁶. Канструяванне новых этнарэгіянальных ідэнтычнасцей адбывалася па меры назапашвання эмпірычных звестак, якія дазвалялі даследчыкам аб'ектываваць адрозненні і надзяляць тыя або іншыя тэрытарыяльныя групы насельніцтва спецыфічнымі культурнымі маркерамі, што вылучалі іх на фоне адзінак такога ж парадку. Пры гэтым важна мець на ўвазе, што ўжо ў сярэдзіне XIX ст. беларускія і літоўскія землі закранулі дынамічныя мадэрнізацыйныя працэсы, якія ўздзейнічалі не толькі на іх сацыяльныя сувязі, культуру, межы і этнанімію, але і на само разуменне рэгіяналізму. Паказальнае ў гэтым плане вынаходніцтва і канцэптуалізацыя ў канцы XIX – першай палове XX ст. такіх этнарэгіёнаў Літвы, як Дзукія, Сувалкія і Клайпедскі край¹⁷.

Лічыцца, што ўпершыню назву *дзюкі* («*Dziuki*») разам з шэрагам іншых калектыўных мянушак («*Gogi*», «*Staki*», «*Szaki*», «*Zanawiki*» і «*Uzwingi*») у дачыненні да розных лакальных груп літоўцаў, што жылі ў Занямонні, зафіксаваў у сярэдзіне XIX ст. знакаміты даследчык лясной гаспадаркі А. Палуянскі [20, s. 132–133]. Паводле яго, літоўцы-дзюкі займалі ўвесь Кальварыйскі і паўночную частку Сейненскага паветаў Аўгустоўскай губерні. У апошняй чвэрці XIX ст. гэтую, першапачатковую вузкалакальную назву («Дзюкі») і лінгвістычную дыялектную асаблівасць *дзекаання/дзукання* (літ. *dzūkavimas*), характэрную для літоўскіх гаворак Кальварыйскага, Сейненскага, Гродзенскага і Троцкага паветаў, пасля працяглага экспедыцыйнага вывучэння гэтага краю суаднёс і фактычна звязаў разам вядомы мовазнаўца і этнограф Э. Вольтэр [21, с. 2–5]. Пры гэтым самую фанетычную з'яву *дзекаання* ён лічыў вынікам заходнебалцкага («прускага») ўплыву ў гэтым рэгіёне Літвы, які ў мінулым насялялі старажытныя судовы і дайновы. Апрача іншага, Э. Вольтэр засведчыў факт знешняй катэгарызацыі *дзюкаў* як «мяшанцаў» іх паўночнымі суседзямі *жэмайтамі* («Любопытна еше и то, что некоторыя выражения этих Дзюков, на которых, как на мешанцев, Жмудины смотрят иногда с презрением, – более оригинальныя чем у остальных Литовцев») [21, с. 5]. Прыблізна ў гэты самы час найменне *дзюкі* (літ. *dzūkai*) у якасці самаабзначэння стала ўжывацца ў папулярным літоўскім друку і самімі ўраджэнцамі гэтага краю. Адзін з першых такіх артыкулаў – «З Дзюкіі» («*Sz Dzukijos*») – быў падпісаны псеўданімам «Дзюкас» («*Dzukas*») і надрукаваны ў газеце «Варпас» («*Varpas*») у 1889 г. [22, р. 157]. У ім *дзюкі* былі паказаныя не толькі як літоўцы, на якіх найбольшы ўплыў аказалі славянскія суседзі, што ў выніку адбілася на іх лагодным характары («Па прычыне суседства з павольнымі Русінамі [г. зн. беларусамі. – Ю.В.] і збяднелымі Мазурамі, характар Дзюка стаў мякчэйшым, лаўчэйшым і міралюбвым да чужынцаў, але і схільным да асіміляцыі»), а таксама закладаўся стэрэатып Дзюкіі як рэгіёна Літвы, дзе «часцей можна бачыць старажытныя звычаі патрыярхальныя»¹⁸ [22, р. 157].

не исхудалой, не золотушной до остова, <...> виден в языке ее, доселе могучем и крепком, и древнем, и неуступчивом, несмотря на узкое сокращение этнографических границ... [Сравните с этим] бестипичность, бледность, белокурость, безголосность, бесхозяйственность, языковую уступчивость крестьянина белоруса» [18, с. 508–509].

¹⁵ Падобную ролю ў стварэнні фальклорна-этнаграфічнага канона «беларускага» адыгралі ўсходнія рэгіёны Беларусі (Палессе, Падзвінне і Падняпроўе), якія ў другой палове XIX – пачатку XX ст. былі грунтоўна апісаныя цэлай плеядай выбітных этнографістаў, фалькларыстаў і мовазнаўцаў.

¹⁶ Па сутнасці, сённяшняю схему тэрытарыяльнага падзелу беларускай мовы на два асноўныя дыялекты заклаў яшчэ Я. Чачот, які сабраў і параўнаў узоры мовы і фальклору сялян «з-над Нёмана» і «з-над Дзвіны» [19, s. X–XVIII, XXX].

¹⁷ Што тычыцца Аўкштайціі і Жэмайціі як самых вялікіх гістарычных рэгіёнаў Літвы, то галоўная навуковая праблема заключалася ў вызначэнні дакладнай мяжы паміж імі, якую вельмі адрозна бачылі гісторыкі, этнолагі, лінгвісты, этнамузыкалагі і інш. Таму ў літоўскай гістарыяграфіі прынята адрозніваць «гістарычную», «этнаграфічную» і «лінгвістычную» Аўкштайцію і Жэмайцію.

¹⁸ У гэтым сэнсе літоўская Дзукія вельмі падобная да беларускага Палесся, якое, як трапна заўважыў П.У. Церашковіч, «было і застаецца нечым кшталту Трабрыянскіх выспаў або ўзбярэжжа Новай Гвінеі для шматлікіх даследчыкаў традыцыйнай культуры Усходняй Еўропы» [10, с. 259].

У міжваенны час канцэптуалізацыяй Дзукіі (або *Дайнавы*) як самабытнага краю Літвы ў сваёй творчасці актыўна займаліся яе ўраджэнцы, знакамітыя літоўскія літаратары і публіцысты В. Крэве-Міцкявічус і Б. Сруога, якія, апрача ўсяго іншага, засведчылі ўнікальнасць і багацце фальклорнай спадчыны дзукаў. Як сцвярджае літоўскі этнолаг П. Кальнюс, галоўным фактарам, што паскорыў вылучэнне і прызнанне этнаграфічнай вобласці Дзукіі, раўназначнай паводле свайго рангу Аўкштайціі, Жэмайціі, Сувалкіі і Малой Літве, было ўсведамленне пачуцця агульнасці і дэкларацыя адметнасці самімі дзукамі [23, р. 99]. Так ці інакш, выразны лінгвістычны маркер дзукскай рэгіянальнай ідэнтычнасці ў перспектыве дазволіў навукоўцам не толькі вылучыць паўднёвы (дзукскі) дыялект літоўскай мовы¹⁹, але і канцэптуалізаваць асобны этнаграфічны рэгіён Літвы – Дзукію (літ. *Dzūkija*)²⁰, межы якога залежалі ад канкрэтнага крытэрыю, пакладзенага ў аснову той або іншай навуковай класіфікацыі (спецыфіка мовы, матэрыяльнай ці духоўнай культуры). Дзукскасць як пэўная з’ява рэгіянальнай культуры і Дзукія як асобны этнаграфічны рэгіён Літвы, у якім пражываюць не толькі літоўцы, усё больш інтэнсіўна брэндзіруецца і экспануецца ў канцы XX – пачатку XXI ст. Хоць на стагоддзе раней яна ўсё яшчэ ўспрымалася складовай часткай (субрэгіёнам) іншага этнаграфічнага рэгіёна Літвы – Сувалкіі (літ. *Suvalkija*), вынаходніцтва і ўяўленне якой адбывалася крыху інакш.

Назва гэтага рэгіёна²¹, сучасныя контуры якога вызначаюць рака Нёман і мяжа Літвы з Польшчай, паходзіць ад адміністрацыйнага цэнтра, што цяпер знаходзіцца па-за межамі літоўскай дзяржавы – польскага горада Сувалкаў. З 1795 да 1807 г. гэтая частка Літвы належала Прусіі, у 1807 – 1815 гг. – Герцагству Польскаму (якое знаходзілася пад пратэктаратам напалеонаўскай Францыі), у 1815 – 1917 гг. – Царству Польскаму (аўтаномнай дзяржаве ў складзе Расійскай імперыі). З 1867 г. з часткі Аўгустоўскай губерні была ўтворана Сувалкская губерня, у якую ўвайшло і літоўскае Занямонне. З гэтага часу тэрыторыя губерні паводле адміністрацыйнага прыняцця пачынаюць называць Сувальшчынай (па-літоўску – Сувал[ь]кія). Узнікненне спецыфічных рыс у культуры мясцовага літоўскага насельніцтва прынята звязваць з працэсамі мадэрнізацыі, якія закранулі гэты рэгіён значна раней за ўсе астатнія літоўскія землі, што ўваходзілі ў склад Расійскай імперыі. Напрыклад, тут на некалькі дзесяцігоддзяў раней было скасавана прыгоннае права, больш за сто гадоў (з 1808 г.) дзейнічаў грамадзянскі кодэкс Напалеона, ніколі не скасоўваўся і ўвесь час дзейнічаў Грыгарыянскі каляндар і г.д. Больш сучасныя формы гаспадарання, актыўнае перайманне заходніх стандартаў побыту, параўнальна высокая ступень заможнасці мясцовых сялян прывялі да фарміравання ў асяроддзі іншых груп літоўцаў стэрэатыпу сувалькійцаў²² як вельмі дбайных, але ашчадных і нават сквапных гаспадароў [27, р. 112].

Трэба адзначыць, што «адміністрацыйны» прыяцп вылучэння гэтага этнаграфічнага рэгіёна Літвы прывёў да таго, што ў ім былі аб’яднаны даволі адрозныя паводле сваёй ідэнтычнасці лакальныя групы літоўцаў (якіх згадаў яшчэ А. Палуянскі). Нядзіўна, што найбуйнейшыя з іх – *занавікі, капсы і дзукі* – утварылі тры субрэгіёны Сувалкіі, што задаюць тон у сучасным дыскурсе субрэгіянальных ідэнтычнасцей Літвы. Так ці інакш, прыклад Сувалкіі добра ілюструе выключную ролю адміністрацыйнай прыналежнасці насельніцтва ў канструяванні яго тэрытарыяльнай ідэнтычнасці. Па-першае, існуючы адміністрацыйны падзел уплывае на практыкі паўсядзённага жыцця і прымушае ідэнтыфікаваць сябе пэўным чынам, разглядаць сябе як «ідэнтычных» адзін аднаму, усведамляць сваю тэрытарыяльную агульнасць, зямляцтва, незалежна ад этнічнай прыналежнасці мясцовага насельніцтва. Па-другое, як піша літоўскі этнолаг Р. Мяркене, адміністрацыйна-палітычныя тэрыторыі дзяржавы не толькі ўзмацнялі ўнутраную інтэграцыю і стабілізацыю культурнай спадчынасці, але і блакавалі акумуляцыю найноўшага пласта культуры суседняга блізкароднаснага насельніцтва [28, с. 137–138].

Тэрытарыяльная адасобленасць садзейнічала ўкараненню рэгіянальнай спецыфікі не толькі ў літоўскім Занямонні, але таксама ў Віленскім і Клайпедскім краях, якія пэўны час былі аддзелены дзяржаўнымі межамі ад Літвы. Адметна, што яны былі асобна выяўлены на першай карце-схеме этнаграфічных рэгіёнаў Літвы, якая была падрыхтавана і выдадзена ў 1939 г. вядомым літоўскім даследчыкам народнага тэкстылю,

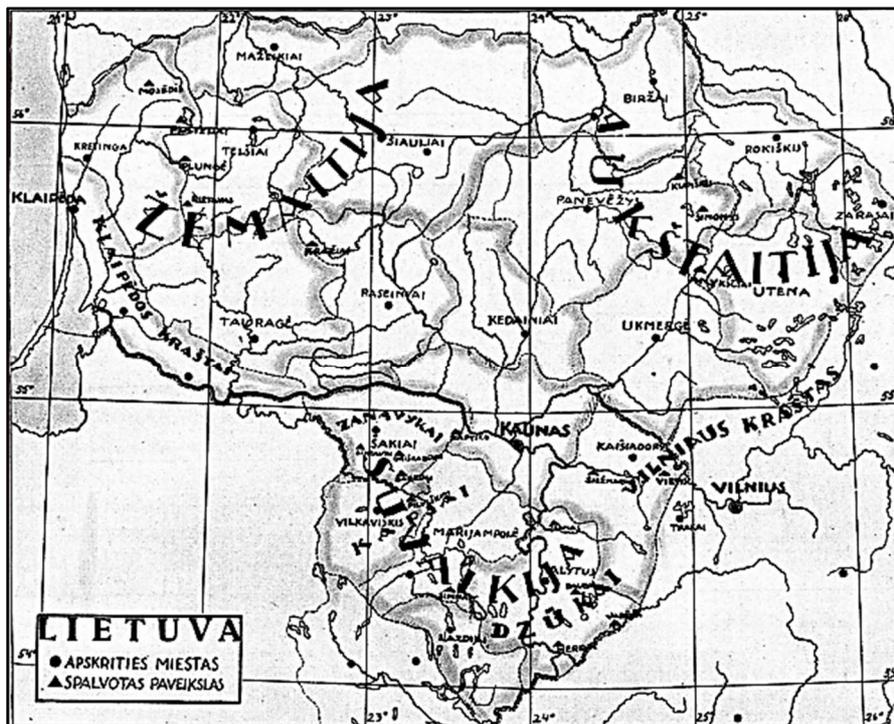
¹⁹ Упершыню гэта зрабіў літоўскі мовазнавец А. Саліс.

²⁰ Вельмі падобную («лінгвістычную») логіку мела вылучэнне асобнай лакальнай этнаграфічнай групы беларусаў-сакуноў, якіх у пачатку XX ст. падрабязна апісаў беларускі этнограф І.А. Сербай [24, с. 1–3]. Аднак, у адрозненне ад дзукаў, найменне *сакуны* так і засталася прывязаным выключна да жыхароў некалькіх вёсак у вярхоўях ракі Арэсы. У навуковай літаратуры экстрапаляваць гэтую назву на больш шырокі рэгіён спрабаваў даследчык народнай архітэктуры беларусаў А.І. Лакотка, які аднёс да «краіны сакуноў» чатыры сучасныя адміністрацыйныя раёны Беларусі – Асіповіцкі, Бабруйскі, Глускі і Старадарожскі [25, с. 77, 406].

²¹ Апрача назвы «Сувалкія» ў дачыненні да гэтага этнаграфічнага рэгіёна нярэдка ўжываецца гістарычная назва *Судува* (літ. *Sūduva*), рэанімаваная з сярэднявэковай наменклатуры балцкіх зямель, і геаграфічны тэрмін Занямонне (літ. *Užnemunė*).

²² Як сцвярджае літоўскі этнолаг П. Кальнюс, для саміх літоўцаў-сувалькійцаў характэрны пэўны культурна-этнаграфічны нарцысизм і рэгіёнаэнтрызм, што вынікае з іх выключнай ролі ў гісторыі развіцця літоўскага нацыянальнага руху і станаўлення літаратурнай мовы [26, р. 46].

мастацтвазнаўцам А. Тамашайцісам (малюнак 1). Праўда, у якасці трох раўназначных этнаграфічных рэгіёнаў на ёй фігуравалі толькі Жэмайція, Аўкштайція і Сувалкія. Апошняя ў сваю чаргу складалася з трох драбнейшых субрэгіёнаў, якія былі заселены этнаграфічнымі групамі літоўцаў-*занавікаў* (літ. *zanavykai*), *капсаў* (літ. *kapsai*) і занямонскіх *дзукаў* (літ. *dzūkai*) [6, p. 127]. Вылучэнне Клайпедскага і Віленскага краёў у 1920 – 30-х гг. у якасці асобных субрэгіёнаў Літвы было абумоўлена не толькі і, хутчэй за ўсё, не столькі этнакультурнай спецыфікай гэтых памежных тэрыторый, колькі іх асаблівым палітычным статусам. Верагодна, менавіта па гэтай прычыне, як заўважыў літоўскі этнолаг Ж. Шакніс, карты этнаграфічных рэгіёнаў Літвы (у адрозненне ад Латвіі, Эстоніі ці Фінляндыі) вельмі доўгі час не друкаваліся нават у абагульняючых працах па літоўскай этналогіі [6, p. 128].

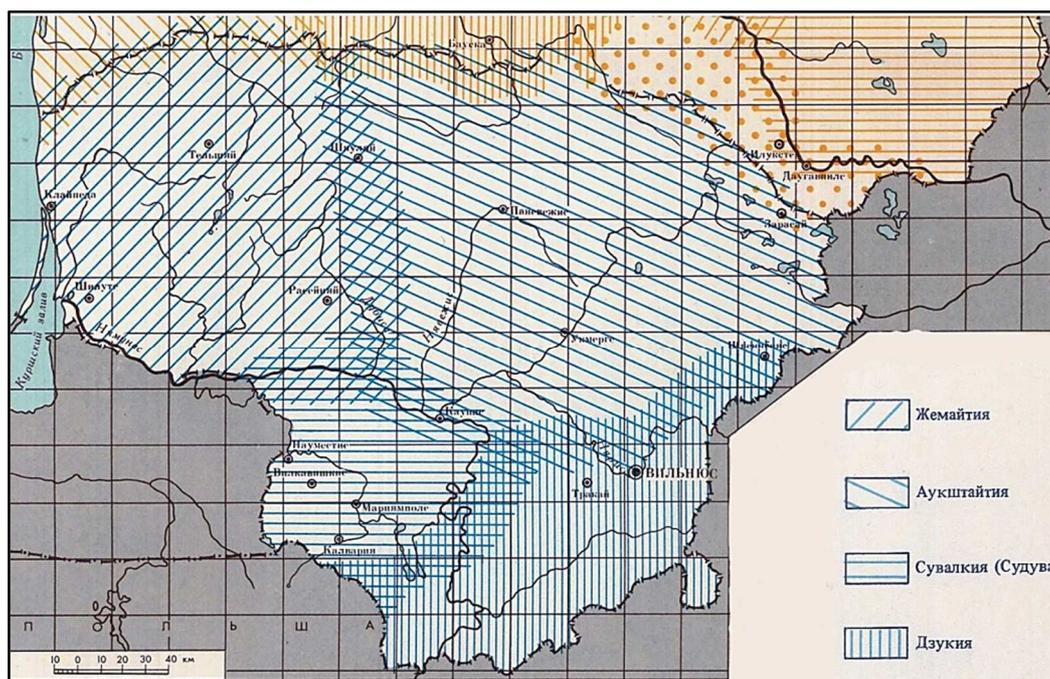
Малюнак 1. – Карта-схема этнаграфічных рэгіёнаў Літвы, складзеная А. Тамашайцісам (1939 г.)

Клайпедскі край – гэта частка былой Малой (або Прускай) Літвы, якую яшчэ ў XIII ст. утварылі заваяваныя Тэўтонскім ордэнам заходнебалцкія землі. Назва апошняй узнікла ў XVI ст. у выніку супрацьпастаўлення гэтай гістарычнай вобласці Вялікай Літве, г. зн. ВКЛ, ад якога яна ўвесь час была аддзелена. Прынята лічыць, што прыблізна ў гэты час тут сфарміравалася асобная этнаграфічная група (ці нават субэтнос) літоўцаў – *літоўнікаў* (літ. *lietuvinkai*), якія пакрысе анямечваліся. Нягледзячы на пануючае становішча нямецкай культуры, у Малой Літве склаліся даволі спрыяльныя ўмовы і для развіцця літоўскай культуры. З 1525 г. афіцыйнай рэлігіяй тут было абвешчана лютэранства, якое прадугледжвала набажэнствы на роднай мове насельніцтва. З гэтай мэтай вялася актыўная падрыхтоўка святароў, якія авалодвалі літоўскай і прускай мовамі. Важным культурным цэнтрам краю стаў заснаваны ў 1544 г. Каралявецкі ўніверсітэт. Да XVIII ст. у Малой Літве была створана значная колькасць пачатковых школ з літоўскай мовай навучання. У цэлым развіццё літоўскай культуры ў Малой Літве ішло больш шпаркімі тэмпамі, чым у ВКЛ. Своеасаблівыя палітычныя, сацыяльна-эканамічныя, канфесіянальныя і этнакультурныя ўмовы развіцця літоўнікаў прадвызначылі з’яўленне ў іх народнай культуры выразнай рэгіянальнай спецыфікі [29, с. 264–265].

У XIX ст. Малая Літва з’яўлялася шматкультурным памежным рэгіёнам Прусіі (з 1871 г. – Германскай імперыі), які аказваў значны ўплыў на развіццё літоўскага нацыянальнага руху ў Расійскай імперыі. Дастаткова толькі згадаць, што тут быў наладжаны друк літоўскай літаратуры, якая масава дастаўляўся кніганошамі ў Літву. У побытавых адносінах мясцовыя літоўнікі, якіх з другой паловы XIX ст. літоўская інтэлігенцыя пачала называць *малалітоўцамі* (літ. *mažlietuviai*), мала чым адрозніваліся ад нямецкага насельніцтва Усходняй Прусіі. Пры гэтым галоўным маркерам іх адрознасці ад уласна літоўцаў (якія ў асноўнай сваёй масе былі каталікамі) было лютэранскае веравызнанне. Гэта знайшло сваё адлюстраванне ва ўзаемных стэрэатыпах, што паўставалі на старонках літоўскага перыядычнага друку ў канцы XIX – пачатку XX ст.: у [Вялікай] Літве тыражаваўся вобраз літоўнікаў як зацятых прускіх (нямецкіх) евангелістаў-лютэран, а ў Малой Літве ўяўлялі сваіх супляменнікаў як дашчэнтну спаланізаваных каталікоў [30, p. 296; 31, p. 118–119].

Хоць у 1923 – 1939 гг. Клайпедскі край на аўтаномных правах і належаў Літоўскай Рэспубліцы, яго палітычнае, эканамічнае і культурнае жыццё вызначала барацьба інтарэсаў літоўскай і нямецкай дзяржаў за ўплыў у гэтым рэгіёне [31, р. 121]. Нядзіўна, што частка мясцовых жыхароў была схільная самавызначацца не як «літоўцы» або «немцы», а як *мемельяндэрай* (літ. *memellendriai*), г. зн. карэнныя жыхары Клайпедскага (Мемельскага) краю. У сучасным літоўскім нацыянальным дыскурсе Клайпедскі край выступае сімвалічным спадчынікам Малой Літвы, асноўныя землі якой пасля Другой сусветнай вайны ўвайшлі ў склад Калінінградскай вобласці РСФСР. Пры гэтым татальная іміграцыя і рэпатрыяцыя аўтахтоннага (у тым ліку, анямечанага літоўскага) насельніцтва з гэтых тэрыторый у пасляваенныя гады абумовіла канструяванне клайпедскай рэгіянальнай ідэнтычнасці выключна на падставе гістарычнай памяці і спадчыны, пакінутай літоўнікамі (якіх у канцы XX ст. тут налічвалася ўсяго некалькі сотняў чалавек), аднак змадэляванай у агульналітоўскіх нацыянальных сімвалах і праекцыях. Так ці інакш, цяжка не пагадзіцца з высновай Ж. Шакніса, што без масавага імкнення мясцовай інтэлігенцы ў канцы XX ст. «з кніг» аднаўляць культуру, якая перадавалася з пакалення ў пакаленне, гэтага рэгіёну папросту б не існавала [6, р. 138].

Канчатковая навуковая легітымізацыя Дзукіі, Сувалкіі і Клайпедскага краю як раўназначных этнаграфічных рэгіёнаў Літвы, поруч з Аўкштайціяй і Жэмайціяй, адбылася ў 1980-х гг., калі літоўскія, латышскія і эстонскія этнографы пад эгідай Інстытута этнаграфіі ім. М.М. Міклухі-Маклая АН СССР прынялі ўдзел у шырокамаштабным праекце этнаграфічнага раяніравання сваіх рэспублік. Яшчэ ў 1980 г. быў надрукаваны сумесны артыкул С. Цымерманіса і В. Маркунаса, у якім была прапанавана і абгрунтавана схема «гісторыка-этнаграфічнага раяніравання Латвіі і Літвы другой паловы XIX ст.» [32, с. 10]. У 1985 г. з’явілася афіцыйная навуковая карта гісторыка-культурных абласцей Літвы, якая была надрукавана ў першым томе абагульняючага гісторыка-этнаграфічнага атласа Прыбалтыкі, прысвечаным земляробству [33, Карта ІІ]. На ёй былі вылучаны чатыры этнаграфічныя рэгіёны (Жэмайція, Аўкштайція, Сувалкія (Судува) і Дзукія) з даволі шырокімі пераходнымі зонамі (малюнак 2).

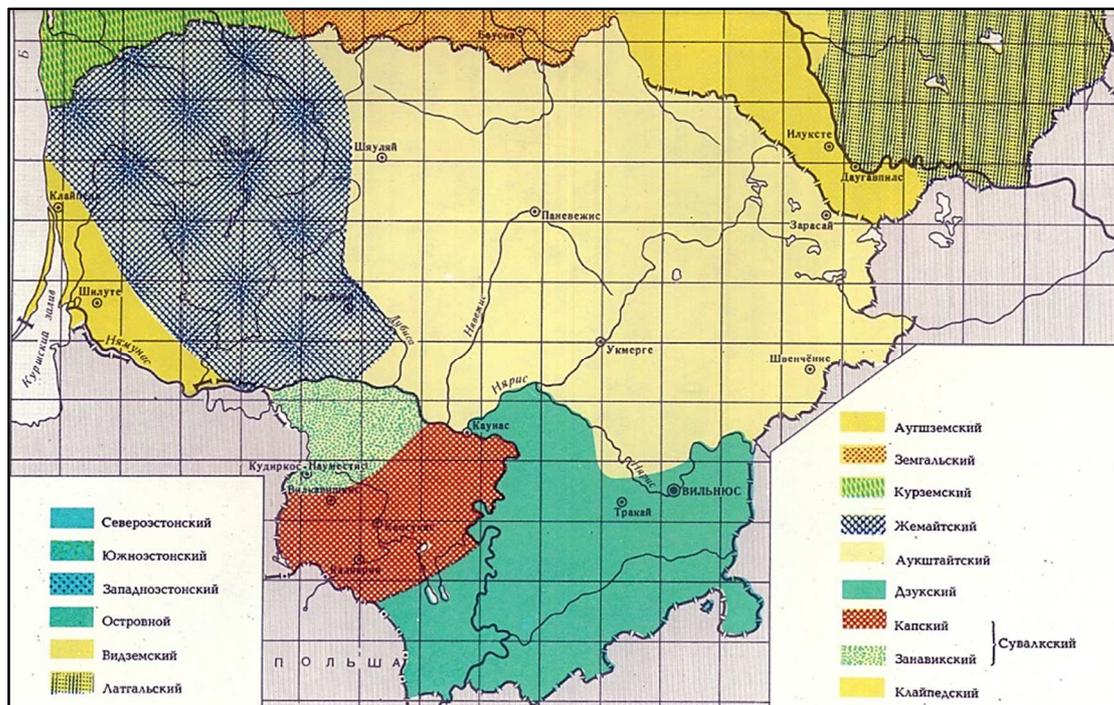
Малюнак 2. – Гісторыка-культурныя рэгіёны Літвы (1985 г.)

У наступным томе гісторыка-этнаграфічнага атласа Прыбалтыкі, прысвечаным народнаму адзенню, была ўкладзена амаль ідэнтычная «ўводная» карта, распрацаваная на падставе аналізу рэгіянальных варыянтаў традыцыйнага мужчынскага (!) адзення [34, Карта ІІІ]. І толькі на карце, зробленай на падставе тэрытарыяльнай дыферэнцыяцыі комплексаў народнага жаночага адзення [34, Карта І], яркімі колерамі былі вылучаны ўсе пяць этнаграфічных рэгіёнаў Літвы (у тым ліку, Клайпедскі край) з выразна акрэсленымі межамі (малюнак 3).

Спробы больш дакладна вызначыць межы этнаграфічных рэгіёнаў Літвы актывізаваліся ў пачатку ХХІ ст., калі ў літоўскім грамадстве актыўна абмяркоўвалася магчымасць адміністрацыйна-тэрытарыяльнай рэформы краіны ў адпаведнасці з навуковымі ўяўленнямі аб падзеле літоўцаў на асобныя субэтнічныя групы²³. З гэтай мэтай літоўскімі этнолагамі Ж. Шакнісам і Д. Піварунасам была падрыхтавана новая карта

²³ У межах гэтай праблематыкі было таксама ўзнята пытанне цэнтраў этнаграфічных рэгіёнаў – іх сімвалічных «сталіц».

этнаграфічных рэгіёнаў Літвы, выразныя абрысы якіх былі дакладна праведзены па межах найдрабнейшых сучасных адміністрацыйных адзінак краіны – старостваў (малюнак 4). З цягам часу гэтыя карты пачалі ўспрымацца і ацэньвацца на практычным узроўні як свайго роду эмблемы, якія мелі вялікі сімвалічны эффект у справе афіцыйнага прызнання і прасторавага ўяўлення рэгіянальных ідэнтычнасцей Літвы.

Малюнак 3. – Гісторыка-культурныя рэгіёны Літвы, вылучаныя на падставе аналізу комплексу традыцыйнага жаночага адзення (1986 г.)

Малюнак 4. – Этнаграфічныя рэгіёны Літвы (паводле Ж. Шакніса і Д. Піварунаса, 2001 г.)

Такім чынам, навуковыя практыкі этнаэрытарыяльнай класіфікацыі літоўцаў на працягу XX ст. пастаянна ўдасканалваліся і карэктаваліся з улікам гістарычных змен і дзяржаўна-тэрытарыяльных трансфармацый. Пры гэтым у іх канцэптуальнай аснове ляжалі не толькі так званыя «аб'ектыўныя» крытэрыі рэгіянальнай прыналежнасці (асабліва мовы, культуры, паходжання і інш.), але і так званыя «суб'ектыўныя» якасці (пачуццё прыналежнасці, калектыўная памяць, этнічныя стэрэатыпы і інш.), г. зн. рэпрэзентацыі, праз якія класіфікаваныя такім чынам людзі самі ўяўляюць гэты падзел і якія, у рэшце рэшт, садзейнічаюць рэчаіснасці такога падзелу.

Калі ў апошняй чвэрці XX – пачатку XXI ст. у Літве адбылося канчатковае зацвярджэнне пяці асноўных этнаграфічных рэгіёнаў (у тым ліку, як турыстычных брэндаў краіны), то ў Беларусі толькі адбывалася іх канцэптуальнае вынаходніцтва і навуковае канструяванне. Афіцыйным штуршком да распрацоўкі класіфікацыі тэрытарыяльных варыянтаў этнічнай культуры беларусаў, а таксама пачаткам іх фармальнай інстытуалізацыі стала рашэнне аб стварэнні ў 1976 г. Беларускага дзяржаўнага музея народнай архітэктуры і побыту пад адкрытым небам, у аснову экспазіцыйнай структуры якога (па аналогіі з адпаведнымі музеямі Латвіі, Літвы і Украіны) павінны былі быць пакладзены навукова абгрунтаваныя этнаграфічныя рэгіёны [1, с. 3–5]. У хуткім часе беларускім этнографам В.С. Цітовым была прадстаўлена навуковая канцэпцыя гісторыка-этнаграфічнага раяніравання Беларусі, выкананага на падставе «аналізу разнастайных кампанентаў (ландшафтна-геаграфічных умоў, характару рассялення і арганізацыі жылога асяроддзя, гаспадарчых заняткаў, транспартных сродкаў, народнага адзення і інш.)» і ўзгодненая на самым высокім узроўні тагачаснага кіраўніцтва краіны [35, с. 5, 10]. Яна прадугледжвала вылучэнне шасці гісторыка-этнаграфічных рэгіёнаў²⁴ – Паўночнага (Паазер'я), Усходняга (Падняпроўя), Цэнтральнага, Паўночна-Заходняга (Панямоння), Усходняга і Заходняга Палесся.

Не ўдаючыся ў падрабязнасці высвятлення лакальна-рэгіянальнай спецыфікі беларускай народнай культуры²⁵, адзначым, што створаная В.С. Цітовым этнаграфічная класіфікацыя амаль ніяк не карэлявала з сацыяльна рэlevantнымі маркерамі культурных адрозненняў (за выключэннем рэгіёна Палесся, асобная ідэнтычнасць жыхароў якога не выклікала ніякага сумнення нават у савецкія часы²⁶). Гістарычны ж падзел беларусаў на «заходнікаў» і «ўсходнікаў», засведчаны, як было паказана, яшчэ ў першых этнаэрытарыяльных класіфікацыях XIX ст. ды ў агульных рысах адлюстраваны ў сучаснай дыялектнай класіфікацыі беларускай мовы, у XX ст. па волі лёсу стаў асацыявацца амаль выключна з траўматычнай для гістарычнай памяці падзеяй – дзяржаўна-палітычным раз'яднаннем беларускай нацыі ў міжваенны перыяд (якое, трэба прызнаць, зрабіла этнакультурную адрознасць заходняй і ўсходняй частак Беларусі яшчэ больш выразнай). Гэта стварала вельмі нюансаваную перспектыву для навуковай канцэптуалізацыі «заходняга» і «ўсходняга» рэгіёнаў Беларусі (у тым ліку, у плане магчымага ўзнікнення непажаданых для палітычнага цэнтру рэгіянальных ідэнтытарных рухаў). Таму вобразнай асновай для новастворанай класіфікацыі стаў сучасны адміністрацыйна-тэрытарыяльны падзел краіны на шэсць абласцей, які, такім чынам, між волі прадвызначыў канструяванне новых этнаэрытарыяльных ідэнтычнасцей²⁷.

Заўважнае падабенства вылучаных В.С. Цітовым шасці этнаграфічных рэгіёнаў (малюнак 5) з сучаснымі адміністрацыйнымі абласцямі, з аднаго боку, здымала шэраг пытанняў, звязаных з іх фармальнай візуалізацыяй і «лагатыпізацыяй» на культурнай карце Беларусі. З другога боку, прапанаванае «гісторыка-этнаграфічнае раяніраванне матэрыяльнай культуры» практычна ніякім чынам не было звязана з самаразумеўнем класіфікаваных такім чынам людзей. Таму зусім няздзіўна, што яно так і не набыло належнай жыццёвай сілы ў іх паўсядзённай сацыяльнай практыцы і не змагло стаць дзейснай інструментальнай асновай для ўзнікнення рэгіянальных ідэнтычнасцей (як гэта адбылося ў суседніх Літве ці Латвіі). Да таго ж, прапанаваныя В.С. Цітовым географічныя найменні²⁸ для абзначэння шасці этнаграфічных рэгіёнаў Беларусі (апрача назвы Палесся) практычна цалкам выключалі самаідэнтыфікацыю мясцовага насельніцтва ў падобных этнарэгіянальных тэрмінах. Напрыклад, цяжка сабе ўявіць, каб жыхары Віцебскай вобласці калі-небудзь называлі сябе «паазерцамі» ці «падзвінцамі», або ўраджэнцы Гродзенскай вобласці катэгарызавалі сябе як «панямонцы».

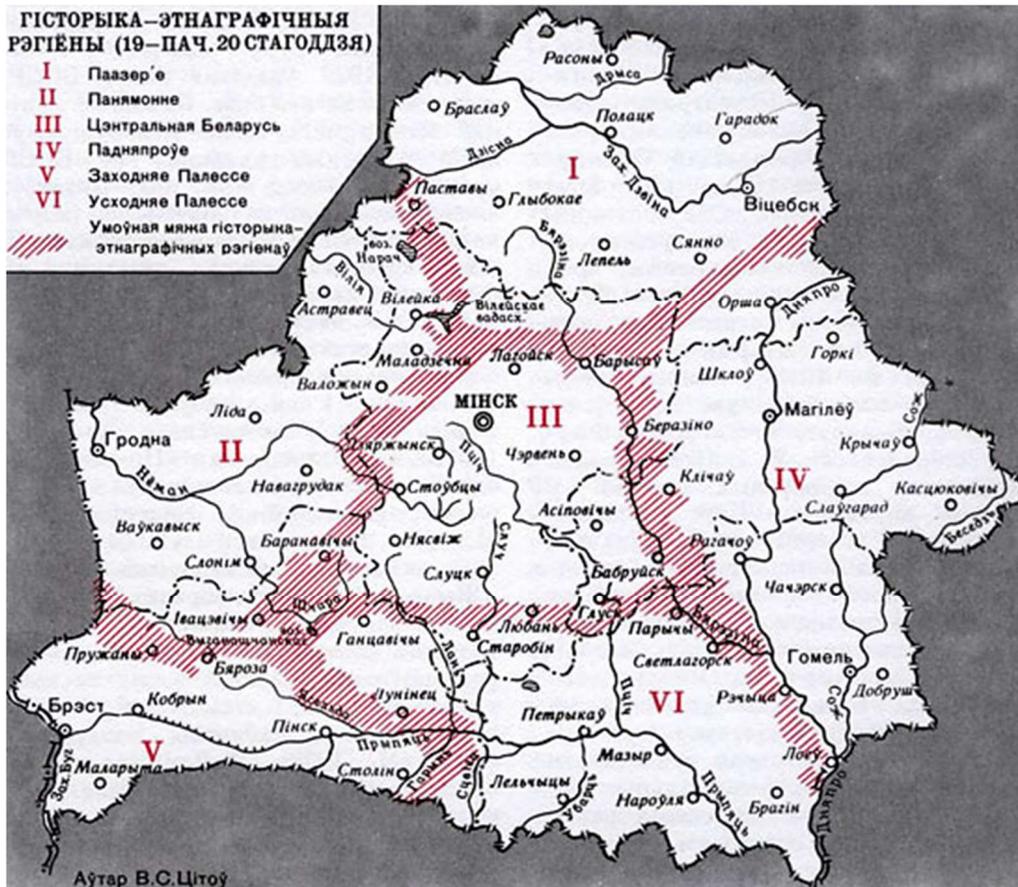
²⁴ Цікава, што ніхто з больш асцярожных калег-папярэднікаў В.С. Цітова, якія таксама займаліся арэальнымі даследаваннямі матэрыяльнай культуры беларусаў (Л.А. Малчанова, Э.Р. Сабаленка і інш.), у сваіх вузкас спецыяльных класіфікацыях не наважыўся вылучыць больш за тры фармальныя рэгіёны Беларусі [36, с. 228; 37, с. 38; 38, с. 93].

²⁵ У гэтым плане паказальную крытыку класіфікацыі В.С. Цітова на прыкладзе Беларускага Падзвіння выканаў У.Я. Аўсейчык [39].

²⁶ «Метамарфозы» этнарэгіянальнай ідэнтычнасці насельніцтва заходняй часткі Беларускага Палесся падрабязна разгледжаны ў спецыяльным даследаванні П.У. Церашковіча [10].

²⁷ Пытанне, якім чынам фармальныя этнаграфічныя класіфікацыі здольныя канстытуяваць новую рэчаіснасць і рэіфікаваць этнічнасць, патрабуе асобнага грунтоўнага даследавання.

²⁸ «Рачная» наменклатура (Падзвінне, Падняпроўе, Панямонне) толькі паказвае, што этнаграфічны рэгіён разглядаецца ў беларускай этналогіі найперш як географічнае паняцце, а не як сацыяльная прастора, якую ўтвараюць і ўвесь час змяняюць людзі.

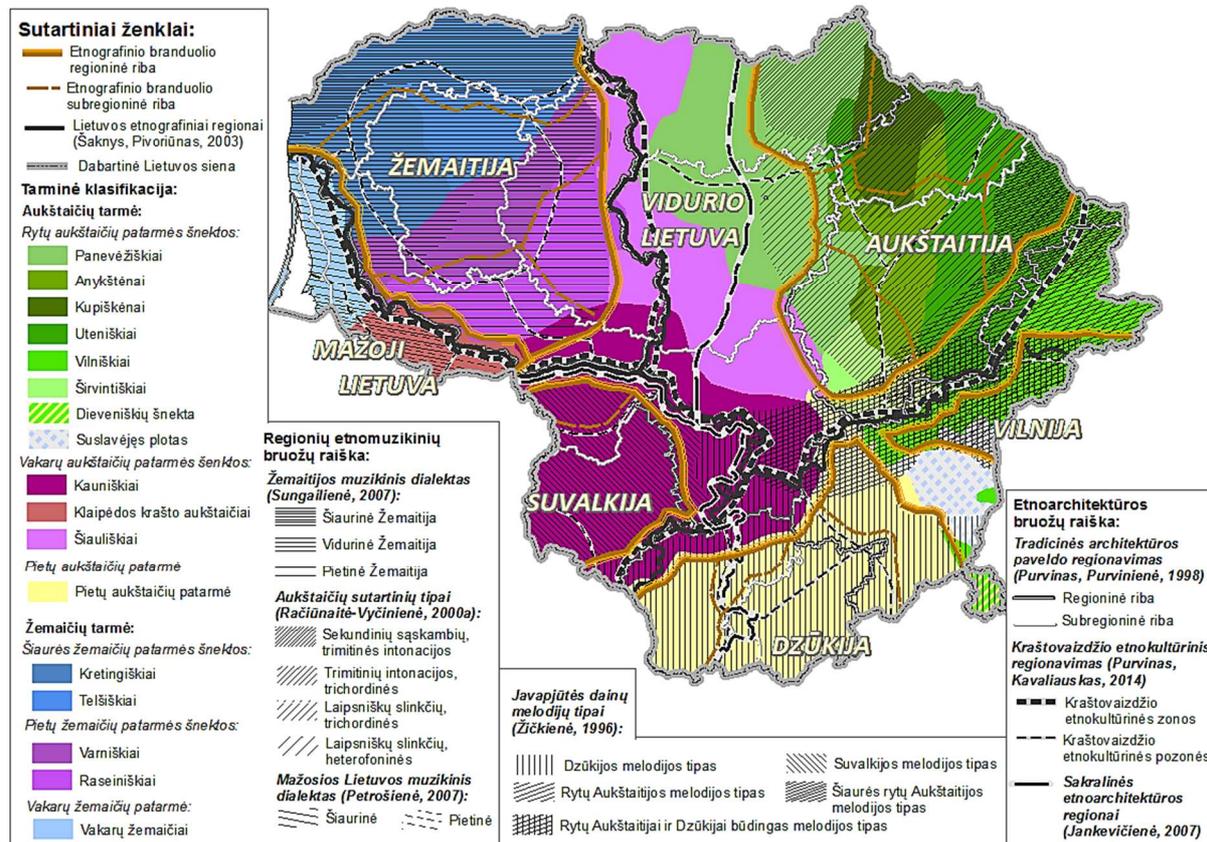
Малюнак 5. – Гісторыка-этнаграфічныя рэгіёны Беларусі (паводле В.С. Цітова)

Тым не менш, гэты безальтэрнатыўны на сённяшні дзень культурна-геаграфічны падзел тэрыторыі Беларусі на *Падзвінне* (або *Паазер'е*), *Панямонне*, *Падняпроўе*, *Цэнтральную Беларусь*, *Заходняе* і *Усходняе Палессе*, за кароткі час стаў дамінантным у афіцыйным навуковым дыскурсе. Дастаткова толькі сказаць, што імкненне беларускіх народазнаўцаў ахапіць класіфікацыйнай сеткай усю традыцыйную культуру Беларусі ў яе сучасных межах вылілася ў выданне шэрагу фундаментальных серыяў, у якіх рэгіянальная (у тым ліку, духоўная!) культура паслухмяна набывала прасторавыя абрысы афіцыйнай этнаграфічнай класіфікацыі беларусаў.

У выніку фармальнага навуковага падзелу Беларусі і Літвы на асобныя этнаграфічныя рэгіёны, па-за афіцыйнымі практыкамі класіфікацыі засталіся тыя ідэнтычнасці, якія па шэрагу прычын не здолелі ўпісацца ў аналітычныя схемы і канструкты, вынайздзеныя нацыянальнымі школамі этнаграфіі. Такой, да прыкладу, можна лічыць рэгіянальную ідэнтычнасць гістарычнай Віленшчыны, ключавым фактарам канструявання якой ёсць наяўнасць цэнтральнага горада – Вільні, што аказвала і працягвае аказваць вялікі ўплыў на сацыяльныя практыкі жыхароў сумежных тэрыторый Беларусі і Літвы. Яшчэ ў 1920 – 30-х гг. усебаковым вывучэннем і канцэптуалізацыяй Віленскага краю як асобнага этнакультурнага рэгіёна міжваеннай Польшчы займаліся вядомыя выкладчыкі і студэнты ўніверсітэта Стэфана Баторыя ў Вільні (Ц. Бадуэн дэ Куртэнэ-Эрэнкрэйцова, М. Знамероўска-Пруферова, Г. Турска, Ч. Янкоўскі, Ф. Рушчыц, Я. Булгак і інш.), асноўныя ідэі і вынікі даследчай працы якіх былі выкладзены ў манаграфічным зборніку «Вільня і Віленская зямля» («Wilno i ziemia Wileńska») (1930 г.). У першым томе гэтага выдання знакамiты этнолаг Ц. Бадуэн дэ Куртэнэ-Эрэнкрэйцова асцярожна заўважала, што этнічнасць не ёсць галоўнай падставай для функцыянавання рэгіянальнай ідэнтычнасці, тэрытарыяльнае вымярэнне якой хутчэй абумоўлівае важнасць прыроднага і гаспадарча-эканамічнага фактараў: «Па-за межамі этнічнай праблематыкі знаходзяцца таксама некаторыя рысы вясковай культуры ваяводства, якія вынікаюць непасрэдна з яе земляробчага характару, аб'ядноўваючы яе тым самым з культурамі многіх земляробчых народаў нават у тых выпадках, калі не можа ісці гаворкі пра гістарычныя сувязі і кантакты паміж імі. Таксама і ў мінулым мы маем справу з такімі культурнымі ўтварэннямі, якія не варта занадта неабдуманна надзяляць уласцівасцямі, характэрнымі толькі для «старажытнай літоўскай культуры», або «беларускай», або нават для культуры ваяводства, бо яны абумоўлены найперш пэўным гаспадарчым ладам жыцця, які, у сваю чаргу, з'яўляецца вынікам прыстасавання чалавека да прыродных умоў» [40, s. 173].

Аднак пасля ўсталявання ў 1940 г. сучаснай палітычнай мяжы паміж Літвой і Беларуссю гэты гістарычны рэгіён аказаўся падзелены паміж дзвюма дзяржавамі. Хоць ужо ў 1950-х гг. літоўскія этнолагі былі схільныя пашыраць у сваіх даследаваннях тэрыторыю Дзукіі на ўсё Віленскі край [5, р. 134], да гэтага часу нявырашаным застаецца пытанне, якую ролю ў канцэпцыі этнаграфічных рэгіёнаў павінна адыграваць іншаэтнічнае («нелітоўскае») насельніцтва ў ваколіцах Вільні. Так, у пачатку XXI ст. літоўскі этнолаг Ж. Шакніс, канстатууючы, што «мабыць адзін з самых бясспрэчных спосабаў лакалізацыі этнаграфічнага рэгіёна ёсць этнаграфічная ідэнтычнасць саміх жыхароў, гэта значыць разуменне таго, да якога этнаграфічнага рэгіёна адносіць сябе сам чалавек» [6, р. 131], даследаваў погляды сучаснай моладзі на этнаграфічныя рэгіёны Літвы. У час палявых экспедыцый ён высветліў, што самая праблематычная сітуацыя з этнарэгіянальнай ідэнтычнасцю выяўляецца як раз на паўднёвым усходзе Літвы, бо абсалютная большасць апытаных ім тут нелітоўцаў не была гатовая атаясамліваць сябе з аніякім этнаграфічным рэгіёнам [6, р. 135–136]. Між тым, такая сітуацыя істотна абцяжарвае хаця б прыблізнае вызначэнне агульнай мяжы Дзукіі і Аўкштайтэіі, якія ў раёне Вільні фактычна аддзелены адна ад адной кампактнай тэрыторыяй з славянамоўным насельніцтвам.

Літоўская даследчыца А. Рагаўскайце, якая ў сваёй манаграфіі абагульніла і прааналізавала ўсе вядомыя этнаграфічныя класіфікацыі Літвы, у рэшце рэшт так і не знайшла адказу на пытанне, на падставе якіх навуковых крытэрыяў у другой палове XX ст. Віленшчына раптам стала інтэгральнай часткай Дзукіі [7, р. 95–96]. Больш за тое, на сваёй зводнай карце, дзе асноўны акцэнт робіцца не на дакладных межах асобных рэгіёнаў, а на іх «ядрах», яна не толькі вылучыла Віленшчыну (літ. *Vilnija*) як самастойны этнакультурны рэгіён Літвы, але яшчэ і абазначыла славянамоўную яе частку (малюнак 6).

Малюнак 6. – Тэрытарыяльная структура фармальных рэгіёнаў Літвы (паводле А. Рагаўскайце)

Выпадак Віленшчыны выяўляе ўмоўнасць і адноснасць не толькі навукова сканструяваных этнаграфічных рэгіёнаў Літвы, але і Беларусі. Так, у пачатку XXI ст. усё той жа В.С. Цігоў у энцыклапедычным даведніку, выдзеным пад яго рэдакцыяй, недвухсэнсоўна сцвярджаў: «Віленшчына – гісторыка-этнаграфічны рэгіён на сумежжы рассялення славян і балтаў. Вільня і Віленскі край, дзе перакрываюваліся гістарычныя лёсы і ўзаемагасункі суседняга беларускага, летувіскага і польскага народаў, былі і застаюцца [sic] неад’емнай часткай нашай айчыннай гісторыі і культуры» [41, с. 79]. Так ці інакш, сучасныя рэгіёны Беларусі і Літвы ў наш час імкліва змяняюцца як складовая частка больш шырокай глабальнай прасторы, таму этнаграфічны рэгіён усё больш успрымаецца выключна як сімвалічная канструкцыя, якая, аднак, мае важнае значэнне ў выхаванні пачуццяў агульнай прыналежнасці і адметнасці.

Заклучэнне. Такім чынам, самыя першыя спробы класіфікаваць беларусаў і літоўцаў паводле іх этнагэаграфічных асаблівасцей былі зроблены яшчэ ў сярэдзіне XIX ст. Гэтыя класіфікацыі ў значнай ступені былі заснаваныя на рэгіянальных самапрэзентацыях мясцовага насельніцтва і адлюстроўвалі гістарычны падзел літоўцаў як мінімум на дзве вялікія групы – аўкштайтаў і жэмайтаў, а беларусаў – на ўсходніх і заходніх, а таксама палешукоў і падляшан. На працягу XX ст. навуковыя практыкі этнаграфічнай класіфікацыі літоўцаў пастаянна ўдасканальваліся і карэктаваліся з улікам гістарычных змен і дзяржаўна-тэрытарыяльных трансфармацый. Пры гэтым у іх канцэптуальнай аснове ляжалі не толькі так званыя «аб’ектыўныя» крытэрыі рэгіянальнай прыналежнасці (асаблівасці мовы, культуры, паходжання і інш.), але і так званыя «суб’ектыўныя» якасці (пачуццё прыналежнасці, калектыўная памяць, этнічныя стэрэатыпы і інш.), г. зн. рэпрэзентацыі, праз якія класіфікаваныя такім чынам людзі самі ўяўляюць гэты падзел і якія, у рэшце рэшт, садзейнічаюць рэчаіснасці такога падзелу. У пачатку XXI ст. у Літве адбылося канчатковае зацвярджэнне пяці асноўных этнаграфічных рэгіёнаў – Аўкштайціі, Жэмайціі, Дзукіі, Сувалкіі і Малой Літвы, якія атрымалі шырокае прызнанне і легітымнасць.

Навуковае ж канструюванне этнаграфічных рэгіёнаў Беларусі, распачатае толькі ў апошняй чвэрці XX ст., адбывалася пераважна на падставе знешніх «аб’ектыўных» адрозненняў і амаль ніяк не было звязана з самаразуменнем класіфікаваных такім чынам людзей, што абумовіла іх ідэнтытарную нежыццяздольнасць у паўсядзённай сацыяльнай практыцы.

ЛІТАРАТУРА

1. Титов, В.С. Историко-этнографические регионы в экспозиции Белорусского государственного музея народной архитектуры и быта / В.С. Титов. – Минск : Полымя, 1982. – 72 с.
2. Титов, В.С. Историко-этнографическое районирование материальной культуры белорусов: XIX – начало XX в. / В.С. Титов. – Минск : Наука и техника, 1983. – 152 с.
3. Цітоў, В.С. Народная спадчына: Матэрыяльная культура ў лакальна-тыпалагічнай разнастайнасці / В.С. Цітоў. – Минск : Навука і тэхніка, 1994. – 300 с.
4. Savoniakaitė, V. Įvadas. Tapatybė erdvėje ir laike: kintatmys regionai / V. Savoniakaitė // Lietuvos etnologija: socialinės antropologijos ir etnologijos studijos. – 2007. – № 7(16). – P. 19–37.
5. Tumėnas, V. Konvencionalūs, klasifikaciniai ir interpretaciniai regioninės tapatybės aspektai ir sąsajos su tautodaile / V. Tumėnas // Lietuvos etnologija: socialinės antropologijos ir etnologijos studijos. – 2007. – № 7(16). – P. 125–156.
6. Šaknys, Ž. Etnografiniai regionai Lietuvoje: šiuolaikinio jaunimo požiūris / Ž. Šaknis // Tautosakos darbai. – 2012. – XLIII. – P. 126–142.
7. Ragauskaitė, A. Lietuvos etnokultūrinis regionavimas / A. Ragauskaitė. – Vilnius : Vilniaus universiteto leidykla, 2019. – 192 p.
8. Бурдые, П. Идентичность и репрезентация: элементы критической рефлексии идеи «региона» / П. Бурдые // Ab Imperio. – 2002. – № 3. – С. 45–60.
9. Hobsbawm, E. Introduction: Inventing Traditions / E. Hobsbawm // The Invention of Tradition. Edited by E. Hobsbawm and T. Ranger. – Twelfth printing. – Cambridge University Press, 2004. – P. 1–14.
10. Терешкович, П.В. Конструирование идентичностей населения западной части Белорусского Полесья / П.В. Терешкович // Свои и чужие. Метаморфозы идентичности на востоке и западе Европы / В.В. Амелин [и др.] ; под ред. Е.И. Филипповой и К. Ле Торривеллека. – М., 2018. – С. 247–270.
11. Narbut, T. Oznaczenie granic Litwy właściwej od strony Słowiańszczyzny / T. Narbut // Pomniejsze pisma historyczne: szczególnie do historii Litwy odnoszące się. – Wilno, 1856. – S. 268–270.
12. Baliński, M. Starożytna Polska pod względem historycznym, jeograficznym i statystycznym / M. Baliński, T. Lipiński. – Warszawa, 1846. – Т. 3. – 866 s.
13. Talko-Hryniewicz, J. Charakterystyka fizyczna ludów Litwy i Rusi / J. Talko-Hryniewicz. – Kraków, 1893. – 122 s.
14. Эркерт, Р.Ф. Взгляд на историю и этнографию западных губерний России (с атласом) / Р.Ф. Эркерт. – СПб. : В тип. Дома Призрения Малолетних Бедных, 1864. – 72 с.
15. Эркерт, Р.Ф. Этнографический Атлас западнорусских губерний и соседних областей / Р.Ф. Эркерт. – СПб., 1863. – 28 с.
16. Белорус. Библиографическая заметка по поводу III тома Живописной России (Литва и Белоруссия – соч. Киркора) / Белорус // Литовские епархиальные ведомости. – Март 1884. – № 9. – С. 83–91.
17. Белы, А. Хроніка Белай Русі: Імагалогія Беларусі XII – XVIII стст. / А. Белы. – 2-е выд., папраўл. і дапоўн. – Смаленск, 2013. – 468 с.
18. Долбилов, М.Д. Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II / М.Д. Долбилов. – М. : Новое литературное обозрение, 2010. – 1000 с.
19. Czeczot, J. Piosnki wieśniacze z nad Niemna i Dźwiny, niektóre przysłowia i idiotyzmy, w mowie Sławiano-Krewickiej, s postreżeniami nad nią uczynionemi / J. Czeczot. – Wilno : Drukiem Józefa Zawadzkiego, 1846. – 134 s.
20. Połujański, A. Wędrówki po gubernji augustowskiej w celu naukowym odbyte / A. Połujański. – Warszawa, 1859. – 450 s.
21. Вольтер, Э. Об этнографической поездке по Литве и Жмуди летом 1887 года / Э. Вольтер // Приложение к XVI тому Записок Императорской Академии Наук. – СПб., 1887. – № 5. – С. 1–158.
22. Dzukas. Isz Dzukijos / Dzukas // Varpas. – 1889. – Nr. 10. – P. 157.
23. Kalnius, P. Etnografinė Dzūkija / P. Kalnius // Lietuvos etnologijos ir antropologijos enciklopedija / Lietuvos istorijos institutas ; sudarė V. Savoniakaitė. – Vilnius, 2011. – P. 98–104.
24. Сербов, И.А. Белоруссы-сакуны. Краткий этнографический очерк / И.А. Сербов. – Петроград : Тип. Императорской Академии Наук, 1915. – 180 с.

25. Локотко, А.И. Историко-культурные ландшафты Беларуси / А.И. Локотко. – Минск : Беларус. наука, 2006. – 470 с.
26. Kalnius, P. „Kitokie“ tarp „savų“: Lietuvos etnografinių grupių stereotipai / P. Kalnius // Lietuvos etnologija: socialinės antropologijos ir etnologijos studijos. – 2002. – Nr. 2(11). – P. 23–52.
27. Kalnius, P. Etnografinė Suvalkija / P. Kalnius // Lietuvos etnologijos ir antropologijos enciklopedija / Lietuvos istorijos institutas ; sudarė V. Savoniakaitė. – Vilnius, 2011. – P. 109–116.
28. Меркене, Р. О влиянии административно-территориального деления на специфику этнографических областей Литвы / Р. Меркене // Проблемы этнической истории балтов : тезисы докладов межресп. науч. конф. / АН Латвийской ССР, Ин-т истории ; редкол.: И.Э. Ронис (отв. ред.) [и др.]. – Рига, 1985. – С. 135–138.
29. Унукович, Ю. Малая Літва / Ю. Унукович // Вялікае Княства Літоўскае : энцыкл. : у 2 т. – Мінск, 2005–2006. – Т. 2. – 2006. – С. 264–265.
30. Matulevičius, A. Mažosios Lietuvos lietuvininkai (Prūsijos lietuviai, mažlietuviai) / A. Matulevičius // Lietuvos etnologijos ir antropologijos enciklopedija / Lietuvos istorijos institutas ; sudarė V. Savoniakaitė. – Vilnius, 2011. – P. 293–297.
31. Blockytė, K. Mažosios Lietuvos lietuvininkų tautinis tapatumas: istorija ir vieta / K. Blockytė // Tradicija ir dabartis. – Vol 7 (2012). – P. 113–127.
32. Цимерманис, С.Я. Об историко-этнографических областях в Латвии и Литве во второй половине XIX в. / С.Я. Цимерманис, В.И. Моркунас // Этнографические и лингвистические аспекты этнической истории балтских народов / АН Латвийской ССР, Ин-т истории ; редкол.: М. Рудзите, М. Слава, С. Цимерманис (отв. ред.). – Рига, 1980. – С. 9–45.
33. Историко-этнографический атлас Прибалтики / Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР ; редкол.: Л. Терентьева (гл. ред.) [и др.]. – Вильнюс : Моклас, 1985. – Т.1. Земледелие / Под ред.: М. Рабинович (отв. ред.) [и др.]. – 140 с.
34. Историко-этнографический атлас Прибалтики / Редкол.: Л.Н. Терентьева (гл.ред.) [и др.] ; Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР. – Рига : Зинатне, 1986. – Одежда / М.К. Слава [и др.] ; под ред. Г.С. Масловой (отв. ред.) [и др.] ; Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР, Ин-т истории АН ЛатвССР, Ин-т истории АН ЛитССР, Ин-т истории АН ЭССР, Гос. этнограф. музей ЭССР. – 173 с.
35. Титов, В.С. Историко-этнографическое районирование материальной культуры белорусов (XIX – начало XX в.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.07 / В.С. Титов ; АН СССР, Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – М., 1991. – 38 с.
36. Молчанова, Л.А. Материальная культура белорусов / Л.А. Молчанова. – Минск : «Наука и техника», 1968. – 230 с.
37. Малчанова, Л.А. Асноўныя лакальныя асаблівасці жаночага адзення / Л.А. Малчанова // Беларускае народнае адзенне. – Мінск : Навука і тэхніка, 1975. – С. 38–44.
38. Сабаленка, Э.Р. Лакальныя асаблівасці і тыпы беларускага народнага жылля / Э.Р. Сабаленка // Беларускае народнае жыллё / АН БССР, Ин-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору; рэд. В.К. Бандарчык. – Мінск, 1973. – С. 93–98.
39. Овсейчик, В.Е. К вопросу об этнокультурном районировании Белорусского Подвинья / В.Е. Овсейчик // Псковский регионологический журнал. – 2019. – № 2 (38). – С. 36–50.
40. Baudouin de Courtenay-Ehrenkreutzowa, S. Kilka uwag i wiadomości o etnografji Województwa Wileńskiego / S. Baudouin de Courtenay-Ehrenkreutzowa // Wilno i ziemia Wileńska. – Wilno, 1930. – Т. 1. – S. 173–218.
41. Цітоў, В.С. Віленшчына / В.С. Цітоў // Народная культура Беларусі. Энцыкл. давед. / пад агул. рэд. В.С. Цітова. – Мінск : БелЭн, 2002. – С. 79–80.

Пасмуніў 26.11.2020

THE INVENTION OF ETHNOGRAPHIC REGIONS OF BELARUS AND LITHUANIA: COMPARATIVE CHARACTERISTICS

Yu. VNUKOVICH

The invention of ethnographic regions of Belarus and Lithuania as tools of scientific classification and interpretation of territorial variants of ethnic culture is compared. The exceptional importance of socially relevant markers of territorial identity / difference for the successful construction of an ethnographic region in both scientific and broad public discourse is shown. The example of the historical Vilnius region demonstrates how ethnically heterogeneous border areas are integrated into national projects of ethnographic regions as a result of state and territorial changes.

Keywords: *ethnic culture, scientific classification, ethnographic region, categorization, identification, Belarus, Lithuania, comparative studies.*

УДК 930.1.29

**РЕГУЛИРОВАНИЕ ВРЕМЕННЫМ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ
ПОЛОЖЕНИЯ РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКОГО ДУХОВЕНСТВА (1917 г.)***канд. ист. наук А.И. ГАНЧАР**(Гродненский государственный аграрный университет)*

Рассматриваются мероприятия Временного правительства в области положения римско-католического духовенства в стране. Освещаются действовавшие в Российской империи законодательные нормы в отношении приходского и монашеского римско-католического духовенства. Отдельное внимание уделяется правам и обязанностям архиепископа-митрополита и епархиальных епископов, регламентации отношений между светскими и духовными властями. Анализируются мотивы представителей Римско-Католической Церкви и правительства при принятии решений.

Ключевые слова: *Российская империя, Временное правительство, Римско-Католическая Церковь, духовенство.*

Введение. Реформирование Временным правительством законодательства по отношению к Римско-Католической Церкви (далее – РКЦ) не были предметом пристального внимания исследователей [1, с. 178–182; 2, с. 297–301; 3, с. 262–271]. О.В. Яновская, Е.Н. Филатова отметив, что 1917 г. положил начало кардинальным изменениям в конфессиональной политике в отношении ко всем без исключения конфессиям, более детально рассматривали таковые лишь по отношению к Православной Церкви [4, с. 324–325]. Дж.М. Кроче, О.В. Серова, З.П. Яхимович, В.П. Гайдук в коллективном труде также только обозначили круг решаемых Временным правительством вопросов в отношении РКЦ [5, с. 25–80, 95–115].

В данной статье впервые в отечественной и зарубежной историографии рассматриваются причины, мотивы, факторы, повлиявшие на решения Временного правительства на законодательное изменение сложившейся в Российской империи системы обеспечения прав и обязанностей римско-католического (далее – р.-к.) духовенства. Особое внимание уделено регламентации общих прав и обязанностей р.-к. духовенства, изменению законодательных норм по отношению к приходскому и монашескому р.-к. духовенству, архиепископу-митрополиту и епархиальным епископам, пересмотру отношений между светскими и духовными властями.

Основная часть. Возвещенные Временным правительством в декларации от 6 марта 1917 г. начала вероисповедной свободы – отмена всех конфессиональных ограничений – вызвали необходимость согласования с действовавшими в стране по делам веры законоположениями. Для выполнения указанной задачи при МВД были образованы, под председательством комиссара Временного правительства профессора С.А. Котляревского, Особое совещание по вопросам, общим для всех исповеданий, и специальная Комиссия по пересмотру законодательства, определявшего положение РКЦ в Российской империи. В порядке постепенности было предложено образовывать такие комиссии отдельно по каждому из остальных иностранных и иноверных исповеданий [6, лл. 1–2].

В состав Комиссии по делам РКЦ в России 23–26 апреля 1917 г. МВД были приглашены следующие лица: представители министерств внутренних дел, военного, юстиции, иностранных дел, народного просвещения и Св. Синода (по одному от каждого из этих ведомств по их назначению), агент по р.-к. духовным делам в Риме Л.Г. Лесли, директор государственного и петроградского главного архива министерства иностранных дел (далее – МИД) князь Н.В. Голицын, управляющий Могилевской р.-к. архиепархией (с правом заменять себя на заседаниях другим лицом), от имени Луцко-Житомирского р.-к. епископа каноник С. Лозинский, от имени Тираспольского р.-к. епископа каноник К. Климашевский, от имени временно управляющего частью Виленской р.-к. епархией прелат И. Садовский, от имени временно управляющего частью Тельшевской р.-к. епархии профессор священник Б. Жонголович, члены Государственного Совета А.Э. Мейштович и К.Г. Скирмунт, члены Государственной Думы ксендзы С. Мацевич и Ф. Рачковский, ректор р.-к. духовной семинарии прелат И. Балтрушис, профессор р.-к. духовной академии С. Пташицкий, главноуполномоченный центрального обывательского комитета В.Ф. Грабский, бывший член 1 и 2 Государственной Думы Ф.И. Новодворский, петроградский декан почетный каноник К. Будкевич, вице-официал Могилевской р.-к. духовной коллегии (далее – РКДК) почетный каноник В. Плоскевич, виленский р.-к. епископ барон Э. Ропп (председатель подкомиссии для разработки вопроса об имущественных правах РКЦ), В.П. Шейн, Н.Ф. Каптерев, профессор П.Н. Жукович, барон М.Ф. Шиллинг. Приступив к занятиям 5 мая 1917 г., Комиссия прежде всего нашла необходимым определить точным образом объем и основные начала, а также наметить план предстоящих ей к выполнению задач [7, л. 16; 5, лл. 2–3].

Разработка законодательных норм, которые разрешали бы основные вопросы об отношении государства к отдельным исповеданиям, подлежала, по мнению Комиссии, ведению имевшегося быть созданным Учредительного собрания. Равным образом к кругу занятий Комиссии не мог быть отнесен пересмотр

узаконений, общих для всех исповеданий. Эта задача возлагалась на упомянутое выше Особое совещание. За выделением этих двух областей, все остальные законоположения о РКЦ в России Комиссия признала подлежащими ее пересмотру.

Обращаясь к установлению принципов, которые надлежало бы положить в основу предстоящих работ, Комиссия не могла не отметить, что действовавшее законодательство о РКЦ было проникнуто ограничительными началами, обусловленными в значительной мере соображениями национально-политического характера. В новых условиях государственной жизни страны такие соображения, очевидно, не могли иметь места. Вместе с тем, естественным последствием возвышенных начал вероисповедной свободы являлось признание за РКЦ права на самоуправление в области внутренней церковной жизни. Исходя из приведенных предпосылок Комиссия и подвергала пересмотру действовавшие о РКЦ в Российской империи законоположения [8, л. 103–103 об.].

Общие права и обязанности р.-к. духовенства.

Постановления действовавшего законодательства, определявшего общие права и обязанности р.-к. духовенства, белого и монашеского, были размещены частью в Уставе иностранных исповеданий (далее – Уст. ин. исп.), частью – в Законах о состояниях (далее – Зак. о сост.).

Ознакомившись с законоположениями, помещенными в Уст. ин. исп. (ст. 96–108), Комиссия выделила в особую группу те статьи закона, которыми устанавливались права р.-к. духовенства на получение содержания, прогонных и суточных денег, пенсий, пособий и вспомоществований (ст. 98 и второе к ней примечание, ст. 99, 101, 102, 103). Обсуждение этих статей Комиссия полагала отложить впредь до пересмотра общего по таким предметам законодательства. Что касается статей закона, в которых содержались указания о подчиненности р.-к. духовенства епархиальному начальству, порядке увольнения священнослужителей в отпуск, недопустимости отсылки духовенством за границу своих доходов, правах на награждение наперсными крестами, а также ношения дистинкторных крестов и о призрении в монастырях престарелых и одержимых неизлечимыми болезнями священнослужителей (ст. 96 с прим., ст. 97 с прим. 1 и 2, ст. 104, ст. 105 с прим., ст. 107), то к сохранению отмеченных статей в действовавшем Своде законов Комиссия не видела оснований, тем более, что устанавливаемые ими правила представлялись или излишними, или утратившими свое значение в новых условиях жизни страны. В частности, ст. 106, предусматривавшая возможность сопричисления духовных лиц р.-к. исповедания к российским императорским и царским орденам, Комиссия полагала изложить в следующей редакции: «духовные лица р.-к. исповедания могут быть награждаемы установленными в России знаками отличия» [8, лл. 121об. – 122].

Перейдя затем к законоположениям, помещенным в Зак. о сост., Комиссия остановила свое внимание на ст. 396 и ст. 397. По силе ст. 396 лица духовного состояния не подлежали телесному наказанию. Содержавшееся в этой статье указание утратило свое значение еще в 1904 г., на основании ст. 6 высочайшего манифеста от 11 августа 1904 г., и потому статья эта подлежала исключению из Свода законов [9, с. 856–871. ПСЗРИ-3. Ст. 25014]. Согласно же ст. 397 лица духовного состояния, за исключением монашеских, могли приобретать и отчуждать всеми законными способами земли и дома в селениях и городах с соблюдением установленных на то правил [11, с. 119]. По мнению Комиссии надлежало и из ст. 397 исключить указание на ограничение прав монашеских. Так как, однако, статья эта относилась к духовным лицам всех христианских исповеданий, то Комиссия полагала в тексте, за словами «за исключением монашеских», включить слова «кроме монашеских р.-к. исповедания».

Заканчивая пересмотр законов, которыми определялись общие права и обязанности р.-к. духовенства, Комиссия не могла оставить без внимания и требования действовавшего закона, касавшихся принесения присяги при определении к духовным должностям. Из сопоставления ст. 31 и ст. 45 Уст. ин. исп. видно, что присяга на верность службы должна была приноситься при назначении на должности р.-к. епархиальных начальников, а равно при определении в настоятели р.-к. церкви или монастыря, в члены коллегии, консистории, академии или в должность викарных священников [10, с. 4]. Таким образом, священник, прошедший последовательно должности от викария до епископа, обязан был по закону шесть раз принести присягу на верность службы. Такое требование, не вызываемое к тому же государственной необходимостью, не могло не ронять самого обряда присяги. Вследствие этого Комиссия признала желательным установить в законе, что присяга приносится лицами р.-к. духовенства только при первоначальном определении их на службу. Находя вместе с тем применяемую форму присяги подлежащей изменению, Комиссия выразила пожелание о выработке более совершенной ее формы.

Наряду с определением прав и обязанностей р.-к. духовенства, действовавший закон устанавливал также и известные запреты в отношении него. Так, по силе ст. 63 и ст. 64 Устава благочиния и безопасности (далее – Уст. благоч. и безоп.), изд. 1916 г., р.-к. духовенству в Западных губерниях запрещалось иметь в домах, церквях и монастырях для услужения лиц православного исповедания, а равно посылать в р.-к. церкви к слушанию службы вместе с католиками и детей православного исповедания [12, с. 18]. Содержавшиеся в этих статьях требования, по мнению Комиссии, подлежали отмене.

На основании всего вышеизложенного Комиссия полагала:

1) ст. 31 и 96 и прим. к ней, ст. 97 (Уст. ин. исп., по прод. 1906 г.) и прим. к ней 1 и 2 (по прод. 1906 г.), прим. I к ст. 98, 104, 105 и прим., и ст. 107, ст. 396 Законов о сост. и ст. 63 и ст. 64 Уст. благоч. и безоп. – отменить;

2) ст. 45 (Уст. ин. исп., по прод. 1906 г.) и ст. 106 изложить в следующей редакции: ст. 45 «лица р.-к. духовенства, при первоначальном определении их на службу, приносят на верность службы присягу по установленной форме»; ст. 106 «духовные лица римско-католического исповедания могут быть награждены установленными в России знаками отличия»;

3) ст. 397 Зак. о сост., изд. 1899 г., после слов «за исключением монашествующих» дополнить словами «кроме монашествующих р.-к. исповедания» [8, л. 121 об. – 122].

О духовенстве приходском.

Положение белого приходского р.-к. духовенства определялось ст. 79–81 Уст. ин. исп., изд. 1896 г., и ст. 460–465 Законов о состояниях, изд. 1899 г. [10, с. 10–11; 11, с. 124–125]. Из числа статей закона, помещенных в Уставе ин. исп., ст. 81, вменявшая приходскому священнику в обязанность осведомление населения о высочайших манифестах и тому подобных актах, путем оглашения их в р.-к. церкви, равно как и примечание к этой статье, содержащее руководящие указания в отношении посещения селений и школ р.-к. священниками в приходах поселян-собственников, Комиссия полагала отменить, как утратившую свое значение. Что касается ст. 80, которая перечисляла, хотя и не исчерпывающим образом, при исполнении каких именно треб р.-к. священники должны были соблюдать и гражданские постановления, то статья эта, по мнению Комиссии, подлежала следующему изменению в редакционном отношении: «при исполнении духовных треб по церковным уставам священники соблюдают и все относящиеся к этим требованиям гражданские законы и основанные на них предписания гражданской власти» [8, л. 116]. Наконец, ст. 79, определявшая права приходского священника по управлению церковью и исполнению духовных треб в приходе, осталась в силе.

Обращаясь затем к постановлениям закона о белом духовенстве, содержащимся в законах о состояниях, Комиссия приняла во внимание, что, по силе ст. 461 этих законов, вступление в белое р.-к. духовенство уволенных обществами лиц бывшего податного состояния всех наименований ставился в зависимость от разрешения губернаторов. Между тем, п. 6 отдела II, последовавшего в порядке ст. 87 основного закона именного высочайшего указа 5 октября 1906 г. – об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и лиц других бывших податных состояний – было постановлено следующее: «освободить сельских обывателей и других лиц бывших податных состояний от необходимости предъявления ими при поступлении в монашество увольнения от общества, согласия казенной палаты и разрешения губернатора» [13, с. 893. ПСЗРИ-3. Ст. 28392]. Таким образом, содержащееся в ст. 461 требование утратило силу еще в 1906 г. и потому статья эта подлежала исключению из Свода законов.

В связи с исключением ст. 461, Комиссия полагала, соответственно принципу признания за РКЦ прав на автономию в области внутренней церковной жизни, отменить также и ст. 463, согласно которой разрешение губернатора требовалось не только при поступлении в духовное звание, но и при приеме в учебные заведения, приготовлявшие к этому званию.

Находя затем излишним сохранение в действовавшем законе подобных, предъявляемых ст. 462, требований, чтобы поведение лица, вступающего в духовное звание, соответствовало важности принимаемых им на себя обязанностей, Комиссия высказалась за отмену и этой статьи. Приняв, однако, во внимание, что в тексте отменяемой ст. 462 содержалось, между прочим, требование о том, чтобы к вступлению в духовное звание не было «законных препятствий», Комиссия полагала целесообразным ст. 460, согласно которой в р.-к. белое духовенство могли вступать лица всех вообще состояний р.-к. исповедания, дополнить указанием «при отсутствии препятствий, действующими законами устанавливаемых», исключив в связи с этим заключительные слова этой статьи «с соблюдением правил, изложенных в нижеследующих статьях» [8, л. 116].

Наконец, по мнению Комиссии, подлежала изменению в редакционном отношении и ст. 464, содержащая перечень доказательств состояния для белого духовенства. Из этой статьи Комиссия полагала исключить доказательства, помещенные под п. 1 и п. 3 (указы и высочайшие повеления о пожаловании в высшие духовные достоинства и причислении к орденам, а также хранившиеся у местных губернаторов именные списки духовенства). В п. 2 той же статьи, упоминавшем об актах посвящения лица в духовное звание и назначение его к приходу, слова, «к приходу» – заменить словами «к должности» [8, л. 116об.].

О духовенстве монашествующем.

Действовавшие в 1917 г. законоположения о р.-к. монашествующем духовенстве были давнего происхождения. Перенесенные в кодексы Российской империи из законов, существовавших в присоединенных к империи землях Речи Посполитой, законоположения эти, в значительной степени, хотя и не во всей полноте, закрепляли принятые в РКЦ правила. Подробная нормировка светским законодательством различных сторон религиозной жизни католиков в условиях прежнего государственного строя представлялась вполне понятной. В 1917 г., когда Временным правительством была возведена свобода совести, когда за РКЦ были признаны права на самоуправление в области внутренней церковной жизни, вмешательство в эту область светского закона следовало ограничить лишь теми предметами, которые имели более или менее серьезное значение для государства.

Установив такую принципиальную точку зрения, Комиссия обратилась к пересмотру постановлений действовавшего законодательства: о порядке управления монастырями, об условиях вступления в монастыри и об имущественных правах монашествующих.

Порядок управления монастырями определялся ст. 82–95 Уст. ин. исп., изд. 1896 г. Обозревая эти статьи, Комиссия не могла не усмотреть, что некоторые из них устанавливали участие гражданской власти в сфере наблюдения за монастырями (ст. 90 и ст. 92), другие, подчиняя монастыри главному ведению и надзору архиепископа или епископов, касались, вместе с тем, способов осуществления этого надзора со стороны р.-к. духовных властей (ст. 83, ст. 91, прим. к ст. 93, ст. 94 и ст. 95). Наконец ст. 85–87 определяли порядок управления монастырями со стороны непосредственного монастырского начальства [10, с. 11]. Комиссия не нашла достаточных государственных оснований к сохранению этих статей в действовавшем Своде законов, и потому полагала их отменить. Равным образом, по мнению Комиссии, подлежала отмене и ст. 82 Уст. ин. исп., в которой содержалось указание на подразделение монастырей на мужские и женские и пояснялось вместе с тем, что число монастырей и распределение их по классам определяется штатами, а порядок вступления в монастыри – законами о состояниях. При этом, однако, Комиссия сделала оговорку, что с отменой действия ст. 82 в отношении возникновения новых р.-к. обителей, за существующими монастырями должны быть сохранены все права на содержание, определенное им действовавшими штатами.

Перейдя затем к рассмотрению статей 84, 88 и 89, Комиссия полагала изложить их в следующей измененной редакции:

1) ст. 84 – «монастыри мужские и женские управляются по их правилам и уставам в пределах, допускаемых гражданскими законами»; слова «в пределах, допускаемых гражданскими законами» включены взамен слов «поколикую сии правила и уставы сообразны с общими о р.-к. духовенстве узаконениями и с гражданскими постановлениями»;

2) ст. 88 – «в случае недостатка белого духовенства, в должности приходских священников могут быть употребляемы и монашествующие священнослужители». Исключены слова: «при сем они обязаны сохранять приличные знаки монашеской одежды и наблюдать правила своего ордена, поколикую сие будет совместно с должностью приходских священников»;

3) ст. 89 – «в каждой обители должна быть заведена шнуровая книга (ст. 985 и 986 Зак. о сост.), в которую записываются все принимаемые в монастырь и в новициат». Исключены слова «за печатью консистории и за скрепой одного из членов оной и секретаря», а также слова «с означением числа и номера данного министерством внутренних дел разрешения на поступление в монастырь; в ней отмечаются хронологическим порядком отлучки их, увольнения, переходы из одной должности в другую и командировки, также поступление монахов и прочих лиц из других монастырей. Сии книги должны быть ведены столь же исправно и чисто, как книги прихода и расхода денежных сумм» [8, л. 117].

Условия вступления в р.-к. монастыри.

По силе действовавшего закона (ст. 467–469 Зак. о сост., изд. 1899 г., и п. 4 ст. 71 Уст. ин. исп., изд. 1896 г.) желавшие поступить в монастырь обращались с просьбой о том к губернскому начальству, которое, удостоверившись, что проситель не состоит под судом или уголовным следствием, сообщало о поступившем к нему ходатайстве, вместе с метрикой о рождении просителя или просительницы, епархиальному начальству, которое входило с соответственным представлением в РКДК, откуда дела такого рода поступали на окончательное разрешение МВД. При этом, кроме условия о ненахождении под судом, требовалось, чтобы лицо, желавшее вступить в монашество, имело не менее 19 лет от роду. Произнесение затем торжественных обетов (*vota solomnia*), знаменовавших окончательное поступление в монастырь, допускалось не ранее достижения новицием 22-летнего возраста и посвящения его в иподиаконский сан [10, с. 9; 11, с. 126–127].

Из приведенного обзора установленных в действовавшем законе правил видно, что окончательное зачисление в монастырь было поставлено ими в зависимость от разрешения министра внутренних дел. Такой порядок находился несомненно в полном несоответствии с началами свободы совести: нельзя ставить в зависимость от усмотрения гражданской власти решение вопроса о предоставлении тому или иному лицу отдалиться исключительно делу спасения своей души. Поэтому установленное в ст. 468 правило, в силу которого решающая роль в деле вступления в р.-к. монастыри принадлежало министру внутренних дел, подлежала безусловной отмене. С устранением участия в делах указанного рода министра внутренних дел, вступление в монастыри не могло быть, однако, поставлено в исключительную зависимость и от разрешения р.-к. епархиальной власти, так как по силе канонических правил РКЦ, в монастыри был открыт свободный доступ всем, кому это не было запрещено общим каноническим правом или особыми уставами данного ордена. Согласие же епископа, если таковое испрашивалось, находило себе обоснование скорее в обычном, чем в писанном праве. Исходя из этих соображений, Комиссия полагала, не подвергая законодательной нормировке вопроса о власти, разрешавшей вступление в монастыри, ограничиться сохранением в законе лишь условий, которым должно отвечать лицо, намеревавшееся, вступить в монастырь.

Действовавший закон, как отмечено было выше, ставил вступление в монастырь в зависимость от двух условий: не находиться под судом или уголовным следствием и достижения 19-летнего возраста.

Согласно канонам РКЦ, в монастыри не допускались следующие лица: не достигшие лет разума, тупоумные и психически больные; принуждаемые или желавшие принять монашество для земных выгод; состоявшие в браке («*post matrimonium consumatum*») без согласия другого супруга; обремененные большими дол-

гами, превышающими материальные средства кандидата; дети, родители которых или ближайшие родственники были слишком бедны и нуждались в попечении, равным образом родители, не окончившие еще воспитания детей; обязанные отчетом по ведению общественных или частных дел; присужденные к тяжким наказаниям, лишавшим чести, а также состоявшие под судом или следствием; не достигшие законного возраста, которым для вступления в мужские монастыри считалось 15 лет, а для женских и менее, при условии, однако, недопущения новициев к произнесению обетов простых ранее достижения 16 лет и торжественных – 19 лет.

Из вышеуказанного видно, что требование действовавшего закона о несостоянии лица, намеревавшегося вступить в монастырь, под судом и следствием, совпадало с аналогичным требованием канонического права. Находя, вследствие этого, излишним сохранение в действовавшем Своде законов специальной по означенному предмету нормы, Комиссия полагала ст. 467 Зак. о сост. отменить.

Что касается вопроса о возрасте, в котором допускалось вступление в монастыри, то вопрос этот действовавшим законом решался различно в отношении монашествующих различных исповеданий. Но даже по одному р.-к. исповеданию закон устанавливал различные возрасты для монашествующих внутренних губерний Российской империи и для губерний Царства Польского, требуя в последних от поступавшего в монастырь достижения 24 лет от роду с тем, чтобы торжественные обеты были принесены не ранее 30-летнего возраста.

В то время, как в р.-к. монастыри могли вступать лица, не моложе 19 лет, для вступления в православные монастыри был установлен согласованный с правилами РПЦ возраст в 30 лет для мужчин и в 40 лет – для женщин. Фактически, однако, по православному исповеданию бывали случаи зачисления в монашество и лиц, которые не достигли указанного в законе возраста. Если такое отступление от требований, касавшихся возраста, являлось для вступающих в православное монашество изъятием из закона светского и духовного, то в отношении приема в р.-к. обители понижение возрастной нормы, как видно из приведенной справки, находило бы себе обоснование и в канонах РКЦ. В связи с этим некоторыми членами Комиссии был поднят вопрос о понижении возраста для вступления в р.-к. монастыри.

Изыскивая способы разрешения этого вопроса, Комиссия подвергла его обсуждению с точки зрения последствий, связанных с принесением тех или иных монашеских обетов. В данном отношении Комиссией было принято во внимание, что принесение торжественных обетов влекло за собой гражданскую смерть монашествующего: изъятие его из сферы государственного оборота. Лишаясь имущественных прав и по наследованию, такое лицо, в силу действовавших законов, не подлежало в то же время привлечению к отбыванию воинской повинности. Представлялось естественным, что государство не могло не считаться с такими последствиями, имевшими значение не только гражданско-правовое, но и общегосударственное. Иное, однако, положение создавалось в связи с принесением простых обетов. В этом случае монашествующий не изымался из сферы государственного оборота, утрачивая только дееспособность, он для государства все же «не умирал». Исходя из приведенных соображений, Комиссия признала необходимым установить два различных возраста: один для вступления в монастыри, а другой – для принятия торжественных монашеских обетов.

При обсуждении вопроса о том, каким именно возрастом подлежало бы обусловить в законе вступление в монастыри, некоторыми членами Комиссии было выражено пожелание об удержании возраста, требуемого действовавшим законом. Более высокий возраст, по мнению внесших такое предложение, обеспечивал до известной степени защиту от влияния тех или иных лиц из состава р.-к. духовенства или мирян-родственников, заинтересованных в принятии монашеского сана. Не оставлено было при этом без внимания и сильное влияние р.-к. духовенства на паству вообще и женщин – в особенности. После обмена мнениями Комиссия признала, однако, более соответственным установить для вступления в монастыри возраст брачного совершеннолетия, который, казалось бы, в достаточной степени гарантировал сознательность предпринимаемого шага.

К принесению же торжественных монашеских обетов, по мнению Комиссии, надлежало бы допускать в таком возрасте, когда данное лицо уже выполнило свою обязанность по явке к исполнению воинской повинности, т.е. не ранее достижения 22 лет от роду. Находя вместе с тем, что в предварительном посвящении кандидата в иподиаконский сан государство не может быть заинтересовано, Комиссия полагала содержащееся по этому предмету в ст. 469 требование исключить. По приведенным выше соображениям Комиссия полагала:

- а) ст. 467 и ст. 468 Зак. о сост. отменить;
- б) ст. 469 изложить в следующей редакции: «желающие вступить в р.-к. монастыри и религиозные общины должны иметь брачный возраст; к принесению же торжественных обетов они допускаются по достижении 22 лет от роду»;
- в) ст. 470 изложить в следующей редакции: «вступление в монашество доказывается: монастырскими книгами, в которые должны быть записываемы все принимаемые в монастыри и новициаты (ст. 89 Уст. ин. исп., изд. 1896 г.) и законными свидетельствами, даваемыми от монастырского начальства».

Из прежнего текста этой статьи были исключены п. 1 со словами «данном министерством внутренних дел разрешением на принятие просителя в монастырь» и из п. 2 слова «число и номер разрешения и». В соответствии с произведенными исключениями изменилась и нумерация пунктов.

Закончив пересмотр законоположений о порядке управления р.-к. монастырями и условиях вступления в монашество, Комиссия перешла к вопросу *об имущественных правах монашествующих* (ст. 471–476 Зак. о сост. и ст. 1171 Зак. гражд., изд. 1914 г.).

Связанный с монашеством обет нестяжания и отречения от мира был обусловлен, по действовавшему закону, ограничением имущественных прав монашествующих. Перед принесением торжественных обетов вступивший в монастырь обязан был распорядиться принадлежавшим ему имуществом и отречься вместе с тем от всякого вообще имения, которое могло перейти к нему по наследству. После пострижения монашествующие обоего пола лишались права владеть названным имением. Из состава имущества, которое по закону упало бы на долю монашествующего после родителей, он мог требовать, для вклада в монастырь или для другого по его воле назначения, не более десятой доли, с обращением таковой в деньги. Если же монашествующий до принесения обетов не распорядился об отчуждении принадлежавшей ему недвижимости, то она поступала к его наследникам. Вклады монашествующих мужского пола, а равно, принадлежавшая им движимость, после смерти монашествующих обращалась в собственность монастыря. При поступлении в монастырь лиц женского пола, вклады их или так называемые приданные деньги вносились в государственные кредитные учреждения с тем, чтобы процент с них получал монастырь в течении жизни монахини. После же ее смерти капитал с наросшими процентами переходил к законным наследникам умершей, а за неявкой таковых в узаконенный срок обращался в собственность монастыря [11, с. 127–128; 14, с. 600].

Вопрос об имущественных правах монашествующих вызвал в Комиссии очень оживленный обмен мнениями между представителями ведомств с одной стороны и представителями РКЦ – с другой. В то время, как первые высказывались за сохранение действовавших постановлений закона, вторые, напротив того, отстаивали мнение о необходимости полной их отмены. Доводы представителей ведомств сводились к следующим основным положениям:

1) ограничения монашествующих по владению и распоряжению недвижимым имуществом в государственных законах последовательно и строго проведены в отношении монашествующих всех вообще исповеданий, где институт монашества существовал;

2) при таких условиях снятие имущественных ограничений с монашествующих р.-к. исповедания, создавая для них особо привилегированное положение, по сравнению с православным монашествующим духовенством, явилось бы в то же время ничем иным, как частичным разрешением общего вопроса о положении монашествующих, что было, по мнению МВД, нецелесообразно и недопустимо;

3) имущественные ограничения, равно как и другие в отношении монашествующих, установленные в действовавшем законе, могли получать полное освещение и разрешение, с точки зрения государственно-правовой, лишь при разработке основных положений об отношении государственной власти к церквям и исповеданиям, каковая задача входила в круг действий имевшего быть созданным Учредительного собрания.

Поддерживая приведенные соображения формального характера, представители ведомств обращали, между прочим, внимание и на то обстоятельство, что действовавший закон, наряду с ограничительными в области имущественных прав монашествующих нормами, устанавливал также и известные привилегии для монашествующих, например: по отбыванию натуральных повинностей, несению выборных служб в сельском и волостном управлениях и т.п. Равным образом за сохранение действовавших правил, по мнению представителей ведомств, говорили и соображения государственно-экономического характера, приводившие нередко к необходимости секуляризации монастырских имуществ и капиталов.

Развивая далее свой взгляд, представители ведомств указали также, что с признанием за монашествующими прав по владению и распоряжению имуществами не исключалась бы в иных случаях возможность влияний со стороны монастырского начальства, направленных к отказу монашествующим в пользу монастыря от принадлежавшей ему недвижимости. Между тем, согласно основным началам науки гражданского права, юридическими последствиями могли сопровождаться лишь такие проявления воли человека, которые являлись совершенно свободными, а так как в рассматриваемом случае, воля монашествующего оказалась бы в той или иной степени подавленной, то и значение такого волеизъявления, с точки зрения юридической, представлялось бы подорванным. Наконец, по мнению представителей ведомств, едва ли было бы целесообразным возбуждение вопроса об имущественных правах монашествующих в данный политический момент, когда социалистическими партиями, действовавшими в стране, проводилось требование о конфискации всех монастырских земель.

Представители РКЦ мнение свое о необходимости отмены законоположений, ограничивавших имущественные права монашествующих, основывали на следующих соображениях.

Каноны РКЦ не содержали в себе общего и безусловного ограничения имущественных прав монашествующих. Некоторым категориям монашествующих владение и распоряжение имуществами не возбранялось. При таком положении, сохранение в действовавшем законе общего ограничения имущественных прав монашествующих не находило бы, в отношении монашествующих указанных категорий, оснований в каноническом праве. Однако и в тех случаях, когда действовавший закон закреплял в данном отношении каноническую норму, он, тем не менее, подлежал отмене в силу ряда причин:

1) торжественный обет по существу своему являлся актом моральным, устанавливавшим личное свободное отношение индивида к Богу и Церкви; связывая с этим актом ограничение имущественных прав

(ст. 471), государство вторгалось в область интимной, религиозной жизни личности и вносило внешние принудительные нормы в личные отношения к Богу; заставляя перед принесением обетов отречься от имущества, государство тем самым понуждало, с одной стороны, к принесению обетов, а с другой, в виду утраты имущества, – к пребыванию в монастыре, т.е. к исполнению обетов; закрепление же данного лица за монастырем являлось посягательством на его религиозную свободу;

2) правовое государство лишало личность гражданских прав лишь по суду за те или иные преступления. Между тем, применяя ст. 471, государство хотя и закрепляло каноническую норму, однако, в то же время обезличивало гражданина и притом несоответственными средствами; находившая себе оправдание в условиях старого государственного строя ст. 471 в демократическом государстве терпима быть не могла.

Гражданские последствия обетов были признаны в XIX в. в некоторых западноевропейских государствах (Австрии, Баварии, Бадене и Пруссии). Вскоре, однако, они были отменены. В мотивах к § 7 австрийского права (1874 г.) было указано, что государство не может лишать граждан естественных неотъемлемых прав. В мотивах прусского права 31 мая 1875 г. говорилось, что в монастырях обетами уничтожается личная деятельность воли и мышления, т.е., духовная личность, и потому такие учреждения не могут быть терпимы государством. В Италии и Бельгии монашествующие обладали имущественными правами: им давалась Римским Папой диспенсация от обета нестяжательства в известных пределах. Специалисты по этому вопросу (Маассен, Гайшиус, Рнш, Винэ, Якобсон и др.) давно осудили норму об ограничении имущественных прав монашествующих, поскольку она находила себе место в законодательстве Западной Европы. Там вообще этот вопрос был решен окончательно в 1871 – 1878 гг. и больше не обсуждался.

Выслушав приведенные выше соображения, Комиссия склонилась к мнению, что доводы представителей ведомств, имея за собой известные как формальные, так и бытовые основания, не предрешали еще вопроса об имущественных правах монашествующих по существу. Между тем, нельзя было не признать, что сохранение в силе действовавших ограничительных норм, едва ли оправдывалось бы соображениями государственной необходимости. Если Комиссия на предыдущих заседаниях признала возможным подчинить р.-к. монашеские ордена и духовные конгрегации в отношении их возникновения и деятельности общему порядку, установленному постановлением Временного правительства от 12 апреля 1917 г. для обществ и союзов, то казалось бы последовательным и соединенное со вступлением в монашество принесение монашеских обетов не ставить в зависимость от специального закона (ст. 471). В связи с этим, естественно, возникал вопрос, не создает ли отмена ст. 471 условий, благоприятствовавших чрезмерному нарастанию монастырских недвижимостей и капиталов за счет отказов в пользу монастырей со стороны лиц, приемлевших монашество.

Вопрос этот подлежал бы разрешению в положительном смысле лишь в том случае, если бы отмена ст. 471 знаменовала собой снятие ограничений также и в области имущественных прав монастырей. Между тем, с отменой ст. 471, касавшейся имущественных прав только лиц, вступавших в монастыри, отнюдь не вносились еще какие-либо изменения в область имущественных прав монастырей, по отношению к которым продолжали пока сохранять свою силу действовавшие законоположения, подчинявшие их регламентации правительственной власти. По мнению МВД, в существовавших условиях необходимо было признать, что предоставление имущественных прав монашествующим не могло вызывать серьезных опасений.

Сохранение в силе ограничительных в области имущественных прав монашествующих законоположений, едва ли находили себе оправдание и опасения возможных влияний на волю монашествующих со стороны монастырского начальства, так как и в мирских условиях, вне монастырей, воля одних лиц нередко порабощалась волей других. А при таком положении, опасению возможного порабощения воли монашествующего со стороны монастырского начальства могла быть противопоставлена возможность других случаев давления на индивидуальную волю со стороны общества. Возможно было также идущее со стороны родственников влияние на волю лица еще до вступления его в монастырь в видах использования его имущества. Свободное проявление воли в указанных случаях, очевидно, ограничивалось бы с той только разницей, что в первом случае имущество поступало бы в пользу монастыря, а в последнем – в пользу родственников.

Отмена законоположений, ограничивавших имущественные права монашествующих р.-к. исповедания, создала бы для них особо привилегированное положение, по сравнению с монашествующими других исповеданий, так как и в отношении имущественных прав последних ограничительные нормы могли бы быть отменены при предстоящем пересмотре подлежащих законоположений. Между тем, сохранение невызываемых государственной необходимостью ограничений в отношении какого-либо исповедания потому только, что такие же ограничения существовали в отношении последователей и иных исповеданий, в условиях обновленного на началах вероисповедной свободы государственного строя не могло иметь места.

По приведенным соображениям, Комиссия признала соответственным стст. 471–476 Зак. о сост. и ст. 117¹ Зак. гражд., изд. 1914 г., отменить. При этом, однако, Комиссия нашла необходимым, чтобы в мотивах, пояснявших принятие ею такого решения, были освещены с возможной полнотой соображения, приводившиеся как в пользу сохранения ограничительных норм, существовавших в области имущественных прав монашествующих, так и за отмену таковых [8, лл. 117–121].

Права и обязанности р.-к. архиепископа-митрополита и епархиальных епископов.

Права и обязанности р.-к. архиепископа-митрополита предусмотрены были статьями 46, 47 и 48 Уст. ин. исп. Определяя положение митрополита среди прочих епископов лишь в каноническом отношении, статьи эти, по мнению Комиссии, не могли иметь места в светском законодательстве. Комиссия высказалась за исключение их из действовавшего свода законов тем более, что в основание этих статей была положена, в свое время, цель, путем возвышения авторитета митрополичьей власти, создать в Российской империи такое положение РКЦ, при котором она, в сфере управления, находилась бы в возможно меньшей зависимости от Апостольского Престола.

Перейдя затем к рассмотрению статей закона, которым регламентировались права и обязанности епископов (ст. 49–61 Уст. ин. исп.), Комиссия приняла во внимание, что некоторые из этих статей (51, 52 и 61) определяли, подобно указанным выше, каноническое положение епископов, вытекавшее из существа епископского сана, другие (ст. 49 в той ее части, где епископу вменялось в обязанность охранять права самодержавной власти, и ст. 58, запрещающая повсеместное в епархии торжественное молитвословие в память кого-либо из скончавшихся частных лиц) – утратили свое значение в новых условиях жизни страны. Равным образом сохранение в действовавшем своде законов статей 56 и 57 Уст. ин. исп. – о правах епископов по раздаче приходов и перемещении духовных лиц из одной епархии в другую – не находило бы себе достаточных оснований по соображениям государственного характера. Подлежала, казалось бы, отмене и ст. 55, ставившая возведение в звание проповедника при соборах в зависимость от получения ученой духовной степени тем более, что в основание этой статьи, подобно ст. 43, была положена, в свое время, цель создать особые преимущества для лиц, прошедших курс наук в р.-к. духовной академии, в связи с наблюдавшимся в то время направлением воспитания в этом учебном заведении. Что касается, наконец, ст. 50, то устанавливаемое ее соучастие перечисленных в этой статье лиц и учреждений в управлении епископом епархией не отвечало действительному положению вещей, так как епископы-суфраганы определенной юрисдикции не имели, а по ст. 61 лишь помогали епископу по его поручениям, в отправлении служб, требовавших архиерейского сана. Единственной общегосударственной обязанностью капитулов, составлявших совет епархиального начальника в делах канонических, являлось избрание капитульного vicария по смерти или выбытии епископа. Деканы, церковные настоятели, настоятели монастырей и учебные начальства, в строгом смысле слова, в деле управления не участвовали, являясь только исполнителями предначертаний закона и непосредственного своего начальства. Особыми правами в сферах управления епархиями не располагали также и консистории, которые, согласно каноническим правилам, призваны были лишь к выполнению указаний епископа.

По приведенным соображениям, Комиссия полагала:

1) ст. ст. 46, 47, 48, 51, 52, 53 (ст. 53 отпадала в связи с отменой ст. 55–58), 55, 56, 57, 58 с прим. (ст. 59 (по прод. 1906 г.) 20 марта 1917 г. уже была отменена постановлением Временного правительства, а ст. 60 и прим. исключены были еще в Свод. прод. 1906 г.) и 61 Уст. ин. исп., изд. 1896 г., отменить;

2) ст. 49 сохранить в следующей сокращенной редакции: «духовный суд и управление церковными делами в каждой епархии принадлежат ее епископу» (с исключением из текста ст. 49 указания на обязанность епископов руководствоваться в сфере управления епархиями законами государства, такая обязанность, безусловно, вытекала бы как из общего права, так, в частности, и из ст. 3 Уст. ин. исп., которая требовала от всех вообще духовных управлений соблюдения государственных узаконений);

3) ст. 50 изложить следующим образом: «епархиальный епископ, как главный начальник всех в его епархии духовных установлений р.-к. исповедания, ответствен перед высшим правительством по исполнению правил о надзоре за действиями состоящих в епархии духовных мест и лиц»;

4) ст. 54, устанавливавшую порядок определения к должностям, вступления в монастыри и в духовные и светские училища иностранных духовных р.-к. исповедания, прибывавших в Россию, оставить в силе, исключив, однако, из текста этой статьи слова «вступать в монастыри и в духовные и светские училища и исправлять какие-либо духовные требы не иначе, как», а также заменив слова «министерства внутренних дел» словом «правительства» [8, лл. 110об. – 112].

О порядке отношений светских властей с р.-к. епископами.

В связи с признанием за епархиальными начальниками всей полноты власти в сфере управления церковными делами епархии и возложением на них ответственности за действия состоявших в пределах епархии духовных мест и лиц р.-к. исповедания, Комиссия признала соответственным издать особую законодательную норму, в силу которой все отношения светских властей по делам общего значения производились бы исключительно с епархиальным начальником. После обмена мнениями Комиссия не усмотрела особых оснований к разрешению указанного вопроса в положительном смысле, так как и при существовавшем порядке, все отношения по вопросам общего значения, соприкасавшимся, в частности, с делами РКЦ, должны были производиться с р.-к. епархиальным начальником. Могли, однако, иметь место отдельные случаи, когда возникала необходимость непосредственных отношений властей с отдельными священнослужителями РКЦ, например, для привода к присяге, получения метрических выписей и т.п. В таких случаях обращение к епископу, несомненно, замедлило бы отправление должностными лицами государственных обязанностей [8, л. 112].

Данные материалы 19 июня 1917 г. за № 3049 под заглавием «Об изменении действующего законодательства по делам римско-католической церкви в России» были представлены на «уважение» Временного правительства министром внутренних дел кн. Львовым, скрепил же их комиссар Временного правительства С.А. Котляревский, резолюция «верно» поставил исполнявший должность директора департамента духовных дел (далее – ДДД) МВД, вице-директор Тарановский [8, л. 149].

Следует также отметить, что ДДД с 15 июня по 17 июля были выполнены следующие работы:

– разработан и внесён 29 июня за № 3413 на уважение Временного правительства законопроект «О распространении законоположений по делам римско-католической церкви в России на церковное управление этой церкви всех обрядов»;

– составлена записка об учреждении министерства исповеданий;

– разработан доклад об упразднении РКЦ, об учреждении взамен ее особого учреждения – Съезда р.-к. епископов – и о передаче в его ведение капиталов РКЦ, а также и отпускаемых из казны средств на содержание р.-к. духовных лиц и учреждений (доклад этот был одобрен образованным под председательством комиссара Временного правительства профессора С.А. Котляревского совещанием);

– 22 июня 1917 г. за № 3281 было сделано представление временному правительству о восстановлении монастыря ордена капуцинов в г. Винницах Подольской губернии [7, лл. 137–139].

30 июня 1917 г. в МВД поступила секретная телеграмма российского поверенного при Св. Престоле за № 47, излагавшая содержание ноты и меморандума Курии, в которой последняя перечисляла те ограничения РКЦ в России, упразднение которых она ожидала. В ноте отмечалось, что переход власти в руки Временного правительства, поднявшего «знамя свободы и равенства», пробудил в Св. Престоле надежду на наступление «эры справедливости и свободы» также и для русских католиков, что образ действия Временного правительства по отношению к Шептицкому и Роппу лишь укрепил эту надежду и что Св. Престол совершенно уверен, что Временное правительство «проникнутое чувствами высокого беспристрастия и горячей любви к свободе, справедливости и праву» не преминет в самом скором времени исправить те тяжелые условия, в которых находилась РКЦ в России при прежнем строе, из-за исключительной строгости к ней законодательства Российской империи, усугублявшегося еще и административными мерами. Далее в ноте говорилось, насколько важно и полезно для России в настоящее, историческое для нее время, как можно скорее уничтожить все стеснения для католиков и приобщить их к «дружному и мирному сотрудничеству всех русских граждан», а равно прочнее согласовывать действия государства и РКЦ, и затем перечислялось в 9 пунктах разработанные в меморандуме ограничения, упразднения которых ожидал Св. Престол: запрещения католикам непосредственных сношений с Папой; цензура актов Св. Престола МВД; запрещение применения некоторых постановлений декрета «No tempere» по смешанным бракам; стеснение, вопреки манифесту 17 апреля 1905 г., перехода в католичество; запрет епископам покидать пределы своих епархий без разрешения МВД; стеснения в вербовке католического духовенства; затруднения, чинимые монашеским орденам и католическим союзам; запрещение внешкольной и внецерковной катехизации и стеснения в выборе языка и преподавания Закона Божия; затруднения, устраиваемые при строительстве р.-к. церквей и собирании церковных сборов.

Поверенный при передаче ноты заверил статс-секретаря Св. Престола, что не замедлит переслать меморандум по назначению, прибавив, что в сущности, как ему известно из беседы с ним, а равно из разговора с недавно приехавшим туда бывшим членом Государственного Совета Скирмунтом, Св. Престол, в данном случае, стучится в открытую дверь [7, лл. 130 – 130об.].

26 июля 1917 г. за подписью заместителя министра-председателя Н. Некрасова и министра внутренних дел Н. Авксентьева Временное правительство приняло постановление № 1287 «Об изменении действующего законодательства по делам римско-католической церкви в России». В разделе 5 данного постановления оговаривалось, что действие законоположения по делам РКЦ в России распространяется на церковное управление этой церкви всех обрядов, с теми изъятиями, которые будут особо установлены для управления каждого их этих обрядов в законодательном порядке [8, л. 145об.].

Заключение. Таким образом, действовавшие в Российской империи законодательные положения в отношении прав р.-к. духовенства подверглись пересмотру при Временном правительстве. К этому процессу были привлечены как светские, так и духовные лица. Не взирая на возникшие разногласия, было принято постановление «Об изменении действующего законодательства по делам римско-католической церкви в России», радикально изменившее сложившуюся систему прав и обязанностей по отношению к р.-к. духовенству. Дальнейший ход событий помешал осуществлению этих положений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Kumor, B. Historia Kościoła : w 7 cz. / B. Kumor. – Lublin : Katolicki Uniwersytet Lubelski, 1973. – Cz. 7. – 514 s.
2. Walicki, A. Rosja, katolicyzm i sprawa polska / A. Walicki. – Warszawa : Prószyński i S-ka, 2002. – 462 s.

3. Федоров, В.А. Русская Православная Церковь и государство. Синодальный период. 1700–1917 / В.А. Федоров. – М. : Русская панорама, 2003. – 480 с.
4. Канфесійны фактар у сацыяльным развіцці Беларусі (канец XVIII – пачатак XX ст.) / В.В. Яноўская [і інш.] ; навук. рэд. В.В. Яноўская ; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск : Беларуская навука, 2015. – 496 с.
5. Россия и Ватикан в конце XIX – первой трети XX века / под ред. Е.С. Токаревой, А.В. Юдина. – М. : ИВИ РАН; СПб. : Алетейя, 2003. – 324 с.
6. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 821. Оп. 133. Д. 622.
7. РГИА. – Ф. 821. Оп. 128. Д. 1740.
8. РГИА. – Ф. 821. Оп. 128. Д. 1741.
9. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. – СПб., 1907. – Т. XXIV. 1904. Отд-е. I. Отъ № 23839–25604 и Дополнения. – 1257 с.
10. Сводъ законовъ Россійской имперіи. – СПб., [1896]. – Т. XI, Ч. 1-я. Сводъ учреждений и уставовъ управления духовныхъ дель иностранныхъ исповѣданій христіанскихъ и иноверныхъ. Изданіе 1896 года. – 174, XII с.
11. Законы о состояніяхъ (Св. Зак. Т. IX, изд. 1899 г.) съ дополнительными узаконеніями, разъясненіями Правит. Сената и Св. Синода, циркулярами Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и алфавитнымъ указателемъ / Сост. М.Н. Палибинъ. – СПб.: изд. Юридич. кн. маг. Н.К. Мартынова, 1901. – XXVII, 420 с.
12. Сводъ законовъ Россійской имперіи. – Петроградъ, [1916]. – Т. XIV. Уставъ благочинія и безопасности, Изданіе 1916 года. – 128 с.
13. Полное собрание законовъ Россійской имперіи. Собрание третье.. – СПб., 1909. – Т. XXVI. 1906. Отд-е I. Отъ № 27173–28753 и Дополнения. – 1141 с.
14. Законы гражданскіе (Сводъ Зак. т. X, ч. 1, изданіе 1914 года). С разъясненіями Правительствующаго Сената и комментаріями русскихъ юристовъ, извлеченными изъ научныхъ трудовъ по гражданскому праву и судопроизводству (по 1 Февраля 1915 года) : в 2 т. / Сост. И.М. Тютрюмовъ. – 5-е изд., испр. и доп. – Петроградъ : изд. Юрид. кн. маг. И.И. Зубкова подъ фирмою «Законовѣдніе». – Т. 1–IV. – 1527 с.

Поступила 17.09.2020

REGULATION BY THE PROVISIONAL GOVERNMENT OF THE STATUS OF THE ROMAN-CATHOLIC SPIRITUISHMENT (1917)

A. HANCHAR

The measures of the Provisional Government in the field of the position of the Roman Catholic clergy in the country are considered. The article covers the legislative norms in force in the Russian Empire regarding the parish and monastic Roman Catholic clergy. Special attention is paid to the rights and duties of the archbishop-metropolitan and diocesan bishops, the regulation of relations between secular and spiritual authorities. The motives of the representatives of the Roman Catholic Church and the government when making decisions are analyzed.

Keywords: *Russian Empire, the Provisional government, the Roman Catholic Church, the clergy.*

УДК 94(410:436)«1945-1955»

ДЕБАТЫ В БРИТАНСКОМ ПАРЛАМЕНТЕ ПО АВСТРИЙСКОМУ ВОПРОСУ (1945 – 1951 гг.)¹

М.В. ГАРЕЛИК

(Белорусский государственный архив кинофотофонодокументов, Минск)

Предметом изучения данной статьи являются парламентские дебаты, посвященные австрийской политике Великобритании в 1945 – 1955 гг. Оккупация Австрии оказалась серьезным бременем для Великобритании, поднимала ряд острых вопросов, которые обсуждались в национальном парламенте. Среди них: создание работоспособной администрации в Австрии; денацификация; репатриация австрийцев; сокращение и вывод войск; налаживание топливного и продовольственного снабжения; затраты на оккупацию; заключение Государственного Договора и др. Статья написана на основе анализа опубликованных документальных источников Национального архива Великобритании, а также стенограмм заседаний палаты общин.

Ключевые слова: Австрия, Великобритания, парламент, денацификация, Государственный договор, лейбористы, консерваторы, Эттли, Бевин.

Введение. В апреле 1945 г. началась британская оккупация австрийских земель – Каринтии и Штирии, с конца лета – Вены. Отдельные вопросы, в частности, размер оккупационного контингента, сроки вывода войск активно обсуждались в британском парламенте, будучи серьезным бременем для британского бюджета, о чем говорят стенограммы парламентских заседаний. Содержание парламентских дискуссий по Австрии проливает свет на конфликт внутри лейбористской партии, имевший место в 1945 – 1947 гг. Его главными участниками были, с одной стороны, кабинет К. Эттли, а с другой – значительная часть фракции лейбористов. Изменения в политике британского правительства, произошедшие в 1946 – 1947 гг., наглядно отражают укрепление позиций правящего кабинета, нашедшего поддержку большей части своей фракции.

В отечественной историографии фрагментарно исследованы такие аспекты внешней политики К. Эттли, как парламентские дебаты и внутрипартийные дискуссии о ее направлениях. В современной российской историографии данную проблему исследовали отдельные авторы [1–3]. Среди них необходимо отметить статьи Д. Портнягина, затронувшего парламентскую борьбу как один из аспектов внешней политики кабинета К. Эттли. Наиболее полно данная тема раскрыта в трудах британской историографии [4–6].

Статья была подготовлена с опорой на принципы историзма и объективности с использованием проблемно-хронологического, сравнительного и системного методов исторического познания.

Основная часть. Оккупация Австрии поставила на повестку дня следующие проблемы: создание дееспособных органов власти; снабжение оккупированных территорий; репатриация; государственная граница Австрии. Главное различие между правительственным и парламентским взглядом на данную проблему заключалось в том, что политика кабинета Эттли в отношении Австрии практически всегда была реакцией на сложившуюся ситуацию и исходила из реальных возможностей Соединенного Королевства. Парламент некоторое время после войны руководствовался в решении иностранных вопросов довоенными представлениями о Великобритании, переоценивая ее возможности, и требовал от правительства более активных действий. Идеологические противоречия между разными течениями лейбористской партии также находили отражение в парламентских дебатах – кабинет находился под шквалом критики левых лейбористов, среди которых бытовало мнение о саботаже «социалистической» внешней политики Бевин и Эттли. Для преодоления подобных взглядов лейбористской фракции потребовалось около 2 лет. Кабинет, тем не менее, находил поддержку своей внешнеполитической линии у консерваторов.

На занятых англо-американскими войсками территориях Австрии создавались временные земельные правительства. Так, в Каринтии и Штирии незадолго до прихода англичан были созданы местные временные правительства, возглавленные социалистами [4, р. 23]. Они получили одобрение британских военных властей и парламента. В палате общин и лейбористы, и консерваторы ожидали, что на территории Австрии, оккупированной британцами должна поощряться и поддерживаться деятельность демократических институтов, однако это должно происходить «по мере стабилизации» [7]. Новое лейбористское правительство, однако, уточнило свою позицию по данному вопросу. Министр иностранных дел Бевин считал необходимым дальнейшую федерализацию страны с постепенной передачей властных полномочий в руки местных выборных органов [8, р. 591].

Новое правительство, начавшее действовать с конца июля 1945 г., столкнулось в Австрии с проблемой нехватки топлива и продовольствия, которую необходимо было разрешить до начала зимы. В октябре 1945 г. министр продовольствия Б. Смит указывал на то, что уже в следующем году осуществлять продовольственное снабжение зон оккупации в Европе, а также Индии без снижения собственных запасов ниже минимального

¹ Статья написана в рамках темы НИР «Разработка научно-теоретического и методического обеспечения образовательного процесса по истории в условиях модернизации педагогического образования на компетентностной основе», выполняемой на кафедре всеобщей истории и методики преподавания истории БГПУ.

уровня безопасности будет невозможно [9, p. 3]. Министр предлагал привлечь к продовольственному снабжению любые частные организации, а также страны-экспортеры продовольствия, в первую очередь пшеницы.

Парламентские дебаты, на которых от правительства требовали немедленных мер, существенно отличались от тональности правительственных заседаний, где уже в сентябре 1945 г. говорилось, что Великобритания в одиночку не сможет осуществлять снабжение своих зон оккупации. О тяжелом положении парламенту докладывал 25 февраля 1946 г. министр Смит. Он отмечал, что Великобритания в январе вообще не участвовала в пополнении продовольственных запасов UNRRA (организация, обеспечивавшая снабжение британской зоны в Австрии с июня 1946 г.) в силу нехватки продовольствия внутри страны [10]. Будучи не в силах обеспечить свою зону оккупации, британские власти делили бремя обеспечения с США и СССР. Снабжение Австрии по линии UNRRA (United Nations Relief and Rehabilitation Administration) было рассчитано на период до 31 декабря 1946 г. Миссия UNRRA на протяжении 1946 г. находилась под шквалом критики. Парламент пытался прояснить вопрос о доле Британии в данной миссии. Особенность работы организации заключалась в том, что распределение помощи отдельным странам осуществлялось ее руководством самостоятельно. Выяснить долю Великобритании в снабжении Австрии было невозможно. Британские товары, отгруженные для миссии, не учитывались в качестве отдельной статьи экспорта, поэтому трудно судить даже о роли Лондона в формировании запасов.

Фактически критика UNRRA парламентом была частью общей парламентской дискуссии о сокращении чрезмерных внешнеполитических расходов. В конце июля 1946 г., после посещения британских оккупационных зон, парламентарии добились дебатов с правительством по поводу сокращения оккупационных трат в Германии и Австрии. Еще в начале 1946 г. парламентом поднимался вопрос о предоставлении правительственного отчета, так называемой «белой книги» о деятельности британской военной администрации и армии на оккупированных территориях. Правительство всячески тормозило его составление. Было решено, что перед сдачей в печать текст подвергнется цензуре [11, p. 13]. Очевидно нежелание правительства раскрывать данные о зарубежных расходах, афиширование которых могло привести к широкой общественной дискуссии.

Требование сокращения, а затем и вывода войск из Австрии впервые прозвучало от левого лейбориста У. Уорби 29 октября 1945 г. [12]. Эти призывы были одобрены и консерваторами. Правительство уже в декабре объявило о намерении вывести войска, однако проблема заключалась в том, что Лондон не мог принимать односторонних решений по вопросам, в которых многое зависело от позиции Москвы и Вашингтона [13]. Попытки же «коллегиально» обсудить вывод войск успеха не принесли. В ходе Московской конференции в декабре 1945 г. В. Молотов отказался от обсуждения данной темы и обвинил британские военные власти в том, что они поддерживают фашистские элементы в Австрии и Германии [14, p. 115].

Еще одним важным предметом интересов парламента стала репатриация, да и в целом проблема «перемещенных лиц». В парламенте считали, что репатриация необходима, если военнопленный не является бывшим членом НСДАП. Депутат-лейборист Дж. Стресс предлагал вернуть в первую очередь сельскохозяйственных рабочих ввиду необходимости «предотвратить нехватку продовольствия» [15].

В ноябре 1945 г. парламент поставил вопрос о военнопленных австрийской национальности. Представитель МИДа докладывал, что в ноябре таких насчитывалось 58 600 человек, включая 15 300 человек на территории Англии. Репатриация происходила постепенно: в конце марта 1946 г. в Британии по-прежнему находились 11 500 австрийских военнопленных [16]. Депутаты палаты общин регулярно поднимали вопрос о репатриации военнопленных, не являвшихся нацистами.

Отдельно следует отметить парламентские дебаты по внешней политике. В палате общин они проводились 1-2 раза в год и были посвящены наиболее важным внешнеполитическим проблемам, а также вопросам, которые требовали безотлагательного решения. На первых послевоенных дебатах, проводившихся 22 и 23 ноября 1945 г., австрийский вопрос не обсуждался, за исключением того, что лейбористы настаивали на пересмотре позиции Великобритании по проблеме территориальных претензий Югославии к Италии [17]. Этот вопрос привел к широкой дискуссии о статусе Южного Тироля в 1945 – 1947 гг. Значительная часть лейбористов и консерваторов выступила за размежевание в Южном Тироле по этническому принципу, осуждая решение Сен-Жерменского договора 1919 г. о передаче всей области Италии. Официальная позиция кабинета Эттли состояла в признании границ, сложившихся к 1939 г., что привело к ряду «столкновений» с депутатами.

Критике подверглась и внешняя политика в целом. Значительная часть фракции лейбористов считала, что Бевин не препятствовал втягиванию Британии в блок с США против СССР, а кабинет в целом поддается внешнему давлению американцев. По вопросу о границах Австрии, как отмечал либерал, а впоследствии лейборист Т. Хорбин, «мы слишком подвержены влиянию Соединенных Штатов». Данная критика имела поддержку не только у значительной части парламентариев-лейбористов, как заметил российский исследователь Д. Портнягин, но и рядовые члены партии вместе с профсоюзами выдвигали на ежегодных партконференциях в 1945 – 1946 гг. резолюции с неодобрением внешнеполитического курса правительства [1, с. 177].

В итоге Бевин вынужден был уступить фракции лейбористов. В ходе парламентских дебатов в июне 1946 г. он отчитался по вопросу о пересмотре итало-югославской границы. Данный шаг, однако, был рассчитан скорее на парламент, учитывая, что британские дипломаты не совершали решительных действий в отношении статуса Триеста. В ответ на это депутаты перешли к требованию пересмотра статуса Южного Тироля, в частности лейбористы Э. Шеклтон и Дж. Пэйтон обвиняли правительство в нерешительности [18]. Пэйтон назвал «чудовищным актом» то, что Бевин на конференции четырех держав-победителей согласился с сохранением

Южного Тироля в составе Италии. Примечательно, что правительство по данному вопросу столкнулось с оппозицией в лице не только лейбористов, но и консерваторов, в том числе С. Дигби, Р. Бутби, Д. Сэйвори.

Черчилль раскритиковал на Парижской конференции решение Бевина признать сохранение Южного Тироля в составе Италии и предложил вариант разрешения территориальной проблемы путем проведения плебисцита [19]. «Настаивая на том, что Южный Тироль должен остаться с Италией, Бирнс, подчинил европейское мирное урегулирование избирательной потребности Демократической партии в Соединенных Штатах, чтобы получить итальянский голос на предстоящие выборы ... один из аспектов британской внешней политики продиктован потребностями Демократической партии в обеспечении итальянского голосования» – утверждал депутат Т. Хорбин. Левые лейбористы, такие как У. Уорби, считали, что Лондон втягивают в антисоветский блок во главе с Вашингтоном, что противоречило идеям «социалистической» внешней политики. Необходимо отметить, что в силу второстепенности австрийской проблемы для Британии, критика по отдельным ее аспектам не была очень болезненной для кабинета. Тем не менее, лейбористская фракция выражала недовольство действиями форин-офиса в целом, считала его позицию недостаточно левой, не соответствующей пожеланиям значительной части рядовых лейбористов. Отдельные аспекты австрийской проблемы, по которым происходили дебаты, часто были лишь поводом для очередных обвинений в адрес правительства. Что касается самого партийного руководства, в частности, Э. Бевина и К. Эттли, то они, находясь в составе военного кабинета, имели опыт взаимодействия с Советским Союзом и уже в 1945 г. не разделяли идеи «социалистической» внешней политики. Как отмечал Черчилль, он не сомневался в том, что внешняя политика Эттли будет преемственна политике его кабинета, и сам рекомендовал королю кандидатуру Клемента Эттли на пост премьер-министра [20, р. 92].

Историк Д. Портнягин отмечает также, что в числе наиболее критикуемых лейбористами-лэвскими направлениями внешней политики кабинета Эттли были Греция, британская зона оккупации в Германии и Индонезия [1, с. 178]. По существу, «социалистическая внешняя политика» не имела серьезной теоретической основы, лидеры левых лейбористов подразумевали, что кабинет Эттли обязан активизировать усилия по установлению дружественных отношений и активизации контактов с Советским Союзом. Вместе с тем, необходимо было совмещать национальную внешнюю политику с налаживанием дружественных и партнерских отношений с США без вхождения в блок с ними. Тем не менее, по мере нарастания конфронтации между США и СССР, «социалистическая» политика все более представлялась в лейбористской фракции как иллюзия, нежели реальная политическая программа.

Последняя серьезная попытка лейбористов заставить правительство пересмотреть свою позицию была предпринята в конце 1946 г., при подготовке королевской речи по внешней политике. По предложению части лейбористов в текст речи необходимо было внести правки с требованием коренного пересмотра всего внешнеполитического курса. Представитель лейбористов, Р. Кроссмэн заявил, что вместо конфронтации необходимо перейти к сотрудничеству с СССР и США. Он предложил также создать блок социал-демократических стран [21]. Инициатива не была одобрена. После этого критика правительства очень быстро пошла на убыль.

Уже в 1947 г. парламент и правительство достигли взаимопонимания по ключевым аспектам австрийского вопроса. Накал холодной войны вел к укреплению правительственной позиции. К 1947 г. основной проблемой в австрийских делах стала подготовка Государственного договора (ГД). Парламент выражал полную поддержку правительству: «Я считаю, что правительство Его Величества четко изложило свою позицию, но я надеюсь, что сегодня они еще раз скажут, что не собираются уступать совершенно неоправданным требованиям Югославии в этом отношении» – заявлял консерватор Т. Лоу [22].

Солидарность форин-офиса и обеих фракций парламента была выявлена и «германским активам». Премьер-министр и министр иностранных дел подробно изложили свои позиции по ключевым вопросам подготовки ГД, постепенно меняя точку зрения парламента относительно своей деятельности. К 1947 г. обе ветви власти пришли к консенсусу относительно ведения переговоров с Москвой. Британский исследователь У. Уильямс охарактеризовал его так: «Британия признает, что русские имеют право на свой «фунт плоти» в Австрии, но британское правительство должно быть решительно настроено на то, чтобы они не получили больше, чем «только один фунт». Москва не должна оказаться в более выгодном положении, чем первоначальные немецкие владельцы» [5, р. 109].

На дебатах 22–23 января 1948 г. и 4 мая 1948 г., посвященных внешней политике, дискуссий по австрийской проблеме не последовало. На последующих дебатах ситуация повторилась. Лишь некоторые левые лейбористы (К. Цильякус, Л. Солли) продолжали критику, но они не пользовались поддержкой фракции. Тупик в разрешении австрийского вопроса, который окончательно выявился к концу 1949 г., так и не стал поводом для атак парламентариев на правительство. Напротив, обе фракции признавали значительный вклад Бевина и Эттли в разработку Государственного договора и считали единственной причиной срыва переговоров obstruction со стороны Москвы, которая «не хочет в действительности» никакого договора [23].

Заключение. Подводя итоги парламентским дебатам по австрийскому вопросу в Великобритании, можно отметить ряд моментов. Во-первых, наиболее дискуссионными вопросами по австрийской проблеме в 1945–1951 г. были территориальные претензии. Данная проблема разрешилась в пользу идеи о статус-кво границы между Италией и Австрией. Во-вторых, австрийская проблема в течение 1945 – 1947 гг. была поводом для критики правительства со стороны значительной части фракции лейбористов. Больше всего депутаты выражали недовольство несамостоятельным характером политики кабинета. После Второй

мировой войны в лейбористской партии была сильна поддержка идей «социалистической» внешней политики, которой не соответствовали политические решения и действия кабинета. В-третьих, по мере нарастания напряженности в рамках холодной войны претензии к «зависимой» внешней политике правительства, ориентированной на стратегический союз с США, постепенно исчезли.

ЛТЕРАТУРА

1. Портнягин, Д.И. Дебаты о «социалистической» внешней политике в британском парламенте (1945–1947) / Д.И. Портнягин // Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А.С. Пушкина, – 2014. – № 2. – С. 175–183.
2. Охошин, О.В. Трансформация доктрины лейборизма в Великобритании (1945–1997) / О.В. Охошин // Вестн. Рос. гос. гуманит. ун-та. Сер. История. Филология. Культурология. Востоковедение. – 2014. – № 13 (135). – С. 176–190.
3. Портнягин, Д.И. Англо-советские отношения во внешнеполитических концепциях британских лейбористов в годы Второй Мировой войны / Д.И. Портнягин // Вестн. Санкт-Петербург. гос. ун-та, Сер. 6. – 2012. – Вып. 3. – С. 117–121.
4. Hiscocks, R. G. Cumberlege Rebirth of Austria / R. Hiscocks, A. Wildgans. – London : Oxford univ. press, 1953. – 301 p.
5. Williams, W. W. British Policy and the Occupation of Austria, 1945–1955 / W. W. Williams. – Swansea : ProQuest, 2004. – 444 p.
6. Jones, B. The Russia complex. The British Labour party and the Soviet Union / B. Jones. – Manchester : Manchester univ. press., 1977. – 229 p.
7. Commons sittings, 7 november 1945. Hansard. UK Parliament. [Electronic resource]. – Mode of access: api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1945/nov/07/austria-occupation-force. – Date of access: 19.10.2019.
8. The United States Political Adviser for Austrian Affairs (Erhardt) to the Acting Secretary of State, Vienna, September 13, 1945 // FRUS. Diplomatic papers 1945. Volume III. European Advisory Commission; Austria; Germany / W.M. Franklin. – Washington : Government Printing Office, 1968. – P. 591–593.
9. CM (45) 18 // CAB 128/1 Original Reference CM 18 (45) – 47 (45), 1945 7 Aug – 30 Oct. – P. 1-11.
10. Commons sittings, 26 march 1946. Hansard. UK Parliament. [Electronic resource]. – Mode of access: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1946/mar/26/personnel-austria>. – Date of access: 19.10.2019.
11. Austria. Peace Treaty CM (47) 1 // CAB 128/9 Original Reference CM 1 (47) – 49 (47), 1947 2 Jan – 22 May. – P. 11–16.
12. Commons sittings, 10 december 1945. Hansard. UK Parliament. [Electronic resource]. – Mode of access: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1945/dec/10/austria-unra-help>. – Date of access: 19.10.2019.
13. Commons sittings, 26 february 1946. Hansard. UK Parliament. [Electronic resource]. – Mode of access: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1946/feb/26/austrian-war-prisoners-repatriation>. – Date of access: 19.10.2019.
14. Foreign Affairs. Fifth Meeting of Council of Foreign Ministers CM (47) 90 // CAB 128/10 Original Reference CM 50 (47) – 96 (47), 1947 23 May – 31 Dec. – P. 115-118.
15. Commons sittings, 29 november 1945. Hansard. UK Parliament. [Electronic resource]. – Mode of access: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/written-answers/1945/nov/29/austria-control-policy>. – Date of access: 19.10.2019.
16. Commons sittings, 10 may 1946. Hansard. UK Parliament. [Electronic resource]. – Mode of access: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1946/may/10/control-office-for-germany-and-austria>. – Date of access: 19.10.2019.
17. Commons sittings, 23 november 1945. Hansard. UK Parliament. [Electronic resource]. – Mode of access: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1945/nov/23/foreign-affairs>. – Date of access: 19.10.2019.
18. Commons sittings, 4 june 1946. Hansard. UK Parliament. [Electronic resource]. – Mode of access: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1946/jun/04/foreign-affairs>. – Date of access: 19.10.2019.
19. Commons sittings, 5 june 1946. Hansard. UK Parliament. [Electronic resource]. – Mode of access: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1946/jun/05/foreign-affairs>. – Date of access: 19.10.2019.
20. Prime Minister Churchill to President Truman, London, 4 June 1945 // FRUS. The Conference of Berlin (The Potsdam Conference) 1945. Volume I / N.G. Bernard. – Washington : Government Printing Office, 1960. – P. 92.
21. Commons sittings, 15 november 1946. Hansard. UK Parliament. [Electronic resource]. – Mode of access: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1946/nov/15/debate-on-the-address>. – Date of access: 19.10.2019.
22. Commons sittings, 16 may 1947. Hansard. UK Parliament. [Electronic resource]. – Mode of access: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1947/may/16/foreign-affairs>. – Date of access: 19.10.2019.
23. Commons sittings, 28 march 1950. Hansard. UK Parliament. [Electronic resource]. – Mode of access: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1950/mar/28/foreign-affairs>. – Date of access: 19.10.2019.

Поступила 27.10.2020

BRITISH PARLIAMENTARY DEBATES ON AUSTRIAN ISSUE IN 1949-1951

M. GARELIK

This article studies the parliamentary debates devoted to British policy in Austria, which was occupied by 4 countries – USA, USSR, Great Britain and France in 1945-1955. Austrian occupation was a burden on Britain, creating a lot of serious issues discussing in parliament, such as the creation of efficient administration in Austria, denazification, repatriation of Austrian citizens, reduction and withdrawal of troops, establishment of food and fuel supplies, the cost of occupation, and the Austrian State Treaty in particular. The study is based on an analysis of published documentary sources of the National Archives (United Kingdom), and Commons Sittings volumes.

Keywords: Austria; Great Britain; parliament; denazification; State Treaty; labour; conservative; Attley; Bevin.

УДК 796(091)

**ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ СПОРТИВНОГО ОРИЕНТИРОВАНИЯ
В ПОЛОЦКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ:
ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ВЫСТУПЛЕНИЯ СБОРНОЙ КОМАНДЫ****Н.В. ГРИШАНОВА, канд. ист. наук, доц. Е.Н. БОРУН
(Полоцкий государственный университет)**

В статье описаны и проанализированы периоды развития Полоцкого государственного университета и соответствующие им этапы развития спортивного ориентирования: становления, развития, волнообразного чередования упадка и подъема. Приведены результаты выступления сборной команды университета по спортивному ориентированию на Республиканской универсиаде и Республиканском Фестивале неолимпийских видов спорта среди студентов с 1990 по 2019 гг. Выявлены проблемы и определены основные направления дальнейшего развития спортивного ориентирования в Полоцком государственном университете.

Ключевые слова: спортивное ориентирование, этапы, развитие, команда, студенческий спорт.

Введение. Студенческий спорт является составной частью спорта, интегрирующего в себе массовый спорт и спорт высших достижений. Студенческий спорт направлен на физическое воспитание и развитие обучающихся учреждений высшего образования, их подготовку к участию и участие в официальных физкультурных и спортивных мероприятиях, таких как Республиканская универсиада или Республиканский Фестиваль неолимпийских видов спорта среди студентов. Развитие спортивного ориентирования как вида спорта в учреждениях высшего образования имеет большое прикладное значение в подготовке будущих специалистов, а также является переходным периодом для спортсменов от юношеского спорта к спорту высших достижений. От уровня развития спортивного ориентирования, квалификации специалиста во многом зависят результаты выступления на соревнованиях и степень спортивного мастерства спортсменов, что, в свою очередь, влияет на престиж учреждения высшего образования.

В новейшей истории развития Полоцкого государственного университета можно выделить два периода: 1) создание Новополоцкого Политехнического института (НПИ), 1968-1992 гг.; 2) реорганизация и изменение статуса учебного заведения (преобразования НПИ в Полоцкий государственный университет), 1993 г. – по сегодняшний день [1]. Каждому из перечисленных периодов соответствуют определенные этапы развития спортивного ориентирования: становления, развития, упадка и подъема.

1. Становление спортивного ориентирования в НПИ (1970 – 80 гг.). Первыми известными ориентировщиками в НПИ были студенты группы спортивной специализации Виктор Стукан (Мастер Спорта СССР, член сборной команды СССР по спортивному ориентированию, серебряный призер Чемпионата Социалистических Стран, многократный чемпион Республики Беларусь) и Вячеслав Наталевич (Мастер Спорта СССР, член сборной команды БССР по спортивному ориентированию, неоднократный чемпион Республики Беларусь), которые неоднократно выступали в соревнованиях по лыжным гонкам и биатлону как представители Новополоцкого политехнического института под руководством заведующего кафедрой Парамыгина Вячеслава Степановича, а позже посвятили себя тренерской работе [2].

Первые упоминания команды института относятся к 1976 г. и связаны с проведением 15-16 мая в Новополоцке VI летнего Чемпионата «Буревестник» по программе XIX Спартакиады высших учебных заведений (вузов) БССР. Команда НПИ заняла 12-е общекомандное место [3]. Данное событие можно считать отправной точкой этапа становления спортивного ориентирования в вузе.

Новым толчком в развитии спортивного ориентирования в НПИ стал приход в спорт в 1977 г. студентки машиностроительного факультета (группа 77ТМ) Пахилко (в замужестве Алексеенок) Валентины Петровны, которая активно принимала участие в различных соревнованиях в составе команды НПИ, а с пятого курса стала заниматься спортивным ориентированием и была одной из сильнейших спортсменок Республики Беларусь. Валентина Петровна – Мастер Спорта Советского Союза, член сборной команды БССР, чемпионка Республики Беларусь по спортивному ориентированию.

В 80-е годы прошлого столетия одним из сильнейших спортсменов-ориентировщиков НПИ был студент группы 82ТМ-5 машиностроительного факультета Алексеенок Алексей Васильевич. Будучи студентом первого курса, Алексей Васильевич выполнил норматив Кандидата в Мастера Спорта (КМС) по спортивному ориентированию, а в последующем стал Мастером Спорта СССР, членом сборной команды БССР, неоднократным призером и чемпионом республики по спортивному ориентированию [2].

2. Развитие спортивного ориентирования в НПИ (1990-е гг.). Основные изменения на данном этапе связаны с приходом в начале 1990-х годов Алексеенок Валентины Петровны на кафедру физической культуры в качестве тренера по спортивному ориентированию.

В 1990 г. на Спартакиаде спортклубов вузов БССР сборная команда НПИ заняла 10-е общекомандное место. В 1991 г. сборная команда НПИ по спортивному ориентированию заняла уже 2-е общекомандное место в данных соревнованиях, проходивших 1-2 июня в д. Крыжовка, Минского р-на. Призером Спартакиады

стал Нижников Вячеслав (МС СССР, призер Чемпионата БССР), занявший 2-е место на классической дистанции среди мужчин. Победителем среди женщин на классической дистанции стала Алексеенок Валентина Петровна. Женская команда НПИ в составе Гордель Галины, Алексеенок Валентины, Дворцовой Олеси заняла 3-е место в эстафете [4; 5]. Одними из сильнейших в сборной команде НПИ по ориентированию были Мягков Андрей (КМС), Павлов Дмитрий (КМС), Крупко Алексей (КМС), Алексеенок Александр (МС РБ, Чемпион Республики Беларусь по спортивному ориентированию), Романовская Наталья (КМС, первая чемпионка республики среди юниоров) [5].

Благодаря грамотной тренерской работе Алексеенок Валентины Петровны в 1992 и 1993 гг. сборная команда НПИ заняла 1-е общекомандное место в Спартакиаде вузов Республики. Призерами Первенства стали Павлов Дмитрий (3-е место на классической дистанции среди мужчин), Романовская Наталья (2-е место на классической дистанции среди женщин). Также команда НПИ заняла 1-е место в эстафете среди мужчин и 1-е место среди женщин [4]. Учитывая скачкообразную положительную динамику выступлений сборной института, можно говорить о расцвете спортивного ориентирования в НПИ в этот период.

Таким образом, в 1970-е – начале 1990-х гг. спортивное ориентирование как один из видов студенческого спорта Новополоцкого политехнического института проходит этапы своего становления, развития и расцвета, чему способствовало наличие талантливых спортсменов и не менее талантливых тренеров.

3. Волнообразное чередование упадка и подъема в спортивном ориентировании ПГУ. В 1993 г. НПИ был преобразован в Полоцкий государственный университет (ПГУ) [1]. К этому периоду относится волнообразное чередование этапов упадка и подъема в развитии спортивного ориентирования на базе вуза. Это связано с тем, что многие из сильнейших спортсменов закончили обучение, а Валентина Петровна Алексеенок покинула пост тренера-преподавателя по спортивному ориентированию ПГУ. В связи с отсутствием квалифицированного тренера и руководителя, а также отсутствием группы спортивной специализации в университете, студенты-спортсмены вынуждены были выступать на соревнованиях самостоятельно. Так, в Республиканских студенческих играх по спортивному ориентированию 21 мая 1994 г. Павлов Дмитрий занял 1 место на классической дистанции среди мужчин [4].

В отсутствие команды самостоятельно отстаивали честь университета сильнейшие ориентировщики в Республике, студенты инженерно-технологического факультета, специальности «Машины и аппараты химических производств и предприятий строительных материалов» Михалкин Дмитрий (МС, Член сборной Республики Беларусь по спортивному ориентированию, Многократный чемпион страны, серебряный и бронзовый призер Чемпионата мира среди Мастеров (2015, Швеция), двукратный победитель Чемпионата мира среди Мастеров (2016, Эстония) по спортивному ориентированию, неоднократный победитель республиканских и международных соревнований), Миронов Дмитрий (МС, член сборной Республики Беларусь, неоднократный чемпион и призер страны), Афанасьев Иван (МС, член сборной Республики Беларусь по спортивному ориентированию, Чемпион Республики Беларусь в эстафете), студент машиностроительного факультета специальности «Технология машиностроения» Бригинец Константин (КМС, один из лучших составителей спортивных карт в Республике Беларусь) [6; 7].

Без руководства тренера 24 мая 1998 г. в д. Зеленое, Минский р-н, на Республиканских студенческих играх по спортивному ориентированию мужская эстафетная команда ПГУ в составе Афанасьева Ивана, Бригинца Константина, Миронова Дмитрия заняла 1-е место. В 1999 г. на Республиканских студенческих играх, финальных соревнованиях по спортивному ориентированию в программе Республиканских студенческих игр, Михалкин Дмитрий занял 3-е место среди мужчин на классической дистанции [4].

В 2002 – 2004 гг. руководителем сборной команды университета стал Бригинец Константин Юрьевич [7], что позволило в 2002 г. на финальных соревнованиях по спортивному ориентированию в программе Республиканских студенческих игр, которые прошли 17-19 мая в д. Силичи, Минский р-н., команде ПГУ занять 3-е общекомандное место. Призерами игр стал Михалкин Дмитрий (2-е место на спринтерской дистанции и 2-е место на классической дистанции), Миронов Дмитрий (3-е место на классической дистанции). Мужская эстафетная команда ПГУ заняла 1-е место (в составе Афанасьев Иван, Миронов Дмитрий, Михалкин Дмитрий) [4].

Таким образом этот период можно охарактеризовать как подъем в развитии спортивного ориентирования на базе Полоцкого государственного университета.

С 2004 по 2007 гг. руководство сборной командой университета по спортивному ориентированию не осуществлялось в связи с отсутствием квалифицированного специалиста. Команда участвовала в соревнованиях не в полном составе, без тренера. Основными представителями команды являлись студенты спортивно-педагогического факультета Лемачко Андрей (КМС, член юниорской сборной РБ), Пашута Александр (КМС, член юниорской сборной РБ), Киряков Андрей (МС), Платонов Дмитрий (МС); студент геодезического факультета Черный Виталий (МС), студентка финансово-экономического факультета Коледжо Лина (МС), студент инженерно-строительного факультета Фетисов Валентин (КМС) [7; 8].

В 2007 – 2008 гг. тренером сборной команды университета работал Лемачко Андрей Степанович. В этот период в сборную вошли сильнейшие спортсмены Республики – студентка финансово-экономического факультета Афанасьева Анастасия (МС, чемпионка и призер Чемпионатов РБ), студент спортивно-педагогического факультета Салин Андрей (МС, член сборной РБ, неоднократный чемпион РБ, бронзовый

призер Чемпионата Балтийских стран в эстафете), и студент инженерно-строительного факультета Алексеенок Алексей (МС, член сборной РБ, неоднократный чемпион страны, бронзовый призер Чемпионата Балтийских стран в эстафете). На Республиканской универсиаде по спортивному ориентированию, которая проходила 18 мая 2007 г. на территории учебно-спортивной базы «Вилия», Молодечненский р-н., Афанасьева Анастасия заняла 3-е место на спринтерской дистанции среди женщин, а Платонов Дмитрий – 3-е место на классической дистанции среди мужчин [4]. В 2008 г. на Республиканской универсиаде по спортивному ориентированию, которая проходила на территории санатория «Крыница», Минский р-н., Алексеенок Алексей занял 3-е место на спринтерской дистанции среди мужчин. Сборная команда ПГУ заняла 5-е общекомандное место [4]. В следующем году на Республиканской универсиаде Андрей Салин занял 2-е место на спринтерской дистанции, мужская эстафетная команда также стала второй (в составе Салин Андрей, Черный Виталий, Алексеенок Алексей). Сборная команда ПГУ заняла 4-е общекомандное место [4].

В период с 2010 по 2012 гг. сборная команда университета выступала под руководством Пашуты Александра Александровича, выпускника спортивно-педагогического факультета. В состав сборной команды университета вошли: студент геодезического факультета Черный Максим (КМС), студент факультета информационных технологий Михалкин Сергей (КМС), студенты спортивно-педагогического факультета Лесюк Михаил (КМС) и Метла Павел (КМС) [8]. Несмотря на то, что в состав команды входили спортсмены уровня Кандидата в Мастера спорта, этого было не достаточно, чтобы завоевывать лидирующие позиции на Республиканской универсиаде. Сильнейшие спортсмены, входящие в состав сборной команды республики, представляли сильнейшие университеты страны, такие как Белорусский государственный университет, Белорусский национальный технический университет, Белорусский государственный университет физической культуры, Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка. В 2010 г. команда Полоцкого университета смогла занять лишь 11-е общекомандное место.

В 2011 г. в связи с отсутствием финансирования и полного состава сборной команды ПГУ на Республиканской универсиаде университет представлял только Андрей Салин, который стал абсолютным победителем универсиады на спринтерской и классической дистанции. В общем зачете ПГУ занял 23 место из 24 [9]. В 2012 г. неполным составом команда ПГУ заняла 11-е место в общем зачете на Республиканской универсиаде. В 2013 г. в связи с отсутствием тренера и сборной команды по спортивному ориентированию вуз вообще не принимал участие в соревнованиях. На Республиканской универсиаде 2014 г. ПГУ представлял только Павел Метла. В общем зачете университет занимал последнюю позицию [9].

С сентября 2014 г. тренером сборной команды университета является старший преподаватель кафедры физической культуры и спорта Гришанова Наталья Владимировна (МС, член сборной РБ, чемпионка и призер Чемпионатов Республики Беларусь). Первый раз под ее руководством на Республиканской универсиаде сборная команда университета участвовала в 2015 г., где в общем зачете заняла 11-е место. В 2016 г. команда Полоцкого университета в общем зачете Республиканской универсиады по спортивному ориентированию поднялась на 5-е общекомандное место. Соревнования проходили 22-24 апреля в д. Задомля, Минский р-н. Призерами универсиады стали студент инженерно-технологического факультета группы 15МА Жаховский Евгений (2-е место на средней дистанции), и студент спортивно-педагогического факультета, группы 15ФС Новиченко Антон (3-е место на средней дистанции). Также в состав команды вошли: студент инженерно-строительного факультета Алексеенок Тимофей (КМС), студент спортивно-педагогического факультета Метла Павел (КМС), студентка финансово-экономического факультета Галина Елена, студентка инженерно-технологического факультета Славинская Кристина, студентка инженерно-строительного факультета Островская Кристина.

С 2017 г. все неолимпийские виды спорта были исключены из Республиканской универсиады по спортивному ориентированию и включены в программу Республиканского Фестиваля неолимпийских видов спорта среди студентов. Под руководством Натальи Владимировны Гришановой сборная команда университета завоевала 2-е общекомандное место на фестивале, который прошел 12-14 мая в д. Жуков Луг, Минский р-н. Призерами соревнований стали Жаховский Евгений (1-е место на средней дистанции и 3-е место на классической дистанции) и Редькова Виктория (3-е место на средней дистанции), студентка гуманитарного факультета, группы 16 ФС. В состав команды также вошли: Алексеенок Тимофей, Новиченко Антон, Славинская Кристина, студентка финансово-экономического факультета Потуремская Дарья, студент инженерно-строительного факультета Мысливец Максим.

В 2018 г. сборная команда университета заняла 3-е общекомандное место на Республиканском Фестивале неолимпийских видов спорта среди студентов (12-13 мая, д. Раубичи, Минский р-н). Призерами соревнований стали Евгений Жаховский (3-е место на средней дистанции и 3-е место на классической дистанции) и Антон Новиченко (1-е место на классической дистанции).

Таким образом, период с 2016 г. можно считать подъемом в сфере спортивного ориентирования Полоцкого государственного университета.

В настоящий момент сильнейшими спортсменами сборной команды университета являются студенты гуманитарного факультета Новиченко Антон (МС, член сборной РБ, Чемпион РБ по спортивному ориентированию в эстафете) и Редькова Виктория (МС, член сборной РБ, Чемпионка РБ по спортивному

ориентированию в эстафете), студенты механико-технологического факультета Жаховский Евгений (КМС) и Попов Дмитрий (КМС), студент факультета информационных технологий Алексеенок Никита (КМС). По итогам Республиканской Универсиады – 2019 по ориентированию спортивному (17–19 мая 2019 г., д. Жуков Луг, Минский район) спортсмены Полоцкого государственного университета заняли 1-е место. Призеры: Новиченко Антон (группа 15-ФС) – 1-е место (классическая дистанция), 3-е место (средняя дистанция); Жаховский Евгений (группа 15-МВ-1) – 1-е место (средняя дистанция); Редькова Виктория (группа 16-ФС) – 1-е место (средняя дистанция), 3-е место (классическая дистанция).

Заключение. Анализируя историю развития спортивного ориентирования в ПГУ можно выделить два периода становления, развития, упадка и подъема уровня развития ориентирования в университете, сопряженные с историческими периодами развития учебного заведения (создание и работа Новополоцкого политехнического института (1968-1992 гг.) и преобразование его в университет классического типа в 1993 г., который работает и развивается по сей день). Стоит отметить, что третьему этапу характерно волнообразное чередование упадка и подъемов. Это связано с тем, что определенные годы руководство сборной командой университета по спортивному ориентированию не осуществлялось, отсутствовал полный состав команды, происходила частая смена тренеров. Также одной из существенных проблем в развитии ориентирования на базе университета является отсутствие постоянного пополнения сборной команды спортсменами высокого уровня, наблюдается их отток из региона в столичные университеты. В связи с этим стоит целенаправленно вести сотрудничество и профориентационную работу по привлечению спортсменов высокого класса среди сильнейших спортсменов-абитуриентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Официальный сайт Полоцкого государственного университета [Электронный ресурс] – Режим доступа : <https://www.psu.by/universitet/10564-pgu-universitet-dvukh-gorodov>. – Дата доступа : 25.02.2019.
2. Зап. в 2019 г. автором, Гришановой Н.В. от Алексеенка А.В., 1965 г. р. в г. Полоцке.
3. История развития ориентирования в Республике Беларусь [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://orient.by/orienteering/history/belarus/> – Дата доступа : 20.02.2019.
4. История развития ориентирования в Республике Беларусь [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://orient.by/orienteering/history/students/> – Дата доступа : 23.02.2019.
5. Зап. в 2019 г. автором, Гришановой Н.В. от Алексеенок В.П., 1958 г. р. в г. Полоцке.
6. Зап. в 2019 г. автором, Гришановой Н.В. от Афанасьева И.А., 1979 г. р. в г. Полоцке.
7. Зап. в 2019 г. автором, Гришановой Н.В. от Бригинца К.Ю., 1980 г. р. в г. Полоцке.
8. Зап. в 2019 г. автором, Гришановой Н.В. от Пашуты А.А., 1986 г. р. в г. Полоцке.
9. Официальный сайт белорусского ориентирования [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://www.obelarus.net>. – Дата доступа : 25.12.2016.

Поступила 16.07.2020

HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF ORIENTEERING AT THE POLOTSK STATE UNIVERSITY: BY THE RESULTS OF THE PERFORMANCE OF THE UNIVERSITY ORIENTEERING TEAM

N. HRYSHANAVA, A. BARUN

The article describes and analyzes the periods of the development of Polotsk State University and the stages corresponding to the development of orienteering: formation, development, falls and rises. The results of the university orienteering team at the Republican Universiade and the Republican Festival of Non-Olympic Sports among students from 1990 to 2019 are presented. Problems were identified and the main directions for the further development of orienteering at Polotsk State University were chosen.

Keywords: orienteering, stages, development, team, student spot.

УДК [94(476):34]“1840/1872”

СУДОВАЯ СИСТЭМА НА ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ Ў 1840 – 1872 ГГ.

*канд. гіст. навук, дац. І.Г. ГУШЧЫНСКІ**(Беларускі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя М. Танка, Мінск)*

У артыкуле даследавана судовая сістэма, якая дзейнічала на тэрыторыі Беларусі ў 1840 – 1772 гг., у перыяд ад распаўсюджвання на ўсю тэрыторыю края дзеяння тагачаснай расійскай мадэлі судаводства і судаўладкавання да пачатку рэалізацыі тут судовай рэформы 1864 г. Дадзеная судовая сістэма характарызувалася грувасткасцю судаўладкавання і архаічнасцю працэсуальных норм, што ў рэшце паставіла ўрад перад неабходнасцю правядзення карэннай рэформы правасуддзя. Судовая сістэма на тэрыторыі Беларусі ў разглядаемы перыяд у цэлым паўтарала агульнаімперскую. Разам з тым яна мела некаторыя асаблівасці, якія заключаліся ў пэўным абмежаванні, у параўнанні з унутрырасійскімі губернямі, правоў дваранства на выбарах на судовыя пасады.

Ключавыя словы: *судовая сістэма, судаўладкаванне, судаводства, Расійская імперыя, тэрыторыя Беларусі, заходнія губерні, Звод законаў Расійскай імперыі.*

Уводзіны. У чэрвені 1840 г. у Мінскай, Гродзенскай і Віленскай губернях указам Мікалая I было скасавана дзеянне Статута ВКЛ 1588 г. і сеймавых канстытуцый Рэчы Паспалітай [1]. Тым самым быў завершаны працэс усталявання на тэрыторыі Беларусі судовай сістэмы расійскага ўзору. У Віцебскай і Магілёўскай губернях гэта адбылося раней – у выніку царскага ўказа ад 1 студзеня 1831 г. [2]. Да гэтага часу судовая сістэма краю істотна адрознівалася ад агульнарасійскай і захоўвала рысы судава-прававых парадкаў часоў ВКЛ і Рэчы Паспалітай. Дзейнічаў Статут ВКЛ 1588 г., мясцовую спецыфіку мела судаўладкаванне (функцыянавалі галоўныя, земскія, гродскія, межавыя, эксдывізарскія, кампрамісарскія суды), у судаводстве магла выкарыстоўвацца польская мова. Гэта было звязана з тым, што расійскія ўлады доўгі час лічыліся са спецыфікай правасвядомасці мясцовага насельніцтва і папярэднімі прывілеямі дваранства і гарадоў, прызнавалі мясцовыя судава-прававыя парадкі дастаткова эфектыўнымі ў сферы рэгулявання прыватна-прававых адносін, і ў цэлым бачылі ў гэтым элемент забеспячэння лагальнасці насельніцтва (у першую чаргу шляхты). Аднак паўстанне 1830 – 1831 гг. справакавала зварот самадзяржаў да дзеянняў, накіраваных на ўніфікацыю краю з унутранымі губернямі імперыі. Важнейшым складальнікам гэтай палітыкі стала скасаванне мясцовых асаблівасцей у сферы правасуддзя і ўкараненне расійскага судава-прававога ладу. Уведзеная ў выніку гэтага ў краі сістэма судаўладкавання і судаводства дзейнічала (з некаторымі зменамі) да 1872 г., калі тут пачалася рэалізацыя судовай рэформы 1864 г.

Тэма судовай сістэмы на тэрыторыі Беларусі ў 1840 – 1872 гг. у навуковай і вучэбнай літаратуры з’яўляецца практычна неасветленай. Разглядаючы праблему правасуддзя ў краі ў XIX ст., аўтары засяроджвалі ўвагу на перыядах да скасавання Мікалаем I мясцовых асаблівасцей судаўладкавання і судаводства, а таксама пасля ўвядзення тут судовай рэформы 1864 г. Адносна ж перыяду 1840 – 1872 гг. практычна толькі канстатавалася, што ў краі дзейнічалі расійскія судовая сістэма і заканадаўства. Таму заяўленая ў назве артыкула тэма бачыцца актуальнай. Яе раскрыццё дазволіць сфарміраваць у гістарыяграфіі дэталю і комплексную карціну працэсу эвалюцыі судовай сістэмы на тэрыторыі Беларусі ў перыяд знаходжання краю ў складзе Расійскай імперыі.

Асноўная частка. I. Скасаванне мясцовых асаблівасцей судаўладкавання і судаводства. Як ужо было адзначана, судовая сістэма на тэрыторыі Беларусі пасля далучэння да Расіі яшчэ доўгі час захоўвала элементы судава-прававых традыцый часоў ВКЛ і Рэчы Паспалітай. Безумоўна, дадзеная сістэма мела шматлікія недахопы – архаічнасць права, грувасткасць судаўладкавання і дубліраванне падеуднасці судовых органаў, валакіта і інш. Аднак яе скасаванне і замена расійскай было абумоўлена палітычнымі матывамі. Гэта была спонтанная рэпрэсіўная рэакцыя самадзяржаў на паўстанне 1830 – 1831 гг.

Паводле ўказа Мікалая I ад 1 студзеня 1831 г. у Віцебскай і Магілёўскай губернях укаранялася сістэма судовых устаноў расійскага ўзору і расійскія парадкі ў сферы судаводства [2]. Справаводства ў судах тут пераводзілася цалкам на рускую мову. Галоўнае значэнне дадзенага ўказа заключалася ў скасаванні ў Віцебскай і Магілёўскай губернях дзеяння мясцовага права (Статута ВКЛ 1588 г. і сеймавых канстытуцый Рэчы Паспалітай). Асабліва гэта было важна для сферы грамадзянскага судаводства. Яно цяпер практычна страчвала рысы спаборнасці і вуснасці. Спыняў функцыянаванне інстытут адвакатуры. У выніку адмены ў 1831 г. дзеяння III Статута ВКЛ і ўвядзення сістэмы судаўладкавання расійскага ўзору Магілёўская і Віцебская губерні станавіліся часткай адзінай прававой прасторы з унутрырасійскімі губернямі. Разам з тым рабіліся больш выразнымі адрозненні гэтых губерняў ад Мінскай, Гродзенскай і Віленскай. Да таго ж, у 1830-я – першай палове 1850-х гг. дадзеныя часткі тэрыторыі Беларусі ўваходзілі ў розныя генерал-губернатарствы [3, с. 68]. Паказальна, што ў гэты час пры выкарыстанні ў афіцыйных дакументах тэрміна

“заходнія губерні” (пад якім да гэтага разумелася ўся далучаная ў выніку падзелаў Рэчы Паспалітай тэрыторыя) Магілёўская і Віцебская часта ўжо не меліся на ўвазе [4– 8].

У Мінскай, Гродзенскай і Віленскай губернях дзеянні ўлад па ўніфікацыі мясцовай судовай сістэмы з агульнарасійскай у перыяд паўстання 1830 – 1831 гг. і адразу пасля яго былі менш радыкальнымі. У 1831 г. урад абмежаваўся прысваеннем судовым установам гэтых губерняў назваў іх расійскіх аналагаў, а таксама скасаваннем у паветах гродскіх судаў, якія спецыялізаваліся на крымінальных справах [4]. Пры гэтым працягвалі дзейнічаць эксдывізарскія, кампрамісарскія і межавыя суды, якіх не прадугледжвала расійская сістэма судаўладкавання. У сферы грамадзянскага судаводства пакуль захоўвалася ў моцы дзеянне Статута ВКЛ 1588 г. і сеймавых канстытуцый Рэчы Паспалітай. У працы судаў па-ранейшаму магла выкарыстоўвацца польская мова. Наступным крокам на шляху ўніфікацыі судовай сістэмы Мінскай, Гродзенскай і Віленскай губерняў з агульнарасійскай стала ўвядзенне тут паводле ўказа Мікалая I ад 3 снежня 1833 г. совесных судаў [5; 9, с. 35]. Канчаткова мясцовыя асаблівасці ў судовай сістэме ў дадзеных губернях былі скасаваны паводле ўказа Мікалая I ад 25 чэрвеня 1840 г. [1]. З гэтага моманту судовыя ўстановы павінны былі прытрымлівацца расійскіх норм судаводства і выкарыстоўваць у сваёй працы толькі рускую мову [10, с. 7].

2. Сістэма судовых устаноў. Разгледзім сістэму судаўладкавання, якая была ўведзена на тэрыторыі Беларусі ў выніку вышэйапісаных дзеянняў улад па скасаванні мясцовых асаблівасцей у судова-прававой сферы. Сістэма судовых устаноў была вызначаная ў “Своде учреждений государственных и губернских”, змешчаным у 1-м томе “Свода законов Российской Империи”. Яна грунтавалася на “Учреждениях для управления губерний Всероссийской империи” 1775 г., якія ў свой час, пры Кацярыне II, ужо дзейнічалі на тэрыторыі Беларусі (акрамя той яе часткі, якая была далучана да Расіі ў выніку 3-га падзелу Рэчы Паспалітай). Аднак з таго часу расійская сістэма судаўладкавання карэкціравалася і таму зноў укаранялася ў краі ў некалькі відазмененым выглядзе.

2.1. Павятовыя суды. У павятовых гарадах знаходзіліся павятовыя (“уездные”) суды. Яны з’яўляліся судом 1-й інстанцыі для ўсіх саслоўяў, акрамя гарадскіх абывацеляў (для апошніх былі прадугледжаны асобныя суды – гарадавыя магістраты, ратушы, славесныя суды). Павятовыя суды разглядалі як крымінальныя, так і грамадзянскія справы.

Склад павятовых судаў у Віцебскай і Магілёўскай губернях фарміраваўся з павятовага суддзі і 2-х засядацеляў, якіх выбірала дваранства (тэрмінам на 3 гады), а таксама канцэлярскага апарату [11, с. 140; 12, с. 171]. У Мінскай, Гродзенскай і Віленскай губернях склад павятовых судаў адрозніваўся наяўнасцю яшчэ аднаго засядацеля – па прызначэнні ад урада (фактычна губернскага праўлення). Фармальна засядацелі ад урада замянялі тут засядацеляў ад непрыватнаўласніцкіх сялян [13]. Аднак у іншых мясцовасцях, дзе ў павятовых судах таксама не было сялянскіх засядацеляў, чыноўнікі ад кароны замест іх не прызначаліся. Увядзенне гэтых пасада менавіта ў Мінскай, Віленскай і Гродзенскай губернях было мерай, відавочна, абумоўленай недаверам улад да мясцовага дваранства і накіраванай на кантроль за дзейнасцю павятовых судаў. Акрамя таго, у дадзеных губернях вакантныя пасады па выбарах ад дваранства ў выпадку адсутнасці кандыдатур маглі замяшчацца чыноўнікамі, прызначанымі па распараджэнні міністра ўнутраных спраў [7]. А ў 1852 г. Віленскі вайсковы губернатар увогуле атрымаў права адмяняць у падведаных яму губернях (Віленскай, Гродзенскай, Ковенскай і Мінскай) вынікі дваранскіх выбараў на пасады павятовых суддзяў, калі выбраныя кандыдатуры прызнаваліся ім нядобранадзейнымі ці няздольнымі выконваць судзейскія абавязкі [14]. Замест іх Віленскі вайсковы губернатар мог сам прызначаць чыноўнікаў на гэтыя пасады. У 1861 г. у сувязі з ростам праяў антыўрадавых настрояў у краі было ўвогуле прыпынена правядзенне дваранскіх выбараў [15, с. 155]. Дадзеная мера спачатку насіла часовы характар, аднак у сувязі з паўстаннем 1863–1864 гг. выбары так і не былі адноўлены. У выніку гэтага выбарныя ад дваранства судовыя пасады сталі замяшчацца па распараджэнні губернскага начальства.

Паводле ўказа Аляксандра II ад 8 чэрвеня 1860 г. быў утвораны інстытут судовых следчых. Раней функцыю следства выконвала паліцыя. Цяпер жа яна ўскладалася на чыноўнікаў, падведаных Міністэрству юстыцыі – судовых следчых. Дадзеныя пасады ствараліся пры павятовых судах. Судовыя следчыя паралельна лічыліся членамі гэтых судаў і маглі выконваць функцыі суддзі (акрамя спраў, па якіх яны вялі следства). Кандыдатуры на гэтыя пасады вызначаліся губернатарам па ўзгадненні з губернскім пракурорам і зацвярджаліся міністрам юстыцыі [16].

Пры павятовых судах знаходзіліся дваранскія апекі. Яны займаліся пытаннямі апякунства над сіротамі, удовамі, састарэлымі, недзездольнымі, марнатраўцамі з ліку дваран, кіраваннем вымарачнымі маёнткамі і інш. У склад дваранскіх апек уваходзілі павятовыя суддзі і засядацелі павятовых судаў, а таксама павятовыя прадвадзіцелі дваранства ў якасці старшыні [17, с. 212].

Павятовыя суды выконвалі таксама натарыяльныя функцыі. Для гэтага пры іх былі прадугледжаны спецыяльныя аддзелы крэпасных спраў (за выключэннем павятовых судаў у губернскіх гарадах, дзе адпаведныя аддзелы дзейнічалі пры палатах грамадзянскага суда) [17, с. 206–207]. Яны натарыяльна завяралі і рэгістравалі дакументы аб правах уласнасці [18, ч. I, с. 103].

2.2. Магістраты і ратушы, славесныя суды. Для гарадскіх абывацеляў судом 1-й інстанцыі з’яўляліся гарадавыя магістраты (ці ратушы – у заштатных і невялікіх гарадах). Ім былі падсудныя як крымінальныя, так і грамадзянскія справы. Паводле заканадаўства гарадавыя магістраты складаліся з выбіраемых гараджанамі

2-х бургамістраў і 4-х ратманаў, а таксама сакратара і канцылярскіх служачых. Для ратуш дапускалася наяўнасць толькі 1-го бургамістра і 2-х ратманаў [17, с. 245–246]. Адзначым, што для гарадоў заходніх губерняў, апроч Кіева і Вільні, было прадугледжана правіла, што трэцяя частка членаў магістратаў і ратуш павінна была выбірацца ад яўрэяў [6].

Як і павятовыя суды, гарадавыя магістраты выконвалі і апякунскую функцыю. Пры іх знаходзіліся сірочыя суды, якія фактычна былі аналагам дваранскіх апекаў. У склад сірочага суда ўваходзілі гарадскі галава, 2 члены гарадавога магістрата, а таксама гарадавы стараста [17, с. 248; 6].

Пры магістратах і ратушах многіх беларускіх гарадоў дзейнічалі славесныя суды (таксама іх называлі гандлёвымі славеснымі судамі). Яны ствараліся для хуткага вырашэння грамадзянскіх эканамічных спрэчак (па закупцы і продажу тавараў, грашовых пазыках і інш.) [19, с. 479]. Дадзеныя суды складаліся з 2-х выбарных ад гарадской грамады славесных суддзяў (тэрмінам на 1 год) [17, с. 249; 12, с. 222]. Судовы разбор адбываўся вусна з удзелам суцяжнікаў. На вырашэнне спрэчкі суду адводзілася не больш 8-мі дзён. Калі суд не ўкладваўся ў гэты тэрмін, справа перадавалася ў гарадавы магістрат (ці ратушу) [17, с. 250]. Наяўнасць гандлёвых славесных судаў давала магчымасць прадпрымальнікам пазбегнуць пісьмовага і абцяжаранага бюракратычнымі працэдурамі судовага працэсу ў звычайным парадку грамадзянскага судаводства. Незадаволеныя рашэннем гандлёвага славеснага суда маглі звярнуцца з тым жа іскам у гарадавы магістрат (ці ратушу) [17, с. 250]. Адзначым, што на тэрыторыі Беларусі славесныя суды былі не ва ўсіх гарадах. Так, паводле звестак “Памятных книжек...” Віцебскай, Магілёўскай, Мінскай, Гродзенскай і Віленскай губерняў за 1869 г., такія суды дзейнічалі толькі ў 20-ці (з 47-мі) павятах дадзеных губерняў. З іх 9 – у Мінскай губерні, 6 – у Віцебскай, 4 – у Магілёўскай, 1 – у Віленскай, а ў Гродзенскай славесных судаў не было [20–24].

У 1866 г. на большай частцы Расійскай імперыі гарадавыя магістраты і ратушы былі скасаваны [25]. Іх справы перайшлі ў падсуднасць павятовых судаў. Пры гэтым у гарадах працягвалі дзейнічаць сірочыя і славесныя суды. Славесныя былі ліквідаваны ў 1872 г. у сувязі з увядзеннем міравых судаў [26], а сірочыя суды дзейнічалі да канца 1917 г.

2.3. Палаты крымінальнага і грамадзянскага суда. Судамі 2-й інстанцыі з’яўляліся палаты крымінальнага і грамадзянскага суда (крымінальныя і грамадзянскія палаты), якія знаходзіліся ў губернскіх гарадах. Яны разглядалі справы ўсіх саслоўяў. Крымінальныя палаты ажыццяўлялі рэвізію крымінальных спраў, вырашаных судамі 1-й інстанцыі. А па службовых злачыствах чыноўнікаў яны самі былі судом 1-й інстанцыі [17, с. 146]. Прыгаворы крымінальных палат маглі ўступіць у сілу толькі пасля адабрэння губернатара. У выпадку яго нязгоды з прыгаворам справа перадавалася на рэвізію ў Сенат. Палаты грамадзянскага суда былі судом 2-й інстанцыі па грамадзянскіх справах [17, с. 147]. Апеляцыі на іх рашэнні падаваліся ў Сенат [17, с. 154]. Акрамя непасрэдна разгляду судовых спраў грамадзянскія палаты выконвалі натарыяльныя функцыі. Для гэтага пры іх дзейнічалі спецыяльныя аддзелы крэпасных спраў [17, с. 145].

Палаты крымінальнага і грамадзянскага суда складаліся са старшыні, саветніка (таварыша старшыні), 2 – 4-х засядацеляў, а таксама канцылярскага апарату [11, с. 139; 17, с. 142]. Старшыні палат прызначаліся царом з ліку кандыдатур, якія прапаноўваў міністр юстыцыі па ўзгадненні з мясцовым генерал-губернатарам (вайсковым губернатарам). Пры гэтым адзначым, што ў астатніх губернях кандыдаты на пасады старшынь палат выбіраліся мясцовым дваранствам [17, с. 143]. Саветнікаў палат у заходніх губернях прызначаў міністр юстыцыі па ўзгадненні з генерал-губернатарам (вайсковым губернатарам). У іншых жа губернях саветнікі прызначаліся Сенатам [17, с. 143–144]. Таксама ў склад крымінальнай і грамадзянскай палат уваходзілі засядацелі. Іх на 3-гадовы тэрмін выбіралі дваранства губерні і гарадская грамада губернскага горада. Паводле агульнага правіла, у кожнай з палат павінна было быць 4 засядацелі (2 дваранскіх і 2 гарадскіх) [17, с. 144; 12, с. 171, 213]. Аднак на практыцы гарадскія засядацелі ў складзе крымінальных і грамадзянскіх палат некаторых губерняў адсутнічалі. Так, на тэрыторыі Беларусі ў разглядаемы перыяд яны пэўны час былі толькі ў Магілёўскіх і Віцебскіх палатах крымінальнага і грамадзянскага суда. А ў тых крымінальных і грамадзянскіх палатах заходніх губерняў, дзе гарадскія засядацеляў не было, замест іх былі ўведзены штатныя адзінкі засядацеляў ад урада (па адным у кожнай з палат). Яны прызначаліся мясцовым губернскім начальствам. Улада абгрунтавала гэту меру тым, што купецтва ў заходніх губернях было прадстаўлена амаль цалкам яўрэямі [6; 27]. Пасля прыпынення ў 1861 г. правядзення дваранскіх выбараў і надзялення надзвычайнымі паўнамоцтвамі губернатараў у сувязі з паўстаннем 1863–1864 гг. прызначаемымі ад улады сталі і пасады дваранскіх засядацеляў.

У 1867 г. у Гродзенскай, Віленскай, Віцебскай, Магілёўскай, Мінскай губернях палаты крымінальнага і грамадзянскага суда былі аб’яднаны ў адзіныя судовыя ўстановы – злучаныя палаты крымінальнага і грамадзянскага суда [28].

2.4. Сovesныя суды. У губернскіх гарадах таксама знаходзіліся совесныя суды. Ім былі падсудны пэўныя віды крымінальных і грамадзянскіх спраў. Да ліку крымінальных спраў, якія разглядаліся совеснымі судамі, адносіліся галоўным чынам тыя, якія мелі змякчальныя абставіны для абвінавачанага. Напрыклад, адсутнасць злоснага намеру, вар’яцтва, малалецтва, глупства і недасведчанасць (пад апошнія дзве прычыны падпадалі, напрыклад, справы, звязаныя з чараўніцтвам). Таксама гэтыя суды разглядалі справы аб

абразах дзяцьмі сваіх бацькоў. Прыгаворы совесных судаў па крымінальных справах перадаваліся на зацвярджэнне грамадзянскаму губернатару. Калі той выказваў нязгоду, справа накіроўвалася для канчатковага вырашэння ў Сенат [17, с. 156–157]. Да грамадзянскіх спраў, падсудных совесным судам, адносіліся цяжбы паміж бацькамі і дзяцьмі, альбо ў выпадку сумеснага па ўзаемнай згодзе звароту бакоў за вырашэннем спрэчкі ў прымірэнчым парадку. Грамадзянскія справы ў совесным судзе павінны былі абавязкова заканчвацца міравой згодай. Калі суду гэтага дасягнуць не ўдавалася, то справа альбо перадавалася ў Сенат (калі гэта была спрэчка паміж бацькамі і дзяцьмі), альбо, ва ўсіх астатніх выпадках, бакам рэкамендавалася звярнуцца ў звычайны суд паводле падсуднасці справы [18, Ч. I, с. 589–590]. У склад совеснага суда ўваходзілі совесны суддзя (у якасці старшыні), засядацелі, а таксама канцьяльскі апарат. Совеснага суддзю выбіралі дваранства губерні. Засядацелі таксама выбіраліся. Паводле агульнага правіла іх павінна было быць 6 (па 2 ад дваран, гарадскіх саслоўных груп і непрыватнаўласніцкіх сялян) [17, с. 155–156; 29]. Але ў рэчаіснасці ў склад прысутнасці совесных судаў на тэрыторыі Беларусі ўваходзілі, апроч совеснага суддзі, толькі засядацелі ад дваран. Тэрмін паўнамоцтваў совеснага суддзі і засядацеляў складаў 3 гады [12, с. 171, 213].

У 1852 г. урадам было прынята рашэнне аб скасаванні совесных судаў у шэрагу губерняў, у тым ліку Віцебскай, Магілёўскай, Мінскай і Гродзенскай губернях. Справы скасаваных совесных судаў перадаваліся ў палаты крымінальнага і грамадзянскага суда. Пры гэтым захоўвалася штатная адзінка совеснага суддзі, які ўдзельнічаў у разглядзе палатамі крымінальнага і грамадзянскага суда спраў, падсудных раней совесным судам [30].

2.5. Трацейскія суды. Расійскім заканадаўствам былі прадугледжаны трацейскія суды, якія дазвалялі вырашаць грамадзянскія спрэчкі не ў звычайным судовым парадку, а праз пасрэдніка. Дадзеныя суды былі аналагам кампрамісарскіх судаў, якія дзейнічалі ў краі да пераходу на расійскую мадэль судаўладкавання. Для вырашэння справы праз трацейскі суд бакі павінны былі заключыць адпаведную дамову. У ёй апісваўся прадмет цяжбы, вызначаліся пасрэднікі, акрэсліваліся тэрміны вырашэння спрэчкі. Таксама маглі агаворвацца такія моманты, як па закону альбо па сумленні будзе разбірацца справа, ці можна будзе бакам аспрэчваць рашэнне трацейскага суда ў звычайным судовым парадку, і інш. Дамова павінна была быць засведчана ў мясцовым судзе 1-й інстанцыі [18, Ч. I, с. 575]. Такая форма суда давала магчымасць суцяжнікам больш хутка вырашыць спрэчку.

2.6. Паліцэйскія суды. Ва ўмовах абвастрэння палітычнай сітуацыі ў заходніх губернях у жніўні 1861 г. расійскія ўлады вырашылі стварыць тут так званыя паліцэйскія суды. Іх разгляду падлягалі менш значныя палітычныя справы, якія да гэтага вырашаліся ў адміністрацыйным (пазасудовым) парадку. Да такога кшталту спраў адносіліся тэмы, якія былі звязаны з публічнымі праявамі неляльнасці да ўрада (выказванні, спевы, нашэнне польскіх знакаў, непадпарадкаванне ўладам падчас хваляванняў і г.д.). Вырашэнне гэтых спраў у адміністрацыйным парадку, без суда, выклікала крытыку ўлад за самавольства. Стварэнне паліцэйскіх судаў, па задумцы ўрада, адпавядала задачы хуткага і няўхільнага пакарання за антыўрадавыя дзеянні, але пры гэтым у рамках судовых працэдур. Паліцэйскія суды мелі 2 інстанцыі. Суд 1-й інстанцыі ствараўся пры павятовым судзе губернскага горада. У яго склад уваходзілі павятовы суддзя, адзін з засядацеляў павятовага суда і член-камісар па прызначэнні ад урада. Апеляцыі на прыгаворы паліцэйскіх судаў 1-й інстанцыі разглядалі так званыя апеляцыйныя паліцэйскія суды, якія знаходзіліся ў Вільні і Кіеве. Склад апеляцыйнага паліцэйскага суда фарміраваўся па распараджэнні генерал-губернатара з аднаго са старшынь судовых палат (крымінальнай ці грамадзянскай), аднаго з таварышаў старшынь судовых палат і аднаго з саветнікаў губернскага праўлення. Рашэнні апеляцыйных паліцэйскіх судаў лічыліся канчатковымі і маглі быць адмененыя толькі царом. У якасці меры пакарання паліцэйскія суды маглі выкарыстаць арышт і грашовы штраф. Іх тэрмін і сума маглі дасягаць, адпаведна, некалькіх месяцаў і соцень рублёў [31]. Паліцэйскія суды, прынамсі восенню 1861 г., дзейнічалі дастаткова актыўна [32, с. 22; 33; 34; 35, арк. 140адв.], за выключэннем Віцебскай губерні, дзе ў такі суд на працягу года не паступіла ніводнай справы [36, арк. 9]. Усяго паліцэйскімі судамі на тэрыторыі Беларусі было асуджана каля 300 чалавек [37, с. 65].

3. Характэрныя рысы судаводства. Нарматыўную базу функцыянавання судовай сістэмы краю ў 1840–1872 гг., натуральна, складалі заканадаўчыя акты Расійскай імперыі. У 1832 г. быў выдадзены “Свод законаў расійскай імперыі”, у 15-ці тамах якога было сістэматызавана заканадаўства Расійскай імперыі. Крымінальнае і грамадзянскае судаводства грунтавалася на інквізіцыйных пачатках [38, с. 656]. Гэта значыць, што ў судовым працэсе практычна адсутнічаў прынцып спаборнасці. Функцыі як абвінавачвання, так і абароны выконваў сам суд. Гэта фактычна выключала вуснае судагаварэнне, якое мела месца толькі ў славесных судах. Разбор спраў судом адбываўся негалосна, за зачыненымі дзвярыма без удзелу бакоў. У тым ліку гэта датычыла судаводства па грамадзянскіх справах, бо суцяжнікі павінны былі прадастаўляць суду свае аргументы ў выглядзе пісьмовых дакументаў. У такой сістэме не было месца інстытуту адвакатуры. У грамадзянскіх справах суцяжнікі маглі ажыццяўляць свае працэсуальныя правы праз давераных асоб (павераных), аднак спецыяльных патрабаванняў да іх кампетэнцый закон не прадугледжваў [18, с. 376–377].

Наглядам за дзейнасцю судовых устаноў (прытрымліваннем імі законнасці, належным выкананнем чыноўнікамі сваіх абавязкаў і г.д.) займаўся губернскі пракурор, губернскія страпчыя (казённых і крымінальных спраў), а таксама павятовыя страпчыя [17, с. 214–215]. Губернскія пракуроры і страпчыя прызначаліся Сенатам

па прапанове міністра юстыцыі [17, с. 159]. Павятовых страпчых прызначала губернскае праўленне па прадастаўленні губернскага пракурора [17, с. 213]. У 1872 г. пасады страпчых былі скасаваны, а іх функцыі перададзены судовым следчым і таварышам губернскага пракурора [9, с. 42].

Высокую ступень уплыву на дзейнасць судовай сістэмы мела губернскае начальства – генерал-губернатары, вайсковыя і грамадзянскія губернатары. Праз права зацвярджаць ці не зацвярджаць вынікі дваранскіх і гарадскіх выбараў [17, с. 60] яны маглі кантраляваць склад судаў. Больш таго, з 1852 г. яны атрымалі права замяняць выбраных дваранствам павятовых суддзяў на падставе іх нядобранадзейнасці ці няздольнасці на прызначаных чыноўнікаў [39, с. 21]. Акрамя таго, губернскія начальнікі фактычна прымалі ўдзел непасрэдна ў вырашэнні судовых спраў. Дастаткова сказаць, што на іх зацвярджэнне паступалі ўсе прыгаворы крымінальных палат [17, с. 65]. Пры гэтым трэба адзначыць, што аб'ём судовых спраў, якія патрабавалі візы губернатара, быў вельмі вялікім. Натуральна, губернатары не маглі асабіста ўнікаць ў абставіны кожнай справы і самастойна прымаць па іх рашэнні. У такой сітуацыі становілася вельмі важнай роля губернатарскай канцылярыі і яе чыноўнікаў пры разглядзе судовых спраў. У канцылярыях губернатараў цэлае аддзяленне (з 4-х) было спецыяльна прызначана для стасункаў з судовымі ўстановамі [40, с. 181].

Укараненне расійскай судовай сістэмы пры Мікалаі I не вырашала асноўных праблем судаводства, якія мелі месца ў папярэдні перыяд. Па-ранейшаму дакладна неакрэсленымі заставаліся межы падсуднасці судовых устаноў, у выніку чаго аналагічныя справы разглядаліся рознымі судамі. Тэрміны разгляду спраў, як правіла, не рэгламентаваліся, што нярэдка прыводзіла да зацягвання вырашэння судовых спраў на доўгія гады. Так, згодна з “Отчётом Министерства юстиции за 1865 год” (фактычна апошні год функцыянавання на ўсёй тэрыторыі імперыі судовай сістэмы старога ўзору) па палатах крымінальнага суда Расійскай імперыі спраў, якія доўжыліся звыш 20-ці гадоў, было 19, звыш 15-ці – 52, звыш 10-ці – 243, звыш 5-ці – 10 242 [41, с. 108]. Па палатах грамадзянскага суда адпаведныя лічбы былі яшчэ больш значнымі: звыш 20-ці гадоў – 75, звыш 15-ці – 150, звыш 10-ці – 552 справы [41, с. 111]. І гэта без уліку спраў, якія ляжалі ў павятовых судах, Сенаце і іншых інстанцыях. Пасля пераходу на расійскія парадкі судаводства ў заходніх губернях праца судаў некаторы час ускладнялася тым, што мясцовым судовым чыноўнікам, натуральна, быў патрэбны час на вывучэнне новых законаў. Недахопам судовай сістэмы з'яўлялася фактычна адсутнасць такога важнага інстытута, як адвакатура. Прававым анахранізмам з'яўлялася практыка пакідання ў падазрэнні падсудных, віна якіх не была даказана, але і не абвергнута [42, с. 306, 314], што значна абмяжоўвала грамадзянскія правы такіх асоб.

Заклучэнне. Такім чынам, з 1840 г. на ўсёй тэрыторыі Беларусі дзейнічала агульнаімперская мадэль судовай сістэмы. Яе ўкараненне было абумоўлена палітычнымі матывамі і з'яўлялася важнейшай складовай часткай палітыкі самадзяржаў па ліквідацыі асаблівага статусу заходніх губерняў, у якім улада бачыла патэнцыяльную пагрозу новай хвалі сепаратызму. Разам з тым трэба адзначыць, што татальнай уніфікацыі мясцовай судовай сістэмы з агульнаімперскай усё ж не адбылося. Для заходніх губерняў былі зроблены некаторыя выключэнні з агульных правіл фарміравання кадравага складу судовых устаноў, накіраваныя на ўзмацненне кантролю над сферай правасуддзя. Судовая сістэма характарызавалася грувасткасцю судаўладкавання і архаічнасцю працэсуальных норм. На працягу разглядаемага перыяду яна паступова прыходзіла ў неадпаведнасць з патрабаваннямі сацыяльна-эканамічнага развіцця краіны. Адказам урада на гэта стала правядзенне судовай рэформы, змест якой быў адлюстраваны ў Судовых статутах ад 20 лістапада 1864 г. Яны прадугледжвалі якасна новую судовую сістэму, заснаваную на прынцыпах усесамоўнасці, аддзялення судовай улады ад адміністрацыйнай, спаборнасці і галоснасці. Аднак па палітычных матывах на тэрыторыі Беларусі рэалізацыя рэформы доўгі час адкладвалася і пачалася толькі ў 1872 г.

ЛІТАРАТУРА

1. Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). – Собр. 2. – Т. 15. – 1840. – Отд. 1. – № 13591.
2. ПСЗРИ. – Собр. 2. – Т. 6. – 1831. – Отд. 1. – № 4233.
3. Киселев, А.А. Система управления и чиновничество белорусских губерний в конце XVIII – первой половине XIX в. / А.А. Киселев. – Минск : Воен. акад. РБ, 2007. – 171 с.
4. ПСЗРИ. – Собр. 2. – Т. 6. – 1831. – Отд. 2. – № 4894.
5. ПСЗРИ. – Собр. 2. – Т. 8. – 1833. – № 6599.
6. ПСЗРИ. – Собр. 2. – Т. 11. – 1836. – № 9226.
7. ПСЗРИ. – Собр. 2. – Т. 13. – 1838. – Отд. 1. – № 11041.
8. ПСЗРИ. – Собр. 2. – Т. 32. – 1857. – Отд. 1. – № 32314.
9. Минская губерния: государственные, религиозные и общественные учреждения (1793–1917) / сост. Т.Е. Леонтьева. – Минск : БелНИИДАД, 2006. – 392 с.
10. Марозава, С.В. Адмена Статута ВКЛ (1831 г., 1840 г.) і рэакцыя на яе беларускай шляхты / С.В. Марозава // Весн. Гродз. дзярж. ун-та. – 2005. – № 4. – С. 3–8.
11. ПСЗРИ. – Собр. 2. – Т. 8. – 1833. – Отд. 2. – № 6287.
12. Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. Учреждения. – СПб. : Тип. II Отд. Собств. Его Император. Величества Канцелярии, 1833. – Ч. III. – 534 с.

13. ПСЗРИ. – Собр. 2. – Т. 15. – 1840. – Отд. 1. – № 14016.
14. ПСЗРИ. – Собр. 2. – Т. 27. – 1852. – Отд. 1. – № 26301.
15. Грышкевіч, Т.В. Саслоўнае і бессаслоўнае самакіраванне / Т.В. Грышкевіч, А.П. Жытко, С.А. Талмачова // Грамадска-палітычнае жыццё ў Беларусі, 1917–1772 гг. / рэдкал.: В. В. Даніловіч (гал. рэд.) [і інш.] ; Нац. акад. навук Беларусі ; Ін-т гісторыі. – Мінск : Беларус. навука, 2018. – С. 153–184.
16. ПСЗРИ. – Собр. 2. – Т. 35. – 1860. – Отд. 1. – № 35890.
17. Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. Учреждения. – СПб. : Тип. II Отд. Собств. Его Император. Величества Канцелярии, 1833. – Ч. II. – 903 с.
18. Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. Законы гражданские и межевые. – СПб. : Тип. II Отд. Собств. Его Император. Величества Канцелярии, 1832. – 754, 258, 164 с.
19. Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. Уставы государственного благоустройства. – СПб. : Тип. II Отд. Собств. Его Император. Величества Канцелярии, 1833. – Ч. I–III. – 963 с.
20. Памятная книжка Виленской губернии на 1869 год. – Вильна : В тип. губ. правл., 1869. – 213 с.
21. Памятная книжка Витебской губернии на 1869 год. – Витебск : В тип. губерн. правления, 1869. – 180 с.
22. Памятная книжка Гродненской губернии на 1869 год. – Гродно : В тип. губерн. правления, 1869. – 139, XI, 141 с.
23. Памятная книжка Минской губернии на 1869 год. – Минск : В тип. губерн. правления, 1868. – 341 с.
24. Памятная книжка Могилёвской губернии на 1869 год. – Могилёв : В тип. губерн. правления, 1868. – 345 с.
25. ПСЗРИ. – Собр. 2. – Т. 41. – 1866. – Отд. 1. – № 43183.
26. ПСЗРИ. – Собр. 2. – Т. 47. – 1872. – Отд. 1. – № 50524.
27. ПСЗРИ. – Собр. 2. – Т. 19. – 1844. – Отд. 1. – № 18456.
28. ПСЗРИ. – Собр. 2. – Т. 42. – 1867. – Отд. 1. – № 44616.
29. ПСЗРИ. – Собр. 2. – Т. 10. – 1835. – Отд. 2. – № 8456.
30. ПСЗРИ. – Собр. 2. – Т. 27. – 1852. – Отд. 1. – № 26396.
31. ПСЗРИ. – Собр. 2. – Т. 36. – 1861. – Отд. 2. – № 37327.
32. Буднік, І.Ф. Да падзеяў 1863–64 гг. на Гарадзеншчыне / І.Ф. Буднік. – Гродна : ЮрСаПрынт, 2013. – 108 с.
33. Літоўскі дзяржаўны гістарычны архіў. – Ф. 952. Воп. 1.
34. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (далей – НГАБ). – Ф. 159. Воп. 1. Спр. 6672–6688.
35. НГАБ. – Ф. 295. Воп. 1. Спр. 1405.
36. НГАБ. – Ф. 1430. Воп. 1. Спр. 30894.
37. Смирнов, А.Ф. Восстание 1863 в Литве и Белоруссии / А.Ф. Смирнов. – М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1963. – 392 с.
38. История суда и правосудия в России : в 9 т. – М. : Норма, 2019. – Т. 3: Судостроительство и судопроизводство периода становления и развития абсолютизма (конец XVII – середина XIX века) / отв. ред. С. А. Колунтаев. – 672 с.
39. Шелкопляс, В.А. Судебные органы в Беларуси: конец XVIII – первая половина XIX веков : учеб. пособие / В.А. Шелкопляс. – Минск : Акад. МВД РБ, 1997. – 64 с.
40. Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России / Н.П. Ерошкин. – М. : Высш. школа, 1983. – 352 с.
41. Отчёт Министерства юстиции за 1865 год (окончание) // Журн. М-ва юстиции. – 1867. – № 2–3. – С. 95–138.
42. Свод законов Российской империи, повелением государя императора Николая Павловича составленный. Свод законов уголовных. – СПб. : Тип. II Отд. Собств. Его Император. Величества Канцелярии, 1832. – 560 с.

Паступіў 15.10.2020

THE JUDICIAL SYSTEM ON THE TERRITORY OF BELARUS IN 1840–1872

I. HUSHCHYNSKI

The article presents a study of the judicial system that was in force in the territory of Belarus in 1840–1772. – i.e. during the period from the moment of extending the Russian justice model to entire territory of the region to the beginning of implementation the judicial reform of 1864. This judicial system was characterized by cumbersome judiciary and archaic procedural rules. This ultimately put the government in front of the need for radical judicial reform. The judicial system on the territory of Belarus in the period under review generally repeated the imperial one. At the same time, it had some peculiarities, which consisted in a certain restriction, in comparison with the internal Russian provinces, of the rights of the nobility to elect judicial positions.

Keywords: *judicial system, judiciary, legal proceedings, Russian Empire, territory of Belarus, Western provinces, the Code of Laws of the Russian Empire.*

УДК 025.22

**КНИГИ ИЗ БИБЛИОТЕКИ ПОЛОЦКОЙ ИЕЗУИТСКОЙ АКАДЕМИИ
В ОТДЕЛЕ РУКОПИСЕЙ И РЕДКОЙ КНИГИ ГМИР****Е.И. ЗУБКОВ***(Государственный музей истории религии, Санкт-Петербург)*

Статья посвящена книгам из библиотеки Полоцкой иезуитской академии, выявленным в Фонде редкой книги Государственного Музея истории религии в Санкт-Петербурге. В основе статьи лежит попытка реконструкции маршрута перемещения части книжного собрания иезуитов из Полоцка в Петербург, объясняются мотивы и цели российских чиновников из Департамента Духовных Дел Иностранных Исповеданий, инициировавших данное перемещение, осуществлявших учет книг и определивших их дальнейшую судьбу. Книги полоцких иезуитов рассматриваются в статье в контексте реализации конфессиональной политики Российской империи в отношении римско-католической церкви как один из возможных элементов в создании гибкой модели сотрудничества между центральной властью и подданными католического исповедания. Помимо полного списка книг, также содержится информация об установленных владельцах некоторых из них.

Ключевые слова: *Полоцкая иезуитская академия, Департамент Духовных Дел Иностранных Исповеданий, Библиотеки иезуитов, конфессиональная политика в Российской империи, иезуиты в России, католики.*

Введение. Сложно назвать исследование, касающееся истории иезуитского коллегия (с 1812 г. – академии) в Полоцке, в котором не была бы упомянута его знаменитая библиотека [1, с. 55–56; 2, с. 15–16; 3, с. 21–24; 4, с. 221–242; 5, с. 31; 6, с. 439]. Также в последнее время вышло несколько научных статей, посвященных самой библиотеке и ее истории [7; 8]. Более того, в двух крупнейших исторических энциклопедиях, изданных в Белоруссии с 1991 г., имеются статьи, посвященные истории библиотеки полоцких иезуитов [9; 10]. На наш взгляд, такой пристальный интерес со стороны исследователей (с середины XIX в. и до наших дней) объясняется той универсальной репрезентативностью, необходимым для трансляции коллективного представления о полоцких иезуитах, равно как и представлений о степени их влияния в разных сферах жизни общества, которой, как нам кажется, обладает образ библиотеки Полоцкого коллегия. Большое количество книг, там хранившихся, может рассматриваться нами как доказательство значительных финансовых возможностей владельцев; широта тематического спектра, охватывающего если не все, то очень многие области человеческого знания того времени, закрепляет за коллегиям статус крупнейшего в регионе культурного центра; для демонстрации высокого уровня преподавания в коллегиях исследователями, среди прочего, особенно выделяется значительное число учебных пособий по самым разным учебным дисциплинам. В свою очередь книги полоцких иезуитов, хранящиеся в Фонде рукописей и редкой книги ГМИР, дают нам возможность взглянуть на наследие Полоцкого иезуитского коллегия в связи с конфессиональной политикой Российской Империи, как на один из возможных элементов механизма ее реализации.

Основная часть. В процессе работы по выявлению владельческих знаков на книгах фонда, нами было отмечено любопытное совпадение: из 21 книги с провенциями библиотеки коллегия 19 также имеют провенции Департамента Духовных Дел Иностранных Исповеданий (далее – Д.Д.Д.И.И.), учреждения при МВД, обеспечивающего государственное участие в религиозной жизни российских подданных инославного вероисповедания. Упомянутое совпадение оказалось вовсе не случайным, в чем нам удалось убедиться, ознакомившись с материалами фонда Д.Д.Д.И.И. в РГИА. Среди документов фонда нами были обнаружены фрагменты служебной переписки чиновников МВД за 1823 и 1862 – 1863 гг. на предмет передачи в распоряжение Д.Д.Д.И.И. части книг из библиотеки полоцких иезуитов. Особую ценность имеет приложенный к одному из писем каталог книг, перевезенных из Полоцка в Санкт-Петербург для нужд департамента. Эти и другие сведения позволяют нам частично восстановить маршрут перемещения той части книг, которая оказалась в департаменте. Они также дают нам представление о причинах, побудивших российских чиновников определить судьбу книг подобным образом.

13 марта 1820 г. Александр I, ознакомившись с докладом министра народного просвещения, князя А.Н. Голицына, подписывает указ, положивший конец 47-летнему периоду «сожительства» Общества Иисуса и Российской Империи – иезуиты изгонялись с территории империи, а Полоцкая академия упразднялась [5, с. 457–458]. Как составная часть имущества полоцких иезуитов, библиотека академии подверглась ревизии государственной комиссии в период с апреля по июнь того же года, по итогам которой было обнаружено 23 565 книг [4, с. 228]. В 1822 г. в помещениях бывшей Полоцкой академии размещается училище пиаров, которое получает в свое распоряжение иезуитскую библиотеку [4, с. 240].

Однако уже в мае 1823 года директор Д.Д.И.И. А.И. Тургенев в служебной записке на имя своего начальника, министра духовных дел и народного просвещения князя А.Н. Голицына, указывает на то, что «Департамент Духовных Дел не имеет книг для справок в частных случаях о Канонических правилах церковного и духовного управления Р. Католической церкви, духовенства оной и разных орденов и конгрегаций» [11, л. 1], замечая при этом, что «Сии книги можно бы заимствовать из бывшей Иезуитской библиотеки в Полоцке, тем более, что там имеются некоторых книг дубликаты» [11, л. 1]. О пиарах Тургенев рассуждает следующим образом: «Пиарский Кляштор не будет уже иметь надобности в обширном собрании книг по части Богословских наук, [поскольку он] есть Общество людей, принявших на себя обет просвещения светского юношества. Они могут даже не быть священниками [...]. Следовательно, и для образования самим членам Пиарского Ордена к исполнению обязанности, по их обету, не нужно особенное знание Богословских наук» [11, л. 1].

Для начала Тургенев предлагает Голицыну поручить коллежскому переводчику К.С. Сербиновичу ознакомиться с описями библиотеки и составить список названий книг, требующихся его ведомству [11, л. 1]. К.С. Сербинович, получивший образование в иезуитской академии и владевший рядом европейских языков, как никто другой подходил для порученного ему задания. Князь Голицын в своем письме от 14 мая 1823 г. сообщает «Высокопреподобному отцу ректору Полоцкого Пиарского Кляштора» о «предположении в веренном ему министерстве сделать библиотеку, в которой были бы собраны...» [11, л. 2], и извещает о визите и целях Сербиновича. Согласно тексту ордера, выписанного Тургеневым Сербиновичу 15 мая 1823 г., задача чиновника заключалась в следующем:

- «... сделать выписку книг до богословских наук относящихся, преимущественно же,
- что заключают в себе Канонические правила и другие постановления о церковном и духовном управлении Римской церкви,
- духовенства оной,
- разных орденов и конгрегаций, обоих обрядов,
- и о внутреннем управлении;
- там же особое собрание булл,
- постановлений Соборов,
- извлечений из всех церковных произведений, изданных разными учителями, Римским Духовным Правительством принимаемыми.
- Историю сей Церкви общую и местную в Польше,
- равно как и собрания конституций относительно духовенства, если оные особо там собраны,
- или же общий сих конституций свод» [11, л. 3].

К сожалению, мы не можем с уверенностью сказать, когда и в каком количестве книги, предназначавшиеся Департаменту Духовных Дел., были доставлены в Петербург. Вопрос о судьбе библиотеки Полоцкой иезуитской академии был решен на высочайшем уровне зимой-весной 1830 г., когда по поручению императора Николая I министром внутренних дел Д.Н. Блудовым был подготовлен проект по разделу библиотеки и дальнейшей передаче книг целому ряду российских книгохранилищ [4, с. 240–241]. В этом проекте упоминается и Главное Управление Духовных Дел Иностранных Исповеданий, которое все еще испытывает сложности в делопроизводстве в связи с нехваткой «профильных книг» из библиотеки полоцких иезуитов.

В конце июня 1830 г. комиссией, отбировавшей полоцкие книги согласно проекту Блудова, был представлен отчет о проделанной работе с указанием количества книг, предназначенных разным культурным и административным учреждениям империи. Т.Б. Блинова, ссылаясь в своей монографии на этот отчет, отмечает, что для Главного Управления Духовных Дел Иностранных Исповеданий было отобрано 1396 полных и 240 неполных книг [4, с. 242]. В свою очередь Т.В. Говорова, полагаясь на данные А.К. Мореля [3], указывает на то, что таких книг было почти в два раза больше, а именно 3056 [8, с. 190]. Так или иначе, из служебной записки, поданной министру внутренних дел Петру Александровичу Валуеву вице-директором Департамента Павлом Антоновичем фон Шульцем 8 августа 1862 г., мы узнаем о том, что по итогу отбора «были доставлены в МВД с лишком две тысячи сочинений... и помещены в комнатах, занимаемых Статистическим комитетом» [12, л. 5], после чего «пересмотрены служащим в то время в Министерстве князем [Владимиром Федоровичем] Одоевским, который и составил им алфавитный каталог» [12, л. 6]. В каталоге, приложенном к служебной записке, содержится 2019 названий [12, лл. 19–67]. Благодаря этому каталогу нам удалось определить все 19 книг, имеющих как провененции библиотеки Полоцкого иезуитского коллегіума, так и библиотеки Д.Д.И.И.

Дело в том, что на верхнем углу (правом или левом) титула каждой книги имеется номер, нанесенный карандашом, и в результате сверки номеров на книгах с соответствующими номерами в каталоге, нам было отмечено 100% совпадение. Далее из текста записки следует, что книги и на момент написания ее,

летом 1862 г., хранились «расставленными по шкафам в Статистическом комитете без всякой системы и порядка и притом не состояли в непосредственном заведывании Департамента» [12, л. 6]. Фон Шульц предлагает наиболее рациональный, по его мнению, подход к использованию наследия полоцких иезуитов, который заключается в следующем:

- 1) для Департамента отобрать книги «особенно полезные для справок»;
- 2) «Наиболее древние, редкие и дорогие издания – передать в здешнюю [Петербургскую] Публичную Библиотеку, как главное в Империи книгохранилище, где при том возможно в случае надобности сделать в этих книгах справки»;
- 3) богословские сочинения «передать в здешнюю [Петербургскую] Римско-Католическую Духовную Академию, как бывшую принадлежность Римско-Католического духовенства»;
- 4) «Сочинения исторического и описательного содержания, каких, впрочем, не много, передать в Московскую Публичную библиотеку» [12, л. 7].

Шульц отмечает и тот факт, что, и Императорская Публичная Библиотека в Петербурге, и новообразованная Публичная Библиотека в Москве проявляют желание сыграть роль в судьбе полоцких книг: «В 1857 году, Управляющий Императорскою Публичною Библиотекою Барон Корф просил бывшего товарища МВД Т.С. Левшина о передаче некоторых из означенных книг в Публичную Библиотеку для пополнения ее Коллекций, вследствие чего, из числа книг Полоцкой иезуитской библиотеки были переданы в Публичную библиотеку 68 сочинений» [12, л. 6], а также «Попечитель Московского учебного округа обратился к г. товарищу министра с просьбою о передаче остальных книг бывшей Полоцкой библиотеки в образуемую Московскую Публичную Библиотеку» [12, л. 6].

Как некогда Тургенев – Голицына, а Блудов – Николая I, фон Шульц убеждал Валуева в необходимости организации библиотеки при Д.Д.И.И., фундаментом которой должны стать заблаговременно отобранные по списку князя Одоевского 523 книги, из двух тысяч книг полоцких иезуитов, привезенных в МВД [12, л. 7]. Примечательно, для обустройства, «в случае надобности, шкафов для этих книг, и на все расходы, могущие встретиться при переносе книг, приведении их в систематический порядок и при составлении им особого каталога», Шульц предлагал «употребить необходимую на то сумму, из остатков от содержания Римско-Католического духовенства» [12, л. 8]. В документе последнее подчеркнуто.

Спустя полтора года, в мае 1864 г., директор Департамента граф Э.К. Сиверс издает распоряжение об основании библиотеки при департаменте [13, лл. 1–4]. В тексте распоряжения наиболее важными для нас являются следующие положения:

1. В очередной раз повторяется «служебное заклинание» о необходимости создания библиотеки с указанием причин.

2. Отмечается, что имеющиеся в Департаменте книги, «переданные в оный из центрального Статистического Комитета, на языках латинском, французском и итальянском, относятся к давно минувшему времени и поэтому не могут служить руководством для настоящей эпохи, при изменившемся повсюду порядке управления духовными делами Римско-католической церкви».

3. На содержание и пополнение библиотеки передается статья расходов «на покупку религиозных книг» в смете МВД с баланса расходов на содержание римско-католического духовенства.

Не может быть сомнений в том, что книги, переданные из Статистического комитета и есть те самые книги полоцких иезуитов, о которых хлопотал фон Шульц. Несмотря на свою «профнепригодность» для госслужбы, они, тем не менее, стали фундаментом будущей научной библиотеки Д.Д.И.И., а их хранение обеспечивалось из сумм, выделенных на обеспечение католического клира. К сожалению, мы не знаем, куда были переданы остальные книги, указанные в каталоге В.Ф. Одоевского, но в основной своей части план фон Шульца был реализован.

Вплоть до 1917 г. научная библиотека Д.Д.И.И. активно пополнялась новыми поступлениями и развивалась: при ней появились архив и газетный уголок, но что самое главное – библиотека обеспечивала информацией сотрудников Департамента [14, с. 454–456]. Точная судьба библиотеки после революции неизвестна. Принимая во внимание тот факт, что несколько книг из фонда рукописей и редкой книги ГМИР имеют провенанции БАН СССР, мы можем предположить, что библиотека Д.Д.И.И. (или ее часть) попали в Академию Наук в ходе реформирования библиотечной системы страны в 1920-е гг., откуда уже в 1950-е гг. были переданы в Научную Библиотеку ГМИРА.

По тематической направленности книги полоцких иезуитов можно разделить на следующие три группы:

- 1) история церкви – 10;
- 2) каноническое право – 6;
- 3) богословие – 5.

Первая группа представлена в основном изданиями, особенно ценными своей визуальной составляющей. Крепкие кожаные переплеты с золотым тиснением на корешке, тонкой работы гравированные фронтисписы и авантитулы, плотная бумага, на которой безупречно сверстан текст, обрамленный различными украшениями.

Из трех томов «Истории церкви» Цезаря Барония [IV, V, VI], два некогда принадлежали Карлу Йозефу Морцину (1717–1783), австрийскому дворянину чешского происхождения, о чем свидетельствуют владельческая запись и экслибрис на форзаце. К.Й. Морцин известен тем, что был первым официальным работодателем Йозефа Гайдна – немецкий композитор три года прослужил капельмейстером в его чешском имении [15, Р. 608]. Интересно, что полувеком ранее в аналогичной должности у дальнего родственника Карла Йозефа, Вацлавека Морцина, работал другой знаменитый композитор – итальянец Антонио Вивальди [15, Р. 607].

«История иезуитов» Рудольфа Хоспиниана [XIII], изданная в Цюрихе в 1619 г., выделяется золотым суперэкслибрисом на крышке, который подтверждает в качестве ее владельца Жана Фелипэ (1646 – 1711) – крупного французского чиновника последней четверти XVII века, члена Большого Совета, интенданта Парижа и государственного советника [16, Р. 397].

«Исторический комментарий о порядке в учреждении таинства покаяния в западной и восточной Церкви в первые 13 веков» Жана Морэна [XV] интересен тем, что принадлежал сперва гнезненскому пенитенциарию Яну Модржинскому [17, S. 34], затем иезуитскому коллегиюму в Познани, и только потом попал в Полоцк.

В то же время два основательных конволюта [XI, XII], содержащих в совокупности шесть томов «Истории Констанцского Собора» до того, как оказаться на полках полоцкой иезуитской библиотеки, входили в книжные собрания двух немцев-лютеран. Первый, Иоганн Каспар Рейхлин (1714–1767) – лютеранский теолог, профессор теологии в Страсбурге, Генерал-суперинтендант консисториата в Альтенбурге. Второй – Иоганн Фридрих Буршер (1732–1805) – лютеранский теолог; получил академическую степень магистра философии в Лейпцигском университете; в 1752 г. был избран первым секретарем Общества наук и либеральных искусств в Лейпциге; в течение жизни проповедовал и преподавал богословие в ряде городов Германии; в конце века несколько раз был ректором Университета в Лейпциге [18, S. 630–632].

Каноническое право представлено шестью книгами, среди которых два издания XVI в. – «Шестая книга декреталий под редакцией папы Бонифация VIII» [VIII] и «Декреталии папы Григория IX» [IX]. Владельческая запись [Domus profess. Venez Soc Jesu...], сохранившаяся на титульном листе «Канонического права в облегченном и сокращенном справочнике» [X], может свидетельствовать о том, что ранее эта книга являлась собственностью ученого-иезуита, преподававшего в венецианском коллегиюме.

Среди пяти книг богословского содержания (исключительно форматы ин-кварто и ин-октаво), особого упоминания заслуживает «Римский ритуал под редакцией папы Павла V» [XVII], который помимо записи о вхождении в библиотеку Познанского коллегиюма, является единственной книгой в коллекции, имеющей экслибрис библиотеки Полоцкого иезуитского коллегиюма.

Закключение. В то время как тематическая однородность коллекции книг полоцких иезуитов обуславливается составленными российскими чиновниками списками, по которым эти книги отбирались для нужд имперской бюрократии, и, впоследствии, легли в основу библиотеки Д.Д.Д.И.И. – анализ владельческих знаков дает, в свою очередь, непредсказуемый результат, дополняя сложившееся в историографии представление об уникальности книжного собрания Полоцкого коллегиюма. Сейчас, когда у нас нет возможностей для реконструкции книжного собрания полоцких иезуитов, как в связи с его раздробленностью, так и с фрагментарностью доступных архивных данных, особое внимание следует уделить именно изучению владельческих знаков на сохранившихся книгах. Помимо того, что провененции работают как своего рода координаты на ментальных картах читателей, расширяя «географию интеллектуального присутствия», они также дают нам колоссальные возможности для выявления устойчивых связей-маршрутов в этой мобильной среде.

Список книг, имеющих провенанс библиотеки Полоцкого иезуитского коллегиюма и хранящихся в фонде «Редкая книга» ГМИР

I. Anastasius Bibliothecaris [817–849]. Historia Ecclesiastica, sive Chronographia Tripertita... Nunc denuo ad fidem veterum Librorum emendata. ... Adiecta est Anastasii Historia de Vitis Romanorum pontificorum, ab Petro Apost. ad Nicolaum I., deinde vita Hadriani II et Stephani VI. Auct. Guilielmo Bibliothecario / Carolus Annibalus Fabrotius edidit. – Parisiis: e Typographia regia, 1649; 2°; [6] Bl, 263 S., [11] Bl., 313 S., [4] Bl.
ГМИР. ОППК. РК-831

II. Azpilcueta, Navarri Martin de (1491–1586). Consiliorum seu responsorum in quinque libros... tomi duo. Tomus primus – Venetiis: apud Ioannem Guerilium, 1621; 4°; [8] Bl., 782 S., [1] Bl.
ГМИР. ОППК. РК-1240

III. Azpilcueta, Navarri Martin de (1491–1586). Consiliorum seu responsorum in quinque libros... tomi duo. Tomus alter – Venetiis: apud Ioannem Guerilium, 1621; 4°; [1] Ll., 564 S., [8] Bl.
ГМИР. ОППК. РК-1241

IV. Baronius, Caesare (1538–1607). Annales Ecclesiastici ex XII tomis Caesaris Baronii ... Cardinalis ... in epitomen redacti: [pars prior] / Henricus Spondanus edidit. – Lutetiae Parisiorum [Paris]: sumptibus Dionysius de la Noüe, 1639; 2°; [30] C., 724 S., [100] S.

ГМИР. ОППК. PK-700

V. Baronius, Caesare (1538–1607); Spondanus, Henricus (1568–1643). Annalium eminmi. cardinalis Caes. Baronii continuatio ab anno MCXCVIII quo is desiit, ad finem MDCXL. Tomus primus. – Lutetiae Parisiorum [Paris]: sumptibus Dionysius de la Noüe, 1641; 2°; [10] Bl., 830 S., [29] Bl.

ГМИР. ОППК. PK-697

VI. Baronius, Caesare (1538–1607); Spondanus, Henricus (1568–1643). Annalium eminmi. cardinalis Caes. Baronii continuatio ab anno MCXCVIII quo is desiit, ad finem MDCXL. Tomus secundus. – Lutetiae Parisiorum [Paris]: sumptibus Dionysius de la Noüe, 1641; 2°; [3] Bl., 891 S., [28] Bl.

ГМИР. ОППК. PK-698

VII. Boileau, Jacobus (1635–1716). Historia confessionis auricularis. – Lutetiae Parisiorum [Paris]: apud viduam Edmundi Martini, 1684; 8°; [16] Bl., 406 S., [13] Bl.

ГМИР. ОППК. PK-1200

VIII. Bonifatius PP. VIII (1230–1303). Sextus Decretalium liber a Bonifacio Octavo in concilio Lugdunensi editus. – Veneto, per heredes nobilis viri q. d[omi]ni Octauiani Scoti ciuis Modoetie[n]sis sociosq[ue] Venetijs impressa, 1525; 4°; [3] Bl., [4-276] Bl., [1-112] Bl., [1] Л., [2-64] Bl., [1-64] Bl., [1] Bl., [2-11] Bl.

ГМИР. ОППК. PK-511

IX. Gregorius PP. IX (1145–1241). Decretales domini pape Gregorij noni accurata diligentia nouissime post alias omnes impressiones quampluribus cum exemplaribus emendate: aptissimisque imaginibus exculpte: cum multiplicibus repertorijs antiquis: et de nouo factis ad materias quascumque inueniendas amplissimis. Additis casibus Bernardi qui frugem et utilitatem maximam studentibus exhibebunt / Bernardus Parmensis et Raymundus Pennafortius edidit. – Venezia: apud haeredes Octauiani Scoti ciuis Modoetiensis ac sociorum, 1528; 4°; 600 Bl., [47] Bl.

ГМИР. ОППК. PK-1008

X. Fagundez, Estevão (1576–1645). De Iustitia, et contractibus, et de acquisitione, et translatione dominij, Libri Septem... Prodeunt nunc primùm. – Lugduni [Lyon]: sumptibus Laurentii Anisson et haered. G. Boissat, 1641; 2°; [10] Bl., 663 S., [30] Bl.

ГМИР. ОППК. PK-1132

XI. Hardt, Hermannus von der (1660–1746).

1. Tomus II Rerum Concilii Oecumenici Constantiensis. De Pace Ac Unione / Cura & labore Hermanni von der Hardt. – Francofurti; Lipsiae: Genschius; Schnorrius, 1697; 2°; [5] Bl., 32, 624 S.

2. Tomus III Rerum Concilii Oecumenici Constantiensis. De Religionis Et Fidei Momentis / Cura & labore Hermanni von der Hardt. – Francofurti; Lipsiae: Genschius; Schnorrius, 1698; 2°; 18 [i.e. 27] S., [11] Bl., 935 S., [3] Bl.

ГМИР. ОППК. PK-1540

XII. Hardt, Hermannus von der (1660-1746).

1. Tomus IV Rerum Concilii Oecumenici Constantiensis. Corpus Actorum Decretorum Magni Constantiensis Concilii De Ecclesiae Reformatione Unione Ac Fide / Cura & labore Hermanni von der Hardt. – Francofurti; Lipsiae: Genschius; Schnorrius, 1698; 2°; [2] Bl., 51 S., [1] gef. Bl., 1588 S., [39] Bl.

2. Tomus V Rerum Concilii Oecumenici Constantiensis. Corpus Actorum Decretorum Magni Constantiensis Concilii De Ecclesiae Reformatione Unione Ac Fide / Cura & labore Hermanni von der Hardt. – Francofurti; Lipsiae: Genschius; Schnorrius, 1698; 2°; [2] Bl., 51 S., [1] gef. Bl., 1588 S., [39] Bl.

3. Tomus VI Rerum Concilii Oecumenici Constantiensis. Corpus Actorum Decretorum Magni Constantiensis Concilii De Ecclesiae Reformatione Unione Ac Fide / Cura & labore Hermanni von der Hardt. – Francofurti; Lipsiae: Genschius; Schnorrius, 1698; 2°; [2] Bl., 51 S., [1] gef. Bl., 1588 S., [39] Bl.

4. Tomus VII Rerum Concilii Oecumenici Constantiensis... / Berolini: Christian Frideric Henning, 1742; 2°; [5] Bl., 180 S.

ГМИР. ОППК. PK-1270

XIII. Hospinianus, Rodolphus (1547–1626). Historia Iesuitica: Hoc est, De Origine, Regulis, Constitutionibus, Privilegiis, Incrementis, Progressu Et Propagatione ordinis Iesuitarum... – Tiguri [Zurich], apud Iohann Rodolphum Wolphium, 1619; 2°; [15] Bl., 257 Bl.

ГМИР. ОППК. PK-1529

XIV. Laymann, Paul (1574–1635).

1. Commentariorum... – Dilingae: apud Ignatium Mayer, 1664; 4°; [1] Bl., 304 Col.
2. Ius Canonicum... – Dilingae: apud Ignatium Mayer, 1666; 4°; [5] Bl., 862 S., [2] Bl.

ГМИР. ОППК. РК-1232

XV. Morinus Blesensis Joannus (1591–1659). Commentarius historicus de disciplina in administratione sacramenti poenitentiae tredecim primis seculis in ecclesia occidentali, et huc usque in orientali observata, in decem libros distinctus... – Antverpiae: ex officina Frederici a Metelen, 1682; 2°; [20] Bl., [820] S., [1] Bl., 159 S.

ГМИР. ОППК. РК-1257

XVI. Pallavicino, Sforza (1607–1667). Vera Consilii Tridentini Historia, contra falsam Petri Suaavis Polani narrationem. ... / Latine reddita a P. Johanne Baptista Giattino – [In 3 p.] - Antverpiae, 1673; 2°. P. 1: [15] Bl., 296 S., [6] Bl.; P. 2: [2] Bl., 299 S., [14] Bl.; P. 3: [2] Bl., 326 S., [9] Bl.

ГМИР. ОППК. РК-766

XVII. Paulus PP. V (1552–1621). Rituale Romanum Pauli V pont. max. jussu editum – Antwerpen: ex off. Plantiniana, apud Moretus, Balthasar I, & wed. Moretus, Jan II, & Meursius, Joannes, 1620; 2°; [8] Bl., 353 S., [1] Bl.

ГМИР. ОППК. РК-1484

XVIII. Pirhing, Ehrenreich (1606-1690). Facilis, et succincta S. S. Canonum doctrina quam fusioribus tomis in sua nova Methodo Ius Canonicum Explicandi antehac tradidit... - Venetiis: apud Nicolaum Pezzana, 1693; 2°; [8] Bl., 535 S.

ГМИР. ОППК. РК-1152

XIX. Pfeiffer Augustus (1640–1698). Theologiae sive potius mataiologías Judaicae atque Mohammedicae seu turcico-persicae principia sublesta et fructus pestilentes... / Literis Christophori Fleischneri. – Lipsiae [Leipzig]: sumptibus Joh. Friderici Gleditsch, 1687; 8°; [8] Bl., 458 Стр., [7] Bl.

ГМИР. ОППК. РК-1230

XX. Schambogen Joannes Christophorus (1636–1696). Commentarium seu lectiones Publicae in D. Gregorij IX. Decretalium Libros... – Pragae: In Magno Collegio Carolino, typis Georgij Labaun, 1699; 4°; [9] Bl., 259 S., 448 S.

ГМИР. ОППК. РК-1181

XXI. Zerola Thomas (1548–1603). Praxis Episcopalis... - [In 2 p.] – Coloniae [Koln]: Crithius Ioannes, 1618; 8°. P.1. In Qua, Ultra Ea, Quae a Sacris Canonibus, sacroque Concil. Trident. decisa sunt... – [8] Bl., 734 S., [38] Bl.; P.2. In Qua Summa Omnium Bullarum Summorum Roman. Pontificum. – [6] Bl., 259 S., [24] Bl.

ГМИР. ОППК. РК-980

ЛИТЕРАТУРА

1. Морошкин, М.Я. Иезуиты в России с царствования Екатерины II-й и до нашего времени : в 2 т. / М.Я. Морошкин. – Т. 1.: Обнимающая историю иезуитов в царствование Екатерины Великой и Павла I-го. – СПб. : Тип. 2-го отд. собств. е. и. в. канцелярии, 1867. – 532 с.
2. Сапунов, А.П. Заметка о коллегии иезуитов в Полоцке / А.П. Сапунов. – Полоцк : Л. Ф. Данько, 1997. – 30 с.
3. Морель, А.К. История г. Полотска і возникновение здания Полотскаго кадетскаго корпуса. Сообщ. сост. 05. 09. 1907 в историко-географическом зале кадетского корпуса / А.К. Морель. – Вильно, 1907.
4. Блинова, Т.Б. Иезуиты в Беларуси. Роль иезуитов в организации образования и просвещения / Т.Б. Блинова. – Гродно : ГрГУ, 2002. – 425 с.
5. Инглот, М. Общество Иисуса в Российской империи (1772-1820 гг.) и его роль в повсеместном восстановлении Ордена во всем мире / М. Инглот. – М. : Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2004. – 631 с.
6. Арлоў, У. Таямніцы Полацкай гісторыі / У. Арлоў. – Мінск : Палымя, 2008. – 608 с.
7. Шайкоў, В. Да пытання аб езуіцкай бібліятэке ў Полацку / В. Шайкоў // Беларускі гістарычны часопіс. – 2003. – № 4. – С. 54–55.
8. Говорова, Т.В. Библиотека полоцких иезуитов: факты, сведения, документы / Т.В. Говорова // Беларуская кніга ў кантэксце сусветнай кніжнай культуры : зб. навук. арт. : у 2 ч. – Мінск, 2006. – Ч. 1. – С. 185–192.
9. Цыбуля, В.А. Бібліятэка Полацкай езуіцкай акадэміі гісторыі / В.А. Цыбуля // Энцыкл. гісторыі Беларусі : у 6 т. – Мінск, 1994. – Т. 2. – С. 37.
10. Бібліятэка Полацкай езуіцкай акадэміі гісторыі // Вялікае Княства Літоўскае : энцыкл. : у ? т. – Мінск : Беларуская Энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2010. – Т. 3: Дадатак А–Я. – С. 77–78.
11. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 821. Оп. 1. Д. 3.
12. РГИА. – Ф. 821. Оп. 1. Д. 837.

13. РГИА. – Ф. 821. Оп. 10. Д. 76.
14. Teryukova, E.A. The officials of the Department for the spiritual affairs of foreign confessions as researchers of the state-church relationships in Russia / E.A. Teryukova // *Bylye Gody*. – Sochi, 2017. – № 44 (2). – P. 451–459.
15. Kapsa, V. Account books, names and music: Count Wenzel von Morzin's Virtuossissima Orchestra / V. Kapsa // *Early music*. – 2012. – № 40. – P. 605–620.
16. *Nouvel armorial du bibliophile: guide de l'amateur des livres armoriés*. T. 2 / par Joannis Guigard. – Paris: Emile Rondeau Libraire, 1890. – ? с.
17. Formanowicz, L. Katalog druków polskich XVI-go wieku Biblioteki Kapitulnej w Gnieźnie / L. Formanowicz. – Poznań: Rolnicza Drukarnia i Księgarnia Nakładowa, 1930. – 115 s.
18. Brockhaus, C. Burscher, Johann Friedrich / C. Brockhaus // *Allgemeine Deutsche Biographie (ADB)*. – B. 3. – Leipzig : Duncker & Humblot, 1876. – S. 630–632.

Поступила 20.11.2020

**BOOKS FROM THE LIBRARY OF THE JESUIT ACADEMY IN POLOTSK
IN THE RARE BOOK DEPARTMENT OF THE STATE MUSEUM
OF THE HISTORY OF RELIGION**

E. ZUBKOV

The article is devoted to books from the library of the Jesuit Academy in Polotsk, which revealed in the Rare Book Department of the State Museum of the History of Religion in St. Petersburg. The article attempts to reconstruct the route for the transfer of these books from Polotsk to St. Petersburg, as well as to explain the motives and goals of Russian officials of The Department for the Spiritual Affairs of Foreign Confessions, who initiated this movement, registered books and determined their future. The books of the Polotsk Jesuits are considered in the context of the implementation of the confessional policy of the Russian Empire in relation to the Roman Catholic Church - as one of the possible elements in creating a flexible model of cooperation between the central government and subjects of the Catholic confession. In addition to the full list of books, the article also contains information about the established owners of some of them.

Keywords: *Polotsk Jesuit Academy, The Department for the Spiritual Affairs of Foreign Confessions, Jesuit libraries, Confessional policy of the Russian Empire, Jesuits in Russia, Russian Catholics.*

УДК 902(476)+736.311«10/13»

**КНЯЖАЦКІЯ АКТАВЫЯ ПЯЧАТКІ XI – XIV стст. З ТЭРЫТОРЫІ ПОЛАЦКА
(У ЗБОРЫ НАЦЫЯНАЛЬНАГА ПОЛАЦКАГА ГІСТОРЫКА-КУЛЬТУРНАГА
МУЗЕЯ-ЗАПАВЕДНІКА)****Л.Р. КАЛБЕКА****(Нацыянальны Полацкі гісторыка-культурны музей-запаведнік)**

Артыкул прысвечаны тэме атрыбуцыі свінцовых актавых пячатак, выяўленых на тэрыторыі Полацка, з фондаў Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка (НПГКМЗ). Разгледжаны 8 бул, што адносяцца да катэгорыі княжацкіх пячатак. Дзве з іх знойдзены пры ажыццяўленні археалагічных раскопак на Верхнім замку і каля Спаса-Праабражэнскай царквы ў Полацку, астатнія шэсць з'яўляюцца выпадковымі знаходкамі з тэрыторыі горада. Пячаткі датуюцца XI – XIV стст. Атрыбутаваны 3 пячаткі, якія належалі полацкаму князю Васільку Святаславічу, аднаму з сыноў мурамскага князя Яраслава Святаславіча, вялікаму князю ўладзімірскому Святаславу Усеваладавічу. Удакладнена даціроўка пячаткі Усевалада Яраславіча.

Ключавыя словы: актавыя пячаткі, сфрагістыка, Полацк.

Уводзіны. Актавая сфрагістыка XI – XIV стст. прадстаўлена традыцый выкарыстання віслых свінцовых пячатак – бул, або маліўдавулаў. Звычай замацоўваць дакументы такімі пячаткамі прыйшоў на тэрыторыю Русі з Візантыі ў канцы X ст. [1, с. 35; 2, с. 14]. Булы надавалі дакументу юрыдычную сілу і сведчылі аб яго сапраўднасці. Таксама пячатка пазначала асобу свайго ўладальніка і яго статус.

Замацаванне дакумента пячаткай выглядала наступным чынам. Свінцовая нарыхтоўка ў выглядзе дыска са скразной адтулінай з дапамогай шнура мацавалася да ніжняй часткі дакумента. У пергамене загадзя рабілася адтуліна для пячаткі. Потым нарыхтоўка сціскалася з дапамогай булатырыя – спецыяльнай прылады ў выглядзе абцугоў з матрыцамі. У выніку скразная адтуліна (канал) сціскаўся і надзейна замацоўваў шнур. На нарыхтоўцы з абодвух бакоў адбіваліся выявы, выразаныя на матрыцах. Нарыхтоўка ператваралася ў пячатку [1, с. 13].

Знаходкі булатырыяў з'яўляюцца выключна рэдкімі. Вядома толькі 4 экзэмпляры з Візантыі і 1 з Ноўгарада. Малая колькасць знаходак тлумачыцца тым, што пасля смерці ўладальніка або змены пячаткі булатырыя знішчаўся, каб пазбегнуць выкарыстання іншымі асобамі. Гэта падцвярджаюць абставіны знаходкі наўгародскага булатырыя на дне калодзежа XIV ст. [3, с. 245].

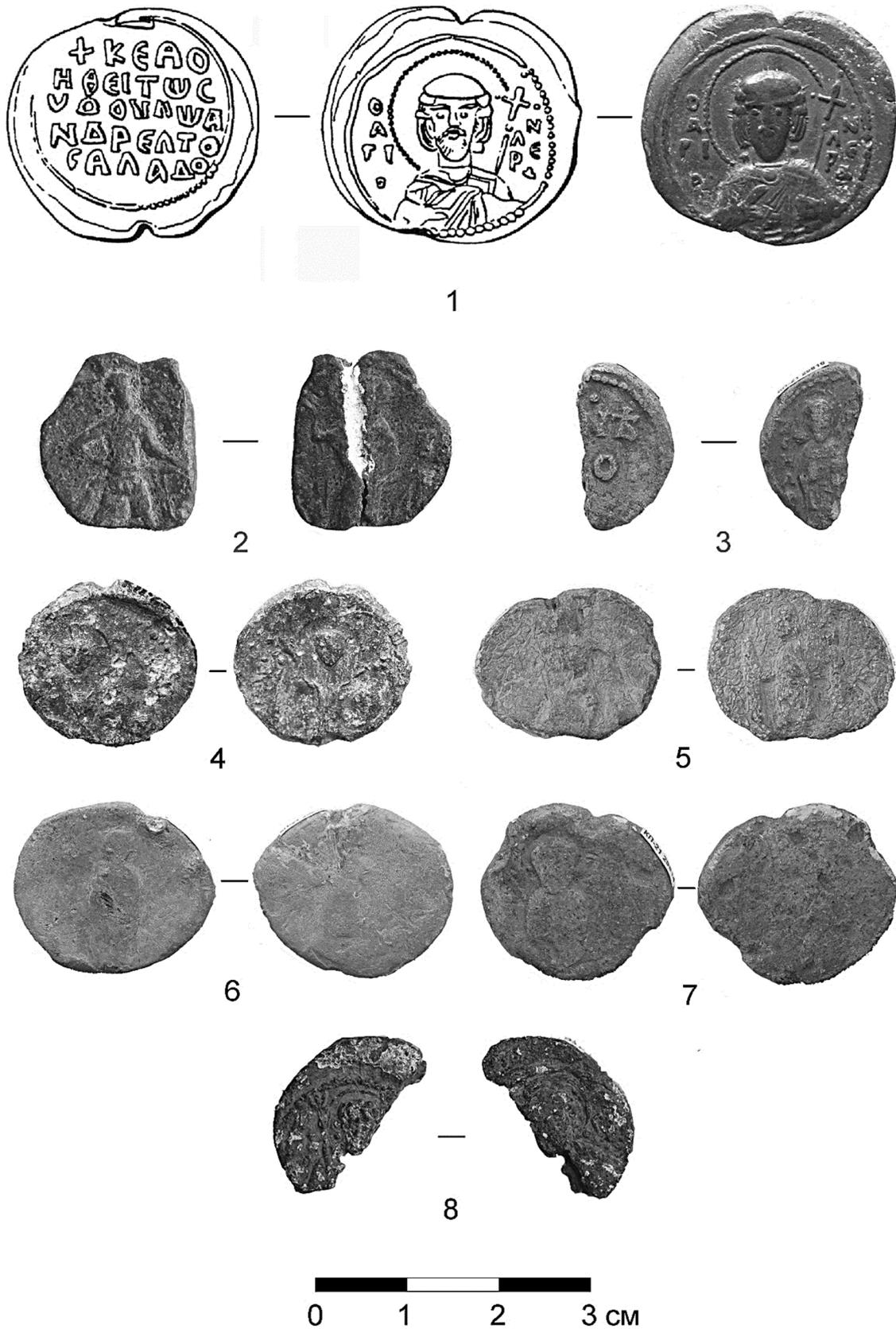
Асаблівасцю княжасціх бул (за некаторымі выключэннямі) з'яўляецца наяўнасць выявы святога, імя якога супадае з імем уладальніка пячаткі [1, с. 41]. У калекцыі НПГКМЗ захоўваецца 8 актавых княжацкіх пячатак XI – XIV стст.

Асноўная частка. Була № 1 (малюнак 1, 1) знойдзена на тэрыторыі Верхняга замка ў 1978 г. каля ўсходняй сцяны Сафійскага сабора падчас даследаванняў археалагічнай экспедыцыі Ленінградскага дзяржаўнага ўніверсітэта пад кіраўніцтвам Валянціна Аляксандравіча Булкіна [4, с. 480].

На адным баку булы ў кропкавым абадку змешчана пасная выява святога апостала Андрэя Першазванага з кропкавым німбама вакол галавы. Правая рука ў бласлаўляльным жэсце, злева – посах з крыжам. Па баках ад выявы – калончатая надпісы «А/Г/І/О», «(А)/N/Д/Р». На адваротным баку булы ў абрамленні кропкавага абадка змешчана легенда грэчаскімі літарамі ў пяць радкоў «Госпадзі, памажы рабу твайму Андрэю Свладу». Пячатка належала сыну Яраслава Мудрага Усеваладу Яраславічу (1030-1093 гг.), у хрышчэнні Андрэю [5, с. 20, № 20а]. Дыяметр булы складае 28 мм. Адносіцца да групы пячатак грэка-рускага тыпу і разрада VI/2 – святы/легенда паводле класіфікацыі С. Бялецкага [1, с. 32].

Пячаткі гэтага іканаграфічнага тыпу вядомы з XIX ст. М.П. Ліхачоў тлумачыў прысутнасць двух імёнаў у легендзе – Андрэя і Свлада – тым, што імя Свлад з'яўляецца элінізаванай (напісанай на грэчаскі манер) формай імені Усевалад. Такім чынам, у легендзе адлюстраваны і свецкае імя, і імя, атрыманае князем у хрышчэнні [2, с. 15]. Вядома 13 экзэмпляраў пячатак дадзенага тыпу ад васьмі пар матрыц [5, с. 20, № 20а]. На аснове аналізу ўсяго масіва бул Усевалада Яраславіча була з Полацка, верагодна, можа датавацца больш вузкім храналагічным прамежкам – 1054 – 1088 гг. [5, с. 21].

Була № 2 (малюнак 1, 2) паходзіць са збору выпадковых знаходак С. Міхейкі на тэрыторыі Полацка [6, с. 57, № 81]. З аднаго боку пячаткі змешчана пакаленая выява святога Георгія, які правай рукой вымае меч з ножнаў. На другім баку – пакаленая выява святога Васілія з кодэксам (кнігай) у левай руцэ. Памер пячаткі – 20 × 18 мм. Адносіцца да разрада VI/1 – княжацкіх бул XII – XIII стст. з выявамі святых з абодвух бакоў [1, с. 60]. Захаванасць булы не дазваляе прачытаць калончатую надпісы. Аналагічная пячатка захоўваецца ў фондах Наўгародскага музея-запаведніка (НГМ КП 47227-59). На падставе размешчаных на буле выяў святых Васілія і Георгія можна выказаць меркаванне аб прыналежнасці пячаткі Васільку Святаславічу, сыну Георгія Усяславіча, полацкаму князю (1132 – 1144 гг.).

Малюнок 1. – Свінцовыя княжацкія пячаткі з фондаў ННГКМЗ

Була № 3 (малюнак 1, 3) з'яўляецца выпадковай знаходкай з тэрыторыі Запалоцкага пасада. Уяўляе сабой палову булы, разламанай па канале для шнура. На зломе заўважны адбітак плеченага шнура. Верхні бок пячаткі змяшчае легенду у два радкі ў кропковым абадку: «НЎ/О» – «(ДЎ)НЎ/(СЛ)О/(ВО)». На адваротным баку маецца выява святога ў поўны рост у святарскіх рызах з калончатым надпісам «В/С/Н/Л» – «В(А)/С/Н/Л(ИЙ)» у кропковым абадку. Памер булы – 21 × 10 мм. Размяшчэнне фігуры святога злева дазваляе сцвярджаць, што справа, на палове булы што не захавалася, была выява яшчэ аднаго святога. Адносіцца да разрада VII/3 – з выявай двух святых і легендай [1, с. 32].

Значэнне надпіса «Дьніслово» ўстаноўлена няпэўна. Найбольш абгрунтаваным выглядае пункт гледжання С.В. Бялецкага, згодна з якім ён можа быць прачытаны як словазлучэнне «дѣ(а)н(и)ѣ с(ѣ)слово» – «деяние посла», а замацаваны такой пячаткай дакумент з'яўляўся пасольскай даверчай граматай [1, с. 53–56].

Пячатка мае аналогію ў наўгародскіх матэрыялах. В.Л. Янін ў 1970 г. апублікаваў фрагмент булы са збору М.П. Ліхачова [2, с. 185, № 87, с. 256, № 87, с. 290, № 87]. На адным баку маецца надпіс «(ДЎ)НЎ/(С)ЛО/(ВО)». Зыходзячы з кампазіцыі, на адваротным баку прысутнічалі выявы двух святых. На апублікаваным фрагменце маецца выява святога злева, але з-за змяшчэння матрыц булатырыя адсутнічае наяўны надпіс «В(А)/С/Н/Л(ИЙ)» на нашай пячатцы. Затое маецца адсутны калончаты надпіс «П/Н/О», што пазначае святога справа. Паколькі на фрагменце пячаткі з Ноўгарада адсутнічала імя «Васілій», зыходзячы з наяўнага надпісу і іканаграфіі В.Л. Янін выказаў здагадку, што на пячатцы змешчаны святыя Пётр і Павел [7, с. 173].

У 2014 г. даследчыкам І.А. Жукавым была апублікавана цэлая була з легендай «Дьніслово» і выявай пары святых, знойдзена ў Мінскай вобласці. Яна была адціснута той жа парай матрыц, што і пячаткі з Полацка і Ноўгарада. На абароце размешчана выява святых у поўны рост з калончатымі надпісамі «В/С/Н/Л/Н/О/Л», «П/Н/О», «К/Р/А/Т/І/О/С». Гэта дазволіла даследчыку вызначыць пару святых як Васілія і Панкрація [8, с. 18].

В.Л. Янін і П.Г. Гайдую ў 1998 г. апублікавалі булу з Ноўгарада з выявай святога Панкрація Таўраменійскага і грэчаскім надпісам «Госпадзі дапамажы Панкрацію Святаславічу». Яна была атрыбутавана аўтарамі ўнуку Яраслава Мудрага, мурамскаму і чарнігаўскаму князю Яраславу Святаславічу (памёр у 1129 г.) [5, с. 22, № 30А].

На разглядаемай намі пячатцы з Полацка і буле з Мінскай вобласці змешчана выява двух святых – Васілія і Панкрація. Паколькі яны не адносяцца да ліку парных святых, даследчык выказаў здагадку, што гэта нябесныя заступнікі князя і яго бацькі. Адпаведна, уладальнікам пячатак мог быць сын Яраслава Святаславіча. І.А. Жукаў лічыць, што гэта мог быць мурамскі князь Юрый Яраславіч, хрысціяннае імя якога нам невядома [8, с. 18]. Але імя Юрый з'яўляецца хрысціянскім. У Яраслава Святаславіча было яшчэ два сыны, вядомых пад славянскімі імёнамі Святаслаў і Расціслаў. Іх хрысціянскія імёны нам невядомыя. Не выключана, што адзін з іх мог быць ахрышчаны пад імем Васілія [9, с. 56].

Була № 4 (малюнак 1, 4) была знойдзена ў 2015 г. у ходзе архітэктурна-археалагічных даследаванняў Спаса-Праабражэнскай царквы Спаса-Еўфрасінеўскага манастыра ў Полацку, якія праводзіцца Полацкім дзяржаўным універсітэтам і Дзяржаўным Эрмітажам, разам з яшчэ адной пячаткай. Стратыграфічна знаходкі размяшчаліся недалёка адна ад адной [10, с. 11]. Адна з бул належала Еўфрасіні Полацкай, другая пячатка была атрыбутавана як епіскапская [11, с. 5].

Дыяметр пячаткі – 20 мм. Памер свінцовай нарыхтоўкі не адпавядае большаму памеру матрыц булатырыя. Адбітак зрушаны адносна нарыхтоўкі, таму выявы праглядаюцца з цяжкасцю. Аднак, з аднаго боку пячаткі выразна прыкметны крыжовы німб, што дазваляе сцвярджаць, што на адным баку булы змешчаны фрагмент выявы Ісуса Хрыста ў кропковым абадку. На адваротным баку размешчана выява святога ў поўны рост або пакаленняя. Такім чынам, була належыць да княжацкіх пячатак разраду I/2 – з выявай Ісуса Хрыста і святога [1, с. 26; 12, с. 166].

У булы з Полацку маецца аналогія з ліку выпадковых знаходак з Аршанскага раёна Віцебскай вобласці [13, с. 17, мал. 5]. Пячатка мае дрэнную захаванасць, але на дадзеным асобніку няма змяшчэння матрыц булатырыя, і малюнак адбіўся цалкам. Таму можна вызначыць, што Ісус сядзіць на троне, а на адваротным баку булы змешчана выява архангела і літары «ГЛ» (Гаўрыіл). Дыяметр булы роўны 21 мм, што практычна супадае з дыяметрам нашай пячаткі.

Афармленне булы і характар выявы Ісуса Хрыста на троне стылістычна адпавядаюць княжацкім пячаткам XIII – першай чвэрці XIV стст. [5, с. 66–67]. Такім чынам, була належала князю XIII – першай чвэрці XIV стст., які займаў велікакняжацкі прастол і насіў у хрышчэнні імя Гаўрыіл. Гэтым умовам адпавядае асоба Святаслава Усеваладавіча, вялікага князя ўладзімірскага (1246 – 1248 гг.), сына Усевалада Вялікае Гняздо [14, с. 111].

Вядомы 49 асобнікаў пячатак Святаслава з выявай архангела Гаўрыіла і святога Дзмітрыя Салунскага [2, с. 122]. У 1246 г. пасля смерці свайго брата Яраслава Усеваладавіча Святаслаў атрымаў па спадчыне ўладзімірскае вялікае княжанне. Верагодна, з гэтым звязана змена тыпа булы – выява Дзмітрыя Салунскага замяняецца выявай Хрыста як указанне на суверэннасць улады князя. Таксама афармленне

новага тыпу бул падобна да стылю пазнейшых пячатак Яраслава Усеваладавіча з выявамі Хрыста на троне і святога Фёдара [5, с. 64-65].

Нераўнамернае суаднясенне колькасці вядомых асобнікаў ранніх і позніх пячатак Святаслава Усеваладавіча (49 да 2) можа тлумачыцца тым, што ва Уладзіміры ён княжыў толькі два гады (1246 – 1248 гг.). А праз яшчэ 4 гады ў 1252 г. сканаў [14, с. 112]. У выніку перыяд выкарыстання пячатак з выявай Хрыста і архангела Гаўрыіла быў адносна невялікі. Такім чынам, дадзеная пячатка з’яўляецца познім тыпам пячатак уладзімірскага вялікага князя Святаслава Усеваладавіча.

Наступныя пячаткі немагчыма дакладна атрыбутаваць па прычыне дрэннай захаванасці выяў. Аднак магчыма ўстанавіць іх прыналежнасць да разрада VI/1 з выявамі святых з абодвух бакоў, што дазваляе аднесці пячаткі да княжацкіх бул XII – XIII стст. [1, с. 60].

Була № 5 (малюнак 1, 5) паходзіць з калекцыі выпадковых знаходак С. Міхейкі [6, с. 57, №72]. З аднаго боку змешчана выява святога, з другога – архангела. Памер – 17 × 21 мм.

Була № 6 (малюнак 1, 6) з’яўляецца выпадковай знаходкай з Полацка. З абодвух бакоў пячаткі знаходзяцца выявы святых. Памер складае 22 × 24 мм.

Була № 7 (малюнак 1, 7) – выпадковая знаходка. З аднаго боку змешчана выява святога, з другога – моцна зацёртая выява святога, праглядаецца адбітак плеченага шнура. Памер – 20 × 21 мм.

Була № 8 (малюнак 1, 8) таксама з’яўляецца выпадковай знаходкай. Уяўляе сабой фрагмент (палову) пячаткі. З абодвух бакоў знаходзяцца выявы святых. Памер складае 20 × 11 мм.

Заклучэнне. Такім чынам, у выніку вывучэння сфрагістычнай калекцыі НППГКМЗ вылучана група свінцовых княжацкіх пячатак XI – XIV стст. у колькасці 8 экзэмпляраў. Дзве з іх знойдзены пры ажыццяўленні археалагічных раскопак на Верхнім замку каля Сафійскага сабора і каля Спаса-Праабражэнскай царквы ў Полацку, астатнія шэсць з’яўляюцца выпадковымі знаходкамі з тэрыторыі горада. Пячаткі датуюцца XI – XIV стст. Адна була адносіцца да групы пячатак грэка-рускага тыпу і разрада VI/2 – святы/легенда, адна – да разрада VII/3 – два святых/легенда, адна – да разрада I/2 – Ісус Хрыстос/святые, пяць бул адносяцца да разрада VI/1 з выявамі святых з абодвух бакоў. Атрыбутаваны 3 пячаткі, што належалі полацкаму князю Васільку Святаславічу, аднаму з сыноў мурамскага князя Яраслава Святаславіча і вялікаму князю ўладзімірскаму Святаславу Усеваладавічу. Удакладнена датыроўка пячаткі Усевалада Яраславіча.

ЛІТАРАТУРА

1. Белецкий, С.В. Введение в русскую допетровскую сфрагистику : учеб. пособие / С.В. Белецкий. – СПб. : Б.и., 2001. – 192 с.
2. Янин, В.Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. : в 3 т. / В.Л. Янин. – Т. I: Печати X – начала XIII в. – М. : Наука, 1970. – 327 с.
3. Гайдуков, П.Г. Новгородский буллотирный XIV в. / П.Г. Гайдуков, О.М. Олейников // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени академика В.В. Седова : материалы 58-го заседания, Псков, 17–19 апр. 2012 г. / Ин-т археологии РАН, Археологический центр Псковской обл., Псков. археолог. центр, Псков. музей-заповедник ; редкол.: Н.В. Лопатин (отв. ред.) [и др.]. — М., Псков, 2013. — С. 242–250.
4. Булкин, В.А. Работы в Полоцке / В.А. Булкин, В.А. Булкин, В.Н. Смирнов, И.Е. Ратнер // Археологические открытия 1978 г. — М. : Наука, 1979. — С. 480–481.
5. Янин, В.Л. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. : в 3 т. / В.Л. Янин, П.Г. Гайдуков. – Т. III: Печати, зарегистрированные в 1970–1996 гг. – М. : Интрада, 1998. — 502 с.
6. Археалагічныя знаходкі з асабістай калекцыі С.Л. Міхейкі : каталог/ Уклад. Н.Г. Лугіна. – Полацк : НППГКМЗ, 2010. – 174 с.
7. Янин, В.Л. Печати с надписью «Дньслово» / В.Л. Янин // Советская археология. – 1962. – № 2. – С. 158–177.
8. Жуков, И.А. Ранние вислые печати Муромских князей Ярослава (Панкратия) Святослави́ча и Юрия (Василия) Ярославича / И.А. Жуков // Нумизматика и фалеристика. – 2014. – № 4. – С. 16–18.
9. Калбеко, Л.Г. Печать с надписью «Дньслово» из музейного собрания Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника / Л.Г. Калбеко // Матэрыялы навукова-практычнай канферэнцыі (па выніках навукова-даследчай работы супрацоўнікаў Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-заповедніка ў 2018 г.) / уклад. Т.У. Явіч ; навук. рэд. Т.А. Джумантаева. – Мінск : Медысон, 2019. – С. 54–57.
10. Спасціжэнне першапачатковай задумы архітэктурны Полацкай Спаса-Праабражэнскай царквы: па выніках даследаванняў 2015 года / Я. Торшын [і інш.] // Беларускі гістарычны часопіс. – 2016. – № 7. – С. 5–16.
11. Дук, Д. Пячатка Еўфрасіні Полацкай / Д. Дук, І. Калечыц, А. Коц // Беларускі гістарычны часопіс. – 2015. – № 7. – С. 13–18.
12. Калбеко, Л.Г. Предметы древнерусской сфрагистики из раскопок на территории Полоцка в 2012–2017 гг. (из фондов Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника) / Л.Г. Калбеко // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы XXXIII научной конференции, посвященной 90-летию со дня рождения В.Л. Янина, Великий Новгород, 22–24 января 2019 г. / отв. ред. Е.А. Рыбина. – Великий Новгород, 2020. – Вып. 33. – С. 165–168.

13. Жуков, И. Вислые печати преподобной княжны Евфросинии Полоцкой / И. Жуков // Нумизматика и фалеристика. – 2013. – № 2. – С. 16–18.
14. Кучкин, В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X – XIV вв / В.А. Кучкин. – М. : Наука, 1984. – 353 с.

Поступила 12.12.2020

**PRINCELY SEALS OF THE XIth – XIVth CENTURIES
FROM THE TERRITORY OF POLOTSK (FROM THE FUNDS OF THE POLOTSK
NATIONAL HISTORICAL AND CULTURAL MUSEUM-RESERVE)**

L. KALBEKA

The article is devoted to the attribution of lead seals, identified in the territory of Polotsk from the funds of the National Polotsk Historical and Cultural Museum-Reserve (NPIKMZ). Considered 8 seals, which belong to the category of princely seals. Two of them were found during archaeological excavations at the Upper Castle near the St. Sophia Cathedral and near the Transfiguration Church in Polotsk, the remaining six are accidental finds from the city. The seals date back to the 11th – 14th centuries. 3 seals are attributed, it belonged to the Polotsk prince Vasilko Svyatoslavich, one of the sons of the Murom prince Yaroslav Svyatoslavich, the Grand Duke of Vladimir Svyatoslav Vsevolodovich. The dating of the seal of Vsevolod Yaroslavich has been clarified.

Keywords: seals, sigillography, Polotsk.

УДК 94 (476)

**ОБРЯД ИНТРОНИЗАЦИИ ПОЛОЦКИХ КНЯЗЕЙ
(В КОНТЕКСТЕ ЦЕРЕМОНИАЛЬНОГО ОБРЯДА ДРЕВНЕЙ РУСИ)****канд. ист. наук Ю.Н. КЕЖА
(Полоцкий государственный университет)**

На основе летописных сообщений о церемонии интронизации в Древней Руси рассматривается процедура занятия княжеского стола в Полоцкой земле. Делается вывод, что интронизация полоцких князей осуществлялась в соответствии с общей политической традицией древнерусских земель и по отдельным церемониальным действиям совпадает с обрядом интронизации в Киеве и Новгороде.

Ключевые слова: княжеская власть, княжеский стол, интронизация, Древняя Русь, Полоцк.

Введение. При исследовании процессов формирования средневековой государственности центральная роль отводится княжеской власти. С властью князя, которая является базовым звеном политической системы, связана эволюция государствообразующих процессов: налогово-данические отношения, судебная система, аппарат управления и принуждения, система властной иерархии.

Наиболее полно восприятие власти князя в средневековом обществе отразилось в церемониальных действиях, главное из которых – занятие княжеского стола (интронизация)¹. При этом церемония «посаждения на стол» в Древней Руси, при обилии письменных сведений об этом явлении, довольно редко привлекала внимание исследователей.

Впервые специально к проблеме интронизации в Древней Руси обратился в 80-х гг. XX в. польский исследователь А.В. Поппэ. Обряд интронизации рассматривался им как непосредственное отражение византийской политической традиции. Время возникновения церемонии – конец X в., когда киевский князь Владимир Святославич (978–1015) принимает крещение и распространяет новую веру на землях Руси. По мнению исследователя, интронизация киевского князя была принесена на Русь благодаря жене Владимира, сестре византийских василевсов, Анне (963–1012), а сам обряд носил церковный характер. Также, А.В. Поппэ впервые обратился к теме местонахождения «княжеского стола» как конкретного объекта. По его мнению, с конца X в. княжеский стол находился в киевской Десятинной церкви, затем, при Ярославе Владимировиче (1019–1054) был перенесен в Софийский собор [1, р. 272–274].

К проблеме интронизации древнерусских князей обращался украинский исследователь А.П. Толочко в монографии 1992 г., посвященной княжеской власти в Древней Руси. По мнению исследователя, до принятия Русью христианства не существовало специального обряда, который бы санкционировал вступление князя на престол. Историк солидаризируется с А.В. Поппэ в том, что обряд настолования имеет церковно-византийскую традицию. При этом древнерусские представления родового владения наложили на эту процедуру определенный отпечаток, учитывая, что государственная идеология Византии не знала права наследования власти. Соглашается А.П. Толочко с А.В. Поппэ и в том, что упоминание в летописях «стола» указывает на конкретный предмет – княжеский престол. Согласно выводу А.П. Толочко, практику «посаждения на стол» вводит киевский князь Ярослав Владимирович. В отличие от А.В. Поппэ, украинский исследователь считает, что изначально княжеский стол был установлен на Ярославовом дворе, а в конце XI в. был перенесен в собор Св. Софии, после чего церковный церемониал становится обязательным [2, с. 140–149].

Отдельная статья, посвященная обряду интронизации киевских князей, была опубликована в 2008 г. киевским историком В.М. Рычкой. Соглашаясь с предыдущими исследователями, В.М. Рычка считает, что обряд интронизации сформировался под византийским влиянием и по источникам прослеживается с XII в. Процедура состояла из трех частей: торжественной встречи князя около киевских Золотых ворот, богослужения в храме Св. Софии с возведением князя на престол («посаждение на стол»), заканчивалась церемония пиром на Ярославовом дворе. Историк сделал подробное описание процедуры интронизации, с определением городских топосов, связанных с этим обрядом, и их осмыслением сквозь призму христианской традиции. Исследователь соглашается с положениями А.В. Поппэ относительно наличия и местонахождения княжеского стола [3, с. 118–127].

На сегодняшний день, наиболее полное и подробное исследование обряда интронизации было проведено московским историком К.С. Гвозденко. В отличие от предыдущих исследователей, К.С. Гвозденко проанализировала все данные летописных источников, которые содержат информацию о процедуре воз-

¹ Термины «интронизация», «настолование», «вокняжение» как и выражение «посаждение на стол», отражают процесс церемониальных действий, связанных с получением правителем властных функций, и используются в статье как синонимы.

ведения князя на престол в домонгольский период. Как и отмеченные выше исследователи, историк считает летописное упоминание о «столе» указанием на непосредственный объект, который отождествлялся с вокняжением правителя. При этом, исследователь делает выводы, которые некоторым образом расходятся с положениями указанных выше авторов. До середины XII в. процедура интронизации носила по большей части светский характер и посажение на стол происходило на княжеском дворе. Только с распространением с середины XII в. церковной церемонии, обряд интронизации переносится в храм. Кроме этого, исследовательница приводит параллели церемонии интронизации в славянских государствах, внимательно анализируя возведение на престол чешских правителей XI – XII вв., где обнаруживает определенные аналогии с древнерусским материалом [4, с. 17–35].

Исходя из краткого анализа историографии по проблеме интронизации в Древней Руси, следует констатировать, что отмеченные исследования были посвящены процедуре возведения на киевский великокняжеский стол. Обряд вокняжения в других городах Руси практически не затрагивал внимания исследователей. Несмотря на то, что летописные упоминания о великокняжеском столе как месте обретения верховной власти в большинстве случаев касаются Киева, отдельные сообщения указывают об обряде интронизации в других городах Руси: Полоцке, Новгороде, Чернигове, Ростове, Смоленске, Владимире на Клязьме, Галиче, Берестове, Рязани (таблица 1). Таким образом, можно сделать вывод о наличии обряда интронизации в других древнерусских городах XI – XII вв., во многом аналогичном Киеву.

Таблица 1. – Упоминания «посажения на стол» князей в древнерусских летописях (XI – XII вв.)

	Лаврентьевская летопись	Ипатьевская летопись	Новгородская первая летопись младшего извода
Киев	6524 (1016); 6584 (1076); 6586 (1078); 6601 (1093); 6648 (1138); 6657 (1149); 6662 (1154); 6676 (1168)	6524 (1016); 6584 (1076); 6586 (1078); 6601 (1093); 6621 (1113); 6634 (1126); 6654 (1146); 6657 (1149); 6658 (1150); 6659 (1151); 6662 (1154); 6668 (1160); 6677 (1169); 6679 (1171); 6681 (1173); 6682 (1174); 6683 (1175); 6688 (1180); 6702 (1194)	6524 (1016); 6577 (1069); 6621 (1113); 6633 (1125); 6640 (1132); 6654 (1146); 6662 (1154); 6663 (1155); 6665 (1157); 6667 (1159); 6675 (1167); 6679 (1171)
Новгород	–	6649 (1141); 6650 (1142); 6686 (1178)	6625 (1117); 6633 (1125); 6647 (1139); 6666 (1158); 6685 (1177); 6686 (1178); 6688 (1180); 6692 (1184); 6695 (1187); 6705 (1197); 6707 (1199)
Чернигов	6532 (1024); 6659 (1151)	6532 (1024); 6659 (1151); 6706 (1198)	–
Полоцк	6552 (1044);	6552 (1044); 6667 (1159)	–
Ростов	6665 (1157); 6683 (1175)	6683 (1175)	–
Смоленск	–	6688 (1180)	–
Владимир на Клязьме	6685 (1177)	6666 (1158); 6683 (1175); 6684 (1176)	6682 (1174)
Галич	–	6695 (1187); 6698 (1190)	–
Берестово	6581 (1072)	6581 (1072)	6581 (1072)
Рязань	–	6653 (1145)	–

Не смотря на значительное внимание к проблеме формирования государственности на землях белорусского Подвинья и актуализации изучения характера и принципов функционирования институтов власти в Полоцкой земле, в белорусской историографии малоисследованной остается проблема легитимации княжеской власти. В белорусской медиевистике единственными исследователями, кто обратил внимание на обряд посажения на стол в Полоцке, были Г.В. Штыхов и И.А. Марзалюк. В монографии «Древний Полоцк», Г.В. Штыхов впервые указывает на существование в Полоцке обряда настолования князя. В качестве примера, ученый ссылается на сообщение Ипатьевской летописи от 6657 (1159) г., где упоминается о повторном вокняжении в Полоцке Рогволода Борисовича (ум. после 1171)² [5, с. 17]. И.А. Марзалюк указывал на возможное существование обряда интронизации в Полоцке с богослужением в храме Св. Софии и последующими церемониальными действиями на княжеском дворе [6, с. 217–219].

Данное исследование посвящено анализу церемонии интронизации полоцких князей Рогволодовичей, которое прослеживается по летописным сообщениям с середины XI в. Учитывая, что информация об

² Полоцкий князь в 1144–1151 и 1159–1162 гг.

обряде посажения на стол в Полоцке лаконична, сделать этот анализ можно только в связи с рассмотрением сообщений о Полоцке в древнерусском контексте.

Основная часть. Полоцкая земля являлась государственным образованием с автономной от Рюриковичей династией Рогволодовичей и специфическими чертами политического строя (широкие полномочия князя при значительной роли вечевого управления). Однако общие политические, социально-экономические и культурно-религиозные составляющие государственного развития Полоцка формировались во взаимосвязи с общедревнерусскими процессами X – XII вв. В этой связи атрибуты репрезентации власти в Полоцке имеют аналогии с Киевом и другими городами Руси.

Древнерусский термин «стол» употребляется в значении «трон», «престол» и уверенно отождествляется с понятием «власть», «владение» [7, с. 625]. Можно утверждать, что княжеский стол как объект церемониальных практик существовал при Владимире Святославиче. Об этом свидетельствуют надписи и изображения на первых древнерусских монетах – златниках и серебряниках Владимира Святославича (конец X в.). На монетах всех четырех типов на лицевой стороне размещена надпись: ВЛАДИМИРЪ НА СТОЛЕ. На серебряниках II, III и IV-го типов помещены изображения престолов (со спинкой – III тип, без спинки – II и IV типы). Изображение стола и надпись СВЯТОПОЛКЪ НА СТОЛЕ помещена на серебряниках Святополка Яраполчича (ок. 979–1019, чеканка 1015–1016), который занял Киев после смерти Владимира [8, с. 415–421].

Княжеский стол как объект связанный с обрядом приобретения власти в Древней Руси по письменным источникам фиксируется с 1015 г. В «Повести временных лет» (далее – ПВЛ) упоминается о предложении киевской дружины Борису (ок. 990–1015) занять Киев после смерти его отца Владимира Святославича: «*поиди сади Къievъ на столъ втни*» (здесь и далее выделено мной – Ю.К.) [9, Стб. 132]. Первое летописное упоминание про обряд посажения на стол в Киеве относится к 1016 г., когда Ярослав Владимирович после победы над Святополком при Любече: «*сгдѣ Къievъ на столъ втни и дгдни*» [9, Стб. 142].

Первое упоминание о посажении на стол в отдельном от Киева центре Руси относится к 1024 г. Под этим годом сообщается о вокняжении в Чернигове тмутараканского князя Мстислава Владимировича (ок. 980–1036): «*внъ же (Мстислав Владимирович – Ю.К.) шедъ сгдѣ на столъ Черниговъ ... раздѣлиста по Днѣпру Русьскую землю . Ярославъ прие сю сторону . а Мъстиславъ вну*» [9, Стб. 147, 149]. В результате противостояния между Мстиславом и Ярославом Владимировичами территория Руси была разделена по Днепру и до смерти Мстислава (1036 г.) Чернигов являлся самостоятельным от Киева политическим центром. Упоминания отдельного черниговского стола подчеркивает этот факт. С 1036 г. владения Мстислава вместе с Черниговом отходят Ярославу, а информация о черниговском столе снова встречается в летописях только под 6659 (1151) г. уже в период существования удельных княжеств [9, Стб. 334; 10, Стб. 440].

Следующее сообщение о посажении на княжеский стол в XI в. относится к 6552 (1044) г. и связано с началом полоцкого правления Всеслава Брючиславича (1044–1101): «*оумре Брачиславъ . снѣ Изаславъ ввукъ Володимерь . вѣѣ Всеславъ . и Всеславъ снѣ его сгдѣ на столъ его*» [9, Стб. 155].

К середине XI в. Полоцкая земля превращается в государственное образование с династией Рогволодовичей имеющее автономный от Киева политический статус. Можно предположить, что уже с первой четверти XI в. полоцкий князь Брючислав Изяславич (1003–1044) выступал как полноправный сюзерен Полоцкой земли и этот статус признавался киевским князем Ярославом Владимировичем. События 20-х гг. XI в. говорят о равноправных отношениях Полоцка и Киева [11, с. 137; 12, с. 99]. Вместе с тем, в конце X – первой половине XI в. происходит 20-кратное увеличение городской территории Полоцка. Площадь города к середине XI в. достигала 200 га, что делало Полоцк наибольшим по площади городом на землях Древней Руси [13, с. 23–26]. Исходя из анализа политических событий первой четверти XI в., становления на Полоцкой земле обособленной от Рюриковичей княжеской династии, территориального роста Полоцка и преобразования его в крупнейший городской центр Руси, выделения Полоцкой земли из общей системы владений Рюриковичей и окончательное оформление на территории Подвинья государственной организации, можно утверждать об особом статусе полоцкого князя – Брючислава Изяславича. Свидетельством того, что при Брючиславе существовала церемония настолования, является приведённое выше летописное сообщение о вокняжении в Полоцке его сына Всеслава: «*и Всеславъ снѣ его сгдѣ на столъ его*» (Брючислава Изяславича – Ю.К.).

Таким образом, сообщения о выделении княжеских столов и, вероятно, существовании обряда интронизации в Чернигове (1024 г.) и Полоцке (1044 г.) подтверждают особый статус этих городов как центров обособленных от Киева земель, а также статус князей, которые в этих городах правили.

Со смертью Ярослава Владимировича в 1054 г. основная территория Руси была разделена между тремя братьями, сыновьями Ярослава, – Изяславом (1054–1078), которому достался Киев и Новгород; Святославом (1073–1076), который получил Черниговское княжество, Тмутаракань, Муром, Рязань; Всеволодом (1078–1093), к которому отошли Переяславль (Южный), Курск и Ростовская земля. Таким образом, на Руси устанавливается триумвират. В дальнейшем потомки братьев-князей будут считать эти города своим наследием и вести за них упорную борьбу с родственниками из династии Рюриковичей. Это непосредственным образом отразится на упоминаниях княжеского стола в летописях. Так, под 6602 (1094) г.

упоминается переяславский княжеский стол как вотчина Владимира Мономаха (1053–1125): «*Володимеръ же створи И миръ съ Сѣлгомъ . и иде из града на столь итень Переяславлю . а Сѣлгъ вниде в градъ ѿца своего*» (Чернигов – Ю.К.) [9, Стб. 226].

Во второй половине XII в. в Древней Руси существовало около 10 государственных образований [14, с. 43]. С выделением особого статуса Новгорода (Новгородской вечевой республики), стол, как место посажения князя в Новгородской первой летописи младшего извода (далее – НЛМл) упоминается 15 раз (таблица 2). По этому показателю, согласно сообщениям НЛМл, его превосходит только Киев (16 раз). Со второй половины XII в. приобретает политическую силу Владимиро-Суздальское княжество. Обряд посажения на стол в этом городе упоминается под 6668 (1158) г.; 6683 (1175) г.; 6684 (1176) г. [10, Стб. 490, 597, 602]. С конца XII в. крупными государственными образованиями становятся Смоленская земля и Галицкое княжество (с конца XII в. – Галицко-Волынское). Очевидно, это отражается на оформлении обряда княжеского наставления. В Смоленске посажение на стол упоминается под 6688 (1180) г., Галиче – под 6695 (1187) и 6698 (1190) гг. [10, Стб. 616; 657; 666]. В этой связи подчеркивается и особый статус Полоцка и Полоцкой земли. Под 6667 (1159) г. сообщается о повторном вокняжении в городе Рогволода Борисовича [10, Стб. 496].

Таблица 2. – Упоминания княжеского стола в древнерусских летописях (XI – XII вв.)

	Лаврентьевская летопись	Ипатьевская летопись	Новгородская первая летопись младшего извода
Киев	6523 (1015); 6524 (1016); 6562 (1054); 6584 (1076); 6586 (1078); 6601 (1093); 6604 (1096); 6648 (1138); 6657 (1149); 6658 (1150); 6652 (1154); 6676 (1168)	6523 (1015); 6524 (1016); 6562 (1054); 6584 (1076); 6586 (1078); 6601 (1093); 6604 (1096); 6621 (1113); 6634 (1126); 6654 (1146); 6657 (1149); 6658 (1150); 6659 (1151); 6662 (1154); 6668 (1160); 6677 (1169); 6679 (1171); 6680 (1172); 6681 (1173); 6682 (1174); 6683 (1175); 6688 (1180); 6702 (1194); 6707 (1199)	6523 (1015); 6524 (1016); 6562 (1054); 6577 (1069); 6621 (1113); 6625 (1117); 6633 (1125); 6640 (1132); 6654 (1146); 6662 (1154); 6663 (1155); 6665 (1157); 6666 (1158); 6667 (1159); 6675 (1167); 6679 (1171)
Новгород	–	6649 (1141); 6650 (1142); 6686 (1178);	6625 (1117); 6633 (1125); 6634 (1126); 6646 (1138); 6647 (1139); 6649 (1141); 6666 (1158); 6676 (1168); 6685 (1177); 6686 (1178); 6688 (1180); 6692 (1184); 6695 (1187); 6705 (1197); 6707 (1199)
Чернигов	6532 (1024); 6659 (1151)	6532 (1024); 6659 (1151); 6706 (1198)	–
Полоцк	6552 (1044)	6552 (1044); 6667 (1159)	–
Переяславль (Южный)	6602 (1094)	6602 (1094)	–
Ростов	6665 (1157); 6683 (1175)	6683 (1175)	–
Смоленск	–	6688 (1180)	–
Владимир на Клязьме	6685 (1177)	6666 (1158); 6683 (1175); 6684 (1176)	6682 (1174)
Галич	–	6695 (1187); 6698 (1190)	–
Берестово	6581 (1073)	6581 (1073)	6581 (1073)
Рязань	–	6653 (1145)	–

В связи с выделением отдельных земель как политических образований, а также установлением в некоторых из их собственных княжеских линий Рюриковичей, статус правителей в центрах княжеств легитимизируется обрядом интронизации. Показательно, что обряды посажения на стол наиболее часто встречаются в летописях со второй половины XII в., именно тогда, когда процесс политического дробления происходит наиболее интенсивно. При этом среди древнерусских городов выделяется Полоцк, где первое упоминание о княжеской интронизации относится к 1044 г., практически на столетие раньше, чем в большинстве остальных городов Руси.

При рассмотрении символических действий утверждения князя в своих правах, следует отметить, что эта процедура не была регламентирована правовыми нормами и должным образом не отразилась в письменных источниках [15, с. 9]. Однако отдельные летописные сообщения, где говорится о ритуальных действиях во время занятия правителем княжеского стола, могут служить гипотетической реконструкцией обряда древнерусской интронизации.

Наиболее полно, ритуальные действия интронизации описаны в Ипатьевской летописи под 6702 (1194) г. когда киевский великокняжеский стол получил Рюрик Ростиславич (1140–1212): «*и погъха Рюрикъ Къievoу .*

изидоша противоу емоу со крѣты митрополитъ игоумени вси . и Кисени вси ѿ мала и до велика . с радостью великою . Рюрикъ же вшедь во стѣбую Софью . и поклониса стѣбу Спѣбу и стѣги Бѣѣ . и съде на столѣ дѣда своего . и ѿца своего . славою и съ чѣтью великою . и върадоваса вса Роускае землѣ . и княженъи Рюриковѣ» [10, Стб. 681]. Подобное описание встречается под 6654 (1146) г. при вокняжении в Киеве Изяслава Мстиславича (1090-е – 1154): «с великою славою и чѣтью въѣха в Киевѣ (Изяслав – Ю.К.) и въидоша противоу емоу множество народа . игоумени съ черноризыци . и попове всего города Киева в ризахъ . и приѣха къ стѣи Софьи . и поклониса стѣи Бѣѣ и съде на столѣ дѣда своего и ѿца своего» [10, Стб. 327].

Сопоставляя два сообщения, можно утверждать, что по крайней мере за 50 лет обряд интронизации не изменился. По всей вероятности, основные его процедуры существовали ранее, в XI в. Среди основных церемониальных действий следует выделить следующие: встреча князя духовенством и населением за пределами города; богослужение в главном храме; прославление князя народом; занятие правителем княжеского двора. Видимо, завершающим этапом общего ритуала был пир в княжеской резиденции [15, с. 14 – 15].

Самое информативное сообщение о церемонии посажения на стол в Полоцке находится в Ипатьевской летописи под 6667 (1159) г. Полочане выгоняют из города Ростислава Глебовича (ум. 1165)³, а вместо него приглашают на княжение Рогволода Борисовича. Перед тем как занять полоцкий стол, Рогволоду оказывают поддержку жители Друцка и князь входит в город: «и въѣхаша противу ему боле . тѣ (300) лодии . Дръючанъ и Полчанъ и вниде в городъ с чѣтью великою . и ради бѣшиа ему людие . а Гльба Ростиславича (из Полоцка – Ю.К.) въгнаша . и дворъ его разграбиша . горожане . и дружину его» [10, Стб. 493]. Фраза, «и въѣхаша противу ему боле . тѣ (300) лодии . Дръючанъ и Полчанъ и вниде в городъ с чѣтью великою» по смыслу аналогична сообщениям о начале ритуала интронизации («и въидоша противоу емоу множество народа») и соответствует торжественной встрече князя за пределами города и последующий вход в городское пространство. О самом вокняжении Рогволода в Полоцке летописец сообщает следующее: «и вниде Рогъволодъ Полотьску мѣца июла . и съде на столѣ дѣда своего . и ѿца своего . с чѣтью великою . и тако бѣшиа ради . Полчане» [10, Стб. 493].

Таким образом, сравнивая это сообщение с упоминаниями о вокняжениях в других землях, следует отметить, что церемония интронизации полоцкого князя имеет сходства с Киевом, Новгородом и другими городами Руси. Начинается ритуал со встречи князя полоцким нобилитетом, епископом и городским духовенством за пределами города. Князь торжественно входит в городское пространство, где его приветствуют жители. Затем происходит богослужение в главном храме Полоцка – соборе Св. Софии. Кульминационной фазой ритуала было посажение полоцкого князя на стол (престол) – действие, которое легитимизировало его власть в глазах населения и духовенства. «Закреплением» властных полномочий был пир в княжеском детинце с участием городского боярства и духовенства. Вероятно, пир сопровождался раздачей материальных ценностей.

Довольно спорным остается вопрос о местонахождении княжеского стола. Само выражение «сѣде на столе» можно рассматривать как непосредственное сидение князя на троне, который по аналогии с византийской церковной традицией находился в храме [1, с. 272–274]. С другой стороны, данное выражение могло означать занятие князем детинца – княжеской резиденции, на что указывает сообщение ПВЛ о посажении на стол Святослава Ярославича в княжеской резиденции в Берестове [9, Стб. 182; 4, с. 30–33]. Действительно, летописный термин «стол» в некоторых случаях имел символическое значение (например, «нам жаль отня стола»), однако, следует согласиться с исследователями, которые считают, что стол являлся реальным объектом, а церковный обряд настолования – центральной процедурой интронизации.

Согласно археологическим исследованиям Полоцка последних десятилетий, следует констатировать, что на территории Верхнего Замка в отличие от полоцкого городища культурные напластования XI – XIII вв. небольшие по мощности и не выделяются разнообразием артефактов. В XI в. Верхний замок с собором Св. Софии приобретает функцию христианского сакрального центра и используется для административно-церемониальных действий [13, с. 39–40]. Таким образом, Верхний замок, с центральной архитектурной доминантой – собором Св. Софии – в представлениях населения города рассматривался исключительно как культовый и религиозный центр, сохранивший свой сакральный статус с дохристианских времен. По нашему мнению, богослужение во время церемонии интронизации и обряд настолования происходили именно в Софийском соборе.

Свидетельством этого, является роль культа Св. Софии в жизни древнерусских городов: Полоцка, Киева, Новгорода. Софийские соборы получили посвящение высшей религиозной концепции, которая воплощалась в идее шествия государства по пути христианской Истины [16, с. 81–82]. Первый Софийский собор строится в Константинополе (532 г.) в период правления императора Юстиниана (527–565). В это время идеи софийности отводятся главная роль в обосновании теократической концепции императорской власти как имитации власти Бога. По аналогии с Юстинианом, строитель киевской Софии, князь Ярослав Владимирович, также стремился возвысить значение великокняжеской власти, величие государства и его

³ Полоцкий князь в 1151 – 1159 гг.

столицы. Так, строя собор святой Софии в Киеве, великий князь Ярослав Владимирович, имел претензии на гегемонию Киева не только в восточнославянских землях. Основная цель строительства собора – концепция «Нового Иерусалима», который воспринимался как христианский центр Мира [17, с. 137].

В восточнославянской традиции таким центром Мира считался Константинополь, откуда на древнерусские земли пришло христианское учение. В свою очередь Константинополь в византийской традиции отождествлялся с Иерусалимом. Кафедральный собор святой Софии в Константинополе должен был соответствовать Иерусалимскому Храму, а императорский дворец – дворцу Соломона [18, с. 95]. Вместе с тем, подражание идее «Второго Иерусалима» была воспринята другими христианскими народами и государствами. Для данного явления был определен специальный термин – «translation Hierosolimi». На территории Восточной Европы «Константинопольский образец», а через него – претензии на роль «Второго Иерусалима» высказывал Киев. Также абсолютно верной мыслью является тезис о том, что Новгород и Полоцк, где вслед за Киевом были построены Софийские соборы, подражали идее центра христианского Мира у своего политического оппонента [19, с. 6].

Таким образом, концепция богоизбранности княжеской власти с сакральным центром в храме Св. Софии нашла воплощение в Полоцкой земле, а идея Софийского собора как главного храма земли непосредственным образом способствовала определению места интронизации князя.

Так, про размещение княжеского стола в новгородском Софийском соборе свидетельствует сообщение Ипатьевской летописи за 6686 (1178) г.: *«пришедиоу ємоу (Мстиславу Ростиславичу – Ю.К.) к Новоугородоу . и оу срѣте єпѣтъ сокрѣтъ . и с Новгородци . и игоумены . и вси вшедше во стѣю Софью и поклонишася . стѣмоу Спѣоу и стѣи Бѣи . и стѣде на столѣ дѣда своего . и вѣцѣ своего.»* [10, с. 417], а также НЛ за 6707 (1199) г.: *«И по сихъ прииде князь Святославъ в Новѣгород , сынъ Всеволожъ , внукъ Юрьевъ, генваря въ 30 , и посадиша и на столѣ въ святѣи Софѣи , и обрадовася всѣ Новѣгород .»* [20, с. 238–239]. О местонахождении княжеского стола в киевской Софии говорят летописные сообщения 6658 (1150) г.: *«поиди же къ стѣи Софѣи . (кияне обращаются к Изяславу Мстиславичу – Ю.К.) сади на столѣ вѣцѣ своего и дѣда своего .»* и 6702 (1194) г.: *«Рюрикъ же вшеде въ стѣю Софью . и поклониса стѣмоу Спѣоу и стѣи Бѣи . и стѣде на столѣ дѣда своего . и вѣцѣ своего . славою и съ чѣтѣю великою .»* [10, Стб. 397, 681]. Учитывая исключительную роль собора Св. Софии для репрезентации княжеской власти в восточнославянских землях, с большой долей уверенности можно утверждать о Полоцкой Софии как непосредственном месте возведения князя на престол. Про Верхний Замок как центральное место княжеской интронизации в первой половине – середине XI в. свидетельствует наличие деревянного храма, предшествовавшего каменному собору Св. Софии [21, с. 64].

Завершающей процедурой обряда интронизации были действия, связанные с занятием княжеского двора, которые, по всей вероятности, сопровождалась раздачей княжеских даров. В качестве резиденции полоцких князей Рогволодовичей с начала XI в. выступало полоцкое городище [13, с. 33].

Одной из особенностей обряда интронизации в Полоцке, была процедура заключения договора между князем и полочанами. В XI – XII в. на древнерусских землях договор приобретает христианскую форму «крестоцелования». О заключении договора («ряда») между вече как институтом власти Полоцкой земли и отдельными князьями Рогволодовичами свидетельствуют сообщения Ипатьевской летописи.

Так, во время повторного вокняжения в Полоцке Рогволода Борисовича (1159) г. происходит заключение крестного целования между полочанами и князем: *«да аще ныне помянеши всего того иже створихом своимъ безумиемъ и хрестъ к нам целуеши то мы людие твое а ты еси нашъ князь... Рогволодъ же целова к нимъ хрестъ на томъ яко не помянути ему всего того и отпусти я въ свояси и бяху приятели Ростиславу от Полцанъ оже хотяти и яти»* [10, Стб. 495]. В 1151 г. аналогичный договор в форме крестного целования полочане заключали с Ростиславом Глебовичем [10, Стб. 494]. Договор между полочанами и князем заключался в 1167 г., когда полоцкое вече признало законным правителем Володаря Глебовича (1090-е – после 1067): *«Володаръ вниде в Полтеск и целова хрест с полтъцаны»* [10, Стб. 526]. Согласно процедуре крестоцелования, полоцкий князь обязался принимать условия договора, который предоставлялся полочанами. При несоблюдении условий договора князя лишали власти и изгоняли из города.

При анализе церемонии древнерусской интронизации, довольно распространенной точкой зрения является тезис о преимущественно византийском характере данной традиции, принесенной на земли Руси Владимиром в конце X в. [1, с. 274; 2, с. 142; 3, с. 120]. При этом, как справедливо отмечает К.С. Гвозденко, не учитываются славянские параллели обряда княжеского наставления [4, с. 33–35]. Располагая сведениями об основных этапах церемонии интронизации в Древней Руси, целесообразно сравнить древнерусский обряд с византийской традицией и выделить собственно византийские (заимствованные) и славянские (местные) черты этого обряда.

Церимониал коронации византийских императоров был детально описан в середине X в. византийским правителем Константином Багрянородным (905–959) в произведении «О церемониях Византийского двора» (Περὶ τῆς Βασιλείου Τάξεως).

Император, одевшись в пурпурные одеяния выходит из большого зала дворца Дафны и направляется к Анаподу (одному из первых залов в императорском дворце). В Анапode его встречают патрикии, провозглашаются первые почести императору. Затем, процессия движется к Большой консистории (зал для официальных приемов в большом дворце), где также проходит чествование правителя. После этого процессия направляется в храм Св. Софии. В храме император поднимается на Амвон. Патриарх читает молитву над императорской хламидой, после чего ее надевали на императора. Патриарх читал молитву над императорским венцом и собственноручно под всеобщий возглас молитвы «Слава Господу в вышних и мир на земле», а затем «многие, многие лета великому василевсу и владыке», возлагал ее на императора. После этого, сидя на троне, император принимал поклонения высших византийских сановников [22, с. 77–78].

Учитывая, в целом, характерную для средневековья практику «*imitatio imperii*», следует отметить, что древнерусский обряд интронизации в сравнении с византийским был значительно упрощен и не предусматривал процедур со сложным придворным этикетом.

Из безусловно византийских черт древнерусского обряда, можно выделить торжественную встречу князя (которая на Руси происходит за пределами города), его прославление, а также богослужение в соборе Св. Софии. Наконец, сама идея софийности имеет непосредственную аналогию с Византией и возведение правителя на княжеский стол в храме является отражением византийской интронизационной традиции. Древнерусские летописи не упоминают инсигний княжеской власти, которые присутствовали у византийского императора: царские одежды и венец. По мнению В.М. Рычки, отсутствие знаков власти было обусловлено тем, что их использование являлось настолько очевидным, что не вызывало внимания летописцев [15, с. 12–13]. Тем не менее, вопрос о наличии в домонгольский период инсигний власти наподобие византийских остается открытым.

Почти весь византийский церемониал интронизации происходит в храме Св. Софии. В свою очередь, в восточнославянских землях отдельное значение имеют действия, связанные с княжеской резиденцией – пир на княжеском дворе и раздача даров. Ритуал пира и наделения дарами выступают как единая составляющая общей церемонии. В традиционном обществе пир – один из существенных способов объединения людей в коллектив, а также способ поддержания мира и общественного благосостояния [23, с. 359]. Главным пунктом пира с участием князя, было наделение последним дарами своих подданных. Подарки князя населению способствовали повышению социального престижа правителя и тем самым являлись источником его легитимации. Институт даров и дарообмена имеет корни в дохристианском обществе. Наделение человека даром основывалось на принципе взаимности: всякий подарок предусматривал необходимую компенсацию. Человек, получив дар и не отвечая на него собственным даром оказывался в подчиненном состоянии по отношению к дарителю [23, с. 129]. Раздача князем даров во время заключительной части церемонии на княжеском дворе выглядит вполне закономерным явлением с точки зрения утверждения им своей функции как подателя общественного благосостояния. Впервые, о раздаче материальных ценностей во время интронизации сообщает ПВЛ при вокняжении в Киеве Святополка: «*Сѣополькъ же вканныи нача княжити Къѣвъ . Созвавъ люди нача давати вѣгъмъ корзна . а другъмъ кунами . и раздае множьство*» [9, Стб. 140]. В 1159 г., с целью сохранения своего властного статуса, полоцкий князь Ростислав Глебович дает дары полочанам: «*и матежь быс великъ в городъ въ Полчахъ мнози бо хотаху Рогъволода . вдова же оустанови людье Ростиславль и ударивъ многъмъ дарми и води а къ хусъ*» [10, Стб. 494].

Таким образом, ритуал пира и наделения дарами являлся одной из важнейших процедур в коммуникации князя с населением. Наделение дарами повышало престиж князя как гаранта общественного благосостояния и способствовало легитимации его властных функций. Символичным являлось осуществление этих действий на территории детинца, в случае Полоцка – древнем городище, своеобразном «княжеском пространстве» и месте концентрации верховной власти.

В Полоцком княжестве одним из местных, славянских, элементов интронизации, была процедура договора между населением города и князем. Договором в «Сказании о призвании варягов» объясняется возникновение власти Рюрика и установление княжеской династии в Ладоге и Новгороде [24, с. 190–200]. Договорной характер власти, ядром которого является «ряд» князя с нобилитетом (или шире – населением города), предусматривал обоснование легитимности княжеской власти – «княжить» и «володеть по ряду», «по праву» [25, с. 744]. В христианские времена договор – «ряд» – приобретает форму крестного целования и становится распространенным явлением в политических отношениях.

Существенным отличием восточнославянской традиции обретения власти от византийских интронизационных практик, является значительное внимание к принципу наследования власти в Древней Руси. Так, в Ипатьевской летописи за XI – XII вв. из 53 упоминаний княжеского стола, в 40 случаях акцентируется внимание на том, что это «*стол отни*», или «*отни и дедни*». В двух сообщениях о посажении на стол в Полоцке, этот принцип наследственности также подчеркивается. Особенно ярко он наблюдается в сообщении от 1159 г.: «*и вниде Рогъволодъ Полотьску мѣца июла . и съде на столъ дѣда своего . и вѣца своего*» [10, Стб. 493]. В восточнославянском обществе, концепт родovitости является одним из основных маркеров княжеского достоинства. Князем в Древней Руси мог стать только представитель династии Рюриковичей, а представления о чрезвычайной важности родовых связей являются одними из главных в общественном сознании. Князя в глазах общества (как летописцев, так и обычного населения), характеризовали не

только его личные достижения, но и достижения его предков. И, соответственно, достоинством врожденного правителя князь обладал вследствие принадлежности к правящему роду [26, с. 157–159].

Полоцкие князья Рогволодовичи, имея достаточно крепкие родственные связи с представителями династии Рюриковичей, с первой четверти XI в. выделяются в отдельную княжескую линию, которая на протяжении столетия превращается в полноценную династию. Главным показателем существования таковой было право владения Полоцкой землей. Это право Рогволодовичей на власть было закреплено в формуле: «*столь дѣда своегъ. и ѿца своего*». Наследный принцип легитимности не отдельного князя, а всего княжеского рода сохранялся в Полоцком княжестве на протяжении XI – XII вв.

Восточнославянский концепт княжеской родовитости существенно отличался от византийских представлений об императорской власти. В Византии смена императорских династий и самих императоров происходила довольно часто, и государственно-политическая идеология империи не придавала принципиального значения основам наследственности верховной власти.

Заключение. Подводя итоги обряда интронизации полоцких князей, следует отметить следующее.

Обряд интронизации в Древней Руси фиксируется с конца X в. и связан с принятием и распространением христианства киевским князем Владимиром Святославичем. Уже с первой половины XI в. наличие княжеского стола и, соответственно, церемонии на stolования являются показателем политической самостоятельности отдельных княжеств – Черниговского и Полоцкого. Упоминания о посажении князя на стол в Полоцке в 1044 г. говорит о раннем выделении Полоцкой земли с правящей в нем династии Рогволодовичей в отдельное государственное образование. Начало существования обряда интронизации в Полоцке следует относить к первой четверти XI в., когда город выходит из зоны влияния Киева, приведя к власти собственную династию Рогволодовичей, правящую на протяжении столетия.

Обряд интронизации в Полоцкой земле осуществлялся в соответствии с общей политической традицией Древней Руси и по церемониалу совпадает с обрядом на stolования в Киеве и Новгороде. В Полоцке он включал торжественную встречу князя за пределами города, богослужение в Софийском соборе с посажением князя на престол, пир и раздачу даров в княжеской резиденции на городище. Одной из особенностей полоцкого обряда интронизации было заключение соглашения между полочанами и князем в форме крестоцелования: о существовании данной процедуры известно с середины XII в.

Обряд интронизации в Древней Руси и Полоцком княжестве отражает византийские идейные конструкции – торжественную встречу князя населением, богослужение и посажение на стол в храме Св. Софии. Также, в обряде четко прослеживаются местные, вероятно, еще дохристианские черты – принцип родовитости, договорный характер власти, институты пира и дара.

ЛИТЕРАТУРА

1. Poppe, A. The Enthronement of the Prince in Kievan Rus / A. Poppe // The 17-th International Byzantine Congress: Abstracts of Short Papers. – Washington, 1986. – P. 272–274.
2. Толочко, А.П. Князь в Древней Руси: власть, собственность, идеология / А.П. Толочко. – Киев : Наук. думка, 1992. – 224 с.
3. Ричка, В. «Владимиръ на столъ» (Обряд інтронізації в Київській Русі) / В. Ричка // Ruthenica. – Київ, 2007. – Т. VI. – С. 118–127.
4. Гвозденко, К.С. Церемония княжеской интронизации на Руси в домонгольский период / К.С. Гвозденко // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2009. – № 1. – С. 17–35.
5. Штыхов, Г.В. Древний Полоцк (IX – XIII вв.) / Г.В. Штыхов – Минск : Наука и техника, 1975. – 136 с.
6. Марзалюк, І.А. Людзі даўняй Беларусі: этнаканфесійныя і сацыя-культурныя стэрэатыпы (X – XVII стст.) / І.А. Марзалюк. – Магілёў : УА «МДУ імя А.А. Куляшова», 2003. – 324 с.
7. Старославянский словарь (по рукописям X – XI веков) / Э. Благова [и др.] ; под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. – М. : Рус. яз., 1994. – 842 с.
8. Русь в IX – XI веках: археологическая панорама / Ин-т археологии РАН ; отв. ред. Н.А. Макаров. – М. ; Вологда : Древности Севера, 2012. – 496 с.
9. Полное собрание русских летописей : в 44 т. – Т. 1: Лаврентьевская летопись. – Л. : Изд-во Академии наук СССР, 1926 – 1928. – 379 с.
10. Полное собрание русских летописей : в 44 т. – Т. 2: Ипатьевская летопись. – СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1908. – 638 с.
11. Древняя Русь в свете зарубежных источников : хрестоматия : в 5 т. / под ред. Т.Н. Джаксон [и др.]. – М. : Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. – Т. V.: Древнескандинавские источники. – 512 с.
12. Полное собрание русских летописей : в 44 т. – Т. 6.: Софийские летописи. – СПб., 1853. – 360 с.
13. Дук, Д.У. Полацк і палачане (IX – XVIII стст.) / Д.У. Дук. – Наваполацк : ПДУ, 2010. – 180 с.
14. Кучкин, В. Своя рубашка ближе к телу. Древнерусские княжества IX – XIII вв. / В. Кучкин // Родина. – 2002. – № 11–12. – С. 38–41.
15. Ричка, В. Церемоніали та обряди княжого двору середньовічного Києва / В. Ричка // СОЦІУМ. Альманах соціальної історії. – Київ, 2008. – Вип. 8. – С. 9–20.
16. Лаврецкий, Г. София – Премудрость Полоцкая / Г. Лаврецкий // Родина. – 2007. – № 6. – С. 81–82.

17. Данилевский, И.Н. Мог ли Киев быть Новым Иерусалимом? / И.Н. Данилевский // Одиссей: Человек в истории. – М., 1998. – С. 137–139.
18. Ричка, В.М. Київ – Другий Єрусалим (з історії політичної думки та ідеології середньовічної Русі) / В.М. Ричка. – Київ : Ін-т історії України НАН України, 2005. – 243 с.
19. Марзалюк, І. Гістарычная самаідэнтыфікацыя насельніцтва Беларусі ў XI – XVII стст. // Гістарычны альманах. – Гародня, 2001. – Т. 5. – С. 3–22.
20. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. – 576 с.
21. Дук, Д. “Святая София о седми версах”. Храм в Полоцке от деревянного – к каменному / Д. Дук // Родина. – 2007. – № 6. – С. 63–67.
22. Памятники византийской литературы IV – IX веков. – М. : «Наука», 1969. – 480 с.
23. Словарь средневековой культуры / Под. ред. А.Я. Гуревича. – М. : “Рос. полит. энцикл.”, 2003. – 632 с.
24. Мельникова, Е.А. «Ряд» легенды о «призвании варягов» и становление древнерусской историографии / Е.А. Мельникова, В.Я. Петрухин // Древняя Русь и Скандинавия : избр. тр. – М. : Русский Фонд Содействию образования и Науке, 2011. – С. 190–200.
25. Мельникова, Е.А. Сказание о призвании варяжских князей / Е.А. Мельникова // Древняя Русь в средневековом мире : энцикл. / Ин-т всеобщей истории РАН ; под общей ред. Е.А. Мельниковой, В.Я. Петрухина. – М. : Ладомир, 2014. – С. 743 – 745.
26. Долгов, В.В. Быт и нравы Древней Руси. / В.В. Долгов. – М. : Яуза, Эксмо, 2007. – 512 с.

Поступила 12.11.2020

**CORONATION RITE IN POLOTSK
(IN THE CONTEXT OF THE CEREMONIAL RITE OF ANCIENT RUS')**

Ju. KEZHA

On the basis of the chronicle reports on the enthronement ceremony in Ancient Rus', the procedure for occupying a princely table in the Polotsk land is considered. It is concluded that the enthronement of the Polotsk princes was carried out in accordance with the general political tradition of the Old Russian lands and, according to certain ceremonial actions, coincides with the ritual of enthronement in Kiev and Novgorod.

Keywords: *princely power, princely table, enthronement, Ancient Rus', Polotsk.*

УДК 272-9"17":94:378.4(430)"17"

**ОСНОВАНИЕ «ИЕЗУИТСКИХ УНИВЕРСИТЕТОВ» НА КАТОЛИЧЕСКИХ ЗЕМЛЯХ
СВЯЩЕННОЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ ГЕРМАНСКОЙ НАЦИИ
В ПЕРИОД С 1550 ПО 1650 ГГ.****д-р ист. наук, проф. О.Б. КЕЛЛЕР**
(Белорусский государственный университет, Минск)

Данная статья продолжает серию статей об иезуитах и посвящена так называемым «немецким иезуитским университетам», а именно: тем высшим учебным заведениям на католических территориях Германии, управление и руководство которыми в период Раннего Нового времени полностью находилось в руках членов «Общества Иисуса». Ведь помимо преподавания, заведования кафедрами, а также перенятия иезуитами руководства теологическими и философскими факультетами в немецких университетах светской и духовной элиты, мы, действительно, можем констатировать наличие на немецких католических землях, как минимум, пяти именно таких «немецких иезуитских университетов». Эти высшие учебные заведения, в отличие от старых, считаются образовательными заведениями нового типа. Речь идёт, в первую очередь, об «иезуитском университете» в Диллингене (1563 г.); «иезуитском университете» в Падерборне (1614/1616 гг.); тут же следует упомянуть «иезуитский университет» в Мольсхайме, берущий истоки в 1618 г.. Далее, к «немецким иезуитским университетам» надлежит отнести «иезуитский университет» в Оснабрюке, основанный в 1632 г., и «иезуитский университет» в Бамберге, вышедший на арену в сфере образования в 1648 г. И, наконец, вдобавок к вышеуказанному можно было бы упомянуть попытку основания «иезуитского университета» в Мюнстере в 1622 – 1648 гг., которая хоть и не увенчалась успехом, но также была налицо в данный период времени.

Ключевые слова: иезуиты, немецкие иезуитские университеты, новый университетский тип, концепция замкнутости, общие особенности вузов нового типа.

Введение. На период между, своего рода, отправной точкой Контрреформации и католическим обновлением, то есть, между Тридентским собором 1543 – 1565 гг. и Вестфальским миром 1648 г., в Европе приходится основание двадцати пяти университетов. Это не только запланированные или привилегированные, но и полноценно реализованные университетские учреждения: Диллинген (1554), Понт-а-Муссон (1572), Оломоуц (1573), Лейден (1575), Хельмштедт (1576), Вильна (1579), Вюрцбург (1582), Эдинбург (1583), Грац (1586), Гальяри (1606), Литсен (1607), Орвието (1608), Гронинген (1614), Падерборн (1614/1616), Мольсхайм (1618), Рингельн (1621), Страсбург (1621), Альтдорф (1622), Зальцбург (1622), Оснабрюк (1632), Дорпат (1632), Будапешт (1635), Утрехт (1636), Эбо (1640) и Бамберг (1648) [1, с. 163].

Среди вышеозначенных 25 учреждений пять новых образований имели место на протестантских территориях Священной Римской Империи Германской Нации (далее – Германии – О.К..) – Хельмштедт, Гизен, Рингельн, Страсбург и Альтдорф; а пять высших учебных заведений – на католических территориях Германии. Это Падерборн, Мольсхайм, Оснабрюк, Бамберг, и, в первую очередь, Диллинген, который в 1563 г., с завершением Тридентского собора – XIX Вселенского собора католической церкви – был перестроен, что, по сути, явилось аналогом своего рода «новооснования» [1, с. 163].

По своему внешнему и внутреннему устройству пять университетов в католических районах Священной Римской Империи Германской Нации, а именно: Диллинген, Падерборн, Мольсхайм, Оснабрюк и Бамберг стали абсолютно новым университетским типом. Почему можно утверждать, что это был именно новый тип университетов на немецких землях?

Вероятнее всего потому, что тут явно прослеживалась концепция замкнутости, характерная как для архитектуры, так и для учебных целей и методов преподавания. На плане построек в виде идеального квадрата акцент делался, в первую очередь, на богослужебный дом. Далее, вокруг внутреннего двора, окруженного различными зданиями, последовательно располагались лекционные залы двух факультетов – философии и богословия. Затем располагалась гимназия с интернатом для учеников и студентов и, наконец, жилой тракт для профессоров [1, с. 164].

Среди общих особенностей пяти вузов нового типа надлежит означить также следующее: все пять из них в своей эмблеме хоть и указывали имя одного из духовных правителей страны, как основателя и мецената, тем не менее, не наделяли его или местного епископа таким влиянием, как более старые учебные учреждения. Речь идёт, к примеру, о должности канцлера университета [2, с. 125-157]. Напротив, управление и назначение учителя, а также академическая юрисдикция находились исключительно в руках «Общества Иисуса».

Практически все письма об основании вузов нового типа содержат правовые формулы, подчёркивающие, что «университет общих интересов или академические круги» должны находиться «под опекой, контролем и управлением Общества Иисуса» [1, с. 164].

Основная часть. Рассмотрим созданные в период с 1550 по 1650 гг. образовательные учреждения нового типа в католических регионах Священной Римской Империи Германской Нации. Эти так называемые «иезуитские университеты» в католических немецких землях можно разделить на две больших группы.

Первую группу условно означим, как «университеты под опекой администрации и общего руководства Общества Иисуса» («Universitas sub cura tamen regimine et administratione prepositi generalis Societatis Jesu»), а вторую, как «университеты под управлением епископов вместе с ректором-или-под опекой генералов Общества Иисуса» («Universitas sub Episcopo una cum Rectore-oder-Sub cura Societatis Praepositi Generalis»).

I. «Университеты под опекой администрации и общего руководства «Общества Иисуса»

I. 1. Иезуитский университет Диллинген (1563). Надгробный памятник аугсбургского епископа Отто Трухзеса фон Вальдбурга (1543–1573) [3, с. 173–463] в «Церкви для учащихся» в Диллингене является свидетельством захоронения весьма преданного католичеству покойного. На надгробном камне можно увидеть следующие слова: «Иеронимовская Академия и Коллегиум Общества Иисуса» («Academiam Hieronymianam et collegium Societatis Jesu»), чьим основателем он является. Вне всякого сомнения, надгробная доска в барочном стиле могла бы объединить множество фактов, заслуг или даже титулов умершего в Риме и перевезенного в Диллинген церковного князя: что он учился в Тюбингене и Бургундии, а также в итальянских университетах Падуи и Павии, считал своими друзьями кардиналов Александра Фарнезе, Фридриха Мадруццо или Станислава Хосиуса. Уже в 27-летнем возрасте Отто Трухзес фон Вальдбург имел отношение к императорскому совету Карла V и камергера Павла III. Будучи тридцатилетним, римский кардинал-священник сделал церковную карьеру как епископ Аугсбургский, (что обычно было возможным в то время в виде исключения). Однако, все эти упомянутые факты и титулы, как уже указано выше, так и не были высечены на мемориальной доске. Очевиден тот факт, что для будущих потомков на мемориальном камне должна была быть оставлена и подчеркнута всего лишь одна скромная фраза, оставленная преемником епископа: «Основал в этом городе публичную школу, Иеронимовскую Академию и Коллегиум Общества Иисуса» («Fundavit in hac urbe bono publico Akademiam Hieronymianam et Collegium Societatis Jesu»). И, действительно, два данных учреждения, в частности, и «Общество Иисуса», в целом, играли доминирующую роль как в епископской деятельности кардинала, так и в попытках провести католическую реформу за пределами Аугсбургской епархии.

I. 2. Иезуитский университет Падерборн (1614/1616). К числу старейших высших учебных заведений (первых университетов) Вестфалии можно смело отнести «Академию Теодориану» в городе Падерборне. Основана она была 10 сентября 1614 г. князем-епископом Дитрихом IV фон Фюрстенбергом (князь-епископ в период с 1585 по 1618 гг.) [4], как иезуитский университет с философским и богословским факультетами. 2 апреля 1615 г. Римский папа Павел V и 14 декабря того же, 1615 года, – император Маттиас утвердили и наделили данную образовательную структуру всеми академическими правами. Официальное праздничное открытие «Академии Теодорианы» состоялось 13 сентября 1616 г.

Тут бы хотелось сделать небольшое отступление и обратить внимание на то, что через два десятилетия после того, как «Общество Иисуса» основало университет в Диллингене, на землях рейнской (австрийской) провинции Ордена, было основано ещё два университета, история которых была достаточно тесно связана с иезуитами. Речь идёт об университетах в Вюрцбурге и Граце. Так, бывший иезуитский воспитанник Юлиус Эхтер фон Меспельбрунн – князь-епископ Вюрцбурга и герцог Франконии в период с 1573 по 1617 гг. - при основании в 1582 г. своего Франкского национального университета в Вюрцбурге опирался на модель несколько ограниченного сотрудничества с «Орденом иезуитов» [5, с. 127–141], которую избрали митрополиты Трира [5, с. 110–116] и Майнца [5, с. 116–120]. А вот Карл Австрийский (1590–1624), 43-й магистр Тевтонского ордена с 1618 по 1624 гг., эрцгерцог Австрийский, епископ Бриксенский и князь-епископ Бреслау, напротив, для основания в 1586 г. своего университета в Граце взял себе в качестве образца более раннюю модель учебного заведения – модель университета в Диллингене [5, с. 168–183].

Некоторые учёные полагают, что для первого университета на вестфальской земле, который основал вышеуказанный князь-епископ Дитрих IV фон Фюрстенберг в своём епископском городе Падерборн, он выбрал не частичное сотрудничество с иезуитами, как это сделал в Вюрцбурге его бывший сокурсник по обучению в кёльнской гимназии под названием «Трикоролатум» Юлиус Эхтер фон Меспельбрунн, а взял за образец пример Диллингена-Граца. Другие учёные, опровергают это мнение, считая, что сложно уместить привилегию 1615 г. Падерборну в так называемую схему Диллингена-Граца [1, с. 335–338] и называют причины, по которым надлежит думать иначе:

– Во-первых, они указывают на то, что Диллинген был основан духовным фундатором в ходе секуляризации церковных земель, сперва, как традиционный национальный университет, и лишь только через целое десятилетие превратился в иезуитский университет. Грац же, в свою очередь, хоть и был изначально запланирован как иезуитский университет, тем не менее, был основан светским, а не духовным меценатом.

– Во-вторых, по их мнению, Падерборнский университет изначально был ориентирован на отличия в своём правовом статусе и учебно-образовательной программе от иных учреждений, а это значит, что «Академия Теодориана», в отличие от Диллингена и Граца, как первое новообразование в данном регионе с самого начала, то есть с момента своего появления, должна была ориентироваться на «Официальный план для образования иезуитов» («Ratio Studiorum») иезуитского Ордена. Это больше похоже на истину.

Вплоть до Вестфальского мира 1648 г., за исключением не совсем удачной попытки в Мюнстере, схему Падерборна взяли за образец ещё три высших учебных заведения, появление которых было инициировано иезуитами.

На примере Падерборнского типа университета очень хорошо можно проследить и выделить все три ступени, характерные для иезуитской учебной и образовательной деятельности, начиная с начального образования и заканчивая основанием находящихся в их руках университетов: 1) строительство гимназии; 2) расширение преподавания пасторальным курсом; 3) возведение полного философско-богословского курса, а затем и возвышение статуса учебного заведения до уровня университета [1, с. 185; 6, с. 541–576; 7, с. 581–604].

1.3. Иезуитский университет Мольсхайм (1618). В то время как Падерборнский университет практически всегда упоминается в научно-исследовательской литературе по данной проблематике, информацию об «Эрцгерцогской академии» в Мольсхайме («Die Archiducalis Academia in Molsheim») в большинстве исследований по немецкой университетской истории почти не встретить. Лишь у исследователей Фридриха Паульсена [8, с. 405] и Георга Михаэля Пахтлера [9, с. XI] есть по одному единственному предложению об этом эльзасском высшем учебном заведении, да ещё и Бернард Дур [10, с. 188] посвятил «новой академии» в своём обширном творчестве небольшой абзац.

Скудное отношение к эльзасскому университету в немецкой университетской истории, вероятно, объясняется, прежде всего, двумя обстоятельствами. Первое, – что основание университета совпало с началом Тридцатилетней войны, и, второе, – на истории высшего учебного заведения в Мольсхайме оставили отпечаток изменяющиеся политические отношения в Эльзасе между Германией и Францией, положившие существованию Мольсхаймской «Эрцгерцогской академии» скорый конец. Однако, мы не можем не причислить эту высшую образовательную структуру в Мольсхайме к так называемым «немецким университетам», и посему считаем целесообразным также, хотя бы в нескольких словах, упомянуть об иезуитском университете в Мольсхайме в этой статье.

Коллегия иезуитов Мольсхайма была основана в 1580 г. и была распущена в 1765 г. В 1618–1704 гг. он являлся главным католическим университетом Эльзаса и был даже более значителен, чем Страсбургский лютеранский университет.

II. Университеты под управлением епископов вместе с ректором-или-под опекой генералов «Общества Иисуса»

Нельзя не отметить, что университеты в Падерборне и Мольсхайме, основанные после 1599 г., то есть после введения «Обязательного плана для образования иезуитов» («Ratio studiorum»), отличались от университетов старого типа. С точки зрения правовой, по отношению к светской элите данного региона, а также по отношению к Кафедральному капитулу (коллегия духовных лиц, состоящей при епископе и его кафедре) и иным земским представительствам, университеты в Падерборне и Мольсхайме являлись автономными учреждениями, подчиняясь исключительно генералу «Ордена иезуитов» в Риме, а именно находились под «опекой, контролем и управлением» («sub cura, regimine et administratione») иезуитского генерала [1, с. 329–330, 349–352]. Если затронуть вопрос об их предназначении, то тут следует подчеркнуть, что местонахождение сих образовательных структур в соответствующих епископствах, напротив, явно указывало на цель их предназначения – «распространение ортодоксальной католической религии» («ad propagandam orthodoxae religionis catholicae») универсальной церкви [1, с. 237]. Можно предположить, что планы относительно создания последующих католических университетов, разработанные позднее на территории германских орденских провинций, должны были, по идее, следовать именно этой модели: модели Падерборна-Мольсхайма.

История иезуитов в служении Мюнстерскому епископству в 1588 – 1648 гг. наглядно показывает, как мало, несмотря на внешние параллели, изменилось представление об академической организации. Так, в 1612 г., духовное лицо, католический теолог из Мюнстера Матфей Тампий (1566–1616) сообщает, что «в городе Мюнстере, который является столицей Вестфалии, начинают проявлять заботу об основании престижного университета или Академии» [11]. К этому времени иезуиты уже осуществляли последние шаги касательно основания «Коллегиума» в Падерборне, епископа которого с появлением там иезуитского университета в 1616 г. поздравил духовный отец Иоанн Хоррион, назвав высшее учебное заведение «первенцем Вестфалии» [12]. Так вот, если епископ-основатель Падерборнского университета не постулировал никаких прав для себя и своих последователей, то во главе дискуссий о занятиях, которые должны были проводиться иезуитами в Мюнстере, с самого начала стоял вопрос о том, как цели «Ордена иезуитов» и интересы епископства могут быть взаимосвязаны, не ущемляя при этом старинных прав.

II. 1. Попытка основания университета в Мюнстере (1622–1648). Несмотря на то, что основание Мюнстерского университета, запланированное на период с 1622 по 1648 гг., потерпело неудачу, мы можем почерпнуть информацию об отдельных стадиях создания высшего учебного заведения в Мюнстере (как со стороны епископа, так и со стороны «Ордена Иисуса») из обширных, ранее непроанализированных источников. Сам княжеско-епископский университет был основан там лишь после упразднения Ордена иезуитов в 1773 г. [13]. Более подробно и детально, чем этого можно было ожидать, о планах основания Мюнстерского университета можно узнать из переписки Фердинанда Баварского [14], в то время также курфюрста Кёльна

и епископа Мюнстера, с папской курией и генералом Ордена в Риме. Эта своего рода вертикаль горизонтально дополняется соответствующей перепиской земельных представителей, в настоящее время хранящейся в Архиве Генерального викариата города Мюнстера, актами из бывшего архива Ордена иезуитов в Мюнстере, а также оригиналами документов из Государственного архива, находящегося в городе [1, с. 238].

На основании вышеуказанных источников (переписка, акты и оригиналы документов), можно составить представление о:

1) трёх ступенях после передачи старейшей гимназии не только в Мюнстере, но и на немецкоязычных землях, основанной ещё в 797 году, «Гимназии Паулину», иезуитам в 1588 г. и вплоть до введения философско-богословского курса;

2) прошениях для появления Академии с двумя факультетами и условиях для основания университета с тремя факультетами;

3) проектах, прошениях и привилегиях об основании университета с четырьмя факультетами в 1630/31 гг.

4) усилиях по созданию университета во время переговоров о Вестфальском мире 1644/48 гг.

II. 2. Иезуитский университет в Оснабрюке (1632). «Академия Каролина». История иезуитов в Падерборне, Мольсхайме и Мюнстере, при всех её различиях географического характера, хронологически выглядит более-менее одинаково. От прибытия первого духовного отца в Падерборн до получения там университетских привилегий прошло 35 лет, в Мольсхайме это заняло 37 лет, а в Мюнстере – 43 года. По сравнению с ними, и особенно, с Мюнстером, строительство иезуитского колледжа в Оснабрюке было похоже на всплеск в условиях перегрева церковной и политической обстановки. Иезуиты начали планировать свою работу в Оснабрюке в 1625 г., и уже через 4-5 лет получили привилегии для основания там университета. А на 7 году их деятельности «Школа Каролина», перешедшая к ним, была инаугурирована, как иезуитский университет. Однако, не прошло и года...

О «Школе Каролине» и «Академии Каролине», к сожалению, повествует не так много источников и литературы, как хотелось бы. В качестве наиболее значимых можно назвать следующие. После работы Иоганна Карла Бертрама Штюве [15], которая, по мнению отдельных немецких исследователей, была «конфессионально окрашена и с научной точки зрения незначительна» [1, с. 266], в 1904 г. на 28 страницах было опубликовано важное исследование об Оснабрюкских иезуитской гимназии и Академии авторства Юлиуса Йегера [16, с. 51-78]. В нём Юлиус Йегер объединил данные на период между 1624 и 1633 гг., уделяя своё внимание, в большинстве, внешнему виду и имущественному положению иезуитских гимназии и Академии в Оснабрюке. Наряду с ними следует упомянуть изложение Бернарда Дура [17, с. 89, 590–592], которое в значительной степени опирается на вышеозначенное исследование Юлиуса Йегера, а также обогащено некоторыми сообщениями из архивов «Общества Иисуса». Полагаю, что целесообразно упомянуть в данной связи краткую и достаточно популярную «Историю Оснабрюкского университета» Кристиана Риепе, ибо она сделала доступной для чтения и ознакомления широкому немецкоязычному кругу читателей речь иезуита Иоганна Бильштайна на церемонии открытия [18, с. 16].

Представляется важным, исследуя проблематику основания иезуитского университета в Оснабрюке, затронуть и проанализировать такие аспекты, как:

1) восстановление «Школы Каролины» под эгидой так называемой «Академии Карла Великого»;

2) папская и императорская реституции «Академии Каролины»;

3) «Академия Каролина» как иезуитский университет.

II. 3. Иезуитский университет Бамберг (1648). «Академия Оттониана». Последним звеном в цепи иезуитских университетов следует назвать основанную в 1648 г. в Бамберге «Академию Оттониану». Значительное количество источников, освещающих историю «Академии», хранится в местных архивах. Связано это с тем, что местные архивы города Бамберг мало пострадали во время войн, либо по другим причинам, и много ценных источников остались целыми, неповреждёнными и доступными исследователям для работы с ними.

Так, Адам Мартинет уже в 1848 г. в приглашении к празднованию двухсотлетнего юбилея со дня основания «Академии Оттонианы» в Бамберге изложил историю основания данного учебного заведения на 15 страничках, опубликовав в качестве приложения десять документов из местных архивов [19]. Десятилетие спустя Леонард Клеменс Шмитт в рамках своей «Истории эрнестинского духовного семинара» рассматривал историю университета, вновь используя документы из местных архивов [20]. Более подробная картина основания «Академии» была представлена Генрихом Вебером в его солидной, опубликованной в 1880 – 1882 гг. «Истории научных школ в Бамберге» [21]. Краткое упоминание об основании «Академии Оттонианы» у Бернарда Дура в его «Истории иезуитов» в начале прошлого века выходило за рамки предыдущих работ. Туда он включил источники из Генерального архива «Общества Иисуса» [17, с. 593–595].

Публикации последних лет касаются только отдельных аспектов. Посему, безусловно, важно появление исследования, отображающего полную картину появления в Бамберге образовательных структур, в то числе и иезуитских. В любом случае, крайне важно, чтобы в исследованиях касательно иезуитского университета в Бамберге были затронуты и проанализированы такие аспекты, как:

1) надстройка иезуитского обучения до третьей ступени;

2) университетские привилегии в распоряжении епископа Бамберга и открытие иезуитского университета.

Заключение. «Общество Иисуса», вне всякого сомнения, делало акцент на деятельность своих членов в области образования, преподавания и воспитания. Однако, исходя из изначальной цели Игнатия Лойолы, можно утверждать, что эта область становится во главу угла не сразу. Первоначально у иезуитов речь шла о так называемой миссии среди язычников. Только когда план миссии среди язычников провалился, два первых иезуита впервые заняли кафедры в 1537 г. в «Римском университете Ла Сапиенца». Ещё без какой-либо основательной теоретической программы Орден построил в 1542 г. Коллегиум в португальском городе Коимбра, взяв на себя обязательство проводить там все философские и богословские лекции. То есть, Коимбра становится первым университетом с иезуитскими факультетами. В 1547 г. в испанской Гандии был создан первый иезуитский университет, состоящий из философского и богословского факультетов под руководством римского генерала Ордена. Именно его мы можем считать первым «иезуитским университетом» Европы.

В это время, в середине XVI в., налицо три варианта представительства членов «Общества Иисуса» в университетах Европы. Это значит, что иезуиты могли выступать в следующих трёх ипостасях: а) в роли заведующих отдельными кафедрами, б) в роли деканов (управляющих) обоими факультетами философии и богословия, или одного из них, или с) в роли ректоров (ответственных за целый университет), имеющих самое непосредственное отношение к Ордену иезуитов, а именно: так называемых «иезуитских университетов». Что касается Германии, то в немецких учебных заведениях также представлены все три функции академической деятельности братьев.

В Раннее Новое время иезуиты преподавали во многих немецких университетах: в Бамберге, Вюрцбурге, Гейдельберге, Кёльне, Майнце, Оснабрюке, Падерборне, Трире, Фрайбурге, Эрфурте и др. Как и в иных университетах Европы, они тоже сперва начинали свою академическую деятельность в Германии в виде преподавания (чтения лекций). Затем последовало перенятие заведования кафедрами на некоторых факультетах отдельных немецких высших учебных заведений Майнца, Кёльна и Ингольштадта. Вскоре члены «Общества Иисуса» перенимают на себя функции управления теологическими и философскими факультетами духовной элиты в университетах Трира, Майнца, Вюрцбурга и пр., а, кроме того, управления теологическими и философскими факультетами светской элиты в университетах Фрайбурга в Брайзгау, Эрфурта и Гейдельберга. И, наконец, венцом творения академической деятельности иезуитов надлежит считать так называемые «иезуитские университеты» в Диллингене, Падерборне, Мольсхайме, Оснабрюке и Бамберге; сюда же мы относим и попытки основания «иезуитского университета» в Мюнстере.

Немецкие «иезуитские университеты», имевшие место в Германии в период с примерно 1550 по 1650 гг., представляли собой образовательные учреждения нового типа, отличавшиеся от предыдущих образовательных структур сразу по нескольким критериям. Во-первых, высшие учебные заведения нового типа не наделяли основателя или местного епископа таким же огромным влиянием, как это делали высшие учебные заведения старого типа, то есть управление, назначение преподавателей и академическая юрисдикция с появлением «иезуитских университетов» стали находиться исключительно в руках Ордена иезуитов. Во-вторых, в «немецких иезуитских университетах» стала прослеживаться концепция замкнутости, характерная для архитектуры, учебных целей и методов преподавания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Hengst, K. Jesuiten an Universitäten und Jesuitenuniversitäten. Zur Geschichte der Universitäten in der Oberdeutschen und Rheinischen Provinz der Gesellschaft Jesu im Zeitalter der konfessionellen Auseinandersetzung / K. Hengst. – Paderborn, München, Wien, Zürich : Ferdinand Schöningh, 1981. – 425 S.
2. Kaufmann, G. Die Geschichte der Deutschen Universitäten / G. Kaufmann. – Band 2: Entstehung und Entwicklung der deutschen Universitäten bis zum Ausgang des Mittelalters. – Stuttgart : Gotta, 1896. – [Nachdruck-Norderstedt : Hansebooks GmbH, 2017]. – XVIII, 587 S.
3. Zoepfl, F. Otto Truchseß von Waldburg 1543–1573 / F. Zoepfl // Das Bistum Augsburg und seine Bischöfe im Reformationsjahrhundert / F. Zoepfl (= Geschichte des Bistums Augsburg und seine Bischöfe 2). – Bd. 2. – München : Schnell und Steiner, 1969. – XXXIX, 821 S.
4. Hengst, K. Kirchliche Reformen im Fürstentum Paderborn unter Dietrich von Fürstenberg (1585–1618) / K Hengst // Paderborner Theologische Studien 2. – Paderborn/München/Wien : Schöningh, 1974. – 326 S.
5. Pachtler, G. M. Ratio studiorum et institutiones scholasticae Societatis Jesu I – IV / G. M. Pachtler. – Berlin : Hofmann, 1887 – 1894 // Monumenta Germaniae Paedagogica 2, 5, 9 und 16. – Band I: Ab anno 1541 ad annum 1599. – Berlin: Hofmann, 1887. – LIII, 460 S.
6. Hengst, K. Die Professoren und die Leitung der „Academia Theodoriana“ 1647–2014 / K. Hengst, H. R. Drobner // Die Academia Theodoriana: von der Jesuitenuniversität zur Theologischen Fakultät Paderborn 1614–2014. – Paderborn : Schöningh, 2014. – S. 541–576.
7. Hengst, K. Die Promotionen und Habilitationen der „Academia Theodoriana“ 1617–2014 / K. Hengst, H. R. Drobner // Die Academia Theodoriana: von der Jesuitenuniversität zur Theologischen Fakultät Paderborn 1614–2014. – Paderborn : Schöningh, 2014. – S. 581–604.
8. Paulsen, F. Geschichte des gelehrten Unterrichtes an den deutschen Schulen und Universitäten vom Ausgang des Mittelalters bis zur Gegenwart, mit besonderer Rücksicht auf den classischen Unterricht / F. Paulsen. – Band I. – Leipzig 1919/1921 (Nachdruck: Berlin: De Gruyter, 1960). – 636 S.
9. Pachtler, G. M. Ratio studiorum et institutiones scholasticae Societatis Jesu I–IV / G. M. Pachtler. – Band III: Ordinantiones generalium et ordo studiorum generalium ab anno 1600 ad annum 1772. – Berlin : Hofmann, 1890. – XVIII, 486 S.

10. Duhr, B. Geschichte der Jesuiten in den Ländern deutscher Zunge : Band II / B. Duhr. – Freiburg im Breisgau : Herder, 1913. – Teil 2: Geschichte der Jesuiten in den Ländern deutscher Zunge in der ersten Hälfte des XVII Jahrhunderts. – X, 786 S.
11. Tympius, M. Erhebliche und wichtige Ursachen, warumb weise und fürsichtige Leuth, auß gottseligem eiffer, bey sich beschlossen haben, von dem so Gott ihnen gnädiglich verliehen, hülf zu thun, daß man in der wollöblichen Statt Münster, welche die Hauptstadt ist inn Westhpalen oder alten Saxen, anfang eine hochberühmbte Universitet oder Academiam zu fundieren unnd zu stifften: unnd warumb billich alle Vaterlands liebende Herten zu solchem hochpreißlichen Werck unnd fremdenreichen anfang behülflich seyn sollen / M. Tympius. – Münster : Lambert, 1612. – [Nachdruck] Münster : Stenderhoff, 1980. – 30 S.
12. Panagyricus die natali academiae Theodorianaе Paderbornensis reverendissimo atque illustrissimo principi Theodoro, episcopo ecclesiae Paderbornensis, a collegio academico Societatis Jesu oblatus (FESTSCHRIFT Paderborn 1616). – Paderbornae, 1616. – [Zweite Ausgabe] Amsterdam, 1672.
13. Die Universität Münster 1780–1980 / Hrsg. von H. Dolinger. – Münster : Achendorff, 1980. – XVI, 520, ca. 50 S.
14. Schafmeister, K. Herzog Ferdinand von Bayern, Erzbischof von Köln, als Fürstbischof von Münster (1612–1650). Univ. Diss. / K. Schafmeister. – Haselünne i. H. : Lammersdorf, 1912. – 138 S.
15. Stüve, J. C. B. Geschichte des Hochstifts Osnabrück I-III (Jena 1853–1882) / J. C. B. Stüve. – Band III: Von 1624 bis 1647. – Osnabrück : Wenner, 1882. – 335, 151 S.
16. Jaeger, Ju. Die Schola Carolina Osnabrugensis. Festschrift zur Elfhundertjahrfeier des Königlichen Gymnasiums Carolinum zu Osnabrück / Ju. Jaeger. – Osnabrück : G. Pillmeyer, 1904. – 127 S.
17. Duhr, B. Geschichte der Jesuiten in den Ländern deutscher Zunge ; Band II / B. Duhr. – Freiburg im Breisgau: Herder, 1913. – Teil 1: Geschichte der Jesuiten in den Ländern deutscher Zunge in der ersten Hälfte des XVII. Jahrhunderts XVIII, 703 S.
18. Riepe, Ch. Geschichte der Universität Osnabrück / Ch. Riepe. – Osnabrück : Fromm, 1965. – 102 S.
19. Martinet, A. Quellenmäßige Geschichte der Stiftung und feierlichen Eröffnung der alma Academia Ottoniana, des gegenwärtigen Königlich Bayerischen Lyceums zu Bamberg. Eine Einladungsschrift zur zweiten Säcularfeier desselben im Jahre 1848 / A. Martinet. – Bamberg : Klebsadel, 1847. – 50 S.
20. Schmitt, L. C. Geschichte des Ernestinischen Klerikal-Seminars / L. C. Schmitt. – Bamberg : Buchner, 1857. – VIII, 492 S.
21. Weber, H. Geschichte der gelehrten Schulen im Hochstift Bamberg von 1007–1803. Abt. 1 und 2 in einem Band / H. Weber. – Bamberg ; Reindl, 1880 – 1882. – VIII, 782 S.

Поступила 23.12.2020

THE FOUNDATION OF "JESUIT UNIVERSITIES" IN THE CATHOLIC LANDS OF THE HOLY ROMAN EMPIRE OF THE GERMAN NATION FROM 1550 TO 1650

O. KELLER

This article continues the series of articles about the Jesuits and is devoted to the so-called "German Jesuit universities," namely: those higher educational institutions in the Catholic territories of Germany, the management and leadership of which during the Early New Age was completely in the hands of members of the Jesuit Society. Indeed, in addition to teaching, managing departments, as well as taking over by the Jesuits the leadership of theological and philosophical faculties at German universities of the secular and spiritual elite, we can really state the presence of at least five such "German Jesuit universities" on German Catholic lands. These higher educational institutions, unlike the old ones, are considered educational institutions of a new type. We are talking, first of all, about the "Jesuit University" in Dillingen (1563); then about the "Jesuit University" in Paderborn (1614/1616); immediately it should be mentioned the "Jesuit University" in Molsheim, which originates in 1618; further, "German Jesuit universities" should include the "Jesuit University" in Osnabrück, founded in 1632, and the "Jesuit University" in Bamberg, which entered the arena in the field of education in 1648. Finally, in addition to the above, an attempt to establish a "Jesuit University" in Münster in 1622–1648 could be mentioned. which, although unsuccessful, was also evident at this time.

Keywords: *Jesuits, German Jesuit universities, new type of university, conception of introversion, general features of higher educational institution of new type.*

УДК 358.4(476)(091)«1939/1941»

ВЫЯВЛЕНИЕ НОВОЙ ИНФОРМАЦИИ О ПОТЕРЯХ АВИАЦИИ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В ПРОЦЕССЕ ПОИСКА МЕСТ ПАДЕНИЙ САМОЛЕТОВ (1941 – 1944 гг.)**Д.Г. КИЕНКО***(Центр военной истории Института истории НАН Беларуси, Минск)*

Проблемой реконструкции событий, связанных с участием авиации в боевых действиях на территории Беларуси в начале Великой Отечественной войны, является практически полное отсутствие документальных свидетельств о боях приграничных авиадивизий. В таких условиях важное значение приобретают комплексные исследования, включающие в себя выявление и анализ максимального количества документальных источников (советских и немецких) и проведение полевых исследований в местах дислокации авиационных частей и падения самолетов.

Ключевые слова: места падений самолетов, авиация, сбитые самолеты, авиация 1941 г., пропавшие без вести летчики, установление имен, авиация ЗапОВО.

Вступление. Единственным свидетельством гибели самолета зачастую является запись в документе «не вернулся с боевого задания». Поэтому установленное место падения самолета и факта гибели экипажа, подтвержденное различного рода источниками, является неопровержимым фактом, позволяющим установить неизвестные условия и обстоятельства ведения боевых действий, а также трагические судьбы экипажа. На протяжении последних 15 лет автор проводил системные архивно-документальные и полевые исследования в данном направлении, где предметом изучения были места падений сбитых самолетов в период 1941 – 1945 гг. В результате проведенной работы сложилась определенная методика, позволяющая выявить и изучить источники, определить достоверность фактов, провести мероприятия по популяризации подвига и увековечиванию памяти погибших советских летчиков (в том числе с использованием информационно-коммуникативных технологий) [20; 18].

Основная часть. Проведение исследований в большинстве случаев начинается с локализации места падения самолета на местности, опроса свидетелей из числа местных жителей, установление направления полета. Все это является определением контекста находки, значение которого не менее важно, чем в классической археологии, так как позволяет встроить событие в локальную историю, более широко взглянуть на обстоятельства свершившегося. Обнаруженные элементы самолета (номера двигателей, заводской номер, элементы фюзеляжа и оборудования), а также «привязка» места падения к немецким заявкам на победы по времени и месту находки позволяет установить имена экипажа и принадлежность самолета к полку.

Особенностью нашего опыта исследований участия авиации в боевых действиях является тот факт, что в большинстве случаев поиск начинается не с записей в документе, а с определения места падения самолета, установления его типа, принадлежности и восстановления имен членов экипажа. Это вызвано тем, что самолеты в условиях реального воздушного боя в большинстве случаев отставали от группы и падали «в одиночестве». В результате вернувшиеся экипажи, в лучшем случае, могли указать лишь примерное место, где последний раз видели в строю пропавший самолет. Очень редко в документах бывают указаны точные места или районы падения самолетов, как правило, имеется запись «пропал без вести» или «не вернулся с боевого задания».

Следующий этап состоит в работе по выявлению имен и судеб летчиков, обстоятельств гибели и возможного места захоронения (в случае, если оно имело место быть, так как примерно в 30% случаев костные останки членов экипажей остаются на месте падения). На последнем этапе на основе собранных объективных данных ведется работа с документальными источниками в белорусских и зарубежных архивах.

Важным этапом является привязка данных, полученных в полевых исследованиях и содержащихся в документах и других источниках, посредством геолокации к современному административно-территориальному делению. Несмотря на то, что территория поисков ограничена административными границами современных областей, исторические события требуют рассматривать территории именно как регион, административное деление помогает лишь локализовать место падения применительно к современным условиям.

Использование термина «регион» вызвано несколькими факторами. Во-первых, оно позволяет проецировать сферу поиска на «приграничные» территории соседних областей и стран. Зачастую, исторические события, приведшие к падению того или иного самолета, начинались в современных административных границах одной области, а затем локализовались в другой, как это имело место во время атак на немецкие мотомеханизированные колонны у Слонима и Барановичей. Имели место и более сложные ситуации, когда самолет был атакован в воздушном пространстве Слонимского района Гродненской области,

упал на территории Барановичского района Брестской области, а летчиков похоронили в ближайшей деревне, которая снова оказалась на территории Гродненской области.

Во-вторых, термин позволяет применять его к более мелким административным единицам: городам, поселкам, деревням и их окрестностям, так как в их административных границах имели место события, аналогичные вышеупомянутому случаю. Поэтому, в случае локализации места падения и его географической привязки, используются координаты в соответствии с современными административными границами районов и областей и употребляется термин «область». При описании боевых действий и событий, которые происходили динамично в различных территориальных образованиях, возникших позднее, используется термин «регион», как более соответствующий событиям и описаниям свидетельств на местах, которые воспринимают локальную территорию без административных границ, именно как окрестный «регион».

На сегодняшний момент автором собрана достоверная информация о местах падений более 150 самолетов на территории Гродненской и Минской областей. При этом, в пределах Гродненской области по периоду 1941 – 1945 гг. находится 41 объект, из которых 7 – немецкие и 34 – советские самолеты, в пределах Минской – 102, из которых 26 – немецкие и 76 – советские (Таблица 1, 2).

Таблица 1. – Количество и тип установленных безвозвратно потерянных самолетов на территории Минского региона (по результатам исследований автора за период 2013 – 2019 гг.)

Год	Немецкие	Советские	Итого
1941	5	45	50
1942	1	–	1
1943	3	1	4
1944	15	30	45
не установлено	2	–	2
Всего	26	76	102
По типу самолета			
Немецкие		Советские	
Fi-156	1	СБ	18
He-111	3	А-20	2
Ju-88	7	И-15бис	3
Ju-87	4	Ил-2	9
Fw-58	2	Ил-4	18
Me-110	1	Ли-2	6
Fw-190	3	С-47	6
Fw-189	1	Пе-2	1
Me-109	1	Як-9	1
неизвестный	3	неизвестный	12
Всего	26	Всего	76

Таблица 2. – Количество и тип установленных самолетов периода 1941 – 1945 гг. на территории Гродненской области (по результатам исследований автора за период 2007 – 2019 гг.)

ВВС РККА		Люфтваффе	
Тип	Количество	Тип	Количество
СБ	9	Me-109	1
Пе-2	2	Do-17	1
И-153	9	Me-110	3
Ил-4	8	Ju-87	2
Ли-2	1		
В-25	2		
А-20	2		
Ил-2	1		
Всего	34	Всего	7

Наибольшая концентрация мест падений и вынужденных посадок логично вытекает из характера боевых действий авиации в 1941 г. Основная масса объектов сконцентрирована на западе Гродненской области, в пределах Гродненского, Щучинского и Мостовского районов, в Минской области – на севере (Молодеченский, Логойский районы) и на юге (Стародорожский, Копыльский) (рисунки 1, 2).

Несмотря на проделанную работу, имеющаяся информация не всегда является полной и требует дополнений, так как по другим выявленным местам падений и экипажам (потери 1941 г.) все еще не имеется достаточно достоверных сведений. Так, например, в районе Гродно – Новы Двур – Августов, 22 июня 1941 г.

вели воздушные бои на самолетах И-16 пилоты 122 истребительного авиационного полка (далее – ИАП) [6; 7; 10; 12–15]. Однако, кроме констатации факта, что те или иные летчики не вернулись с боевого вылета, в документах и отчетах о результатах полевых исследований каких-либо сведений о месте их падения на сегодняшний день не выявлено. В то же время сомнений в том, что они должны быть, нет, так как имеются немецкие заявки на победы над И-16, сбитых в указанном районе, с указанием времени, но без указания места [16; 17; 20]. Аналогичная ситуация связана с вылетами бомбардировщиков СБ из состава 12 и 13 бомбардировочных авиационных дивизий (далее – БАД) в район Гродно – Индура для поддержки контрудара «группы Болдина» [8; 9]. Имеется информация о предположительных местах падений нескольких машин, в том числе с возможным нахождением костных останков членов экипажей в районе Гродно. В силу невозможности идентификации в настоящее время имен и типа самолетов, они в базу данных пока не включены.

Рисунок 1. – Установленные безвозвратно потерянные самолеты на территории Гродненского региона

Рисунок 2. – Установленные безвозвратно потерянные самолеты на территории Минской области

По результатам исследований боевых действий авиации в 1941 г. в небе над приграничной территорией в районе Гродно автором были достоверно установлены места гибели всех девяти летчиков 127 ИАП, погибших 22 июня 1941 г. Среди них выявлено место падения самолета И-153. По обнаруженному номеру двигателя установлена фамилия летчика, и этот самолет оказался первым сбитым советским самолетом в Великой Отечественной войне, так как пилот погиб в 4.20 утра 22 июня [2].

Результатом исследований и последующей популяризации в научно-популярной литературе и средствах массовой информации 11-й САД и 127 ИАП стала установка в д. Каменка Щучинского района памятного знака, посвященного девяти летчикам 127 ИАП, погибшим 22 июня 1941 г. (рисунок 3) [3–5].

Минская область, в силу своего географического положения, оказалась в зоне противодействия атакам немецкой авиации советских бомбардировщиков в ходе наступления немецких войск после прорыва границы. Наибольшая концентрация мест падений советских бомбардировщиков (при полном отсутствии мест падений истребителей) находится на севере и юге Минского региона. Это объясняется тем, что обе танковые группировки наступающих немецких войск пересекали Минский регион именно на севере и юге.

Соответственно, потери советских бомбардировщиков были понесены вдоль основных дорог, по которым двигалась техника противника в июне 1941 г.

Рисунок 3. – Памятник лётчикам 127 ИАП в д. Каменка. Фото автора.

Значительная часть информации по Гродненской области, Молодеченскому и Логойскому районам Минской области была получена благодаря поискам краеведа Вячеслава Бриштена, который с середины 80-х гг. XX в. проводил полевые и архивные исследования, вел переписку с ветеранами. Сегодня его сын Дмитрий продолжает дело отца и является заместителем руководителя научно-исследовательской группы «Рубон». Регулярные полевые выезды позволили наладить контакты и сотрудничество с краеведами в регионах. Особенно следует отметить помощь краеведов Крупского, Логойского и Молодеченского районов.

Наибольшее количество обнаруженных мест падений самолетов находится на территории Щучинского, Молодеченского и Логойского районов (таблицы 3, 4). Это вызвано несколькими факторами: исследования в Щучинском районе начались еще в 2002 г., а в Логойском и Молодеченском все места были обнаружены в результате интенсивных полевых исследований, проведенных на его территории научно-исследовательской группой «Рубон» в период 2015 – 2019 гг. по инициативе и активной поддержке краеведов А. Павлюковича, Д. Снытко, Д. Бриштена, за что автор высказывает им искреннюю благодарность.

Таблица 3. – Распределение установленных безвозвратно потерянных самолетов по районам Гродненской области (по результатам исследований автора за период 2007 – 2019 гг.)

Местоположение	Количество	Местоположение	Количество
Волковысский	1	Новогрудский	3
Гродненский	7	Островецкий	1
Дятловский	1	Ошмянский	1
Кореличский	2	Свислочский	1
Лидский	2	Слонимский	2
Мостовский	8	Сморгонский	2
Щучинский	10	–	–
		Всего	41

Таблица 4. – Распределение безвозвратно потерянных самолетов по территории Минской области (по результатам исследований автора за период 2013 – 2019 гг.)

Местоположение	Количество	Местоположение	Количество
Березинский	1	Любанский	2
Борисовский	9	Червеньский	2
Вилейский	4	Стародорожский	4
Воложинский	3	Минский+Минск	18
Дзержинский	1	Молодеченский	18
Копыльский	2	Слуцкий	4
Клецкий	5	Смолевичский	1
Крупский	12	Солигорский	2
Логойский	14	Червеньский	2
		Всего	102

Результаты исследований сводятся в единую (региональную) базу данных. Информация собиралась следующими методами: опрос свидетелей из местного населения, поиск материальных доказательств, анализ публикаций в прессе, архивных документов и воспоминаний свидетелей или участников боев. Основными критериями включения сведений в базу данных являются:

- достоверность фактической информации, которая подтверждается материальными свидетельствами на месте падения самолета, позволяющими идентифицировать его тип;
- показания свидетелей из числа местных жителей или участников боя;
- архивные или иные документальные указания на обстоятельства, место падения и гибель экипажа.

В базе данных учитывались также оставленные экипажем самолеты, которые не разбились и не сгорели при посадке, но тем не менее были безвозвратно потеряны, так как оставались в тылу противника. На сегодняшний день подтверждены три таких факта. Материалы публикуются на сайте научно-исследовательской группы «Рубон», в научных и научно-популярных изданиях Республики Беларусь, Российской Федерации [1; 3–5; 18; 19; 21].

По состоянию на 1 июля 2019 г. в базе данных имеется 102 места падения самолетов (за период 1941 – 1945 гг.) на территории Минской области, в Гродненской области – 41. Исходя из имеющихся данных, потенциально может быть установлено еще не менее 50 мест падений.

Советские самолеты, значащиеся как «неизвестные», относятся к 1941 г. (см. таблицу1). По предварительным данным, в большинстве своем, это самолеты СБ, однако дополнительных сведений, позволяющих установить экипаж или принадлежность к полкам, пока не имеется. Наличие такого количества самолетов СБ вполне сопоставляется с интенсивностью и общим направлением их вылетов в данный регион, а также «заявками на победу» с немецкой стороны. Источники пока не позволяют точно локализовать места их падений, так как с советской стороны имеется только указание на цели и время вылета, а с немецкой – время атаки. При отсутствии исходной документальной информации установить места падений самолетов и узнать о событиях, которые этому предшествовали или имели место после падения самолета, помогает работа с местным населением. Как правило, местные жители полностью подтверждали факт падения или посадки советских многомоторных самолетов с экипажем в составе от 2 до 3 человек в 1941 г., в случае если это происходило в пределах 3–5 км от населенного пункта.

Примером может служить ситуация в Городокском сельсовете Молодеченского района. На окраине деревни имеется безымянная могила советских летчиков, место падения самолета которых было локализовано группой «Рубон» в 2017 г. Тип и принадлежность самолета к полку, на данный момент, не установлены ввиду отсутствия значимых находок, однако, исходя из информации свидетелей, учитывая множество косвенных факторов, по всей вероятности, это был самолет СБ.

В другом случае, в Логойском районе, на 4-5 день войны, советский двухмоторный самолет, преследуемый немецким истребителем, загоревшись в воздухе упал на лес. Погибли два лейтенанта и сержант. Деревня Боровые, в 200 м от которой погиб экипаж, была сожжена немецкими полицейскими частями во время войны вместе с жителями и не восстанавливалась после войны. Свидетелей нет, тем не менее, опросом было установлено, что экипаж первично был захоронен рядом, однако в течение трех лет поисков и дополнительного опроса жителей соседних деревень, оказалось, что в 50-е гг. XX в. их как безымянных перезахоронили на кладбище в д. Беларучи. Нашелся даже свидетель, который вспомнил, что, будучи школьником, помогал учителю по труду в Беларучской школе заливать цемент для памятника безымянным летчикам. По найденным элементам двигателей и дюрала было установлено, что это был СБ, однако имена летчиков до сих пор неизвестны.

В базе данных учитывались также оставленные экипажем самолеты, которые не разбились и не сгорели при посадке, но, тем не менее, были безвозвратно потеряны, так как оставались в тылу противника. Так, один из СБ поздних серий, выпуска 1940 г., совершил посадку у д. Антополь. Через месяц после посадки 13 детей, возвращаясь со сбора грибов, залезли в стоявший на поле самолет. Один из них, не зная с чем имеет дело, расстопорил блестящую «вертушку» взрывателя ФАБ, раскрутил ее, приведя взрыватель в боевое состояние. Раздался взрыв, все дети погибли от детонации бомб, находившихся в бомболуке [7].

В ходе многолетней работы удалось установить принадлежность 70% самолетов и выявить фамилии более 80 членов экипажей. По немецким потерям самолетов в Беларуси ведется активное сотрудничество с исследователями из Германии.

Заключение. Таким образом, проводимые комплексные исследования позволяют реконструировать события начального периода Великой Отечественной войны и являются важным источником, который может использоваться в дальнейшем ввиду частого отсутствия документальных свидетельств. Нарботанные материалы включают в себя уточнение и дополнение документальных сведений об обстановке на западном театре военных действий; установление фактов в действиях авиации, остававшихся ранее неизвестными; выяснение судеб экипажей, погибших или пропавших без вести в Беларуси; проведение системной работы по выявлению, изучению, популяризации и мемориализации фактов участия авиации в боевых действиях в годы Великой Отечественной войны на территории Беларуси.

ЛИТЕРАТУРА

1. Киенко, Д.Г. Гродненский регион как объект исследования мест падений самолетов 1941 – 1945 гг. / Д.Г. Киенко // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснаць: матэрыялы Міжнарод. навук. канф., Мінск, 7 крас. 2017 г. / рэдкал.: А.А. Каваленя (адк.рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2017. – Вып. 16. – С. 155–159.
2. Киенко, Д.Г. Каролин (Гродно) первый аэродром Беларуси / Д.Г. Киенко. – Минск : «Рубон»; Смоленск : «Хартекс», 2018. – 82 с.
3. Киенко, Д.Г. Крылья над Гродно: боевые действия 127 ИАП 22–23 июня 1941 г. / Д.Г. Киенко. – Гродно : «Хата», 2009. – 37 с.
4. Киенко, Д.Г. Крылья над Лидой: боевые действия 122 ИАП 22–23 июня 1941 г. / Д.Г. Киенко. – Гродно : «Хата», 2009. – 56 с.
5. Киенко, Д.Г. Крылья над Неманом : трагедия 16 СБАП 22 июня 1941 г. / Д.Г. Киенко. – Гродно : «Хата», 2010. – 64 с.
6. Киенко, Д.Г. Аэродром Лида – сто лет полетов / Д.Г. Киенко, В.Н. Сливкин. – Смоленск : «Хартекс», 2013. – 168 с.
7. Павлюкович, А. Случай в Загорье. (Антопольская трагедия) [Электронный ресурс] / А. Павлюкович // Рубон – сайт военной археологии Беларуси. – 2019. – Режим доступа: <http://rubon-belarus.com/avia-history/423-sluchaizagorie.html>. – Дата доступа: 18.10.2008.
8. Боевое донесение и оперсводки частей и дивизии с 22.06.41 г. по 15.08.41 г. // Центральный архив министерства обороны РФ (ЦАМО) – Ф. 13 БАД. Оп.1. Д. 2. Л. 8–14.
9. ЦАМО. – Ф. 20056. Оп. 1. Д. 8.
10. Донесения о боевом составе 11 САД // ЦАМО. – Ф. 11 САД. Оп. 1. Д. 24. Л. 3.
11. Донесения о наличии личного состава, матчасти, безвозвратных потерях // ЦАМО. – Ф. 11 САД. Оп. 2. Д. 5. Л. 2.
12. Донесения о потерях // ЦАМО. – Ф. 11 САД. Оп. 2. Д. 6. Л. 2.
13. Выписки из журнала боевых действий // ЦАМО. – Ф. 122 ИАП. Оп. 143365. Д. 2. Л. 2.
14. Исторический формуляр // ЦАМО. – Ф. 122 ИАП. Оп. 342220. Д. 1. Л. 1–8.
15. История 122 истребительного авиационного Будапештского ордена Суворова 3 степени полка // ЦАМО. – Ф. 122 ИАП. Оп. 342246. Д. 1. Л. 2–14.
16. Prien, J. Jagdfliegerverbände der deutschen Luftwaffe 1934 – 1945. Teil 6/I. Unternehmen «Barbarossa» Einsatz im Osten – 22.06. bis 05.12.1941 / J. Prien. – London : Axis, 1998. – 279 p.
17. Prien, J. Jagdgeschwader 53 – A History of the «Pik As» Geschwader / J. Prien – London : Axis, 1998. – 196 p.
18. Киенко, Д.Г. Минская область, как объект исследования мест падений самолетов 1941 – 1945 гг. / Д.Г. Киенко // Военная археология. – 2019. – № 2. – С. 18–20.
19. Киенко, Д.Г. Минская область, как объект исследования мест падений самолетов 1941 – 1945 гг. Статистический обзор / Д.Г. Киенко // Авиация и космонавтика. – 2020. – № 6. – С. 21–23.
20. Киенко, Д.Г. Гродненский регион как объект исследования мест падений самолетов 1941 – 1945 гг. / Д.Г. Киенко // Беларусь і Германія: гісторыя і сучаснаць: матэрыялы Міжнарод. навук. канф., Мінск, 7 крас. 2017 г. / Рэдкал.: А.А. Каваленя (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2017. – Вып. 16. – С. 155–159.
21. Киенко, Д. Под крылом – Беларусь / Д. Киенко – Минск : «Рубон», Смоленск : «Хартекс», 2020. – 144 с.

Поступила 13.11.2020

SEARCHING FOR NEW INFORMATION ON AVIATION LOSSES ON THE TERRITORY OF BELARUS BY LOCALIZING THE SITES OF AIRCRAFT CRASHES (1941 – 1944)

D. KIENKO

The problem of reconstruction of the events related to the participation of aviation in hostilities on the territory of Belarus at the beginning of the Great Patriotic War is the almost complete absence of documentary evidence of the battles of the border air divisions. In such conditions, complex research is of great importance, including the identification and analysis of the number of documentary sources (Soviet and German) and field research in the locations of aviation units and aircraft crashes.

Keywords: aircraft crash sites, aviation, downed aircraft, aviation of 1941, missing pilots, identification of names, aviation ZapOVO.

УДК 94(476.5—21 Полоцк) «1941/1944»

**УРОЧИЩЕ ПЕСКИ: МЕСТО МАССОВОГО УНИЧТОЖЕНИЯ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН
НЕМЕЦКИМ ОККУПАЦИОННЫМ РЕЖИМОМ 1941 – 1944 гг.****С.П. КОПЫЛ***(Национальный Полоцкий историко-культурный музей-заповедник)*

Вторжение фашистской Германии и ее союзников на территорию Союза Советских Социалистических Республик сопровождалось массовым уничтожением военнослужащих Красной армии и мирного населения. В границах современного г. Полоцка находится несколько воинских захоронений и захоронений жертв нацизма. На данный момент наиболее изученным из них является урочище Пески. В статье исследуются подходы в определении количества советских граждан, захороненных в этом скорбном месте в период немецко-фашистской оккупации г. Полоцка в 1941 – 1944 гг.

Ключевые слова: немецкая оккупация, массовое уничтожение, военнопленные, мирные граждане.

Введение. В День всенародной памяти и скорби 22 июня 2020 г. и в канун 75-летия освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков в г. Полоцке состоялось официальное открытие Мемориального комплекса памяти жертв фашизма в «Урочище Пески». Место это располагается на левом берегу реки Полоты напротив Спасского военного городка и женского православного Спасо-Евфросиньевского монастыря. На нем захоронены останки более 40 тыс. советских граждан, умерщвленных нацистским оккупационным режимом в 1941 – 1944 гг. Большую часть из них составляют военнопленные Красной армии транзитного лагеря ДУЛАГ-125 (Durchgangslager). Здесь же захоронены граждане Полоцкого и близлежащих районов Витебской области из трудового лагеря для мирного населения Громы, подпольщики и партизаны, узники городской тюрьмы, службы безопасности СД (Sicherheitsdienst des Reichsführers SS) и тайной политической полиции ГЕСТАПО (Geheime Staatspolizei).

Еще в годы войны, по мере освобождения временно-оккупированных немцами и их союзниками советских территорий перед государством встала задача по оценке прямого ущерба, нанесенного населению и народному хозяйству Советского Союза. С этой целью 2 ноября 1942 г. указом Президиума Верховного Совета СССР была образована Чрезвычайная государственная комиссия по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР (ЧГК). Указ предусматривал, что в задачу ЧГК входит и выявление личностей немецко-фашистских преступников с целью предания их суду и суровому наказанию. Комиссии предоставлялось право поручать соответствующим органам власти производить расследования, опрашивать потерпевших, собирать свидетельские показания и другие документальные данные, обличающие преступников. Этим же указом предусматривалось создание республиканских, краевых, областных и районных комиссий.

Основная часть. В БССР такую комиссию с момента ее образования в начале 1944 г. возглавил первый секретарь ЦК КП(б)Б П.К. Пономаренко. Согласно справке Зонального государственного архива в г. Полоцке Полоцкая областная комиссия была создана 19 октября 1944 г. в составе 5 человек. Возглавил ее секретарь областного комитета КП(б)Б Я.А. Жилинин. Одновременно подобные комиссии были образованы во всех районах области: в Полоцком районе ее председателем был назначен секретарь районной организации партии П.Ф. Политыко, а в городе Полоцке — секретарь горкома партии Н.А. Новиков. На данный момент распорядительных документов об их образовании и ликвидации не обнаружено. В докладе Полоцкой областной ЧГК имеются сведения, что свое юридическое существование комиссия закончила 9 мая 1945 г. Итогом стали 47 207 актов о причинённом ущербе населению, общественным организациям и предприятиям различной формы собственности.

На текущий момент постановления, докладные записки, обобщенные сведения о ее работе отложены в Национальном архиве Республики Беларусь (Ф. 845), Зональном государственном архиве в г. Полоцке (Ф. 687) и Государственном архиве Российской Федерации (Ф. р-7021). Дополняя друг друга, они дают самую первую количественную оценку жертв оккупационного режима на Полотчине. В их основу положены протоколы опроса свидетелей и очевидцев. Это бывшие военнопленные, подпольщики, партизаны и просто местные жители. Жительница Спас-Слободы В.И. Сотникова показала, что «...в Спасе г. Полоцк был лагерь военнопленных, где из голоду умерло 18 тыс., которые похоронены около Спаса на берегу Полоты. Я видела, как немцы обессилевших от голода военнопленных пристреливали. Также умерших военнопленных не хоронили, а складывали в ров и обливали бензином, и поджигали». Она же добавляет и о жертвах среди мирного населения: «Когда военнопленные поумирали и стало (их – С. К.) мало, то тогда немцы в этот лагерь привозили советских граждан, где было большинство детей, женщин. В этом лагере советских граждан находилось более трех тысяч. Здесь около Спаса расстреливали советских граждан, сюда немцами привозились граждане из всего Полоцкого района для расстрела, где ими было расстреляно тысяч 7 человек. Здесь расстреливались дети и женщины, которые похоронены около Спаса» [1, л. 63]. Другая жительница г. Полоцка Болтрукова А.А. рассказывала: «...Однажды проходя

около этого лагеря, я видела, как немцами были привезены трупы военнопленных в ров, облиты бензином и подожжены, трупов было около 200, из которых еще шел дым. В этом лагере в Спасе было человек тысяч 5, из которых половина, на 50% было умерших...» [1, л. 62об.]. Их рассказы дополняли Дроздова А.В., Шишкина А.А., Матецкая Н.И. и Гушинский Б.С.

Дроздова А.В.: «...Немцы очень много в Полоцке истребили советских военнопленных. Их можно было видеть умирающими на каждой улице и переулке. Кроме того, **я пользовалась слухами**, что в лагере в расположении бывшего 15 полка ежедневно умирало по 150–180 человек... с голода или избиений (здесь и далее выделено мною – С. К.). И делая вывод, можно прямо сказать, что в лагерях г. Полоцка погибло русских военнопленных несколько десятков тысяч» [1, л. 87об.]. Шишкина А. А. – бывший статист продовольственного отдела оккупационной городской управы, показывала: «На территории 15 стрелкового полка был создан лагерь для советских военнопленных, среди которых, **по слухам**, была большая смертность от плохого питания» [1, л. 111].

Матецкая Н.И.: «До 20 октября 1941 г. в г. Полоцке немецкими палачами расстреляно и умерло с голода более 20 000 военнопленных» [1, л. 50об.]. Гушинский Б.С., **ссылаясь на рассказы работников городской биржи труда**, утверждал, что в лагере ежедневно умирали сотни людей и за зиму 1941 – 1942 гг. погибло не меньше 40 000 чел. от голода и болезней» [1, л. 109].

Определенный интерес представляют показания бывших партизан. Кузовкин К.В., бывший начальник штаба 6-го партизанского отряда, действовавший в Полоцком районе, вспоминал: «**По данным разведки моего отряда и со слов бежавших военнопленных** за зиму 1941 – 1942 гг. умерло от голода и эпидемий не менее 50 000 военнопленных, которые похоронены на полигоне 15 стрелкового полка» [1, л. 108]. Жиганов В.В., бывший командир 3-й Белорусской партизанской бригады: «В лагере находилось до 170 000 чел. советских военнопленных. Условия содержания были самыми отвратительными. Ежедневно умирали от 80 до 150 чел., умерших хоронили два-три раза в неделю, а последнее время трупы сжигались. За зиму 1941 – 1942 гг. в лагере умерло свыше 100 000 военнопленных. К маю 1943 г. в лагере осталось только 1 800 чел.» [1, л. 112]. Его заместитель по разведке Рыжик Е.Г. показал: «...на территории 15 полка существовал лагерь для советских военнопленных, в котором была большая смертность, в котором к июню 1943 г. погибло около 100 000 человек» [1, л. 114].

Закончив работу 7 мая 1945 г., Чрезвычайная государственная комиссия подвела итог своей работы: «На основании материалов расследования... а также свидетельских показаний советских граждан-очевидцев фактов злодеяний и зверств, – **УСТАНОВЛЕНО**, что немецко-фашистские захватчики в г. Полоцке истребили более 150 000 человек советских людей – мужчин и женщин, детей, стариков, в том числе и военнопленных более 100 000 человек» [1, лл. 2–11]. В сообщении председателя Полоцкой областной комиссии о массовом истреблении мирного населения и военнопленных, составленном не ранее 9 мая 1945 г., утверждалось: «...Немецко-фашистские захватчики истребили в гор. Полоцке тысячи советских военнопленных. В лагерях гор. Полоцка за время оккупации пребывало свыше 300 тыс. человек мирных жителей и советских военнопленных. Из этого числа немцами истреблено одних только военнопленных свыше 100 тыс. человек» [10, л. 39].

Обратим внимание на тот факт, что в показаниях свидетелей и очевидцев фигурируют цифры умерших военнопленных ДУЛАГа-125 в интервале от 18 тыс. до свыше 100 тыс. человек. Однако никто из опрошенных не имел отношения к учету военнопленных и погибших среди них. Свидетели давали только фрагментарное описание увиденного ужаса непосредственно ими самими, а очевидцы пересказывали слухи о Спасском лагере, циркулировавшие в оккупированном городе. Эти же слухи в том или ином виде поступали и к партизанам. Тем не менее, в акте фигурирует максимально озвученное число «более 100 000 человек». Думается, что максимальное число акта носит, прежде всего, политический заказ, раскрывающий, какой страшной ценой, была оплачена война с агрессором. Это предположение находит свое подтверждение в заявлении Советского правительства от 14 октября 1942 г. «Об ответственности гитлеровских захватчиков и их сообщников за злодеяния, совершаемые ими в оккупированных странах Европы» с требованием о создании Международного военного трибунала над нацистскими преступниками.

При этом полной эксгумации мест захоронения останков в урочище Пески не проводилось. В протоколе единственного осмотра места массового захоронения от 26 марта 1945 г. отмечалось, что «...Полигон имеет площадь в 200 м длиной и 75 м шириной, с восточной стороны имеет насыпь высотой в 11/2 метра, а на запад открытую ровную площадку в 200 метров. Вся площадь полигона усеяна ямами разных размеров с жертвами фашистских злодеяний и зверств. Путем вскрытия, из большого количества ям с расстрелянными и зарытыми в землю советскими людьми, на полигоне 2-х ям — **УСТАНОВЛЕНО**: В яме размером в 10 метров длины и 5 метров шириной обнаружено большое количество человеческих костей (ног, рук, ребер, черепа и другое) и остатки воинской одежды (гимнастерок, брюк). Во второй яме в 7 метров длиной и 4 метра шириной обнаружено в массовом количестве сожженных человеческих костей (позвонков, черепов, ног)...» [1, л. 1]. Надо сказать, что со второй половины 1942 г. и до конца существования ДУЛАГа-125, немцы, замечая следы своих злодеяний, распорядились выкапывать и сжигать трупы погибших. Отсюда и многочисленные следы сожженных человеческих костей.

Помимо военнопленных в урочище Пески захоронены и другие жертвы немецкого произвола. Это, прежде всего, узники трудового лагеря для мирного населения. Он занимал территорию между озером Воллово и железнодорожной станцией Громы и просуществовал с 1942 г. по апрель 1944 г. Огороженный двойным забором из колючей проволоки, лагерь охранялся городскими полициями под командованием немцев.

Среди местного населения лагерь известен под названиями «Громы» и «Желдорбат». Последнее название обязано железнодорожному батальону Красной армии, дислоцировавшемуся на станции Громы в предвоенный период. По воспоминаниям выживших невольников, смертность в лагере была большой. Н.В. Александровна: «Я лично была сама в лагере для мирных жителей, где находилось более 300 чел., из которых нас осталось всего 17 чел, а все остальные были расстреляны, умерли от голода и издевательств. Каждое утро нас выгоняли во двор, заставляли ложиться лицом в снег, а тех, кто не выполнял этих приказаний, избивали палками» [1, л. 70]. В.И. Сотникова: «В лагерь мирных советских граждан немцы привозили со всего Полоцкого района, где большинство были женщины и дети, откуда их в массовом порядке увозили и расстреливали. Было расстреляно более 7000 чел.» [1, л. 6]. А.А. Болтрукова: «В Полоцком лагере содержалось несколько тысяч мирных советских граждан, которые сотнями умирали от голода. На моих глазах было вывезено из лагеря и зарыто на старосветском кладбище более 500 человек» [1, л. 4]. Далеко не всех закапывали на окрестных кладбищах. Большая часть заключенных покойтся в урочище Пески.

Была еще одна категория жертв оккупационного режима, преданных земле в урочище Пески. Это подпольщики и партизаны. Каждую неделю слободские дети, пасущие коров на близлежащем поле, становились очевидцами, как приезжали машины из гестапо или городской тюрьмы. Из них выгружали гражданских лиц и вели и к заранее выкопанным ямам. Расстреливали полиция под руководством немцев. М.Ф. Сеницын вспоминал: «Если появлялись автоматчики, значит, будут привозить гражданских на расстрел. Забирались на чердак дома Осташкевича и в бинокль наблюдали за расстрелом. На казнь привозили в «черном воронке». После ухода немцев, из любопытства подходили к месту расстрела и видели, как земля дышала» [7].

В послевоенный период наблюдается более взвешенный подход к оценке количества уничтоженных советских граждан в г. Полоцке. В обвинительном заключении 1946 г. по делу о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в Белорусской ССР, прозвучавшем на судебном процессе 19–29 января 1946 г. было сказано: «В лагерях г. Полоцка погибло от голода, холода и расстрелов 33 000 военнопленных, трупы которых сваливались в ров, где они обливались горючим и сжигались» [12, с. 9].

С годами эта оценка менялась. Так в августе 1949 г. жители района Спасс-Слободы стали свидетелями того, как колхоз имени Калинина запахал территорию урочища Пески и засеял на ней озимую рожь. По данному факту 1 октября 1949 г. комиссия в составе представителей облисполкома, облвоенкомата, колхоза им. Калинина и общественности установила, что:

«1. Урочище «Пески» передано в пользование колхоза им. Калинина Громовского сельского совета только в октябре месяце 1948 года и впервые запахано в 1949 году под озимую рожь. Всего в Урочище было посеяно около 5 гектаров ржи, в том числе, около двух гектаров на месте захоронения расстрелянных немцами советских граждан.

2. По данным Государственной Чрезвычайной комиссии... в Урочище «Пески» находилось 42–43 братских могилы, в которых было захоронено 35–36 тысяч советских военнопленных и мирных граждан, женщин, детей. Из этого числа осталось только 7–8 могил, в которых захоронено около 10 тысяч человек, а 35–36 могил с количеством в них захороненных 25–26 тысяч человек запахано и засеяно рожью.

3. При обследовании запаханного участка на поверхности обнаружено большое количество человеческих костей» [3, с. 30].

Результаты работы комиссии были закреплены в решении облисполкома, принятом до 24 октября 1949 г.: «Совету министров Белорусской ССР: На участке территории колхоза им. Калинина Громовского с/совета Полоцкого района, Полоцкой области, расположенного в двух километрах от города Полоцка, в период немецко-фашистской оккупации было расстреляно и замучено 35 тысяч советских воинов и мирного гражданского населения» [4, с. 294].

В 1965 г. в отчете городского отдела культуры о политико-воспитательной и культурно-массовой работе отмечалось, что «на этом месте погибло свыше 30 тыс. военнопленных и местного населения в Спасс-Слободы» [5, с. 18]. В 1968 г. Полоцкое городское отделение добровольного общества охраны памятников истории и культуры в списке объектов на 1 марта уточнило эти данные: «Обелиск жертвам фашизма. Сооружен в память замученных в концлагерях на территории Спасского городка...свыше 33 тыс. мирных советских граждан и военнопленных» [6, с. 3]. В 1985 г. был опубликован сборник памятников Беларуси, в котором говорилось «...усяго ў лагеры гілераўцы загубілі каля 40 тыс. чалавек [2, с. 350]. Однако на памятном знаке жертвам фашизма фигурирует другая цифра: «В этом районе немецко-фашистскими захватчиками зверски замучено и расстреляно свыше 20 тыс. советских воинов и мирных граждан» [11]. С 1991 по 2004 гг. из печати выходит целый ряд научных справочников с упоминанием Полоцкого транзитного лагеря и погибших в нем.

Так в справочнике 2001 г. со ссылкой на работу ЧГК подтверждалось «...Всего через...лагеря (Полоцка – С. К.) прошло 300 тыс. человек. 150 тыс. узников было уничтожено, в т.ч. 100 тыс. военнопленных [13]. В справочниках 2003 и 2004 гг. под руководством белорусского историка В.И. Адамушко, причем второе его издание было подготовлено с привлечением немецких историков и архивистов, утверждалось, что «...с сентября 1941 г. по апрель 1942 г. (в лагере – С. К.) погибло до 12 000 военнопленных из 15 000» [8, с. 15; 9, с. 47].

Немецкий историк Христиан Герлах, оценивая истребительную политику Германии на территории Беларуси, приводит данные по уничтоженным пленникам в г. Полоцке в диапазоне от 20 до 100 тыс. человек. При этом число в 100 000 человек, взятое из документов ЧГК, берется им под сомнение [14, S. 856].

Заключение. Таким образом, на данный момент прослеживаются две точки зрения, из которых одна опирается на выводы Чрезвычайной государственной комиссии (1945 г.), и другая, современная, пытающаяся их уточнить, опираясь на новые исследования. Общее количество убитых, замученных и умерших в полоцком транзитном лагере ДУЛАГе-125, не поддается точному учету. На сегодняшний момент списков его узников или каких-либо статистических данных об их количестве не обнаружены. Однако исходя из анализа исследований можно предположить, что это число колеблется от 20 тыс. до 40 тыс. только бойцов и командиров Красной армии.

Отсутствует и более или менее внятная информация о местах их захоронения. В воспоминаниях бывших военнопленных имеются отдельные упоминания того, что тела погибших находятся как на левом берегу р. Полоты, так и на ее правом берегу. С учетом появившейся возможности анализа немецкой аэрофотосъемки от 14 июня 1943 г., можно указать и предположить несколько мест массового захоронения советских граждан:

1. Прилегающая к комплексу территория, занятая ныне дачами и лесопосадками.
2. Территория Мемориального комплекса памяти жертв фашизма «Урочище Пески». Причем, эта территория 150 × 60 м, обозначенная в паспорте воинского захоронения (6807), меньше указанной в протоколе осмотра от 26 марта 1945 г. (200 × 75 м).
3. Левый берег р. Полоты около бывшей летней столовой 15-го стрелкового полка.
4. Обрыв за столовой современного военного городка с восточной стороны.
5. Территория монастырского сада.

Подводя итог вышесказанному, мы считаем, что на протяжении 1941 – 1944 гг. в урочище Пески с учетом казенных мирных жителей, партизан и подпольщиков было захоронено более 40 000 советских граждан разной национальности, вероисповедания и политических взглядов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. р-7021, Оп. 92, Д. 220.
2. Збор помнікаў гісторыі і культуры Беларусі. Віцебская вобласць / АН БССР, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору; рэдкал.: С.В. Марцэлеў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Беларус. Сав. Энцикл., 1985. – 684 с.
3. Зональный государственный архив в г. Полоцке (ЗГА в г. Полоцке). – Ф. 700, Оп. 1, Д. 60.
4. ЗГА в г. Полоцке. – Ф. 686, Оп. 1, Д. 177.
5. ЗГА в г. Полоцке. – Ф. 1152, Оп. 4, Д. 57.
6. ЗГА в г. Полоцке. – Ф. 721, Оп. 1, Д. 11.
7. Воспоминания Сеницына М. Ф. // Архив автора.
8. Лагеря советских военнопленных в Беларуси 1941 – 1944. : справ. / авт.-сост. В. И. Адамушко [и др.]. – Минск, 2003. – 62 с.
9. Лагеря советских военнопленных в Беларуси 1941 – 1944. : справ. / авт.-сост. В. И. Адамушко [и др.]. – Минск, 2004. – 192 с.
10. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 845, Оп. 1, Д. 56.
11. Памятны знак ахвярам фашызму // Сцяг камунізму – 1985. – 14 мая. – С. 4.
12. Судебный процесс по делу о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в Белорусской ССР / ред. Д. Лебедев. – Минск : Гос. изд-во Редакция политической литературы, 1947. – 472 с.
13. Взаимопонимание и примирение : справ. о местах принудительного содержания гражданского населения на оккупированной территории Беларуси 1941 – 1944 / Гос. комитет по архивам и делопроизв. Респ. Беларусь, Нац. архив Респ. Беларусь, Беларус. респ. фонд «Взаимопонимание и примирение». – Минск, 2001. – 155 с.
14. Gerlach, C. Kalkulierte Morde : die deutsche Wirtschafts- und Vernichtungspolitik in Weissrussland 1941 bis 1944 / C. Gerlach. – Hamburg : Hamburger Edition, cop., 2000. – 1231 S.

Поступила 18.12.2020

PESKI TRACT: A PLACE OF MASS EXTERMINATION OF SOVIET CITIZENS BY THE GERMAN OCCUPATION REGIME IN 1941 – 1944

S. KOPYL

The invasion of Nazi Germany and its allies into the territory of the Union of Soviet Socialist Republics was accompanied by the mass destruction of the Red Army and the civilian population. Within the borders of the modern city of Polotsk there are several military graves and burials of victims of Nazism. At the moment, the most studied of them is the Peski tract. The article examines approaches to determining the number of Soviet citizens buried in this mournful place during the Nazi occupation of Polotsk in 1941 – 1944.

Keywords: *german occupation, mass destruction, prisoners of war, peaceful citizens.*

УДК 94(476)"X/XVII"

**ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВЫВУЧЕНИЯ
ЖЫЛЛЁВА-ГАСПАДАРЧЫХ КОМПЛЕКСАЎ ПОЛАЦКА XI – XVIII стст.****А.Л. КОЦ***(Полацкі дзяжаўны ўніверсітэт)*

Даследаванне сядзібнай забудовы з'яўляецца перспектыўным накірункам археалагічнага вывучэння старажытнага Полацка. Вынікі вывучэння жылой забудовы Полацка разглядаліся археолагамі ў кантэксце ўласных даследаванняў, таму на сённяшні дзень няма абагульняючай працы аб жылой забудове горада ў перыяд з XI па XVIII ст. Цалкам вывучаныя закрытыя археалагічныя комплексы – жылыя сядзібы – у Полацку адсутнічаюць. Адкрытыя часткі сядзібнай забудовы дазваляюць прапаноўваць розныя па ступені дэталізацыі гістарычныя рэканструкцыі. Тэрмін “жыллёва-гаспадарчы комплекс” канкрэтызуе аб'екты, якія ўваходзяць у склад сядзібы, што дазваляе разглядаць асобныя яе элементы як маркеры прыналежнасці да жылога ці гаспадарчага комплекса.

Ключавыя словы: жыллёва-гаспадарчы комплекс, археалагічнае вывучэнне, Полацк, жылыя сядзібы.

Уводзіны. Полацк – горад з унікальнай і непаўторнай гістарычнай спадчынай. Паводле пісьмовых даных Полацк упершыню ўзгадваецца ў 862 г. Матэрыялы археалагічных раскопак Полацка падцвярджаюць існаванне горада з VIII ст., а першыя жыхары на тэрыторыі горада з'явіліся ў жалезным веку. Але першасныя даныя па развіцці жыллёва-гаспадарчых комплексаў паводле археалагічных матэрыялаў прыпадаюць толькі на X – XI стст.¹

Па пісьмовых звестках XVI – XVIII стст. вядома, што сядзібнай адзінкай у гарадской прасторы Полацка выступае “пляц” [1, с. 549–550, 574]. Таксама можна сустрэць тэрмін “грунт” (“*кгрунт*”), які вызначае пэўны зямельны надзел [1, с. 594, 604, 605]. Вуліца складалася з падобных надзелаў, якія выступалі тыльным бокам на дарогу і былі выцягнуты ў глыб пляца. Такім чынам жыллёва-гаспадарчы комплекс мы вызначаем як сядзібу з жылымі і гаспадарчымі пабудовамі і іншымі элементамі, якая ўключана ў гістарычны і храналагічны кантэкст тапаграфіі горада. Вызначаная сядзіба мае храналагічныя межы існавання і абмежаваную тэрыторыю ў гарадской прасторы Полацка. Любыя маркеры сядзібнай забудовы, прыкметы існавання жылых або гаспадарчых пабудов таксама з'яўляюцца часткамі жыллёва-гаспадарчых комплексаў.

Тэмы развіцця жыллёва-гаспадарчых комплексаў у шырокім храналагічным кантэксце з XI па XVIII ст., а таксама сядзібнай забудовы і іншых аб'ектаў гарадской структуры асобна не разглядаліся. Полацкія даследчыкі (Г.В. Штыхаў, С.В. Тарасаў, Д.У. Дук, А.Р. Мітрафанаў, В.Р. Тарасенка, А.А. Салаўёў і інш.) у сваіх навуковых працах разглядалі развіццё асобных жыллёва-гаспадарчых комплексаў у кантэксце даных уласных археалагічных даследаванняў, альбо ў рэчышчы раскрыцця прадмета даследавання, асобных аспектаў матэрыяльнай культуры Полацка.

Асноўная частка. Пры археалагічных раскопках пластоў да XI ст. слядоў сядзібнай забудовы не вылучана. На селішчы-перадградзі і Рагвалодавым гарадзішчы зафіксаваны толькі развалы печак з жылых будынкаў. На Верхнім замаку выяўлены рэшткі дамоў і гаспадарчых пабудов XII – XVII стст., якія захаваліся ў мокрым культурным пласце. Яны з'яўляюцца эталонам для характарыстыкі жылой забудовы горада ў азначаны перыяд. Ніжні замак, як і Вялікі пасад, таксама выдатна захоўвае арганіку, і таму тут можна выразна прасачыць прыклады жылой забудовы горада да пачатку XVI ст. або зафіксаваць асобныя элементы жыллёва-гаспадарчых комплексаў. На Запалоцкім пасадзе ў асноўнай масе вылучэнне жыллёва-гаспадарчых комплексаў ажыццяўляецца па слядах культурнага пласта (ці мацерыковым ямам) пры фіксацыі рэштак печак. Левабярэжныя пасады Полацка з'яўляюцца слаба даследаванымі і толькі асобныя жыллёва-гаспадарчыя комплексы XVII ст. зафіксаваны на тэрыторыі Экімані.

Д.У. Дукам шырока выкарыстаны матэрыялы пісьмовых крыніц у вызначэнні памераў пляцаў, размяшчэнні сядзібных комплексаў і трасіроўкі вуліц. Па матэрыялах рэвізіі Полацка 1765 г. ён правёў аналіз памераў гарадскіх надзелаў, іх уласнікаў, накірунку і размяшчэння вуліц на тэрыторыі пасадаў (Вялікага і Крыўцова), Верхняга і Ніжняга замкаў [2]. Да пытання трасіроўкі вуліц таксама звяртаўся С.В. Тарасаў, які рэканструяваў магчымае размяшчэнне вуліц на Верхнім замку ў XII – XIV стст. [7, с. 164]. Горад захоўвае сваю тапаграфію пасадаў і замкаў амаль у нязменным выглядзе з канца XVI – XVII стст. і нават больш ранняга часу, што дае падставы вызначыць статус Полацка як горада-музея.

На пэўнай частцы Запалоцкага пасада, а таксама на Вялікім і Экіманьскім пасадах тапаграфічная структура вуліц і некаторых сядзібных надзелаў з размяшчэннем пабудов захавалася амаль у нязменным

¹ Вусны даклад па гэтай тэме быў агучаны на IV Міжнародным кангрэсе даследчыкаў Беларусі 2–4 кастрычніка 2015 г. ў г. Коўна (Літва).

выглядзе з XVI – XVIII стст. Супастаўленне старадаўняй і сучаснай гарадской забудовы можа дапамагчы ў вызначэнні межаў старажытных сядзібных пляцаў і жыллёва-гаспадарчых комплексаў. Так, вызначана, што на Экіманькім пасадзе асобныя надзелы зямлі маюць плошчу, якая супадае з плошчай пляцаў XVI – XVIII стст. Магчыма, што межы гэтых пляцаў адпавядаюць дзяленню ўчасткаў у азначаны перыяд. Гэта выключны і ўнікальны выпадак для беларускага горада, дзе захоўваецца структура землепадзелу з XVII – XVIII стст. Выяўленне і даследаванне этнаграфічных сядзібных комплексаў горада таксама з’яўляецца актуальным накірункам вывучэння мінулага Полацка. Так, у шэрагу прыватнай забудовы Экіманьскага, Запалоцкага і Задзвінскіх пасадаў захаваліся асобныя дамы і гаспадарчыя пабудовы другой паловы XIX – пачатку XX стст.

Перспектыўнымі накірункамі далейшага вывучэння з’яўляецца выяўленне шэрагу закрытых археалагічных комплексаў на ўнікальным помніку археалогіі – Запалоцкім пасадзе старажытнага Полацка. Тут, у заходняй частцы, на плошчы каля 30 га захавалася амаль у некранутым стане культурны слой XI – XII стст. [5; 6]. Ён не пашкоджаны будаўнічай дзейнасцю і больш познімі напластаваннямі XIV – XX стст. Слядоў будынкаў XVI – XIX стст. на дадзенай пляцоўцы не зафіксавана. Фарміраванне культурнага слою і адзіночныя знаходкі фрагментаў пячоннай кафлі XVI – XIX стст. у заходняй частцы Запалоцкага пасаду могуць быць абумоўлены размяшчэннем фальваркаў. Верагодна, пасля завяршэння тут жыццядзейнасці людзей на мяжы XII – XIII стст. дадзеная тэрыторыя магла выкарыстоўвацца пад агароды або выпас хатняй жывёлы [4, с. 110]. У такіх умовах культурны слой мінімальна пашкоджаны, што дае магчымасць даследаваць рэшткі жыллёва-гаспадарчых комплексаў старажытнарускага перыяду метадам дасканалых археалагічных раскопак. Таксама, метады геаакустычнай ці магнітаразведкі могуць паспрыяць выяўленню і фіксацыі рэштак закрытых комплексаў.

Неад’емнай часткай даследаванняў закрытых археалагічных комплексаў з’яўляецца не толькі іх наяўнасць вывучэнне ў часе раскопак, але і падрабязны аналіз рэчавага матэрыялу. І ў першую чаргу гэта масавы матэрыял – кераміка. Індывідуальныя знаходкі ювелірных вырабаў, касцяныя прылады, жалезныя прадметы і інш. не заўсёды могуць даць нам дакладную датыроўку помніка. Дзякуючы вывучэнню керамічнага матэрыялу можна больш дасканала суаднесці яго з сінхроннымі помнікамі, якія размяшчаюцца побач, а ў асобных выпадках – вызначыць храналагічныя межы комплекса. Важкім у вывучэнні масавых знаходак з’яўляецца стварэнне тыпалагічных схем керамічнага посуду для розных частак Полацка.

Працяг археалагічнага вывучэння ўсходняй часткі Верхняга замка, дзе выдатна захаваліся драўляныя канструкцыі XII – XIV стст., можа прывесці да стварэння дэндрашкалы для Полацка. Правядзенне раскопак на дадзенай тэрыторыі павінна суправаджацца не толькі дасканалым вывучэннем драўляных канструкцый, але і іх далейшай кансервацыяй і музеефікацыяй старажытнай драўлянай забудовы. Падобную сітуацыю можна вызначыць і ў заходняй частцы Вялікага пасаду. На дадзеным месцы вільготная мацерыковая гліна спрыяе захаванню дрэва ў культурным слое. Таму тут добра захоўваюцца рэшткі драўляных пабудоў і нават цэлыя сядзібныя комплексы, галоўным чынам, XVI – XVIII стст., у меншай ступені – XI – XIV стст.

Апошнім часам актывізаваліся даследаванні помнікаў старажытнарускай архітэктуры ў Полацку. Гэтая тэма не мае прамога дачынення да вывучэння жыллёва-гаспадарчых комплексаў, але ўскосныя сведчанні даюць магчымасць больш выразна паглядзець на пэўныя тэхнічныя прыёмы ў прымяненні і апрацоўцы дрэва. Так, і пры ўзвядзенні манументальных пабудоў (на прыкладзе Спаса-Праабражэнскага храма), мы можам казаць, што дрэва шырока выкарыстоўвалася для вырабу цяг, якія ўмуроўваліся ў мур і служылі як арматура для сцяны, з дошак рабіліся сталы і формы для вытворчасці плінфы, кроквенная канструкцыя страхі таксама была драўлянай. Апорныя дошкі XII ст. захаваліся ў слупах храма і перакрыццях нішаў і інш. Цікава, што Пятніцкая царква Бельчыцкага манастыра можа мець сваім прататыпам драўляны храм, але параўнанне форм і канструктываў патрабуе ўдакладненняў і новых даследаванняў.

Пісьмовыя крыніцы захоўваюць вялікі пласт інфармацыі па жыллой забудове горада перыяду XVI – XVIII стст. Улічваючы колькасць захаваных пісьмовых дакументаў па азначанай тэматыцы (галоўным чынам магістрацкіх і актавых кніг), то аналіз пісьмовай крыніцзнаўчай базы павінен істотна дапаўняць археалагічныя даследаванні жыллёва-гаспадарчых комплексаў Полацка.

На сучасным этапе развіцця археалагічнай навукі актуальнымі з’яўляюцца новыя метады, якія прапануюць даследчыкі дакладных навук. Так пры вывучэнні жыллёва-гаспадарчых комплексаў актыўна выкарыстоўваецца метады дэндрохронологіі і радыёуглероднага аналізу, актуальным з’яўляецца ізатопны аналіз.

Даследаванні жыллой прсторы неад’емна звязана з працэсам жыццядзейнасці чалавека. У гэтым рэчышчы важнымі з’яўляюцца дадзеныя антрапалогіі.

Пры вывучэнні жыллой забудовы актуальным з’яўляецца правядзенне эксперыментаў па будаўніцтве драўляных зрубаў, спроб аднаўлення старажытных печаў і мэблі, працэсу выкарыстання драўляных пабудоў і інш. Дададзеныя тэма дасць магчымасць больш грунтоўна вызначыць асобныя дэталі будаўніцтва і паў-

сцядзённага жыцця чалавека. Падобныя эксперыментальныя даследаванні варта было б наладзіць і пры вывучэнні сярэднявечнай забудовы Полацка. Галоўнай мэтай можа стаць музей пад адкрытым небам з экспанаваннем рэштак драўлянай забудовы з археалагічных помнікаў горада. Але працэс стварэння падобнага музея патрабуе вялікіх намаганняў калектыву аўтараў і спонсараў. Пакуль дадзеная ідэя на знайшла дасатковай колькасці станоўчых водгукаў у культурнай прасторы горада.

Пачынаючы з 2000 г. у Полацку штогадова дзейнічае археалагічная экспедыцыя Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта. Асноўным кіраўніком экспедыцыі да 2017 г. з'яўляўся доктар гістарычных навук Д.У. Дук, з 2012 г. да даследаванняў далучаецца аўтар даклада. Актыўную даследчую працу праводзяць выкладчыкі Полацкага ўніверсітэта І.У. Магалінскі і В.У. Чараўко і навуковы супрацоўнік Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка А.А. Салаўёў. Як правіла ў раскопках актыўна ўдзельнічаюць студэнты-практыканты і мясцовыя школьнікі. Д.У. Дукам даследаваны розныя часткі горада, што дазволіла вучонаму прасачыць тапаграфічную структуру горада на розных стадыях развіцця пасадаў і выявіць шэраг закрытых жыллёва-гаспадарчых комплексаў. Але пытанне ў вызначэнні плошчы горада на розных стадыях існавання і яго тапаграфіі далёка да канчатковага вырашэння. У апошнія гады атрымалася вызначыць плошчу Запалоцкага пасада на перыяд XI – XII стст. у межах 30 га, прыблізна вызначыць паўночную мяжу паселішчаў за ракой Палатой. Агульнае развіццё тапаграфіі горада дае магчымасць меркаваць аб пэўных пляцоўках, на якіх размяшчалася жылая забудова гараджан.

У Полацку на абсалютнай большасці помнікаў археалогіі адсутнічае так званы вільготны слой. Таму захаванне арганічных рэчываў і драўляных канструкцый вельмі фрагментаванае ў раскопках, што ўскладняе іх археалагічнае вывучэнне. Выключэннем з'яўляюцца Вялікі пасады і ўсходняя частка Верхняга замка. Апошняя з'яўляецца найбольш перспектыўным месцам у даследаванні жыллёва-гаспадарчых комплексаў XII – XIV стст., але раскопкі тут ўскладнены магутным культурным пластом (да 5 м на асобных участках). У апошнія гады было вызначана, што на Экіманьскім пасады таксама сустракаецца мокры культурны пласт у перадмацерыковым пласце і мацерыковых ямах. Гэта абумоўлена высокім узроўнем грунтовых вод. На Экіманьскім пасады зафіксавана захаванне драўніны і зерня ў мацерыковай яме на глыбіні да 1,5 м, якая засталася ад падклетка жылога дома XVII ст. Падчас археалагічнага нагляду А.А. Салаўёвым вуліцы Набярэжнай быў зафіксаваны насціл маставой з бярэвення [8, с. 31; 3, с. 132]. Магчыма, што падобная сітуацыя з захаваннем матэрыялаў з арганічных злучэнняў можа назірацца і на іншых левабярэжных пасадах Полацка, што з'яўляецца вельмі актуальным для археалагічных даследаванняў пры вывучэнні жыллёва-гаспадарчых комплексаў.

Шэраг помнікаў археалогіі, гістарычных частак старажытнага Полацка, шчыльна забудаваны або заняты аб'ектамі сацыяльна-культурнага прызначэння. Усё гэта таксама ўскладняе правядзенне археалагічных даследаванняў і назіранне за захаваннем культурнага пласта. Прыдатным полем археалагічнай дзейнасці з'яўляюцца толькі некаторыя невялікія надзелы зямлі пры адміністрацыйных будынках, незабудаваныя часткі горада, якія значна параслі кустоўем або лесам, а таксама заходняя частка Запалоцкага пасады. Яшчэ можна казаць аб некаторых выпадках даследаванняў пляцовак перад будаўніцтвам або рэканструкцыяй новых адміністрацыйных будынкаў у цэнтры горада.

Гаспадарчая дзейнасць у Полацку за апошнія гады вельмі моцна актывізавалася. Будаўніцтва жылога фонду ў межах ахоўваемых зон не заўсёды прадугледжвае паўнаватарскія археалагічныя даследаванні. Як правіла праводзяцца археалагічныя назіранні ў траншэях за пракладаннем камунікацый, але гэта дае мінімальную інфармацыю аб культурным пласце і мінімальную калекцыю знаходак з месца даследаванняў помніка археалогіі ў параўнанні з паўнаватарскімі археалагічнымі раскопкамі. Нажаль, не дасведчанаць большасці ўласнікаў прыватных надзелаў аб знаходжанні сядзібы ў ахоўваемай зоне ці зоне будаўнічага рэгулявання, прыводзіць да гаспадарчага разбурэння культурных напластаванняў. У іншых выпадках несумленнасць гаспадароў, якія маюць на мэце правядзенне земляных прац перад будаўніцтвам, прыводзіць да новых пашкоджанняў помнікаў археалогіі.

Некаторыя гістарычныя часткі Полацка не ўваходзяць у ахоўную зону або зону рэгулявання будоўлі, таму рэгламентаваць земляныя працы ў Экімані, на Задзвінскіх пасадах фактычна не магчыма.

Заклучэнне. Такім чынам, падсумоўваючы, можна вызначыць, што найбольш перспектыўным напрамкам археалагічнага вывучэння жыллёва-гаспадарчых комплексаў з'яўляюцца помнікі з наяўным “мокрым” культурным пластом (Верхні замак, Вялікі пасады і левабярэжная частка горада). Удасканаленне падыходаў да вывучэння археалагічных комплексаў дазволіць выявіць больш дакладных момантаў у гаспадарчай дзейнасці і побытавым жыцці старажытных палачан. Сукупнасць атрыманых на сённяшні дзень даных дазваляе выявіць т.зв. рэперныя кропкі для захавання, вывучэння, музеефікацыі і кансервацыі рэшткаў жыллёва-гаспадарчых комплексаў і драўлянай забудовы XI – XVIII стст.

Да асноўных праблем можна аднесці нізкі ўзровень аховы помнікаў археалогіі ў горадзе, значная шчыльнасць забудовы некаторых частках старажытнага горада прыватнымі надзеламі з жыламі і гаспадарчымі пабудовамі, што перашкаджае правядзенню даследаванняў.

Тэма вывучэння жыёва-гаспадарчых комплексаў вельмі цесна звязана з даследаваннямі ў галіне паўсцядзённага побыту гарадскога насельніцтва і выклікае вялікую зацікаўленасць айчыных і замежных гісторыкаў.

ЛІТАРАТУРА

1. Акты книги полоцкого магистрата за 1656-1657 гг. / сост. М.Ю. Гордеев // Полоцк: Полоцк и Полоцкое княжество (земля) в IX – XIII вв., летопись древних слоев, Полоцк и его округа в XIV – XVIII вв., ремесло, денежное обращение и торговые связи Полоцка в средневековье (по данным археологии, нумизматики и письменных источников), культура и просвещение в средневековом Полоцке / О.Н. Левко [и др.] ; редкол.: А.А. Коваленя (гл. ред.) ; науч. ред. О.Н. Левко ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – Минск : Беларус. навука, 2012. – С. 545–702.
2. Дук, Д.В. Городское пространство и социальная топография Полоцка по данным ревизии 1765 года / Д.В. Дук // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. А, Гуманитарные науки. – 2015. – № 9. – С. 2–13.
3. Дук, Д.В. Стратиграфия и хронология объектов Полоцка XI – XVIII вв.: исследования 1928 – 2011 гг. // Полоцк: Полоцк и Полоцкое княжество (земля) в IX-XIII вв., летопись древних слоев, Полоцк и его округа в XIV-XVIII вв., ремесло, денежное обращение и торговые связи Полоцка в средневековье (по данным археологии, нумизматики и письменных источников), культура и просвещение в средневековом Полоцке / О.Н. Левко [и др.] ; редкол.: А.А. Коваленя (гл. ред.) ; науч. ред. О.Н. Левко ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – Минск : Беларус. навука, 2012. – С. 113–133.
4. Дук, Д.У. Унікальны помнік археалогіі – заходняя частка Запалоцкага пасада Полацка: праблемы аховы і вывучэння // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі : матэрыялы VI Міжнар. канф., Полацк, 1–3 ліст. 2012 г. : у 2 ч. / Полац. дзярж. ун-т, Нац. Полац. гіс.-куль. музей-запаведнік. – Полацк : НПКМЗ, 2013. – Ч. 1. – С. 108–119.
5. Коц, А.Л. Да пытання аб забудове Полацкага Запалоцкага пасада ў XI–XII стст. (па матэрыялах археалагічных раскопак 2012–2013 і 2015–2016 гг.). / А.Л. Коц // Віцебскі край : матэрыялы II Міжнар. навук.-практ. канф. Віцебск, 24 ліст. 2016 г. ; рэдкал.: Т.А. Адамян [і інш.]. – Мінск : Нац. бібл. Беларусі, 2017. – Т. 2. – С. 59–66, 309–311.
6. Коц, А.Л. Ювелірная майстэрня XII ст. на Запалоцкім пасадзе старажытнага Полацка (па матэрыялах археалагічных раскопак 2013 г.) / А.Л. Коц // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. А, Гуманитарные науки. – 2015. – № 1. – С. 18–27.
7. Тарасаў, С.В. Полацк IX – XVII стст.: Гісторыя і тапаграфія / С. В. Тарасаў. – Мінск : Беларус. навука, 1998. – 183 с.
8. Соловьёв, А.А. К вопросу о реконструкции исторической топографии Экимани / А.А. Соловьёв // Вест. Полоц. гос. ун-та. Сер. А, Гуманитарные науки. – 2013. – № 9. – С. 29–39.

Паступіў 21.10.2020

THE PROBLEMS AND THE PROSPECTS OF STUDYING
POLOTSK ESTATE COMPLEXES IN XI – XVIII CENTURIES

A. KOTS

The study of manor buildings is a promising area of archaeological study in the ancient Polotsk. The results of residential development in Polotsk were considered by archaeologists in the context of their own research. There is no general work on the residential development of the city in the XI – XVIII centuries today. Entirely studied closed archaeological complexes in Polotsk are absent. The excavated parts of the manor buildings allow archaeologists to compare and compile different historical reconstructions. The term "estate complexes" specifies the objects that are part of the estate, which allows us to consider individual elements as markers belonging to a residential or household complex.

Keywords: housing and utility complex, archaeological study, Polotsk, residential estate.

УДК 355.233.11

**ПОДГОТОВКА МЛАДШИХ КОМАНДИРОВ
В ГОРОДСКИХ ПУНКТАХ ВОЕННОГО ОБУЧЕНИЯ ССРБ**

*канд. ист. наук, доц. В.Д. КРЮКОВСКИЙ
(Белорусский государственный университет, Минск)*

Анализируется подготовка командных кадров низшего звена в городских сборных пунктах военного обучения республики начале 1919 года. Раскрывается имевшийся в ряде мест успешный опыт. Отмечается, что абсолютное большинство прошедших обучение младших командиров составляла молодежь. Рассматриваются проблемы, препятствовавшие выучке старших звеньев, командиров отделений, помощников командиров взводов, связанные с экономической разрухой, недостатком финансовых средств, излишней отчетностью по запросам местных органов власти, безответственностью в работе отдельных работников всеобуча. Но в целом государственная политика подготовки младших командных кадров была продуманной и в основном выполнила стоявшие задачи.

Ключевые слова: *военное обучение, подготовка кадров, низшее звено, младшие командиры, военкоматы, сборные пункты, инструкторы, новобранцы, молодежь.*

Введение. Деятельность государственных органов по военному строительству, патриотическому воспитанию населения, подготовке командных кадров РККА освещаемого периода привлекала к себе внимание многих исследователей. В историческом аспекте, например, большое научное и практическое значение представляют исследования П.А. Селиванова [1; 2]. В научных трудах на основе архивных документов анализируется политическая и организационная деятельность партийных органов, исполкомов советов и военных комиссариатов по укреплению Красной Армии в 1917 – 1920 гг., освещается их работа по привлечению трудящихся к вооруженной защите молодого советского государства, формированию красноармейских частей и подразделений, организации всеобщего военного обучения. В научных работах приводятся примеры обучения красноармейцев на различных инструкторских курсах. Но проблема подготовки младших командных кадров в системе всеобуча ограничивается лишь рядом примеров и фактов.

Представляют научный интерес кандидатские диссертации В.Ф. Кушнера и Н.Е. Семенчика [3; 4], основаны на большом фактическом материале. Авторы раскрывают накопленный опыт деятельности партийных и комсомольских организаций в обеспечении морально-политической подготовки граждан республики для защиты Отечества, приводят примеры практики государственных и общественных структур по военно-спортивной работе с юношами и девушками, шефских связей трудовых коллективов с частями Красной Армии, показывают роль периодической печати в патриотическом воспитании молодого поколения. Однако комплексно государственная политика подготовки молодежи к защите Родины в БССР в диссертациях не рассматривалась.

Отдельные аспекты военного обучения молодого поколения на территории ССРБ и Литбел ССР демонстрируются в книгах белорусских историков [5; 6]. В монографии Д.Н. Хромченко раскрывается оборонно-массовая деятельность патриотических организаций Беларуси в 1920 – 1940-е годы [7].

Исследовательский интерес изучения проблем воспитания подрастающего поколения, истории и методики патриотической работы с молодежью представляют работы белорусских педагогов. В докторской диссертации К.А. Кулинковича [8] раскрываются педагогические приемы спортивной практики с юношами и девушками БССР в предвоенное полугодие. В кандидатских исследованиях В.И. Шаврука, Г.П. Коваленко [9; 10] освещается опыт физического, военно-патриотического воспитания школьников Беларуси в 1920 – 1930 гг.

Характерные формы и методы патриотической деятельности комсомола республики в 1920 – 1940 гг. описываются в сборниках очерков и научных статей [11; 12]. Отдельные вопросы военной и физической подготовки, воспитания подростков и молодежи в исследуемый период рассматриваются в многочисленных публикациях белорусских историков, философов и педагогов.

На основании изучения научных исследований и другой литературы можно сделать вывод, что государственная политика военного обучения молодежи, подготовки кадров младшего командного состава в ССРБ остается малоисследованной.

Цель данной статьи – проанализировать в масштабах республики эффективность работы инструкторского состава городских сборных пунктов военных комиссариатов по подготовке командных кадров низшего звена, обобщить накопленный опыт, приемлемый для использования в современное время, вскрыть проблемы, препятствовавшие осуществляемой деятельности.

Источниковой базой статьи стали фонды государственных архивов Республики Беларусь, публикации прессы. Изучены материалы ЦБ КП(б)Б, ЦИК, СНК, ЦК комсомола республики, губернских, уездных

парткомов и исполкомов советов, отделов народного просвещения, доклады, отчеты, справки военных комиссариатов ССРБ. Это позволило получить сведения о проводимой работе по подготовке кадров младшего комсостава. Практически все использованные материалы впервые вводятся в научный оборот. Методология исследования основана на принципах объективности и историзма.

Основная часть. В решении задач военного обучения молодежи важнейшая роль принадлежит инструкторскому, пропагандистскому и организаторскому активу. 22 апреля 1918 г. ЦИК РСФСР принял декрет «Об обязательном обучении военному искусству» в котором народному комиссариату по военным делам предписывалось принять меры по подготовке кадров военного обучения трудящихся. С 7 по 25 июня в Москве прошел первый [13, лл. 40, 40об., 54–58], 15 – 29 декабря второй [14, с. 5, 9, 13, 23, 24, 27, 31–37, 41–43] Всероссийские съезды военных комиссаров, на которых уточнились задачи подготовки кадров. Вся организационная и методическая деятельность по выучке командиров, инструкторов и политруков возлагалась на отделы всевобуча.

Вопросы подготовки инструкторского состава для обучения красноармейцев и трудящихся обсуждались на первом съезде КП(б)Б. В докладе А.Ф. Мясникова указывалось: «Красная Армия имеет достаточно сырого материала, над которым придется немало поработать». По всему комплексу военного строительства съезд принял специальную резолюцию [15, лл. 6, 9]. В соответствии с решениями съезда 22 января 1919 г. временным рабоче-крестьянским советским правительством Белоруссии был принят декрет «О всеобщем военном обучении и мобилизации», в котором ставилась задача подбора и подготовки младшего начальствующего состава из числа обучающихся. Ответственность за проводимую работу возлагалась на комиссариаты по военным делам [16].

В исследуемый период военкоматы республики под руководством партийных и советских органов обучение командных кадров вели по следующим направлениям: а) повышение квалификации штатных военных инструкторов и пропагандистов; б) подбор и выучка новых инструкторских, командных и идеологических кадров; в) подготовка и переподготовка организаторов военного обучения. На каждом участке работы использовались различные формы и методы. Подготовка кадров проводилась на первичном (волостном, городском), уездном, губернском, окружном и республиканском уровнях. На пунктах всевобуча городов осуществлялось повышение уровня умений штатных инструкторов и подготовка младшего начальствующего состава из числа новобранцев.

Положительный опыт повышения квалификации штатных инструкторов, обучения младшего начальствующего состава имел место в сборном пункте бюро района обучения при почтово-телеграфной конторе, располагавшемся в г. Витебске на ул. Смоленской, д. 22. На основании анализа деловых и педагогических качеств офицеров старой армии, желающих поступить на службу в РККА, заведующий городским подотделом всевобуча губвоенкомата Шрубович Казимир Петрович и его помощник Коркунов Валентин Николаевич подготовили приказ о назначении заведующим бюро Анатолия Семеновича Лысака, штабс-капитана старой армии, руководителем сборного пункта Моисея Наумовича Иофо, прапорщика пехоты. Оба сотенных инструктора имели боевой опыт, были беспартийными, сочувствующими партии большевиков. Для эффективной работы пункта обучения губернский военный комиссариат приказом дополнительно утвердил четырех взводных инструкторов, бывших пехотных командиров, участников боевых действий: поручика Сорокина Никиту Федоровича, прапорщика Трухнова Ивана Васильевича, фельдфебелей Румянцева Ивана Романовича и Подмазова Александра Александровича. На пункте обучения работал технический персонал: переписчик, машинистка и сторож.

Все военные инструкторы-учителя самостоятельно занимались совершенствованием своего теоретического и методического уровня, физического развития. Регулярно в начале недели сотенные инструкторы А.С. Лысак и М.Н. Иофо проводили с ними плановые уроки по теории и методике обучения трудящихся и индивидуальные собеседования, в пятницу – итоговый методический семинар. В результате знания взводных инструкторов постоянно совершенствовались, в начале февраля все они успешно освидетельствовались высшей комиссией губернского военного комиссариата [13, л. 53об.; 17, лл. 26об., 28; 18, л. 13; 19, лл. 6об., 33, 90об., 174, 202об., 205, 205об.].

Большая роль в учебном процессе отводилась технической базе обучения. Под руководством инструкторов и технического персонала бывшие солдаты и новобранцы произвели в сборном пункте текущий ремонт, оформили и развесили на стенах учебных классов плакаты с рисунками различных систем винтовок, правилами прицеливания и стрельбы, соорудили возле здания для занятий простейшие спортивные сооружения: турник, брусья, гимнастическую лестницу. Пункт при почтово-телеграфной конторе был разбит на взводные и отделенные участки. Призванные для обучения делились на две группы: служившие в рядах войск и не проходившие военного строя. Группы подразделялись на звенья, отделения и учебные взводы. Шесть взводов объединялись в роту. Каждый инструктор курировал подготовку к итоговому испытанию подразделения бывших солдат, а также обучал военному искусству группу новобранцев. Руководитель бюро и инструктор-организатор сборного пункта уточнили типовую программу военного обучения и внесли в нее раздел подготовки младших командиров.

Прошедшие службу в армии освобождались от обязательной военной подготовки, но были обязаны в соответствие с домашними заданиями, поставленными инструктором-учителем, самостоятельно осваивать типовую программу всевобуча. В их группе также назначались младшие командиры из числа унтер-офицеров старой армии, но системная их переподготовка, как показывает изучение, не проводилась. В указанное время они являлись на сборный пункт, строились повзводно и под руководством специальной комиссии проходили плановое испытание. Допускался вариант пересдачи итогового экзамена. Не служившие в армии изучали 96-часовую программу военной подготовки в полном объеме. С ними ежедневно (исключая воскресенье и праздники) проводились занятия в первой половине дня по четыре часа, в течение четырех недель.

Наилучших успехов в организации учебного процесса, обучении младшего начальствующего состава из числа призывников добился сотенный инструктор М.Н. Иофо. Все новобранцы его учебного взвода являлись работниками губернского отделения Всероссийского агентства почт и телеграфов «Почтель». Руководитель сборного пункта установил деловой контакт с начальником и секретарем партийной ячейки отделения почты. На основании анализа регистрационных карточек, характеристик руководства по месту работы новобранцев были назначены старшие звеньев, командиры отделений и помощник командира взвода. Приказом администрации призванные на пункт всевобуча ежедневно с 8 до 12 часов освобождались от трудовой деятельности для прохождения военной подготовки. Руководитель партийной ячейки один раз в неделю проверял в учетных карточках обучающихся отметки инструкторов о посещении занятий, два раза в месяц лично посещал сборный пункт. Дни пропусков занятий без уважительных причин оценивались руководством конторы как прогулы и не оплачивались. С нарушителями проводились воспитательные беседы, в случае их неэффективности, виновные подвергались административному наказанию.

Важное внимание уделялось подготовке младших командиров из числа призывников. Учебная группа из 18 человек делилась на 6 звеньев и 2 отделения. Основы знаний старшего звена, отделенного и помощника взводного командира преподавались всем новобранцам. С новыми командирами в пункте обучения проводились коллективные и индивидуальные занятия, каждому младшему начальнику ежедневно задавались домашние задания, чтобы любой из них был подготовлен лучше своих подчиненных в военном деле.

Первый урок начинался с разъяснения декрета правительства об обязательном обучении военному искусству рабочих и крестьян, целях всевобуча, назначении регулярной армии и милиционных территориальных формирований в условиях враждебного капиталистического окружения. Вся проводимая Моисеем Наумовичем работа была направлена на то, чтобы заинтересовать молодежь в необходимости военных знаний, сформировать у них сознательное отношение к защите Отечества.

Учебный процесс представлял логично связанную, динамичную систему. На первых уроках по стрелковому делу новобранцам прививалось заботливое отношение к своему штатному оружию. Молодежь обучали быстро и правильно делать разборку, сборку, смазку имеющихся основных видов винтовок и пулеметов. Правильность прицеливания отрабатывались в классе на учебной доске, специальных станках, затем из положенный стоя, с колена и лежа. Далее полученные знания закреплялись на стрельбищах в районе «Юрьевой горки» и лесопарка «Мазурино». На каждого учащегося заводилась бумажная мишень, на обратной стороне которой отмечались результаты учебной стрельбы, подписанные отделенным командиром, помощником командира взвода и инструктором-учителем.

Преподавание тактических занятий начиналось с теоретической подготовки каждого молодого человека. Получив основы знаний, обучающиеся на практических занятиях обсуждали свои индивидуальные и коллективные тактические действия в аудитории при помощи мела, указки и классной доски, затем на смоделированном макете местности. Преподаватель требовал от учеников эффективно использовать каждую возможность для приобретения знаний. Все передвижения от одного учебного здания к другому производились только строем под руководством младших командиров, иногда бегом или боевой цепью, с выдвинутыми охранительными дозорами. При передвижении новобранцев сотенный инструктор нередко давал вводные команды «в боевую цепь», «противник справа», «враг слева» и другие, в соответствии с которыми обучающиеся должны были мгновенно выполнять нужный тактический прием.

Учебные программа и план предусматривали проведение ряда тактических занятий на открытой местности (район «Юрьева горка»), где отрабатывались навыки передвижения в бою индивидуально и в составе звена, самоокапывания, приемов при разворачивании в боевую цепь, штыковой атаке. По воскресным дням проводились взводные маневры в форме военно-спортивной игры. Каждый обучаемый был обязан до автоматизма отработать свои действия индивидуально, в составе стрелкового отделения, взвода и роты. Все занятия проводились под руководством сотенного и других инструкторов, при активном участии младшего начальствующего состава. М.Н. Иофо добивался того, чтобы каждый ученик в процессе занятий чувствовал результативность проводимой работы, совершенствование своей личной выучки.

Военные уроки чередовались воспитательными беседами об Октябрьской и Мировой революциях, о чести воина и гражданина в борьбе за освобождение трудящихся, социалистическом строе, друзьях и врагах трудового народа и другими. Для участия в идеологических мероприятиях на пункт обучения регулярно приглашались родители, сотрудники политико-просветительного, учебного и инструкторского отделов губернского военкомата, партийные и комсомольские активисты.

Для подготовки новых командиров активно использовалось внеурочное время, в ходе которого опытный педагог разъяснял ученикам методические приемы индивидуальной работы с рядовыми бойцами, проверял выполнение индивидуальных домашних заданий. В результате комплексной систематической работы младшие военные начальники на учебных занятиях решали задачи, поставленные инструктором, лучше и быстрее других новобранцев. Через две недели исполняющие обязанности старших звеньев, отделкомов и помощника командира взвода под руководством преподавателя самостоятельно проводили уроки с подчиненными по изучению винтовки, пулемета, противогазовой маски Н.Д. Зелинского, основ строевой, физической и тактической подготовок.

Все обучающиеся новобранцы и младшие командиры в начале февраля успешно прошли итоговое испытание по курсу всеобщего и получили специальные удостоверения. В январе 1919 года в сборном пункте при почтово-телеграфной конторе М.Н. Иофо подготовил шесть старших звеньев, двух командиров отделений и одного помощника командира взвода. Остальные девять человек, призванные на обучение, также в критическую минуту могли заменить в бою выбывших командиров. В сборном пункте при почтовой конторе г. Витебска из числа не служивших в армии в январе освоили курс всеобщего 41 человек. Из них было подготовлено 14 старших звеньев, 5 командиров отделений, 2 помощника командиров взводов. Все они были в возрасте 19–30 лет. Всего до 3 февраля 1919 года в пяти сборных пунктах Витебска (без учета данных пункта обучения района Риги-Орловской железной дороги) прошли 96-часовую начальную военную подготовку 192 молодых человека в возрасте от 18 до 30 лет, не проходивших в ряды войск. Из них подготовлено 64 старших звеньев, 18 командиров отделений, 6 помощников командиров взводов [13, лл. 14, 18, 22, 24, 33об., 35об., 36, 43об., 47, 49, 107; 17, лл. 71, 121, 143, 193; 20, лл. 118, 119, 123, 278, 297, 310].

Дальнейшие обстоятельства коренным образом изменили судьбу инструктора-учителя. По просьбе руководства Витебского участка Риги-Орловской железной дороги первого февраля М.Н. Иофо перевели с прежнего места работы на должность сотенного инструктора железнодорожного узла станции Витебск, где к концу месяца под его руководством улучшилась практика военной подготовки служащих, мастеровых и рабочих.

В начале марта 1919 г. комиссар Западного военного округа Краевский телефонограммой сообщал из Вильно Витебскому губвоенкому О.А. Скудре о полном отсутствии в столице Литбел ССР активных работников всеобщего, просил командировать в распоряжение Виленского губернского комиссариата самого опытного, политически честного организатора военного обучения. Предписанием Витебского губернского военкомата за № 388 от 4.03.1919 г. для налаживания работы по военному обучению в Вильно был направлен сотенный инструктор-организатор Моисей Иофо [19, лл. 42, 90, 93, 143–145, 148, 167; 21, л. 27; 22, лл. 24, 50, 52].

Успешно проводилось обучение штатных инструкторов, старших звеньев, отделенных, помощников взводных командиров из числа новобранцев в сборных пунктах Велижа, Городка, Лепеля, Невеля, Себежа, Борисова, 1-го, 5-го Минска, узлов станций Витебск, Гомель, Жлобин, Могилев Риги-Орловской железной дороги и других [19, лл. 20, 47, 49, 50; 20, лл. 11, 19, 40, 44–46, 82, 83, 84, 91, 92, 99, 100, 129, 138, 141, 146об., 186об., 204, 256; 23, лл. 80, 85, 131, 134; 24, л. 16; 25, лл. 1, 78].

Эффективному обучению младших командных кадров мешали обстоятельства объективного и субъективного характера. На качество подготовки кадров отрицательно влияли экономическая разруха, острый недостаток финансовых средств для закупки оборудования и снаряжения, крайняя бедность населения. Так, в январе 1919 года в сборных пунктах Быхова, Двинска, Дриссы, Люцина, Режицы, Суража не имелось станков для прицеливания, военного снаряжения, наглядных пособий и спортивного инвентаря. Занятия с будущими младшими военными начальниками проводились в необорудованных классах, при отсутствии или нехватке исправного оружия. В период больших морозов, особенно с 15 по 29 января, некоторые старшие звеньев Невеля, младшие командиры-новобранцы г. Полоцка пропускали занятия по причине отсутствия теплой одежды, главным образом, обуви [20, лл. 15, 69об., 83; 26, лл. 612, 644; 27, лл. 39, 40; 28, л. 79].

Негативное воздействие на процесс подготовки начальствующего состава низшего звена оказывали формализм в популяризации идей военного обучения со стороны отдельных идеологических структур исполкомов и военкоматов. Например, в январе 1919 года в Витебске организовывалось значительное количество митингов и других массовых мероприятий по пропаганде необходимости защиты социалистического Отечества. Но все они, как правило, проводились без учета состава участников, в местах, где было проще собрать аудиторию. При этом допризывники, младшие командиры из числа новобранцев, как показывает изучение, в большинстве своем оставались вне воспитательного воздействия.

Проведенное исследование также показало, что в некоторых сборных пунктах призванная на обучение молодежь, в том числе младший начальствующий состав, допускали массовое непосещение военных уроков без каких бы то ни было последствий. Так, 2 января 1919 г. на занятия в сборный пункт первого района обучения г. Витебска пришли 43 человека, не явилось 299, в пункте обучения второго района присутствовали на уроках 20 человек, отсутствовали 297, третьего района – 9 и 100, четвертого района, соответственно, 30 и 374. В целом в январе 1919 г. около трети призывников, от 10 до 15% исполняющих

обязанности старших звеньев и командиров отделений 1 – 4 сборных пунктов губернского центра периодически пропускали обязательные занятия. К административной ответственности привлекались лишь самые злостные из прогульщиков. В большом количестве не посещали военные занятия призывники и новые младшие командиры г. Полоцка [17, лл. 3–6; 20, лл. 190; 26, лл. 621, 622 об., 648].

Заключение. Анализ архивных документов, публикаций прессы свидетельствует, что в начале 1919 г. в ССРБ складывались основы системы подготовки младших командных кадров. В сборных пунктах военкоматов проводились учебные занятия со штатными инструкторами и новобранцами, исполняющими обязанности младшего начальствующего состава. В ряде мест военное обучение командного состава низшего звена проводилось на высоком уровне. Исследование показало, что абсолютное большинство из числа проходящих обучение старших звеньев, отделькомов и помощников командиров взводов составляла молодежь в возрасте от 18 до 30 лет. Накопленный опыт подготовки младших командиров в пунктах всевобуча требует обстоятельного осмысления и возможен, по мнению автора, для использования в современных условиях.

В ходе выучки младших командиров имели место проблемы. Негативное воздействие на подготовку новых командиров оказывали экономическая разруха, разбитые дороги, крайняя бедность населения, недостаток финансовых средств для приобретения оборудования и снаряжения, исправного оружия, отсутствие квалифицированных инструкторов-учителей. Военным инструкторам часто приходилось отвлекаться от работы по обучению младших командиров для составления малозначимых отчетов «в усовершенствование» отменяющих одно другое распоряжений уездных властей, предоставления большого количества второстепенной информации. Имели место случаи халатного и даже безответственного отношения к своим обязанностям со стороны отдельных инструкторов, уклонения старших звеньев и отделькомов от посещения военных занятий.

Исследование показало, что складывающаяся в ССРБ система подготовки командных кадров в сборных пунктах всевобуча, несмотря на имеющиеся проблемы и сложности, непродолжительный срок функционирования, в целом обеспечила основные потребности Красной армии в обученных старших звеньев, командирах отделений и помощниках командиров взводов. Получив хорошие основы военных знаний, в большинстве своем младший начальствующий состав сумел показать организаторские навыки, личную выучку, героизм, успешно руководить красноармейцами при защите территории Беларуси от польских легионеров в 1919 – 1920 гг.

ЛИТЕРАТУРА

1. Селиванов, П.А. Военное строительство в Белоруссии в период разгрома походов Антанты / П.А. Селиванов. – Минск : Наука и техника, 1973. – 208 с.
2. Селиванов, П.А. Деятельность партийных и государственных органов Белоруссии по созданию и укреплению советской военной организации (октябрь 1917 – 1920 гг.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / П.А. Селиванов ; АН БССР, Отд-е обществ. наук. – Минск, 1974. – 58 с.
3. Кушнер, В.Ф. Военно-патриотическое воспитание и подготовка трудящихся Белоруссии к защите Родины (1921 – 1925 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / В.Ф. Кушнер ; Минс. гос. пед. ин-т. – Минск, 1976. – 25 с.
4. Семенчик, Н.Е. Печать советской Белоруссии в борьбе против иностранных интервентов и внутренней контрреволюции : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Н.Е. Семенчик ; АН БССР, Ин-т истории. – Минск, 1987. – 24 с.
5. Грицкевич, А.П. Западный фронт РСФСР 1918–1920. Борьба между Россией и Польшей за Белоруссию / А.П. Грицкевич. – Минск : Харвест, 2010. – 496 с.
6. Резник, А.Н. От БССР к СССР. Исследования по истории формирования и развития белорусской государственности на Советской основе (Вторая половина 1918 – конец 1922 гг.) / А.Н. Резник. – Минск : Энциклопедикс, 2011. – 412 с.
7. Хромченко, Д.Н. Оборонно-массовая работа общественных организаций Беларуси в 1920 – 1940-е годы / Д.Н. Хромченко. – Минск : БНТУ, 2017 – 204 с.
8. Куликович, К.А. Развитие физической культуры и спорта в Белорусской ССР (1945 – 1970 гг.) : автореф. дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.04 / К.А. Куликович ; Моск. гос. ин-т физ. культуры. – М., 1972. – 53 с.
9. Шаврук, В.И. Внеурочная политико-воспитательная работа в школах Белорусской ССР (1920 – 1965 гг.) : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / В.И. Шаврук ; Мин. гос. пед. ин-т. – Минск, 1967. – 22 с.
10. Коваленко, Г.П. Становление и развитие физического воспитания общеобразовательной школы советской Белоруссии (1917 – 1941) : автореф. дис. ... канд. пед. наук : 13.00.04 / Г.П. Коваленко ; Мин. гос. пед. ин-т. – Минск, 1972. – 21 с.
11. Комсомол – нашей доблестной партии сын: из истории Ленинского Коммунистического Союза Белоруссии: [сб. очерков] / Редкол.: А.К. Зинин, А.А. Маркевич. – Минск : Госиздат БССР, 1960. – 492 с.
12. Ленинский комсомол Белоруссии – общеобразовательной школе: содержание, формы и методы работы по обучению и коммунистическому воспитанию молодежи (1941–1980 гг.) / АН БССР, Ин-т истории. – Минск : Наука и техника, 1982. – 352 с.
13. Государственный архив Витебской области (ГАВт). – Ф. 1680. Оп. 1. Д. 774.

14. Всеобщее военное обучение. Основы агитации и популяризации идей милиционной системы по 2-му Всероссийскому съезду в Москве : сб. ст. / Марьясин [и др.] ; под ред. Марьясина. Сост. В. Златолинский. – Петербург : Библ. журн. «Военно-революционная мысль», 1919. – 63 с.
15. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 5.
16. О всеобщем военном обучении и мобилизации : декрет СНК ССРБ, 22 янв. 1919 г. // Звезда. – 1919. – 24 янв. – С. 4.
17. ГАВТ. – Ф. 1582. Оп. 1. Д. 58.
18. ГАВТ. – Ф. 1582. Оп. 1. Д. 110.
19. ГАВТ. – Ф. 1582. Оп. 1. Д. 202.
20. ГАВТ. – Ф. 1582. Оп. 1. Д. 203.
21. ГАВТ. – Ф. 1582. Оп. 1. Д. 44;
22. ГАВТ. – Ф. 1582. Оп. 1. Д. 129.
23. Государственный архив Могилевской области (ГАМг). – Ф. 232. Оп. 1. Д. 18;
24. НАРБ. – Ф. 32. Оп. 2. Д. 3;
25. НАРБ. – Ф. 32. Оп. 2. Д. 6.
26. ГАВТ. – Ф. 1582. Оп. 1. Д. 41.
27. ГАВТ. – Ф. 1582. Оп. 1. Д. 56.
28. ГАМг. – Ф. 232. Оп. 1. Д. 40.

Поступила 10.04.2020

TRAINING OF JUNIOR COMMANDERS AT THE CITY ASSEMBLY STATIONS OF THE SSRB

U. KRUKOUSKI

Training of lower-level personnel at the assembly stations of military training in the cities of the republic in early 1919 has been analyzed. Successful experience in a number of places has been disclosed. It is noted that the vast majority of trained junior commanders were young people. The problems that hindered the training of senior managers, squad leaders, assistants of platoon commanders, related to economic devastation, lack of financial resources, excessive reporting at the request of local authorities, and irresponsibility in the work of individual employees of universal military training have been considered. But in general, the state policy of training of junior military command personnel was thought out and basically achieved its goals.

Keywords: *military training, training of personnel, lower-level, junior commanders, recruiting stations, assembly stations, instructors, young soldiers, young people.*

УДК 94:327(430+44)

СОТРУДНИЧЕСТВО ФРАНЦИИ И ФРГ В РАМКАХ ЕВРОПЕЙСКИХ ПРОГРАММ И ИНИЦИАТИВ В ОБЛАСТИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ**Е.А. ЛОСЕВА***(Белорусский государственный университет, Минск)*

Впервые в русскоязычной историографии рассматривается участие франко-немецкого тандема в европейских интеграционных процессах в области высшего образования во второй половине XX – начале XXI вв. Характеризуется сотрудничество Франции и ФРГ в рамках образовательных проектов Совета Европы, программ Европейского экономического сообщества и Европейского союза. Определяется роль Франции и ФРГ в создании Европейского пространства высшего образования. Сделан вывод о влиянии европейских образовательных программ, в особенности программы «Эразмус», на активизацию двусторонних франко-немецких обменов.

Ключевые слова: франко-немецкое сотрудничество, Европейское пространство высшего образования, Болонский процесс, образовательная политика, академическая мобильность.

Введение. Развитие интеграционных процессов в сфере высшего образования на европейском континенте представляет несомненный интерес в контексте изучения истории международных отношений и выработки стратегий сотрудничества в данной области с государствами Европы.

Франция и Германия – две страны-основательницы Европейского Сообщества, – стоят у истоков всего образовательного партнерства в Европе. Необходимость интеграции в сфере высшего образования стала осознаваться данными государствами наряду с созданием общеевропейских экономических и политических институтов в послевоенный период. На сегодняшний день франко-немецкий тандем является ведущим игроком и двигателем всей европейской образовательной кооперации.

Цель настоящей работы заключается в анализе сотрудничества Франции и ФРГ в рамках европейских программ и инициатив во 2-й пол. XX – нач. XXI в.

Для достижения поставленной цели предполагается решение следующих задач: проследить эволюцию сотрудничества Франции и ФРГ в рамках образовательных программ ЕЭС и ЕС, определить влияние европейских образовательных программ на активизацию двусторонних франко-немецких обменов, выявить роль франко-немецкого тандема в налаживании общеевропейского образовательного партнерства.

Статья подготовлена на основе анализа содержания актов первичного и вторичного права ЕС и права Совета Европы, а также данных статистических источников. При проведении исследования использовались как общенаучные (анализ и синтез, индукция и дедукция, аналогия и сравнение), так и специально-исторические (историко-генетический, историко-сравнительный, историко-системный) методы, благодаря которым удалось систематизировать значительный эмпирический материал и дать целостную характеристику франко-немецкому сотрудничеству в рамках европейских программ и инициатив в области высшего образования.

Основная часть. Франция и ФРГ начали сотрудничество в области высшего образования в европейских рамках вскоре после окончания Второй мировой войны. В этот период контроль над сферой образования был поручен международной структуре – Совету Европы, созданному в 1949 г. Не претендуя на роль всеобъемлющего координатора, организации удалось согласовать подходы к решению основных проблем регионального университетского сотрудничества между странами-участниками. Вместе с тем, толчком для развития образовательного сотрудничества в рамках ЕЭС послужило подписание в 1957 г. Римского договора, 128-я статья которого касалась профессионального образования [1, р. 45]. Однако следует отметить, что Римский договор не предусматривал общей компетенции в области образования и профессиональной подготовки, что было обусловлено ориентацией ЕЭС прежде всего на экономические положения, способные, как считалось, объединить европейские страны в непростых международных условиях.

Более активное сближение между системами высшего образования европейских стран началось в 1970-е гг., которые были отмечены широким движением, направленным на реформы в образовательной сфере. Свою роль здесь сыграл энергетический и финансовый кризис, который принудил европейцев кооперироваться теснее и шире. Еще в 1971 г. министры образования девяти стран ЕЭС, в том числе Франции и ФРГ, договорились об основных принципах сотрудничества в области образования, выразив желание развивать университетские кооперации [2, р. 23]. После чего были сформированы две рабочие группы, благодаря усилиям которых в 1976 г. был создан Комитет по образованию, ответственный за разработку конкретных действий в данной сфере. В том же году Совет министров образования ЕЭС принял совместную резолюцию, где были определены приоритеты и этапы будущего сотрудничества. Резолюция включала также предложение Европейской комиссии о создании транснациональных сетей между высшими учебными заведениями – «Joint Study Program scheme», что выразилось в создании специальной программы по академическому обмену [3]. На основе данной совместной учебной программы, действовавшей в период с 1976 по 1986 гг. и включавшей в себя более 500 высших учебных заведений, позднее появилась программа «Эразмус».

Трансформационные тенденции 1970-х гг. дали начало новому явлению в европейском университетском пейзаже – Европейскому университетскому институту во Флоренции. Учреждение образования было основано в 1976 г. при участии ведущих европейских государств, в том числе Франции и ФРГ, и имело целью исследование интеграционных процессов в Европе [4, p. 228–230]. 20 июня 1983 г.

Совет министров образования ЕЭС определил новые принципы сотрудничества между высшими учебными заведениями в Европе, исходя из новой формы партнерства между принимающими и отправляющими университетами [5, p. 78]. Тем не менее, эти прогрессивные действия натолкнулись на сопротивление лидеров ряда стран, в первую очередь, Франции и ФРГ. Надлежит отметить, что изначально франко-немецкий тандем не проявлял особого интереса к открытию программы, поскольку у них уже был ряд собственных программ, в том числе двусторонних. Кроме того, спорными вопросами оставались бюджет и законодательная база будущего европейского сотрудничества. Однако избрание в 1985 г. Ж. Делора, бывшего министра финансов Франции, председателем Европейской комиссии ознаменовало новый этап развития сотрудничества в сфере высшего образования ЕЭС. Ж. Делор поддержал расширение академической мобильности, которая должна была охватить 10% от общего количества студентов, обучающихся в вузах [6, S. 253].

Свою роль в формировании регионального междууниверситетского сотрудничества в 80-е гг. XX в. сыграло создание конфедераций высших учебных заведений. Так, при активном взаимодействии Франции и ФРГ была образована конфедерация университетов – Европейская школа университетов Верхнего Рейна, которая стала одним из факторов налаживания научно-образовательных контактов между вузами Франции, ФРГ и Швейцарии. Учреждение было создано на основе Высшей школы биотехнологий в Страсбурге (ESBS), созданной в 1982 г. при Университете Луи Пастера (Страсбург-I). Организация Высшей школы предполагала наличие единого офиса в Страсбурге, куда приезжали преподаватели из университетов Базеля, Фрайбурга и Карлсруэ, и наоборот, студенты могли пройти курс обучения в других университетах на период от одного до двух месяцев. По окончании курсов выпускники Высшей школы получали диплом инженера-биотехнолога, заверенный печатью четырех университетов [7, S. 201].

В феврале 1984 г. Франция и ФРГ приняли участие в основании Европейской конфедерации университетов Верхнего Рейна (Europäische Konföderation der Oberrheinischen Universitäten, EUCOR), в состав которой вошла Европейская школа университетов Верхнего Рейна. Всего EUCOR включала в себя пять высших учебных заведений данного региона: Университет Базеля, Университет Альберта-Людвига Фрайбурга, Университет Страсбурга, Технологический институт Карлсруэ и Университет Монтхауса Верхнего Эльзаса. Создание EUCOR было оформлено в октябре 1989 г. в виде гибкого соглашения о сотрудничестве [8, S. 214]. Конфедерация имела заседающий на регулярной основе совместный орган управления, которому помогал постоянный секретариат, обеспечивающий координацию между субъектами, участвующими в сотрудничестве. В целом, в рамках EUCOR реализовывались более 70 видов университетских коопераций, в частности: совместные магистерские программы в областях нейронауки, сравнительного права, классической филологии, бинарной химии; европейский курс фармацевтической медицины; а также семинары по лингвистике и летние школы по этике, экологическим наукам и естественным наукам [9, p. 38].

Важно отметить, что до принятия Единого европейского акта в 1986 г. (ст. 126) ЕЭС не имело действительной компетенции в сфере высшего образования [10]. Отсутствие правовой базы, необходимой для реализации эффективной образовательной политики на общеевропейском уровне существенно ограничивало деятельность в этой области. Совокупность отмеченных предпосылок заложила основу для запуска наиболее результативной на сегодняшний день европейской программы академической мобильности под названием «Эразмус» (Erasmus). Программа была утверждена Советом министров образования ЕЭС 15 июня 1987 г. после 18 месяцев трудных переговоров и тройного отклонения [11].

Необходимо подчеркнуть особую роль в принятии программы Ассоциации генеральных штатов студентов Европы (Association états Généraux des Étudiants de l'Europe, AEGEE), созданной в 1985 г., где большое влияние имели французские и немецкие студенты. С 1986 г. Ассоциация начала активное лоббирование программы «Эразмус» на высшем политическом уровне, включая первых лиц государств, в том числе, Ф. Миттерана. Присоединение президента Франции к числу сторонников будущей программы сыграло важную роль в изменении отношения к ней ряда других стран. Кроме того, нельзя не отметить и богатый опыт Франко-немецкого управления по делам молодежи (фр. L'Office franco-allemand pour la Jeunesse, OFAJ; нем. Das Deutsch-Französische Jugendwerk, DFJW), который был использован при подготовке программы «Эразмус» [12, p. 187]. Что касается содержания программы, она включала три направления действий: межвузовское сотрудничество, финансовая помощь при мобильности и мероприятия, направленные на признание дипломов и периодов обучения. Также внедрялась система академических кредитов ECTS. В результате, несмотря на небольшое для того времени финансирование, программа очень быстро стала успешной. Так, в течение 1987 – 1988 учебного года в ней смогли поучаствовать 3244 студента из 11 стран Европейского экономического сообщества [13, p. 58].

С подписанием Маастрихтского договора в 1993 г. сфера образования стала неотъемлемой частью общей европейской политики (ст. 130f – 130p) [14]. В соответствии с принципом субсидиарности ЕС поощрял сотрудничество и координацию в области образования между государствами-членами, действия которых он мог дополнить при необходимости, что было закреплено в Договоре о функционировании ЕС (ст. 6, ст. 165) [15].

В 1990-е гг. Франция и Германия продолжили партнерство в рамках новой программы СОКРАТ (SOCRATES), в состав которой вошла программа «Эразмус» (с 1994 г.). СОКРАТ касалась только стран ЕС и была разработана с целью ответа на вызовы глобализации и расширения Европейского союза. Программа продолжала действовать до 1999 г. и отличалась от предыдущих, прежде всего, введением нового инструмента упрощения совместного управления – институционального договора между ее членами [16].

Параллельно с сотрудничеством в рамках образовательных инициатив ЕС, в данное время Франция и ФРГ являлись активными участниками интеграционных процессов в области высшего образования в рамках Совета Европы. Еще в 1988 г. страны подписали Великую Хартию университетов, которая определяла общие моменты сближения университетских систем подписавших ее стран [17]. Десять лет спустя, 25 мая 1998 г. министры образования Германии, Франции, а также Италии и Великобритании подписали в Сорбонне совместную Декларацию «О гармонизации архитектуры европейского высшего образования» [18]. Следующим этапом данного процесса стало принятие 29 июня 1999 г. в Болонье Декларации министров образования 29 европейских государств, в которой были сформулированы задачи и принципы реорганизации высшего образования стран-участниц. Суть Болонского процесса сводилась к сближению и гармонизации систем высшего образования европейских стран путем реализации следующих основных положений: принятие системы сопоставимых академических степеней, введение двухциклового обучения (бакалавриат – магистратура/аспирантура), внедрение Европейской системы взаимного признания зачетных единиц ECTS, разработка эквивалентных критериев в методологии и учебных планах, создание совместных программ обучения, содействие расширению академической мобильности, а также проведение совместных образовательных и научных мероприятий [19].

Таким образом, с начала нового тысячелетия партнерство высших учебных заведений Франции и ФРГ развивается в рамках положений Болонской декларации, которая значительно сблизила системы высшего образования двух стран. Кроме того, как и прежде Франция и ФРГ являются активными участниками и движущей силой программ академической мобильности, подготовленных под эгидой ЕС.

Так, с 2000 г. страны осуществляли партнерство в рамках программы СОКРАТ 2 (SOCRATES 2), которая была отмечена, в первую очередь, введением университетского устава программы «Эразмус» вместо институционального контракта ее участников [20]. После окончания срока действия программы СОКРАТ 2 в 2006 г. началась новая программа «Обучение на протяжении всей жизни» (Lifelong Learning), которая действовала в течение 2007 – 2013 гг. [21]. Исходя из того, что многие иностранные студенты на пороге нового тысячелетия выбирали вузы США в качестве учебного заведения, в 2003 г. ЕС решил запустить параллельную программу, предназначенную не только для европейских стран, – «Эразмус Мир» (Erasmus World), которая была переименована позднее в «Эразмус Мундус» (Erasmus Mundus) [22]. Германия, Франция, а также Италия и Великобритания были наиболее активными участниками программы с европейской стороны [23, S. 229]. С 2009 г. «Эразмус Мундус» был включен в программу «Обучение на протяжении всей жизни».

Сближение систем высшего образования европейских стран в рамках Болонского процесса вылилось в создание Европейского пространства высшего образования, основанного в марте 2010 г. на конференции министров образования Европы. Провозглашение ЕПВО говорило о том, что поставленные Болонской декларацией цели были в большей степени выполнены.

С 2014 г. Франция и Германия участвуют в актуальной на сегодняшний день программе «Эразмус+» (Erasmus+), которая включает в себя все предыдущие образовательные программы ЕС (Lifelong Learning, Erasmus, Leonardo da Vinci, Comenius, Grundtvig, Youth in Action, Erasmus Mundus, Tempus, Alfa, Edulink). Данная программа рассчитана на период до 2020 г. и включает в себя мобильность для обучающихся физических лиц, сотрудничество для инноваций и обмена опытом, поддержку системных реформ в образовании, программу «Жан Моне» и программу «Спорт» [24]. Надлежит отметить, что с 2015 г. Республика Беларусь также имеет возможность принимать участие в программе «Эразмус+» в рамках кооперации КА 107 «Страны Восточного партнерства», в том числе в немецких и французских высших учебных заведениях.

Франция и ФРГ являются наиболее активными участниками программы «Эразмус+» с момента ее запуска. Так, в целом, ФРГ и Франция занимали второе и третье место соответственно по приему студентов и преподавателей в 2013 – 2014 учебном году. [25]. Германия разместилась на третьей позиции по этому показателю после Великобритании и Испании в 2018 г., а Франция в этом году вошла в топ-15 [26]. По количеству отправленных студентов Франция является лидером, опережая Германию, Испанию и Италию [27]. Кроме того, Франция и ФРГ выступают как активные сторонники расширения программы. Так, в июле 2017 г. Франко-немецкий совет министров предложил значительно увеличить бюджет программы, особенно в области профессионального обучения [28].

Примечательно, что если на момент создания ЕС (1992/93 учебный год) в целом насчитывалось порядка 2130 программ «Эразмус» и «Лингва», в 700 из которых участвовали французские и немецкие партнерские институты, что соответствовало примерно 1500 студентам с каждой стороны [29, S. 104], то, например, в 2015 – 2016 гг. эта цифра уже составляла 4767 французских студентов, учащихся в Германии, и 5881 немецкий студент на обучении во Франции [30]. Из чего следует вывод, что участие Франции и ФРГ в европейских программах стимулировало также и двусторонний франко-немецкий обмен. Более

того, Франция и ФРГ являются одними из наиболее привлекательных друг для друга стран в рамках программы «Эразмус+»: в 2015 – 2016 учебном году ФРГ получила третье место по популярности у французских студентов и преподавателей, уступая только Великобритании и Испании, а Франция, в свою очередь, занимала первое место по популярности у немецких студентов [Там же, р. 35].

Закключение. Таким образом, Франция и ФРГ стояли у истоков интеграционного процесса в сфере высшего образования в Европе, и, несомненно, были одними из его самых активных участников, несмотря на наличие двусторонних проектов. Франко-немецкий тандем стал инициатором и движущей силой большинства европейских образовательных проектов, а опыт франко-немецких организаций (OFAJ/DFJW) использовался при создании европейских программ академической мобильности (например, «Эразмус»).

Сотрудничество Франции и ФРГ в контексте европейских образовательных программ и инициатив осуществлялось на двух уровнях: в рамках проектов Совета Европы и в рамках программ ЕЭС и ЕС. Европейская образовательная кооперация способствовала укреплению двустороннего партнерства Франции и Германии и стимулировала обмен студентами и преподавателями между университетами двух стран.

С началом нового тысячелетия партнерство Франции и Германии развивается в рамках нового европейского проекта – Болонского процесса, включившего в себя как предыдущие соглашения Совета Европы, так и опыт франко-немецких сближений в сфере высшего образования. На сегодняшний день Франция и ФРГ являются частью Европейского пространства высшего образования, и, следовательно, их системы высшего образования работают по единым европейским правилам: система сопоставимых академических степеней, двухцикловое обучение (бакалавриат – магистратура/аспирантура) и наличие Европейской системы взаимного признания зачётных единиц ECTS. На уровне инициатив Европейского Союза продолжается активное участие франко-немецкого тандема в программах академической мобильности, ведущей из которых является программа «Эразмус+».

ЛИТЕРАТУРА

1. The Treaty of Rome [Electronic resource]: 25 March 1957 // European Commission. – Mode of access: https://ec.europa.eu/romania/sites/romania/files/tratatul_de_la_roma.pdf. – Date of access: 07.02.2020.
2. Pépin, L. The history of European cooperation in education and training: Europe in the making: an example / L. Pépin. – Luxembourg : Office for Offic. Publ. of the Europ. Communities, 2006. – P. 23.
3. Resolution of the Council and of the Ministers of Education, meeting within the Council, of 9 February 1976 comprising an action programme in the field of education [Electronic resource] // EUR-Lex.europa.eu. – Mode of access: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A41976X0219>. – Date of access: 07.02.2020.
4. Pfeil, U. Le projet d'Université européenne de Florence. Entre coopération intergouvernementale et Europe intégrée / U. Pfeil // La guerre froide et l'internationalisation des sciences: acteurs, réseaux et institutions / sous la direction de C. Defrance, A. Kwaschik. – Paris, 2016. – P. 215–232.
5. Pépin, L. The history of European cooperation in education and training: Europe in the making: an example / L. Pépin. – Luxembourg : Office for Offic. Publ. of the Europ. Communities, 2006. – P. 78.
6. Bartsch, T.-C. Europäische Hochschulpolitik: über die Entwicklung und Gestalt(ung) eines Politikfeldes / T.-C. Bartsch. – Baden-Baden : Nomos, 2009. – S. 253.
7. Meyer-Kalkus, R. Die akademische Mobilität zwischen Deutschland und Frankreich: (1925–1992) / R. Meyer-Kalkus. – Bonn: Dt. Akad. Austauschdienst, 1994. – 245 S. – (DAAD-Forum / Dt. Akademischer Austauschdienst ; Bd. 16).
8. Sparfel, J. Europäische Konföderation der Oberrheinischen Universitäten (Eucor) / J. Sparfel // Lexikon der deutsch-französischen Kulturbeziehungen nach 1945 / Hrsg.: N. Colin [et al.]. – Tübingen, 2013. – S. 214.
9. Hamm, A. L'Université franco-allemande, 1999–2014: le creuset d'une double culture partagée / A. Hamm. – Sarrebruck : Univ. franco-allemande, 2014. – 176 p.
10. Single European Act [Electronic resource] // EUR-Lex.europa.eu. – Mode of access: https://eur-lex.europa.eu/resource.html?uri=cellar:a519205f-924a-4978-96a2-b9af8a598b85.0004.02/DOC_1&format=PDF. – Date of access: 06.02.2020.
11. Council decision of 15 June 1987 adopting the European Community Action scheme for the mobility of University students (Erasmus), 87/327/EEC [Electronic resource] // EUR-Lex.europa.eu. – Mode of access: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:31987D0327&qid=1580759069097&from=EN>. – Date of access: 10.02.2020.
12. Ménudier, H. L'Office Franco-Allemand pour la Jeunesse. Une contribution exemplaire à l'unité de l'Europe / H. Ménudier. – Paris : Colin, 1988. – 249 p.
13. John, S. K. Education and Public Policy in the European Union Crossing Boundaries: Crossing Boundaries / S. K. John, M. Murphy. – Cham : Springer, 2019. – 203 p.
14. Treaty on European Union [Electronic resource] // Council of the Europ. Communities. – Luxembourg : Office for Offic. Publ. of the Europ. Communities, 1992. – Mode of access: https://europa.eu/european-union/sites/europaeu/files/docs/body/treaty_on_european_union_en.pdf. – Date of access: 06.02.2020.
15. The Treaty on the functioning of the European Union [Electronic resource] EUR-Lex.europa.eu. – Mode of access: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:12012E/TXT&from=EN>. – Date of access: 21.02.2020.
16. Common Position (EC) No 33/94 adopted by the Council on 18 July 1994 with a view to adopting European Parliament and Council Decision 94/.../EC of ... establishing the Community action programme “Socrates”, (94/C 255/05) [Electronic resource] // EUR-Lex.europa.eu. – Mode of access: [https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:51994AG0831\(05\)&qid=1580759489708&from=EN](https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:51994AG0831(05)&qid=1580759489708&from=EN). – Date of access: 11.02.2020.

17. Magna Charta Universitatum [Electronic resource] // Magna-charta.org. – Mode of access: <http://www.magna-charta.org/resources/files/the-magna-charta/english>. – Date of access: 11.02.2020.
18. Joint declaration on harmonization of the architecture of the European higher education system (Sorbonne Joint Declaration) [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.ehea.info/media.ehea.info/file/1998_Sorbonne/61/2/1998_Sorbonne_Declaration_English_552612.pdf. – Date of access: 21.01.2020.
19. The Bologna Declaration of 19 June 1999 [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.magna-charta.org/resources/files/BOLOGNA_DECLARATION.pdf – Date of access: 21.01.2020.
20. Decision No 253/2000/EC of the European Parliament and of the Council of 24 January 2000 establishing the second phase of the Community action programme in the field of education “Socrates” [Electronic resource] // EUR-Lex.europa.eu. – Mode of access: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32000D0253&qid=1580760151479&from=EN>. – Date of access: 11.02.2020.
21. Decision No 1720/2006/EC of the European Parliament and of the Council of 15 November 2006 establishing an action programme in the field of lifelong learning [Electronic resource] // EUR-Lex.europa.eu. – Mode of access: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32006D1720&qid=1580760485152&from=EN>. – Date of access: 11.02.2020.
22. Decision No 2317/2003/EC of the European Parliament and of the Council of 5 December 2003 establishing a programme for the enhancement of quality in higher education and the promotion of intercultural understanding through cooperation with third countries (Erasmus Mundus) (2004 to 2008) [Electronic resource] // EUR-Lex.europa.eu. – Mode of access: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32003D2317&qid=1580760674203&from=EN>. – Date of access: 11.02.2020.
23. Bartsch, T.-C. Europäische Hochschulpolitik: über die Entwicklung und Gestalt(ung) eines Politikfeldes / T.-C. Bartsch. – Baden-Baden : Nomos, 2009. – S. 229.
24. Regulation (EU) No 1288/2013 of the European Parliament and of the Council of 11 December 2013 establishing “Erasmus+”: the Union programme for education, training, youth and sport [Electronic resource] // EUR-Lex.europa.eu. – Mode of access: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32013R1288&qid=1580760862976&from=EN>. – Date of access: 11.02.2020.
25. Chiffres clés août 2019 [Electronic resource] // Campus France. – Mode of access: https://ressources.campusfrance.org/publications/chiffres_cles/fr/chiffres_cles_2019_fr.pdf. – Date of access: 07.02.2020.
26. Mobilités du programme Erasmus [Electronic resource] // StatErasmus+. – Mode of access: <https://www.staterasmus.fr/mobilites.php>. – Date of access: 07.02.2020.
27. 10 chiffres sur le programme Erasmus+ [Electronic resource] // Toute l’Europe. – Mode of access: <https://www.touteurope.eu/actualite/10-chiffres-sur-le-programme-erasmus.html>. – Date of access: 07.02.2020.
28. Les principales propositions du Conseil des Ministres franco-allemand, Paris, le 17 juillet 2017 [Electronic resource] // Franco-allemande. fr. – Mode of access: <https://www.france-allemande.fr/Les-principales-propositions-du-Conseil-des-Ministres-franco-allemand-Paris-le.html>. – Date of access: 07.02.2020.
29. Meyer-Kalkus, R. Die akademische Mobilität zwischen Deutschland und Frankreich: (1925–1992) / R. Meyer-Kalkus. – Bonn : Dt. Akad. Austauschdienst, 1994. – 245 S. – (DAAD-Forum / Dt. Akademischer Austauschdienst ; Bd. 16).
30. Chiffres clés août 2019 [Electronic resource] // Campus France. – Mode of access: https://ressources.campusfrance.org/publications/chiffres_cles/fr/chiffres_cles_2019_fr.pdf. – Date of access: 07.02.2020.

Поступила 18.05.2020

COOPERATION OF FRANCE AND GERMANY IN THE FRAMEWORK OF EUROPEAN PROGRAMS AND HIGHER EDUCATION INITIATIVES

Ya. LOSEVA

For the first time in Russian-language historiography, the participation of the French-German tandem in European integration processes in the field of higher education in the second half of the XX – beginning of the XXI centuries is considered. The cooperation between France and Germany in the framework of educational projects of the Council of Europe, programs of the European Economic Community and the European Union is characterized. The role of France and Germany in the creation of the European Higher Education Area is determined. The conclusion is drawn about the influence of European educational programs, in particular the Erasmus program, on the activation of bilateral Franco-German exchanges.

Keywords: Franco-German cooperation, European Higher Education Area, Bologna process, educational policy, academic mobility.

УДК 904:739.1(476.5-21)''9/10''

**ХІМІЧНЫ СКЛАД ВЫРАБАЎ З КАЛЯРОВЫХ МЕТАЛАЎ XIV – XVIII стст.
З ТЭРЫТОРЫІ ПАЎНОЧНАЙ І ЦЭНТРАЛЬНАЙ БЕЛАРУСІ****канд. гіст. навук, дац. І.У. МАГАЛІНСКІ
(Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт)**

Прадстаўлены вынікі вывучэння элементнага складу вырабаў з каляровых металаў XIV – XVIII стст. з асобных помнікаў на тэрыторыі Паўночнай і Цэнтральнай Беларусі (Полацк, паселішчы Бірулі, Кардон, Лучна). Аўтар прыходзіць да высновы, што каляровая металаапрацоўка рэгіёна характарызуецца пераемнасцю традыцый з рамеснай вытворчасцю папярэдняга перыяду, што праявілася ў перавазе меднацынковых сплаваў, а таксама алавяна-свінцовых і шматкампанентных бронз. Адзначаецца, што новым для рамяства XIV – XVIII стст. з’яўляецца павелічэнне ў выбарцы долі сплаваў з высокімі канцэнтрацыямі легіруючых кампанентаў, што сведчыць пра доступ мясцовых рамеснікаў да крыніц сыравіннага металу, у найменшай ступені забруджанага шматлікімі пераплаўкамі.

Ключавыя словы: археалогія Беларусі, гісторыя старажытнай тэхналогіі, ювелірнае рамяство, археаметалургія.

Уводзіны. Важнай часткай матэрыяльнай культуры старажытнага насельніцтва Беларусі з’яўляліся вырабы з каляровых металаў, якія выкарыстоўваліся ў розных сферах жыцця грамадства. Для апрацоўкі каштоўнай сыравіны майстры ўжывалі найбольш прагрэсіўныя для свайго часу прыёмы і тэхнікі, што дазваляе лічыць дадзены від вытворчай дзейнасці пэўным індыкатарам агульнага ўзроўню развіцця рамяства.

У сувязі з адсутнасцю на тэрыторыі Беларусі радовішчаў каляровых металаў, уся сыравіна для ювелірнага вытворчасці з’яўлялася прадметам імпарту. Для перыяду Сярэднявечча дакладна вызначыць паходжанне першапачатковай сыравіны з дапамогай аналізу элементнага складу металаў не ўяўляецца магчымым у сувязі з тым, што рамеснікі часта выкарыстоўвалі не столькі “чысты” метал, колькі металічны лом і іншую рознахарактарную сыравіну [1, с. 6]. Аднак, элементны аналіз артэфактаў дае магчымасць прасачыць адметнасці тэхналагічных аперацый, якія выкарыстоўваліся старажытнымі майстрамі для вырабу розных груп прадметаў, а ў некаторых выпадках вызначыць паходжанне асобных рэчаў.

Даследаванне хімічнага складу вырабаў з каляровых металаў XIV-XVIII стст. да апошняга часу не атрымала дастатковага асвятлення ў гістарыяграфіі. Асобныя працы, прысвечаныя азначанай праблематыцы, датычацца, як правіла, вывучэння хрысціянскай металапластыкі, маюць лакальны характар, хоць і заснаваны на вялікіх серыях даследаваных абразцоў [2–6]. Не глядзячы на арыентацыю прадстаўленых работ на пэўную катэгорыю рэчаў, яны далі магчымасць вылучыць агульныя адметнасці рэцэптур прыгатавання металічных сплаваў у параўнанні з папярэднімі перыядамі гісторыі старажытнага ювелірнага рамяства.

Трэба адзначыць таксама, што элементны склад вырабаў з каляровых металаў XIV – XVIII стст. з тэрыторыі Паўночнай і Цэнтральнай Беларусі ніколі не з’яўляўся прадметам спецыяльнага даследавання. У той жа час, падобныя працы маюць вялікі навуковы патэнцыял і могуць дазволіць прасачыць адметныя рысы каляровай металаапрацоўкі, вылучыць найбольш распаўсюджаныя групы сплаваў, прасачыць узаемаадносінны тыпалагічных і тэхналагічных груп вырабаў, адзначыць адметнасці апрацоўкі каляровых металаў у параўнанні з папярэднімі перыядамі.

Мэта працы – вызначыць адметнасці каляровай металаапрацоўкі XIV – XVIII стст. на тэрыторыі Паўночнай і Цэнтральнай Беларусі па выніках даследавання хімічнага складу прадметаў з каляровых металаў, якія паходзяць з асобных помнікаў рэгіёна.

Асноўная частка. Для вызначэння асноўных тыпаў сплаваў вывучаны хімічны склад 72 прадметаў з археалагічных даследаванняў Полацка, паселішчаў Бірулі, Кардон і Лучна¹. У выбарку ўвайшлі прадметы розных катэгорый: сыравінны метал і нарыхтоўкі (13 экз.), прадметы хрысціянскага культу (7 экз.), упрыгажэнні і дэталі адзення (27 экз.), вырабы гаспадарчага і бытавога прызначэння (15 экз.), прадметы не ўстаноўленага прызначэння (10 экз.).

Даследаванне хімічнага складу асноўнай часткі вырабаў праводзілася па метаду опытка-эмісійнага спектральнага аналізу ў адзеле “Выпрабавальна-даследчы цэнтр” Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта пад кіраўніцтвам С.Ф. Дзенісёнка на партатыўным іскравым аптычным эмісійным спектрометры SPECTROPORT вытворчасці кампаніі «Spectro Analytical Instruments GmbH» (Германія) (43 прадметы).

У дадзеным прыборы матэрыял абразца выпараецца выпрабавальным зондам з дапамогай іскравага разраду. Выпараныя атамы і іёны, знаходзячыся ва ўзбуджаным стане, выпускаюць выпраменьванне, якое

¹ Аўтар выказвае шчырую падзяку беларускім археолагам П.М. Кенько, А.В. Вайцяховічу, М.В. Клімаву і А.Л. Коцу за прадастаўленыя для аналізу матэрыялы.

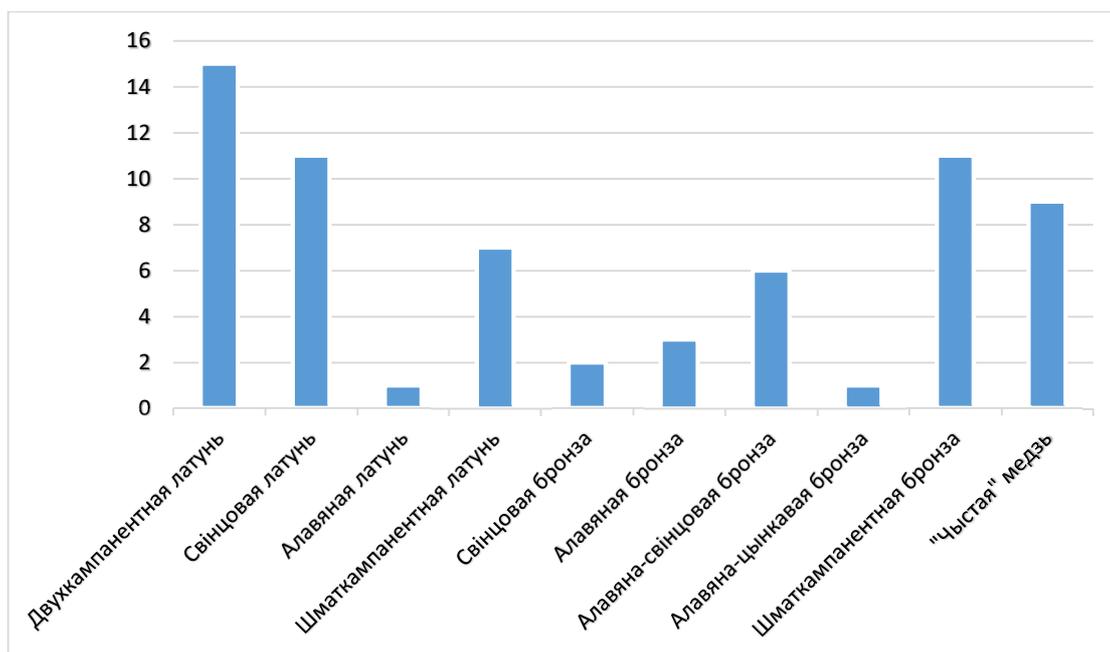
трапляе ў прыборы спектрометра пры дапамозе аптычнага светлавода, дзе раскладаюцца на спектральныя кампаненты. З дыяпазону даўжынь хваль для кожнага элемента выбіраюцца найбольш прыдатныя лініі і вымяраюцца з дапамогай CCD-матрыцы. Інтэнсіўнасць выпраменьвання прапарцыянальная канцэнтрацыі элемента ў прадмеце. З дапамогай захаванага ў спектрометры набору калібравачных крывых можна разлічыць канцэнтрацыю элементаў і паказаць яе ў працэнтах. Адметнай асаблівасцю дадзенай metodyкі з'яўляецца мінімальная папярэдняя падрыхтоўка прадмета для аналізу, а таксама практычны неразбураючы характар кантролю.

Частка аналізаў праведзена ў Інстытуце фізікі імя Б.І. Сцяпанавы НАН Беларусі пад кіраўніцтвам доктара фізіка-матэматычных навук С.М. Райкова па метаду лазернага спектральнага аналізу на лазерным спектрометры ўласнай распрацоўкі (28 прадметаў).

Найважнейшымі асаблівасцямі лазернага метаду спектральнага аналізу з'яўляюцца: экспрэсны аналіз у рэжымах практычна нерзбуральнага кантролю і рэальнага часу; адсутнасць або мінімальная папярэдняя падрыхтоўка пробы; высокая лакальнасць і магчымасць вызначэння элементнага складу мікраколькасці рэчыва (мікрааналіз); стэхіаметрычнае выпарэнне пробы; выключэнне змены першапачатковага элементнага складу пробы; правядзенне адначасовага шматэлементнага аналізу, а таксама вызначэнне макра-, мікра- і слядовых утрыманняў элементаў; магчымасць рэалізацыі безэталоных алгарытмаў аналізу [7, с. 27].

Для сістэматызацыі вынікаў даследавання элементнага складу абразцоў у працы выкарыстоўваецца класіфікацыя сплаваў Я. Рыдэрэра, дапрацаваная расійскімі даследчыкамі Н.В. Еніосавай, Р.А. Мітаянам і Т.Г. Сарачавай. Гэтая схема заснавана на шматлікіх даных аналізаў хімічнага складу металаў з розных рэгіёнаў Усходняй Еўропы і адлюстроўвае асноўныя заканамернасці сярэдневяковай металаапрацоўкі [8, с. 128, 131].

У выніку праведзенага даследавання ўстаноўлена, што асноўным тыпам сыравіны, якую выкарыстоўвалі для вытворчасці прадукцыі з каляровых металаў у XIV – XVIII стст. на тэрыторыі Паўночнай і Цэнтральнай Беларусі, з'яўляліся медна-цынкавыя сплавы (двайныя, свінцовыя, алавыя і шматкампанентныя латуні) – 34 прадметы (46% выбаркі) (дыяграма).

Дыяграма. – Хімічны склад вырабаў з каляровых металаў XIV – XVIII стст. з тэрыторыі Паўночнай і Цэнтральнай Беларусі

Двухкампанентныя латуні (CuZn) прадстаўлены 15-ю прадметамі, якія адносяцца да катэгорыі ўпрыгажэнняў і дэталей адзення (8 экз.), гаспадарчых і бытавых прадметаў (1 экз.), вырабаў нявызначанага прызначэння (2 экз.), нарыхтовак і сыравіннага металу (4 экз.). Прадметы адрозніваюцца высокім утрыманнем цынку, якое вагаецца пераважна ў межах 10–20%. Сярод артэфактаў вылучаецца фрагмент металічнай пласцінкі з канцэнтрацыяй Zn = 53%. Сустрэты таксама вырабы з нізкім утрыманнем цынка, якое не перавышае 5,68%. Сюды адносяцца гузік і фрагмент нарыхтоўкі вырабу.

Неабходна адзначыць, што 9 прадметаў з двухкампанентнай латуні паходзяць з матэрыялаў археалагічнага вывучэння вытворчага ювелірнага комплексу XVII ст., які быў выяўлены падчас даследаванняў

2005 г. на тэрыторыі Вялікага пасада Полацка [9, с. 7]. Цікава адзначыць, што сыравінны метал і нарыхтоўкі прадметаў з двухкампанентнай латуні істотна адрозніваюцца паводле канцэнтрацыі цынка ў сплавах. Так, утрыманне Zn у метале нарыхтовак вагаецца ў межах 17,44 – 19,46%, а ў гатовых вырабах з майстэрні – 6,29 – 8,16%. Дадзеную акалічнасць магчыма патлумачыць уласцівасцямі металу, які характарызуецца высокай лятучасцю падчас пераплаўкі [8, с. 134].

Свінцовыя латуні (CuPb) у выбарцы прадстаўлены 11 артэфактамі, сярод якіх вылучаюцца прадметы хрысціянскага культу (1 экз.), упрыгажэнні і дэталі адзення (3 экз.), вырабы гаспадарчага і бытавога прызначэння (3 экз.), сыравінны метал і нарыхтоўкі (3 экз.), а таксама выраб нявызначанага прызначэння. Свінцовыя латуні таксама адрозніваюцца высокімі канцэнтрацыямі цынка ў сплавах. Так, 4 прадметы ўтрымліваюць Zn у дыяпазоне 10–20%, яшчэ чатыры вырабы – у межах 21–30%. У большасці прадметаў свінец зафіксаваны ў дыяпазоне ад 1% да 5%, пры гэтым у метале аднаго прадмета канцэнтрацыя Pb перавышае 25%.

Алавяная латуць (CuZnSn) прадстаўлена ў выбарцы адным абразцом – кручком ад кафтана з ювелірнай майстэрні XVII ст. Прадмет утрымлівае 3,62% Zn і 1,63% Sn.

Шматкампанентныя латуні (CuZnPbSn) выяўлены ў выбарцы ў колькасці 7 экз. Сярод прадметаў пераважаюць упрыгажэнні і дэталі адзення (5 экз.), сустрэты таксама нарыхтоўкі (1 экз.) і прадметы хрысціянскага культу (1 экз.). У трох абразцах колькасць цынка ў сплаве перавышае 20% і толькі ў двух прадметах яго ўтрыманне вагаецца ў дыяпазоне 4,1 – 6,96%. Канцэнтрацыя волава пры гэтым не перавышае 6%, а ўтрыманне свінцу вагаецца ў дыяпазоне ад 5% да 8%.

Такім чынам, вырабы з медна-цынковых сплаваў XIV – XVIII стст., якія паходзяць з даследаванняў асобных помнікаў на тэрыторыі Паўночнай і Цэнтральнай Беларусі, характарызуюцца высокім утрыманнем цынка ў прадметах. Так, у 5 абразцах утрыманне цынка знаходзіцца ў межах 10–20%, а ў 9 прадметах яго канцэнтрацыя перавышае 20%, пры гэтым у чатырох артэфактах колькасць гэтага металу зафіксавана ў пемеры больш за 28%. Устаноўлена, што канцэнтрацыі цынка, вышэйшыя за 28% найбольш характэрныя для вырабаў, зробленых у другой палове XVIII – XIX стст., што пацвярджаецца данымі аналізаў хрысціянскай металапластыкі гэтага часу [3, с. 226; 2, с. 267]. Найбольш верагодна, што прадметы, якія ўтрымлівалі нізкія канцэнтрацыі лятучага цынку, былі зроблены з металічнага лому, у той час як для вытворчасці прадукцыі з сярэднімі і высокімі канцэнтрацыямі Zn выкарыстоўваўся адносна чысты метал. Медна-цынковыя сплавы мелі шырокае распаўсюджванне ў межах даследаванай тэрыторыі і ў больш ранні час [10, с. 394].

Важную ролю ў каляровай металаапрацоўцы рэгіёна працягваюць адыгрываць бронзавыя сплавы (свінцовая, алавяная, алавяна-свінцовая, алавяна-цынковая і шматкампанентная бронзы) – 23 прадметы (33% выбаркі). Пры гэтым пераважаюць шматкампанентныя (11 абразцоў) і алавяна-свінцовыя бронзы (6 абразцоў) з сярэднім і высокім утрыманнем волава.

Свінцовыя бронзы (CuPb) прадстаўлены ў выбарцы двума прадметамі – шчытковым пярсцёнкам і пласцінкай. Пры гэтым канцэнтрацыя свінца ў вырабах істотна адрозніваецца. Так, у метале пярсцёнка са шчытком зафіксавана 22,7% свінцу, пры тым як у пласцінцы нявызначанага прызначэння – 1,36%.

Вырабы з алавянай бронзы (CuSn) выяўлены ў колькасці трох абразцоў. Прадметы прадстаўлены вырабамі нявызначанага прызначэння (2 экз.), а таксама фрагментам бразготкі ад конскай вупражы. Абразцы істотна адрозніваюцца паводле працэнту ўтрымання Sn у сплавах. У пласцінках канцэнтрацыя волава – 1,77% і 2,24%, пры гэтым у метале бразготкі фіксуецца 18,24% гэтага металу. Падобныя адрозненні трэба тлумачыць функцыянальным прызначэннем прадметаў, у прыватнасці, бразготкі.

Алавяна-свінцовая бронза (CuSnPb) прадстаўлена ў метале шасці абразцоў. Сярод іх сустрэты прадметы хрысціянскага культу (2 экз.), упрыгажэнні і дэталі адзення (3 экз.) і фрагмент заклёпкі. У большасці вырабаў утрымліваюцца нізкія ці сярэднія канцэнтрацыі Sn і Pb, аднак на гэтым фоне вылучаецца метал крыжа-цельніка “галгофскага” тыпу з Полацка. У метале гэтага прадмета канцэнтрацыя волава дасягае 18,8%, а свінца – 12,24%.

У выбарцы сустрэты таксама адзін выраб з алавяна-цынковай бронзы (CuSnZn) (пластінка нявызначанага прызначэння), які ўтрымлівае 8,97% волава і 7,82% цынку.

Шматкампанентныя бронзы (CuSnPbZn) прадстаўлены 11-ю абразцамі сярод якіх вылучаюцца прадметы хрысціянскага культу (2 экз.), упрыгажэнні і дэталі адзення (6 экз.) і дзве пласцінкі нявызначанага прызначэння. Для большасці абразцоў характэрна высокае ўтрыманне волава і свінца (5 экз.), якое вагаецца ад 11,95% да 23,46%. Астатнія вырабы прадстаўлены прадметамі з нізкай і сярэдняй канцэнтрацыяй Pb і Sn, пры гэтым утрыманне цынку ва ўсіх даследаваных абразцах не перавышае 10%, а ў асноўным знаходзіцца ў дыяпазоне 1 – 5%.

Бронзавыя сплавы па-ранейшаму мелі шырокае распаўсюджванне ў мясцовых майстроў-ювеліраў, што ўказвае на пераемнасць тэхналагічных традыцый у рамесным асяроддзі. Так, найбольш папулярным тыпам бронзавых сплаваў на тэрыторыі Полацка ў X – XIII стст. з’яўляліся алавяна-свінцовыя і шматкампанентныя бронзы [10, с. 395]. Між тым, для перыяду XIV – XVIII стст. назіраецца тэндэнцыя павелічэння канцэнтрацый волава і свінца ў сплавах, што не было характэрна для каляровай металаапрацоўкі папярэдняга перыяду. Важную ролю ў ювелірнай вытворчасці азначанага перыяду працягвала адыгрываць “чыстая” медзь (Cu), якая прадстаўлена 9 прадметамі, частка з якіх з’яўляецца фрагментамі металічнага посуду. Акрамя таго, тры прадметы, для якіх быў даследаваны хімічны склад, прадстаўлены зліткамі і нарыхтоўкай,

што ўказвае на іх непасрэднае выкарыстанне ў рамеснай вытворчасці ў якасці сыравіннага металу. Радовішчы медзі пачалі распрацоўвацца у XIV–XV стст. у Ціролі і Венгрыі. Лычыцца, што новы вектар паступлення меднай сыравіны актуалізаваўся праз пасрэдніцтва ганзейскіх і польскіх гандляроў [8, с. 156].

Заклучэнне. Такім чынам, каляровая металапрацоўка на тэрыторыі Цэнтральнай і Паўночнай Беларусі ў XIV – XVIII стст. характарызуецца пераемнасцю традыцый з рамеснай вытворчасцю папярэдняга перыяду, што праявілася ў шырокім распаўсюджванні медна-цынкавых сплаваў, а таксама алавяна-свінцовых і шматкампанентных бронз. У той жа час істотным адрозненнем з’яўляецца павелічэнне доли сплаваў з высокімі канцэнтрацыямі легіруючых кампанентаў. Вялікая колькасць металічных сплаваў са значнымі ўтрыманнямі цынка і волава сведчыць пра доступ мясцовых рамеснікаў да крыніц сыравіннага металу, у найменшай ступені забруджанага шматлікімі пераплаўкамі. Гэта трэба лічыць вынікам інтэнсіфікацыі прамых гандлёвых кантактаў з асобнымі краінамі Цэнтральнай і Заходняй Еўропы, дзе знаходзіліся радовішчы асноўных каляровых металаў.

ЛІТАРАТУРА

1. Королёва, Э.В. Ювелирное ремесло средневекового Пскова : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.06 / Э.В. Королёва ; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – М., 1997. – 17 с.
2. Исследование химического состава металлического оклада иконы из собора Покрова на Красной площади / Т.Н. Лубкова [и др.] // Археология Подмоскovie : материалы науч. сем-ра. – М. : Ин-т археологии РАН, 2020. – Вып. 16. – С. 263–279.
3. Татаурова, Л.В. Результаты рентгенофлюоресцентного анализа предметов культового литья из коллекций археологических памятников XVII – XVIII вв. русского населения Омского Прииртышья / Л.В. Татаурова, А.А. Тишкин // Вестн. Омск. ун-та. Сер. Исторические науки. – 2008. – № 1(17). – С. 220–231.
4. Сальникова, И.В. Элементный анализ православного медного художественного литья как способ химико-технологической атрибуции / И.В. Сальникова // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер. История, филология. – 2016. – Т. 15. – № 5. – С. 50–69.
5. Шемаханская, М.С. К вопросу о химико-технологической атрибуции медного художественного литья / М.С. Шемаханская // Русское медное литьё. – М. : Сол Систем, 1993. – Вып. 2. – С. 8–10.
6. Сальникова, И.В. Результаты статистического анализа химико-технологического исследования коллекции меднолитой пластики / И.В. Сальникова // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер. История, филология. – 2016. – Т. 15. – № 7. – С. 39–48.
7. Бельков, М.В. Современные методы определения химического состава твердотельных материалов / М.В. Бельков, С.Н. Райков // Козьянковский клад арабских куфических дирхамов IX – X веков из музейного собрания Национального Полоцкого историко-культурного музея-заповедника. – Полоцк : НПИКМЗ, 2011. – С. 26–30.
8. Енисосова, Н.В. Химический состав ювелирного сырья эпохи средневековья и пути его поступления на территорию Древней Руси / Н.В. Енисосова, Р.А. Митоян, Т.Г. Сарачева // Цветные и драгоценные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья. – М., 2008. – С. 107–188.
9. Дук, Д.У. Выратавальныя археалагічныя раскопкі на тэрыторыі Вялікага пасада Полацка ў 2005 годзе / Д.У. Дук // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. А, Гуманитарные науки. – 2007. – № 1. – С. 5–23.
10. Магалинский, И.В. Предварительные результаты исследования химического состава изделий из цветных металлов X – XVII вв. из Полоцка / И.В. Магалинский, С.Н. Райков, М.В. Бельков // Полоцк в истории и культуре Европы : материалы Междунар. навуч. конф., Полоцк, 22–23 мая 2012 г. / Нац. акад. наук Беларусі, Ин-т истории, Полоц. гос. ун-т ; редкол.: А.А. Коваленя [и др.] ; науч. ред., влож. В.М. Ляўко. – Минск : Беларус. навука, 2012. – С. 392–399.

Пасмыніў 19.10.2020

CHEMICAL COMPOSITION OF PRODUCTS MADE FROM NON-FERROUS METALS OF THE XIV – XVIII CENTURIES IN THE TERRITORY OF NORTHERN AND CENTRAL BELARUS

I. MAHALINSKI

The article presents the results of studying the elemental composition of products made from non-ferrous metals of the XIV – XVIII centuries from certain memorials in the territory of Northern and Central Belarus (Polotsk, the villages of Biruli, Kardon and Luchno). The author concludes that processing of non-ferrous metals in the region is characterized by continuity of traditions of the craft of the previous period which is manifested in the predominance of copper-zinc alloys, as well as tin-lead and multicomponent bronzes. It is noted that a distinctive feature of the craft of the XIV – XVIII centuries is the increase in the sample of alloys with high concentrations of alloying components, which indicates that local artisans had an access to sources of raw metal minimally contaminated by multiple remelting.

Keywords: archeology of Belarus, history of ancient technology, jewelry art, archaeometallurgy.

УДК 572

**АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ДРЕВНИХ И СОВРЕМЕННЫХ
ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ КАК ИСТОЧНИК ЗНАНИЙ О ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ
ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ПОПУЛЯЦИЙ¹**

*канд. ист. наук, доц. О.В. МАРФИНА
(Институт истории НАН Беларуси, Минск)*

*канд. биол. наук, доц. О.А. ЕМЕЛЬЯНЧИК
(Полоцкий государственный университет)*

В статье представлен обзор современного состояния антропологических исследований в области изучения демографических процессов в человеческих популяциях. Проанализированы актуальные методологические проблемы палеодемографического анализа. На примере исследования населения Беларуси и прилегающих регионов показаны основные закономерности его демографического развития в связи с природно-экологическими, а также социально-историческими факторами, такими как войны, урбанизация, индустриализация.

Ключевые слова: *палеодемография, историческая демография, смертность, ожидаемая продолжительность жизни, причины смерти.*

Введение. Исследования демографических процессов являются неотъемлемой частью популяционной экологии человека. Одним из ключевых показателей естественного движения населения, отражающих общее благополучие/неблагополучие популяций, является смертность. В современной исторической антропологии смертность населения рассматривается как обобщающий критерий адаптации населения к конкретным социальным и природным условиям среды. Антропологические исследования современных демографических процессов основаны на использовании статистических данных, в то время как для реконструкции демографических процессов прошлого привлекаются материалы исторической демографии и палеодемографии. Цель данного исследования – проанализировать современное состояние антропологических исследований в области изучения демографических процессов в человеческих популяциях.

Основная часть. Данные палеодемографии позволяют проследить закономерности развития народонаселения на ранних этапах истории человеческого общества. Особое значение палеодемографические исследования имеют для демографических реконструкций до-письменной эпохи. Однако, учитывая, что систематическая, научно обоснованная фиксация статистических данных о естественном движении населения появляется достаточно поздно, данные палеодемографии сохраняют свое значение и для исследования смертности населения более позднего времени, вплоть до конца XIX века. Материалом для палеодемографических исследований служат остеологические серии, обнаруженные в результате раскопок погребений, а основным методом исследования – составление и анализ таблиц дожития. В современной палеодемографии существует ряд остро дискутируемых методологических проблем, которые можно разделить на две группы.

К первой группе относится проблема репрезентативности материалов, привлекаемых для палеодемографического анализа. Остеологические серии во многих случаях происходят из могильников, оставленных небольшими по численности группами, в которых, в силу различных случайных факторов, колебания показателей смертности могут быть значительны [1, с. 71]. Для получения более-менее достоверных сведений о смертности населения численность исследуемой остеологической серии должна составлять не менее 50 индивидов. В идеале должна анализироваться серия, происходящая из полностью раскопанного могильника, однако в Беларуси, например, большинство исследованных серий происходят либо из частично раскопанных кладбищ, либо представляют собой объединенные серии единичных погребений из типологически близких могильников единого временного среза.

Репрезентативность исследуемых остеологических серий также снижается из-за такого фактора, как дифференцированная сохранность скелетных материалов. Как известно, останки детей и стариков в большинстве случаев сохраняются намного хуже по сравнению с останками молодых взрослых индивидов. Кроме того, в некоторых культурах существуют практики особого или отдельного от взрослых захоронения младенцев и детей. Так, согласно христианской традиции, которая нашла отражение и в белорусской традиционной культуре, некрещеных младенцев было принято хоронить за пределами общего кладбища [2, с. 318]. Наиболее часто исследователи имеют дело с недостаточной представительностью индивидов детского, в особенности младенческого, возраста. Существуют различные способы решения этой проблемы. Например,

¹ Работа выполнена в рамках договора с БРФФИ № Г20Р-127 «Историческая роль демографических процессов в формировании антропологического состава населения на территории Беларуси и России».

предлагается рассматривать и привлекать для сравнительного анализа показатели смертности взрослых, без учета смертности детей. Существуют также способы реконструкции данных о детской смертности. Так, было предложено осуществлять корректировку детской смертности путем соотнесения возрастных распределений смертности, полученных в результате изучения остеологических серий, со стандартными демографическими моделями, известными из работ по современному населению [1, с. 72; 3, с. 74].

Вторая группа проблем связана с несовершенством методики определения возраста на скелетном материале. Методы определения возраста детских скелетов, основанные на оценке степени прорезывания зубов и степени морфологической зрелости скелета, позволяют с достаточно высокой точностью определять возраст в момент смерти. Что касается взрослых, то исследователями давно отмечалась такая проблема, как невозможность точного определения возраста индивидов, умерших в глубокой старости. Индивидуальные особенности развития инволюционных процессов не позволяют определить точный возраст индивидов, умерших после 60-ти лет, поэтому в возрастном распределении смертности они не могут быть размещены согласно порядку умирания [3, с. 75]. В этой связи в палеодемографических исследованиях финальную возрастную когорту принято ограничивать возрастной категорией 50+ или 60+. Однако подобное ограничение приводит к искусственному занижению такого показателя, как средний возраст смерти взрослых.

Последнее время в зарубежной антропологической литературе активно обсуждается проблема, связанная с недостаточной точностью определения возраста взрослых индивидов при использовании традиционных методов. Так, было убедительно показано, что возраст в момент смерти, определенный на основании оценки степени облитерации черепных швов, оказывается систематически заниженным по сравнению с реальным [4; 5]. В этой связи ведется поиск новых методов и подходов в определении возраста на скелетном материале [5; 6].

В исторической демографии, исследующей демографические процессы т.н. «до-статистического периода», также существует проблема недостаточной достоверности данных о смертности, полученных на основании изучения письменных источников. Так, в дореволюционной России регистрация рождений и случаев смерти осуществлялась служителями культа, которые вносили соответствующие записи в т.н. метрические книги. Как отмечал в свое время С.А. Новосельский, главным недостатком метрических книг было то, что они предоставляли данные о регистрации церковных обрядов, совершаемых над умершими, родившимися и вступающими в брак, но не регистрацию умерших, родившихся и браков [7, с. 45–46]. Несоответствие числа родившихся числу совершенных обрядов крещения объясняется тем, что крещения не получали мертворожденные, а также родившиеся и умершие вскоре после рождения, некрещеными. Что касается регистрации умерших, то в метрические записи не попадали младенцы, умершие до крещения, а также самоубийцы [7, с. 46].

Несмотря на указанные методологические проблемы, исследования в области палеодемографии и исторической демографии позволили составить общее представление о фундаментальных закономерностях демографического развития населения, в частности, прямую зависимость режимов воспроизводства населения от природных и социально-экономических факторов. Так, было установлено, что средний возраст смерти на протяжении истории человечества имел незначительную динамику роста. Относительная стабильность средней продолжительности жизни, по мнению В.П. Алексева, была обусловлена определенной стабильностью гигиенической обстановки, оказывавшей, несмотря на разные хозяйственно-культурные уклады и технический прогресс, стойкое отрицательное влияние на организм человека во все эпохи. Постоянство антисанитарных условий оказывало более мощное отрицательное воздействие на продолжительность жизни, вызывая к тому же огромную детскую смертность, чем положительное влияние перехода к более высоким формам хозяйства [8, с. 20]. Примером является неолитическая революция (переход от присваивающего хозяйства к производящему), которая, как ни парадоксально, привела к ухудшению общего состояния здоровья и увеличению смертности в ряде исследованных популяций [9, с. 180–181]. Вместе с тем, несмотря на высокую смертность, во всех раннеземледельческих популяциях наблюдается значительный демографический рост с последующим увеличением численности и плотности населения, что было обусловлено, прежде всего, резко возросшей рождаемостью и детностью.

Социальное расслоение, углублявшееся по мере развития цивилизации, привело к усложнению демографической структуры в пределах каждой популяции. В целом более высокий социальный и экономический статус социальных групп связан с более высокими показателями здоровья и продолжительности жизни [10, с. 295; 11, с. 22–23].

В результате палеодемографического исследования сельского населения Беларуси XI – XIX вв. было установлено, что на протяжении значительного периода – с XI до середины XIX века н.э. в сельских популяциях сохранялся стабильно высокий уровень смертности. Основными причинами были неудовлетворительные санитарно-гигиенические условия жизни крестьянства, а также периодические «катастрофические» явления, такие как голод, эпидемии, войны [12]. Стабильность показателей смертности в сельских популяциях Польши в период, начиная с эпохи Средневековья и до начала XIX века, была отмечена и польскими исследователями [13; 14].

Начало снижения смертности сельского населения на территории Российской империи приходится на 60-е гг. XIX века. Большинство исследователей связывают эти изменения с постепенным улучшением условий жизни крестьянства после отмены крепостного права. Так, в период с 70-х гг. и до конца XIX века снижение смертности приводит к существенному увеличению численности сельского населения Беларуси [15, с. 45]. Аналогичную тенденцию отметили и польские исследователи А. Будник и Г. Личбиньска в своем комплексном исследовании популяций с территории Центральной Польши, основанном на анализе данных палеодемографии и исторической демографии [16].

Значительное влияние на демографические параметры популяций оказывала урбанизация. На примере средневековых популяций Литвы литовский антрополог Р. Янкаускас показал зависимость демографических показателей от размеров населенного пункта: чем больше численность населения, тем ниже средняя ожидаемая продолжительность жизни [17, с. 125].

Повышенные по сравнению с сельским населением показатели смертности были зарегистрированы у средневекового городского населения Беларуси. Так, в результате антропологического исследования населения Полоцка XIII – XIV вв. было установлено, что для средневековых полочан была характерна повышенная смертность по сравнению с сельским населением XI – XIII вв., а также более высокие частоты встречаемости *cribra orbitalia* [18]. Это свидетельствует об ухудшении условий жизни и общего состояния здоровья исследованной группы городского населения. Негативное влияние городской среды было отмечено А.П. Бужиловой в ходе изучения ряда древнерусских городов. В частности, в городских группах было отмечено увеличение частот встречаемости *cribra orbitalia* и гипоплазии зубной эмали, а также более широкое распространение таких заболеваний, как туберкулез и сифилис [19, с. 241–242]. Данные факты А.П. Бужилова объясняет увеличением плотности населения городских популяций, в некоторых случаях – недостаточным, либо некачественным питанием [19, с. 241]. Кроме факторов, связанных с негативным влиянием городской среды, одной из возможных причин ухудшения общего состояния здоровья населения Полоцка XIII – XIV вв. по сравнению с более ранним сельским населением могли быть изменения климата, которые начались в Европе в XIII в. и привели к массовому голоду [20, с. 175].

В ходе палеодемографического исследования населения Беларуси Нового времени в группах городского населения были зарегистрированы наиболее низкие демографические показатели (Горы Великие, Полоцк, Минск) [12, с. 331]. Многие исследователи, отмечавшие факт повышенной смертности городского населения по сравнению с сельским, в качестве основной причины называют факторы урбанизации, к которым относятся скученное проживание, антисанитария, низкий уровень медицинской помощи, и как следствие – широкое распространение инфекционных и паразитарных заболеваний. Другим фактором, который объясняет повышенную смертность городского населения Беларуси XVII – XVIII вв., были войны (война России с Речью Посполитой 1654 – 1667 гг., Северная война, гражданская война начала XVIII в.). По данным Ю. Можы, в ходе военных действий 1654 – 1667 гг. наибольшие потери несло гражданское население в городах с замками, поскольку они часто добывались штурмом [21, с. 19]. Это подтверждают результаты антропологического исследования населения Горского замка, в ходе которого был зарегистрирован повышенный уровень смертности среди мужчин в совокупности с высоким уровнем травматизма, отражающие участие мужчин в военных действиях [12, с. 332].

Существуют многочисленные свидетельства негативного влияния факторов урбанизации, усилившихся с началом индустриализации. В XIX веке в городах Англии, Франции, Германии, Скандинавии, Польши неизменно регистрируется более низкая продолжительность жизни, а также более высокая смертность младенцев по сравнению с сельской местностью [11, с. 22]. Польские исследователи А. Будник и Г. Личбиньска проанализировали различия показателей смертности и причин смерти в городских и сельских популяциях Польши в период с 1865 до 1913 гг. Было установлено, что наиболее неблагоприятная демографическая ситуация сложилась в Познани, одном из крупнейших индустриально развитых городов Польши. Если в сельской местности наиболее распространенными причинами смерти традиционно были инфекционные заболевания, то в городах на первый план выходят болезни, связанные с развитием цивилизации и промышленного производства – заболевания дыхательных путей, сердечно-сосудистые, онкология. Помимо этого, по сравнению с сельской местностью, в городах был более широко распространен туберкулез, а также заболевания, связанные с плохими санитарно-гигиеническими условиями, приводившими к распространению дизентерии. Улучшение состояния здоровья населения Познани происходит лишь после 1896 г., когда была построена система канализации [10, с. 302].

Исследования в области исторической демографии позволили проследить зависимость показателей смертности от социальных условий. Так, в ходе изучения санитарной статистики городов дореволюционной России были установлены различия в уровне смертности городских районов, населенных представителями различных социальных слоев. В частности, было показано, что смертность в пролетарских районах Москвы в два раза превышала ее уровень в районах, заселенных представителями буржуазии и чиновниками [22].

В большинстве доиндустриальных обществ наблюдается неизменно высокая детская смертность. Существенного снижения детской смертности удалось достичь лишь во 2-й половине XX века. Наиболее

высокая смертность наблюдалась среди детей младшего возраста, особенно до 1-го года жизни. Высокая младенческая смертность сохранялась на всей территории Российской империи вплоть до начала XX вв. Так, по данным П.И. Куркина, в период с 1881 по 1903 год из каждых 100 родившихся младенцев умирало от 24% до 30% [23, с. 27]. В отдельные годы младенческая смертность была еще выше. Согласно данным П.А. Горского, в 1897 г. смертность младенцев до 1 года в сельской местности Бобруйского уезда составляла 35,4% от всех умерших, в городах – 31,9% [24, с. 39]. Наиболее распространенной причиной младенческой смертности были желудочно-кишечные заболевания [24, с. 36-37]. При этом в крупных городах Российской империи детская смертность до 1 года была максимальной по сравнению с уездными и мелкими городами и превышала уровень смертности детей в сельских местностях [22].

Как показали результаты многочисленных исследований в области палеодемографии, в большинстве популяций прошлого продолжительность жизни женщин была ниже, чем у мужчин. Подобная ситуация коренным образом отличается от современной – общеизвестна более высокая продолжительность жизни женщин по сравнению с мужчинами в современную эпоху. Повышенные по сравнению с мужчинами показатели смертности женщин были зарегистрированы в результате палеодемографического исследования городских и сельских популяций с территории Беларуси, при этом для всех исследованных женских групп характерна повышенная смертность в молодом возрасте [12, с. 326–327]. Как отмечает С.А. Новосельский, высокая женская и детская смертность в целом характерна для аграрных, отсталых в культурном отношении, регионов [7, с. 158]. В XIX веке в промышленно развитых странах с преобладанием городского населения ситуация меняется, смертность мужчин в рабочем возрасте начинает значительно превышать женскую смертность [7, с. 138].

В настоящее время материалы по демографии являются важной составляющей антропологических исследований и широко используются в программах комплексного изучения человека на индивидуальном и популяционном уровнях [25]. Динамика населения непосредственно затрагивает многие стороны биологической изменчивости человека, поэтому для современных антропологических исследований существенное значение имеют такие демографические явления, как интенсивность миграций, причем не только общая для обширной территории (например, характерная для всей республики), но и локальная (характерная для конкретной изучаемой популяции), а также составляющие естественного движения населения (показатели рождаемости и смертности).

Важным источником информации о формировании биологических особенностей современных популяций человека является изменение общей численности населения (в том числе и детского), численность населения по возрастам, соотношение полов, показатели брачности и заболеваемости. Наряду с возрастом живущих важное значение для антропологических исследований имеет возраст умерших (доживаемость), возраст вступления в брак, возраст родителей в момент рождения ребенка, детородный возраст, имеющий важное значение для анализа воспроизводства населения. На процессе воспроизводства населения сказывается преобладание женщин в структуре населения, а также повышенная смертность мужчин в репродуктивном возрасте. Произошедший в прошлом веке в большинстве индустриальных стран мира «демографический переход» обозначает смену типов воспроизводства населения. Суть его заключается в переходе от высоких показателей плодовитости и смертности, характерных для общества в прошлом, к низким величинам, что в значительной степени изменило структуру современных популяций.

Заключение. Демографические события, имеющие существенное значение для антропологических исследований, затрагивают многие стороны биологической изменчивости человека. Естественное и миграционное движение населения также являются демообразующими, и в то же время биологическими процессами, поскольку связаны с преемственностью наследственной информации в поколениях, определяют общую численность популяции и удельный вес лиц репродуктивного возраста, а также степень обмена генетической информацией с другими популяциями. Демографическая структура популяций является изменчивым во времени параметром, поскольку связана с изменчивыми процессами естественного движения населения, такими как рождаемость, смертность, а также с миграционными процессами. Дальнейшее расширение базы источников, усовершенствование методологии исследования позволит более детально проследить динамику демографических процессов на территории Беларуси в региональном и хронологическом аспектах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Романова, Г.П. Опыт палеодемографического анализа условий жизни населения степных районов Ставрополя в эпоху ранней бронзы / Г.П. Романова // Вопросы антропологии. – 1989. – Вып. 82. – С. 67–77.
2. Аўсейчык, У.Я. Эвалюцыя пахавання “нячыстых” нябожчыкаў у XX – пачатку XXI стагоддзя (па матэрыялах беларусаў Падзвіння) / У.Я. Аўсейчык // Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі. – Мінск : Права і эканоміка, 2011. – Вып. 11. – С. 317–323.
3. Piontek, J. Procesy mikroewolucyjne w Europejskich populacjach ludzkich / J. Piontek. – Poznań : Uniwersytet im. A. Mickiewicza w Poznaniu, 1979. – 234 s.

4. Paleodemographic Age-at-Death Distributions of Two Mexican Skeletal Collections: A Comparison of Transition Analysis and Traditional Aging Methods / M. Bullock [et al.] // *American Journal of Physical Anthropology*. – 2013. – № 152(1). – P. 67–78.
5. Merritt, C. Testing the accuracy of adult skeletal age estimation methods: original methods versus revised and newer methods / C. Merritt // *Explorations in Anthropology*. – 2013. – Vol. 12. – No 1. – P. 102–119.
6. Rivera-Sandoval, J. A Test of Four Innominate Bone Age Assessment Methods in a Modern Skeletal Collection From Medellin, Colombia / J. Rivera-Sandoval, T. Monsalve, C. Cattaneo // *Forensic Science International*. – 2018. – Vol. 282. – P. 232–232.
7. Новосельский, С.А. Смертность и продолжительность жизни в России / С.А. Новосельский. — Петроград : Тип. Мин-ва внутр. дел, 1916. – [2], 208 с.
8. Алексеев, В.П. Палеодемография СССР / В.П. Алексеев // *Советская археология*. – 1972. – № 1. – С. 3–21.
9. Biocultural perspectives on stress in prehistoric, historical and contemporary population research / A.H. Goodman [et al.] // *Yearbook of Physical Anthropology*. – 1988. – № 31. – P. 169–202.
10. Budnik, A. Urban and rural differences in mortality and causes of death in historical Poland / A. Budnik, G. Liczbińska // *American Journal of Physical Anthropology*. – 2006. – № 129(2). – P. 294–304.
11. Liczbińska, G. Diseases, health status, and mortality in urban and rural environments: The case of Catholics and Lutherans in 19th-century Greater Poland / G. Liczbińska // *Anthropological Review*. – 2010. – Vol. 73. – P. 21–36.
12. Емельянчик, О.А. Палеодемография городского и сельского населения Беларуси / О.А. Емельянчик // *Палеоантропология Беларуси / И.И. Саливон [и др.] ; науч. ред.: И.И. Саливон, С.В. Васильев ; Нац. Акад. Наук Беларуси, Ин-т истории*. – Минск : Беларус. навука, 2015. – С. 309–338.
13. Piontek, J. Średniowieczne cmentarzysko w Słaboszewie koło Mogiła: analiza wymieralności / J. Piontek // *Przegląd antropologiczny*. – 1977. – Vol. 43. – S. 37–53.
14. Piontek, J. Mortality Changes in a Polish Rural Community (1350-72) and Estimation of Their Evolutionary Significance / J. Piontek, M. Henneberg // *American Journal of Physical Anthropology*. – 1981. – Vol. 54. – P. 129–138.
15. Падерова, И.В. Демографические процессы в крестьянской среде Беларуси во второй половине XIX – начале XX в. / И.В. Падерова // *Весті БДПУ. Сер. 2, Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Культуралогія*. – 2013. – № 2. – С. 44–47.
16. Budnik, A. Demographic trends and biological status of historic populations from Central Poland: The Ostrów Lednicki Microregion / A. Budnik, G. Liczbińska, I. Gumna // *American Journal of Physical Anthropology*. – 2004. – № 125. – P. 369–381.
17. Янкаускас, Р. К антропоэкологии средневекового города (по литовским остеологическим материалам) / Р. Янкаускас // *Экологические проблемы в исследованиях средневекового населения Восточной Европы : сб. науч. ст. / Рос. Акад. Наук, Ин-т археологии РАН, Рос. Фонд фундам. Исследований ; отв. ред. Т.И. Алексеева*. – М., 1993. – С. 123–144.
18. Емельянчик, О.А. Антропологическая характеристика средневекового населения Полоцка (по материалам погребений XIII – XIV вв.) / О.А. Емельянчик // *Актуальные вопросы антропологии* – 2019. – Вып. 14. – С. 80–93.
19. Бужилова, А.П. Homo sapiens: История болезни / А.П. Бужилова. – М. : Языки славянской культуры, 2005. – 320 с.
20. Борисенков, Е.П. Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы / Е.П. Борисенков, В.М. Пасецкий. – М. : Мысль, 1988. – 522 с.
21. Можы, Ю. Дэмаграфічны спад на Беларусі і Літве ў сярэдзіне XVII стагоддзя / Ю. Можы // *Спадчына*. – 1992. – № 5. – С. 19–35.
22. Маркузон, Ф.Д. Санитарная статистика в городах предреволюционной России [Электронный ресурс] / Ф.Д. Маркузон // *Демоскоп Weekly*. – Режим доступа: http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/polka/gold_fund013.html. Дата доступа: 20.01.2021.
23. Куркин, П.И. Смертность грудных детей / П.И. Куркин. – М. : Изд-во Наркомздрава, 1925. – 60 с.
24. Горский, П.А. К характеристике физического развития населения Бобруйского уезда Минской губернии / П.А. Горский. – СПб. : Тип. «Я. Трей», 1910. – 145 с.
25. Марфина, О.В. История антропологических исследований в Беларуси / О.В. Марфина. – Минск : Беларус. навука, 2015. – 405 с.

Поступила 17.12.2020

ANTHROPOLOGICAL STUDIES OF ANCIENT AND MODERN DEMOGRAPHIC PROCESSES AS A SOURCE OF KNOWLEDGE ABOUT THE PATTERNS OF HISTORICAL POPULATION DEVELOPMENT

O. MARFINA, V. YEMIALYANCHYK

The article presents a review of the current state of anthropological research in the field of studying demographic processes in human populations. Current methodological problems of paleodemographic analysis are analyzed. The main regularities of demographic development of the population in connection with the natural-ecological as well as socio-historical factors, such as wars, urbanization, industrialization, are shown by the example of the study of the population of Belarus and adjacent regions.

Keywords: *paleodemography, historical demography, mortality, life expectancy, causes of death.*

УДК 392:273.2(476.5)

**СТАРАВЕРЫ ПАЎДНЁВА-УСХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ:
ГІСТАРЫЯГРАФІЯ І СУЧАСНЫ СТАН ДАСЛЕДАВАННЯЎ**

*канд. гіст. навук, дац. У.Я. АЎСЕЙЧЫК
(Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт)*

Разгледжана гістарыяграфія і сучасны стан даследаванняў па гісторыі і культуры старавераў Паўднёва-Усходняй Беларусі. Вылучаны тры асноўныя этапы ў гістарыяграфіі пазначанай праблематыкі: сярэдзіна XVIII – пачатак XX ст.; 1920 – 1980-я гг.; 1990 – 2000-я гг. Дадзена характарыстыка метадам даследаванняў, раскрыта значэнне работ, вызначаны іх уклад у вывучэнне гісторыі і культуры старавераў рэгіёна. Прыходзім да высновы, што нягледзячы на даволі значны аб’ём праведзеных даследаванняў, да нашага часу не распрацаванымі застаўся шэраг важных пытанняў. Даволі фрагментарна даследаваны працэсы рассялення старавераў на тэрыторыі Паўднёва-Усходняй Беларусі, не прасочаны іх дэмаграфічныя працэсы ў XIX – пачатку XXI ст. Толькі павярхоўна вывучаны асаблівасці традыцыйнай культуры стараверскага насельніцтва. Не даследаваны этнакультурныя працэсы ў старавераў рэгіёна ў XX – пачатку XXI ст.

Ключавыя словы: *гістарыяграфія, стараверы, этнічныя групы, Паўднёва-Усходняя Беларусь, гістарычная навука, этналогія і этнаграфія Беларусі, народная культура.*

Уводзіны. Тэрыторыя Паўднёва-Усходняй Беларусі з’яўляецца адным з важнейшых гістарычных цэнтраў стараверства ва Усходняй Еўропе. Стараверы апынуліся на гэтых землях у выніку расколу ў Рускай праваслаўнай царкве, які адбыўся ў сярэдзіне XVII ст. Значная частка насельніцтва, якая не прыняла царкоўную рэформу патрыярха Нікана, была вымушана эміграваць за межы Расіі. Адным з месцаў кампактнага пражывання перасяленцаў становяцца паўднёва-ўсходнія землі Беларусі. Першыя стараверы пасяляюцца тут яшчэ ў другой палове XVII ст., заснаваўшы мястэчка Ветку, якое ў наступным стала адным з важнейшых духоўных, эканамічных і мастацкіх цэнтраў усяго стараверства. За працяглы перыяд пражывання на беларускіх землях стараверы сфарміравалі ўнікальную культуру, папоўнілі скарбонку культурнай спадчыны беларусаў.

Мэта работы – прааналізаваць даследаванні, прысвечаныя гісторыі і культуры рускіх старавераў Паўднёва-Усходняй Беларусі. Артыкул з’яўляецца працягам публікацый аўтара па гістарыяграфіі стараверства на беларускіх землях (ужо была падрыхтавана праца па гісторыі вывучэння старавераў паўночнай Беларусі [1]).

У беларускай і замежнай гуманітарыстыцы прадпрымаліся спробы гістарыяграфічнага аналізу прац, прысвечаных стараверам рэгіёна. У навуковай літаратуры па гэтым пытанні існуе некалькі публікацый. Так, характарыстыку асноўных крыніц па стараверах Беларусі прадставіў А.А. Гарбацкі ў сваіх манаграфіях [2; 3] і спецыяльных даследаваннях «Вывучэнне гісторыі стараабраднасці на Беларусі» [4] і «Гісторыя стараабраднасці: вынікі крыніцазнаўчага вывучэння» (у 3 частках) [5]. Аналіз прац па гісторыі старавераў Веткі правяла расійская даследчыца В.М. Качэргіна ў асобным раздзеле манаграфіі «Стародубье и Ветка в истории русского старообрядчества (1760 – 1920 гг.): демографическое развитие старообрядческих общин, предпринимательство, духовная жизнь, культура» (2011) [6]. Шэраг даследаванняў 1990 – 2000-х гг., прысвечаных стараверам БССР у 1920-я гг., прааналізаваў К.А. Латышаў [7]. Спробу вылучэння этапаў і аналізу метадалогіі даследаванняў стараверства ў Беларусі і суседніх краінах прадпрыняў А.С. Цмыг [8]. Аднак артыкул аказаўся вельмі павярхоўным. У ім не прааналізавана значная колькасць даследаванняў па гісторыі і культуры старавераў Беларусі. А што датычыцца аналізу фальклорных і этнаграфічных даследаванняў старавераў Беларусі, то ў працы ён зусім сціплы: не разгледжана большасць этнаграфічных і фалькларыстычных даследаванняў па азначанай тэме. Такім чынам, у айчынай і замежнай гуманітарыстыцы адсутнічае комплекснае і ўсебаковае даследаванне гістарыяграфіі стараверства на паўднёва-ўсходніх землях Беларусі. Дадзеная праца скіравана на выпраўленне гэтай сітуацыі.

Асноўная частка. У вывучэнні гісторыі і культуры старавераў Паўднёва-Усходняй Беларусі можна вылучыць тры этапы. Першы з іх ахоплівае перыяд з сярэдзіны XVIII ст. да пачатку XX ст. Другі этап датычыцца савецкай гістарыяграфіі і займае прамежак 1920 – 1980-х гг. Трэці этап (1990 – 2000-я гг.) ахоплівае сучасную постсавецкую гістарыяграфію.

Працы сярэдзіны XVIII – пачатку XX ст. Цікавае да гісторыі і культуры старавераў рэгіёна праявілася ўжо ў сярэдзіне XVIII ст. Адным з першых, хто звярнуўся да гэтай праблематыкі, быў стараверскі гісторык і пісьменнік Іван Аляксееў. У сваёй працы «История о бегствующем священстве» (1755) ён разгледзеў раннюю гісторыю важнейшага цэнтра старавераў рэгіёна – мястэчка Веткі. Нягледзячы на палемічны характар, праца ўтрымлівае карысныя звесткі па ранняй гісторыі стараверства ў рэгіёне [9].

Ужо ў канцы XVIII ст. даследаванні стараверства ініцыяваліся і з боку праваслаўнай царквы. Да работ такога плану належыць кніга А.І. Жураўлёва (А. Іаанава) «Полное историческое известие о старообрядцах, их учении, делах и разгласиях, собранное из потаенных старообрядческих преданий, записок и писем» (1794). У 1795 г. праца была перавыдадзена ў 4 частках пад назвай «Полное историческое известие о древних стригольниках и новых раскольниках, так называемых старообрядцах, о их учении, делах и разгласиях, собранное из потаенных старообрядческих преданий, записок и писем» [10]. У трэцяй частцы кнігі ўтрымліваецца шмат інфармацыі па гісторыі старавераў Веткі ў XVIII ст. Аўтар таксама звярнуў увагу на асаблівасці веравучэння і культу веткаўскіх старавераў. У наступным кніга неаднаразова перавыдавалася.

У першай палове XIX ст. не было апублікавана спецыяльных даследаванняў аб стараверах вывучаемага рэгіёна. Толькі ў сярэдзіне стагоддзя быў выдадзены шэраг прац, дзе разглядаліся пытанні гісторыі і культуры старавераў паўднёва-заходняй Беларусі. Іх аўтарамі былі прадстаўнікі праваслаўнай царквы або органаў улады, таму падыходы да выкладання матэрыялаў былі даволі тэндэнцыйнымі і аднабокімі. Нягледзячы на гэта, шэраг прац усё ж змяшчае важныя звесткі па гісторыі і культуры старавераў рэгіёна. Так, у 1855 г. была апублікавана кніга М.В. Без-Карніловіча «Исторические сведения о примечательнейших местах в Белоруссии с присовокуплением и других сведений к ней же относящихся», прысвечаная Віцебскай і Магілёўскай губерням. У ёй разгледжаны прычыны з'яўлення старавераў на паўднёва-ўсходніх землях Беларусі, коратка раскрыта гісторыя Веткі і яе слабод. У працы таксама прадстаўлена сціслая этнаграфічная характарыстыка старавераў Магілёўскай і Віцебскай губерняў [11, с. 237–240]. Некаторая інфармацыя па гісторыі гэтай этнаканфесійнай групы ў Ветцы ў XVIII ст. утрымліваецца ў працы мітрапаліта Макарыя (Булгакава) «Истории русского раскола, известного под именем старообрядства» (1855). Аўтар апісвае гісторыю пасялення старавераў у рэгіёне і станаўлення тут важнейшага цэнтра папоўцаў, дае характарыстыку веравучэнню веткаўскіх старавераў [12, с. 294–306]. Праца ўтрымлівае мала новых даных аб стараверах рэгіёна, паколькі асноўнымі крыніцамі для напісання адпаведных частак сталі ўжо згаданыя працы І. Аляксеева і А.І. Жураўлёва (А. Іаанава). Старавераў Веткі закранаў таксама А.П. Шчапаў пры агульным разглядзе стараверства ў Расіі ў XVII – першай палове XVIII ст. у працы «Русский раскол старообрядчества, рассматриваемый в связи с внутренним состоянием русской церкви и гражданственности в XVII и первой половине XVIII» (1858) [13].

Важную ролю ў даследаванні старавераў рэгіёна адыгралі працы П.І. Мельнікава і А.Р. Вішнякова, якія былі апублікаваны ў 1860-я гг. Гэтыя даследчыкі пэўны час займалі дзяржаўныя пасады, звязаныя з барацьбой з «расколам». А таму іх працы змяшчаюць шмат важных звестак. Так, у 1864 г. была апублікавана кніга П.І. Мельнікава «Исторические очерки поповщины» [14]. У ёй шмат увагі было прысвечана гісторыі старавераў Веткі і яе слабод. У працы прааналізавана царкоўная гісторыя, дадзена характарыстыка працэсам фарміравання царкоўнай іерархіі ў старавераў-папоўцаў Веткі. А ў 1865 г. у «Вестніку Заходняй Расіі» быў надрукаваны артыкул А.Р. Вішнякова (пад псеўданімам А. Вескінскі) «Раскол в западно-русском крае» [15]. Нягледзячы на тое, што ў працы разглядаўся «раскол» ва ўсіх паўночна-заходніх губернях Расіі, былі ў ёй ахарактарызаваны і стараверы Магілёўскай губерні. У артыкуле прыведзены статыстычныя даныя, згаданы найбольш важныя цэнтры стараверства ў рэгіёне, дадзена характарыстыка царкоўнай арганізацыі папоўцаў Магілёўскай губерні. Больш падрабязна аўтар спыніўся на вызначэнні ролі Веткі і Лаўрэнцьеўскага манастыра ў жыцці старавераў рэгіёна. Таксама ў працы апісаны іх некаторыя рэлігійныя традыцыі і асаблівасці правядзення сямейных абрадаў.

У 1880-я гг. было апублікавана некалькі абагульняючых прац, у якіх разглядалася гісторыя і культура старавераў Паўднёвага Усходу Беларусі. Так, шэраг гістарычных і этнаграфічных матэрыялаў утрымліваюцца ў III томе «Живописной России» (1882). Даследчык А.Г. Кіркор прадставіў агульную этнаграфічную характарыстыку старавераў Беларусі, у тым ліку і паўднёва-ўсходняй яе часткі [16, с. 284]. Асобна ён спыніўся на характарыстыцы стараверскага насельніцтва мястэчка Веткі. Навуковец раскрыў гісторыю яго заснавання, прывёў асобныя факты з гісторыі мястэчка ў XVIII ст. [16, с. 428].

Вялікі аб'ём даных па стараверах Паўднёва-Усходняй Беларусі быў апублікаваны ў абагульняючым выданні «Опыт описания Могилевской губернии...», надрукаваным пад рэдакцыяй А.С. Дэмбавецкага ў трох кнігах. У першай кнізе (1882) вельмі падрабязна разгледжана гісторыя і культура старавераў Магілёўскай губерні [17, с. 653–678]. Аўтарам апісання з'яўляецца І. Рубаноўскі. У працы вельмі падрабязна асвятляецца ранняя гісторыя старавераў, пачынаючы з перасялення на гэтыя землі і заснавання Веткі са слабодамі і бліжэйшымі населенымі пунктамі. Але прыведзена мала новых матэрыялаў, паколькі асноўныя звесткі для падрыхтоўкі гістарычнай часткі нарыса ўзяты з ужо згаданых прац А.І. Жураўлёва і Макарыя. Таксама ў працы прадстаўлена характарыстыка матэрыяльнай культуры старавераў (жылля, адзення, ежы), гаспадарчых заняткаў (земляробства, гандлю, рамёстваў і промыслаў), апісаны сямейныя абрады (вяселле, радзіны, пахаванне), рэлігійныя традыцыі і ўяўленні. Матэрыялы для апісання былі сабраныя непасрэдна І. Рубаноўскім у рэгіёне ў 1880 – 1881 гг. Даследчык таксама спыніўся на характарыстыцы стараверскіх сагласаў у рэгіёне, апісаў мерапрыемствы ўлад і праваслаўнай царквы па далучэнні старавераў да аднаверства. У працы коратка ахарактарызавана і спецыфіка іх узаемаадносін з мясцовым насельніцтвам.

Істотную ролю ў даследаванні стараверскага насельніцтва ў паўднёва-ўсходняй частцы Беларусі адыграў М.І. Лілееў. Ён апублікаваў шэраг прац па гісторыі і культуры старавераў рэгіёна. Грунтоўным даследаваннем па гісторыі старавераў Веткі і ваколіц з’яўляецца праца «Из истории раскола на Ветке и в Стародубье XVII – XVIII вв.» (1895) [18]. На аснове апублікаваных прац і разнастайных крыніц аўтар падрабязна разгледзеў працэс узнікнення стараверскіх пасяленняў у рэгіёне, гісторыю старавераў Веткі, паказаў яе ролю і прааналізаваў сувязі з іншымі цэнтрамі стараверства. Даследчык звярнуў увагу на асаблівасці гаспадарчай і адукацыйнай дзейнасці веткаўскіх манастыроў і скітоў, ахарактарызаваў царкоўную арганізацыю папоўцаў. Ён таксама апублікаваў шэраг прац, прысвечаных крыніцам па гісторыі старавераў рэгіёна Веткі і Стародуб’я. Так, у 1880 г. была выдадзена кніга «Описание рукописей, хранящихся в библиотеке Черниговской духовной семинарии» [19], а ў 1893 г. – «Новые материалы для истории раскола на Ветке и в Стародубье XVII – XVIII вв.» [20].

У этнаграфічным даследаванні старавераў Паўднёва-Усходняй Беларусі ў канцы XIX – пачатку XX ст. істотнае месца належыць Е.Р. Раманаву. У гэты перыяд даследчык апублікаваў шэраг прац, дзе разгледзеў культурную спадчыну мясцовых старавераў. У выпусках «Беларускага зборніка» ён змясціў шэраг тэкстаў іх вуснай народнай творчасці, пераважна, духоўных вершаў. Так, у першым томе былі надрукаваны некалькі духоўных вершаў, запісаныя ў Магілёўскай губерні [21, с. 369–372]. У пятым выпуску «Беларускага зборніка» Е.Р. Раманав таксама апублікаваў духоўныя вершы старавераў, выдзеліўшы іх у асобны раздзел [22, с. 438–443]. Шэраг духоўных вершаў ён апублікаваў і ў артыкуле «3 стараверскай літаратуры» [23], які быў надрукаваны ў «Магілёўскай старыне» (1901). У трэцім выпуску «Магілёўскай старыны», які выдаваўся пад рэдакцыяй Е.Р. Раманав, быў апублікаваны артыкул П. Гаручкі «Материалы для истории раскола старообрядчества в Могилевской губернии конца XVIII-го – и начала XIX столетий» [24]. Выкарыстаўшы значны аб’ём архіўных даных, аўтар прадставіў нарыс царкоўнага жыцця старавераў губерні ў гэты перыяд.

Значнай этнаграфічнай працай аб стараверах Веткі і ваколіц з’яўляецца даследаванне І.С. Абрамава «Старообрядцы на Ветке: (Этнографический очерк)» (1907) [25]. Як адзначаў сам даследчык, летам 1907 г. яму давялося некаторы час пражыць сярод старавераў у мястэчку Ветка. На аснове матэрыялаў, зафіксаваных у гэты час, і пабудавана праца. Яна складаецца з дзвюх частак. У першай разгледжана гісторыя старавераў у Ветцы і прыведзена апісанне іх побыту, абраднасці і гаспадаркі. Пачынае свой нарыс І.С. Абрамаў з разгляду гістарычных падзей старавераў у Ветцы, пераважна ў XVIII ст. Аўтар таксама прыводзіць апісанне мястэчка, спыняючыся на характарыстыцы стараверскіх сядзіб і інтэр’еры хаг, ахарактарызуе адзенне старавераў, іх гаспадарчую дзейнасць. У працы апісваюцца календарныя традыцыі, вясельная абраднасць, культываваная сфера, ахарактарызаваны мясцовыя гаворкі. Другую частку нарыса складаюць тэксты песень і духоўных вершаў старавераў Веткі.

На пачатку XX ст. быў апублікаваны шэраг абагульняючых гістарычна-этнаграфічных прац, у якіх разглядаліся гісторыя і культура старавераў рэгіёна. Так, у 1900 г. пабачыла свет кніга Л. Вінаградава «Гомель. Его прошлое и настоящее. 1142 – 1900». У асобным раздзеле («Перасяленне стараабрадцаў») аўтар раскрывае гісторыю пасялення і станаўлення стараверскай супольнасці ў Гомелі і ваколліцах у першай палове XVIII ст. [26, с. 24–25]. А ў кнізе «Россия. Полное географическое описание нашего Отечества» (1905) [27] разгледжана гісторыя старавераў Магілёўскай губерні і прыведзена агульная характарыстыка асаблівасцей іх культуры. Апісанне побыту і культуры гэтай этнаканфесійнай групы належыць М. Доўнар-Запольскаму і Д. Шэндэрыку. У працы прыведзена апісанне сядзіб, жылля, інтэр’ера стараверскай хаты, адзення і традыцый харчавання, пералічаны гаспадарчыя заняткі, ахарактарызаваны вясельныя традыцыі. Таксама вылучаны асаблівасці іх рассялення ў межах Магілёўскай губерні, ахарактарызавана гістарычнае мінулае Веткі і ваколліц у XVIII ст. Як вынікае з іх аналізу, усе матэрыялы, якія ў главе датычацца старавераў Магілёўскай губерні, прыведзены з ужо згаданага выдання «Опыт описания Могилевской губернии...» [17].

Вывучэнне стараверскага насельніцтва рэгіёна ў 1920 – 1980-х гг. У айчынным гістарычным навуцы 1920 – пачатку 1930-х гг. было апублікавана некалькі даследаванняў, прысвечаных стараверам Паўднёва-Усходняй Беларусі. У гэты перыяд на беларускіх землях значна актывізаваўся краязнаўчы рух. З 1925 г. пачынае выдавацца часопіс «Наш край», на старонках якога быў апублікаваны шэраг краязнаўча-этнаграфічных прац аб стараверах Паўднёва-Усходняй Беларусі. Так, у 1929 г. быў надрукаваны артыкул М.І. Саламыкіна «Дарожныя нататкі. Веткаўскі раён, Гомельшчына» [28]. У час падарожжа ў Ветку і ваколліцы аўтар пакінуў апісанне мясцовай стараверскай архітэктуры (дамы, храмы, гаспадарчыя пабудовы), ахарактарызаваў традыцыі напісання ікон (у тым ліку і тэхналагічныя аспекты працы). Артыкул змяшчае таксама кароткі экскурс у раннюю гісторыю Веткі. У наступным 1930 г. у гэтым часопісе быў апублікаваны артыкул Ю. Кармянскага «30 дзён на дынамічным перапісу. (Чачэрскі раён)» [29], дзе прыведзена кароткае апісанне старавераў в. Покаць Чачэрскага раёна: побыт, гаспадарка, асаблівасці мовы, спецыфіка ўзаемаадносін з мясцовым беларускім насельніцтвам.

У міжваенны перыяд да гісторыі стараверства на беларускіх землях звярнуўся М.М. Нікольскі, які займаўся вывучэннем праблем рэлігіі і царквы. У 1931 г. была апублікавана яго кніга «Гісторыя рускай царквы» [30]. Разглядаючы агульную гісторыю стараверскай царквы, аўтар звярнуў увагу і на старавераў Веткі і яе ваколліц. У працы разгледжана ранняя гісторыя Веткі XVIII ст., прааналізаваны асаблівасці царкоўнай арганізацыі веткаўскіх папоўцаў. Праца не ўтрымлівае якіх-небудзь новых звестак і носіць абагульняючы характар. Акрамя таго, дамінаванне марксісцкай метадалогіі ў даследаванні не дазволіла М.М. Нікольскаму аб’ектыўна ахарактарызаваць стараверскую царкву на беларускіх землях.

У пасляваенны перыяд важным накірункам становіцца лінгвістычнае даследаванне. Істотнае значэнне ў вывучэнні лексікі старавераў Паўднёва-Усходняй Беларусі займаюць працы А.Ф. Манаенкавай. Аб'ектам вывучэння даследчыцы сталі гаворкі рускіх старавераў Веткаўскага і Добрушкага раёнаў Гомельскай вобласці. У 1974 г. ёй была абаронена доктарская дысертацыя «Язык Ветки» [31]. А.Ф. Манаенкава таксама падрыхтавала шэраг грунтоўных публікацый па гэтай праблематыцы: «Лексика русских говоров Белоруссии» (1973) [32], «Русско-белорусские языковые отношения (На материале русских говоров Ветки)» (1978) [33], «Словарь русских говоров Белоруссии: Ветковский и Добрушский районы Гомельской области» (1989) [34]. Пад навуковым кіраўніцтвам А.Ф. Манаенкавай была падрыхтавана кандыдацкая дысертацыя А.А. Акуленка «Белорусское воздействие на островные русские говоры (на материале наименований одежды в русских говорах Жлобинского района Гомельской области)» (Мінск, 1996) [35]. Асновай для працы сталі матэрыялы палявых даследаванняў, праведзеных у 1974–1985 гг. на тэрыторыі Жлобінскага раёна. Важнымі з'яўляюцца высновы даследчыцы аб уплыве беларускага асяроддзя на лексіку і матэрыяльную культуру старавераў рэгіёна.

Актуальным накірункам у вывучэнні культурнай спадчыны старавераў Паўднёва-ўсходняй часткі Беларусі ў 1970 – 1980-я гг. сталі археаграфічныя даследаванні. Пад кіраўніцтвам І.В. Паздзеевай супрацоўнікамі Маскоўскага дзяржаўнага ўніверсітэта быў праведзены шэраг археаграфічных экспедыцый у рэгіёне. З 1970 па 1981 гг. супрацоўнікамі МДУ ажыццяўляліся комплексныя экспедыцыі ў былыя Веткаўска-Старадубскія слабоды. Вынікамі археаграфічных пошукаў стала фарміраванне Веткаўска-Старадубскага тэрытарыяльнага кніжнага збору, які налічвае вялікі аб'ём помнікаў, а таксама матэрыялы, якія характарызуюць выяўленчае мастацтва, фальклор, асаблівасці гаворкі, музычную культуру мясцовага стараверскага насельніцтва [36, с. 170]. На аснове матэрыялаў, сабраных у ходзе гэтых экспедыцый, быў падрыхтаваны шэраг публікацый, прысвечаных кніжнай культуры, мастацтву, мове і народнай культуры старавераў рэгіёна [37–45].

У міжваенны перыяд у беларускай этнаграфіі не было спецыяльных даследаванняў аб стараверах Паўднёва-Усходняй Беларусі. Толькі рэдкія публікацыі змяшчалі інфармацыю аб гэтай этнаканфесійнай групе. У канцы 1980-х гг. была выдадзена энцыклапедыя «Этнаграфія Беларусі» (1989), у якой шэраг матэрыялаў адносіцца да старавераў Паўднёва-Усходняй Беларусі. Даследчык П.У. Церашковіч у артыкуле «Стараверы» [46] прывёў аб іх гістарычную даведку, прадставіў кароткую дэмаграфічную характарыстыку, вылучыў некаторыя асаблівасці матэрыяльнай культуры. Характарыстыку традыцый разьбы па дрэве веткаўскіх майстроў знаходзім у асобным артыкуле Я.М. Сахуты «Веткаўская разьба» [47]. А ў артыкуле «Веткаўскі дзяржаўны музей народнай творчасці» (аўтар – Г.Р. Нячаева) даецца апісанне калекцый музея, які змяшчае шмат экспанатаў матэрыяльнай культуры мясцовых старавераў [48].

Гістарыяграфія аб стараверах у 1990 – 2000-х гг. З 1990-х гадоў у беларускай гуманітарыстыцы пачынаецца новы этап. У гэты перыяд значна ўзрастае цікавасць да гістарычнай і культурнай спадчыны этнічных груп, якія насяляюць Беларусь. У 1990–2000-я гг. значна актывізаваліся даследаванні, прысвечаныя стараверам. Ужо ў пачатку 1990-х гг. было апублікавана першае манаграфічнае даследаванне па гэтай праблематыцы – праца Т.П. Кароткай, К.С. Пракошынай і Г.А. Чуднікавай «Старообрядчество в Беларуси» (1992) [49]. Манаграфія стала вынікам палявых даследаванняў аўтараў, праведзеных яшчэ ў 1984–1987 гг. Праца не прэзэндуе на паўнату і вычарпальнасць. У ёй пераважна разглядаюцца змены, якія адбыліся ў рэлігійным жыцці старавераў Беларусі ў 1950 – 1980-х гг., а таксама характарызуецца стан стараверскіх абшчын на канец 1980-х гг. У кнізе таксама сцісла разгледжана гісторыя старавераў Ветки і яе акругі.

У 1995 г. у часопісе «Беларуская мінуўшчына» быў надрукаваны навукова-папулярны артыкул Х. Бейлькіна «Веткаўскія раскольнікі» [50]. У ім разгледжаны асноўныя гістарычныя падзеі з жыцця старавераў Ветки, ахарактарызаваны асаблівасці іх мастацтва і кнігапісання.

Шэраг звестак і матэрыялаў аб стараверах Паўднёва-Усходняй Беларусі змяшчае калектыўная манаграфія «Канфесіі на Беларусі (канец XVIII – XX ст.)», апублікаваная ў 1998 г. [51]. Даследаванні стараверскай супольнасці на беларускіх землях ў гэты перыяд прадставілі А.М. Філатава і В.В. Грыгор'ева. Правое становішча старавераў Паўднёва-Усходняй Беларусі ў канцы XVIII – першай палове XIX ст. ахарактарызавала А.М. Філатава. В.В. Грыгор'ева разгледзела асаблівасці іх рассялення ў рэгіёне ў другой палове XIX – пачатку XX ст.

Найбольш важным даследаваннем канца 1990-х гг. па гісторыі старавераў на беларускіх землях стала манаграфія А.А. Гарбацкага «Стараабрадніцтва на Беларусі ў канцы XVII – пачатку XX ст.» (1999) [2]. Асновай для працы стаў шырокі комплекс апублікаваных і архіўных крыніц. У манаграфіі вылучаны рэгіёны кампактнага пражывання старавераў у Паўднёва-Усходняй Беларусі, ахарактарызаваны гістарычныя падзеі ў канцы XVII – XVIII стст. (у першую чаргу, Ветки і ваколіц), прааналізавана іх прававое становішча ў XIX – пачатку XX ст. У працы таксама прыведзены звесткі аб эканамічным становішчы старавераў рэгіёна ў XIX – пачатку XX ст., змешчаны дэмаграфічныя і статыстычныя даныя. Даследчык таксама ахарактарызаваў гаспадарчую дзейнасць старавераў рэгіёна, апісаў некаторыя асаблівасці народнага дойлідства (культавых пабудоў, жылля, гаспадарчых пабудоў), адзення, вясельнай абраднасці. Пры характарыстыцы

традыцыйнага вяселля А.А. Гарбацкі выкарыстаў сабраныя ім палявыя фальклорна-этнаграфічныя матэрыялы, зафіксаваныя на Гомельшчыне. Іншая манаграфія даследчыка «Стараабрадніцтва на беларускіх землях» (2004) [3] амаль не адрозніваецца ад папярэдняй і фактычна з'яўляецца яе перакладам на рускую мову.

Важнай вехай у вывучэнні старавераў Беларусі стала правядзенне канферэнцыі «Стараабрадніцтва як гісторыка-культурны феномен» (г. Гомель, 2003 г.). Вялікі аб'ём даследаванняў, прадстаўленых удзельнікамі, быў прысвечаны пытанням гісторыі і культуры гэтай этнаканфесійнай супольнасці на тэрыторыі Паўднёва-Усходняй Беларусі. Так, Г.А. Аляксейчанка разгледзеў гістарыяграфію аб стараверах у навуковай спадчыне Е.Р. Раманава [52, с. 13–17]. Правое становішча старавераў Магілёўскай губерні ў канцы XVIII – першай палове XIX ст. атрымала асвятленне ў артыкуле Т.У. Апіок [52, с. 22–25]. Роля Н.П. Румянцава ў жыцці гомельскіх старавераў прасочана ў працах К.А. Біруковіч [52, с. 25–28], А.Л. Кіштымава [52, с. 111–118], Ю.А. Лабінцава і Л.Л. Шчавінскай [52, с. 142–147]. Гаспадарчая і культурная дзейнасць стараверскіх манастыроў рэгіёна ахарактарызавана ў артыкулах Г.В. Кузьміч [52, с. 139–142], М.В. Качэргінай і А.М. Дубраўскага [52, с. 71–74, с. 131–136]. Даследчыца А.І. Зелянкова на аснове матэрыялаў апытання прадставіла ахарактарыстыку стараверскай супольнасці в. Крупец Добрушкага раёна [52, с. 85–87]. У даследаванні В.І. Коваля разгледжаны асаблівасці лексікі веткаўскіх старавераў [52, с. 122–125]. Пытанні ўзроўню адукацыі стараверскага насельніцтва Веткаўшчыны ў канцы XIX – першай палове XX ст. разгледзела С.І. Лявонцьева [52, с. 150–156]. Помнікі мастацкай і пісьмовай культуры старавераў Веткаўшчыны даследаваны Л.М. Мазейка [52, с. 177–180], В.І. Галко [52, с. 43–47], Г.Р. Нячаевай [52, с. 203–211]. Унутрыпалітычную сітуацыю ў Рэчы Паспалітай у сувязі з «выгнанкай» старавераў з Веткі ў 1735 г. ахарактарызаваў А.У. Мацук [52, с. 184–187]. Асаблівасці вуснай народнай творчасці старавераў Усходняга Палесся вызначыла С.Я. Нікіціна [52, с. 215–222]. Пытанні стараверскай архітэктурнай спадчыны ў Гомелі разгледзелі Т.Ф. Літвінава [52, с. 156–161], А.В. Скідан [52, с. 258–260]. У артыкуле С.А. Пасталоўскага прадстаўлена ахарактарыстыка гэтай этнаканфесійнай групы на Гомельшчыне ў 1920 – 1930-я гг. [52, с. 233–235]. Асаблівасці ўзаемаадносін старавераў з савецкай уладай на Гомельшчыне ў 1920-я гг. вылучыў М.І. Старавойтаў [52, с. 260–263]. А.Р. Яшчанка дала кароткую ахарактарыстыку гарадскому стараверскаму насельніцтву Магілёўскай губерні ў другой палове XIX – пачатку XX ст. [52, с. 299–300].

У апошнія дзесяцігоддзі значна пашыраецца кола навуковых накірункаў у вывучэнні стараверства на беларускіх землях. Адным з іх стала даследаванне традыцыйнай культуры гэтай спецыфічнай этнаканфесійнай групы. Этнаграфічным вывучэннем старавераў усходняй Беларусі ў гэты перыяд займаецца Т.І. Хурсан. Шэраг яе прац былі прысвечаны ахарактарыстыцы традыцыйнай культуры старавераў рэгіёна. Так, апісанне вясельнай, радзіннай і пахавальнай абраднасці на аснове матэрыялаў палявых даследаванняў прадстаўлена ў артыкулах «Асаблівасці сямейных традыцый стараабраднікаў Усходняй Беларусі» [53] і «Вясельны абрад стараабраднікаў Беларускага Падняпроўя» [54]. Рэлігійныя традыцыі старавераў Паўднёва-Усходняй Беларусі былі разгледжаны ў працах «Рэлігійная культура стараабраднікаў Усходняй Беларусі» [55] і «Рэлігійная дзейнасць стараабраднікаў Усходняй Беларусі ў XX стагоддзі» [56]. Асаблівасці матэрыяльнай культуры старавераў рэгіёна былі ахарактарызаваны ў артыкулах «Рассяленне і заняткі стараабраднікаў на тэрыторыі Усходняй Беларусі» [57] і «Асаблівасці традыцыйнай матэрыяльнай культуры стараабраднікаў Беларускага Падняпроўя» [58].

Даследчыцай Т.І. Хурсан у 2020 г. была апублікавана навукова-папулярная кніга «Стараабраднікі Беларусі: мінулае і сучаснасць» [59]. Выданне сваёй назвай хоць і датычыцца ўсіх старавераў Беларусі, але ў ім апісваюцца пераважна стараверы паўднёва-ўсходняй яе часткі (і, перш за ўсё, Бабруйшчыны). Так, першая глава працы прысвечана разгляду асаблівасцей рассялення старавераў на Беларусі. Але ў ёй у асноўным прадстаўлены ўжо раней апублікаваныя іншымі аўтарамі даныя аб этапах засялення беларускіх земляў стараверамі. Глава таксама змяшчае дэмаграфічныя звесткі аб іх колькасці ў другой палове XIX – пачатку XX ст. у адпаведнасці з адміністрацыйна-тэрытарыяльным падзелам на той час. Прадстаўленыя даныя даволі адрывістыя і несістэмныя. Толькі дэмаграфічная ахарактарыстыка прадстаўлена больш сістэмна. У другой главе прыводзяцца асобныя падзеі з гісторыі стараверскай царквы на Беларусі ў XX – пачатку XXI ст. Аднак поўнай карціны аб яе гісторыі ў гэты перыяд выданне не змяшчае. Наступная глава прысвечана разгляду культурных традыцый старавераў. Асноўны змест яе складаюць матэрыялы з ужо згаданых вышэй артыкулаў даследчыцы і датычацца амаль выключна старавераў Паўднёва-Усходняй Беларусі.

Да пытанняў традыцыйнай культуры старавераў звярталася Г.І. Каспяровіч. У асобным раздзеле навукова-папулярнай кнігі «Кто живет в Беларуси» (2012) [60] даследчыца ахарактарызавала асаблівасці рассялення, матэрыяльнай культуры (гаспадарчыя заняткі, планіроўка паселішчаў, народная кулінарыя, традыцыйнае адзенне) і сямейнай абраднасці старавераў Паўднёва-Усходняй Беларусі. А ў іншай сваёй працы яна разгледзела асаблівасці іх гаспадарчай дзейнасці [61].

У 2000-я гг. павялічваецца колькасць мастацтвазнаўчых публікацый, прысвечаных стараверам рэгіёна. Уплыў старавераў на беларускі народны тэкстыль прааналізаваны ў даследаванні В.А. Лабахэўскай [62–63]. Вывучэннем мастацкай культуры веткаўскіх старавераў займаюцца С.І. Лявонцьева і Г.Р. Нячаева. Даследчыца С.І. Лявонцьева вывучае мастацкае афармленне рукапісных кніг старавераў [64–68, 70], а Г.Р. Нячаева даследуе іканапісную традыцыю веткаўскіх старавераў [69–70].

У гэты перыяд пашыраюцца і гістарычныя даследаванні стараверскай супольнасці. Вывучэннем гісторыі старавераў усходняй Беларусі ў 1920 – 1930-я гг. займаецца С.А. Пасталоўскі [71–73]. У яго працах характарызуецца стан стараверскага грамадства ў гэты перыяд, разглядаецца ўплыў на яе мерапрыемстваў савецкай улады. Вялікі аб'ём матэрыялаў, выкарыстаных у працах даследчыка, датычыцца старавераў Паўднёва-Усходняй Беларусі.

Вывучэннем этнічных груп Паўднёва-Усходняй Беларусі, у тым ліку і старавераў, займаюцца А.Д. Лебедзеў, В.П. Пічукоў, Р.М. Рагінскі, В.У. Друзянок. Вынікі іх даследаванняў уасобіліся ў шэрагу артыкулаў і зборнікаў матэрыялаў. Сярод накірункаў даследаванняў гомельскіх навукоўцаў важным з'яўляецца вывучэнне гісторыі стараверства рэгіёна ў савецкі перыяд. Пытаннем узаемадзеяння старавераў з савецкай уладай прысвечаны шэраг прац А.Д. Лебедзева [74–76], В.У. Друзянок [76–77], Р.М. Рагінскага [78–80]. Важнае значэнне маюць выданыя гомельскімі даследчыкамі зборнікі архіўных матэрыялаў па гісторыі стараверства ў рэгіёне. Першы зборнік «Конфесии на Гомельщине (20–30-е годы XX в.)» быў апублікаваны ў 2013 г. Ён змяшчае і матэрыялы па стараверах [81, с. 285–307]. Ва ўступнай главе, аўтарамі якой з'яўляюцца А.Д. Лебедзеў і В.П. Пічукоў, змешчана гістарычная даведка аб стараверах Гомельшчыны [81, с. 31–35]. Наступнае выданне было цалкам прысвечана стараверскаму насельніцтву рэгіёна. У 2017 г. быў апублікаваны зборнік дакументаў і матэрыялаў «Старообрядцы на Гомельщине (1918–1991 гг.)» [82]. Выданне ўтрымлівае 212 дакументаў, галоўным чынам з фондаў Дзяржаўнага архіва Гомельскай вобласці. Зборнік з'яўляецца каштоўнай крыніцай для даследавання гісторыі, сацыяльна-эканамічных і дэмаграфічных працэсаў, культурных традыцый старавераў Гомельшчыны. Выданне суправаджаецца ўступным артыкулам (аўтары – А.Д. Лебедзеў і В.П. Пічукоў), у якім разглядаецца прававое становішча гэтай этнаканфесійнай групы ў XX ст. [82, с. 6–18].

Па гісторыі старавераў рэгіёна ў 2000-я гг. быў апублікаваны шэраг прац, аўтары якіх звярталіся да гэтых пытанняў у сувязі з даследаваннем іншай праблематыкі. Так, агульная характарыстыка гістарычнага развіцця старавераў Ветка прадстаўлена ў артыкуле Ю.Г. Болагавай «Стараабраднікі Беларускага Падзвіння і Падняпроўя: гісторыя і сучаснасць» [83]. Праца не вылучаецца навізнай, паколькі абапіраецца на ўжо апублікаваныя раней высновы іншых аўтараў. Статыстычная характарыстыка старавераў Бабруйскай вобласці ў 1940–1950-х гг. зроблена І.М. Мароз [84]. Рэгіянальную структуру стараверскай царквы ў рэгіёне ў 2000-я гг. разгледзеў В.У. Старасценка [85]. Асобныя аспекты гістарычнага развіцця стараверскай супольнасці рэгіёна былі закрануты таксама ў сувязі з абагульняючымі даследаваннямі этнічных груп Беларусі [86–90]. Матэрыялы аб стараверах Гомельскага і Кіраўскага раёнаў былі апублікаваныя ў гісторыка-дакументальных кнігах «Памяць», прысвечаных гэтым раёнам [91–92].

Даследаваннем гісторыі старавераў Паўднёва-Усходняй Беларусі займаюцца і замежныя вучоныя. Значнае месца ў вывучэнні старавераў беларуска-расійска-ўкраінскага памежжа належыць расійскай даследчыцы М.В. Качэргінай. У манаграфіі «Стародубье и Ветка в истории русского старообрядчества (1760 – 1920 гг.): демографическое развитие старообрядческих общин, предпринимательство, духовная жизнь, культура» (2011) [6] разгледжаны пытанні развіцця стараверскіх абшчын рэгіёна ў другой палове XVIII – першых дзесяцігоддзях XX ст. У працы дадзена характарыстыка прававому становішчу старавераў, прыведзены статыстычныя даныя, прааналізаваны ўзровень прамысловага і сельскагаспадарчага развіцця ў згаданы перыяд, коратка ахарактарызаваны жыллё і планіроўка паселішчаў, разгледжаны стан стараверскага мастацтва (ікананічных традыцый, меднай пластыкі, вышыўкі). Асобна ў працы прааналізаваны змены ў стараверскім грамадстве пасля ўсталявання савецкай улады. Пытанне аднаўлення рэлігійнага жыцця ў старавераў рэгіёна ў 1940-я гг. разгледжаны ў артыкуле М.В. Качэргінай і В.В. Дзюбана «Старообрядческие общины Стародубья и Ветки в 1940-х гг.: трудный путь возрождения» [93]. Уплыў грамадска-палітычных фактараў на развіццё стараверскіх абшчын рэгіёна прааналізаваны ў артыкуле М.В. Качэргінай «Старообрядческие общины пограничных территорий России, Украины и Беларуси: история и современность» [94]. А ў працы «Проблемы сохранения культурного наследия русского старообрядчества пограничных территорий России, Украины и Беларуси, подвергшихся радиоактивному загрязнению» [95] асветлены змены ў жыцці стараверскай супольнасці беларуска-расійска-ўкраінскага памежжа пасля аварыі на ЧАЭС.

Некаторыя пытанні гісторыі стараверства ў рэгіёне разглядалі польскія даследчыкі. Так, С. Пастушэўскі (S. Pastuszewski) вылучыў накірункі міграцыі старавераў на беларускія землі, выявіў рэгіёны іх кампактнага пражывання, у тым ліку і на тэрыторыі Паўднёва-Усходняй Беларусі. Даследчык асобна спыніўся на гісторыі пасялення рускіх старавераў у Ветцы, разгледзеў працэс станаўлення мястэчка як важнага цэнтра стараверства ў рэгіёне. У працы коратка разгледжана становішча старавераў Беларусі ў савецкі і сучасны перыяды [96]. Артыкул носіць пераважна абагульняючы характар і змяшчае мала новых матэрыялаў, паколькі аўтар выкарыстаў раней апублікаваныя крыніцы і даследаванні. Яшчэ адзін даследчык С. Аношка (S. Anoszko) разгледзеў гісторыю пасялення старавераў на беларускіх землях у другой палове XVII – XVIII ст., у тым ліку і на паўднёва-ўсходняй яе частцы, ахарактарызаваў іх становішча ў гэты час [97]. Праца таксама не вылучаецца навізнай, паколькі ў ёй выкарыстаны пераважна апублікаваныя крыніцы і вынікі раней праведзеных даследаванняў.

Заклучэнне. Такім чынам, на аснове аналізу даследаванняў, прысвечаных гісторыі і культуры рускіх старавераў Паўднёва-Усходняй Беларусі, прыходзім да наступных высноў.

За перыяд з сярэдзіны XVIII ст. да нашага часу быў апублікаваны значны аб'ём прац. У гістарыяграфіі па дадзенай праблематыцы вылучаюцца тры этапы. Першы з іх ахоплівае перыяд з сярэдзіны XVIII ст. да пачатку XX ст. Ён характарызуецца публікацыяй шэрагу прац, якія пераважна датычыліся гісторыі Веткі і яе ваколіц. Іх аўтарамі былі ў асноўным прадстаўнікі афіцыйнай улады і праваслаўнай царквы, што прадвызначыла характар гэтых прац. Аднак у канцы XIX – пачатку XX ст. было выдадзена некалькі даследаванняў, якія змяшчаюць важныя гістарычныя і этнаграфічныя матэрыялы. Другі этап датычыцца савецкай гістарыяграфіі і займае прамежак 1920 – 1980-я гг. Міжваенны перыяд не вылучаецца вялікім аб'ёмам публікацый. За гэты час было надрукавана ўсяго некалькі краязнаўчых артыкулаў і абагульняючае даследаванне М.М. Нікольскага. Больш плённым быў пасляваенны перыяд. У гэты час актывізуецца лінгвістычныя і археаграфічныя даследаванні старавераў рэгіёна. Сучасны этап (1990 – 2000-я гг.) характарызуецца ўзрастаннем цікавасці да старавераў Паўднёва-Усходняй Беларусі. У выніку гэта ўвасобілася ў выданні значнага аб'ёму даследаванняў гістарычнага, этналагічнага і мастацтвазнаўчага профілю. Аднак пры гэтым неабходна канстатаваць, што нягледзячы на даволі значны аб'ём праведзеных работ, да нашага часу не распрацаваным застаўся шэраг важных пытанняў. Так, даволі фрагментарна (за выключэннем Веткі і яе ваколіц) даследаваны працэсы рассялення старавераў у Паўднёва-Усходняй Беларусі, не прасочаны іх дэмаграфічныя працэсы ў XIX – пачатку XXI ст. Павярхоўна вывучаны асаблівасці традыцыйнай культуры стараверскага насельніцтва. Не даследаваны этнакультурныя працэсы ў старавераў рэгіёна ў XX – пачатку XXI ст.

ЛІТАРАТУРА

1. Аўсейчык, У.Я. Гісторыя вывучэння старавераў Паўночнай Беларусі / У.Я. Аўсейчык // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Сер. А, Гуманитарные науки. – 2020. – № 1. – С. 18–32.
2. Гарбацкі, А.А. Стараабрадніцтва на Беларусі ў канцы XVII – пачатку XX стст. / А.А. Гарбацкі. – Брэст : БрДУ, 1999. – 202 с.
3. Горбацкий, А.А. Старообрядчество на белорусских землях / А.А. Горбацкий. – Брест : БрГУ, 2004. – 305 с.
4. Гарбацкі, А.А. Вывучэнне гісторыі стараабрадніцтва на Беларусі / А.А. Гарбацкі // Весн. Брэст. ун-та. – 2000. – № 3. – С. 39–43.
5. Гарбацкі, А.А. Гісторыя стараабрадніцтва: вынікі крыніцазнаўчага вывучэння : у 3 ч. / А.А. Гарбацкі // Весн. Брэст. ун-та. – Ч. 1. – 2007. – № 2. – С. 3–10; Ч. 2. – 2007. – № 3. – С. 3–9; Ч. 3. – 2009. – № 1(36). – С. 5–13.
6. Кочергина, М.В. Стародубье и Ветка в истории русского старообрядчества (1760 – 1920 гг.): демографическое развитие старообрядческих общин, предпринимательство, духовная жизнь, культура / М.В. Кочергина. – Брянск : Ладомир, 2011. – 451 с.
7. Латышев, К.А. Постсоветская белорусская историография истории старообрядчества на территории БССР (1922 – 1929 гг.) / К.А. Латышев // Романовские чтения – 14 : сб. ст. Междунар. науч. конф., Могилев, 28–29 нояб. 2019 г. / под общ. ред. Я.Г. Риера. – Могилев : МГУ им. А.А. Кулешова, 2020. – С. 50–51.
8. Цмыг, А.С. Старообрядчество в Беларуси и странах ближнего зарубежья: этапы исследования и методологические подходы / А.С. Цмыг // Весн. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. Гуманітарныя навук. – 2020. – Т. 65, № 1. – С. 25–34.
9. Алексеев (Стародубский), И. История о бегствующем священстве: страница истории старообрядческой Ветки / И. Алексеев (Стародубский). – М. : Археодоксія, 2005. – 107 с.
10. Ионнов, А. Полное историческое известие о древних стригольниках и новых раскольниках, так называемых старообрядцах, о их учении, делах и разгласиях, собранное из потаенных старообрядческих преданий, записок и писем... : в 4 ч. / А. Ионнов. – изд. 5-е, В.А. Перскова. – СПб. : Тип. Я. Ионсона, 1855. – Ч. 3. – 46 с.
11. Без-Корнилович, М.О. Исторические сведения о примечательнейших местах в Белоруссии с присовокуплением и других сведений к ней же относящихся / М.О. Без-Корнилович. – СПб. : Тип. III Отд. Собст. Е.И.В. Канцелярии, 1855. – 355 с.
12. (Булгаков), Макарий. История русского раскола, известного под именем старообрядства / Макарий (Булгаков). – СПб. : Тип. Королева и комп., 1855. – 367, VIII с.
13. Шапов, А.П. Русский раскол старообрядчества, рассматриваемый в связи с внутренним состоянием русской церкви и гражданственности в XVII и первой половине XVIII: опыт исторического исследования о причинах происхождения и распространения русского раскола / А.П. Шапов. – Изд. 2-е, без перемен. – Казань : Изд. И. Дубровина, 1859. – [4], 547, [2] с.
14. Мельников, П.И. Исторические очерки поповщины / П.И. Мельников. – М. : в университет. тип. (Катков и К°), 1864. – Ч. 1. – 283 с.
15. Вескинский, А. Раскол в западно-русском крае / А. Вескинский // Вестн. Зап. России. Ист.-лит. журн., издаваемый К. Говорским. – Вильна : Тип. А. Сыркина, 1865 (май). – Т. III. – С. 286–303.
16. Живописная Россия. Отечество наше в его зем., ист., плем., экон. и быт. значения: Литовское и Белорусское Полесье: Репринт. воспроизведение изд. 1882 г. – Минск : БелЭн., 1993. – 550 с.
17. Дембовецкий, А.С. Опыт описания Могилевской губернии в историческом, физико-географическом, этнографическом, промышленном, сельскохозяйственном, лесном, учебном, медицинском и статистическом отношениях / А.С. Дембовецкий : в 3 кн. – Могилев : Тип. Губ. правления, 1882. – Кн. 1. – 25, 782 с.

18. Лилеев, М.И. Из истории раскола на Ветке и в Стародубье XVII – XVIII вв. / М.И. Лилеев. – Киев : Тип. Г.Т. Корчак-Новицкого, 1895. – Вып. 1. – 596 с.
19. Лилеев, М.И. Описание рукописей, хранящихся в библиотеке Черниговской духовной семинарии / М.И. Лилеев. – СПб. : Тип. В.С. Балашева, 1880. – 215 с.
20. Лилеев, М.И. Новые материалы для истории раскола на Ветке и в Стародубье XVII – XVIII вв. / М.И. Лилеев. – Киев : Тип. Г.Т. Корчак-Новицкого, 1893. – 278, V с.
21. Романов, Е.Р. Белорусский сборник / Е.Р. Романов. – Киев : Тип. С.В. Кульженко, 1885. – Т. 1. – Вып. 1–2 : Песни, пословицы, загадки. – 468 с.
22. Романов, Е.Р. Белорусский сборник / Е.Р. Романов. – Витебск : Типо-лит. Г.А. Малкина, 1891. – Вып. 5: Заговоры, апокрифы и духовные стихи. – 450 с.
23. Романов, Е.Р. Из старообрядческой литературы / Е.Р. Романов // Могилевская старина. – Могилев : Тип. Губ. правл., 1901. – Вып. II. – С. 79–86.
24. Горючко, П. Материалы для истории раскола старообрядчества в Могилевской губернии конца XVIII-го и начала XIX столетий / П. Горючко // Могилевская старина. – Могилев : Тип. Губ. правл., 1903. – Вып. III. – С. 25–32.
25. Абрамов, И.С. Старообрядцы на Ветке: (Этногр. очерк) / И.С. Абрамов. – СПб. : Тип. М.П.С. (т-во И.Н. Кушнерев и К°), 1907. – 34 с.
26. Виноградов, Л. Гомель. Его прошлое и настоящее 1142 – 1900 г. / Л. Виноградов. – М. : Тип. Н.Н. Шарапова, 1900. – 48 с.
27. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. – СПб. : Изд. А.Ф. Девриена, 1905. – Т. 9.: Верхнее Поднепровье и Белоруссия / Сост.: В.П. Семенов [и др.]. – VIII, 620 с.
28. Саламыкін, М.І. Дарожныя нататкі. Веткаўскі раён, Гомельшчына / М.І. Саламыкін. – Наш край. – 1929. – № 6–7. – С. 58–65.
29. Кармянскі, Ю. 30 дзён на дынамічным перапісу. (Чачэўскі раён) / Ю. Кармянскі // Наш край. – 1930. – № 3. – С. 43–50.
30. Никольский, Н.М. История русской церкви / Н.М. Никольский. – М. : Политиздат, 1985. – 448 с.
31. Манаенкова, А.Ф. Язык Ветки : дис. ... д-ра. филол. наук : в 2 т. / А.Ф. Манаенкова ; Белорус. гос. ун-т им. В.И. Ленина. – Минск, 1974. – Т. 1. – 366 л.
32. Манаенкова, А.Ф. Лексика русских говоров Белоруссии / А.Ф. Манаенкова. – Минск : Изд-во БГУ им. В.И. Ленина, 1973. – 184 с.
33. Манаенкова, А.Ф. Русско-белорусские языковые отношения (На материале русских говоров Ветки) / А.Ф. Манаенкова. – Минск : Изд-во БГУ, 1978. – 168 с.
34. Манаенкова, А.Ф. Словарь русских говоров Белоруссии: Ветковский и Добрушский районы Гомельской области / А.Ф. Манаенкова. – Минск : Университетское, 1989. – 231 с.
35. Акуленко, Е.А. Белорусское воздействие на островные русские говоры (на материале наименований одежды в русских говорах Жлобинского района Гомельской области) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.А. Акуленко; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 1996. – 16 с.
36. Итоги и перспективы организации комплексных археографических исследований МГУ / Е.А. Агеева [и др.] // Археографический ежегодник. – 1987. – С. 170–177.
37. Кобяк, Н.А. Филологические задачи в рамках комплексных исследований района старообрядческих слобод Брянщины и Гомельщины / Н.А. Кобяк, О.В. Кукушкина // Из истории фондов научной библиотеки Московского университета. – М. : МГУ, 1978. – С. 120–129.
38. Богомолова, М.В. Описание певческих рукописей XVII – XX вв. Ветковско-Стародубского собрания МГУ / М.В. Богомолова, Н.А. Кобяк // Русские письменные и устные традиции и духовная культура (по материалам археографических экспедиций МГУ 1966–1980 гг.). – М. : МГУ, 1982. – С. 162–227.
39. Гусева, Э.К. Старообрядческое искусство на Брянщине и Гомельщине / Э.К. Гусева // Из истории фондов научной библиотеки Московского университета. – М. : МГУ, 1978. – С. 130–135.
40. Гусева, Э.К. Памятники старообрядческой живописи конца XVIII – XIX вв. / Э.К. Гусева // Русские письменные и устные традиции и духовная культура (по материалам археографических экспедиций МГУ 1966–1980 гг.). – М. : МГУ, 1982. – С. 151–161.
41. Сморгунова, Е.М. Лигвистические проблемы в археографических исследованиях (языковые особенности русского старообрядческого говора) / Е.М. Сморгунова // Русские письменные и устные традиции и духовная культура. – М. : МГУ, 1982. – С. 72–90.
42. Игошев, Л.А. К вопросу о значении традиций древнерусского певческого искусства (по материалам археографического обследования ветковско-стародубских слобод) / Л.А. Игошев // Русские письменные и устные традиции и духовная культура (по материалам археографических экспедиций МГУ 1966–1980 гг.). – М. : МГУ, 1982. – С. 228–246.
43. Никитина, С.Е. Устная традиция в народной культуре русского населения / С.Е. Никитина // Русские письменные и устные традиции и духовная культура (по материалам археографических экспедиций МГУ 1966–1980 гг.). – М. : МГУ, 1982. – С. 91–126.
44. Никитина, С.Е. О взаимоотношении устных и письменных форм в народной культуре (на материале полевых исследований старообрядцев) / С.Е. Никитина // Славянский и балканский фольклор: Реконструкция древней славянской духовной культуры: Источники и методы / Отв. ред. Н.И. Толстой ; АН СССР, Ин-т славяноведения и балканистики. – М. : Наука, 1989. – С. 149–161.

45. Никитина, С.Е. Устная народная культура и языковое сознание / С.Е. Никитина. – М. : Наука, 1993. – 187 с.
46. Церашковіч, П.У. Стараверы / П.У. Церашковіч // Этнаграфія Беларусі : энцыкл. / Рэдкал.: І.П. Шамякін (гал.рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелСЭ, 1989. – С. 475.
47. Сахута, Я.М. Веткаўская разьба / Я.М. Сахута // Этнаграфія Беларусі : энцыкл. / Рэдкал.: І.П. Шамякін (гал.рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелСЭ, 1989. – С. 108.
48. Нячаева, Г.Р. Веткаўскі дзяржаўны музей народнай творчасці / Г.Р. Нячаева // Этнаграфія Беларусі : энцыкл. / Рэдкал.: І.П. Шамякін (гал.рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелСЭ, 1989. – С. 108.
49. Короткая, Т.П. Старообрядчество в Беларуси / Т.П. Короткая, Е.С. Прокошина, А.А. Чудникова. – Минск : Наука і тэхніка, 1992. – 115 с.
50. Бейлькін, Х. Веткаўскія раскольнікі / Х. Бейлькін // Беларуская мінуўшчына. – 1995. – № 2. – С. 44–47.
51. Канфесіі на Беларусі (к. XVIII – XX ст.) / В.В. Грыгор’ева [і інш.]. – Мінск : Экаперспектыва, 1998. – 340 с.
52. Старообрядчество как историко-культурный феномен : материалы междунар. науч.-практ. конф., Гомель, 27–28 февр. 2003 г. / Гомель. гос. ун-т; редкол.: О.Г. Яценко (гл.ред.) [и др.]. – Гомель: ГГУ, 2003. – 312 с.
53. Хурсан, Т.І. Асаблівасці сямейных традыцый стараабраднікаў Усходняй Беларусі / Т.І. Хурсан // Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі / НАН Беларусі, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя К. Крапівы. – Мінск, 2008. – Вып. 4. – С. 429–435.
54. Хурсан, Т.І. Вясельны абрад стараабраднікаў Беларускага Падняпроўя / Т.І. Хурсан // Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі / НАН Беларусі, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя К. Крапівы. – Мінск. – 2016. – Вып. 21. – С. 276–282.
55. Хурсан, Т.І. Рэлігійная культура стараабраднікаў Усходняй Беларусі / Т.І. Хурсан // Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі / НАН Беларусі, Ін-т мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору імя К. Крапівы. – Мінск, 2008. – Вып. 4. – С. 435–441.
56. Хурсан, Т.І. Рэлігійная дзейнасць стараабраднікаў Усходняй Беларусі ў XX стагоддзі / Т.І. Хурсан // Беларусь у XIX – XXI стагоддзях: праблемы этнакультурнага і нацыянальна-дзяржаўнага развіцця : зб. навук. арт. / Гомель. дзярж. ун-т імя Ф. Скарыны. – Гомель : ГДУ, 2013. – С. 221–229.
57. Хурсан, Т.І. Рассяленне і занятакі стараабраднікаў на тэрыторыі Усходняй Беларусі / Т.І. Хурсан // Беларускі гістарычны часопіс. – 2008. – № 9. – С. 18–25.
58. Хурсан, Т.І. Асаблівасці традыцыйнай матэрыяльнай культуры стараабраднікаў Беларускага Падняпроўя / Т.І. Хурсан // Научные труды Республиканского института высшей школы. – 2014. – Вып. 14. : в 2 ч. – Ч. 1. – С. 322–329.
59. Хурсан, Т.І. Стараабраднікі Беларусі: мінулае і сучаснасць / Т. І. Хурсан. – Мінск : Беларус. навука, 2020. – 175 с.
60. Касперовіч, Г.І. Русские / Г.І. Касперовіч // Кто живет в Беларуси / А.В. Гурко [и др.] ; Нац. акад. наук Беларусі, Ін-т искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы. – Минск : Беларус. навука, 2012. – С. 204–269.
61. Касперовіч, Г.І. Хозяйственные занятия русских в Беларуси / Г.І. Касперовіч // Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі. – Мінск, 2007. – Вып. 3. : у 2 ч. – Ч. 2. – С. 116–121.
62. Лабачэўская, В.А. Вандраванне ўзору (аб паходжанні аднаго арнаментальнага матыву ў старадарожскіх пераборных ручніках) / В.А. Лабачэўская // Аўтэнтычны фальклор: праблемы вывучэння, захавання, пераймання : зб. навук. прац удзельнікаў IV Міжнар. навук.-практ. канф., Мінск, 29–30 крас. 2010 г. / Беларус. дзярж. ун-т культуры і мастацтва ; рэдкал.: М.А. Мажэйка (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск, 2010. – С. 46–49.
63. Лобачевская, О.А. Белорусский народный текстиль: традиции и художественные новации в XX веке : автореф. дис. ... д-ра искусствоведения : 17.00.09 / О.А. Лобачевская ; Беларус. дзярж. ун-т культуры і мастацтваў. – Мінск, 2014. – 50 с.
64. Лявонцьева, С.І. Мастацкае афармленне веткаўскіх рукапісных кніг XVIII стагоддзя / С.І. Лявонцьева // Беларускі гістарычны часопіс. – 2007. – № 4. – С. 22–31.
65. Лявонцьева, С.І. Мастацкае афармленне веткаўскіх рукапісных кніг XIX – пачатку XX стагоддзя / С.І. Лявонцьева // Беларускі гістарычны часопіс. – 2008. – № 9. – С. 26–35.
66. Лявонцьева, С.І. Мастацтва рукапіснай кнігі Ветка і народная творчасць / С.І. Лявонцьева // Беларускі гістарычны часопіс. – 2009. – № 2. – С. 15–20.
67. Леонтьева, С.И. Ветковская рукописная книга и старопечатные издания / С.И. Леонтьева // Традиции материальной и духовной культуры Усходняга Палесся: праблемы вывучэння і захавання ў постчарнобыльскі час : зб. навук. арт. – Гомель : ГДУ імя Ф.Скарыны, 2006. – С. 98–103.
68. Леонтьева, С.И. Ветковские старообрядческие рукописи. Диалог книги и человека / С.И. Леонтьева // Старообрядчество. История. Культура. Современность : материалы Междунар. науч. конф., Москва, 24-25 апр. 1996 г. / Под ред. О.П. Ершова, В.И. Осипова, Е.И. Соколовой : тез. докл. – М., 1996. – С. 155–158.
69. Нечаева, Г.Г. Ветковская икона / Г.Г. Нечаева. – Минск : Четыре четверти, 2002. – 268 с.
70. Ветка. История старообрядчества / Сост. В.Ф. Николайчук ; авт. текста: Г.Г. Нечаева, С.И. Леонтьева. – Минск : БелЭН, 2017. – 240 с.
71. Пасталоўскі, С.А. Паўсядзённае жыццё старавераў у Беларусі ў 1920 – 1930-я гады / С.А. Пасталоўскі // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. – 2007. – № 4. – С. 51–56.
72. Пасталоўскі, С.А. Рэлігійнае жыццё стараверскага насельніцтва ў БССР у 1920-я гг. / С. А. Пасталоўскі // Молодежь в науке – 2007: прил. к журналу "Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі": [материалы международной научной конференции молодых ученых, Минск, 23–26 окт. 2007 г.] : в 4 ч. – Минск, 2008. – Ч. 2 : Серия гуманитарных наук. – С. 227–230.

73. Посталовский, С.А. Русские национальные советы в БССР в 1920 – 1930-е гг.: к вопросу о количественной динамике / С.А. Посталовский // *Вестні Нац. акад. навук Беларусі*. – 2006. – № 5. – Ч. 1. – С. 91–93.
74. Лебедев, А.Д. Советские органы власти и старообрядческое население Гомельщины (вторая половина 1940-х – 1960-е гг.) / А.Д. Лебедев // *Изв. Гомель. гос. ун-та им. Ф. Скорины. Гуманитарные науки: история, филология, философия*. – 2015. – № 4 (91). – С. 49–52.
75. Лебедев, А.Д. Старообрядческое население Гомельщины в середине 1940-х – середине 1960-х гг. (по материалам уполномоченного по делам религиозных культов) / А.Д. Лебедев // *Працы гістарычнага факультэта БДУ : навук. зб. / Беларус. дзярж. ун-т. – Мінск : БДУ, 2015. – Вып. 10. – С. 39–45.*
76. Друзенюк, О.В. Восстановление деятельности старообрядческих общин на Гомельщине во второй половине 40-х годов – первой половине 60-х годов XX века / О.В. Друзенюк, А.Д. Лебедев // *Беларусь у XIX – XXI стагоддзях: этнакультурнае і нацыянальна-дзяржаўнае развіццё : зб. навук. арт. / Мін-ва адукацыі Рэсп. Беларусь, Гомель. дзярж. ун-т імя Ф. Скарыны. – Гомель, 2015. – С. 180–185.*
77. Друзенюк, О.В. Общины старообрядцев-беспоповцев на Гомельщине во второй половине 40-х – начале 60-х гг. XX в. / О. В. Друзенюк // *Православие в общественной жизни: традиция и современность : сб. науч. ст. / Мин-во образования Респ. Беларусь, Гомель. гос. ун-т им. Ф. Скорины, Гомель. епархия Белорус. Правосл. Церкви. – Гомель, 2016. – Вып. 2. – С. 77–81.*
78. Рогинский, Р.М. Старообрядческие общины Гомельщины в условиях конфессиональной политики Н.С. Хрущева / Р.М. Рогинский // *Научный потенциал молодежи – будущему Беларуси : материалы V Междунар. молодеж. науч.-практ. конф., Пинск, 31 марта 2011 г. / Полес. гос. ун-т, Нац. банк Респ. Беларусь [и др.]; редкол.: К.К. Шебеко [и др.]. : в 4 ч. – Пинск : ПолесГУ, 2011. – Ч. 2. – С. 256–258.*
79. Рогинский, Р.М. Конфессиональная политика Советской власти в отношении старообрядцев Гомельщины в 1920-е годы / Р.М. Рогинский // *Менталитет славян и интеграционные процессы: история, современность, перспективы : материалы VIII междунар. науч. конф., Гомель, 23–24 мая 2013 г. / Гомел. гос. техн. ун-т ; под общ. ред. В.В. Кириенко. – Гомель, 2013. – С. 246–248.*
80. Рогинский, Р.М. Закрытие старообрядческих храмов и молелен на Гомельщине, как фактор конфессиональной политики И.В. Сталина в предвоенный и послевоенный период / Р.М. Рогинский // *Религия и общество – 9 : сб. науч. ст. / под общ. ред. В.В. Старостенко, О.В. Дьяченко. – Могилев : МГУ им. А.А. Кулешова, 2015. – С. 27–29.*
81. Конфессии на Гомельщине (20 – 30-е годы XX в.): документы и материалы / Под ред. В.П. Пичукова. – Минск : НАРБ, 2013. – 387 с.
82. Старообрядцы на Гомельщине (1918 – 1991 годы). Документы и материалы. / Сост.: З.А. Александрович, [и др.] ; под ред. В.П. Пичукова. – Минск : А.Н. Янушкевич, 2017. – 411 с.
83. Болатова, Ю.Г. Стараабраднікі Беларускага Падзвіння і Падняпроўя: гісторыя і сучаснасць / Ю.Г. Болатова // *Беларускі гістарычны часопіс*. – 2008. – № 9. – С. 10–17.
84. Мароз, І.М. Стараабрадніцтва Бабруйскай вобласці (1944 – 1954 гг.) / І.М. Мароз // *Вестн. Брэсц. ун-та. Сер. 2, Гісторыя. Эканоміка. Права*. – 2014. – № 2. – С. 86–90.
85. Старостенко, В.В. Региональная структура старообрядчества в восточной Беларуси в 2000-х гг.: особенности и динамика развития / В.В. Старостенко // *Религия и общество – 13 : сб. науч. ст. / под общ. ред. В.В. Старостенко, О.В. Дьяченко. – Могилев : МГУ им. А.А. Кулешова, 2019. – С. 141–146.*
86. Линкевич, В.Н. Межконфессиональные отношения в Беларуси во II пол. XIX – нач. XX в. : авторефер. дис. ... канд. ист. наук / В.Н. Линкевич ; Ин-т истории АН Беларуси. – Минск, 2004. – 21 с.
87. Антропаў, М. Этнаканфесійныя стэрэатыпы ў беларускай вёсцы (канец XX – пачатак XXI ст.). / М. Антропаў, А. Боганева, Т. Валодзіна // *Беларускі гістарычны агляд*. – 2007. – Т. 14. – С. 141–178.
88. Табунов, В.В. Политика российского правительства в отношении христианских конфессий в Беларуси (1895–1907) : авторефер. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / В.В. Табунов ; Белорус. гос. пед. ун-т им. М. Танка. – Минск, 2008. – 22 с.
89. Захаркевич, С.А. Этнические меньшинства на территории Беларуси в XIV–XVIII веках: стратегии культурной адаптации : авторефер. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.07 / С.А. Захаркевич ; Ин-т искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы, НАН Беларуси. – Минск, 2010. – 17, [1] с.
90. Пушкін, І.А. Грамадская і культурна-асветніцкая дзейнасць нацыянальных меншасцей у Беларускай ССР (1919–1991) / І.А. Пушкін. – Магілёў : МДУ, 2018. – 423 с.
91. Аўдзева, В.І. Стараверы-велікарусы на Кіраўшчыне / В.І. Аўдзева // *Памяць: Кіраўскі раён : гіст.-дак. хронікі гарадоў і раенаў Беларусі / рэдкал.: В.І. Аўдзева [і інш.] – Мінск, 1997. – С. 97–101.*
92. Халюшкаў, М.М. Стараверскія слабоды, скіты і манастыры / М.М. Халюшкаў // *Памяць: Гомельскі раён : гіст.-дак. хронікі гарадоў і раенаў Беларусі : у 2 кн. / рэдкал.: Г.К. Кісялёў [і інш.] – Мінск, 1998. – Кн. 1. – С. 55–56.*
93. Дзюбан, В.В. Старообрядческие общины Стародубья и Ветки в 1940-х гг.: трудный путь возрождения / В.В. Дзюбан, М.В. Кочергина // *Вестн. Костром. гос. ун-та*. – 2016. – № 6. – С. 27–31.
94. Кочергина, М.В. Старообрядческие общины пограничных территорий России, Украины и Беларуси: история и современность / М.В. Кочергина // *Ученые записки. Электрон. науч. журн. Курс. гос. ун-та*. – 2017. – № 2 (42). – С. 14–20.
95. Дзюбан, В.В. Проблемы сохранения культурного наследия русского старообрядчества пограничных территорий России, Украины и Беларуси, подвергшихся радиоактивному загрязнению / В.В. Дзюбан, М.В. Кочергина // *Берегиня 777. Сова: Общество. Политика. Экономика*. – 2017. – № 1 (32). – С. 155–163.

96. Pastuszewski, S. Staroobrzędowcy na ziemiach białoruskich / S. Pastuszewski // Roczniki Białskopodlaski. – 2015. – T. XXIII. – S. 159–207.
97. Anoszko, S. Staroobrzędowcy na białoruskich ziemiach Rzeczypospolitej Obojga Narodów w XVII-XVIII stuleciu / S. Anoszko // NURT SVD: półrocznik misjologiczno-religioznawczy. – 2020. – Z. 1. – S. 93–111.

Пастушчыў 19.11.2020

OLD BELIEVERS OF SOUTHEASTERN BELARUS: HISTORIOGRAPHY AND CURRENT RESEARCH STATUS

U. AUSEICHYK

Consideration of historiography and the current state of research into the history and culture of the Old Believers in south-eastern Belarus. Three main stages in the historiography of this problem have been singled out: the middle of the XVII – beginning of the XX centuries; 1920–1980s; 1990–2000s. The methods of research have been characterised, the significance of the works has been disclosed, and their contribution to the study of the history and culture of Old Believers of the region has been determined. We come to the conclusion that, despite the considerable amount of research carried out, a number of important questions remain to be addressed. The processes of settlement of Old Believers on the territory of south-eastern Belarus have been studied rather fragmentarily, their demographic processes in the 19th – early 20th century have not been traced. The features of the traditional culture of the Old Believers have been studied very superficially. Ethno-cultural processes among Old Believers of the region in the 20th – early 21st centuries have not been studied.

Keywords: historiography, Old Believers, ethnic groups, South-East Belarus, historical science, ethnology and ethnography of Belarus, folk culture.

УДК 314.151.3-054.62(476)(091)"18":930.2

**СТАТИСТИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ КАК ИСТОЧНИКИ ИЗУЧЕНИЯ
ПРЕБЫВАНИЯ ИНОСТРАНЦЕВ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.****Е.С. ПОТРОСОВА***(Полоцкий государственный университет)*

Анализируются данные исторических источников по демографической, аграрной и промышленной статистике, отражающие изменения численности, состава и рода деятельности иностранных подданных в социальной структуре общества в белорусских губерниях во второй половине XIX – начале XX вв. Рассматриваются основные формы учета населения изучаемого периода: административно-полицейская и церковная переписи. Статистические сведения содержат богатый материал для исследования положения разных категорий иностранцев, особый интерес вызывают материалы первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. По результатам переписи среди иностранных подданных насчитывалось 13 468 человек, самой многочисленной этнической группой были германские подданные. Из общего числа немцев 37% проживали в городах, 63% – в сельской местности.

Ключевые слова: *иностранцы, статистика, население, источники, статистический комитет, перепись населения, полицейский учет, немцы, чехи, отчеты губернаторов, иностранные подданные.*

Введение. Пребывание и деятельность иностранцев на территории Российской империи находились под жестким надзором полиции, полицейские управления осуществляли сбор данных о количестве временно пребывавших и постоянно проживавших лиц иностранного подданства. В архивных фондах губернских правлений, канцелярий генерал-губернатора и гражданских губернаторов, а также органов местного самоуправления сохранилось большое количество статистических источников: списки и ведомости прибывших и проживавших иностранцев; сведения, предоставляемые в министерство внутренних дел по запросам иностранных консульств, прошения о выдаче паспортов, списки служащих иностранцев на фабриках и заводах. В апреле 1859 г. был издан циркуляр министра внутренних дел, который предписывал гражданским губернаторам белорусских губерний предоставлять статистические данные в дополнениях к годовым отчетам.

С середины 1860-х гг. в связи с растущими потребностями экономического развития империи и под влиянием состоявшегося в 1860 г. Лондонского международного статистического конгресса стали проводиться постоянные переписи населения. Система статистического учета со второй половины XIX века стала представлять собой особый вид деятельности государственного аппарата по сбору данных о населении. В 1857 г. при Министерстве внутренних дел был образован Центральный статистический комитет. Первые губернские статистические комитеты были созданы в середине 1860-х гг., основной целью их деятельности являлся сбор максимально полной информации о западных губерниях. Особо интересовали правительство исторические особенности, население и хозяйственная жизнь губерний. Благодаря работе таких комитетов были изданы «Памятные книжки губерний», «Статистический Временник Российской империи», «Статистика Российской империи», «Временник Центрального статистического комитета», в которых нередко содержались архивные материалы, этнографические статьи, описания городов и населенных пунктов. А.Г. Кохановский. отмечает, что в рассматриваемый период отсутствовали единая система сбора и обработки статистических сведений и специальная подготовка у сборщиков данных. Губернские статистические комитеты обрабатывали полученные сведения, оформляли их в виде таблиц и передавали в центральный статистический комитет [1, с. 193–194].

На сегодняшний день значительная часть статистических источников пореформенного периода истории Беларуси опубликована и изучена, однако остается еще массив количественных данных, содержащихся в законодательных актах и материалах делопроизводства, которые хранятся в архивных фондах Беларуси и России. В статье предпринята попытка анализа данных статистических материалов, позволяющих исследовать место иностранных подданных в социальной структуре населения белорусских губерний во второй половине XIX в., состав и сферы их хозяйственной и экономической деятельности.

Основная часть. Основными формами учета населения в 60-е – 90-е гг. XIX в. были административно-полицейская и церковная переписи. Из документов ревизского учета в рамках исследуемого периода можно рассматривать ревизские сказки за 1850 и 1858 гг., отражающие материалы подворных переписей населения (ревизий), проводившихся в Российской империи в целях учета плательщиков подушного налога, но данный вид документов не отражает реальной численности иностранцев, поскольку учитывалось только податное население.

К документам полицейского учета иностранцев принадлежали:

– Вид для отъезда выдаваемые на проезд или проживание в губерниях, в них содержатся сведения о том, откуда прибыл, состав семьи, возраст, профессия и внешние приметы.

– *Проезжие грамоты, подорожные листы, паспорта, виды на жительство, журналы регистрации выданных паспортов.* Предоставляют следующие сведения: имя, фамилия, место жительства, характеристика рода деятельности, сведения о членах семьи, которые следовали вместе с главой семьи.

– *Ведомости и списки об иностранных поданных, а также иностранцах, принявших русское подданство или исключенных из него,* которые сохранились в архивных фондах исполнительных органов губерньских правлений. Списки проживавших иностранцев предоставлялись уездными и земскими исправниками в рапортах гражданскому губернатору. В ведомостях указывались данные о подданстве, месте рождения и жительства, дате прибытия в империю, сведения о полученном образовании, вероисповедании, роде занятий, числе семейств, отдельно указывались лица мужского и женского пола, дети и возраст. С начала XX в. дополнительно указывалась воинская служба, звание. Собранные материалы сводились за год и предоставлялись ежегодно в собственную его императорского величества канцелярию.

– *Списки подданных держав, воюющих с Россией,* включали сведения о военнопленных, захваченных в ходе военных действий и оказавшихся на территории белорусских губерний.

– *Анкеты прибывших и выбывших иностранцев,* появились с момента начала Первой мировой войны и составлялись в полицейских управлениях [2, с. 62].

К документам церковного учета относили:

– *Метрические книги* – содержат богатый генеалогический и статистический материал, представляли собой совокупность записей в хронологическом порядке о рождении, крещении, браке и смерти, данный вид документов имел важное значение, так как записи подтверждали факт гражданского состояния. По принципу хранения метрические книги делятся на приходские и консисторские. Метрические книги хранятся в фондах Минской и Могилевской духовных православных консисторий, римско-католических духовных консисторий, евангелическо-лютеранских приходах, а также в фондах отдельных церквей и благочиний. Так, в метрических записях о рождении указывались данные о месте рождения, родители рожденного, их подданство, в каком сословии состояли, род занятий.

– *Клировые ведомости* – выписки из метрических книг, поступающие в центральные духовные ведомства – Святейший Синод и Департамент духовных дел иностранных вероисповеданий [2, с. 63].

Иностранное население на протяжении второй половины XIX в. составляло незначительное количество от общего числа населения, проживавшего в пяти белорусских губерниях – от 0,15 до 0,3%. Однако необходимо отметить, что с 60-х гг. XIX в. наблюдается миграционный прирост иностранцев в Беларуси, во многом этому способствовала сложившаяся социально-экономическая политика, а именно отмена крепостного права, развитие рыночных отношений, появление и строительство железных дорог. В работах З.В. Шибко в динамике сословного состава городского населения отражена тенденция роста числа иностранных подданных, за период с 1866 по 1896 гг. их количество увеличилось в три раза, с 583 до 1540 человек, что составило 0,2% от общего числа городских жителей. Нельзя отрицать тот факт, что иностранцы приняли участие в процессе становления новых классов капиталистического общества [3, с. 262].

В 50-е гг. XIX в. с целью комплексного изучения белорусских губерний специалистами Генерального штаба российской армии велся сбор военно-исторических, топографических и статистических сведений западных губерний Российской империи. В 1861 – 1863 гг. благодаря широкой поддержке и помощи со стороны губерньских статистических комитетов и гражданских губернаторов были подготовлены первые историко-статистические описания «Материалы для географии и статистики России». Сведения по национальному составу иностранцев в Гродненской губернии можно найти в работах П.О. Бобровского, изданных в двух частях в 1863 г. В губернии из иностранцев преимущественно проживают немцы, в небольших количествах французы, швейцарцы, австрийцы. Среднее число за 1854 – 1857 гг. – 3320 чел., из которых 1687 мужчин и 1633 женщины, что составило 0,38% от всего населения губернии. В городах проживало 26%, в сельской местности 74%. К основным занятиям иностранцев относилась работа на фабриках и мануфактурах, 14,4% заняты воспитанием детей владельцев имений. За указанный период только 32 человека перешли в российское подданство [4, с. 656, 785]. Материалы для географии и статистики России по Минской губернии также представлены в двух частях за авторством И. Зеленского, изданы в 1864 г. К колонистам Минского уезда он относит виртембергских переселенцев, проживавших на частных (65 чел.) и собственных (73 чел.) землях, общей численностью 138 человек обоего пола [5, с. 613]. В описаниях Виленской губернии А.К. Корево дает негативную оценку присутствия иностранцев в губернии, особенно преподавателей французского языка и их влияния на воспитанников. Иностранцев обоего пола насчитывается 593 человека, проживавших в г. Вильне и Виленском уезде. Прусские подданные занимались преимущественно ремесленной деятельностью, сельским хозяйством, служащими в имениях. Незначительная часть была занята торговлей [6, с. 424]. Д.В. Карев отмечает, что зачастую обработка необходимой исторической информации поручалась не квалифицированным специалистам, но политически надежным офицерам генерального штаба или чиновникам Министерства внутренних дел. Авторы опирались на политические установки правительства, и не всегда на проверяемые источники [7, с. 27].

В 1862 – 1864 гг. российским военным деятелем Генерального штаба, этнографом А.Ф. Риттихом был составлен Атлас народонаселения Западнорусского края по вероисповеданиям, со статистическими

таблицами, в которых ценными являются количественные показатели распределения немцев-протестантов по губерниям. Так, самой многочисленной была Гродненская губерния, наименьшее число протестантов было в Могилевской губернии. Существенным недостатком Атласа является отсутствие данных о количестве православных и католиков среди немцев в пяти белорусских губерниях [8, л. 6].

Необходимо отметить, что основная часть этнических меньшинств в середине XIX в. проживала в сельской местности. Более подробные статистические сведения содержатся в обзорах губерний за 1870 – 1914 гг., представляющих собой приложения к отчетам губернаторов. В таблице о числе жителей по сословиям в Минской губернии за 1870 г. находим сведения о количестве данной категории лиц в сельской местности (3249 чел.), городах (99 чел.), всего в губернии (3348 чел.) [9, с.112].

Относительно обширные и достоверные сведения можно найти в материалах первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г. Для проведения исследования о численности и составе иностранцев полезными показателями выбраны были место рождения, родной язык, место получения образования, сословная принадлежность, звание, а также занятость или служба с указанием дополнительного вида деятельности. Данные показатели дают возможность проанализировать и охарактеризовать социально-сословную и экономическую структуру населения иностранного происхождения. Однако, необходимо отметить, что в таблицах распределение на уроженцев других государств следует считать косвенным признаком, так как иностранцы, уже принявшие российское подданство, входили в их состав.

Основываясь на результатах переписи по категории «иностранцы подданные» можно подсчитать, что в пяти белорусских губерниях проживало 13 468 чел. (таблица 1) [10; 11]. На первом месте по количеству проживания иностранного населения находились Минская (5127 чел.) и Гродненская (4722 чел.) губернии, существенно отставали Виленская (1814 чел.) и Витебская (1098 чел.), наименьшее количество приходилось на Могилевскую губернию (всего лишь 707 чел.) [12–16]. Самая многочисленная группа была представлена подданными Пруссии, на втором месте – представителями Австро-Венгрии. Незначительное количество выходцев из Франции, Швейцарии, Бельгии, Болгарии, Великобритании, Турции, Италии, Испании и др. Таким образом, представители других государств от общего количества наличного населения составляли приблизительно 0,15%. Так, уроженцы Австро-Венгрии по Минской губернии, согласно переписи 1897 г., составляли 693 человека, среди которых 378 мужчин и 315 женщин [12, с. 48–49]. Относительно процентного распределения между городским и сельским населением в конце XIX в. сохранилась тенденция проживания иностранцев в сельской местности, так среди немцев 37,3% проживали в городах, 62,7% – в сельской местности [17, с. 122]. Почти половина всех немцев относилась к сословию мещан (47,6%), 24,8% – крестьян. Значительным было количество потомственных (5,4%) и личных (4,0%) дворян [18, с. 148].

Таблица 1. – Общая численность иностранных подданных согласно первой всеобщей переписи населения 1897 г.

Губерния	Количество иностранцев на 1863 г.	Количество иностранных подданных на 1897 г.	Количество немецкоязычного населения на 1897 г.
Виленская	3399	1814	3873
Витебская	656	1098	7361
Гродненская	3613	4722	10284
Минская	3922	5127	3987
Могилевская	325	707	1806
Всего	11915	13468	27311

Особую проблему при выявлении и изучении иностранцев составляет подданство. В переписи отсутствовала графа «национальность», но содержались вопросы о месте рождения и родном языке. Данные показатели отражают только территориальное происхождение иностранца и его народность, поэтому во многих таблицах отличаются сведения о количестве немцев из числа иностранных подданных и немецкоязычного населения. Многие из иностранцев, которые переходили в российское подданство продолжали разговаривать на родном языке. В статистических материалах второй половины XIX в. о численности населения и его состава, в большинстве случаев, информация представлена только о немцах, в редких случаях – чехах. Так, данные переписи 1897 г. доказывают, что немецкоязычное население было самым многочисленным, 27 311 человек назвали немецкий язык родным [10, с. 8–9]. В Минской губернии к немецкой языковой группе отнесли себя 3987 человек (мужчин – 2185, женщин – 1802 чел.). Носителей чешского языка насчитывалось 652 человека (81% от общего числа чехов) в Минской губернии, которая стояла на первом месте по количеству чешского населения. Чешская этническая группа составила 0,03% от всего населения губернии, в свою очередь, немецкое – 0,19% [12, с. V]. Меньше всего чехов фиксировалось в Витебской губернии – 26 человек. Французский язык своим родным языком признали 524 человека, английский – 74, турецкий – 156, шведский – 65. Незначительными по количеству были носители итальянского и английского языков (таблица 2) [10, с. 4–5, 8–9].

Таблица 2. – Распределение населения по родному языку согласно переписи 1897 г.

Губерния	Немецкий	Чешский (Словацкий)	Болгарский	Английский	Итальянский	Французский	Турецкий
Виленская	3873	42	3	11	5	149	43
Витебская	7361	26	19	17	3	58	24
Гродненская	10284	125	138	18	7	177	39
Минская	3987	652	4	13	4	93	25
Могилевская	1806	50	1	15	6	47	25

Имеющиеся архивные документы подчеркивают особую религиозность немецких переселенцев, среди которых абсолютное большинство составляли лютеране. Среди немецкоязычного населения Могилевской губернии 83% протестанты, 8,3% православные, 7,5% католики, 0,11% иудеи. Если отталкиваться от общеимперских показателей по уровню грамотности среди протестантов, то можно подтвердить тот факт, что характерной чертой немецкой общины являлся высокий уровень грамотности среди всех этнических групп Беларуси – 60,6%, в том числе среди горожан – 78,3% [18, с. 148]. В большинстве случаев, иностранцы нанимались в учебные заведения в качестве преподавателей музыки, французского и немецкого языков.

Иностранцы подданные отличались в отношении владения земельной собственностью: не все иностранные переселенцы могли сразу купить земельные наделы, многие из них становились арендаторами у местных помещиков. Важным источником по аграрной статистике выступает «Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России», изданная на основе переписи поземельной собственности в 1882 г. Поданные других государств выступали отдельной категорией землевладельцев, однако стоит отметить, что от общего числа всех собственников составляли лишь 0,5%. Суммируя данные за 1882 г. в пяти белорусских губерниях числились 56 владельцев земли [19]. В «Статистике землевладения» за 1905 г. приводятся сравнительные данные за 1877 г.: 14 владельцев по Витебской губернии держали 70,618 десятин земли. На 1905 г. частных владений в Витебской губернии данная категория не имела, что было обусловлено ограничительной политикой правительства в вопросах приобретения и пользования недвижимого имущества иностранными подданными [20, с. 12–13].

Расширение капиталистического производства и появление новых промышленных видов деятельности в начале XX в. вынуждало местных предпринимателей нанимать специалистов из-за рубежа, особенно в годы экономических подъемов. Сведения о численности и составе иностранных рабочих размещены в переписи. Распределение рабочих и прислуги по группам занятий и месту рождения показывает, что больше всего уроженцев других государств трудилось в Гродненской губернии (810 чел.), а меньше всего – в Могилевской (103 чел.), причем мужчины значительно превышали количество женщин. В Минской губернии среди рабочих по найму и прислуги из иностранных подданных числились 576 человек, из них 460 мужчин и 116 женщин [21, с. 34–35]. Среди государств, выходцами которых являлась данная категория лиц в соответствии с переписью лидирующие позиции занимали Германия и Австро-Венгрия. Стоит добавить, что отрицательным моментом переписи был зимний период ее проведения, опрос не затронул большинство сезонных видов деятельности.

Промышленная статистика существенно помогает оценить и проанализировать присутствие и участие иностранцев в инвестировании и организации промышленного и ремесленного производства. К документам данной группы источников относят списки рабочих разных отраслей производства, ведомости губернских статистических комитетов о фабриках и заводах, где указывались владельцы предприятий и приписанные рабочие. Так, в рапорте пинского земского исправника минскому гражданскому губернатору был представлен именной список 17 прусских подданных, прибывших в 1862 г. со своими семьями на работу в суконную фабрику помещика Скимунта в имение Поречье Пинского уезда [22, л. 376].

Заключение. Таким образом, объем статистических материалов второй половины XIX в. достаточно обширен, что позволяет полноценно исследовать присутствие иностранцев в белорусских губерниях в рассматриваемый период, изучить состав, социальные условия их жизни и деятельности. Однако следует отметить, что указанные цифры не отражают реальное количество присутствующих иностранцев в губерниях по многочисленным причинам, одной из которых является отсутствие единой системы учета и сбора сведений. Со второй половины XIX в. наблюдался резкий приток иностранных переселенцев в белорусские губернии, преимущественно в лице подданных Пруссии, занятых сельским хозяйством, но к концу XIX в. – началу XX в. иностранные подданные пополняют не только ряды наемных работников на промышленных предприятиях, в железнодорожном строительстве, но и становятся инвесторами и владельцами крупнейших из них.

ЛИТЕРАТУРА

1. Каханюўскі, А.Г. Статыстычныя крыніцы па гісторыі Беларусі 60 – 90 гг. XIX ст. / А.Г. Каханюўскі // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны ; рэдкал.: С.М. Ходзін (адказ. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БДУ, 2005. – Вып. 2. – С. 193–200.

2. Генеалогическая информация в государственных архивах России : справ. пособие / Федер. арх. агентство, ВНИИДАД ; сост.: С.Н. Романова [и др.]. – М., 2004. – 280 с.
3. Шибeko, З.В. Города Беларуси (60-е годы XIX – начало XX веков) / З.В. Шибeko. – Минск : ЭвpoФopум, 1997. – 319 с.
4. Бобровский, П.О. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба / П.О. Бобровский. – СПб. : Тип. деп. Ген. штаба, 1863. – Ч. 2. – 1074 с.
5. Зеленский, И.И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба / И.И. Зеленский. – СПб. : Воен. тип., 1864. – Ч. 1.: Минская губерния. – 672 с.
6. Корево, А.К. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба / А.К. Корево. – СПб. : Воен. тип., 1864. – Ч. 1.: Минская губерния. – 672 с.
7. Карев, Д.В. Правительственная Россия и историко-экономическое изучение Беларуси в 30-е — нач. 60-х гг. XIX в. / Д. В. Карев // Гарады Беларусі ў кантэксце палітыкі, эканомікі, культуры : зб. навук. арт. / Мін-ва адукацыі Рэсп. Беларусь, Грод. дзярж. ун-т імя Я. Купалы". – Гродна, 2007. – С. 24–29.
8. Риттих, А.Ф. Атлас народонаселения Западно-Русского края по исповеданиям / А.Ф. Риттих ; Мин-во внутр. дел в Канцелярии зав. устройством православ. церквей в зап. губерниях. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб., 1864. – 2 с., 9 л.
9. Обзор Минской губернии за 1870 г. / Минск. губ. стат. комитет. – Минск : Губ. тип., 1871. – 151 с.
10. Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. / Под ред. Н.А. Тройницкого. – Т. 1.: Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. – СПб., 1905. – 417 с.
11. Общий свод по Империи результатов разработки, данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года. – СПб. : Центр. стат. комитет Мин-ва внутр. дел, 1905. – Т. 1. – [2], XXI с., 268 с.
12. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / под ред. Н.А. Тройницкого. – СПб. : Центр. стат. ком. Мин-ва внутр. дел, 1904. – Вып. 22: Минская губерния. – 243 с.
13. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года / под ред. Н.А. Тройницкого. – СПб. : Центр. стат. комитет Мин-ва внутр. дел, 1897 – 1905. – [Вып.] 4: Виленская губерния. – Тетр. 3 (последняя). – 1904. – 179 с.
14. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / под ред. Н.А. Тройницкого. – СПб. : Центр. стат. комитет Мин-ва внутр. дел, 1899. – Вып. 5: Витебская губерния. – Тетр. 1. – 51 с.
15. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / под ред. Н.А. Тройницкого. – СПб. : Центр. стат. комитет Мин-ва внутр. дел, 1903. – Вып. 11: Гродненская губерния. – 319 с.
16. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. / под ред. Н. А. Тройницкого. – СПб. : Центр. стат. комитет Мин-ва внутр. дел, 1903. – Вып. 23: Могилевская губерния. – 275 с.
17. Каханoўскі, А.Г. Сацыяльная трансфармацыя беларускага грамадства (1861 – 1914 гг.) / А.Г. Каханoўскі. – Мінск : БДУ, 2013. – 335 с.
18. Терешкович, П.В. Этническая история Беларуси XIX - начала XX в.: в контексте Центрально-Восточной Европы / П.В. Терешкович. – Минск : БГУ, 2004. – 223 с.
19. Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России. – 1882. – Вып. 5: Губернии Литовской и Белорусской групп. – [10], LXIV, 208 с.
20. Статистика землевладения 1905 г. / Центр. стат. ком. МВД. – СПб, 1906 – Вып. 27: Витебская губерния. – [3], 56 с.
21. Распределение рабочих и прислуги по группам занятий и по месту рождения на основании данных первой всеобщей переписи населения Российской Империи 28 января 1897 г. / под ред. Н.А. Тройницкого. – СПб. : Паровая тип.-лит. Н.Л. Ныркина, 1905. – 50 с.
22. Национальный исторический архив Беларуси в Минске. – Ф. 295. Оп. 1. Д. 1502.

Поступила 17.12.2020

STATISTICAL MATERIALS AS A SOURCE OF STUDYING THE RESIDENCE OF FOREIGNERS IN THE TERRITORY OF BELARUS IN THE SECOND HALF OF THE 19th CENTURY

E. POTROSOVA

The data of historical sources on demographic, agricultural and industrial statistic are analyzed in the article, they reflect changes in the number, composition and type of activity of foreign subjects in the social structure of society in the Belarusian provinces in the second half of the XIX – early XX centuries. The main forms of population registration of the studied period are considered: administrative-police and church censuses. Statistical data contains a rich material for studying the situation of different categories of foreigners, of particular interest are the materials of the first general population census of the Russian Empire in 1897. According to the results of the census, there were 13,468 foreign subjects, the largest ethnic group was German subjects. Of the total number of Germans, 37 % lived in cities and 63% in rural areas.

Keywords: foreigners, statistics, population, sources, statistical committee, population census, police records, Germans, Czechs, reports of governors, foreign subjects.

УДК 94(476)«1863/1864»

ПРОШЕНИЯ УЧАСТНИКОВ ВОССТАНИЯ 1863 – 1864 гг. КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК*канд. ист. наук, доц. Е.В. СЕРАК**(Белорусский государственный медицинский университет, Минск)*

В статье рассматривается источниковедческий потенциал прошений участников восстания 1863 – 1864 гг. Используя данные фондов Национального исторического архива Беларуси, НИАБ в г. Гродно, Литовского государственного исторического архива показан информационный ресурс прошений для изучения вопроса взаимодействия ссыльных участников восстания 1863 – 1864 гг. с институтами власти Российской империи. Отмечается, что прошения образуют сектор делопроизводственной документации, позволяющий определить порядок рассмотрения, подачи и принятия решения по ходатайству участников восстания и их близкого окружения, с учетом социально-правового положения участников восстания в ходе судебного-следственного процесса и в ссылке. Проводится обзор проблем повседневной жизни, с которыми обращаются участники восстания 1863 – 1864 гг. в государственные инстанции: решение вопросов об изменении наказания, условий содержания, оформление семейно-брачных отношений, предоставление возможности окончания образования и получения диплома, открытия католических приходов и школ. Обращает на себя внимание процедура подачи, рассмотрения и принятия решения по ходатайству участников восстания и их близкого окружения.

Ключевые слова: прошения, участники восстания 1863 – 1864 гг., Сибирь, администрация, регулирование, фонды, ссылка.

Введение. Одной из форм наказания участников восстания 1863 – 1864 гг. стала ссылка в Сибирь. Во второй четверти XIX в. ссылка оформляется как самостоятельный вид наказания, состоящий в удалении как в судебном, так и в административном порядке политических противников на определенный срок или бессрочно. Места ссылки определялись в широких пределах, включали территорию Европейской России, Западную и Восточную Сибирь.

Среди многообразия источников, содержащих сведения о ссыльных участниках восстания 1863–1864 гг., в Сибири необходимо выделить распространенную и содержательную группу просительных документов (прошения). Во многих из них описываются те факты из жизни повстанцев, которые не нашли отражение в иной делопроизводственной документации. Прошения являлись важным каналом взаимодействия между властью и лицами, состоящими под надзором по месту жительства и в ссылке. Их изучение позволяет выявить основные проблемы, с которыми сталкивались участники восстания 1863 – 1864 гг., и степень удовлетворения ходатайств поднадзорных в местах содержания в заключении, а также в местах вынужденного проживания в ссылке, реконструировать ряд сторон их повседневной жизни, описать специфику правового и материального положения ссыльных и их семей.

Особенно ценными для раскрытия данной темы необходимо признать материалы делопроизводства, которые находятся в составе отдельных архивных фондов следственных комиссий, учрежденных по делам о восстании 1863 – 1864 гг., а также в фондах «Временного военного губернатора Минской губернии и командующего войсками», «Канцелярии Витебского гражданского губернатора», «Канцелярии Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернатора» Национального исторического архива Беларуси и Национального исторического архива г. Гродно, Литовского государственного исторического архива [1–6]. Эти фонды представляют собой наибольший комплекс документов по истории осуждения и ссылки участников восстания 1863 – 1864 гг. из Северо-Западных губерний. Прошения осужденных в ссылку и их родственников к министру внутренних дел, губернатору, исправнику – это тот вид источника, который создавался не сотрудниками государственных учреждений, а частным лицом.

Основная часть. В 80-х гг. XVIII в. в российском делопроизводстве закрепляется название «прошение». Термин используется для наименования искового заявления, не требующего судебного решения. Прошение передавалось через представителей местной администрации, в чьей компетенции находился проситель. С просьбой возможно было обращаться для решения личных или общественных дел. Прошение могло содержать как жалобу на незаконность каких-либо действий, так и прошение о помиловании, отмене вынесенного приговора, смягчении наказания. В начале XIX в. М.М. Сперанским была осуществлена реформа ведения дел в присутственных местах с описанием «обряда делопроизводства» и приложением форм документов [7, с. 105]. В делопроизводстве государственных учреждений XIX в. сложился определенный порядок составления прошений. С 1832 г. он во многом регламентировался законодательством, новыми узаконениями пополнялся в 1842, 1857 и последующие годы [8]. В организации делопроизводства в этот период предусматривалось не только его законодательная регламентация, но и появление достаточно обширной делопроизводственной литературы, так называемых «письмовников» – сборников образцов документов. В начале XIX в. сборники издавались на постоянной основе.

Все прошения и жалобы должны были быть написаны на гербовой бумаге, для просительских документов, подаваемых в нижестоящие инстанции использовалась простая гербовая бумага стоимостью 15 копеек, для прошений, подаваемых в вышестоящие инстанции – 90 копеек. Так, прошение на имя «Его Превосходительства Господина Варшавского Обер-Полицмейстера» было написано на бумаге стоимостью 70 копеек серебром, а «Господину Главному Начальнику Края и Виленского округа Кавалеру Кауфману» – в 1 рубль серебром [9, л. 51; 10, л. 37]. Согласно общепринятым правилам написания подобного рода документов, прошения начинались с обращения к адресату. Чаще всего использовались следующие формулировки: «Августейший Монарх, Всемилостивейший Государь», «Его Превосходительство Господин Министр Внутренних дел и Кавалер», «Его Высокопревосходительство Господин Главный Начальник Северо-западного края Генерал-Адъютант Константин Петрович фон Кауфман» [11, л. 31; 10, л. 33; 9, л. 41]. Далее в правом верхнем углу указывались сведения о просителе в следующем порядке (происхождение, звание, фамилия, имя, отчество). Во вступительной части обращения автор документа как правило коротко описывал обстоятельства. В окончании прошения следовала еще одна обязательная форма обращения: «имею честь покорнейше просить распоряжения Вашего Высокопревосходительства» [9, л. 41]. Помимо этого, важно было, чтобы «...писать в них самую истину и прямое дело; а лишнего ничего не примешивать», «писать об одном деле с другими не смешивать», «показывать в оных ясные свидетельства и обидам и улики, и писать прямые, важные и справедливые причины и крепкие доказательства» [12 с. 934], «в прошениях и жалобах никого не злословить, или укорять каким ни есть касающимся чести оклеветанием». Также отмечалось, что все прошения должны были быть написаны ясным языком, так как «грубый и нечистый слог отвращает внимание к доказательствам и содержанию самого дела» [13 с. 891].

Первые прошения участников восстания 1863 – 1864 гг. относятся к периоду пребывания их в специальных судебно-следственных органах: военно-следственных комиссиях, военно-судебных комиссиях, полевом аудиториате. Военно-следственные комиссии были созданы во всех губернских городах, к февралю 1863 г. в Вильно и Гродно, к марту–апрелю 1863 г. в Минске и Витебске, к маю 1863 г. в Могилеве [14, л. 1; 15, л. 1; 16, лл. 6, 120; 17, л. 14]. Такие же комиссии учреждались в большинстве уездных городов. Следственные комиссии вели предварительное расследование и занимались первичным рассмотрением дел повстанцев. Их деятельность была направлена на проведение допросов, установление виновных и вида наказания для повстанца, вынесение приговоров как обвинительного, так и оправдательного характера. Комиссии занимались рассмотрением поданных заключенными прошений о возможности перевода из острога в приют, о проведении очной ставки, о предоставлении «отпуска» для решения семейных, имущественных и бытовых вопросов [14, лл. 22 – 28об., 110, 112].

Массовые аресты привели к тому, что в Волковыске по приказу полковника Казанли в 1863 г. был занят частный дом Т. Щигельской, только потому, что он расположен наиболее близко к острогу. В нем под охраной содержались 44 человека [18, л. 127–128]. В городах была введена практика аренды повстанцами квартиры, где они находились под надзором жандармского офицера и полицейских [19, с. 52]. В размещении арестованных имели место случаи содержания их в палатках за городом [20, л. 16]. Минская православная духовная семинария вынуждена была переселить 80 воспитанников в частные дома и уступить 26 комнат для содержания арестантов [21, лл. 3, 10 – 11об., 17, 31]. В связи с данной ситуацией в следственные комиссии стали поступать прошения заключенных о возможности перевода их из казарм батальона внутренней стражи в богадельни по причине «совершенно расстроенного здоровья». Однако и эти учреждения были переполнены. Администрация могилевского приюта следующим образом попыталась разрешать ситуацию. Было предложено «разместить пять человек политических преступников в комнате, которую занимал караульный офицер, но так как в этой комнате не имеется решеток, то для отращения побега установить железные решетки» [22, л. 121]. Приведенные данные свидетельствуют об отсутствии необходимых условий для содержания массового количества арестантов и бездействия со стороны следственной комиссии.

Генерал-губернатором М.Н. Муравьевым на территории белорусско-литовских губерний ставилась задача «расследования поступков всех лиц, которые участвовали в бунте в большей либо меньшей степени, непосредственно или опосредованно». Был отдан приказ «притянуть к ответственности также и тех обывателей, которые давали приют повстанцам, доставляли им хлеб, оружие и деньги» [23, с. 113]. В этой связи имели место аресты и задержания по письменным доносам и ложным свидетельствам. Подобная ситуация описана в коллективном прошении обывателей Иваницкого сельского общества Туринской волости, Игуменского уезда, Минской губернии, которое было подано на имя помощника главного начальника края, генерал-лейтенанта Н.А. Крыжановского: «освободить из под ареста дворянина Александра Иванова Карповича на коего возведено подозрение в сношении будто-бы с мятежниками, ... чему также служит доказательством, что он имеет взрослых сыновей и из них ни один не вовлечен в мятеж, тогда как в нашем уезде редко можно встретить шляхетский дом, откуда бы при таком большом семействе мужеского пола не вовлеклись в мятеж ... Возникшее на него обвинение есть клевета недоброжелательных к нему лиц...» [10, лл. 29 – 29об.].

Следующую группу составляют прошения участников восстания 1863 – 1864 гг., которые подавались в период отправки, транспортировки и содержания ссыльных в ходе следования к местам отбывания

наказания. В марте 1863 г. арестанты, следовавшие по Нижегородской железной дороге, в прошении выразили желание получать во время Великого поста рыбу. МВД признало «означенное заявление арестантов заслуживающим уважения и предоставило местным начальникам губерний сделать распоряжение о замене во время постов мясной дачи рыбной» [24, лл. 31–34].

Трудности пересылки к месту назначения описал в прошении крестьянин И.Н. Азиревич из д. Десковичизна Виленской губернии, который был выслан с семьей на водворение в д. Новоникольскую Усть-Тартасской волости Каинского округа Томской губернии. В октябре 1863 г. его маршрут этапирования проходил через Нижегородскую губернию, затем в 1864 г. на пароходе он был отправлен в Казанскую губернию и далее к месту назначения. Поскольку две дочери в дороге заболели (Кристина – 5 лет, Ева – 2 года), то подводы взяли для них, а вещи уже везти было не на чем. Далее подробно перечислялось имущество, среди которого указаны «четыре мешка, лопаты, четыре подушки, одна перина, ящик с двумя внутренними замками и третий висячий, там денег монетами сто пятнадцать серебром, брошь» [25, с. 227]. Крестьянин поверил уверениям местного руководства, что они могут ехать дальше, а вещи будут доставлены позже. В результате семья осталась без имущества и средств к существованию.

Пересылка в ряде случаев имела трагические последствия для семьи. Из прошения дворянина Минской губернии Игуменского уезда ок. Сутино Антона Михайлова Верниховского (на момент ссылки 67 лет) узнаем, что в ходе следования к месту ссылки в Томскую губернию «сын Франц умер в г. Таре Тобольской губернии, жена его Михалина, дочери Мария, Михалина и Аделия – сия умершая на месте ссылки; Константин, жена его Изабелла, дети сыновья: Гектор и Иосиф, да дочь Антонина, умершая на месте ссылки; Викентий холост умерший на пути в Нижнем Новгороде, Матвей холост» [10, лл. 33, 34].

Многочисленной оказалась группа прошений, которые касались вопросов назначения пособия от казны в ссылке. Система надления ссыльных пособием не была разработана к моменту прибытия участников восстания 1863 – 1864 гг. в Сибирь и создавала проблемы как для ссыльных, так и для местных властей. Сложности возникали в вопросе учета заработка и поступления денежных средств от родственников ссыльных. Так, с прошением к генерал-губернатору Западной Сибири обратился И. Пелиховский с просьбой назначить ему кормовые, так как из дома за шесть месяцев жизни в Омске не получал ни копейки. Тогда как Я. Гроховский, состоящий на жительство в Омске, получил от родственников 50 рублей серебром и тем не менее был недоволен отменой казенного пособия. На его прошение власти ответили, что на 50 рублей ссыльный вполне сможет прожить восемь месяцев, и лишь по окончании этого срока пособие будет возобновлено [26, с. 116]. Даже имеющие доход ссыльные с неохотой расставались с пособием. Администрация г. Омска столкнулась с многочисленными прошением о выделении им денежных средств подкрепляя свои требования невозможностью отыскать работу или недостатком средств, получаемых из дома. Часто прошения подавали непосредственно генерал-губернатору. Множество просьб вынудило его установить единый порядок их рассмотрения. Прощения в подлинниках должны были доставляться полицмейстеру, который докладывал бы их содержание генерал-губернатору во время утренних рапортов, а затем исполнял, согласно его личным приказаниям.

По прибытии к месту назначения ссыльные писали на имя местного губернатора прошения о назначении им «вспомоществования от казны». Последний со своей стороны, после установления имущественного состояния и иных источников дохода, способных обеспечить средствами к существованию ссыльного повстанца, обращался в Министерство финансов [27, с. 78]. В первые годы после восстания 1863 – 1864 гг. эти просьбы удовлетворялись. После чего соответствующему уездному казначейству направлялось распоряжение о выделении средств на выплату пособий. При этом лицам привилегированных сословий полагалось 6 руб. в месяц, всем иным – 1 руб. 50 коп. Помимо права получать денежное пособие, ссыльные могли пользоваться ссудой с разрешения губернатора. Она выдавалась «отдельным лицам, желающим заняться самостоятельно каким-либо ремеслом или производством». Размер ссуды составлял 55 руб. [28, с. 16].

В то же время другие ссыльные практически не имели никаких средств для существования. С просьбой о материальной помощи они обращались к властям, церкви, друзьям. Показателем относительно тяжелого положения ссыльных является следующий факт. Шляхтич Гродненской губернии Ян Верпаховский подавал прошение о назначении пособия жене, приехавшей к нему в 1868 г. «из-за неимения средств к жизни в Западном крае». Почти через год он вновь просил выделить пособие жене, так как «не токмо жену, себя не могу содержать» [27, с. 82, 128].

Ряд просительной документации относится к материалам о разрешении возвратиться на прежнее место жительства для решения имущественных и семейных вопросов. 10 декабря 1865 г. был объявлен именным указ, согласно которому лицам, высланным из белорусско-литовских губерний, разрешалось «для продажи и промена своих имений приезжать туда на определенные непродолжительные сроки» [29, с. 276–277]. Так, дворянин Лидского уезда Виленской губернии Я. Тубинский 24.05.1867 г. подает прошение о «временном приезде из Пермской в Виленскую губернию для продажи принадлежащего ему имения» [9, л. 41]. Циркуляр Департамента полиции от 1 сентября 1871 г. содержал порядок разрешения временного пребывания в Северо-Западных губерниях лиц, высланных оттуда по политическим причинам.

Основанием для поездки являлись дела, связанные с обязательной продажей или обменом имений, имущественные дела если их некому представлять, или свидание с родственниками в случае их тяжелой болезни или преклонного возраста, когда проезд невозможен [30, с. 473]. Время пребывания устанавливалось с учетом обстоятельств, но не превышало 6 месяцев, предусматривалось продление срока в исключительных случаях по решению министра внутренних дел и начальника Третьего отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Порядок получения разрешения был следующий: ссыльный подавал прошение об отпуске губернатору той губернии, где он находился под надзором, далее рапорт направляли губернатору местности, куда предполагал поехать ссыльный. В результате прошения удовлетворялось или ссыльный получал отказ на временное пребывание в Северо-Западных губерниях. Основанием для отклонения прошения был характер поведения и благонадежность просителя в месте ссылки и «не повлечет ли отпуск вредные политические последствия» [30, с. 473].

Участники восстания воспринимались членами семьи как случайные жертвы обстоятельств, системы наказания или как заложники собственной молодости и неопытности. Это привело к формированию определённой модели поведения членов семей ссыльных по отношению к репрессированным родственникам, предусматривающей постоянную помощь, покровительство, защиту перед властями. Пока Эдуард Высоцкий находился в заключении в Гродно, его мать Камилия Юльянова Высоцкая дважды обращалась с прошениями к военному губернатору Гродно и гродненскому гражданскому губернатору Ивану Николаевичу Скворцову: в декабре 1863 г. и январе 1864 г., – где указывала на то, что её сын «по молодости и легковерию» позволил ввести себя в заблуждение и был буквально «втасен в шайку», и умоляла освободить его из-под ареста под своё поручительство [31, лл. 5–5об.]. Прощения остались без ответа.

Через ходатайств родственников (родителей, детей, супругов) ссыльных в последующие годы была продолжена. Так, помещица Лидского уезда Виленской губернии Антонина Табеньская, жена мирового посредника Ярослава Табеньского, высланного на жительство в Пермскую губернию в г. Верхотурье в 1863 г. в прошении от 15.11.1865 г. ходатайствовала о переводе мужа в Воронежскую губернию ввиду «слабого здоровья и по совету врачей, тамошний климат для его очень вредный» [9, л. 41]. В прошении к императору от 05.03.1866 г. Доминик Антонов Верниковский, сын дворянина Минской губернии, Игуменского уезда, околицы Сутино Верниковского Антона Михайлова, ходатайствует о возвращении из ссылки отца с семьей на прежнее место жительства из д. Минина Усть-Татарской волости, Каинского уезда, Томской губернии и брата Верниковского Иосифа Антонова – из Оренбургской губернии [10, лл. 33–34об.]. Дворянка Минской губернии, Новогрудского уезда Юзефа Адамова Протасевич, дочь Бжезинского Адама, врача г. Новогрудка, коллежского асессора, высланного административным порядком на жительство в Пермскую губернию, в прошении от 08.02.1866 г. ходатайствует о возвращении отца и матери из ссылки, ввиду ее сложной жизненной ситуации, возникшей после ареста родителей «вскоре после того умерло у меня двое маленьких детей... Это неожиданное и горестное несчастье, в молодых моих летах так расстроило мое здоровье, что постоянно болею ... сжальтесь над моими родителями, сжальтесь надо мною страдающею женщиною, возвратите их на родину и тем хотя раз еще дозвоьте мне в этой жизни испросить у них благословения» [32, лл. 30–30об.].

Дворянка, вдова Свенторжецкая Олимпиада Иванова с дочерью Юзефиной (14 лет) «были признаны неблагонадежными в политическом отношении и вредными для пребывания в здешнем крае, генерал М. Муравьев определил отправить на жительство под полицейский надзор в Пермскую губ., с имения взysкать 10% сбор» [33, лл. 61об., 62, 74об., 90–92]. Её четверо дочерей – Мария (15 лет), Олимпиада (14 лет), Теодозия (12 лет), Эвелина (9 лет), остались под опекой родственников и обращались дважды с прошением к Виленскому военному губернатору К.П. Кауфману. В первом прошении от 15 сентября 1865 г. они ходатайствовали о пересмотре судебного дела их матери, во втором от 20.09.1865 г. – «об освобождении части имения от секвестра, а вместе с тем и освободить нас от платежа сбора назначенного для всего края, так как мы малолетние не имеем никаких средств к уплате сего» [34, лл. 308–309].

Налаживание новых социальных связей или их отсутствие изменяло отношение к окружающему миру, стали возникать ситуации, когда ссыльные подавали прошения о переезде в Сибирь своих семей или сами родственники заявляли о своем желании воссоединиться. Из прошения мещанки Змитрович Розалии из г. Минска военному начальнику Игуменского уезда, полковнику Сахорову: «так как оказалась в бедственном положении, без всякой помощи, ... муж просит меня по супружескому долгу для совместного с ним жительства», «просит об отправлении на счет казны вместе с пятью малолетними детьми к мужу сосланному на водворение в Томскую губернию». Генерал-губернатор разрешил выдать ей единовременное пособие в 25 руб. [35, лл. 93–95].

Многие прошения являлись коллективными, объединяя жителей двух и более деревень в общем желании покинуть место ссылки. В апреле 1869 г. к томскому губернатору обратились 19 ссыльных из числа участников восстания 1863 – 1864 гг., сосланных без лишения прав состояния в Дмитриевскую волость Мариинского округа с просьбой переселиться в Тамбовскую губернию. Десять участников восстания, которые были высланы в Верхне-Омскую волость Каинского округа, просили о разрешении переселения их в Симбирскую губернию. Подобные просьбы оставались без внимания, так как просители были высланы в Сибирь на постоянное жительство [26, с. 55].

Большое количество просительной документации касается земельных проблем и вопросов, возникших у ссыльных в связи с желанием основать колонию-поселение. Совместные и отдельные поселения ссыльных из Королевства Польского и белорусско-литовских губерний были образованы в пределах Тарского и Тюкалинского округов Тобольской губернии. В Седельниковой волости Тарского округа ссыльные совместно заселили деревни Вознесенку, Богдановку и Гриневицы. Поселок Уразайский заселялся в 80-е гг. XIX в. ссыльными участниками восстания 1863 – 1864 гг. Основателями поселка стали семьи Бабицких, Гавелко, Константиновичей, Скуратовичей и Юшкевичей [36]. Ряд ссыльных семей являлись представителями шляхты из различных населенных пунктов Борисовского и Игуменского уездов Минской губернии. В частности, потомственными представителями шляхетского сословия были члены трех семей Скуратовичей, семей Антона Бабицкого, Адольфа Константиновича и Михаила Юшкевича. Из крестьян были представители фамилии Гавелко. Все семьи повстанцев были католического вероисповедания, кроме Бабицких, исповедовавших православие. В начале XX в. В.А. Скуратович от имени всех жителей пос. Уразайского подал ходатайство в г. Санкт-Петербург с просьбой переименовать поселение в Минско-Дворянское. Прошение было удовлетворено. В переименовании поселка прослеживается желание закрепить как социальную, так и территориальную принадлежность, сделать ее признанной [37, с. 8–9].

Особое поле взаимоотношений создавали частые нарушения администрацией норм и правил надзора за ссыльными. Здесь имели место как недосмотр, так и попустительство. В результате ссыльные сами становились предметом конфликта различного уровня администраций. Так, в 1868 г. директору училищ Тобольской губернии пришлось оправдываться за то, что принял в гимназию учителем танцев ссыльного Н.А. Горовича. Директор писал, что «Н.А. Горович молод и слабо образован, поэтому не может оказывать вредное влияние на гимназистов. К тому же Горович имеет слабый слух. Этот физический недостаток делает невозможным ведение с ним тайных бесед, поскольку говорить с Н.А. Горовичем нужно очень громко» [38, с. 158]. Такие факты порождали бесконечные слухи об ужесточении или послаблениях, которые готовило правительство. Ссыльные, не имея точного представления о своих правах, подавали в администрацию многочисленные прошения.

В целом архивные материалы содержат скудные данные о занятиях ссыльных. В документах делопроизводства чаще всего фигурирует запись «Определенных занятий не имеет». В этой связи куда более полную и важную информацию дают прошения ссыльных о разрешении каких-либо занятий: «образовательной деятельности, медицинской и фармацевтической практики, промысла, столярного и кузнечного мастерства, торговли, писемоводства, приготовления колбасы и сосисок, крестьянских работ, услужения и частной службы». Спрос на некоторые виды работ со стороны ссыльных и предложения местных властей были несоразмерными. Из общего количества сосланных квалифицированные работы выполняли лишь единицы, и это, как правило, были те области, в которых губерния ощущала наибольший дефицит. Отсутствие спроса либо превышение предложений лишали заработка. Так, ссыльный А. Мицкевич, сосланный в Томск без права отлучки в течение 2 лет с места жительства и приписанный в томские мещане, в прошении от 1865 г. указывал, что не может найти работу «по случаю стечения политических преступников, число которых в городе доходит до 600 человек» [39, с. 135].

Уроки в домах местных чиновников и купцов давал каждый, кто имел такую возможность и был способен это делать. При этом официально они считались поварами или лакеями, а фактически были гувернерами. Интересное решение последовало на прошение ссыльного Н.В. Ковалевского о предоставлении ему возможности давать частные уроки, «...но если нет такой возможности, то по крайней мере игнорировать факт обучения одного-двух ребят, что дает единственно возможные для меня средства существования» [40, с. 51]. В ответ енисейский гражданский губернатор объявил, что «согласно изданным правительством правилам по надзору за государственными и политическими преступниками им строго воспрещается заниматься образованием детей, что же касается до просьбы игнорировать факт обучения ими детей, я вполне согласен оставить эти факты без всяких последствий до тех пор, пока не случится на это разрешения» [40, с. 52]. Преподавание детям горожан различных наук ссыльными создавало им возможность для более тесных контактов с городской элитой [41, с. 68].

Перебравшись на поселение в пределах Иркутской губернии, а именно в с. Наротовское Братской волости, Нижнеудинского округа, И. Петровский решил посвятить оставшееся в ссылке время медицинской практике. В этой связи он направил запрос в Петербургскую медико-хирургическую академию и получил свидетельство об окончании 4 курсов этого учебного заведения. Далее он подал прошение на получение официального разрешения выполнять обязанности сельского фельдшера. В этих целях он сдал экзамен для подтверждения своей профессиональной пригодности. Однако 23 октября 1870 г., не дождавшись официального разрешения из Министерства внутренних дел, которое пришло только спустя год, он приступил к выполнению служебных обязанностей [42, с. 293].

Вольная медицинская практика не всегда приносила постоянный материальный доход. Более стабильный заработок медики находили, устраиваясь в государственные медицинские и ветеринарные учреждения, аптеки. В 1865 – 1866 гг. наблюдалось увеличение числа прошений о разрешении поступить на

регулярную гражданскую службу по медицинскому ведомству. Все эти просьбы нашли понимание у местной администрации, но не получили поддержки в Петербурге. Прошение Ф. Климовича о поступлении в государственную медицинскую службу было поддержано положительным отзывом о профессиональных качествах просителя, подписанным 51 чиновником Главного управления Западной Сибири. Генерал-губернатор А.О. Дюгамель поддержал просьбу ссыльного, но МВД не сочло необходимым ходатайствовать перед императором. В 1866 г. из МВД последовал отказ Л. Ростовскому, который просил о назначении на государственную службу по военно-медицинской части. Отказано было на основании действовавшего высочайшего повеления от 25 октября 1865 г., которое запрещало принимать на службу офицеров и чиновников, уроженцев Королевства Польского и Западных губерний. Между тем, официально право поступать на государственную и общественную службу лица, освобожденные от полицейского надзора, получили только в январе 1874 г. [43, с. 158]. Приведенные факты свидетельствуют о содействии местной администрации ссыльным-медикам, которые принимали решение о трудоустройстве под свою ответственность, без одобрения центральных органов власти.

Заключение. Анализ прошений исследуемого периода, свидетельствует об их многочисленности и разнообразии просьб участников восстания 1863 – 1864 гг., с которыми те обращались к властям. Неопределенность правового положения ссыльных затрудняла процесс освоения социокультурного пространства, осложняя процедуру взаимодействия ссыльных с властями, местным населением и работодателями. Инициатива диалога с администрацией чаще носила односторонний характер и принадлежала ссыльным через обращение с жалобами и ходатайствами разного содержания: от прошения разрешить переехать семье в Сибирь до возможности продолжить образование в университете. Отсутствие унифицированного механизма регулирования взаимодействия ссыльных с властями создавало ряд трудностей как для одной, так и другой стороны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Ф. 296. Оп. 1. Д. 19–21.
2. НИАБ. – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 31252.
3. НИАБ. – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 31255.
4. Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (НИАБ в г. Гродно). – Ф. 3. Оп. 1. Д. 21.
5. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1713. Оп. 1. Д. 1.
6. Lietuvos valstybės istorijos archyvas (LVIA). – F. 378. Ap. 154. V. 775.
7. Юнаковская, А.А. Становление и развитие жанра «Письменное прошение» (на материале сибирских архивов) / А.А. Юнаковская // Жанры речи. – 2014. – № 1–2 (9–10). – С. 102–106.
8. Российское законодательство X–XIX вв. : в 9 т. / под ред. О.И. Чистякова. – М., 1984–1991. – Т. 5 : Законодательство периода становления абсолютизма. – М., 1987. – 528 с.
9. LVIA. – F. 378. Ap. 154. V. 184.
10. LVIA. – F. 378. Ap. 155. V. 753.
11. LVIA. – F. 378. Ap. 155. V. 928.
12. Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. – Собрание первое : в 45 т. – СПб. : Тип. II отд. собственной ЕИВ канцелярии, 1649–1825. – Т. 13. – 1749 – 1753. – 957 с.
13. Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. – Собрание первое : в 45 т. – СПб. : Тип. II отд. собственной ЕИВ канцелярии, 1649–1825. – Т. 16. – 1762 – 1764. – 897 с.
14. НИАБ. – Ф. 1418. Оп. 2. Д. 1.
15. НИАБ. – Ф. 3046. Оп. 2. Д. 3.
16. НИАБ. – Ф. 3257. Оп. 1. Д. 1.
17. LVIA. – F. 378. Ap. 154. V. 1802.
18. НИАБ. – Ф. 1430. Оп. 1. Д. 31299.
19. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1. Оп. 34. Д. 3426.
20. НИАБ в г. Гродно. – Ф. 1. Оп. 34. Д. 542.
21. НИАБ. – Ф. 295. Оп. 1. Д. 1628.
22. Мендрин, Г.И. Медицинская деятельность политических ссыльных в Сибири / Г.И. Мендрин. – Томск : Томск. гос. ун-т, 1962. – 64 с.
23. Горбачева, О.В. Восстание 1863 – 1864 гг. и репрессивные мероприятия царизма в Беларуси / О.В. Горбачева // Powstanie styczniowe 1863–1864. Walka i uczestnicy. Represje i wygnanie. Historiografia i tradycja. – Kielce, 2005. – S. 111–118.
24. НИАБ. – Ф. 2648. Оп. 1. Д. 223.
25. Кеннан, Дж. Сибирь и ссылка : в 2 ч. / Дж. Кеннан ; пер. с англ. И.Н. Кашенцева. – СПб. : Изд-во Вл. Распопова, 1906. – 286 с.
26. Мулина, С.А. Мигранты поневоле: адаптация ссыльных участников восстания 1863 г. в Западной Сибири / А.С. Мулина. – СПб. : Алетей, 2012. – 200 с.
27. Павлов, В.А. Губернские и уездные органы власти и политическая ссылка в Российской империи (на материалах ссылки в Казанскую губернию участников польского восстания 1863 – 1864 гг.) / В.А. Павлов. – Чебоксары : Новое время, 2006. – 254 с.

28. Кротов, М.А. Участники польского освободительного восстания 1863 – 1864 гг. в Якутской ссылке / М.А. Кротов // Поляки в Якутии : материалы науч.-практ. конф., Якутск, 19 сент. 1997 г. / Ин-т гуманитар. исследований АН Респ. Саха (Якутия) ; под ред. Д.А. Ширина [и др.]. – Якутск, 1998. – С. 7–22.
29. Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. – Собрание второе : в 55 т. – СПб. : Тип. II отд. собственной ЕИВ канцелярии, 1830–1884. – Т. 39. – Отд. 1. – 1867. – 976 с.
30. Сборник циркуляров 1870–1871, с. 473 Сборник циркуляров и инструкций Министерства внутренних дел за 1870–1871 годы / собр. и изд. с разрешения министра внутренних дел Д. Чудовского. – СПб., 1872. – 335 с.
31. НИАБ в г. Гродно – Ф. 1, Оп. 34, Д. 1264.
32. LVIA. – Ф. 378. Ар. 155. В. 791.
33. НИАБ. – Ф. 2001. Оп. 2. Д. 100.
34. LVIA. – Ф. 378. Ар. 155. В. 510.
35. LVIA. – Ф. 378. Ар. 154. В. 1752.
36. Крих, А.А. Судьба польских дворян в Сибири: смена этнической идентичности (например И.В. Скуратович) [Электронный ресурс] / А.А. Крих, И.В. Скуратович. – Режим доступа: <http://ethnography.omskreg.ru/pege.php?id=871>. – Дата доступа: 18.04.2014.
37. Крых, Г.А. Гісторыя пасялення Мінск-Дваранскае: засяцкавая шляхта з Беларусі ў сibirскім Прыпытышы / Г.А. Крых, С.М. Токць // Беларускі гістарычны часопіс. – 2012. – № 3. – С. 4–17.
38. НИАБ. – Ф. 2648. Оп. 1. Д. 240.
39. Никитин, В.Н. Тюрьма и ссылка. Историческое, законодательное, административное и бытовое положение заключенных, пересыльных, их детей и освобожденных из-под стражи со времени возникновения русской тюрьмы до наших дней 1560–1880 г. / В.Н. Никитин. – СПб. : Тип. Г. Шиарвард, 1880. – 675 с.
40. Скоробогатова, Н.Н. Адаптационные механизмы и практики польского населения Сибири в условиях принудительных переселений в XIX – XX веках / Н.Н. Скоробогатова // Поляки в социокультурном пространстве сибирской деревни : материалы междунар. науч.-практ. конф., Омск–Тара, 8–12 авг. 2009 г. / ОмГУ им. П.А. Столыпина ; редкол.: С.А. Мулина (отв. ред.) [и др.]. – Омск, 2012. – С. 50–60.
41. Круссер, Р.Г. Народные массы Сибири в исследованиях политических ссыльных 70-х – начала 90-х гг. XIX в. : учеб. пособие / Р.Г. Круссер. – Кемерово : КГУ, 1989 – 80 с.
42. Śliwowska, W. Syberia w życiu i pamięci Giejsztorów – zesłańców postyczniowych. Wilno – Sybir – Wiatka – Warszawa / W. Śliwowska. – Warszawa : DiG, 2000. – 399 s.
43. Мулина, С.А. Мигранты поневоле: адаптация ссыльных участников восстания 1863 г. в Западной Сибири / А.С. Мулина. – СПб. : Алетей, 2012. – 200 с.

Поступила 24.03.2020

PETITIONS OF THE 1863 – 1864 UPRISING PARTICIPANTS: AS A HISTORICAL SOURCE

E. SERAK

The article deals with the source potential of petitions of the 1863 – 1864 uprising participants. Using data from the funds of the National historical archive of Belarus, the NHAB in Grodno, and the Lithuanian state historical archive, we show an information resource of petitions for studying the interaction of the exiled 1863 – 1864 uprising participants with the power institutions of Russian Empire. It is noted that petitions form a sector of documentation that allows determining the order of consideration, submission and decision-making on the petition of the uprising participants and their close circle, taking into account the social and legal status of the uprising participants during the judicial investigation process and in exile. The article reviews the everyday life problems of the 1863 – 1864 uprising participants: resolving issues of changing the punishment, conditions of detention, marriage registration, providing the opportunity to graduate, to open Catholic parishes and schools. Attention is drawn to the procedure of submitting, reviewing and making a decision on the petition of the uprising participants and their close circle.

Keywords: *petitions, 1863 – 1864 uprising participants, Siberia, administration, regulation, funds, exile.*

УДК 327.8::321(436.7+47.07::497.1)

**РОССИЙСКАЯ И АВСТРИЙСКАЯ МОДЕЛИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА
ПОВСТАНЧЕСКОЙ СЕРБИИ (1807 – 1813 гг.)****М.Г. СКОРЬ***(Белорусский государственный университет, Минск)*

В статье на основе дипломатической переписки проанализированы российские и австрийские модели государственного устройства Сербии на втором этапе Первого сербского восстания. Во введении обосновывается актуальность исследования, проанализированы основные подходы к изучению данного круга проблем. В основной части показана динамика российских и австрийских представлений о статусе, внутреннем устройстве и международном положении будущего сербского государства, выделены факторы, оказавшие влияние на формирование этих представлений. Значительное внимание уделено влиянию европейских событий на политику держав в отношении повстанческой Сербии. Показана взаимосвязь динамики российских и австрийских представлений о государственном устройстве сербского государства с устремлениями повстанцев. В заключении сделан вывод о принципах и целях российской и австрийской политики в отношении Сербии.

Ключевые слова: Австрия, Россия, Белградский пашалык, Первое сербское восстание, автономия.

Введение. С середины XVIII в. Россия стала значительным фактором в национально-освободительной борьбе балканских народов. Еще одним государством, оказывавшим влияние на ход этой борьбы, традиционно выступала Австрия, ведшая с XVI в. войны с Османской империей. Начавшееся в 1804 г. Первое сербское восстание также испытало на себе влияние обеих держав. Особо значительным это влияние было в области государственного строительства, где у сербов не было никакого опыта. Первоначально и сами сербы, и представители великих держав выступали лишь за создание сербской национальной автономии, а не автономного сербского государства в составе Османской империи. Однако ряд политических событий привели к изменению целей и хода восстания. Главной целью восстания стала борьба за создание сербского государства.

В российской исторической науке достаточно подробно рассмотрено взаимодействие России и Сербии в период Первого сербского восстания. Еще в XIX в. в работах А.И. Михайловского-Данилевского, Н.Ф. Дубровина [1], Н.А. Попова, А.Н. Петрова достаточно детально проанализированы российско-сербские отношения в начале XIX в., однако основное внимание в этих работах уделяется военно-политическому сотрудничеству. Активное изучение влияния России на формирование сербской государственности в российской историографии началось лишь в постсоветское время. При этом, говоря о планах России относительно формы правления и государственного устройства будущего сербского государства, большинство историков не идет дальше формальных предложений, выдвинутых Порте на переговорах в Джурджу и Бухаресте. В.П. Грачев [2], анализируя российские проекты будущего сербского государства, рассматривал их как частные инициативы, при этом позиция российского правительства оставалась фактически неизученной. К тому же от внимания историков ускользало влияние европейских событий в общем и российско-австрийских взаимоотношений в частности на позиции России по Сербскому вопросу.

Австрийские историки, активно изучая историю Сербии и австро-сербских взаимоотношений в XIX – начале XX в., практически прекратили исследование в данной сфере после 1918 г., сосредоточившись на восточной политике Австрии в целом. Такие австрийские историки, как Г. Варди, Б. Калаи [3] и Ш. Быстрозановски, акцентировали внимание на агрессивном характере российской внешней политики. Исходя из этого тезиса, они утверждали, что Россия вовсе не была заинтересована в урегулировании конфликта и внесла в зарождающуюся сербскую государственность множество противоречий, указывали, что Россия, при заключении Бухарестского мирного договора фактически бросила сербов на произвол судьбы. При этом они полностью отрицали не только наличие у Австрии захватнических планов в отношении Сербии, но и всячески подчеркивали благодушный нейтралитет своей страны.

Сербская историография, как марксистская, так и современная, опирается на концепцию, сформированную в начале XX в. Ст. Новаковичем [4–6] и М. Вукичевичем [7]. Оба историка исходили из тезиса о том, что формирование сербских государственных институтов и принятие ряда конституционных актов стало ответом на стремление держав превратить Сербию в вассальную провинцию, поэтому формирующаяся сербская государственность не испытала на себе непосредственного влияния России и Австрии. Это определило исследовательские приоритеты последующих поколений сербских историков. Таким образом, несмотря на большое количество работ, посвященных становлению сербской государственности, политике Австрии и России, позиции держав по исследуемому вопросу остаются малоизученными, а исследовательские оценки – зачастую диаметрально противоположными.

Основная часть. Русско-турецкая война, начавшаяся в самом конце 1806 г., принципиально изменила политическую ситуацию на Балканах. Россия, продолжавшая войну с Францией, остро нуждалась в союзниках как в Европе, так и на Балканах, где потенциальным союзником могли стать сербы. Австрия, все еще испытывала последствия поражения под Аустерлицем и последовавшего за ним Пресбургского мира, была не готова к вступлению в новую войну с Портой, при этом стремилась не допустить расширения восстания в Сербии. Сами сербы в августе 1806 г. достигли соглашения (Ичков мир) с Портой по предоставлении им широкой национальной автономии, поэтому восстание к началу войны фактически прекратилось. Таким образом начало Русско-турецкой войны создало для каждой из держав ряд проблем, требовавших скорейшего решения.

Россия, воевавшая на два фронта, с самого начала активно занималась поиском новых союзников. Именно с этой целью командующий Молдавской армией И.И. Михельсон в январе 1807 г. направил Карагеоргию, занимавшему пост верховного вождя восстания, письмо, в котором призывал сербов вступить в борьбу за создание независимого сербского государства [8, с. 478–479].

В российской историографии прочно закрепилось мнение о том, что после письма И. И. Михельсона сербы отвергли условия Ичкова мира, тем самым вступив в борьбу за государственную независимость [9, с. 21]. Однако уже в начале февраля 1807 г. сербы вступили в переговоры с Портой о расширении привилегий, дарованных им Ичковым миром, в частности о добавлении пункта об австрийских гарантиях. Интернунций И. Штюрмер всячески убеждал рейс-эфенди в том, что данный пункт лишит сербов всяческого желания бунтовать, а австрийский император, «верный принципам добрососедства», не будет вмешиваться во взаимоотношения султана со своими подданными. Переговоры были прерваны в середине марта известием о том, что в ходе беспорядков в Белграде был убит назначенный султаном мухафиз. Это событие стало поводом не только для срыва переговоров, но и для объявления сербов мятежниками. Последнее полностью ликвидировало альтернативу Ичкова мира и делало союз сербов с Россией неизбежным [10, с. 208].

Весной 1807 г. у Австрии появился дополнительный стимул как можно скорее урегулировать конфликт в Сербии: на территории Баната и Срема стали распространяться слухи о скором прибытии российских войск и объединении православных славян Сербии, Баната, Срема, Боснии и Черногории под властью одного из братьев российского императора [11, с. 187]. Распространение этих слухов привело к так называемой Тициановой буне – крупнейшему выступлению сербов на территории империи Габсбургов. Несмотря на то, что восстание было быстро подавлено, австрийские власти пришли к выводу о необходимости изменения своей стратегии в отношении Сербии: не допустить проникновения российских войск в Сербию, а в случае возникновения угрозы, – занять крепости по течению Дуная (Белград, Смедерovo, Оршова).

Таким образом, Россия, в отличие от Австрии, движимая исключительно внешнеполитическими и военными интересами, пошла на эскалацию конфликта, используя в первую очередь проблематику государственного строительства: призывая к созданию независимого сербского государства. Австрия, в свою очередь, выступая за сохранение территориальной целостности Османской империи, не рассматривала сербов как самостоятельный народ, способный создать собственное государство, поэтому они должны были находиться в составе одной из империй – Османской, либо Австрийской. Это объяснялось тем, что сербское государство под покровительством России угрожало территориальной целостности империи Габсбургов.

В апреле 1807 г. в штаб И.И. Михельсона прибыла сербская депутация с просьбой назначить им «способного землеуправителя для устройства конституции». Пост российского представителя в Белграде получил чиновник Азиатского департамента МИД К.К. Родофиникин. В Белград он прибыл лишь 2 августа 1807 г., когда между Францией и Россией уже был заключен Тильзитский мир, одним из условий которого было заключение перемирия между Россией и Портой. Последнее значительно осложняло деятельность К.К. Родофиникина в Белграде. Тем не менее уже 7 августа был принят документ, получивший название «Основание правительства сербского», ставший де-факто сербской конституцией [9, с. 25].

Несмотря на заверения К.К. Родофиникина о том, что принятие документа было целиком и полностью сербской инициативой, маловероятно, что Правительствующий совет, по свидетельству все того же представителя, де-факто прекративший существование, мог разработать «Основание...». Вероятнее всего, текст документа был разработан К.К. Родофиникиным при некотором участии сербских депутатов весной 1807 г.

Предусматривалось создание независимого Сербского княжества во главе с князем. Реальная власть должна была находиться в руках Сената, который являлся высшим законодательным и распорядительным органом. Две трети Сената избирались нахиями и всенародной скупщиной, еще треть составляли воеводы нахий, заседавшие пожизненно. Несмотря на то, что князь являлся председателем Сената, по существу он был лишь главой исполнительной власти и «должен исполнять то, что Правительствующий Сенат учредит». К тому же в тексте документа ничего не говорилось о том, является ли должность князя выборной или наследственной [7, с. 35–36]. Такая попытка ограничения власти князя в целом соответствовала интересам России, поскольку сильный князь мог сохранить относительную независимость, балансируя между Россией, Австрией и Портой, тогда как страна, управляемая коллегиальным органом, неизбежно попадала бы в зависимость от одной из держав, а, учитывая пророссийские настроения сербов, вероятнее всего, Россия занимала бы в Сербии ведущее положение.

В августе 1807 г. между Россией и Османской империей было заключено Слободзейское перемирие, условия которого не распространялись на территорию Сербии. Это ставило восставших в крайне затруднительное положение, поскольку поставки провианта из России через территорию Дунайских княжеств практически прекратились, а со стороны Австрии действовало эмбарго. Все это вынуждало сербов идти на переговоры с Габсбургами.

Переговоры между Карагеоргием и командующим Славно-Сремским участком Военной границы И. Симбшеном состоялись в конце марта 1808 г. В ходе переговоров Карагеоргий выступил с рядом предложений: во-первых, переход всей подконтрольной повстанцам территории под власть Австрии, во-вторых, обещание австрийского правительства не заключать мир с Портой до тех пор, пока не будут освобождены все земли, населенные сербами, в-третьих, после этого Сербия должна управляться либо по немецким законам, либо по законам Военной границы и никогда не должна быть присоединена к Венгрии. Особо оговаривалось, что сербские территории в составе империи Габсбургов будут иметь собственную таможенную. Барон И. Симбшен сослался на свою неправомочность принимать такие решения и пообещал организовать повторную встречу, однако по стечению обстоятельств на повторной встрече присутствовали лишь уполномоченные представители, а затем переговоры были и вовсе сорваны сербской стороной [12, с. 445–446].

Вероятнее всего, первоначальный вариант сербских предложений был сформулирован во время бесед одного из лидеров Правительствующего совета М. Миловановича и командира австрийского гарнизона в Земуне, полковника Перша, которые и занимались подготовкой переговоров. Тем не менее первоначальный вариант был значительно изменен сербскими старейшинами. Начиная с февраля 1808 г. на этих встречах М. Милованович не единожды заявлял о «вечной верности и преданности сербов императору» и просил разрешить сербам закупать провиант на территории империи, в ответ на это Перш заявил, что это должен решать И. Симбшен, но только в случае «проявления благорасположения» к Австрии [13, с. 512]. Учитывая переписку Перша с И. Симбшеном, а того – с эрцгерцогом Карлом и министром иностранных дел И. Штадином, под «проявлением благорасположения» подразумевалась передача австрийцам контроля над сербскими крепостями по течению Дуная и установление на остальной территории повстанческой Сербии устройства, аналогичного устройству Военной границы. Первое позволяло Австрии контролировать судоходство и торговлю на Дунае, а второе значительно увеличивало престиж Австрии в Сербии [12, с. 401].

Австрийское правительство справедливо полагало, что оккупация всей Сербии спровоцирует конфликт не только с Россией, но и с Портой, чем вполне могла воспользоваться Франция, объявив войну Австрии. Исходя из этого, глава австрийского МИД не рассматривал возможность оккупации всей Сербии или ее переход под покровительство Габсбургов. Он полагал, что для сербов важнейшим является вопрос поставки провианта, который следует разрешить после «реального подтверждения своей лояльности и желания перейти под власть Габсбургов», а именно добровольной передачи Белградской крепости. При этом эрцгерцог Карл, инструктируя И. Симбшена о дальнейших переговорах, рекомендовал согласиться на все условия сербов, но при этом указать им на то, что австрийское покровительство Сербии вступит в силу лишь после того, как австрийские войска вступят на ее территорию по приказу из Вены, а не по просьбе сербов. До ввода австрийских войск сербы должны реорганизовать свое государственное устройство по образцу Военной границы [12, с. 455–456].

Таким образом, австрийское правительство рассматривало два возможных варианта будущего устройства сербских земель. С одной стороны, создание государственного образования с неопределенным политическим статусом, находящимся в некоторой зависимости от Австрии, России и Османской империи, внутренне организованным, как Военная граница. С другой стороны, при условии благоприятной политической обстановки, рассматривался вариант полного включения повстанческой Сербии в состав империи Габсбургов. Однако, благодаря деятельности К.К. Родофиникина, переговоры были прекращены, а российский посол в Вене обвинил Австрию в захватнических устремлениях.

Проходившие на протяжении 1808 г. русско-турецкие мирные переговоры требовали в том числе и решения сербского вопроса. Поэтому командующий Молдавской армией А.А. Прозоровский потребовал от К.К. Родофиникина его видения будущего устройства Сербии [14, с. 42–43]. Необходимость разработки и принятия выгодной для России модели сербского государства еще более обострилась после заключения Александром I и Наполеоном Эрфуртской конвенции, одним из условий которой был отказ России от создания независимого Сербского княжества либо своего суверенитета над ним [15, с. 363].

В целом «проект К.К. Родофиникина» как целостная российская модель будущего государственного устройства Сербии содержится в двух записках чиновника, комментариях к ним А.А. Прозоровского и замечаниях заместителя министра иностранных дел А.Н. Салтыкова. Согласно записке К.К. Родофиникина, на территории Сербии предполагалось создание вассального Порте княжества во главе с избираемым князем. Зависимость Сербии заключалась в выплате дани, которая не должна превышать 100 тыс. пиастров. Границы княжества, по К.К. Родофиникину, должны были в целом соответствовать границам средневекового сербского государства до правления Стефана Душана. А.А. Прозоровский, комментируя записку, указывал на невозможность создания сербского государства в таких границах, называя южной границей

линию наибольшего продвижения повстанческих войск. Говоря о выборности князя, он замечал, что это позволит Австрии и Порте вмешиваться во внутренние дела Сербии, поэтому власть князя должна быть наследственной. Кроме того считал необходимым создание Сената, в который, помимо прочего, должны были входить российский и французский консулы. Последнее, по замыслу А.А. Прозоровского, должно было в значительной мере ограничивать произвол князя. А.Н. Салтыков, соглашаясь с закреплением исключительной роли России, указывал, что «власть российского консула должна основываться на доверии и уважении, а не на приказе» [16, с. 460]. Судебная система, по замыслу К.К. Родофиникина, должна быть трехзвенной. Высшей судебной инстанцией должен был стать существующий Правительствующий совет, переименованный в суд и разделенный на две коллегии – гражданскую и уголовную. Кроме того, для решения «дел церковных», предполагалось создание особой, церковной, системы судов [14, с. 52–53]. В целом, согласно проекту К.К. Родофиникина, Сербия должна была превратиться в вассальное Порте княжество с гарантиями Франции и России. Особое положение российского консула, заседавшего в Сенате, ставило Сербию под де-факто российское управление.

К весне 1809 г. русско-турецкие переговоры о мире зашли в тупик и были возобновлены военные действия, а проект К.К. Родофиникина так и остался лишь на бумаге. Результатом военной кампании 1809 г. стало практически полное поражение повстанческих войск и угроза захвата турками Белграда. Опасаясь последнего, город покинул и российский представитель, что значительно ударило по позициям России в Сербии. Тем не менее, активные действия российских войск на территории Сербии позволили остановить турецкое контрнаступление и предотвратить захват Белграда, но в глазах сербов это выглядело превращением Сербии в российскую провинцию. Единственной силой, которая могла противостоять России, была Австрия, поэтому в конце лета – начале осени 1809 г. сербские старейшины возобновили переговоры с Австрией [17, с. 329].

После поражения Австрии в войне пятой коалиции новым министром иностранных дел стал бывший австрийский посол в Париже К. В. Меттерних. Он полагал, что в сложившейся обстановке не может быть и речи не только о занятии всей Сербии, но даже о захвате крепостей на Дунае. Максимум, что может сделать Австрия в этих условиях, – это предложить свои услуги в качестве посредника и гаранта последующего соглашения. Тем не менее, по его поручению была составлена записка о будущем государственном устройстве Сербии [18, с. 390].

По мнению австрийских чиновников, в Сербии должна быть установлена конституция, аналогичная конституциям Молдавии и Валахии, при этом утвержденная султаном. Управлять Сербией должен христианский князь, назначаемый Портой. Кроме того, для управления страной создавалась специальная комиссия, формирование которой поручалось австрийским властям. В административно-территориальном плане Сербия должна быть разделена на 12 нахий, 24 кадилука, 144 сельских округа. Такое административно-территориальное деление полностью соответствует устройству Военной границы, где нахия соответствует кантону или полку, кадилук – судебному округу или батальону, сельский округ – роте [19, с. 450]. Был предпринят ряд мер, главной целью которых было недопущение сецессии австрийских сербов. Особо оговаривалось, что внутреннее устройство сербского государства должно как можно более уступать существующей в империи Габсбургов системе Военной границы. Кроме того, для предотвращения массового переселения сербов в создаваемое княжество предусматривалось введение специального разрешения для переселенцев, выдавать которое могла только Порта [20, с. 32].

Гарантом этого должна была стать Австрия, при этом она получала право выступать в качестве рефери в конфликтах, возникающих между сербским и турецким правительствами. В том случае, если одна из сторон отказывалась исполнять принятое решение, допускалась возможность ввода войск на территорию Сербии [19, с. 515].

В целом австрийский проект предусматривал не столько создание Сербского княжества в составе Османской империи, сколько создание сербской национальной автономии, по сути подчиненной Османскому правительству. Назначение князя, по сути губернатора, напрямую из Константинополя делало сербскую автономию во многом формальной, а непонимание австрийскими чиновниками разницы между «христианским» и «сербским» фактически сводило на нет сам факт создания автономии, поскольку под понятие «христианский» в первую очередь попадали греки-фанариоты, что было неприемлемо для сербов. Формирование внутреннего устройства, аналогичного устройству Военной границы, с одной стороны, позволяло сербам иметь достаточно большую армию, способную противостоять турецкой агрессии, а с другой – облегчало инкорпорацию Сербии в состав империи Габсбургов.

Зимой 1810 г. переговоры между Сербией и Османской империей были прерваны. Причиной тому стало участие сербских представителей в составе российской делегации на мирных переговорах в Бухаресте и введение российского гарнизона в Белград, что в глазах европейских держав означало российскую оккупацию Сербии и окончательный переход ее под покровительство России.

К этому времени ни у российских, ни у австрийских властей не хватало влияния для реализации собственной модели государственного устройства Сербского княжества. Зимой 1810 г. российское правительство пыталось организовать в Восточной Сербии второй центр силы. Еще с августа 1809 г. там находился К.К. Родофиникин, осенью того же года, после конфликта с Карагеоргием, туда прибыли опальные воеводы М. Стойкович и П. Добриянц, в феврале 1810 г. в Восточную Сербию переселись белградский митрополит Леонтий и некоторые старейшины. Однако эта попытка потерпела неудачу: большинство старейшин по-прежнему поддерживали Карагеоргия, а оппозиционные воеводы вынуждены были явиться на Белградскую скупщину в январе 1811 г., итогом чего стало их изгнание за пределы страны. Российские войска, прибывшие вместе с ними, никак не вмешались, поскольку командующий Молдавской армией Н.М. Каменский отдал приказ «в дела управления земли, дела судебные и полицейские отнюдь не мешаться ни делом, ни словом» [18, с. 201–202]. Таким образом, в начале 1811 г. остатки российского влияния в Сербии были полностью уничтожены и российские проекты государственного устройства оставались нереализованными.

С начала 1810 г. российское правительство стремилось всеми силами заключить мир с Портой, настаивая на включении в текст договора статьи о сербах. О государственном устройстве в проекте договора говорилось весьма расплывчато: «учредить внутреннее правление по собственному сего народа желанию и независимое ни от какой сторонней власти», гарантом этого должна была стать Россия [23, с. 365]. Османская империя, подстрекаемая Австрией, не желавшей появления у своих границ де-факто российского протектората, отказалась ввести в текст мирного договора пункт о сербах, в результате чего военные действия были возобновлены. После окружения турецкой армии под Руцуком Россия продолжала настаивать на «обеспечении жителей Сербии сколь можно согласно желаниям сербской нации» [24, с. 181–182].

М. И. Кутузов, фактически ведший переговоры о мире, прекрасно понимал, что сербы, не желая возвращаться под власть Порты, будут искать покровительства австрийских Габсбургов. Тем не менее, он продолжал настаивать на российских гарантиях для Сербии и сохранении за ними всех крепостей [25, с. 672–673]. В случае обращения сербов к Австрии между ней и Портой возникал конфликт, вмешаться в который Россия могла на законных основаниях. Таким образом Россия получала бы рычаг воздействия не только на Османскую империю, но и на Австрию.

Однако накалившиеся до предела русско-французские отношения требовали скорейшего заключения мира с Портой, поэтому Александр I призывал М.И. Кутузова отказаться от несущественных требований и заявил, что не будет возражать, если султан сам «начертает статью о сербах» [24, с. 737–738].

В это же время австрийский интернунций И. Штюрмер при поддержке французского посланника убеждал рейс-эфенди заключить союз с Австрией и Францией и отвергнуть все предложения России, аргументируя тем, что отношения суверена со своими подданными не могут быть предметом международного договора. Вместе с тем английский и шведский представители убеждали Порту согласиться на условия России и предоставить сербам конституцию, согласно которой они были обязаны платить Порте дань. Свою позицию они аргументировали тем, что Порта и так уже на протяжении 8 лет не контролирует эту провинцию [26, с. 10]. Таким образом, факт создания сербского государства стал одной из проблем международной политики, что в целом соответствовало целям России. Во многом именно давление со стороны Великобритании и некоторые уступки со стороны России сделали возможным подписание Бухарестского мирного договора.

Согласно ст. VIII Бухарестского мирного договора все крепости, существовавшие на территории Сербии до начала восстания, должны быть возвращены Порте, а возведенные во время восстания должны быть уничтожены. В области самоуправления сербы получали те же привилегии, которыми пользовались жители Ионических островов [24, с. 414]. В целом ст. VIII в полной мере не отвечала интересам ни одной из заинтересованных сторон, однако более всего соответствовала австрийской модели сербской государственности. Несмотря на то, что предоставленные сербам привилегии были несколько шире привилегий, предоставленных жителям Военной границы, факт наличия в Сербии турецких гарнизонов фактически сводил их на нет. Наличие российских гарантий также не играло существенной роли, поскольку, не имея непосредственного доступа к границам Сербии, она не могла в случае возникновения конфликтов защитить сербов. Тогда как республиканское устройство позволяло Австрии активно влиять на внутренние дела страны.

Заключение. Российские и австрийские представления об устройстве будущего сербского государства не были постоянными, изменяясь под влиянием различных внешнеполитических факторов. Тем не менее основные характеристики, которым должна была соответствовать сербская государственность по мнению Австрии и России, оставались неизменными на всем протяжении восстания. Для России такими характеристиками являлись наличие российских гарантий и предоставление Сербии максимально широкой автономии. Первое позволяло российской внешней политике заполучить, наряду с Молдавией и Валахией, еще один рычаг воздействия на Порту, второе – значительно дестабилизировало Османскую империю и вместе с тем позволяло удовлетворить запросы общественного мнения, требовавшего защиты православного населения Османской империи. Для Австрии важнейшими характеристиками будущего сербского государства являлось, во-первых, обеспечение прочного и стабильного мира в приграничных провинциях Порты, что позволяло безопасно вести торговлю на Дунае, в частности, и на Балканах, в целом.

Во-вторых, для Австрии являлось важным не допустить предоставления сербам широких привилегий и роста влияния России на данной территории, поскольку это могло привести к сецессии ряда провинций Габсбургской монархии и присоединению их к создаваемому сербскому государству.

Ни Австрия, ни Россия не рассматривали сербов как полноценный субъект международного права и поэтому не допускали возможности создания независимого сербского государства. Австрия, будучи ближайшим соседом, предполагала возможность последующего присоединения Сербского княжества к империи Габсбургов, поэтому для нее создание сербского государства являлось тактическим шагом и не имело длительной перспективы. Россия, не имея возможности включить территорию Сербии в свой состав, но также стремясь сохранить свое влияние в регионе, вынуждена была пойти на создание автономного Сербского княжества, что в некоторой степени противоречило принципам легитимизма, лежащим в основе российской внешней политики. Для России, не имевшей планов по присоединению Сербии, создание княжества на ее территории носило долговременный, стратегический характер, что в известной мере совпадало с целями самих сербов.

И Австрия, и Россия в своих проектах, по большому счету, игнорировали те государственные институты, которые формировались на территории повстанческой Сербии. Считая сербов народом диким, некультурным и нецивилизованным, они полагали, что те не в состоянии сформировать собственное государственное устройство. Такое игнорирование сербских интересов и целей привело к тому, что сербы отказались принять условия Бухарестского мирного договора, что в конечном итоге привело к поражению и подавлению восстания осенью 1813 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дубровин, Н.Ф. Сербский вопрос в царствование императора Александра I / Н.Ф. Дубровин // Русский вестник. – 1863. – № 7–8. – С. 89–167.
2. Грачев, В.П. Планы создания славяно-сербского государства на Балканах в начале XIX в. и отношение к ним правительства России / В.П. Грачев // Россия и Балканы: из истории общественно-политических и культурных связей (XVIII в. – 1878 г.) : сб. науч. ст. / Ин-т славяноведения РАН ; редкол.: И.С. Достян (отв. ред.) [и др.] – М. : Ин-т славяноведения РАН, 1995. – С. 4–41.
3. Kállay, V. Die Geschichte des serbischen Aufstandes 1807–1810 / V. Kállay. – Wien, 1910. – 554 s.
4. Новаковић, Ст. Вакрск државе српске // Ст. Новаковић. – Београд : Завод за уџбенике и наставна средства, 2000. – 559 с.
5. Новаковић, Ст. Уставно питање и закони Карађорђева времена : студија о постању и развићу врховне и средишње власти у Србији 1805–1811 // Ст. Новаковић. – Београд : Давидовић, 1907. – 131 с.
6. Новакович, Ст. Из дипломатической истории Сербии. Мир Петра Ичко: попытка непосредственного соглашения Сербии с Турцией 1806—1807 гг // Ст. Новакович. – СПб. : Тип. Акд. наук, 1903. – 117 с.
7. Вукићевић, М. Карађорђе : у 2 књ / М. Вукићевић. – Београд : Слово љубве, 1988. – Књ. 2 : Историја устанка од 1804–1807. – 689 с.
8. Внешняя политика России XIX и начала XX века : Документы Рос. м-ва иностр. дел / Комис. по изданию дипломат. док-в при МИД СССР. – Сер. 1. Т. 3: январь 1806–июль 1807 гг / ред. кол. : А. Л. Нарочницкий [и др.]. – М. : Политиздат, 1963. – 840 с.
9. Белов, М.В. Первое сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия / М.В. Белов. – Н. Новгород : Изд-во ННГУ, 1999. – 159 с.
10. Списи бечких архива о првом српском устанку : зб. док. у 11 књ / сакуп А. Ивић. – Београд–Суботица : Научно дело, 1935–1977. – Књ. 4: Година 1807. – 1938. – 1024 с.
11. Грађа бечких архива о првом српском устанку : зб. док. у 5 књ / сакуп. С. Гавриловић. – Београд : Срп. акад. наука и уметности, 1985–2003. – Књ. 1 : 1804–1810. – 1985. – 704 с.
12. Списи бечких архива о првом српском устанку : зб. док. у 11 књ / сакуп А. Ивић. – Београд–Суботица : Научно дело, 1935–1977. – Књ. 5: Година 1808. – 1939 – 1088 с.
13. Грађа бечких архива о првом српском устанку : зб. док. у 5 књ / сакуп. С. Гавриловић. – Београд : Срп. акад. наука и уметности, 1985–2003. – Књ. 2: 1811. – 1989. – 541 с.
14. Первое сербское восстание 1804–1813 гг. и Россия : сб. док. : в 2 кн. – Кн. 2 : 1808–1813 / сост.: И. С. Достян [и др.]. – М. : Наука, 1980. – 398 с.
15. Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы Рос. м-ва иностр. дел / Комис. по изданию дипломатич. док-в при МИД СССР. – Сер. 1. Т. 4 : июль 1807–март 1809 гг ; редкол.: А.Л. Нарочницкий [и др.]. – М. : Политиздат, 1965. – 783 с.
16. Мичета, Л. Карађорђе : биографија. Повест о животу српског Војда, његовом добу и васкреу државе српске : у 2 књ / Л. Мичета. – Београд : Лагуна, 2018. – Књ. 1. – 531 с.
17. Списи бечких архива о првом српском устанку : зб. док. у 11 књ / сакуп А. Ивић. – Београд–Суботица : Научно дело, 1935–1977. – Књ. 6: Година 1809. – 1965 – 558 с.
18. Списи бечких архива о првом српском устанку : зб. док. у 11 књ / сакуп А. Ивић. – Београд–Суботица : Научно дело, 1935–1977. – Књ. 7–8: Година 1810.– Св. 1. – 1966 – 404 с.
19. Списи бечких архива о првом српском устанку : зб. док. у 11 књ / сакуп А. Ивић. – Београд–Суботица : Научно дело, 1935–1977. – Књ. 7–8: Година 1810. – Св. 2. – 1966 – 734 с.
20. Грађа бечких архива о првом српском устанку : зб. док. : у 5 књ / сакуп. С. Гавриловић. – Београд : Срп. акад. наука и уметности, 1985–2003. – Књ. 3: 1812. – 1992. – 684 с.

21. Грађа за историју Првог српског устанка / ред. Р. Перовић. – Београд : Југославија, 1954. – 371 с.
22. Грађа из земуних архива за историју Првог српског устанка : зб. док. : у 3 књ / сакуп. Ж. Илић [и др.]. – Београд : Ист. арх., 1955–1969. – Књ. 2: 1809. –1961. – 441 с.
23. Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы Рос. м-ва иностр. дел / Комис. по изданию дипломат. док-в при МИД СССР. – Сер. 1. Т. 5 : апрель 1809–январь 1811 гг ; редкол. : А.Л. Нарочницкий [и др.]. – М. : Политиздат, 1965. – 783 с.
24. Внешняя политика России XIX и начала XX века: Документы Рос. м-ва иностр. дел / Комис. по изданию дипломат. док-в при МИД СССР. – Сер. 1. Т. 6: 1811 – 1812 гг ; редкол. : А.Л. Нарочницкий [и др.]. – М. : Политиздат, 1962. – 866 с.
25. М.И. Кутузов : сб. док. : в 5 т. / Под ред. Л.Г. Бескровного. – М. : Воен. изд-во, 1950-1956. – Т. 3: 1808-1812. – 1952. – 1026 с.
26. Грачев, В.П. Сербский вопрос на переговорах 1812 года между Россией и Турцией о заключении Бухарестского мира / В.П. Грачев // Славяноведение. – 2001. – № 1. – С. 3–17.

Поступила 04.12.2020

RUSSIAN AND AUSTRIAN MODELS OF THE STATE STRUCTURE OF REBEL SERBIA (1807 – 1813)

M. SKORB

Based on diplomatic correspondence, the article analyzes Russian and Austrian models of the state structure of Serbia at the second stage of the First Serbian uprising. The introduction substantiates the relevance of the research and analyzes the main approaches to the study of this range of problems. The main part shows the dynamics of Russian and Austrian ideas about the status, internal structure and international position of the future Serbian state, and highlights the factors that influenced the formation of these ideas. Considerable attention is paid to the influence of European events on the policy of the powers in relation to the rebel Serbia. The article shows the relationship between the dynamics of Russian and Austrian ideas about the state structure of the Serbian state and the aspirations of the rebels. The conclusion draws a conclusion about the principles and goals of the Russian and Austrian policy towards Serbia.

Keywords: Austria, Russia, Pashalik of Belgrade, First Serbian uprising, autonomy.

УДК 94(476)+ 281.93

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЖИРОВИЧСКОГО ПРАВОСЛАВНОГО БРАТСТВА
ПОД РУКОВОДСТВОМ А. ОСИПЧИКА ПО ОРГАНИЗАЦИИ РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ
БЕЛОРУССКОЙ ДИАСПОРЫ В 1947 – 1965 гг.**

*канд. богословия, доц. А.В. СЛЕСАРЕВ
(Минская духовная академия)*

В статье описаны история возникновения Жировичского православного братства и основные направления его деятельности по организации религиозной жизни послевоенной белорусской диаспоры. Выявлены наиболее значимые мероприятия, проводившиеся секретарем братства А. Осипчиком по популяризации идей белорусской автокефалии, сохранению религиозной и национальной идентичности белорусских эмигрантов. Рассмотрены обстоятельства идейного расхождения братства с основными белорусскими православными юрисдикциями, действовавшими в диаспоре: Белорусской митрополией в составе Русской Православной Церкви Заграницей, Белорусской Автокефальной Православной Церковью и белорусскими приходами Константинопольского Патриархата. Охарактеризованы основные идеи братства, транслировавшиеся посредством осуществления издательской деятельности. Обозначены причины раскола братской организации и ее последующей маргинализации.

Ключевые слова: автокефалия, белорусская диаспора, Белорусская Автокефальная Православная Церковь, Жировичское православное братство.

Введение. В результате потрясений Второй мировой войны значительная часть белорусского населения оказалась на территории стран Западной Европы и избежала репатриации в Советский Союз. На протяжении второй пол. 1940-х гг. в белорусской диаспоре происходили процессы образования благотворительных, общественных, политических, культурных и иных организаций, ориентированных на консолидацию соотечественников и содействие их адаптации к новым реалиям жизни. Одним из таких сообществ стало Жировичское православное братство (ЖПБ), сыгравшее заметную роль в организации религиозной жизни православных белорусских эмигрантов. К настоящему времени его история не нашла отражения ни в отечественной, ни в зарубежной историографии. Вместе с тем, изучение данной темы позволит восстановить одну из значимых страниц белорусской конфессиональной истории XX ст.

Целью статьи является выявление основных аспектов деятельности руководимого А. Осипчиком Жировичского православного братства по организации религиозной жизни белорусской диаспоры в 1947 – 1965 гг. В соответствии с поставленной целью предполагается решение задач по описанию предпосылок учреждения ЖПБ, характеристике его структуры и основных направлений деятельности, определению влияния на формирование белорусских православных религиозных организаций в диаспоре, популяризации идей белорусской автокефалии, деятельности по сохранению религиозной и национальной идентичности белорусских эмигрантов.

При подготовке статьи осуществлялся анализ церковных законодательных актов, делопроизводственных материалов, эпистолярных источников, публицистических произведений, материалов периодической печати. Методология статьи базируется на диалектических принципах объективности, конкретности, всесторонности и историзма, а также на общенаучных методах познания (анализ и синтез, дедукция и индукция, обобщение, абстрагирование). К использовавшимся специально-научным методам необходимо отнести историко-генетический, структурный и системный.

Основная часть. Значимой страницей белорусской истории XX ст. является деятельность национальных общественно-политических и религиозных организаций в эмиграции. Одной из таких организаций, оставивших заметный след в жизни послевоенной белорусской диаспоры, было Жировичское православное братство. Предыстория его возникновения восходит к деятельности Белорусского православного объединения (БПО), созданного 5 мая 1946 г. на Первом Белорусском Православном Съезде в Регенсбурге. Целью создания объединения виделись координация религиозной жизни православных белорусов за пределами отечества и сопротивление переходу проживавших на территории Германии иерархов Белорусской митрополии в юрисдикцию Русской Православной Церкви Заграницей (РПЦЗ) [1, с. 591–595; 2, с. 591; 3, с. 143–144].

На следующий день после образования БПО, 6 мая 1946 г. Архиерейский Собор РПЦЗ удовлетворил прошение белорусских иерархов, включив в свою структуру Белорусскую митрополию за рубежом и предоставил ей автономный статус [4, лл. 1–2; 5, лл. 1–14]. Первоначально БПО проводило оппозиционную линию в отношении белорусского епископата. Однако 12 сентября 1946 г. бывший архиепископ Могилевский и Мстиславский Филофей (Нарко) официально возглавил Белорусское православное объединение и направил его деятельность в русло церковной политики Синода Белорусской митрополии. Не согласные с новым курсом члены БПО А. Осипчик и Ф. Шибут вышли из его состава и 20 мая 1947 г. учредили Жировичское православное братство, ориентированное на организацию Белорусской Автокефальной Православной

Церкви (БАПЦ) в диаспоре [6, л. 54; 7, с. 5; 8, с. 3; 9, с. 42]. Следствием произошедших событий стало скорое прекращение деятельности БПО. Фактическим организатором братства и его секретарем стал А. Осипчик, обустроивший руководящий орган ЖПБ в лагере для перемещенных лиц Виндишбергердорф (земля Бавария, Германия) на территории американской оккупационной зоны [7, с. 5–6; 8, с. 3; 9, с. 43; 10, с. 32].

Согласно принятому в 1947 г. уставу, Жировичское православное братство позиционировало себя преемником православных братств, существовавших на белорусских землях в XVI – XVII вв. Несмотря на пребывание в диаспоре, символическим центром расположения братства объявлялся Жировичский Успенский монастырь, находившийся на территории Гродненской области БССР. Важнейшими направлениями деятельности ЖПБ виделись консолидация православных белорусов в эмиграции, обеспечение их духовной и материальной поддержки, всемерное содействие в деле реализации белорусского автокефального проекта, организация мероприятий духовно-просветительного характера, издание белорусской религиозной литературы. Формирование бюджета предполагалось осуществлять за счет собственной деятельности и добровольных пожертвований. Руководителем братства мог стать только православный священнослужитель, заместителем руководителя – православный мирянин, а рядовым членом братства – любой белорус православного исповедания. Членство в ЖПБ предполагало наличие трех ступеней вовлеченности: 1. Белый и черный брат; 2. Слуга Марии; 3. Старший брат. Символом организации являлось изображение явления Жировичской иконы Божией Матери на груше на белом поле, а гимном «Песнь Божией Матери за Церковь и Народ» («Песьня Божай Маці за Царкву і Народ»). Контролирующим и законодательным органом определялся Совет Старейшин, состоявший из лиц, достигших высшей ступени вовлеченности. Устав предписывал проводить общее собрание один раз в год для выработки направлений работы на следующий период. Днем проведения общего собрания назначалось 20 мая – день церковного прославления Жировичской иконы [11, с. 1].

5 июня 1948 г. в немецком городе Констанц (земля Баден-Вюртемберг) состоялся Собор сторонников белорусской церковной независимости, принявший решение о формировании структур БАПЦ. Во время Собора произошло образование Временного Управления БАПЦ (ВУ БАПЦ), руководителем которого временно стал епископ Сергей (Охотенко), иерарх Украинской Автокефальной Православной Церкви (УАПЦ). Жировичское православное братство оказало открытую поддержку ВУ БАПЦ [12, с. 23; 13, с. 8]. В августе 1948 г. епископ Сергей (Охотенко) утвердил ЖПБ как организацию в составе БАПЦ, назначив его руководителем протоиерея Стефана Войтенко и утвердив А. Осипчика в должности секретаря. При этом предполагалось, что образование отделений братства произойдет во всех белорусских приходах в эмиграции [14, с. 11; 15, с. 4].

Поддерживая содействие украинских автокефалистов в формировании белорусской церковной структуры, 21 сентября 1948 г. братство опубликовало открытое обращение к Первоиерарху УАПЦ митрополиту Поликарпу (Сикорскому). В письме подчеркивалось наличие глубоких духовно-исторических взаимосвязей между белорусским и украинским народами. Одну из них они усматривали в том, что с 1927 по 1931 гг. митрополит Поликарп являлся настоятелем Жировичского монастыря [16, с. 4–5; 17, с. 4]. Согласно мнению авторов обращения: «Украинская и Белорусская Православные Автокефальные Церкви должны стать новым костром возрождения наших народов» [16, с. 4].

Существенную поддержку процессам становления БАПЦ оказывали президент и правительство Белорусской Народной Республики (БНР). При этом реализация автокефального проекта тесно увязывалась с поддержкой ЖПБ. Так, 14–15 октября 1949 г. Совет министров БНР утвердил перспективный план работы правительства. Согласно этому документу Министерству культуры и вероисповеданий БНР предписывалось оказание содействия в подготовке архиерейской хиротонии игумена Василия (Томашика), канонического оформления перехода епископа Сергея (Охотенко) из юрисдикции УАПЦ в БАПЦ, организации Священного Собора Епископов БАПЦ и развитие деятельности Жировичского православного братства [18, с. 153].

Важной составляющей деятельности ЖПБ была реализация издательских проектов. В декабре 1948 г. братство выпустило первый номер журнала «Сила Веры», редактором которого выступил А. Осипчик. Тираж первого номера составил 500 экземпляров. На страницах издания размещались официальные документы, статьи религиозно-нравственной и исторической тематики, хроника церковной жизни. Не ограничиваясь подготовкой журнала, братство осуществило издание книг «Аб Цудатворным Жыровіцкім Абразе Божае Маці» [19], «Акафіст перад Цудатворным Жыровіцкім Абразам Божае Маці» [20], «Акафіст да сьв. Афрасіньні, кн. Полацкай, апякункі і прасьветніцы зямлі беларускай» [21], «Цудатворны абраз Жыровіцкай Маці Божай і Жыровіцкі манастыр. Гістарычны нарыс» [22], учебного пособия для школьного обучения «Новы Запавет Ісуса Хрыста» [23], а также литографий почитаемых белорусами икон («Явление Божией Матери в Жировичах», «Покров Божией Матери над Жировичами», «Обновленный образ Жировичской иконы Божией Матери», преподобной Евфросинии Полоцкой), открытки «Регенсбургская церковь Божией Матери» [24, с. 11; 25, с. 11; 26, с. 45].

К 1949 г. управление ЖПБ покинуло лагерь Виндишбергердорф и обосновалось в лагере Бакнанг (земля Баден-Вюртемберг, Германия) на территории американской оккупационной зоны [26, с. 44]. В апреле этого же года произошло существенное повышение уровня влияния ЖПБ на религиозную жизнь белорусской диаспоры по причине назначения А. Осипчика секретарем ВУ БАПЦ [12, с. 22].

Примечательным направлением деятельности ЖПБ после включения А. Осипчика в состав ВУ БАПЦ стала публикация материалов, дискредитирующих епископат Белорусской митрополии РПЦЗ. В 1949 – 1950 гг. журнал «Сіла веры» фактически обвинил бывшего митрополита Минского и Белорусского Пантелеимона (Рожновского) в продаже храма Святой Евфросинии Полоцкой в Регенсбурге, построенного на средства белорусских эмигрантов [27, с. 25; 28, с. 25]. В 1949 г. информационной атаке подвергся бывший архиепископ Гродненский и Белостокский Венедикт (Бобковский), также перешедший в РПЦЗ и предпринимавший попытки сохранения влияния на белорусскую диаспору. На страницах официального органа ЖПБ архиепископ именовался ищущим житейских выгод, вносящим разделение в среду белорусской эмиграции и желающим подчинить Белорусскую Православную Церковь российским «ассимиляционным и империалистическим целям» [26, с. 44; 29, с. 12–13]. Тиражирование подобных обвинений имело определенное влияние на формирование настроений в среде белорусских эмигрантов, что способствовало снижению уровня популярности Белорусской митрополии РПЦЗ и усилению позиций БАПЦ.

Помимо издательской и информационной активности, руководство ЖПБ оказалось вовлеченным в решение кадровых вопросов БАПЦ. В 1949 г. секретарь братства достиг договоренности с руководством Богословской академии УАПЦ в г. Мюнхене относительно возможности обучения в названном учреждении кандидатов на священническое служение в БАПЦ [26, с. 45].

В том же году произошло резкое ослабление влияния ЖПБ на процессы религиозной жизни. Причиной тому стало сближение секретаря братства с руководством Белорусской Центральной Рады (БЦР), находившейся в конкурентных взаимоотношениях с правительством и Радой БНР. 30 октября 1949 г. в лагере Бакнанг состоялись переговоры между А. Осипчиком и представителем БЦР, во время которых обсуждалась перспектива организации религиозной жизни белорусских православных эмигрантов. Осудив добровольный переход иерархов Белорусской митрополии в состав РПЦЗ и признав закономерным формирование ВУ БАПЦ под началом украинского епископа, участники встречи признали целесообразным осуществить переход БАПЦ в юрисдикцию УАПЦ на правах автономии. Одновременно с этим отмечалась необходимость созыва нового Собора БАПЦ для санкционирования вхождения в состав УАПЦ, переизбрания ВУ БАПЦ или кооптирования в его состав недавно присоединившихся к БАПЦ клириков, назначения в белорусские приходы священнослужителей белорусского происхождения [30, с. 29]. Реализация данной инициативы могла иметь своим следствием вывод БАПЦ из-под влияния руководства БНР с последующим переходом под контроль БЦР.

Одновременно с выработкой планов по переустройству системы организации религиозной жизни белорусской диаспоры секретарь ЖПБ резко негативно воспринял избрание представителя Рады БНР, инженера В. Томашика, кандидатом на рукоположение в сан епископа БАПЦ [31, лл. 1–1об.; 32, с. 123; 33, с. 30]. Рассмотрение сложившейся ситуации состоялось 21 декабря 1949 г. на первом заседании Высшего Церковного Управления БАПЦ (ВЦУ БАПЦ), проходившем в г. Розенхайм под председательством епископа Сергия (Охотенко). Приняв решение о придании ЖПБ статуса главного православного братства БАПЦ и необходимости организации его филиалов во всех странах белорусского рассеяния, участники заседания отстранили А. Осипчика от участия в управлении организацией [33, с. 30; 34, с. 150]. На заседании Священного Собора епископов БАПЦ, проходившем 25 декабря 1949 г. в Розенхайме, состоялось утверждение нового состава правления ЖПБ [33, с. 30; 35, с. 28].

Не признав законным свое отстранение, А. Осипчик продолжал позиционировать себя секретарем ЖПБ и тем самым спровоцировал раскол организации. В 1950 г. он переехал в США и поселился в г. Нью-Брансуик (штат Нью-Джерси). На протяжении 1950 – 1951 гг. А. Осипчик выступал с инициативой проведения съезда православных белорусов различных церковных юрисдикций, целью которого виделось создание «Объединения православных белорусов в Америке». Однако данное предложение не нашло реализации по причине отсутствия поддержки со стороны протоиерея Николая Лапицкого, координировавшего политику БЦР по организации белорусских приходов в диаспоре юрисдикции Константинопольского Патриархата. Данное обстоятельство привело А. Осипчика к обострению отношений с протоиереем Николаем и отходу от поддержки политической линии БЦР. Сохранив контроль над изданием журнала «Сіла веры», секретарь альтернативного ЖПБ в своих публикациях подвергал резкой критике протоиерея Николая и реализуемую им церковно-административную стратегию [36, с. 29; 37, с. 25–27].

Другим объектом публицистической критики А. Осипчика выступала Белорусская митрополия в диаспоре, которая объявлялась утратившей автономный статус после перехода в состав РПЦЗ и тем самым лишившей себя права выражать национальные интересы белорусов [38, с. 26].

Негативной оценке подвергалась также и БАПЦ, характеризовавшаяся как «возникшая самочинно в эмиграции, без ведома православных белорусов, без какого бы то ни было Устава и всеобщего Собора, а только с разрешения т[ак] н[азываемого] "президента" Рады БНР, который является не православным, а католиком восточного обряда» [12, с. 22]. Одновременно с этим ЖПБ публиковало заявления и статьи, в которых БАПЦ именовалась униональным проектом, реализуемым руководством БНР с целью обращения православных белорусов в греко-католицизм [39, л. 1об.; 40, лл. 1–1об.; 41, л. 1; 42, с. 27; 43, с. 37; 44, с. 22–23; 45, с. 28–30]. На страницах журнала «Сіла веры» активные деятели БАПЦ обвинялись в узурпации церковной власти, а рукоположение епископа Василия (Томашика) именовалось политической и противной церковным канонам махинацией [12, с. 22]. Более того, епископ Василий характеризовался как

«человек партийный, безразличный к православной вере и с униатскими планами» [33, с. 30]. В свою очередь, со стороны ориентированной на политику БНР газеты «Бацькаўшчына» А. Осипчик именовался «белорусским Геростратом» [46, с. 3, 6].

Итогом конфликтного противостояния А. Осипчика основным центрам церковной жизни белорусской диаспоры стала маргинализация руководимого им ЖПБ и существенное сокращение численности организации. К настоящему времени сведения о численности братства не выявлены. Однако характер деятельности организации после событий 1949 г. позволяет предположить, что в конечном итоге отошедшее от БАПЦ братство включало одного лишь секретаря А. Осипчика. В условиях конфликта с Белорусской митрополией РПЦЗ, БАПЦ и белорусскими приходами Константинопольского Патриархата руководимое им ЖПБ позиционировалось как независимое от имеющихся церковных юрисдикций [37, с. 26–27].

К 1953 г. А. Осипчик организовал Белорусское национальное объединение, от лица которого осуждал БАПЦ за неканонический характер и именовал Константинопольский Патриархат Матерью Церковью для Белорусской Православной Церкви [40, л. 1об.; 47, л. 1; 48, с. 34; 49, с. 35]. Пересмотрев свое отношение к идее создания белорусской церковной структуры в юрисдикции Константинопольского Патриархата, он в 1953 – 1954 гг. от лица братства осуществил перечисление денежных средств для приобретения приходского здания в г. Торонто (Канада) и обустройства белорусского прихода в г. Манчестер (Великобритания) [47, л. 1; 50, с. 27; 51, с. 45; 52, с. 42; 53, с. 42]. Несмотря на симпатии А. Осипчика к проекту по организации белорусских приходов Константинопольского Патриархата, редактировавшийся им журнал «Сіла веры» периодически публиковал критические материалы в отношении главных инициаторов проекта, протопресвитера Николая Лапицкого и И. Косяка [54, с. 29–33; 55, с. 28].

В последующие годы А. Осипчик продолжал именовать себя секретарем ЖПБ и издавать журнал «Сіла веры», публикуя критические материалы в отношении всех центров церковной жизни белорусского зарубежья [56, с. 27–30; 57, с. 33; 58, с. 30–31]. Позиционируя ЖПБ продолжателем традиций братских организаций, существовавших на территории Великого Княжества Литовского в XVI – XVII вв., А. Осипчик вместе с тем объявлял возглавляемую им структуру «братством нового типа». Главной задачей ЖПБ он видел популяризацию и утверждение белорусской национальной идеи, сохранение «заветов тех, кто сражался против польского насилия и против Москвы» [10, с. 32–33]. Несмотря на активность А. Осипчика, маргинальный статус ЖПБ не позволял оказывать заметное влияние на процессы церковной жизни белорусской диаспоры. Постепенно деятельность братства оказалась сведенной к публикации заявлений его секретаря, а после выхода в 1965 г. последнего номера журнала «Сіла Веры» – фактически прекратилась. Скончался секретарь Жировичского православного братства в 1990 г. в г. Джексон (штат Нью-Джерси) [59, с. 24].

Заключение. Подводя итог рассмотрению деятельности Жировичского православного братства под руководством А. Осипчика в 1947 – 1965 гг., необходимо выделить ряд аспектов. Возникновение братства произошло в контексте противодействия определенной части православных белорусских эмигрантов решению епископата Белорусской митрополии о переходе в юрисдикцию РПЦЗ. В своей деятельности ЖПБ позиционировало себя правопреемником Белорусского православного объединения, первоначально пребывавшего в оппозиции белорусскому епископату, но впоследствии перешедшего под его контроль. Одновременно с этим ЖПБ заявляло о своем историческом преемстве от православных братств, существовавших на белорусских землях в XVI – XVII вв. Структура братства предполагала три уровня вовлеченности и существование коллегияльной формы управления. При этом декларировалась необходимость тесного взаимодействия и пребывания в каноническом подчинении БАПЦ. Основными направлениями деятельности виделись консолидация православных белорусов в диаспоре, обеспечение их духовной и материальной поддержки, содействие в формировании независимой белорусской церковной структуры, осуществление духовно-просветительской и издательской деятельности. Попытка секретаря братства А. Осипчика вывести БАПЦ из-под контроля руководства БНР и усилить влияние БЦР на религиозную жизнь белорусских эмигрантов привели к расколу ЖПБ. Руководимая им ветвь братства дистанцировалась от всех крупных центров церковной жизни белорусской диаспоры (Белорусской митрополии РПЦЗ, БАПЦ и белорусских приходов Константинопольского Патриархата), что обусловило ее маргинализацию и последующее закрытие. Вместе с тем, многогранная деятельность братства оказала заметное влияние на консолидацию белорусских эмигрантов вокруг БАПЦ в начальный период ее формирования, сохранение национальной и религиозной идентичности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лапіцкі, М. У служэньні Богу ў Беларусі / М. Лапіцкі // Пастанова Праваслаўнага Беларускага Зьезду ў Рэгэнсбургу дня 5.5.1946 г. – Нью-Ёрк – Варшава : БІНІМ, ІСПАН, 2005. – С. 591–595.
2. Лапіцкі, М. У служэньні Богу ў Беларусі / М. Лапіцкі // Пратакол Беларускага Праваслаўнага З'езду ў Рэгэнсбургу дня 5 траўня 1946 г. (эміграцыя ў Нямеччыне). – Нью-Ёрк – Варшава : БІНІМ, ІСПАН, 2005. – С. 591.
3. Касяк, І. З гісторыі Праваслаўнай Царквы беларускага народу / І. Касяк. – Нью-Йорк, 1956. – 191 с.
4. Архив Германской епархии РПЦЗ в г. Мюнхене. – Ф. 7. – К. «Епархиальная переписка, 1956 год».
5. Синаодальный архив РПЦЗ в г. Нью-Йорке. – Д. 76/46.

6. Вініцкі, А. Матэрыялы да гісторыі беларускай эміграцыі ў Нямеччыне ў 1939–1951 гадах / А. Вініцкі // *Архіў Беларускага Інстытута Навукі і Мастацтва*. – Ч. II: Рэлігійныя справы. – Лос-Анжэлес, 1968 (машынапіс).
7. Асіпчык, А. Ад Жыровіцкага Праваслаўнага Брацтва / А. Асіпчык // *Сіла веры*. – 1948. – № 1. – С. 5–6.
8. Ад Жыровіцкага Праваслаўнага Брацтва // *Бацькаўшчына*. – 1948. – № 26(29). – С. 3.
9. *Sarkoïny Kamitet Bielaruskaj Aŭtakiefalnaj Pravaslaŭnaj Carkvy na ŭzuznie* // *Сіла веры*. – 1949. – № 2. – С. 40–43.
10. Да 10-х угодкаў Беларускага Праваслаўнага Жыровіцкага Брацтва // *Сіла веры*. – 1955. – № 8. – С. 32–33.
11. Статут Беларускага Праваслаўнага Брацтва Жыровіцкага Манастыра // *Сіла веры*. – 1949. – № 2. – С. 1.
12. Ад Беларускага Праваслаўнага Жыровіцкага Брацтва на чужыне // *Сіла веры*. – 1950. – № 3. – С. 21–24.
13. Пастановы Саборыку Праваслаўных Беларусаў у Нямеччыне, у дзень прп. Еўфрасіні 23 траўня / 5 чэрвеня 1948 г. у Канстанцыі // *Збор дакумантаў Сьв. Беларускае Аўтакефальнае Праваслаўнае Царквы (На выгнаньні)* / *Authorized by Metropolitan Andrew. Compiled by the Consistory of VAOrth.* – [Б. м.], 1983. – С. 8.
14. Беларускае праваслаўнае жыцьцё на эміграцыі // *Сіла веры*. – 1948. – № 1. – С. 11.
15. У Часовым Кіравецтве Беларускае Праваслаўнае Аўтакефальнае Царквы // *Бацькаўшчына*. – 1948. – № 25(28). – С. 4.
16. Ліст Жыровіцкага Праваслаўнага Брацтва да Яго Блажэнства Мітрапаліта Палікарпа. Баварыя, 21.09.1948 // *Сіла веры*. – 1948. – № 1. – С. 4–5.
17. Беларускі голас удзячнасьці // *Бацькаўшчына*. – 1948. – № 33(36). – С. 4.
18. Гардзюк, Н. Рада БНР (1947–1970): Падзеі. Дакументы. Асобы / Н. Гардзюк, Л. Юрэвіч // *Пракал паседжаньня Рады міністраў Беларускае Народнае Рэспублікі 14–15.10.1949 г. Розэнгайм – Нямеччына*. – Мінск: Кнігазбор, 2013. – С. 148–154.
19. Аб Цудатворным Жыровіцкім Абразе Божае Маці. – Праваслаўнае Жыровіцкае Брацтва, 1948.
20. Акафіст перад Цудатворным Жыровіцкім Абразам Божае Маці. – *Dingolfing*: Праваслаўнае Жыровіцкае Брацтва, 1948. – 16 с.
21. Акафіст да сьв. Афрасіньні, кн. Полацкай, апякункі і прасьветніцы зямлі беларускай. – *Flensburg*: Праваслаўнае Жыровіцкае Брацтва, 1949. – 23 с.
22. Асіпчык-Асіповіч, А. Цудатворны абраз Жыровіцкай Маці Божай і Жыровіцкі манастыр. Гістарычны нарыс / А. Асіпчык-Асіповіч. – Баварыя, 1957. – 31 с.
23. Асіпчык-Асіповіч, А. Новы Запавет Ісуса Хрыста. Падручнік для школьнай моладзі / А. Асіпчык-Асіповіч. – *Flensburg*: Праваслаўнае Жыровіцкае Брацтва, 1949. – 64с.
24. Выданьні Жыровіцкага Брацтва // *Сіла веры*. – 1948. – № 1. – С. 11.
25. Увага. У канцылярыі Брацтва можна набыць наступныя рэчы // *Сіла веры*. – 1948. – № 1. – С. 11.
26. *Chronika* // *Сіла веры*. – 1949. – № 2. – С. 44–45.
27. Да Яго Блажэнства Блажанейшага Мітрапаліта Панцелеймана. Бакнанг. 25.10.1949 // *Сіла веры*. – 1950. – № 3. – С. 25.
28. «На трэці дзень...» // *Сіла веры*. Часопіс Жыровіцкага Праваслаўнага Брацтва. 1950. – № 3. – С. 25.
29. Асіповіч-Асіпчык, А. Адчынены ліст да б. яп. з Беларусі Бэнэдыкта (Бабкоўскага). Бакнанг, 20.01.1950 / А. Асіпчык-Асіповіч // *Сіла веры*. – 1950. – № 3. – С. 11–14.
30. Праектаваная дагаворанасьць прав[аслаўных] беларусаў. Дня 30.10.1949 у Бакнангу // *Сіла веры*. – 1950. – № 3. – С. 29.
31. Пракал паседжаньня сябраў Кансысторыі БАПЦ. 5 чэрвеня 1949 г. // *Архив Белорусской библиотеки и музея им. Ф. Скорины (АББМФС)* (г. Лондон). – 7P: *Belarusian Autocephalous Orthodox Church*.
32. Пракал № 3 паседжаньня Прэзідыюма Рады БНР дня 14-га, сакавіка, 1949 году ў Остэргофэне, Нямеччына // *Збор дакумантаў Сьв. Беларускае Аўтакефальнае Праваслаўнае Царквы (На выгнаньні)* / *Authorized by Metropolitan Andrew. Compiled by the Consistory of VAOrth.* – [Б. м.], 1983. – С. 123.
33. Хіратонія Ул. Тамашчыка на япіскапа Віленскага // *Сіла веры*. – 1950. – № 3. – С. 30.
34. Пракал паседжаньня Вышэйшага Цароўнага Ўпраўленьня БАПЦ. Розэнгайм, 21 снежня 1949 г. // *Збор дакумантаў Сьв. Беларускае Аўтакефальнае Праваслаўнае Царквы (На выгнаньні)* / *Authorized by Metropolitan Andrew. Compiled by the Consistory of VAOrth.* – [Б. м.], 1983. – С. 150.
35. Благаслаўнае Сабору Епіскапаў БАПЦ на дзейнасьць Беларускага Жыровіцкага Брацтва. 25.12.1949 // *Збор дакумантаў Сьв. Беларускае Аўтакефальнае Праваслаўнае Царквы (На выгнаньні)* / *Authorized by Metropolitan Andrew. Compiled by the Consistory of VAOrth.* – [Б. м.], 1983. – С. 28.
36. Ад рэдакцыі // *Сіла веры*. – 1950. – № 3. – С. 29.
37. Ад Беларускага Праваслаўнага Жыровіцкага Брацтва на чужыне (працяг) // *Сіла веры*. – 1951. – № 4. – С. 25–27.
38. «Аўтанамісты» ў складзе Арх[іерэйскага] Сыноду Расейскай Зарубежнай Прав[аслаўнай] Царквы // *Сіла веры*. – 1950. – № 3. – С. 26.
39. Асьветчаньне Беларускага Праваслаўнага Жыровіцкага Брацтва. Нью-Брансвік, 12 лютага 1952 г. // *АББМФС*. – *Box 7P: Belarusian Autocephalous Orthodox Church*. – Л. 1–10б.
40. Ад Беларускага Праваслаўнага Жыровіцкага Брацтва. 19 чэрвеня 1954 г. // *АББМФС*. – *Box 7P: Belarusian Autocephalous Orthodox Church*.
41. Пратэст Б.П.Ж. Брацтва. 3 травня 1956 г. // *АББМФС*. – *Box 7P: Belarusian Autocephalous Orthodox Church*.
42. Асіпчык, А. Выясненьне / А. Асіпчык // *Сіла веры*. – 1955. – № 8. – С. 27.
43. Пастанова Беларускага Праваслаўнага Жыровіцкага Брацтва імя Божае Маці Жыровіцкай // *Сіла веры*. – 1953. – № 6. – С. 37.

44. Крывіцкі погляд на беларускі народ // Сіла веры. – 1954. – № 7. – С. 22–23.
45. Якая Царква патрэбная праваслаўным беларусам // Сіла веры. – 1955. – № 8. – С. 28–30.
46. Беларускі Герастрат // Бацькаўшчына. – 1954. – № 39–40 (221–222). – С. 3, 6.
47. Адчынены ліст ад Беларускага Праваслаўнага Жыровіцкага Брацтва на чужыне. ЗША, 30 сакавіка 1954 г. // АББМФС. – Вох 7Р: Belarusian Autocephalous Orthodox Church.
48. Беларускія рэлігійныя групы на эміграцыі // Сіла веры. – 1953. – № 6. – С. 34.
49. Рэзалюцыя Беларускага Нацыянальнага Аб'яднання ў справе царкоўных дачыненняў на эміграцыі. 31 траўня 1953 г. // Сіла веры. – 1953. – № 6. – С. 35.
50. Ад Беларускага Праваслаўнага Жыровіцкага Брацтва на чужыне // Сіла веры. – 1955. – № 8. – С. 27.
51. Беларуская праваслаўная парафія ў Торонта // Сіла веры. – 1953. – № 6. – С. 45–46.
52. Сп. А. Асіпчыку ў ЗША. Айцец М. Мігай, Б. Складоўскі. Торонта, 28.03.1954 г. // Сіла веры. – 1954. – № 7. – С. 42.
53. Яго Міласьці Сакратару БПЖБрацтва ў ЗША. 13.04.1954 г. // Сіла веры. – 1954. – № 7. – С. 42.
54. Цікава забытанасьць // Сіла веры. – 1958. – № 11. – С. 29–33.
55. Мараль – сіла арганізацыі ў яе справядлівасці і чэснасьці. Крыху слоў да Адкрытага ліста М. Лапіцкага і Крывіцкай Маралі Бел. Слова № 2–31 і № 3–35 // Сіла веры. – 1958. – № 11. – С. 28.
56. Ад Беларускага Праваслаўнага Жыровіцкага Брацтва на чужыне // Сіла веры. – 1952. – № 5. – С. 27–30.
57. Кананічнасьць Праваслаўнае Царквы // Сіла веры. – 1953. – № 6. – С. 33.
58. Жыровіцкі, А. Так званыя «Пятыя ўгодкі...» / А. Жыровіцкі // Сіла веры. – 1953. – № 6. – С. 30–31.
59. Гардзіенка, Н. Дзесячы беларускай павянальнай эміграцыі / Н. Гардзіенка // Запісы. Беларускі Інстытут Навукі і Мастацтва. – 2014. – № 37. – С. 10–258.

Постуила 18.12.2020

**THE ACTIVITIES OF THE ZHIROVICH I ORTHODOX BROTHERHOOD UNDER
THE LEADERSHIP OF A. OSIPCHIK ON THE ORGANIZATION OF THE RELIGIOUS LIFE
OF THE BELARUSIAN DIASPORA IN 1947–1965**

A. SLESARAU

The article describes the history of the emergence of the Zhirovichi Orthodox Brotherhood and the main directions of its activity in organizing the religious life of the post-war Belarusian Diaspora. The most significant events carried out by the Brotherhood secretary A. Osipchik to popularize the ideas of the Belarusian autocephaly, to preserve the religious and national identity of Belarusian emigrants are revealed. The circumstances of the ideological divergence of the Brotherhood with the main Belarusian Orthodox jurisdictions operating in the Diaspora are examined: the Belarusian Metropolis as part of the Russian Orthodox Church Outside of Russia, the Belarusian Autocephalous Orthodox Church and the Belarusian parishes of the Patriarchate of Constantinople. The main ideas of the Brotherhood, broadcast through the implementation of publishing activities, are characterized. The reasons for the schism of the Brotherhood organization and its subsequent marginalization are identified.

Keywords: autocephaly, Belarusian Autocephalous Orthodox Church, Belarusian Diaspora, Zhirovichi Orthodox Brotherhood.

УДК 94 +261.7 (476+091)

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОВЕТА ПО ДЕЛАМ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
ПРИ СМ БССР ПО ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОМУ И ФИНАНСОВОМУ КОНТРОЛЮ
НАД ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНЬЮ (ИЗ ОТЧЕТОВ УПОЛНОМОЧЕННЫХ 1954 – 1958 гг.)****Т.А. СПИРИДОНОВА***(Республиканский институт высшей школы, Минск)*

Рассмотрена деятельность уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров БССР по идейно-политическому и финансовому контролю над церковной жизнью в 1954 – 1958 гг. Значительное внимание уделяется вопросу выявления конкретных задач, решаемых Советом в названных областях его деятельности. Проанализировано состояние Православной церкви в Советской Белоруссии в начальный период партийного руководства Н.С. Хрущева и выявлены неизвестные ранее факты деятельности уполномоченных Совета в БССР. В результате исследования данного периода существования Совета по делам Русской православной церкви в БССР можно заключить, что направления его деятельности зависели от отношения государства к Православной Церкви и постановлений, издаваемых Советом Министров СССР и БССР, так как Совет являлся подконтрольным органом, который следил за исполнением государственных законов в отношении Церкви.

Ключевые слова: Совет по делам Русской православной церкви; уполномоченный по делам Русской православной церкви при СМ БССР.

Введение. Актуальность темы исследования вызвана необходимостью изучения деятельности Совета по делам Русской Православной Церкви в БССР в данный период в связи с тем, что названная проблематика не получила должного научного осмысления в отечественной и зарубежной историографии.

Целью исследования является изучение деятельности Совета по делам Русской православной церкви по идейно-политическому и финансовому контролю над церковной жизнью в 1954 – 1958 гг.

Задачи данной работы заключаются в изучении мотивов и конкретных мер, предпринимаемых уполномоченными Совета по изучению состояния Русской Православной Церкви, деятельности духовенства и установлению идейно-политического и финансового контроля над процессами воздействия Церкви на общественное сознание граждан Советской Белоруссии.

В российской историографии по вопросу функционирования Совета по делам Русской Православной Церкви при СНК (СМ) СССР создан ряд крупных исторических исследований, издано много научных статей таких авторов, как Т.А. Чумаченко, Д.Х. Шин, А.Б. Онищенко, Ю.В. Гераськин и др. [1–5]. Однако в белорусской историографии крупных работ в области истории функционирования Совета по делам Русской Православной Церкви при СНК (СМ) БССР до сих пор не появилось. На сегодняшний день опубликовано несколько статей по данной тематике Ю.В. Нихамкиной, А.Г. Василицина, У.К. Кулаженко, С.В. Мандрика [6–9]. Основные архивные материалы по теме исследования выявлены автором в Национальном архиве Республики Беларусь (Ф. 951). В состав названного фонда вошли документы, отражающие деятельность уполномоченных по делам Русской Православной Церкви за период функционирования Совета в БССР в 1944 – 1965 гг. Кроме документов уполномоченного Совета по делам Русской Православной Церкви при СНК (СМ) СССР по БССР (отчетов, докладов, переписки) в статье использованы находящиеся в фонде материалы уполномоченных Совета при облисполкомах (отчеты, доклады, информации, докладные записки, статистические сведения).

Основная часть. «В первые годы после смерти И.В. Сталина его преемники, занятые борьбой за власть, еще не имели возможности в полной мере заняться церковными делами. Это время стало периодом затишья в жизни Русской Церкви, когда благоприятные тенденции «нового курса» еще имели силу, а отрицательные факторы, заявившие о себе в 1948-1949 гг., все более слабели: снова стали открываться церкви, на свободу выходили ранее арестованные священнослужители, руководство советского государства снова, как и в самом начале «нового курса», шло на контакты со священноначалием Русской Церкви» [10, с. 459]. С декабря 1954 г. по февраль 1955 г. Совет по делам Русской православной церкви провел цикл кустовых совещаний уполномоченных в Москве, Ленинграде, Минске и Киеве. «Целью совещаний являлось предостережение уполномоченных от ошибок в работе, разъяснение постановления ЦК КПСС от 10 ноября 1954 г. и определение практических задач, вытекающих из этого постановления. На совещаниях подчеркивалось, что вся практическая работа Совета и его уполномоченных должна быть подчинена одной из главных задач – удержать Церковь на тех лояльных позициях по отношению к государству, на которые она постепенно переходила и окончательно встала во время Великой Отечественной войны, и в то же время сдерживать рост религиозного влияния Церкви» [10, с. 436]. Функциональные обязанности Совета, в которые входила работа с духовенством, можно проследить в отчетах уполномоченных за 1957 г., в которых рассматривается деятельность органа и положение православной церкви в БССР с 1954 по 1957 гг.

25 марта 1957 г. республиканский уполномоченный Г.И. Семенов отправил председателю Совета по делам РПЦ Г.Г. Карпову справку о работе с духовенством по республике. В ней Г.И. Семенов информировал

Совет о содержании, основных направлениях и методах служебной деятельности областных уполномоченных в Советской Белоруссии. По мнению республиканского уполномоченного, областные уполномоченные стали более глубоко изучать духовенство, устанавливая правильные взаимоотношения с ним, приближать к себе наиболее лояльных служителей культа с тем, чтобы через них оказывать необходимое влияние на всю деятельность Церкви и, прежде всего, для поддержания и усиления ее политической лояльности в отношении Советского государства. Республиканский уполномоченный считал, что уполномоченные в областях стали глубже понимать и анализировать свою работу с духовенством и поставленные перед ними служебные задачи. Так, например, уполномоченный Совета по Брестской области А.Е. Авласенко, делаясь опытом работы с духовенством, отмечал в ней три этапа. Вначале предварительное официальное знакомство, далее – установление личного контакта с выездом на место по изучению церковной обстановки, ознакомление с личной жизнью и бытом священнослужителей. После этого делался вывод, с кем следовало поддерживать дальнейший контакт по более широкому кругу вопросов. А.Е. Авласенко поддерживал систематическое общение с 8 благочинными из 17 и около 30 священниками.

Очевидно, что, устанавливая контакты со священниками, уполномоченные Совета выполняли постановления ЦК КПСС от 10 ноября 1954 г. по удержанию Церкви на лояльных позициях по отношению к государству, выявляя их при непосредственном общении со священнослужителями.

Уполномоченный Совета по Гомельской области В.Т. Лобанов также делился своим опытом. По его мнению, в работе с духовенством прежде всего нужно было изучить социальное прошлое, политические взгляды и практическую религиозную деятельность каждого священника, выработать особый и индивидуальный подход к духовенству, уметь расположить его к себе путем правильного отношения и проявления внимания к ним в рамках службы, при строгом соблюдении партийной бдительности. В процессе наблюдения за деятельностью духовенства, и особенно за прибывшими из западных областей БССР, гомельским уполномоченным было установлено, что эта группа священников по-прежнему вела замкнутый образ жизни, но активно проводила церковную деятельность.

С целью оказания практической помощи уполномоченным в работе с духовенством на протяжении 1955 – 1956 гг. Г.И. Семеновым осуществлялись многократные поездки по областям. Некоторые уполномоченные вызывались в Минск для получения особых инструкций по работе с духовенством. По мнению Г.И. Семенова, не все уполномоченные добились положительных результатов в данном направлении, для чего требовалась большая помощь Совета. Работа Г. И. Семенова (уполномоченного Совета по БССР) с духовенством ограничивалась, главным образом, взаимодействием с митрополитом Питиримом (Свиридовым), его секретарем, протоиереем Виталием Богаткевичем, а также ректором семинарии – архимандритом Антонием (Мельниковым), которые давали ему необходимый материал о положении и деятельности Церкви по Белорусской епархии, о чем он сообщал в своих отчетно-информационных докладах [11, с. 25].

7 августа 1957 г. из Совета по делам Русской Православной Церкви при СМ СССР пришло письмо республиканскому уполномоченному с замечаниями, разъяснениями и предложениями, изложенными в указаниях уполномоченным Совета по областям БССР по их отчетно-информационным докладам за первое полугодие 1957 г. Совет беспокоила описанная в докладах ситуация усиления в Республике деятельности церковников. По мнению уполномоченных, в связи с этим явлением заметно увеличилось посещение церквей верующими, в особенности в городах, вследствие чего увеличилась доходность церквей. Некоторые областные уполномоченные пытались объяснить сложившуюся ситуацию, например, тем, что в текущем году Пасха в Православной церкви совпала с Пасхой других инославных церквей, или хорошей погодой в отдельные церковные праздники. По мнению Совета, изучение финансовой базы и хозяйственной деятельности Церкви также требовало серьезного подхода. Только путем тщательного изучения цифр по отдельным статьям церковного дохода, сопоставления их с доходами ряда прошлых лет, ознакомления с расходными статьями, а также изучения иных материалов, характеризующих деятельность группы церквей в разных районах, в разное время года и т.д. можно было прийти к правильному выводу о причинах роста числа верующих и соответственно доходов Церкви. Совет указывал уполномоченным республики на то, что, «делая вывод об увеличении числа верующих, нужно было дать Совету предложения о мероприятиях, которые следовало бы провести в связи с таким нежелательным для нас явлением» [2, с. 121].

26 августа 1957 г. из Совета по делам Русской православной церкви при СМ СССР пришло очередное письмо республиканскому уполномоченному Г.И. Семенову, которое содержало критику его отчетно-информационного доклада за первое полугодие 1957 г. В отчете республиканского уполномоченного сообщалось о росте церковных доходов в некоторых приходах и увеличении посещаемости церквей верующими в городах Гомеле и Мозыре, сведения о том, что за последние три года увеличилось влияние Русской Православной Церкви на верующее население и проводилась работа духовенством среди детей. Совет указывал недобровольство тем, что, докладывая об активизации Церкви, уполномоченный не показывал, как именно представители Церкви этого добивались. Придавая важное значение изучению причин, способствующих активизации Церкви, а в ряде мест, наоборот, упадку приходов, Совет в порядке особого задания поручил Г.И. Семенову выслать специальную записку по этому вопросу.

Кроме использования имеющихся у республиканского уполномоченного материалов, ему следовало изучить 2-3 городских и несколько сельских церквей, показав их деятельность за последние годы, и,

в нужных случаях, поговорить об этом с духовенством и служащими этих церквей, указав при этом причины тех или иных изменений, произошедших в деятельности Церкви. Также предписывалось обратить особое внимание на деятельность духовенства, особенно молодого, как в самой Церкви (организация хоров, создание благолепия, проповедничество и т.п.), так и вне ее: обход верующих по домам и беседы с ними, подбор активистов церкви, сбор средств на ремонт и т.д. В случае неправильных административных действий местных органов, нужно было указать на то, как они повлияли на деятельность Церкви. Нужно было показать на отдельных примерах, насколько хорошо организованная научно-просветительская пропаганда ослабляла влияние Церкви на население, и наоборот, недостаточность этой работы давала возможность церковникам активизироваться [11, с. 124].

11 декабря 1957 г. республиканским уполномоченным в Совет по делам Русской православной церкви была направлена докладная записка «о выполнении письма Совета № 500/с от 26 августа 1957 года», в которой он подробно описал деятельность Церкви и уполномоченных за 1957 г. В докладной записке Г.И. Семенов сообщал о том, что, выполняя указания Совета, которые были изложены в письме от 26 августа, им были изучены несколько городских и сельских церквей, их финансовая база и хозяйственная деятельность. Кроме анализа имеющихся материалов, он выезжал в города Гомель, Барановичи, в Узденский и Логойский районы Минской области, где беседовал с местными партийными и советскими работниками, а также с духовенством, церковнослужителями и отдельными верующими.

В результате проделанной работы было установлено, что за 1955 – 1957 гг. в отдельных приходах несколько увеличилась посещаемость церквей, особенно в пасхальные, храмовые и другие большие религиозные праздники (Рождество, Крещение, Троица и т.п.). В большей мере это наблюдалось в церквях, расположенных в городах и райцентрах. Отсюда имело место увеличение доходности церквей. Увеличение доходности церквей подтвердилось и данными Минского епархиального управления. Так, церковный доход по всем церквям республики составлял в 1954 г. 10 020 тыс. рублей, в 1955 г. – 10 706 тыс. рублей, в 1956 г. – 11 654 тыс. рублей. В детальном рассмотрении областей церковный доход за 1955 – 1956 гг. характеризовался следующими данными [11]:

Области	1955 г.	1956 г.
Брестская	2479 тыс. руб.	2557 тыс. руб.
Минская	1482 тыс. руб.	1904 тыс. руб.
Могилевская	1593 тыс. руб.	1735 тыс. руб.
Гомельская	1482 тыс. руб.	1568 тыс. руб.
Гродненская	1430 тыс. руб.	1490 тыс. руб.
Молодечненская	1167 тыс. руб.	1238 тыс. руб.
Витебская	1059 тыс. руб.	1136 тыс. руб.

Представленные данные указывают на то, что рост церковных доходов имел место во всех областях республики. При этом основным источником церковных доходов служила продажа свечей. По имеющимся данным, около 70% всех доходов Церковь получала от реализации свечей и около 15% – от тарелочно-кружечного сбора.

Рост церковного дохода духовенство, как правило, объясняло улучшением материального положения верующих. Такое объяснение дали настоятель Гомельского собора, протоиерей Кротт, настоятель Барановичского собора, протоиерей Бураков и другие. Это положение подтвердил и митрополит Питирим (Свиридов), который сказал, что, по свидетельству благочинных, в епархии повсеместно наблюдалось более усердное отношение верующих к храму. В беседе с Г.И. Семеновым протоиерей Бураков заявил, что денежный доход собора за последнее время возрос; если в 1955 г. доход составлял 81 тыс. рублей, то в 1956 г. – 92 тыс., а в 1957 г. доход предполагался не менее 100 тыс. руб. (за 9,5 месяцев 1957 года доход составил 87 тыс. руб.). По свидетельству протоиерея, собор посещали одни и те же верующие, а рост денежных доходов он объяснял увеличением продажи свечей.

Доходы Минского собора за последние годы также возросли. Так, в 1955 г. доход собора составлял 300 тыс. руб., в 1956 г. – 358 тыс. руб., а за 10 месяцев 1957 г. – 341 тыс. руб. По заявлению настоятеля, в 1957 г. доход предполагался в размере не менее 400 тыс. руб. Причем доход от продажи свечей рос в следующих цифрах: 1955 г. – 195 тыс. руб., в 1956 г. – 226 тыс. руб., а за 10 месяцев 1957 г. – 243 тыс. руб. Соответственно рос и доход от тарелочно-кружечного сбора, в 1955 г. – 22 тыс. руб., 1956 г. – 32 тыс. руб. и за 10 месяцев 1957 г. – 43 тыс. руб. В то же время доход Минского собора от исправления треб уменьшался. Так, в 1955 г. этот доход составлял 32 тыс. руб., в 1956 г. – 28 тыс. руб., а за 10 месяцев 1957 г. – 26 тыс. руб. Если иметь в виду, что духовенство собора получало зарплату, то из этих цифр можно было усмотреть (это подтверждалось и личной беседой с духовенством собора), что количество верующих, посещающих собор не увеличивалось. Скорее рост свечного и тарелочно-кружечного дохода шел, главным образом, за счет улучшения материального положения верующих. Характерным было и то, что расходование средств в Минском соборе шло, главным образом, на создание благолепия и оплату служащих и хористов. Служащим и хористам было уплачено в 1955 г. 91 тыс. руб., а в 1956 г. – 131 тыс. руб. Кроме этого, им же было выдано пособий и наградных денежных средств в 1955 г. 43 тыс. руб., а в 1956 г. – 87 тыс. руб. (цифры округлялись).

Из приведенных выше примеров уполномоченным делался вывод, что увеличение денежных доходов можно было объяснить улучшением материального благосостояния всего советского народа, в том числе и верующих людей, которые в 1957 г. стали иметь больше возможностей жертвовать денежные средства. Но на это влияли и другие факторы. Увеличение денежных средств в церковной кассе давало возможность РПЦ использовать их на ремонт храмов, производить роспись и внутреннее убранство, содержать многочисленные хоры певчих, создавая, таким образом, благолепие в храмах, что, в свою очередь, привлекало внимание прихожан и влияло на частоту посещения церковью верующими.

Так, Минским епархиальным управлением на ремонтно-строительные работы в 1954 – 1956 гг. было израсходовано около 5 млн руб. Только в 1955 – 1956 гг. было выдано беднейшим церквям на производство ремонта ссуд в размере 271 196 руб. и субсидий на 155 020 руб. Минское епархиальное управление оказывало систематическую помощь духовенству и приходам с низкими доходами, искусственно поддерживая их, без чего эти приходы прекратили бы свое существование. Помощь такого рода в 1955 г. составляла 263 696 руб., в 1956 г. – 282.062 рубль. Кроме этого, в 1955 г. было выдано пенсий штатному духовенству 680 937 руб. и в 1956 г. – 756 тыс. 745 руб. Таким образом, по мнению республиканского уполномоченного, для укрепления своих позиций в обществе РПЦ безусловно была заинтересована в увеличении своей материальной базы. Так как поступление денежных средств всецело зависело от количества верующих, посещающих церкви, то духовенство прилагало все усилия к тому, чтобы увеличить количество своих приверженцев, или хотя бы удержать их отход от Церкви. По мнению республиканского уполномоченного, «духовенство заинтересовано и в личной наживе, так как, чем больше церковный доход, тем больше денег перепадает священникам и другим служителям церкви. Исходя из этого, духовенство вынуждено всю силу своего воздействия на верующих постоянно совершенствовать и применять новые формы и методы работы, иначе говоря, активизировать свою деятельность. Особенно в этом отношении проявляло себя молодое духовенство, окончившее духовные учебные заведения в наше время» [11, л. 128].

Г.И. Семенов отмечал, что за последние три года духовенство активизировало верующих к подаче заявлений об открытии церковью. Если в 1955 г. таких заявлений по республике поступило 26, то в 1956 г. – 44. Но уже в 1957 г. подача заявлений пошла на спад, до 1 декабря всего было подано 21 заявление об открытии церковью. По сведениям республиканского уполномоченного, несмотря на принятие ряда мер со стороны духовенства по активизации религиозной деятельности, не везде им удавалось добиться желаемых результатов. В республике имелось значительное количество церквей и молитвенных домов, которые слабо посещались верующими и их доходность была низкой. Епархиальное управление старалось оживить деятельность этих приходов путем выделения денежных ссуд на ремонт храмов и выдачи дотаций к заработкам священников, снижением или полным освобождением этих приходов от епархиальных взносов, а также тем, что периодически посылало в эти церкви для служения более энергичных священников. Так, в Витебской области имелось 8 церквей, где церковный доход составлял от 3 до 10 тыс. руб. в год, и посещаемость церкви была низкой, а в Старо-Лядненском и Островенском приходах в отдельные воскресные дни в церкви бывало ни более пяти-шести человек.

Все эти слабые приходы относились к сельским и резко отличались от городских. Причины слабой активности приходов были достаточно разнообразны. Часть молитвенных зданий была расположена в малоприспособленных крестьянских домах. Населенные пункты, где находились церкви, были небольшими, некоторые из них были по традиции мало религиозными. Священники в них служили чаще всего престарелые, малограмотные и часто менялись. Поскольку в таких церквях был маленький доход, то ремонт здесь не проводился и благолепие не создавалось. Все это и приводило к упадку приходов, которым епархиальное управление оказывало помощь и тем самым удерживало их от неминуемой ликвидации. Кроме этого в республике имелось 259 приписных церквей, где не было постоянных священников, что составляло более четверти всех церквей.

Уполномоченный отмечал такой факт, что, несмотря на некоторую активизацию церковников, общие показатели в республике, которые характеризовали положение Церкви в обществе, не только не росли, а имели тенденцию к сокращению. Так, духовенства в республике числилось на 1/1-53 г. – 783 человек, а на 1/12-57 г. – 757 человек. Количество церквей в республике на 1/1-1954 г. – 967, на 1/12-1957 г. – 967. Жалоб со стороны верующих на незаконные действия со стороны местных властей и заявлений об открытии церковью поступило: на 1/1-1955 г. 26, на 1/1-1956 г. – 44, на 1/12-1957 г. – 21. По мнению Г.И. Семенова, в преодолении религиозных пережитков и ослаблении деятельности духовенства важную роль играла постановка антирелигиозной научно-атеистической пропаганды: где эта работа была ослаблена, там усиливали религиозную деятельность церковники. По его словам, ЦК КП Белоруссии предпринял ряд мер по усилению антирелигиозной научно-атеистической пропаганды. В 1957 г. на бюро ЦК были заслушаны доклады секретарей Могилевского и Брестского обкомов партии о состоянии научно-атеистической пропаганды. Бюро ЦК отметило, что в этих областях была слабо поставлена научно-атеистическая пропаганда, мало читалось лекций на эту тему и качество лекций было низким. Бюро ЦК КП обязало парторганизации этих областей шире развернуть работу по научно-атеистической пропаганде среди населения.

В начале декабря 1957 г. состоялся пленум ЦК КП Белоруссии, на котором присутствовали первые секретари горкомов и райкомов партии. Пленум обсудил вопрос «Об улучшении воспитательной работы

среди молодежи». С докладом по этому вопросу выступил второй секретарь ЦК КПБ Т.Я. Киселев, который в своем докладе указал на недостатки в идеологической работе, в том числе и в научно-атеистической пропаганде. Г.И. Семеновым для доклада была составлена справка «о состоянии и деятельности православной церкви в республике». По сведениям республиканского уполномоченного, в октябре 1957 г. в Минске были проведены двухнедельные республиканские курсы лекторов-атеистов, созданные отделом пропаганды и агитации ЦК КП Белоруссии совместно с правлением Республиканского общества по распространению политических и научных знаний. На этих курсах республиканский уполномоченный ознакомил лекторов с положением и деятельностью Русской Православной Церкви в республике. В соответствии с решением ЦК КП Белоруссии двухнедельные курсы по подготовке лекторов-атеистов были проведены в Гродненской, Молодечненской, Витебской, Могилевской, Гомельской и Брестской областях. При всех горкомах КП(б) начали работу шестимесячные курсы по подготовке лекторов-атеистов. На историческом факультете БГУ им. Ленина и всех факультетах педагогических институтов республики в 1957–1958 учебном году был введен 40-часовой специальный курс научного атеизма.

Г.И. Семенов отмечал, что за последние годы в республике увеличилось количество духовенства более молодого возраста, что очевидно было связано с функционированием в БССР Минской духовной семинарии. Так, на 1 декабря 1957 г. из общего количества духовенства, которое составляло 757 человек, до 40 лет имелось 146 человек или около 20% всего духовенства, из них 63 священника, окончившие Минскую духовную семинарию. Общее количество учащихся семинарии выросло. Так, в 1954–1955 учебном году в семинарии обучалось 77 человек, в 1955–1956 учебном году – 130 человек, в 1956–1957 – 143, в 1957–1958 учебном году – 160 человек. В 1957 г. в Минскую духовную семинарию было подано 71 заявление: от 18 до 20 лет – 41 человек, от 21 до 30 лет – 21 и от 31 до 40 лет – 9 человек. Увеличилось количество лиц, поступающих в семинарию с общим средним образованием. Так, в 1955–1956 учебном году таких лиц поступило в семинарию 10, в 1956–1957 учебном году – 16, а в 1957–1958 учебном году – 18 человек. В 1957 г. в 4-м классе обучалось 34 человека. Выпуск 1957 г. планировался быть самым большим за период деятельности семинарии. По мнению Г.И. Семенова, напряженная международная обстановка, разговоры о войне также использовались духовенством для усиления своей религиозной деятельности. Патриотическая деятельность Церкви, выступления священников с проповедями в защиту мира рассматривались как положительные факты, но, с другой стороны, это укрепляло авторитет духовенства в глазах верующих [11, л. 128].

Анализируя факты активизации деятельности Церкви, Совет по делам Русской Православной Церкви приходил к собственным выводам о причинах данного явления. Наиболее значимыми факторами активизации, по мнению Совета, являлись непродуманные административные меры по отношению к Церкви, допускаемые на местах. «Многочисленный отказ в удовлетворении ходатайств верующих, изъятие и переоборудование церковных зданий, грубое администрирование в отношении верующих провоцировали их на активные и организованные действия, и власть получала «недовольство населения» и обратный желаемому результат. Отсутствие внимания со стороны местных властей к церковно-религиозной сфере при деятельном архиерее и духовенстве также приводило к росту религиозности населения» [1, л. 334]. По мнению М.В. Шкаровского, этап 1953–1957 гг. в государственно-церковных отношениях был довольно противоречивым. Были предприняты попытки ужесточения курса религиозной политики в Советском Союзе, но в основном преобладала ситуация, благоприятная для расширения церковной деятельности [12, с. 359].

Заключение. Из переписки областных и республиканского уполномоченных Совета по делам Русской Православной Церкви при СМ БССР видно, что свою основную задачу в рассматриваемый период они видели в сохранении отношений Русской Православной Церкви и государства, предписанных законодательством Советского Союза. Однако при этом сохранялся идейно-политический и финансовый контроль над церковной жизнью, который выражался в стремлении Совета не допустить активизации деятельности Церкви, увеличения её доходности, повышения посещаемости и укрепления авторитета духовенства в глазах верующих. Также Совет по делам Русской Православной Церкви при СМ БССР стремился ослабить активность православного духовенства путем активизации антирелигиозной научно-атеистической пропаганды, за проведением которой следили уполномоченные.

В результате проделанной уполномоченными аналитической работы было установлено, что в данный период в отдельных приходах Советской Белоруссии посещаемость церковей увеличилась, это в большей степени касалось храмов, расположенных в городах и районных центрах. Также увеличивались церковные доходы во всех областях республики, количество духовенства более молодого возраста, а также учащихся в Минской духовной семинарии. Однако, несмотря на это, общее состояние дел в Русской Православной Церкви на территории БССР осталось без изменений, причиной чему служили низкий уровень подготовки и частая смена священников в сельской местности, недостаток финансирования для более масштабного строительства церковей, сокращение прошений верующих о возведении храмов и результаты введения курса научного атеизма в учебные заведения страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чумаченко, Т.А. Совет по делам Русской православной церкви при СНК (СМ) СССР, 1943–1965 гг. : дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 / Т.А. Чумаченко. – М., 2011. – 535 л.

2. Чумаченко, Т.А. Государство, православная церковь, верующие, 1941–1961 гг. / Т.А. Чумаченко. – М. : Ассоц. исслед. рос. о-ва XX в., 1999. – 241 с.
3. Шин, Д.Х. Деятельность совета по делам русской Православной Церкви при Совете Министров СССР в первое десятилетие его существования, 1943–1953 гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Д.Х. Шин. – М., 2002. – 241 л.
4. Онищенко, А.Б. Совет по делам Русской Православной Церкви при СНК (СМ) СССР. Первые годы существования [Электронный ресурс] / А. Б. Онищенко. – Режим доступа: <http://www.bogoslov.ru/text/1415465.thml>. – Дата доступа: 07.02. 2018.
5. Гераськин, Ю.В. Возникновение и становление института уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР / Ю.В. Гераськин // Известия Алтайского государственного университета. Сер. История Политология. – 2008. - № 4/4. – С. 45–51.
6. Нихамкина, Н.В. Институт уполномоченных Совета по делам Русской Православной Церкви при СНК СССР по Белорусской ССР / Н.В. Нихамкина // Беларускі археаграфічны штогоднік / Дэпартамент па арх. і справаводства М-ва юстыцыі Рэсп. Беларусь, Археагр. каміс., Беларус. навук.-даслед. ін-т дакументазнаўства і арх. справы. – Мінск, 2004. – Вып. 5. – С. 213–217.
7. Василицин, А.Г. Становление и деятельность института уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви при СНК СССР в Белорусской ССР в 1944–1948 гг. / А.Г. Василицин // Известия Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины. – 2014. - № 4(85). – С. 17–21.
8. Кулажанка, У.К. Документы ўпаўнаважаных Савета па справах Рускай праваслаўнай царквы пры Савеце Міністраў СССР як крыніца па гісторыі Праваслаўнай царквы ў Беларусі, 1944–1965 гг. / У.Г. Кулажанка // Беларускі археаграфічны штогоднік / Дэпартамент па арх. і справаводства М-ва юстыцыі Рэсп. Беларусь, Археагр. каміс., Беларус. навук.-даслед. ін-т дакументазнаўства і арх. справы. – Мінск, 2009. – Вып. 10. – С. 31–44.
9. Мандрик, С.В. Характеристика деятельности государственных органов БССР по осуществлению политики в отношении русской православной церкви (1944–1957 гг.) / С.В. Мандрик, А.О. Горанский // Христианство в Беларуси: история и современность : сб. науч. ст. / НАН Беларуси, Ин-т истории ; редкол.: А.А. Коваленя (пред.) [и др.]. – Минск, 2014. – С. 196–202.
10. Русская Православная Церковь XX век / А.Л. Беглов [и др.] ; под общ. ред. Т. Шевкунова. – М. : Сретенский монастырь, 2008. – 792 с.
11. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 951. Оп. 4. Д. 8.
12. Шкаровский, М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах) / М.В. Шкаровский. – М. : Крутицкое Патриаршее Подворье Общество любителей церковной истории, 2000. – 423 с.

Поступила 10.11.2020

**ACTIVITY OF THE COUNCIL ON THE AFFAIRS OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH
UNDER THE CM BSSR ON IDEAS-POLITICAL AND FINANCIAL CONTROL
OVER CHURCH LIFE (FROM REPORTS AUTHORIZED 1954 – 1958)**

T. SPIRIDONOVA

Discusses the activities of the authorized representatives of the Council for the Russian Orthodox Church under the Council of Ministers of the BSSR on ideological, political and financial control over church life in (1954–1958). Considerable attention is paid to the issue of identifying specific tasks to be solved by the Council in these areas of its activity. The state of the Orthodox Church in Soviet Belarus in the initial period of the party leadership of N. S. Khrushchev is analyzed and previously unknown facts of the activities of the authorized representatives of the Council in the BSSR are revealed. As the result of studying this period of the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church existence in the BSSR, it can be concluded that the directions of its activities depended on the attitude of the State towards the Orthodox Church and on the decisions issued by the Council of Ministers of the USSR and the BSSR, since the Council was a controlled authority that monitored the implementation of state laws in relation to the Church.

Keywords: *The Council on the affairs of the Russian Orthodox Church; commissioner on the Affairs of the Russian Orthodox Church at the CM of the BSSR.*

УДК 39(476-22)(091)

**ЗБІРАЛЬНІЦТВА Ў СІСТЭМЕ ЖЫЦЦЕЗАБЕСПЯЧЭННЯ
ПАСЛЯВАЕННАЙ БЕЛАРУСКАЙ ВЁСКІ¹***канд. гіст. навук, дац. А.В. СУМКО**(Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт)*

Аналізуецца роля і месца збіральніцтва ў сістэме жыццезабеспячэння наваеннай беларускай вёскі ва ўмовах аднаўленчых працэсаў. У якасці крыніц выступілі матэрыялы вуснай гісторыі. У навуковы зварот ўпершыню ўведзены этнаграфічныя крыніцы, зафіксаваныя падчас палявых даследаванняў 2000-х гг. на тэрыторыі Беларускага Падзвіння.

Ключавыя словы: пасляваеннае аднаўленне, вёска, сістэма жыццезабеспячэння, промыслы, збіральніцтва, Беларускае Падзвінне.

Уводзіны. Збіральніцтва з'яўляецца дапаможным заняткам да земляробства як асноўнай крыніцы здабывання сродкаў існавання ў сельскай мясцовасці. Аднак яго нельга разглядаць як маргінальны промысел, які дазваляў атрымліваць нязначны аб'ём дадатковага харчавання, бо “дары прыроды” забяспечвалі людзей неабходнай для жыцця сыравінай, кармамі для скаціны, лекавымі сродкамі [1, с. 38]. Дармовыя прыродныя рэсурсы рабілі ежу больш разнастайнай і ўзбагачалі рацыён вяскоўца вітамінамі і мікраэлементамі. Каласальную ролю не проста ў сістэме жыццезабеспячэння, але ў сферы фізічнага выжывання людзей, збіральніцтва пачынала адыгрываць у “галодных гады” – падчас ваенных канфліктаў ці стыхійных бедстваў (засухі, няўрадлівых гадоў), бо менавіта яно давала неабходны мінімум, які дазваляў чалавеку не памерці з голаду. Вельмі яркая гэта праявілася ў першыя гады пасля вызвалення Беларусі ад нацыстаў, калі ў спустошаных раёнах сельская гаспадарка знаходзілася ў стане поўнага заняпаду і разбурэння. Людзі былі вымушаны змагацца за выжыванне, максімальна выкарыстоўваючы ўсе наяўныя рэсурсы. Разам з тым, роля і месца збіральніцтва ў сістэме жыццезабеспячэння беларускай вёскі ў перыяд пасляваеннага аднаўлення недастаткова асвятлялася ў айчыннай гістарыяграфіі. Праблема выкарыстання прыродных рэсурсаў у паўсядзённым жыцці разглядалася пераважна ў кантэксце асвятлення традыцыйнай матэрыяльнай беларускай культуры [2], традыцый харчавання [3; 4], традыцыйных уяўленняў беларусаў аб раслінным свеце [5; 6] і інш. Збіральніцтву, як аднаму са спрадвечных спосабаў здабывання расліннай і жывёльнай ежы, прысвечаны раздзел у шматтомным гісторыка-этнаграфічным даследаванні пад агульнай назвай “Беларусы” [1], дзе ў гістарычнай рэтраспекцыі, пераважна на падставе матэрыялаў XIX і XX ст., разглядаецца дынаміка развіцця промыслаў, прыводзіцца спектр раслін і сыравіны, перыяды іх збору, а таксама падкрэсліваецца роля этнічнага вопыту, які перыядычна актуалізуецца ў неспрыяльных эканамічных перыяды. Рэчаіснасць пасля вызвалення ад нацыстаў амаль не закраналася ў даследаваннях, аўтары з большага адзначалі, што ў першае пасляваеннае дзесяцігоддзе ў сувязі з недахопам прадуктаў харчавання і прамысловай прадукцыі назіралася ажыўленне промыслаў і раместваў, а ў сістэме харчавання менш ужывалі базавыя прадукты і часцей выкарыстоўвалі прыдатныя да яды часткі раслін.

У якасці геаграфіі даследавання выступае сучасная Віцебская вобласць, на тэрыторыі якой ў пасляваенныя гады суіснавалі два субрэгіёны з рознымі зыходнымі сацыяльна-эканамічнымі ўмовамі (ва ўсходніх раёнах – аднаўлення сельскай гаспадаркі і калгаснай сістэмы, у заходніх раёнах – паступовая ліквідацыя аднаасобных гаспадарак і пераход да прымусовай калектывізацыі, якая суправаджалася разбурэннем традыцыйнага сялянскага ладу жыцця) і неаднолькавай ступенню разбурэння. Такім чынам, Віцебшчына – унікальны рэгіён, які прадстаўляе дзве мадэлі сістэмы жыццезабеспячэння ў пасляваенны перыяд, якія могуць быць транспарэнтнымі для ўсёй Беларусі, як для Усходняй, так і для Заходняй. Вывучэнне праблемы выкарыстання прыродных рэсурсаў у пасляваенныя гады на прыкладзе пэўнага рэгіёну дае магчымасць дэталёва прааналізаваць з'яву, вызначыць ролю і месца збіральніцтва ў сістэме жыццезабеспячэння пасляваеннай вёскі. Паводле гісторыка-этнаграфічнага раёнавання, геаграфія даследавання адпавядае рэгіёну Беларускага Падзвіння.

У якасці крыніц выступілі матэрыялы вуснай гісторыі, зафіксаваныя падчас палявых экспедыцый Цэнтра вуснай гісторыі і палявых даследаванняў Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта ў 2000-х гг. на тэрыторыі Беларускага Падзвіння. Пераважная большасць рэспандэнтаў былі непаўналетнімі ў разглядаемы перыяд, але дзеці і падлеткі адыгрывалі вельмі значную ролю ў пасляваеннай сістэме жыццезабеспячэння, валодалі пэўнай сістэмай ведаў, якую засвойвалі ад дарослых.

¹ Артыкул падрыхтаваны ў рамках праекта БРФФД–РФФД “Субкультура дзетства в дискурсе устной истории, языке и фольклоре Витебско-Псковского пограничья XX – начала XXI века”, дамова № Г20Р-095/.

Асноўная частка. Разглядаемы рэгіён вельмі пацярпеў падчас вайны і нацысцкай акупацыі. З 36 найбольш пацярпелых раёнаў рэспублікі, 13 (больш 36% ад усіх) раёнаў адносіліся да сучаснай Віцебскай вобласці. Некаторыя населеныя пункты былі цалкам спустошаныя. Паказальнай можа быць сітуацыя ў вызваленым Расонскім раёне, дзе ў 10 з 16 сельскіх саветаў былі цалкам знішчаны грамадскія і жылыя забудовы, сельскагаспадарчы інвентар і дамашнія жывёлы, а з 38 000 даваенага насельніцтва засталася 17 508 чалавек, якія ва ўмовах ваенных дзеянняў 1944 г. пасяўныя работы не праводзілі [7, л. 13]. Частка насельніцтва Расонскага раёна амаль год хавалася ў лясах, а частка была эвакуіравана ў раёны Калінінградскай вобласці. Пасля вяртання на вызваленую тэрыторыю людзі апынуліся ў надзвычай экстрэмальных умовах: *“Уся дзярэўня згарэўшы. Вёсць Расонскі раён счытай згарэўшы. На пняк сталі, пастаялі, пакруціліся, нічога не было... бур’ян.”*². На спустошанай тэрыторыі вельмі востра стаяла праблема з прадуктамі харчавання. У надзвычай складаным становішчы апынуліся тыя, хто вяртаўся з нямецкага палону або эвакуацыі, бо яны не мелі ўласных харчовых запасаў, а разлічваць на ўраджай са свайго прысядзібнага ўчастка не даводзілася. Адноўленыя ў першы год пасля вызвалення калгасы знаходзіліся ў цяжкім стане, асабліва ў раёнах, найбольш пацярпелых ад нацыстаў, таму магчымасці эканамічнай дапамогі былі вельмі абмежаваныя. Напрыклад, у дакладной запісцы сакратару Полацкага абкама КП(б)Б ад 25 студзеня 1946 г. паведамлялася, што ў Асвейскім раёне пасля таго, як калгасы разлічыліся па ўсіх відах хлебапаставак з дзяржавай толькі ў пяці калгасах былі засыпаны насенныя фонды і выдзелена авансам калгаснікам ад 200 да 500 грам на працадзень (200 чалавек), у астатніх 69 калгасах (7 898 чалавек) насенныя фонды засталіся не запоўненымі і на працадні нічога не было размеркавана [8, л. 1]. Акрамя таго, сітуацыю з харчаваннем ускладнялі пасляваенныя неўраджаі, якія былі вынікам неспрыяльных умоў надвор’я ў 1945 і 1946 гадах. Напрыклад, у тым жа Асвейскім раёне ў 1945 г. на працягу двух тыдняў ішлі штодня праліўныя дажджы, якія прывялі да разлівання вадаёмаў і знішчылі фактычна ўвесь ураджай [8, л. 12]. Голад і звязанае з ім знясіленне станавіліся прычынай росту хваробаў і смертнасці ў рэгіёне: *“Ад голада людзі пухлі. Мы былі павысыхаўшы, толькі не ўміралі. У Ніны ручкі як нітачкі, а жыўот можа, што вадой пайлі, жыўот быў бальшы”* (Верхнядзвінскі р-н)³. У ежу ішло ўсё, што мог пераварыць чалавечы страўнік: *“Да, а як жа ш! Усё елі, тады, як ужо вясна ды лета, тады лягчэй, ужэ на поле сабіралі шчаўлюк, там усякую траву”* (Полацкі р-н)⁴. У такіх умовах збіральніцтва набывае вельмі значную ролю і становіцца адной з асноўных крыніц жыццезабеспячэння. Акрамя задавальвання базавых патрэб, дзікарослыя расліны выкарыстоўваліся ў розных сферах, у тым ліку для лячэння і нармалізацыі асноўных фізіялагічных функцый чалавека [6, с. 42].

Збіральніцтва дазваляла перажыць складаны вясновы перыяд і пратрымацца да новага ўраджаю. Пра гэта вельмі красамоўна ўзгадвалі рэспандэнты: *“Ну даждаліся лета. І гэта ўжо аджылі, паявіўся шчавель, паявіліся грыбы.. Тут ужо і агарод пасялі, восенню мы ўжо нармальна былі”* (Полацкі р-н)⁵; *“Як выжылі? – Лебяду, крапіву елі. У ягады хадзілі.”* (Міёрскі р-н)⁶.

Неабходна адзначыць, што збіральніцтва пасляваенага часу арганічна звязана з усёй сістэмай этнабатанічных ведаў, уласцівых беларускай традыцыйнай культуры, іншымі словамі пошук ядомых раслін адбываўся не хаатычна, а з улікам шматвекавага досведу ў галіне этнабатанікі. Гэта падцвярджаецца тым, што экстрэмальныя перыяды ў гісторыі беларускага этнаса ці яго асобных частак у папярэднія эпохі адбываліся перыядычна і былі звязаны не толькі са шматлікімі войнамі, але і частымі неўходамі. У пэўныя гады XIX ст. мука была толькі звязуючым кампанентам, а аснову хлеба складала трава (лебяду, шчавель, жалуды і інш.) [3, с. 174]. Як адзначаў В.С. Цітоў, суровы гістарычны вопыт навучыў беларусаў звяртацца ў цяжкі час да тых відаў флары, якія ў сістэме народных ведаў лічыліся патэнцыйна карыснымі, і ў экстрэмальных умовах уключаць іх у рацыён харчавання. У гады недароду і ліхалеццяў у хлеб, апроча мякіны, лушпіну і лебяду, дабаўлялі лісце ліпы, маладой папараці, балотнага бабоўніку, верасу, капытніку, вадзяных гарлачыкаў, кветкі канюшыны, дзятліны, бярозавую кару і інш. [2, с. 181]. Выкарыстанне этнічнага вопыту ў сферы экстрэмальнай гастранаміі было характэрна для ўсёй Беларусі і сустракаецца ў розных гістарычных перыядах: *“Ён (паляшук) умее павялічыць запасы хлеба, дадаючы да мукі лебяду – пустазелле, вядомае яму з даўніх часоў; радзей дадае вотруб’е, а калі выпадае галодны год, дык і белую гліну дамешвае, тую самую, што аздабляе і аднаўляе хату, а ў неўрадлівыя гады напаўняе ёю страўнік, сущішваючы пакуты ад голаду. Зрэшты яго падтрымлівае бульбачка, лясныя ягады, арэхі, грыбы... Палескія жанчыны ведаюць свой край і бяруць ад яго ўсё, што можна з’есці”* [9, с. 63].

У крытычныя перыяды менавіта дзікарослыя расліны з’яўляліся тым неабходным для жыццядзейнасці арганізма харчовым рэсурсам, які, ва ўмовах катастрофічнага недахопу базавых прадуктаў, дазваляў

²Фальклорны архіў Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта (ФА ПДУ) : Зап. у 2019 г. ад Кандрацэвай Надзеі Антонаўны, 1928 г.н., в. Янкавічы Расонскага р-на.

³ ФА ПДУ: Зап. у 2020 г. ад Аненскай Яўгеніі Васільеўны, 1933 г.н. (нар. у в. Буды), Асвея Верхнядзвінскага р-на.

⁴ ФА ПДУ: Зап. у 2018 г. ад Скачыхіна Васіля Міхайлавіча, 1936 г.н., в. Мураўі Полацкага р-на.

⁵ ФА ПДУ: Зап. у 2019 г. ад Лук’янавай Марыі Сцяпанаўны, 1936 г.н., в. Шпакоўшчына Полацкага р-на.

⁶ ФА ПДУ: Зап. у 2020 г. ад Шокель Ліліі Міхайлаўны, 1940 г.н., в. Дворнае Сяло Міёрскага р-на.

чалавеку не памерці з голаду. Прадукты збіральніцтва давалі неабходныя бялкі і вітаміны. Палявыя даследаванні амаль ва ўсіх раёнах Віцебшчыны фіксуюць, што самай распаўсюджанай раслінай, якую ўжывалі ў ежу быў палявы шчавель: “– (Дык, а што елі?) – *Шчавель!* – (А яшчэ што дабаўлялі?) – *Не было болі чаго*” (Расонскі р-н)⁷; “*Шчаўлю пераела столькі, сколькі не нада, вот так*” (Полацкі р-н)⁸; *Хадзілі, сабіралі, іскалі і шчавель, і траву, і крапіву, і ўсе, дзе ж толькі было. Ужо і шчавель той абарвалі і няма, дзе той шчавель знайду. Уся дярэўня ж... І травой гэтай і выжылі*” (Лепельскі р-н)⁹; “*Был очень страшный голод один сезон, пока новой картошки не дождались. Нас выручал шчавель. Всех выручал. Мы ходили дети, мама с бабушкой – все на работе, а мы ходили с мешками под Дрису и под Двину, в Лешково... мы мешками таскали шчавель, а мама варила и делала лепёшки. Из мешка получалось вот столько (показывает горсточку)*” (Верхнедвинский р-н)¹⁰. Шчаўе здаўна выкарыстоўвалася ў сістэме харчавання, аднак у паваненныя гады, па сведчаннях рэспандэнтаў, маштабы спажывання гэтай расліны значна ўзраслі і менавіта яна складала аснову сезоннага паўсядзённага рацыёну.

Разам са шчаўем часта ўзгадваецца крапіва, выкарыстанне якой у ежу было вельмі распаўсюджана ў веснавы перыяд: “*Ну крапіву варыць трэба было, ішчаўлю нада было дабавіць, каб кісавата троху было і ўсё, і шчавель, крапіву і елі, не было нічога тады*” (Полацкі р-н)¹¹; “– (А вот шчавель, крапіву?) – *А ну эта кагда нарасцёт зелень, тогда ўже мы жылі. Тогда шчавель с крапівай – гэта ўжо харошыя, харошыя ішчы читалісь. Вкусно, кісленькія*” (Глыбоцкі р-н)¹²; “*Лебяду, крапіву вясной, калі малоденькая*” (Міёрскі р-н)¹³. У галодныя гады крапіву выбіралі пад карань: “*Крапіву сабіралі, елі. Крапіўка малодзенькая, яна укусная. Калі я тут пайшла, гляджу – крапіва расцець, после вайны, кажу, ужо б абадралі, а цяпер зарастаець*” (Расонскі р-н)¹⁴. Успаміны рэспандэнтаў сведчаць пра тое, што крапіва ў якасці неабходнага кампанента паваненнай сістэмы харчавання ў веснавы перыяд была характэрна не толькі для вясковых жыхароў, але і гарадскога насельніцтва: “*Горад, тады мяшкі сабіралі, спрашывалі: “Дзе які кустарнік, дзе лучшэ крапіва расцёт?” Сабіралі, дзетачка, гэтую крапіву. – (З горада к вам крапіву сабіраць прыязжалі?) – К нам! Мы самі пачці галадалі і к нам кажды дзень па дзесяць чалавек прыхадзілі: “Што-небудзь дайце”. Каму бульбіну, каму дзве, каму лепёшку, каму бліночак, каму какай зацірачка даш паесці, людзі галодныя*”¹⁵.

Крапіва з даўніх часоў шырока прымянялася ў штодзённым жыцці беларускага селяніна і выкарыстоўваецца да сённяшняга часу. Гэтая расліна ёсць даступнай, расце паблізу дамоў і агароджаў, уздоўж рэк, у хмызняках. Лісце крапівы з’яўляецца своеасаблівым прыродным полівітамінным канцэнтратам, бо ўтрымлівае аскарбінавую кіслату (да 200 мг%), вітаміны К, В₂, карацін і караціноіды (да 50 мг%), протапарфірын і хларафіл (да 5%), гліказід уртыцын, эфірны алей, дубільныя і бялковыя рэчывы, мурашыную і пантатэнавую кіслоты, сітастэрын, віёлаксатін, камедзі, солі жалеза, кальцыю і калію, серу, воск [10, с. 219]. У перыяд адноснага дабрабыту ў ежу пераважна ўжывалі маладыя пабегі крапівы, успаміны пра экстрэмальныя часы сведчаць, што на гэтую акалічнасць не звярталі ўвагі, аднак крэспандэнты ўсведамлялі ўздзеянне карысных уласцівасцей расліны. “*Раньше делали салаты из крапивы. Послевоенное время – варили борщи, они очень полезные, много витаминов. Я показывал внучке, как есть сырую крапиву. Вот так скручиваешь листочки, съедаешь. Получается с одного-двух листочков – дневной рацион витаминов*” [5, с. 160]. Неабходна адзначыць, што выкарыстанне крапівы не абмяжоўвалася сістэмай харчавання, яна мела і экстраўтылітарнае значэнне, якое з гледзішча вяскоўца было не менш важным для стабільнага жыццязабеспячэння.

Безумоўна, функцыянальнасць і эфектыўнасць збіральніцтва ў сістэме жыццязабеспячэння найперш былі абумоўлены канкрэтнымі прыроднымі ўмовамі мікраарэгіёну. Ад спецыфікі ландшафту залежаў спектр збіральніцтва і маштаб выкарыстання прыродных рэсурсаў. Напрыклад, аер, які часта сустракаецца ва ўспамінах пра пасляваенную рэчаіснасць, вельмі актыўна выкарыстоўваўся ў прыазёрных вёсках ці населеных пунктах паблізу рэк ці забалочаных участкаў. Пры гэтым можна адзначыць вельмі шырокую функцыянальнасць дадзенай расліны ў сістэме жыццязабеспячэння беларускай вёскі. Аер выкарыстоўвалі, як у якасці харчовага сурагату, так і ў якасці атрыбута, неабходнага для выпечкі хлеба, калі расліна давала гатоваму хлебнаму бохану асаблівы водар і прысмак: “– (А аер ці елі?) – *Елі, суп варылі... Сабіраеш, перабіраеш, сякеш, кіпятком ашпарыш і тады, калі ёсць мука, прыкалоціш, а калі не, так*” (Расонскі р-н)¹⁶;

⁷ФА ПДУ: Зап. у 2019 г. ад Таратуткі Любові Ягораўны, 1927 г.н, в. Галоўчыцы Расонскага р-на.

⁸ФА ПДУ: Зап. у 2019 г. ад Гураўчанка Валянціны Грыгор’еўны, 1928 г.н. у в. Махірова Полацкага р-на.

⁹ФА ПДУ: Зап. у 2019 г. ад Кавалёўскай Надзеі Александрэўны, 1937 г.н., в. Мацюшына Лепельскага р-на.

¹⁰ФА ПДУ: Зап. у 2019 г. ад Скавародко Елены Усцінаўны, 1937 г.н., в. Смульткава Верхнедзвінскага р-на.

¹¹ФА ПДУ: Зап. у 2019 г. ад Гураўчанка Валянціны Грыгор’еўны, 1928 г.н. у в. Махірова Полацкага р-на.

¹²ФА ПДУ: Зап. у 2019 г. ад Мілеція Міхайлавіча Вяля, 1926 г.н., в. Ломашы Глыбоцкага р-на.

¹³ФА ПДУ: Зап. у 2020 г. ад Пашкоўскай Арыядны Уладзіміраўны, 1934 г.н., в. Целеўцы Міёрскага р-на.

¹⁴ФА ПДУ: Зап. у 2019 г. ад Высоцкай Таісіі Іванаўны, 1935 г.н. у в. Галоўчыцы Расонскага р-на.

¹⁵ФА ПДУ: Зап. у 2019 г. ад Якіменка Ліліі Якаўлеўны, 1931 г.н. (пад Віцебскам), г. Дзісна Міёрскага р-на.

¹⁶ФА ПДУ: Зап. у 2019 г. ад Высоцкай Таісіі Іванаўны, 1935 г.н. у в. Галоўчыцы Расонскага р-на.

“Бывала, когда хлеб пякли раньше, аір гэты падсявалі, тады хлеб дужа ўкусна пахніць. Раньшэ ж пякли хлеб усе. Ай, як ўкусна аір у хлебе!” (Віцебскі р-н)¹⁷. У ежу спажывалі карэнні аеру, якія былі багатымі на крахмал, мелі вялікую колькасць эфірнага алею (да 4,8%), у склад якога ўваходзіць пінен (1%), камфен (7%), каламен (10%), d-камфара (8,7%) і інш., а таксама горкі гліказід акарын, дубільныя рэчывы, аскарбінавая кіслата (да 150 мг) [10, с. 124]. Дзякуючы фармакалагічным уласцівасцям расліну выкарыстоўвалі як лекавы сродак, які дапамагаў пры розных хваробах, пераважна праблемах са страўнікам ці зубамі: “Ад жалудку памагаіць карань аіра, выкапаць яго, памыць добра і пасушыць” (Докшыцкі р-н)¹⁸; “Мне балеў неяк зуб, работала на ферме, а мне гавораць, ёсць аірава карэнне. У стакан кіпятку, аірава карэнне – і пастаіць сколькі, нацяніць. Тры-чатыры караішкі. Я ж гэта здзелаала, а вада – горкая-горкая. Вазьмі у рот вады. Ды пайшла я да фермы. Пахадзіла на ферме і горка стала ў роце, запякло кожу, мне зуб ужо і не балеў, пайшла да ўрача. Дык я яго умярцвіла, той зуб гэтым карэннем аіра” (Докшыцкі р-н)¹⁹. Ва ўспамінах пра першыя пасляваенныя гады аер часта фігуруе як надзейны сродак ў барацьбе з блохамі: “Ну, а тады пасля, ужо не знаю чым, і вошы гэтыя пайшлі, а блохі засталіся. А блохі аіру баяліся. Нехта ж падказываў. Мама калі пойдзець куды-небудзь, там на сабранне, а мы з братам бягом у стаўкі, аіру гэтага налупім і абкладаліся...” (Верхнядзвінскі р-н)²⁰; “Аір рвалі, кідалі на зямлі, даўней жа было клапоў, не клапоў, а блох, ад блох кідалі” (Ушацкі р-н)²¹. Аер выкарыстоўвалі ў штодзённым жыцці. Адвар з карэнняў ўжывалі для ўмацавання валасоў: “у ваду гарачую аір кідалі. Ён вабіць, і галаву, воласы дужа добра. Корнямі.” (Докшыцкі р-н)²². З расліны рабілі для дзетак лялькі: “З аіра дзелалі лялькі, косы запляталі. Рабяты як лучшыя не відзелі, так і гэты былі ігрушкі. Усё сваё было, грошай не было” (Верхнядзвінскі р-н)²³. Прысутнічаў аер і ў абрадавым жыцці паваеннай беларускай вёскі – ім традыцыйна ўпрыгожвалі хаты на Троицу.

Матэрыялы вуснай гісторыі пра пасляваенны час фіксуюць, што рээстр раслін, якія выкарыстоўваліся ў якасці харчовага дадатку значна павялічваецца за кошт тых зёлак і раслін, ці іх частак, якія ва ўмовах адноснага дабрабыту практычна не выкарыстоўваліся (кара дрэў, канюшына, шчавульнік, асака, лебядка, хвошч, шнітка, кісліца і інш.). Гэта падцвярджаецца дакументамі, якія захоўваюцца ў архівах. Напрыклад, журналіст цэнтральнай савецкай газеты “Праўда” паведамляў галоўнаму рэдактару сваё ўраджанне ад прыезду ў Беларусь вясной 1946 г.: “Я посетил также восточные районы БССР, в Освейском районе в колхозе “Красные стрелки” люди едят лебеду, березовую и сосновую кору, и это 2 года после освобождения!” [11, с. 102]. Шырокае бытаванне экстрэмальнай гастронаміі фіксуецца пераважна ва ўсходніх, найбольш пацярпелых ад вайны, раёнах рэгіёну. “Вярнуліся на папалішча. Пустая дзярэўня. Сабіралі ўсякую траву, пучкі, асобена вясной. Яны з вясны асобенна растуць такія гегялькі. І мы іх сабіралі і елі прама там, як і шчавель, сырым” (Верхнядзвінскі р-н)²⁴; “Ай траву, траву всякую елі. – (А якую?) – Ну гягелі елі. – (А это што за трава?) – Яны такія як струкі. Рвалі, малолі, мялі, пышкі пякли” (Расонскі р-н)²⁵; “Во, трава асака – скублі. А так, клевер сядзіць белы, а то красны, сушылі яго” (Докшыцкі р-н)²⁶; “Елі траву. Во якая расцець дыдка такая і семя чорнае, шчавульнік” (Полацкі р-н)²⁷. Неабходна адзначыць, што спажыванне шчавульніка (ці конскага шчаўля) ў пасляваеннай сістэме жыццезабеспячэння не абмяжоўвалася харчовай сферай, карань расліны выкарыстоўваўся ў якасці лекавага сродку: “(Так, а конскі шчавель, там што бралі вот эти зерні?) – Корань. І гэтак карань цёрлі, тады ў кіпятку гэтак, конскі, гэтак шчавель, і гэтым мыемся. І вот раз памыемся ў бане, два, тры і гэта ўжэ, частка гэта прападае” (Полацкі р-н)²⁸. Палявыя матэрыялы фіксуюць, што і ў заходніх раёнах уключэнне ў паўсядзённым пасляваенным рацыён раслінных прадуктаў-сурагатаў было таксама значна пашырана. “Шчавульнік, а там зёрнушкі, сморгалі, сушылі, перамалвалі” (Глыбоцкі р-н)²⁹; “Тады такая асочка была, яна неяк як гарошак, дробенькая, збіралі гэтую асочку, малолі і елі...” (Міёрскі р-н)³⁰.

Акрамя травы, якую спажывалі з вясны, распаўсюджаным харчовым рэсурсам былі разнастайныя ягады. “Як тока начынаюцца вот эта, мы тока гэтым і жылі. Лесам. Гэта ўжо былі вот так наеўшысь”

¹⁷ ФА ПДУ: Зап. у 2007 г. ад Ганчаровай Аляксандры Ігнатаўны, 1925 г.н., в. Аляксандраўка Віцебскага р-на.

¹⁸ ФА ПДУ: Зап. у 2011 г. ад Гапаненак Ганны Васільеўны, 1933 г.н. у в. Валодзькі Докшыцкага р-на.

¹⁹ ФА ПДУ: Зап. у 2011 г. ад Кіцько Ганны Сямёнаўны 1925 г.н. у в. Сабары Докшыцкага р-на.

²⁰ ФА ПДУ: Зап. у 2018 г. ад Гайбут Веры Кірылаўны, 1941 г.н., в. Жыгулі Верхнядзвінскага р-на.

²¹ ФА ПДУ: Зап. у 2006 г. ад Кулічонок Анны Антонаўны, 1928 г.н., в. Старына Ушацкага р-на.

²² ФА ПДУ: Зап. у 2009 г. ад Карніловіч Аляксандры Рыгораўны, 1936 г.н., в. Стараселле Докшыцкага р-на.

²³ ФА ПДУ: Зап. студ. ПДУ Захарэвіч Ала і Жолудзева Паліна ад Мядзель Марыі Васільеўны, 1927 г.н., нар. у в. Аляксеўцы і Казловай Ніны Іванаўны, 1941 г.н., нар. у в. Страшныя (Новы Строй) у в. Дзёрнавічы.

²⁴ ФА ПДУ: Зап. у 2020 г. ад Аненскай Яўгеніі Васільеўны, 1933 г.н. (нар. ў в. Буды), Асвея Верхнядзвінскага р-на.

²⁵ ФА ПДУ: Зап. у 2019 г. ад Шаўцовай Валянціны Іванаўны, 1929 г.н., в. Янкавічы Расонскага р-на.

²⁶ ФА ПДУ: Зап. у 2009 г. ад Пецько Галіны Сцяпанаўны, 1931 г.н., в. Рачныя Докшыцкага р-на.

²⁷ ФА ПДУ: Зап. у 2020 г. ад Чарневіч Зінаіды Матвееўны, 1939 г., в. Заазерье Полацкага р-на.

²⁸ ФА ПДУ: Зап. у 2019 г. ад Гураўчанка Валянціны Грыгор’еўны, 1928 г.н. у в. Махірова Полацкага р-на.

²⁹ ФА ПДУ: Зап. у 2020 г. ад Куц Аллы Янаўны, 1936 г.н. (нар. у в. Хралы Глыбоцкага р-на).

³⁰ ФА ПДУ: Зап. у 2020 г. ад Пашкоўскай Арыядны Уладзіміраўны, 1934 г.н., в. Целеўцы Міёрскага р-на.

(Полацкі р-н)³¹. Збіралі чарніцы, суніцы, маліны, брусніцы, журавіны. Большасць рэспандэнтаў адзначала, што ў павяенныя гады вельмі шмат было маліны: *“Маліну вось пасля вайны, можа што было пажжонае ўсё і пуставала, но маліны было проста наросшы мора.”*(Верхнядзвінскі р-н)³². Ягады выкарыстоўвалі ў ежу, асабліва чарніцы, якія паспявалі ў палове чэрвеня і іншы раз гэта быў асноўны прадукт харчавання: *“Як была дзеўкай як няма што есці дык тады, карова была, малака, ягада чарніка, наберыш і паясі, а тады ў малако насытеш і лыжкай гэтыя ягады чарнікі і з малаком”* (Браслаўскі р-н)³³. Ягады, якія патрабавалі цукру для кансервацыі, на зіму не нарыхтоўваліся, адразу спажываліся. *“Некалі было хадзіць. Калі толькі для сябе, да і то ж сахара не было. За невашта было купіць. Мы малыя бегалі, поўную даяначку наберым, прыняём і з малаком з’ядзем”*(Полацкі р-н)³⁴.

Ва ўспамінах пра павяенны час большасць рэспандэнтаў, пераважна з населеных пунктаў, якія былі ў адноснай даступнасці ад горада, ці буйных мястэчак, чыгуначных станцый, узгадвалі пра камерцыйны аспект збіральніцтва. Бо рэалізацыя ягад прыносіла невялікі, але стабільны даход, які даваў неабходныя сродкі для набыцця базавых прадуктаў харчавання і тавараў першай неабходнасці: *“Ягадзіну, бегалі, сабіралі – прадавалі. У Бешанковічы пняшком насілі”* (Бешанков р-н)³⁵; *“Саберыш ягад якіх-небудзь і нясеш на плячах, вот так напрамкі, цераз лес. Тады прададзім на базары, купім хлеб і камсы якой-небудзь. Хадзілі і дарослыя, нада ж была і капеечка, нада ж было хлеб купіць. Раненька да работы набягуць і саберуць, а потым у горад вырвуцца. А як жыць?!”* (Полацкі р-н)³⁶. Прыведзены прыклад, хутчэй выключэнне, бо большасць рэспандэнтаў сведчаць, што збор і рэалізацыя ягад у павяенныя гады з большага ўваходзіла ў кампетэнцыю дзяцей, бо дарослыя былі занятыя ці ў калгасе, ці ў сваёй гаспадарцы. *“Мне было помню адзінаццаць гадоў, як мы ў дзяцінстве ягады: чарніцы, маліны сабіралі і насілі прадаваць у тое Варпаева на базар. Дзень збіраем, а на другі дзень нясем прадаваць за капейкі. А пад вечар наша мама ішла сюды ў Варпаева за гэтыя нашы капейкі ў вочараць за хлебам”* (Пастаўскі р-н)³⁷; *“Маці ў мяне была толькі адна і ёй хватала хазяйства, ужо я як падрасла, то я ўжо хадзіла ў ягады”* (Глубоцкі р-н)³⁸.

Калі сталі дзейнічаць нарыхтоўчыя канторы, то ягады і грыбы пачалі здаваць туды, каб атрымаць дадатковыя грошы ці тавары. Гэта, у сваю чаргу, актуалізавала збіральніцтва і павысіла яго значэнне ў гаспадарчай дзейнасці вяскоўцаў, перш за ўсё для тых населеных пунктаў, якія з-за свайго месцараспаляжэння не маглі атрымоўваць дадатковы прыбытак ад рэалізацыі, напрыклад, тых жа ягад. Неабходна адзначыць, што рэспандэнты, якія пражывалі на тэрыторыі заходніх раёнаў, узгадвалі, што актыўнае збіральніцтва пачалося пасля таго, як былі арганізаваны нарыхтоўчыя пункты: *“Гэта ўжо пасле сталі іх прынімаць. Ну капейку можа якую мне... я ж ўжо помню хадзіла мне можа гадоў было дзесяць.(А колькі сабралі?) Ну, сабіралі сколькі каму хто сколькі можаць. Вядро хто насабіраець, ну. А як не было дык і эта ж капейка, ну. Тыя я ж капейкі, ну куды ў хату ж дамоў, куды прынасілі і нада ж было нешта купіць, надаж было нешта і надзець, надаж было нешта і абуць”* (Глубоцкі р-н)³⁹. *“І клюкву, і брусніку сабіралі, і земляніку сабіралі, і чарніку сабіралі, і маліну сабіралі. (А што вы з ёй рабілі? Самі елі ці кудысці здавалі, прадавалі?) – Здавалі ў гасударства, прынімалі ўсе ягады, загатавіцелі былі так называемыя. Загатавіцелі прынімалі, ну і капейкі нейкія плацілі. Мы ўсё маме з татам атдавалі, дзеньгі”* (Міёрскі р-н)⁴⁰.

Значны прыбытак прыносіла збіральніцтва журавін, якое было камерцыйна прыбытковым у тых раёнах, якія знаходзіліся каля балот. *“У ягады ня толька мае, тут уся вёска хадзіла. Выйдзець цэлае стада – іх атрад па дзесяць, па дванаццаць чалавек, і болей. Збіралі, сколькі панясець. Журавіны. А тады і пад’ежджам, бываець, калі, то на кані, то на ровэры, то як-небудзь падойдзеш, дзе ўжо, як выцягнуць яны з Моху. Вучылісі, на канікулы прыедуць – на Мох, ягады збіралі, прадавалі, нада ж была сабе грошы напакаваць на зіму”* (Шаркаўшчынскі р-н) [12, с. 332–333]; *“У нас клюква там болей, як ўжо даход быў, болей з клюквы”* (Міёрскі р-н)⁴¹; *“Клюкву восенню, вёдрамі сабіралі і насілі, балоты бальшыя, клюквы было многа”*(Полацкі р-н)⁴². Журавіны нарыхтоўвалі восенню і вясной – перазімаваная на імху ягада была лепшай, бо мела больш клітку [1, с. 42].

³¹ФА ПДУ: Зап. у 2018 г. ад Рудзёнка Фёдара Антонавіча, 1937 г. н., Рудзёнак (Лаўчыноўская) Леаноры Леанідаўны, 1944 г.н., в. Загацце Полацкага р-на.

³²ФА ПДУ: Зап. у 2020 г. ад Аненскай Яўгеніі Васільеўны, 1933 г.н. (нар. ў в. Буды), Асвея Верхнядзвінскага р-на.

³³ФА ПДУ: Зап. у 2018 г. ад Ядзялы Станіславы Адольфаўны, 1927 г.н. у в. Ёдлавічы Браслаўскага р-на.

³⁴ФА ПДУ: Зап. у 2018 г. ад Маісеенка Марыі Філіпаўны, 1931 г.н. у в. Мураўшчына Полацкага р-на.

³⁵ФА ПДУ: Зап. у 2014 г. ад Раўковай Галіны Сідараўны, 1927 г.н., у в. Соржыца Бешанковіцкага р-на.

³⁶ФА ПДУ: Зап. у 2020 г. ад Чарневіч Зінаіды Матвееўны, 1939 г.н., у в. Заазер’е Полацкага р-на.

³⁷ФА ПДУ: Зап. у 2014 г. ад Буката (Іваноўскай) Яніны Іванаўны 1943 г.н., у в. Луцк-Казлоўск (хутар Козеўка), Пастаўскага р-на.

³⁸ФА ПДУ: Зап. у 2018 г. ад Апанасёна Клеапатры Міхайлаўны, 1940 г.н., в. Галубічы Глубоцкага р-на.

³⁹ФА ПДУ: Зап. у 2018 г. ад Гіль Феафаніі Іосіфаўны, 1940 г.н. у в. Калечполле Глубоцкага р-на.

⁴⁰ФА ПДУ: Зап. у 2019 г. ад Гіргель Франі Юзэфаўны, 1944 г.н., (нар. у в. Фядосава Міёрскага р-на), у г. Дзісна.

⁴¹ФА ПДУ: Зап. у 2019 г. ад Сташкевіч Вольгі Аляксееўны, 1935 г.н., у г. Дзісна Міёрскага р-на.

⁴²ФА ПДУ: Зап. у 2019 г. ад Гураўчанка Валянціны Грыгор’еўны, 1928 г.н., у в. Махірова Полацкага р-на.

Рэалізацыя ягад была адной з магчымых крыніц дзіцячага заробку, які яны выкарыстоўвалі, каб набыць неабходныя рэчы, напрыклад, для школы, ці нейкі ласунак: “*Мы ў клюкву хадзілі. Ягады прадавалі, здавалі. Наберыш клюквы, здасі і куплялі тетрады, кніжкі, ручкі. Самі сабе.*” (Міёрскі р-н)⁴³. Аднак у першыя паваявныя гады (асабліва актуальным гэта было для ўсходніх раёнаў) грошы ад продажу ягад ішлі для набыцця базавых прадуктаў харчавання. “*Я помню мы сабіралі клюкву, а тады ў Баравуху пляшом насілі, стаканам прадавалі. Вясной, з-пад зімы (яна астаецца харошая клюква). Пакупалі людзі, там жа ваенныя афіцэры жоны былі, куплялі. І вось клюкву прададзім, купім 2-3 скібі хлеба і дамоў прыйдзем.*” (Расонскі р-н)⁴⁴.

У адроўненні ад ягад, грыбы, узгадваюцца ва ўспамінах менш. Большасць рэспандэнтаў адзначала, што збіралі і нарыхтоўвалі (пераважна сушылі) для сябе, а не на продаж. “*Грыбы сабе сабіралі. Не насілі. Цяпер усялякія збіраюць. Мы такіх даўней не зналі. Лісічкі, баравічкі, такія харошанькія. Мачонак намочым*” (Полацкі р-н)⁴⁵. Збіралі хто ў што меў: у збанкі, гаршкі, каробкі, кошыкі.

Збіральніцтва давала не толькі неабходныя харчовыя рэсурсы, але і рознага рода сыравіну для аднаўлення ўласнай гаспадаркі. Напрыклад, у паваявныя гады, калі мелася патрэба ў аднаўленні жыллага фонда і гаспадарчых пабудов, вельмі актыўна збіралі балотны мох, які выкарыстоўваўся для імшэння хаты. Нарыхтоўвалі лазу, якая ішла на розныя гаспадарчыя прылады і абутак. Акрамя гэта лаза была запатрабавана ў нарыхтоўчых канторах. “*Помню, яшчэ не толькі ягады прынімалі, мы хадзілі дралі лазу такую, а патом у пучкі сушылі і сушоную лазу прынімалі тожа загатавіцелі*” (Міёрскі р-н)⁴⁶; “*Дралі лазу, дралі лазу, сушылі пучкамі пад хатай, а тада, када многа скаплялася гэтай лазы, папа браў каня, калёсы і вазілі ў Камене здаваць, за адін кілаграм лазы плацілі ў то время дваццаць капеек*” (Лепельскі р-н)⁴⁷. Аднак вывучэнне сыравінных аспектаў збіральніцтва ў паваявны час, як і ролі іншых традыцыйных промыслаў у сістэме жыццезабеспячэння беларускай вёскі ўяўляе сабой прадмет асобнага навуковага даследавання.

Заклучэнне. Збіральніцтва ў першыя гады пасля вызвалення адыгрывала каласальную ролю ў сістэме жыццезабеспячэння беларускай вёскі. Дзікарослыя расліны, ва ўмовах недахопу базавых прадуктаў, з’яўляліся адным з неабходных для жыццядзейнасці арганізма рэсурсам. Асабліва актуальным яно было для жыхароў ўсходніх раёнаў Беларусі, якія былі найбольш спустошаны пасля вайны, а неспрыяльныя ўмовы надвор’я ў 1945 і 1946 гг. яшчэ больш ускладнілі сітуацыю з харчаваннем. Збіральніцтва давала неабходны мінімум, які дазваляў чалавеку не памерці з голаду і пратрымацца да новага ўраджаю. Разам з гэтым, матэрыялы вуснай гісторыі фіксуюць, што і ў заходніх раёнах краіны ўключэнне ў паўсядзённы пасляваенны рацыён дзікарослых раслін і раслінных прадуктаў-сурагатаў было таксама значна пашырана.

Прыклад Віцебшчыны паказвае, што збіральніцтва было традыцыйным заняткам вяскоўцаў (грыбы і ягады – каштоўны харчовы рэсурс, які немагчыма было здабыць на ўласных палетках), але ў экстрэмальных перыяд рэстр раслін, якія выкарыстоўваліся ў якасці харчовага дадатку, значна павялічваецца за кошт тых зёлак, ці іх частак, якія ва ўмовах адноснага дабрабыту практычна не выкарыстоўваліся (шчавульнік, хвощ, асака і інш). Пасля таго, як знікла праблема галоднай смерці, збіральніцтва захоўвала актуальнасць, але вярталася да сваёй класічнай формы, калі прадметам промысла выступалі грыбы, ягады, некаторыя расліны (шчавель, крапіва і інш.).

Функцыянальнасць (абрадавая, лекавая, гастронамічная, пабытовая) і эфектыўнасць збіральніцтва ў сістэме пасляваеннага жыццезабеспячэння найперш былі абумоўлены канкрэтнымі прыроднымі ўмовамі і месцараспаляжэннем мікрарэгіёну. Спажыванне, продаж ці нарыхтоўка “дароў прыроды” залежала ад іх уласцівасцей і магчымасцей для захоўвання. Успаміны сведчаць пра тое, што ў першае пасляваеннае дзесяцігоддзе актуалізуюцца этнабатанічныя веды пра расліны, іх харчовыя і лекавыя ўласцівасці.

Збіральніцтва давала не толькі неабходныя для выжывання харчовыя рэсурсы, але і сыравіну, патрэбную для аднаўлення ўласнай гаспадаркі. У першыя пасляваенныя гады прадукты збіральніцтва з’яўляліся крыніцай дадатковых паступленняў у бюджэт сялянскай сям’і (продаж на рынку ці здача ў нарыхтоўчыя канторы). Збор і рэалізацыя ягад была адной з магчымых крыніц дзіцячага заробку, даходы ад якой пакрывалі выдаткі, напрыклад, на адукацыю.

ЛІТАРАТУРА

1. Беларусь : у 8 т. – Мінск : Навука і тэхніка, 1995 – 2005. – Т.1 : Прамысловыя і рамесныя заняткі / рэдкал.: В.К. Бандарчык [і інш.]. – 1995. – 351 с.
2. Цітоў, В.С. Народная спадчына: Матэрыяльная культура ў лакальна-тыпалагічнай разнастайнасці / В.С. Цітоў. – Мінск : Навука і тэхніка, 1994. – 300 с.

⁴³ ФА ПДУ: Зап. у 2020 г. ад Шокель Ліліі Міхайлаўны, 1940 г.н., в. Дворнае Сяло Міёрскага р-на.

⁴⁴ ФА ПДУ: Зап. у 2019 г. ад Высоцкай Таісіі Іванаўны, 1935 г.н, у в. Галоўчыцы Расонскага р-на.

⁴⁵ ФА ПДУ: Зап. у 2020 г. ад Чарневіч Зінаіды Матвееўны, 1939 г.н., в. Заазер’е Полацкага р-на.

⁴⁶ ФА ПДУ: Зап. у 2019 г. ад Гіргель Франі Юзэфаўны, 1944 г.н., (нар. у в. Фядосава Міёрскага р-на), у г. Дзісна.

⁴⁷ ФА ПДУ: Зап. у 2018 г. ад Наркеўскай Сафіі Максімаўны, 1949 г.н., в. Бароўка Лепельскага р-на.

3. Новогродский, Т.А. Хлеб в традиционной культуре белорусов в XIX – нач. XX в. / Т.А. Новогродский // Хлеб в народной культуре: Этнографические очерки. – М. : Наука, 2004. – С. 173 – 177.
4. Наваградскі, Т.А. Эвалюцыя традыцый харчавання беларусаў у XIX – XX стагоддзях / Т.А. Наваградскі. – Мінск : Беларус. дзярж. ун-т, 2015. – 243 с.
5. Кнурэва, Я.С. Дзікарослы раслінны свет у традыцыйных уяўленнях і сучасным жыцці беларусаў / Я.С. Кнурэва. – Мінск : Беларуская навука, 2019. – 207 с.
6. Шумскі, К.А. Традыцыйныя веды беларусаў аб раслінным, жывёльным свеце і надвор’і (XIX – пачатак XXI ст.) і іх экалагічная значнасць / К.А. Шумскі. – Мінск : Права і эканоміка, 2009. – 126 с.
7. Занальны дзяржаўны архіў горада Полацка (далее – ЗДА г. Полацка). – Ф. 1093. Воп. 1. Спр. 9.
8. ЗДА г. Полацка. – Ф. 143. Воп. 2. Спр. 25.
9. Ossendowski, F. Antoni. Polesie / F. Antoni Ossendowski. – Poznań : Wydawnictwo Polskie, 1934. – 209 s.
10. Шмярко, Я.П. Лекавыя расліны ў комплексным лячэнні / Я.П. Шмярко, І.П. Мазан. – Мінск : Навука і тэхніка, 1989. – 399 с.
11. Шумскі, Я. Саветызацыя Заходняй Беларусі (1944 – 1953 гг.) / Я. Шумскі. – Беласток : Беларус. гіст. тав-ва, 2012. – 362 с.
12. Полацкі этнаграфічны зборнік. – Вып. 2. Народная проза беларусаў Падзвіння : у 2 ч. / уклад., прадм. і паказ. У.А. Лобача. – Наваполацк : ПДУ, 2011. – Ч. 2. – 368 с.

Паступіў 09.12.2020

GATHERING IN THE LIFE SUPPORT SYSTEM OF THE POST-WAR BELARUSIAN VILLAGE

A. SUMKO

The article analyzes the role and place of gathering in the life support system of the post-war Belarusian village under the restoration processes. The sources were oral history materials. For the first time, the ethnographic sources recorded during the field research in the 2000s on the territory of the Belarusian Podvinye were introduced into scientific discourse.

Keywords: *post-war reconstruction, village, life support system, crafts, gathering, Belarusian Podvinye.*

УДК 323.1(410)«2010/2016»

**ПОЛИТИКА Д. КЭМЕРОНА В ОТНОШЕНИИ
БРИТАНСКОГО МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМА (2010 – 2016 гг.)¹****А.А. СУРМА***(Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка, Минск)*

Анализируется мультикультурная политика правительств Д. Кэмерона, устанавливаются причины критического отношения Кэмерона к мультикультурализму в Великобритании. Автор указывает на противоречия между целью данной политики правительств Кэмерона, которая была выражена желанием премьер-министра отказаться от поощрения культурного плюрализма в стране, и практическими действиями его кабинетов в отношении британской модели мультикультурного общества. Исследование базируется на законодательных актах, официальных речах премьер-министра, правительственных и партийных документах, исследованиях аналитических центров, различных электронных ресурсах удаленного доступа.

Ключевые слова: Великобритания; дискриминация; мультикультурализм; индекс политики мультикультурализма; этнические меньшинства.

Введение. Период деятельности правительств Д. Кэмерона ассоциируется с кризисным этапом британской политики мультикультурализма. Данное утверждение, исходя из политической риторики премьер-министра, представляется верным. Практическая же деятельность Кэмерона на посту премьер-министра свидетельствует об обратном. В связи с этим автор предпринял попытку комплексного анализа проблемы на основе новейших источников.

В российской и белорусской историографии проблема исследования изучена недостаточно. Работы, в которых мультикультурная политика правительств Кэмерона была бы комплексно исследована, на сегодняшний день отсутствуют. Отдельно можно выделить лишь несколько исследований. В белорусской историографии к ним следует отнести кандидатскую диссертацию А.Е. Игнатовича «Мусульманская община Великобритании (конец XX– начало XXI века)» и его публикацию «Мусульманская община и кризис британского мультикультурализма в начале XXI в.», в которых автор затрагивает вопросы, связанные с британской моделью мультикультурализма в исследуемый период [1; 2]. В российской историографии следует отметить работу авторского коллектива сотрудников Института Европы РАН «Дилеммы Великобритании: поиск путей развития», в одной из глав которой присутствует информация об основных направлениях политики коалиционного правительства Кэмерона в отношении британского мультикультурализма [3]. Также необходимо упомянуть кандидатскую диссертацию Л.К. Мамедовой «Мультикультурализм в государственной политике Великобритании» [4]. В данной работе российская исследовательница, в частности, изучает первые несколько лет деятельности коалиционного правительства Кэмерона в отношении политики мультикультурализма.

В зарубежной историографии проблематика исследования изучена более детально, хотя комплексные исследования здесь также отсутствуют. Наиболее ценным трудом для данной статьи является публикация Феликса Матье, так как в ней содержится ключевая информация по теме исследования [5]. Следует выделить публикацию О. Эстевеса, в которой автор, помимо всего прочего, определяет причину противоречия между риторикой Кэмерона в отношении политики мультикультурализма в Великобритании и практической деятельностью его двух правительств в данном направлении [6]. Также необходимо отметить работы У. Кимлики и Э. Толли, которые содержат в себе важную информацию для определения индекса политики мультикультурализма в государстве [7; 8]. Таким образом, отсутствие комплексных работ по теме исследования обусловило научный интерес автора представленной статье к данной теме.

Основными источниками исследования выступают законодательные акты, официальные речи премьер-министра, правительственные и партийные документы, исследования аналитических центров, различные электронные ресурсы удаленного доступа. Методология исследования представлена общенаучными методами (анализ, синтез, индукция, дедукция) и конкретно-историческими методами (историко-генетическим, историко-системным). Также использовались проблемно-хронологический подход и принцип историзма.

Основная часть. До начала XXI в. британская модель мультикультурализма была довольно успешной политикой и примером для других европейских государств, но террористические атаки в Лондоне 7 июля 2005 г., совершенные интегрированными в британское общество выходцами из мусульманских государств, значительно ухудшили отношение британской общественности в целом и тори в частности к политике мультикультурализма [2, с. 84; 3, с. 231, 237]. Ухудшение отношения консерваторов к политике

¹ Статья написана в рамках темы НИР «Разработка научно-теоретического и методического обеспечения образовательного процесса по истории в условиях модернизации педагогического образования на компетентностной основе», выполняемой на кафедре всеобщей истории и методики преподавания истории БГПУ.

мультикультурализма также было связано с растущей радикализацией мусульманской молодежи в британском обществе. Данная тенденция подтверждена результатами анализа, проведенного в 2007 г. научно-исследовательским центром «Полис Иксчендж» (*Policy Exchange*). Основной причиной радикализации мусульманской молодежи была названа политика мультикультурализма, которая, по мнению исследователей, негативно влияла на национальную идентичность британских граждан и создавала разобщенность в обществе [3, с. 232; 9, р. 5–7].

Все вышесказанное обусловило критическое отношение лидера Консервативной партии Д. Кэмерона к мультикультурализму. В своей речи в Комиссии по равенству и правам человека (февраль 2008 г.) будущий премьер-министр заявил: «Я считаю, что государственный мультикультурализм является ошибочной доктриной, которая имела катастрофические результаты» [10]. В преддверье парламентских выборов 2010 г. Кэмерон продолжил критиковать британскую модель мультикультурализма: лидер тори осудил «новых лейбористов» за реализацию модели мультикультурализма, которая была направлена лишь на поддержку этнических меньшинств. Будущий премьер-министр полагал, что это препятствовало успешной интеграции африканцев, азиатов и латиноамериканцев в британское общество и привело данную категорию населения к изолированному образу жизни в своих общинах, и в конце концов обусловило отчуждение второго и третьего поколения мигрантов от ценностей и традиций британского общества [3, с. 242]. Стоит также отметить, что критическое отношение Кэмерона к данной политике оказало определенное влияние на будущую иммиграционную политику консерваторов. Тори намеривались значительно сократить потоки иммигрантов в Великобританию и повысить требования к их профессиональным навыкам [11, р. 21].

После прихода к власти в 2010 г. и формирования объединенного кабинета с либерал-демократами правительство Кэмерона заявило, что в Соединённом Королевстве существует много препятствий, которые затрудняют социальную мобильность британских граждан и мешают осуществлению принципа равенства в обществе. Коалиционный кабинет Кэмерона отметил, что одним из таких препятствий является неравноправие этнических и религиозных меньшинств в британском обществе, и обязался исправить это [12, р. 18].

Однако, несмотря на свою приверженность обеспечению принципа равных возможностей для всех членов британского общества, 5 февраля 2011 г. на Мюнхенской конференции по безопасности Д. Кэмерон поднял вопрос о необходимости пересмотра политики мультикультурализма. Премьер-министр вновь, как и в 2008 г., выступил с ее критикой. В частности, он отметил, что исходя из британского опыта именно политика мультикультурализма является причиной все большего попадания представителей мусульманской молодежи под влияние идеологии исламского экстремизма, так как культурный плюрализм негативно влияет на национальную идентичность данной категории британских граждан. По мнению премьер-министра, для выхода из сложившейся ситуации необходимо было сформировать у всех британских граждан чувство общей национальной идентичности. Для достижения данной цели Д. Кэмерон призвал отказаться от «пассивной терпимости», утвердившейся в сознании граждан Великобритании и взять на вооружение идею «сильного либерализма», которая поможет отстоять традиционные либеральные ценности британского населения [13]. Таким образом, он призвал, по сути, к ревизии политики мультикультурализма как способа интеграции иммигрантов в принимающее общество. При этом премьер-министр не предложил четко сформулированную программу действий, которая должна была обеспечить демонтаж господствующей идеологии [3, с. 248].

На наш взгляд, риторика Кэмерона о необходимости ревизии политики мультикультурализма не нашла практического применения в политике его кабинетов: поликультурная политика в Соединённом Королевстве при Кэмероне продолжала присутствовать в качестве основного принципа интеграции иммигрантов в британское общество. Данное утверждение построено на основе индекса мультикультурной политики государства (*Multicultural Policy Index*).

Индекс мультикультурализма определяется на основании восьми показателей: 1) законодательное закрепление мультикультурной политики на государственном, региональном или местном уровнях и наличие специального государственного органа по реализации данной политики, который консультируется по необходимым вопросам с этническими общинами; 2) включение мультикультурного образования в школьную программу; 3) защита и учет интересов этнических меньшинств в работе государственных и лицензируемых СМИ; 4) освобождение от ношения специализированной одежды по религиозным соображениям; 5) действие двойного гражданства; 6) государственное финансирование деятельности организаций этнических меньшинств; 7) финансирование двуязычного образования или обучения на родном для этнических меньшинств языке; 8) существование компенсационной дискриминации (предоставление преимущественных прав тем, кто страдает от дискриминации) для этнических меньшинств [8, р. 4–6].

Каждый показатель может иметь три качественных и количественных значения: «присутствует полностью» (1 балл), «присутствует частично» (0,5 балла), «отсутствует» (0 баллов). Сумма баллов всех показателей показывает, насколько совокупность общественных норм, законов и деятельности правительства соответствует мультикультурной политике. Сумма в 6 баллов и выше свидетельствует о стабильной форме мультикультурализма; от 3 до 5,5 баллов – об ограниченной мультикультурной политике в государстве; общий показатель ниже 3 баллов отражает слабопредставленный мультикультурализм [5, р. 49; 7, р. 74].

Итак, рассмотрим индекс мультикультурной политики Великобритании по всем вышеуказанным показателям в период с 2010 по 2016 гг.²

1. Законодательное закрепление мультикультурной политики «отсутствует» (0 баллов). Мультикультурализм никогда не был закреплен на законодательном уровне страны, хотя в Великобритании признан демографическим фактом. При этом стоит отметить, что в Соединенном Королевстве велась активная работа по поддержанию расового равенства и борьба с дискриминацией в рамках работы Департамента по делам общин и местного самоуправления (с 2018 г. данный государственный орган называется Министерством жилищного строительства, по делам общин и местного самоуправления) и Комиссии по вопросам равенства и прав человека, но данные учреждения в своей деятельности формально не руководствовались принципом мультикультурализма [5, p. 51; 8, p. 109; 14].

2. Включение мультикультурного образования в школьную программу «присутствует частично» (0,5 балла). С 2010 г. Министерство образования Великобритании приступило к обновлению учебного плана. Помимо всего прочего, нововведения касались вопросов, связанных с гражданским воспитанием в школах, которое в значительной степени продолжало обосновываться принципом мультикультурализма, поскольку новый подход к воспитанию гражданственности предполагал уважение и терпимость по отношению к расовому и этническому различию. При этом не было какого-либо конкретного и прямого упоминания о концепции мультикультурализма и тем более официального включения мультикультурного образования в школьную программу [5, p. 53].

3. Защита и учет интересов этнических меньшинств в работе государственных и лицензируемых СМИ «присутствует полностью» (1 балл). При правительствах Д. Кэмерона в британских законодательных актах³ сохранялось положение о борьбе с дискриминацией по признаку расы религии или убеждений, а также о защите и учете интересов этнических общин в работе британских СМИ [15; 16]. Более того, в исследуемый период крупнейшая британская телерадиовещательная компания Би-Би-Си поставила в качестве одной из своих центральных задач увеличение удельного веса представителей этнических меньшинств в своем медиа-контенте [5, p. 53; 17].

4. Освобождение от ношения специализированной одежды по религиозным соображениям «присутствует полностью» (1 балл). При первом и втором кабинетах Кэмерона продолжало действовать законодательство⁴, позволяющее сикхам носить тюрбан вместо мотоциклетного шлема при езде на мотоцикле и при работе на строительных площадках вместо защитных касок [5, p. 53; 18; 19; 20].

5. Действие двойного гражданства «присутствует полностью» (1 балл). На официальном сайте Министерства внутренних дел Великобритании четко написано, что гражданам Соединенного Королевства разрешено иметь двойное гражданство [5, p. 54; 21].

6. Государственное финансирование деятельности организаций этнических меньшинств «присутствует частично» (0,5 балла)⁵. На оценку данного показателя существенное влияние оказала работа Фонда большой лотереи (с 29 января 2019 г. называется Общественным фондом национальной лотереи), состоящего из 40% средств, вырученных в ходе розыгрыша Национальной лотереи. Фонд финансирует проекты и инициативы, направленные на улучшение социально-экономических условий в сообществах Великобритании, особенно этнических и расовых. Деятельность фонда направлена на продвижение этнического и расового разнообразия в Соединенном Королевстве, сплочение общин и борьбу против любой формы расовой, этнической или религиозной дискриминации [5, p. 54; 23].

7. Финансирование двуязычного образования или обучения на родном для этнических меньшинств языке «присутствует частично» (0,5 балла). До 2010 г. в британской школьной системе в целом двуязычное образование не присутствовало, но все поменялось с приходом к власти коалиционного правительства Кэмерона [5, p. 54–55]. В период деятельности коалиции в Соединенном Королевстве появляются элементы двуязычного образования. Обучение на двух языках было введено в активно открываемых консервативно-либеральным кабинетом «свободных» школах. Эти образовательные учреждения финансировались центральным правительством, но пользовались более широкой автономией в образовательном

² Определение оценки каждого показателя строилось на основе синтеза данных из исследования Феликса Матье «Провал государственного мультикультурализма в Великобритании? Анализ поликультурной политики Великобритании за 2000–2015 гг.» (*The failure of state multiculturalism in the UK? An analysis of the UK's multicultural policy for 2000–2015*) и нашего собственного исследования мультикультурной политики правительства Кэмерона в 2015–2016 гг. [5].

³ Закон о связи 2003 г. (*Communications Act 2003*) и Закон о равенстве 2010 г. (*Equality Act 2010*) [15; 16].

⁴ Закон о мотоциклетных шлемах (о религиозном освобождении) 1976 г. (*Motor-Cycle Crash Helmets (Religious Exemption) Act 1976*), разделы 11 и 12 Закона о занятости 1989 г. (*Employment Act 1989*) и раздел 6 Закона о снятии законодательных ограничений 2015 г. (*Deregulation Act 2015*) [18; 19; 20].

⁵ Стоит отметить, что по этому показателю наше мнение расходится с позицией Феликса Матье. В своем исследовании канадский эксперт оценил данный показатель в 1 балл («присутствует полностью»), что является некорректным. Матье не учел значительное сокращение бюджета Комиссии по вопросам равенства и прав человека, одним из направлений деятельности, которой является контроль над соблюдением законодательства о равенстве в отношении этнических и религиозных меньшинств [5, p. 54; 6; 22].

процессе, чем обычные общеобразовательные государственные школы Великобритании [24, р. 94]. Последнее облегчало внедрение в учебные программы «свободных» школ двуязычного образования. С 2012 г. в Великобритании были введены англо-испанские, англо-немецкие и англо-французские «свободные» двуязычные школы [5, р. 55; 25–27].

8. Существование компенсационной дискриминации (предоставление преимущественных прав, тем кто страдает от дискриминации) для этнических меньшинств «присутствует полностью» (1 балл). Компенсационная дискриминация в виде комплекса мероприятий по предоставлению преимущественных прав тем, кто страдает от дискриминации, в Великобритании запрещена, но она существует в виде предоставления этническим меньшинствам равных прав и возможностей с коренным британским населением. Это связано с тем, что британские правительства реализуют политику, направленную на достижение расового равенства в общественных отношениях. Вышесказанное обусловило отсутствие каких-либо квот на рабочие и учебные места для этнических меньшинств в Великобритании, так как это привело бы к расовому неравенству [28]. О стремлении правительства Кэмерона продвигать расовое равенство в британском обществе свидетельствует продолжение функционирования Закона о равенстве 2010 г., в соответствии с которым раса и религия являются «защищенными характеристиками» человека [5, р. 55; 16]. А также объявленное 31 января 2016 г. вторым правительством Кэмерона намерение обязать британские университеты публиковать статистические данные о результатах поступления, в которых бы указывались гендерная принадлежность, социальной класс и этническая принадлежность. По мнению правительства, это должно было помочь в борьбе с дискриминацией по указанным выше признакам при поступлении абитуриентов в университеты [29].

Суммировав оценки всех восьми показателей, индекс мультикультурной политики в Великобритании с 2010 по 2016 г. составил 5,5 баллов. Стоит отметить, что он ничем не отличался от показателя за период с 2000 по 2010 г. [8, р. 109]. Таким образом, данные цифры являются доказательством нашего утверждения: в деятельности первого и второго правительств Кэмерона не было отхода от политики мультикультурализма, несмотря на риторику о необходимости проведения ревизии данной политики. Исходя из всего вышеизложенного, возникает логичный вопрос: Почему риторика Кэмерона о необходимости ревизии политики мультикультурализма не нашла своего практического применения в деятельности правительства? Мы согласны с мнением профессора Оливье Эстевеса, который считает, что призыв премьер-министра пересмотреть политику мультикультурализма был вызван ростом популярности националистических партий – Британской национальной партии (БНП) и Партии независимости Соединенного Королевства (ПНСК) [6]. Эти партии были известны своей антииммиграционной направленностью и ксенофобией, что обеспечивало им симпатии среди белого населения страны [3, с. 244–245].

Еще одним свидетельством того, что намерения Кэмерона отказаться от политики мультикультурализма были лишены практической основы, стало укрепление положительного отношения английской общественности к мультикультурализму. Опрос общественного мнения в 2016 г. показал, что треть англичан относилась положительно к мультикультурной модели общества в Великобритании (в 2011 г. так считало менее четверти граждан), также снизилось количество тех, кто относился к иммиграции и мультикультурализму крайне негативно (с 11% в 2011 г. до 8% в 2016 г.) [30, р. 6].

Закключение. Таким образом, несмотря на негативную риторику Кэмерона в отношении политики мультикультурализма, в практической деятельности его двух правительств не наблюдалось существенного отхода от неё. Основной причиной такого противоречия в интеграционной политике британского премьера стали политические соображения: стремление заручиться электоральной поддержкой белого населения Великобритании, настроенного враждебно по отношению к этническим и религиозным меньшинствам, а также к мультикультурализму в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Игнатович, А.Е. Мусульманская община Великобритании (конец XX – начало XXI века) : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 / А.Е. Игнатович. – Минск, 2018. – 158 л.
2. Игнатович, А.Е. Мусульманская община и кризис британского мультикультурализма в начале XXI в. / А.Е. Игнатович // Журн. Белорус. гос. ун-та. История. – 2017. – № 4. – С. 82–88.
3. Громько, А.А. Мусульманская диаспора: сложность интеграции / А.А. Громько, Г.С. Остапенко // Дилеммы Британии. Поиск путей развития / Под общ. ред. А.А. Громько (отв. ред.), Е.В. Ананьевой. – М., 2014. – С. 221–260.
4. Мамедова, Л.К. Мультикультурализм в государственной политике Великобритании : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02 / Л.К. Мамедова. – М., 2013. – 198 л.
5. Mathieu, F. The failure of state multiculturalism in the UK? An analysis of the UK's multicultural policy for 2000–2015 / F. Mathieu // Ethnicities. – 2017. – Vol. 18, iss. 1. – P. 43–69.
6. Esteves, O. "The M... word": multiculturalism under Cameron [Electronic resource] / O. Esteves // Observatoire de la société britannique. – 2014. – № 15. – Mode of access: <https://journals.openedition.org/osb/1584>. – Date of access: 03.10.2020.
7. Kymlicka, W. Multicultural odysseys: navigating the new international politics of diversity / W. Kymlicka. – New York : Oxford University Press, 2007. – 374 p.

8. Tolley, E. Multiculturalism Policy Index: Immigrant Minority Policies / E. Tolley ; ed.: M. Vonk. – 2nd ed. – Kingston : School of Policy Studies, 2016. – 145 p.
9. Mirza, M. Living apart together: British Muslims and the paradox of multiculturalism / M. Mirza, A. Senthikumar, Z. Ja'far. – London : Policy Exchange, 2007. – 99 p.
10. David Cameron: Extremism, individual rights and the rule of law in Britain, 26 February 2008 [Electronic resource] // Conservative party speeches. – Mode of access: <https://conservative-speeches.sayit.mysociety.org/speech/599697>. – Date of access: 03.10.2020.
11. Invitation to join the government of Britain : The Conservative manifesto 2010 / Conservative Party (UK). – London, 2010. – 129 p.
12. The Coalition: our programme for government / HM Government. – London, 2010. – 36 p.
13. PM's speech at Munich Security Conference, 5 February 2011 [Electronic resource] // GOV.UK. – Mode of access: <https://www.gov.uk/government/speeches/pms-speech-at-munich-security-conference>. – Date of access: 03.10.2020.
14. Ministry of Housing, Communities and Local Government [Electronic resource] // Wikipedia. – Mode of access: en.wikipedia.org/wiki/Ministry_of_Housing,_Communities_and_Local_Government. – Date of access: 20.09.19.
15. Communications Act 2003 : Chapter 21, 17 July 2003. – London : TSO, 2003. – XVII, 590 p.
16. Equality Act 2010 : Chapter 15, 8 April 2010. – London : TSO, 2010. – XII, 239 p.
17. Equality and Diversity at the BBC – 2014/15 [Electronic resource]. – Mode of access: <http://downloads.bbc.co.uk/diversity/pdf/equality-report-2014-15-final.pdf>. – Date of access: 20.09.19.
18. Motor-Cycle Crash Helmets (Religious Exemption) Act 1976 : Chapter 62 [Electronic resource] // Sikh Missionary Society U.K. – Mode of access: [https://www.sikhmissionarysociety.org/sms/smspublications/theturbanvictory/chapter3/#Motor-Cycle%20Crash%20Helmets%20\(Religious%20Exemption\)%20Act%201976](https://www.sikhmissionarysociety.org/sms/smspublications/theturbanvictory/chapter3/#Motor-Cycle%20Crash%20Helmets%20(Religious%20Exemption)%20Act%201976). – Date of access: 03.10.2020.
19. Employment Act 1989 : Chapter 38, 16 November 1989. – London : HMSO, 1989. – III, 48 p.
20. Deregulation Act 2015 : Chapter 20, 26 March 2015 . – London : TSO, 2015. – VI, 252 p.
21. Dual citizenship [Electronic resource] // GOV.UK. – Mode of access: <https://www.gov.uk/dual-citizenship>. – Date of access: 03.10.2020.
22. What we do [Electronic resource] // Equality and Human Rights Commission. – Mode of access: <https://www.equalityhumanrights.com/en/about-us/what-we-do>. – Date of access: 04.10.2020.
23. Our equality principles [Electronic resource] // The National Lottery Community Fund. – Mode of access: <https://www.tnl-communityfund.org.uk/about/customer-service/equalities>. – Date of access: 21.09.19.
24. Dorey, P. The British coalition government, 2010–2015: a marriage of inconvenience / P. Dorey, M. Garnett. – London : Palgrave Macmillan, 2016. – 311 p.
25. About Judith Kerr Primary School [Electronic resource] // JKPS. – Mode of access: <https://www.jkps-cfbt.org/school/>. – Date of access: 22.09.19.
26. Sussex state-funded bilingual primary school approved, 17 August 2012 [Electronic resource] // BBC. – Mode of access: <https://www.bbc.com/news/uk-england-sussex-19294317>. – Date of access: 22.09.19.
27. École de WIX Primary School [Electronic resource] : École de WIX Primary School. – Mode of access: <http://wix.caou-tchouc.co.uk/our-school>. – Date of access: 22.09.2020.
28. Affirmative action [Electronic resource] // Wikipedia. – Mode of access: https://en.wikipedia.org/wiki/Affirmative_action#United_Kingdom. – Date of access: 22.09.19.
29. PM: Time to tear down the barriers at elite universities [Electronic resource] // GOV.UK. – Mode of access: <https://www.gov.uk/government/news/pm-time-to-tear-down-the-barriers-at-elite-universities>. – Date of access: 25.04.19.
30. Ford, R. Fear and Hope 2016 Race, faith and belonging in today's England / R. Ford, N. Lowles. – London : HOPE not hate Educational Ltd, 2016. – 59 p.

Поступила 08.10.2020

D. CAMERON'S POLICY TOWARDS BRITISH MULTICULTURALISM (2010 – 2016)

A. SURMA

The article analyzes the multicultural policy of Cameron's governments; it indicates reasons for Cameron's critical attitude to multiculturalism in Britain. The author points out the contradiction between the aim of the policy of Cameron's governments, derived from his unwillingness to foster cultural pluralism, and the real actions of his Cabinets with regarding the British model of multiculturalism. The study is based on laws, official speeches of the Prime Minister, government and party documents, researches of analytical centres, various electronic resources of remote access.

Keywords: Britain; discrimination; multiculturalism; Multicultural Policy Index; ethnic minorities.

УДК 272-774-9(476) : 930.2 “18/19”

ЗАХАДЫ ДА СТВАРЭННЯ ГІСТАРЫЧНЫХ АПІСАННЯЎ ПАРАФІЙ РЫМСКА-КАТАЛІЦКАГА КАСЦЁЛА НА ТЭРЫТОРЫІ БЕЛАРУСІ Ў СЯРЭДЗІНЕ XIX – XX стст.

*канд. гіст. навук К.В. СЫЦЬКО
(Інстытут гісторыі НАН Беларусі, Мінск)*

Разглядаюцца спробы Рымска-каталіцкага касцёла на тэрыторыі Беларусі ў сярэдзіне XIX – XX стст. адлюстраванне праз адмысловыя гістарычныя крыніцы сваю гістарычную сувязь з сацыяльным і культурным жыццём мясцовага насельніцтва. Выдзяляюцца захаваныя да стварэння ва ўлонні гэтай інстытуцыі твораў, якія пралівалі святло на гісторыю дробных адміністрацыйных адзінак – парафій. Першым захаваным можна назваць дэкрэт 1849 г. віленскага біскупа В. Жылінскага, які абавязаў усіх пробашчаў запоўніць анкету з 10 пытанняў. Анкета атрымала назву “Хроніка парафіяльнага касцёла”. Другая спроба адбылася ў пачатку XX ст. і прадстаўляла з сябе прапанову ананімнага святара ствараць гістарычныя нарратывы, у якіх адлюстроўвалася штодзённае жыццё праз прызму касцёла. Трэцім захаваным да стварэння прац на гісторыі парафій названа распрацаваная ў 1926 г. анкета са 101 пытання, якая паслужыла падставой для стварэння шэрагам святароў Заходняй Беларусі ў 1930-я гг. наратываў. Дадзеныя наратывы называліся „парафіяльнымі хронікамі” ці „манаграфіямі парафій”. Аналізуюцца крыніцы, якія паслужылі асновай гэтых дакументаў, робіцца вывад аб іх каштоўнасці для даследаванняў на гісторыі Беларусі.

Ключавыя словы: *Рымска-каталіцкі касцёл, парафія, крыніцазнаўства, хроніка, анкета-апытальнік.*

Уводзіны. Рымска-каталіцкі касцёл у Беларусі ва ўсе перыяды сваёй дзейнасці быў зацікаўлены ў стварэнні і развіцці дыскурсіўных практык, якія б адлюстроўвалі гістарычнасць існавання культуры на беларускіх тэрыторыях. Падобныя практыкі павінны былі даць дадатковае абгрунтаванне легітымнасці дзейнасці рэлігійнай інстытуцыі, дэтэрмінаваць яе функцыянаванне з сацыякультурным жыццём пэўных мясцовасцей. У вузкім сэнсе гэта вылілася ў адмысловыя невялікія гістарычныя раздзелы ў актах візітацый і інвентарах, у шырокім сэнсе – у стварэнне вялікіх наратывных прац, якія апісвалі гісторыі ордэнскіх супольнасцей ці асобна ўзятых парафій.

У выпадку з ордэнамі і кангрэгацыямі абазначаныя памкненні прывялі да паўсямяснага стварэння кляштарных хронік ужо ў XV – XVII стст. Ордэнская наратывная традыцыя была амаль знішчана з падзеямі Рэчы Паспалітай, але працягнулася ў адзінкавых кляштарах да канца 1930-х гг. У якасці прыклада можна прывесці хроніку францысканцаў ва Удзеле а. Тадэвуша Рагалі-Завадскага [1], напісаную ў 1894–1915 гг., а таксама лідскую піярскую хроніку, якую стваралі тры невядомыя аўтары ў 1926 – 1939 гг. [2]. Парафіяльныя гістарычныя творы адрозніваюцца ад кляштарных і адметныя тым, што атрымалі штуршок да развіцця толькі ў сярэдзіне XIX ст. і вяліся на тэрыторыі Заходняй Беларусі пераважна да 1939 г., а на тэрыторыі Польшчы вядуцца і зараз.

Асноўная частка. Першая спроба ўкаранення практык стварэння парафіяльных наратываў звязана з адмысловым дэкрэтам 1849 г., выдадзеным віленскім біскупам Вацлавам Жылінскім. Дэкрэт патрабаваў ад парафіяльных пробашчаў запавядання своеасаблівай гістарычнай анкеты-апытальніка, якая налічвала 10 пытанняў [3, с. 118]. Анкета была памножана друкарскім метадам і атрымала назву “Хроніка парафіяльнага касцёла ў... (святаром уласнаручна ўпісвалася назва населенага пункта)”, хоць да такога віду гістарычных крыніц, як хронікі, ніякіх адносін не мела. Дадзенай гістарычнай крыніцы ўласцівы невялікі памер (1-2 старонкі), яна была ўніфікаванай і па схеме запавядання нагадвала г. зв. “ведамасці аб стане касцёлаў” з пашыранай колькасцю пытанняў. Пробашчы абавязаны былі да першага студзеня 1850 г. запоўніць гэтую “хроніку” і адправіць канцлеру кур’я. На сённяшні момант больш як 400 адзінак дадзеных гістарычных крыніц з парафій былых беларуска-літоўскіх губерняў Расійскай імперыі, захаваліся ў фондзе чацвёртай бібліятэкі Віленскага ўніверсітэта.

У пералік неабходных для запавядання ў “хроніцы” звестак уваходзілі апісанні фондушаў на касцёл, гісторыя заснавання касцёла, звесткі аб школах, шпіталях, могілках, скляпах калятараў, званых, сакрыстыях, унутраным і знешнім аздабленні. Таксама прапанавалася пералічыць імёны знакамітых пробашчаў, звесткі аб колькасці парафій, парафіяльных традыцыях і фестывалях. З анкет-апытальнікаў вынікае, што шмат якіх святароў падыходзілі да іх запавядання выключна фармальным спосабам і падавалі вельмі кароткую інфармацыю, ці наогул займаліся адпіскамі. Так, асобным пунктам з’яўлялася графа з найбольш цікавымі ўспамінамі парафій аб гістарычных падзеях і здарэннях. Як паказвае аналіз 80 “хронік”, у большасці выпадкаў святарамі ў дадзенай графе ўпісвалася, што ніякіх успамінаў у жыхароў няма, а гістарычныя звесткі “...даўніна з’ела...”. Гэта можа казаць аб тым, што пробашчы наўпрост не выконвалі патрабаванні анкеты і не задавалі пытанні вернікам. Запісы гістарычных успамінаў сустракаюцца ў адзінкавых выпадках. Так,

у ішкалдскай “хроніцы” запісаны ўспаміны мясцовых жыхароў аб тым, што касцёл некалі з’яўляўся кальвінісцкім зборам [4, арк. 1адв]. Цікавым з’яўляецца запіс кс. Казіміра Палутона у янаўскай “хроніцы” звестак аб тым, што двое парафіян “...прыкладна 100 гадоў таму...” (з. зн. прыкладна ў 1749 г.) падчас адной са службаў бачылі побач з галоўным алтаром прывід кс. Андрэя Баболі, закатаванага ў 1657 г. [5, арк. 1адв].

Не гледзячы на тое, што большасць святароў даслала гістарычныя крыніцы ў курью, акцыя па запісках “хронік” у 1849 г. была адзінкавай і працягу не атрымала, бо наступныя за В. Жылінскім біскупы не былі зацікаўлены ў даследаваннях па гісторыі парафіяльных касцёлаў. Аб гэтым ускосна сведчыць другая спроба развіцця традыцыі вядзення ў парафіях гістарычных твораў, якая адбывалася не з дапамогай біскупскіх дэкрэтаў, а “знізу”. Яна была здзейснена ў 1900 г. ананімным каталіцкім святаром, які на старонках часопісу “Гамілетыка” заклікаў калег ствараць хронікі [6, с. 628]. Пад хронікамі на гэты раз меліся на ўвазе падрабязныя наратыўныя творы, якія б змяшчалі апісанне гісторыі парафіі ад моманту яе заснавання да моманту, сучаснага храністу. Падкрэслівалася, што гэтыя парафіяльныя крыніцы могуць быць значным матэрыялам у аргументацыі неабходнасці касцёла ў жыцці грамадства. Таксама адзначалася, што падобным чынам пробашчы могуць зрабіць свой унёсак у даследаванне канфесійнай гісторыі, бараніць тэрытарыяльную цэласнасць парафіі, не дапускаць канфіскацыі маёмасці і г.д. Трэба думаць, што дадзеныя заклікі не былі шырока падтрыманымі супольнасцю святароў Віленскага біскупства, бо ўжо ў 1925 г. на старонках “Пастарскіх ведамасцей” нехта пад крыптанімам х. S. В. наракаў на адсутнасць наратыўнай гістарычнай традыцыі ў парафіях і прасіў біскупаў выдаць адмысловыя дэкрэты, якія б гэтую традыцыю стварылі і рэгламентавалі [7, с. 5]. Аб адсутнасці падтрымкі ідэй па стварэнні наратываў сведчыць і тое, што на сённяшні момант за перыяд з 1900 па 1925 г. на тэрыторыі Беларусі вядома толькі 141-старонкавая парафіяльная хроніка шчучынскага касцёла, напісаная ў 1912–1918 гг. кс. Рамуальдам Свіркоўскім [8], а звесткі аб матэрыялах іншых беларускіх парафіяў адсутнічаюць.

Сітуацыя змянілася з прызначэннем на пасаду Віленскага арцыбіскупа Рамуальда Ялбжыкоўскага, які прыбыў у Вільню з Ломжы ў 1926 г. У гэтым жа годзе па асабістай ініцыятыве арцыбіскупа пачаў дзейнічаць камітэт па справах будовы і кансервацыі касцельных помнікаў, у які ўваходзіла адмысловая археалагічна-мастацкая секцыя. У складзе памянёнай секцыі лічыліся такія вядомыя асобы, як канонік Ян Курчэўскі; акадэмік Тадэўш Раствароўскі; прафесар Фердынанд Рушчыц; прафесар Станіслаў Яроцкі; канцлер кур’і, канонік кафедральнай капітулы Адам Савіцкі; віленскі дэкан Антоні Чарняўскі; віленскі школьны прэфект Юзаф Сонгін; мастачка Браніслава Камінская і інш. Названымі асобамі створана новая гістарычная анкета-апытальнік, абавязковая для запаўнення парафіяльнымі святарамі. Анкета дзялілася на 18 інфармацыйных блокаў, якія сумарна налічвалі 101 пытанне. Усе пытанні можна падзяліць на тры вялікія групы – пытанні аб гістарычных падзеях у парафіі; пытанні, звязаныя з архітэктурай; пытанні аб аздабленні касцёла абразамі, фрэскамі, крыжамі і г.д. Для таго, каб спрасціць задачу запаўнення фармуляра дакумента, камісіяй да набыцця ў бібліятэкі касцёлаў прапаноўваўся шэраг гістарычных і мастацтвазнаўчых выданняў, якія павінны былі аказаць пробашчам дапамогу ў вызначэнні стыляў архітэктуры і апісанні гісторыі [9, арк. 1–3].

Некаторыя святары, сучаснікі гэтых падзей, адзначалі, што эфект ад стварэння анкет-апытальніка быў не такім, як планавалася – шмат якія пробашчы адмаўляліся весці анкету, ці рабілі гэта вельмі неаператыўна, успрымаючы падобнае як дадатковую папяровую працу [10, с. 4–5]. Некаторым пацвярджэннем дадзеных слоў з’яўляецца тое, што ў фондах Віленскай архідыяцэзіяльнай кансісторыі на сённяшні момант захавалася толькі каля 20 адзінак цалкам запоўненых крыніц, яшчэ некаторая частка рассяяна па парафіях і архівах правінцый розных ордэнаў.

Галоўнай адметнасцю памянёных анкет з’яўляецца адсутнасць уніфікацыі пры запаўненні і, як след – розная інфарматыўная напаяўняльнасць і памеры. Гэта паўплывала на тое, што гістарычныя апытальнікі розных касцёлаў маюць розную гістарычную каштоўнасць. Напрыклад, пробашч парафіі ў Саракаполі Свенцянскага павету кс. Юзаф Уладзіслаў Сарасек склаў анкету на 2 старонках, адказваючы на пытанні вельмі лаканічна (ў *большасці выпадкаў* – “так”, “не”) [11], што ўводзіць невялікую колькасць дадзеных у навуковае поле даследчыка. Так, звесткі аб заснаванні парафіі падаюцца наступным чынам: “Касцёл пабудаваны ў 1775 г. У 1851 г. адбудаваны нанова на старым фундаменце”. Пры гэтым, не даецца інфармацыя аб фундатарах, ахвяраваных сумах грошай, выбітных калятарах [11, арк. 2адв.].

У сваю чаргу, пробашч парафіі ў Канстанцінава Мядзельскага павету кс. Аляксандр Лашакевіч распісаў у анкеце гісторыю парафіі больш падрабязна, сумарна яна налічвае 22 старонкі. А. Лашакевіч, апроч падрабязнага апісання гісторыі касцёла, апавядання пра ўсіх яго фундатараў, могількі, алтары і інш., дадаў да крыніцы фотаздымкі касцельнага аздаблення, свой уласны фотартрэт, падрабязны план парафіі, схемы пабудовы касцёла, замалёўкі яго галоўнага і бакавога фасадаў [12, арк. 18–24]. Са звестак аб фундацыі парафіі можна даведацца, што касцёл паўстаў у 1793 г. дзякуючы палкоўніку Ашмянскага павета Канстанціну Хавінскаму, унуку Людвіка Хавінскага. У 1826 г. аднаўленнем касцёла, фундацыяй на яго грошай і стварэннем сямейнага склепа займаліся Пашкевічы. У дадзеным раздзеле прыводзіцца шмат звестак і аб іншых сем’ях фундатараў і калятараў [12, арк. бадв.], сам раздзел значна больш падрабязны за аналагічны з саракапольскай анкеты.

Акцыя па запаўненні гістарычных анкет не атрымала масавай падтрымкі сярод пробашчаў, аднак паклала пачатак стварэнню шэрагам ксяндзоў, якія гэтыя дакументы запаўнялі, наратыўных апавяданняў аб гісторыі парафій. У розных мясцовасцях дадзеныя наратывы мелі розную назву – “манаграфія парафій”, “парафіяльная хроніка”, “касцельная хроніка”, “апісанне парафій”, “гісторыя парафій”, “ведамасці аб парафій” і інш. На сённяшні момант вядомы падобныя творы з Жырмун, Волдацішак, Свянцян, Парэчча (Гродзенскага павету), Ражанкі, Рымшан, Канстанцінава, Ішчалны, Рэплі, Дудаў, Нараўкі і шмат інш. населеных пунктаў. Агульнымі для іх асаблівасцямі з’яўляецца дата стварэння (*паміж 1930 і 1939 гг.*), а таксама тое, што пробашчы, пры пабудове логікі наратыву, карысталіся ў якасці макета апісанымі вышэй анкетамі-апытальнікамі. Галоўным адрозненнем ад анкет з’яўляецца адсутнасць строгай прывязкі да парадку падачы інфармацыі (*структурныя часткі маглі размяшчацца ў тэксце адвольным парадкам; некалькі структурных частак маглі з’явіцца ў вялікіх раздзелі і г.д.*), а таксама больш вольны стыль напісання тэксту і спробы звязаць кожную з частак паміж сабой не толькі храналогіяй, але і сюжэтнай лініяй. У прыватнасці, з мэтай атрымання больш звязнага твору, апускалася дыскрэтная манера апавядання, уласцівая анкетам. Большасць названых гістарычных твораў, за выключэннем надрукаванай невялікім накладам гісторыі Жырмунскага касцёла, захавалася толькі ў адным асобніку ў рукапісным выглядзе [10, с. 2].

Пасля аналізу названых вышэй дакументаў, было ўстаноўлена, што яны маюць прыкметы, якія дазваляюць аднесці іх да віду “хронік і летапісаў”. Так, Акадэмік М.М. Ціхаміраў называў галоўнай прыкметай летапісання і вядзення хронік дзяленне твора па гадах, а летапіс называў “асаблівым відам гістарычнага апавядання, падзеленага па гадах” [13, с. 7]. М.М. Улашчык называў хронікай любое цэльнае паслядоўнае апісанне гістарычных падзей ад моманту зараджэння пэўнай з’явы да моманту, сучаснага храністу [14, с. 7]. Па гэтай прыкмеце М.М. Улашчык вызначаў запісаныя ў храналагічным парадку звесткі аб гісторыі шэрагу беларускіх гарадоў як “гарадскія хронікі” (*самы позні запіс якіх датуецца 1867 г. і адносіцца да хронікі Магілёва*) [14, с. 173–202]. Аднак, запісаныя ў храналагічным парадку звесткі аб гісторыі рымска-каталіцкіх парафій можна называць “Парафіяльнымі хронікамі”, не глядзячы на адсутнасць уніфікацыі ў назвах.

Найбольш яскравым прыкладам падобнага наратыву з’яўляецца 197-міаркушны твор аб гісторыі парафій ў Дудах Лідскага павету, напісаны пробашчам Ськстам Ганусоўскім у 1934 г. [15]. Тэкст з’яўляецца тыповым і падобным па інфармацыйных якасцях на іншыя парафіяльныя манаграфіі і хронікі, але значна большым за іх па памеры за кошт увагі кс. Ганусоўскага да апісання дробных дэталей. Манаграфія парафій ў Дудах змяшчае падрабязнае гістарычнае апісанне парафіяльнага жыцця, падзеленае па прадметным прынцыпе на некалькі важных структурных частак: апісанне тэрыторыі парафій, якое ўтрымлівае апісанне лясоў, балот, сенажацяў, рэк, азёраў, населеных пунктаў, глебы і г.д.; апісанне насельніцтва, уключаючы рыма-каталікоў, акаталікоў і іншаверцаў; апісанне парафіяльных звычаяў і забабонаў; апісанне кулінарных традыцый; апісанне пабудов і промыслаў; гісторыя найстаражытнейшых мясцовых шляхецкіх родаў; апісанне буйнейшых населеных пунктаў; апісанне школ і мясцовых каталіцкіх ордэнаў і ініцыятыў; гісторыя мясцовага парафіяльнага касцёла; апісанне званіц, арганаў, алтароў, абразоў, фігур; гісторыя мясцовых могілак; апісанне парафіяльнага шпіталю; гісторыя мясцовага брацтва; пералік усіх ксяндзоў і вікарыяў, якія служылі ў парафій; пералік адзінак захавання парафіяльнага архіва. Да рукапісу кс. Ганусоўскі дадаў падрабязны алфавітны паказчык, па якім у тэксце можна знайсці апісанне той ці іншай асобы, з’явы ці прадмета.

Манаграфія парафій ў Дудах, як вынікае з уступа, напісана паводле матэрыялаў парафіяльнага архіву, успамінаў мясцовых жыхароў, а таксама з дапамогай шырокага выкарыстання твораў Іпаліта Корвін-Мілеўскага [15, арк. 1]. Выкарыстанне падобнага спалучэння крыніц інфармацыі з’яўляецца тыповым для ўсіх парафіяльных хронік і манаграфій Беларусі без выключэння. Так, кс. Казімір Генрык Васілеўскі з Волдацішак сцвярджаў, што напісаў гісторыю парафій ў 1938 – 1939 гг. “...на падставе ляжачых у парафій дакументаў і ведамасцей, сабраных ад парафіян...” [16, арк. 2], а кс. Тамаш Калінскі ў 1932 г. пісаў, што стварыў манаграфію парафій Нараўка з дапамогай “...сціплага збору парафіяльнага архіва, апавяданняў парафіян аб сівым веку, а таксама дзякуючы ўласным назіранням...” [17, арк. 20].

Успамінам мясцовых жыхароў, якія выкарыстоўваліся ў працах, уласціва паўлегендарнасць і адсутнасць крытычнага аналізу [18, с. 242–243]. Напрыклад, паводле народных успамін у Шчучыне служыў кс. Барталамей Лянкевіч, які вельмі моцна любіў парафіян і шчыра спачуваў ім. Ён, паводле крыніцы, моцна перажываў з-за смерці доктара Жахоўскага (*ініцыялы невядомы*). Падчас адпявання у 1874 г. пачаў маліцца перад алтаром. Доўгі час кс. Лянкевіч стаяў уклечыўшы ў малітвеннай позе, не падымаў галавы і не ўставаў з кален. Калі да яго падышлі, каб сказаць аб заканчэнні службы, то аказалася, што пробашч памёр [8, арк. 221].

Для апісання парафіян святары актыўна выкарыстоўвалі ўласныя назіранні. Так, кс. Ганусоўскі апісвае жыхароў Дудаў наступным чынам: “Люднасць мясцовая, і жанчыны і мужчыны, вельмі нязграбныя; у руху лянівныя і спакойныя. Твары маюць пахмурныя і смутныя. Заўжды прыгнечаныя, заўжды задуменыя і пераважна апатычныя... Не знойдзеш у іх ніякай шчырасці і весялосці. Калі і пасміхаюцца, то толькі злобна

і іранічна. Сардэчна смяяцца не ўмеюць...” [15, арк. 10–10адв.]. Варта заўважыць, што падобнае негатыўнае апісанне мясцовых жыхароў не з’яўляецца выключэннем і для іншых парафій. Вялікая колькасць пробашчаў падкрэслівала ў хроніках негатыўныя рысы парафіян, не апісваючы нейкія станоўчыя якасці. Напрыклад, кс. Фларыян Нявера называў характар жыхароў Жырмун “спекулятыўным” [10, с. 74], не даючы раскрыцця гэтаму тэрміну, а кс. Томаш Калінскі наракаў, што нараўскія парафіяне бедныя як матэрыяльна, так і духоўна, а больш за ўсё любяць “...гулянкі, якія часцей канчаюцца п’янымі бойкамі...” [17, арк. 5]. Трэба думаць, што заганы парафіян запісваліся для таго, каб выкарыстоўваць іх у гаміліях і паказваць магчымыя шляхі да выкаранення грахоў з жыцця паводле Святых пісанняў.

Спалучэнне дакументаў парафіяльных архіваў, твораў гісторыкаў, народных успамінаў і ўласных назіранняў дазваляла пробашчам стварыць крыніцу, звесткі якой фіксавалі мясцовае жыццё выключна вакол рэлігійнай інстытуцыі, што дазваляла казаць аб гістарычнасці касцёла і цеснай сувязі яго з сацыяльным і культурным развіццём мясцовасці.

З мэтай укаранення фактаў з хронік у свядомасці насельніцтва, яны актыўна папулярызаваліся. Пра падобнае сведчыць шэраг успамінаў святароў і жыхароў парафій, у якіх ствараліся гістарычныя наратывы. Так, у бібліятэцы імя Асалінскіх ва Уроцлаве захаваліся мемуары Караля Ляськовіча, які ў 1930-я гг. жыў у Ішчальне Шчучынскага павету. Ляськовіч згадаў хроніку ішчальнскага касцёла, якая, па яго словах, была надзвычай каштоўным дакументам. Сшытак з рукапісам бераглі як кнігу набажэнстваў і захоўвалі ў сакрысты, куды не было допуску староннім асобам. Фрагменты хронікі зачытвалі ў касцёле падчас гамілій, урачыстых падзей, выкарыстоўвалі для адукацыі дзяцей у парафіяльных школах [19, арк. 47].

З аб’яднаннем Заходняй Беларусі з БССР у 1939 г. стварэнне падобных твораў было фактычна спынена па прычыне ідэалагічнага ціску на касцёл і высылкі шэрага святароў, якія пісалі гісторыю мясцовых парафій. Адным з нешматлікіх выключэнняў з’яўляецца згаданая вышэй хроніка ішчальнскай парафіі, вядзенне якой спарадычна прадаўжалася з 1932 г. да пачатку 2000-х гг. у нязменным выглядзе [20, арк. 40–42].

Заклучэнне. Такім чынам, Рымска-каталіцкі касцёл у сярэдзіне XIX – XX стст. зрабіў некалькі захадаў да стварэння гістарычных апісанняў усіх існуючых на той момант парафій. Па форме дадзенага апісання былі прадстаўлены анкетами-апытальнікамі, якія прапаноўваліся курыямі для запаўнення святарам у 1849 і 1926 гг., а таксама вялікімі наратывымі творамі, якія з’яўляліся прыватнай ініцыятывай ксяндзоў. Дадзеныя творы, у залежнасці ад мясцовасці, мелі назву “манаграфія парафіі”, “гісторыя парафіі”, “парафіяльная хроніка”, “касцельная хроніка” і інш. Устаноўлена, што па спосабу падачы інфармацыі іх можна адносіць да такога віду крыніц, як “хронікі і летапісы”. Феномен вядзення парафіяльных хронік на тэрыторыі Заходняй Беларусі доўжыўся да 1939 г., а ў выпадку з ішчальнскай хронікай – да пачатку 2000-х гг. У дадзеных гістарычных крыніцах на падставе матэрыялаў парафіяльных архіваў, прац вядомых аўтараў, успамінаў мясцовых жыхароў і асабістых назіранняў святароў апісвалася штодзённае жыццё асобна ўзятай мясцовасці. Дадзеная акалічнасць робіць парафіяльныя хронікі каштоўным матэрыялам па гісторыі Беларусі і патрабуе іх падрабязнага крыніцазнаўчага, кадэкалагічнага і тэксталагічнага аналізу.

ЛІТАРАТУРА

1. Archiwum Prowincji Franciszkanów w Krakowie (OFMConv). – Sygn. ApLit/C-1.
2. Archiwum Polskiej Prowincji Zakonu Pijarów w Krakowie (APPZPK). – Sygn. Col. Lid. 5.
3. Krahel, T. "Kronika" kościoła farnego w Grodnie / T. Krahel // Rocznik Teologii Katolickiej. – 2003. – Nr. 2. – S. 117–123.
4. Vilniaus universiteto biblioteka (далее – VU Biblioteka). Rankraščių skyrius. – F. 4. B. F4-(A2695)36030.
5. VU Biblioteka. Rankraščių skyrius. – F. 4. B. F4-(A2914)36244.
6. P. K. (Odszyfrowanie nieznane) Kronika parafialna / K. P. // Homiletyka. – 1900. – R. 3. – T. 5. – S. 627–630.
7. B. S. (Odszyfrowanie nieznane) O ważności założenia i prowadzenia kroniki parafjalnej / S. B. // Wiadomości Pasterskie: dodatek do Miesięcznika Kościelnego. – 1925. – R. 2. – Nr. 2. – S. 4-6.
8. Архіў калегіума піяраў і парафіі Найсвяцейшай Тэрэзы Авільскай ў г. Шчучын. – Адз. зах. Kronika parafjalna Szczyńskiego Kościoła.
9. Цэнтральная навуковая бібліятэка імя Якуба Коласа Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі (ЦНБ НАН Беларусі). – Адзел рэдкіх кніг і рукапісаў. – Ф. 24. Воп. 1. Спр. 1127.
10. Niewiero, F. Historia kościoła parafialnego w Żyrmunach (1522–1624–1788–1938) / F. Niewiero. – Lida, 1939. – 104 s.
11. Lietuvos valstybės istorijos archyvas (далее – LVIA). – F. 694. Ap. 5. B. 4067.
12. LVIA. – F. 694. Ap. 5. B. 2059.
13. Тихомиров, М. Н. Русское летописание / М. Н. Тихомиров. – М. : Наука, 1979. – 556 с.
14. Улащик, Н.Н. Введение в изучение белорусско-литовского летописания / Н.Н. Улащик. – М. : Наука, 1985. – 261 с.
15. LVIA. – F. 694. Ap. 5. B. 1246.
16. Цэнтральны навуковы архіў Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі (далее – ЦНА НАН Беларусі). – Ф. 3С. Воп. 25. Спр. 1.
17. Kaliński, T. Monografia parafii Narewka, 1932, mps. // Parafia świętego Jana Chrzciciela w Narewce [Zasób elektroniczny]. – Tryb dostępu: http://www.narewka.archibial.pl/files/Historia_parafii_Narewka.pdf. – Data dostępu: 22.12.2019.

18. Сыцько, К.В. Парафіяльная хроніка Ішчальнскага касцёла / К.В. Сыцько // Беларускі гістарычны агляд. – 2018. – Т. XXV. – Сш. 1-2. – С. 215–245.
19. Zakład narodowy im. Ossolińskich (ZNIO). – Sygn. 15480.
20. ЦНА НАН Беларусі. – Ф. 3С. Воп. 2. Спр. 1.

Пастыніў 19.02.2020

ATTEMPTS TO CREATE HISTORICAL DESCRIPTIONS OF THE PARISHES OF THE ROMAN CATHOLIC CHURCH IN BELARUS IN THE MIDDLE XIX – XX CENTURIES

K. SYTSKO

We consider the attempts of the Roman Catholic Church in Belarus in the middle of the XIX – XX centuries, reflected through the special historical sources of their historical relationship with the social and cultural life of the local population. Stand out measures to create in the bosom of this institution works that shed light on the history of small administrative units – parishes. The first step can be called a decree in 1849 Vilna Bishop V. Žilinski, which obliged all the abbots fill out a questionnaire of 10 questions. Profile called "Chronicle of the parish church." The second attempt took place in the early twentieth century, and is a proposal to create an anonymous priest historical narratives that reflect the daily life through the prism of the church. The third step to the creation of works on the history of parishes called developed in 1926. The questionnaire with 101 issues that were the basis for the creation of a number of Western Belarus priests in the 1930s. narratives. These narratives were called "parish chronicles" and "monographs parishes". Analyzes the sources, which form the basis of these documents, the conclusion of their value for research on the history of Belarus.

Keywords: Roman Catholic Church, parish, source criticism, chronicle, questionnaire.

УДК 903.211.8(476.4)

**ТИПОЛОГИЯ НОЖЕЙ БЕЛОРУССКОГО ПОДНЕПРОВЬЯ X – XV вв.
(ПО РЕЗУЛЬТАТАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
СТАРОГО ШКЛОВА И МСТИСЛАВЛЯ)**

И.В. ТЕРЕНТЬЕВ

(Могилёвский государственный университет им. А.А. Кулешова)

В статье представлен типологический анализ ножей X – XV вв. с территории Старого Шклова и Мстиславля, полученных в ходе археологических исследований И.А. Марзалюка в 2008 – 2012, 2014 гг. Проанализированы основные публикации, посвящённые ножам Белорусского Поднепровья и сопредельных территорий. Изучена историография по данной тематике. На основании государственного стандарта Российской Федерации (Гост Р №51500-99) произведена унификация терминологии составных элементов ножей. При анализе ножей использовались формально-типологический и историко-сравнительный методы, учитывались данные металлографии артефактов из иных синхронных памятников. Систематизация артефактов осуществлена на основе типологии А.Е. Леонтьева, дополненной автором (Отдел III тип 2), использовались исследования Р.С. Минасяна, Ю.А. Зайца, Г.Н. Сагановича. Сделаны выводы о распространении определённых типов, этнической принадлежности отдельных типов изделий, правомерности соотношения типа изделия со способом производства.

Ключевые слова: ножи, Белорусское Поднепровье, Старый Шклов, Мстиславль.

Введение. Нож согласно современной терминологии состоит из клинка и рукоятки (рисунок 1). Составными частями клинка являются: острие – место, где клинок сходится в одну точку; лезвие – острая часть клинка; обух – противоположная лезвию часть клинка; голомень – боковая плоскость клинка. Составной частью рукоятки является черен – основная часть рукоятки для непосредственного захвата рукой. Кроме того, на рукоятки могут присутствовать такие элементы, как гарда, или перекрестье, головка, темляк и др. Верхняя часть рукоятки называется спинкой, или спинкой рукоятки. Составной частью ножа является хвостовик – часть клинка, находящаяся внутри рукоятки и к которой, определённым способом, крепится рукоять [1, с. 32–37; 2].

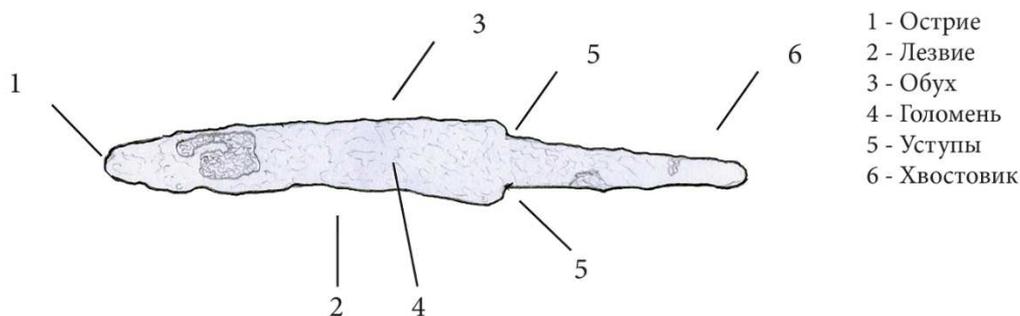

Рисунок 1. – Составные элементы ножа

В археологической науке сформировалась несколько иная терминология составных элементов ножа. Хвостовик в публикациях Р.С. Минасяна, Г.Н. Сагановича, Ю.А. Зайца называется «черенком», в статье А.Е. Леонтьева – «черешком», А.А. Балашов использует оба понятия. Б.А. Колчин и А.Е. Леонтьев, Ю.А. Заяц использует термины «спинка ножа» и «обух» как синонимичные; Г.Н. Саганович, Р.С. Минасян, А.А. Балашов по отношению к обуху применяют исключительно термин «спинка» [3–8].

В настоящей статье ко всем используемым типологиям будет применяться современная терминология основных элементов ножа, представленная выше.

Ножи из шкловской коллекции анализировал И.А. Марзалюк. Исследователь использовал типологию Ю.А. Зайца. Ножи X – XV вв. разделены учёным на 2 типа: тип 1 – ножи с прямым и толстым обухом и коротким хвостовиком, ось которого параллельна обуху ножа, датировка X – XII вв. (тип I по Ю.А. Зайцу); тип 2 – ножи с прямым обухом и коротким хвостовиком, ось которого совпадает с осью клинка, датировка XIII – XV вв. (тип III по Ю.А. Зайцу) [9, с. 26; 10, с. 20; 11, с. 8; 12, с. 50; 13, с. 16].

Основная часть. По форме лезвия ножи из шкловской и мстиславской коллекций разделяются на изделия с прямым обухом и с понижением линии обуха (наклон линии обуха колеблется в границах 4–12° относительно оси клинка). Оба представленных типа клинка предназначены как для реза, так и для кола. Все ножи имеют клиновидное сечение. Длина клинков: самый короткий 29 мм, самый длинный 95 мм.

Исходя из формы и длины клинка, все находки по функциональному предназначению относятся к группе хозяйственно-универсальных.

При анализе ножей использовалась, дополненная автором (отдел III тип 2), типология А.Е. Леонтьева [6]. Данная типология является одной из наиболее детальных, выделенные типы в целом соответствуют действительно существовавшим разновидностям ножей. Типологические схемы А.Е. Леонтьева в целом применимы для ножей разных эпох, но наиболее информативны при анализе ножей VIII – XII вв. Отметим, что при типологическом анализе не учитывались фрагментированные артефакты (фрагменты лезвий), из-за невозможности проследить отношение хвостовика к клинку, необходимое для выделения типа.

К ножам X – XII вв. относятся артефакты, имеющие соотношение ширины лезвия к толщине клинка 3:1. В коллекции присутствуют ножи с соотношением 4:1, 5:1 или близким к данным параметрам. В научной литературе, как правило, встречаются сведения о ножах с соотношением 3:1, 6:1 и с более высокими значениями (с XIII в.) [8, с. 48].

Отдел I тип 1 вид 2 – ножи у которых хвостовик продолжает линию обуха, имеют короткий, чаще всего скруглённый на конце хвостовик, обух прямой иногда плавно приспущен к острию (Шклов, 2 экз.) (рисунок 2). Целый экземпляр имеет длину 87 мм (клинок – 66 мм, хвостовик – 21 мм), наклон лезвия 6°. Экземпляр с фрагментарно сохранившимся хвостовиком имеет длину 78 мм (клинок – 64 мм, хвостовик – 14 мм), наклон лезвия 4°. Для ножей данного типа, как отмечает А.Е. Леонтьев, характерна отковка клинка из железа со следами естественной неравномерной науглерожности [6, с. 34–35, 37–39].

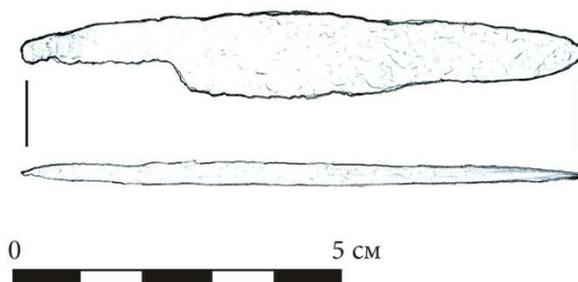

Рисунок 2 – Отдел I тип 1 вид 2 (рис. В.А. Осмоловской)

Отдел I тип 2 – ножи у которых хвостовик продолжает линию обуха, лезвие плавно переходит в широкий, тупой на конце хвостовик, отсутствуют уступы как со стороны обуха, так и со стороны режущей кромки (Шклов, 2 экз., Мстиславль 1 экз.) [6, с. 34–35, 37–39] (рисунок 3). 1 экземпляр имеет длину 53 мм (клинок – 46 мм, хвостовик – 9 мм), угол наклона 9°. Второй экземпляр имеет длину 101 мм (клинок – 65 мм, хвостовик – 36 мм). Третий нож (Мстиславль) имеет длину 136 мм, соотношение 4:1, обнаружен в слое XIV – XV вв. Идентичные изделия обнаружены в Заславле [5, с. 59, 173].

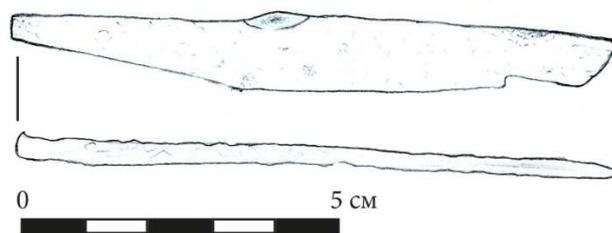

Рисунок 3 – Отдел I тип 2 (рис. В.А. Осмоловской)

Ножи отдела I типа 2 широко встречаются во многих регионах Восточной Европы. Ножи схожих форм встречаются в Скандинавии, А.Е. Леонтьев при анализе ножей с Сарского городища относил данный тип к древностям Мери, отмечая при этом их связь с ножами раннего железного века дьяковской и городецкой культур [6, с. 39, 41]. Ножи данного отдела близки по форме к группе I по Р.С. Минасяну. Как отмечает Р.С. Минасян, прототипами ножей группы I являются ножи с горбатой спинкой лесной зоны раннего железного века – милоградской, юхновской, зарубинецкой, днепро-двинской, дьяковской, городецкой и других культур [3, с. 69].

Отдел II тип 1 – ножи с хвостовиком, расположенным ниже обуха, и уступом между ними, переход от хвостовика к обуху резко акцентирован: линия уступа перпендикулярна последнему; обух ножа прямой, обычно скошен к острию (Шклов, 3 экз., Мстиславль, 1 экз.) (рисунок 4). Размеры клинков данных артефактов 64, 72, 81 и 72 (мм) (Мстиславль) соответственно, все изделия сильно сточены. [9, с. 35–36; 20, с. 181–183; 21, с. 46–47].

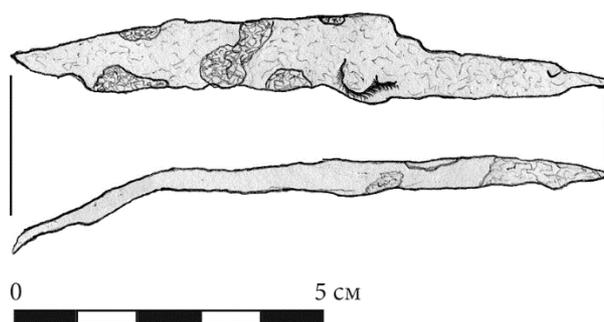

Рисунок 4 – Отдел II тип 1 (рис. В.А. Осмоловской)

Отдел II тип 2 – ножи с хвостовиком, расположенным ниже обуха, и уступом между ними; уступ мельче, не всегда столь ярко выражен, как у формы II 1; хвостовик длинный узкий, симметричен оси ножа, обух прямой, на конце плавно приспущен к острию (Шклов, 1 экз.) (рисунок 5). Длина ножа 145 мм (клинок – 88 мм, хвостовик – 57 мм). [9, с. 35–36; 20, с. 181–183; 21, с. 46–47].

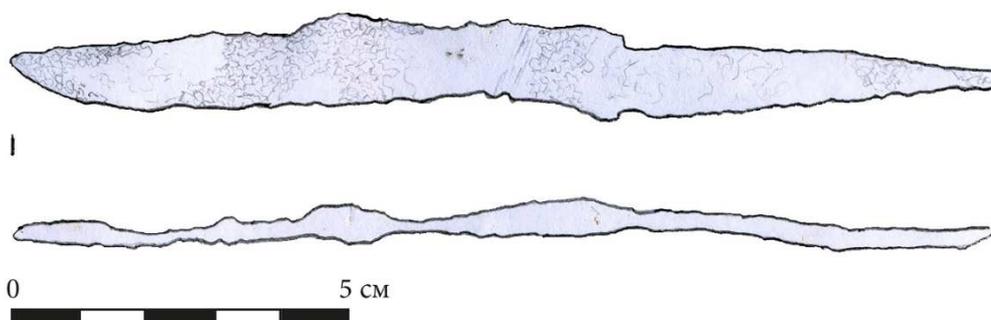

Рисунок 5 – Отдел II тип 2 (рис. В.А. Осмоловской)

Ножи II отдела считаются скандинавскими древностями. Изготавливались такие изделия в технике трёхслойного сварочного пакета [3, с. 72–73; 15, с. 46–47; 16, с. 181–182]. Экземпляры, обнаруженные в Старом Шклове и Мстиславле, не соответствуют в полной мере геометрическим характеристикам скандинавских (хвостовик в ножах викингов, как правило, в два раза длиннее клинка или имеет длину больше половины длины клинка, чего не наблюдается в представленных экземплярах). О.А. Балашов считает, что подобные изделия не следует соотносить со скандинавскими, исследователь ссылается на металлографические анализы подобных находок проведённые В.И. Завьяловым, результаты которых показали, что значительная часть таких ножей отковывалась целиком из стали, что объясняет большую сточенность [7].

Отдельно стоит остановиться на 11 экземплярах ножей, которые не совсем вписываются в типологическую схему А.Е. Леонтьева. Выделим их в дополненный тип – отдел III тип 2.

Отдел III тип 2 (12 экз. – X – XII вв., 3 экз. – XIII – XV вв.). Для данного типа характерны прямой обух, соотношение ширины лезвия к толщине обуха 3:1 (X – XII вв.), 2 уступа от хвостовика к обуху и лезвию, образующие тупые или прямые углы (рисунок 6). Общая длина изделий от 72 до 136 мм, длина клинка от 46 до 83 мм.

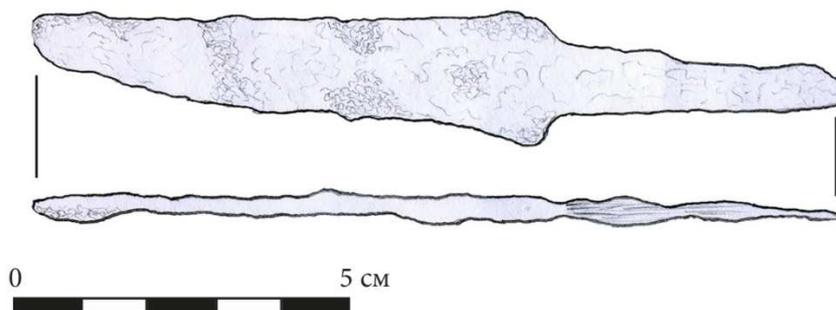

Рисунок 6 – отдел III тип 2 (рис. В.А. Осмоловской)

Ножи этого типа по форме близки к группе II по Р.С. Минасяну, а также практически идентичны новгородским ножам XII – XIII вв., которые Р.С. Минасян также относит ко II группе. Отличие новгородских ножей XII – XIII вв. заключается исключительно в соотношении ширины лезвия к толщине клинка, новгородские имеют соотношение 6:1, шкловские – 3:1. По Р.С. Минасяну ножи группы II появляются не ранее VIII в. и к X – XI вв. распространяются на все части лесной зоны. Ножи группы II считаются славянскими [3, с. 69–70; 11, с. 48–51].

К XIII – XV вв. относятся 3 ножа. Типологически их следует отнести к отделу III типу 2. Отличия их от ножей отдела III типа 2 X–XII вв. заключается в ином соотношении ширины лезвия к толщине обуха (5:1, 6:1, 7:1).

В шкловской коллекции присутствует нож индивидуальной формы. Верхний и нижний уступы ножа образуют единую диагональную линию, ось которой пересекает ось хвостовика. Общая длина изделия 102 мм (клинок – 95 мм, хвостовик – 8 мм). Наклон лезвия составляет 4°. Соотношение ширины лезвия к толщине клинка – 4:1. Среди ножей присутствует сильно коррозированный фрагмент складного ножа, обнаруженный в Мстиславле. Датируется данный артефакт XIV – XV вв. Соотношение ширины лезвия к толщине обуха 6:1.

Заключение. Таким образом, все ножи, за исключением фрагмента складного ножа, по функциональному назначению относятся к хозяйственно-универсальным. Большинство изделий, исходя из соотношения ширины лезвия к толщине клинка, относятся к периоду X – XII вв. Ножи отдела III типа 2, относящиеся к славянским древностям, являются наиболее массовыми находками ножей в Старом Шклове и Мстиславле, данный тип широко представлен в материальной культуре городов Белорусского Поднепровья [18, с. 63; 19, с. 185; 20, с. 60; 21, с. 185]. Возникнув в VIII в. данный тип существует на протяжении всего рассматриваемого периода, изменяясь в основном в соотношении ширины лезвия к толщине обуха.

Ножи в рассматриваемый период изготавливались при помощи различных приёмов, самые распространённые – отковка изделия из цельного металла (цельнометаллические), трёхслойный пакет, наварка стального лезвия на железную основу. Масштабные исследования, в первую очередь российских учёных, показывают, что нет однозначной взаимосвязи типа (формы) со способом производства ножа, исключение составляют ножи II отдела (техника трёхслойного пакета) [22, с. 17–18]. Ножи отдела II представленные в шкловской и мстиславской коллекциях, как отмечалось выше, нельзя определённо соотнести со скандинавскими древностями, решение вопроса об их этнической принадлежности зависит от результатов металлографии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев, Д. Энциклопедия оружия: лучшие мировые образцы / Д. Алексеев. – М. : Эксмо, 2019. – 480 с. (Подарочные издания. Оружие).
2. Ножи и кинжалы охотничьи [Электронный ресурс] : Гост Р №51500-99 // Государственный стандарт Российской Федерации // eko-czaon.narod.ru. – 1999. – Режим доступа: <http://eko-czaon.narod.ru/ho/gost/001/51500-99.htm>. – Дата доступа: 15.08.2020.
3. Минасян, Р.С. Четыре группы ножей Восточной Европы эпохи раннего средневековья (к вопросу о появлении славянских форм в лесной зоне) / Р.С. Минасян // Археолог. сб. – 1980. – № 21. – С. 68–74.
4. Сагановіч, Г.М. Прылады і побытавыя рэчы / Г.М. Сагановіч, // Археалогія Беларусі : у 4 т. / Под науч. ред. П.Ф. Лысенко. – Мінск : Беларус. Навука, 2001. – Т. 4: Помнікі XIV–XVIII стст. – С. 260–277.
5. Заяц, Ю.А. Заславль в эпоху феодализма / Ю.А. Заяц. – Минск : Навука і тэхніка, 1995. – 207 с.
6. Леонтьев, А.Е. Классификация ножей Сарского городища / А.Е. Леонтьев // Советская археология. – 1976. – № 2. – С. 33–44.
7. Балашов, А.А. Ножи славян Днепро-донского междуречья как источник по этнокультурным контактам IX – X вв. [Электронный ресурс] / А.А. Балашов // Учёные записки : электрон. науч. журн. Курс. гос. ун-та. – 2013. – № 3(27). – Т. 1. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/nozhi-slavyan-dnepro-donskogo-mezhdurechya-kak-istochnik-pro-etnokulturnym-kontaktam-ix-x-vv/viewer>. – Дата доступа: 01.12.2020.
8. Колчин, Б.А. Железоделательное ремесло Новгорода Великого / Б.А. Колчин // Тр. Новгор. археол. Экспедиции : в 4 т. – Т. 2. Материалы и исследования по археологии СССР (МИА) № 65 ; под ред. А.В. Арциховского и Б.А. Колчина. – М., 1959. – С. 7–121.
9. Марзалюк, І.А. Справаздача аб археалагічных раскопках на гарадзішчы «Стары Шклоў» Шклоўскага раёна Магілёўскай вобласці ў 2008 г. / І.А. Марзалюк // ЦНА НАН Беларусі. – ФАНД. Воп. 1. Арх. № 2595. – 30 с., 35 с. калекц. воп., 7 с. сп. іл., 95 с. іл., 1 даведка.
10. Марзалюк, І.А. Справаздача аб археалагічных раскопках на на гарадзішчы «Стары Шклоў» Шклоўскага раёна Магілёўскай вобласці ў 2009 г. / І.А. Марзалюк // ЦНА НАН Беларусі. – ФАНД. Воп. 1. Арх. № 2819. – 30 с., 20 с. калекц. воп., 1 с. умоўн. абазн., 2 с. сп. мал., 4 с. сп. фота, 33 с. мал., 54 с. фота, 1 даведка.
11. Марзалюк, І.А. Справаздача аб археалагічных раскопках на гарадзішчы «Стары Шклоў» Шклоўскага раёна Магілёўскай вобласці ў 2010 г. / І.А. Марзалюк // ЦНА НАН Беларусі. – ФАНД. Воп. 1. Арх. № 2809. – 23 с., 30 с. калекц. воп., 6 с. сп. мал. і фота, 1 с. умоўн. абазн., 35 с. мал., 37 с. фота, 43 с. дадатак, 1 даведка.
12. Марзалюк, І.А. Справаздача аб археалагічных раскопках на гарадзішчы «Стары Шклоў» Шклоўскага раёна Магілёўскай вобласці ў 2011 г. / І.А. Марзалюк // ЦНА НАН Беларусі. – ФАНД. Воп. 1. Арх. № 3069. – 57 с., 147 с. калекц. воп., 10 с. сп. мал., 8 с. сп. фота, 2 с. умоўн. абазн., 125 мал., 75 фота, 1 даведка.

13. Марзалюк, І.А. Справаздача аб археалагічных раскопках на гарадзішчы «Стары Шклоў» Шклоўскага раёна Магілёўскай вобласці ў 2012 г. / І.А. Марзалюк // ЦНА НАН Беларусі. – ФАНД. Воп. 1. Арх. № 3070. – 18 с., 29 с. калекц. воп., 2 с. умоўн. Абазн., 2 с. сп. Мал. і фота, 23 мал., 18 фота, 1 даведка.
14. Марзалюк, І.А. Справаздача аб археалагічных раскопках на тэрыторыі Мсціслаўскага замчышча (Замкавая гара) у горадзе Мсціславе Магілёўскай вобласці ў 2014 годзе / І.А. Марзалюк // ЦНА НАН Беларусі. – ФАНД. Воп. 1. Арх. № 3196. – 51 с., 28 с. калекц. воп., 8 с. сп. мал. і фота.
15. Лесман, Ю.М. Скандинавский компонент древнерусской культуры / Ю.М. Лесман // Stratum Plus. – 2014. – № 5. – С. 43–87.
16. Arbman, H Die Gräber. Tafeln. Birka I. / H. Arbman. – Uppsala : Almqvist & Wilsells, 1940. – 310 с.
17. Гурын М.Ф. Металаграфічнае даследаванне жалезных прадметаў з гарадзішча каля в. Горы Горацкага раёна / М.Ф. Гурын // Весці АН БССР. Сер. грамадскіх навук. – 1985. – № 4. – С. 61–68.
18. Друцк : Друцк и Друцкая волость (княжество) в IX—XII вв., летопись древних слоев, князя Друцкие и их владения в XIII—XVIII вв., ремесло, промыслы, торговля (по данным археологии, нумизматики, письменных источников), памятники архитектуры и объекты туризма / О. Н. Левко [и др.] ; редкол.: А. А. Коваленя (гл. ред.) [и др.] ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – Минск : Беларуская навука, 2014. – 619 с.
19. Марзалюк, І.А. Магілеў у XII–XVIII стст.: Людзі і рэчы / І.А. Марзалюк. – Мінск : Веды, 1998. – 260 с.
20. Мяцельскі, А.А. Старадаўні Крычаў: Гісторыка-археалагічны нарыс горада ад старажытных часоў да канца XVIII ст. / А.А. Мяцельскі. – Мінск : Бел. Навука, 2003. – 167 с.
21. Сагановіч, Г.М. Кавальскія вырабы сярэднявечавага Мсціслава / Г.М. Сагановіч // Помнікі мастацкай культуры Беларусі. Новыя даследаванні ; нав. рэд. С.А. Марцалёў. – Мінск : Навука і тэхніка, 1989. – С. 183–189.
22. Завьялов, В.И. Традиции и инновации в производственной культуре Северной Руси / В.И. Завьялов, Л.С. Розанова, Н.Н. Терехова. – М. : «Анkil», 2012. – 376 с.

Поступила 04.12.2020

**TYOLOGY OF KNIVES OF THE BELARUSIAN DNIEPER REGION X-XV CENTURIES.
(BASED ON THE RESULTS OF ARCHAEOLOGICAL RESEARCH
IN STARYY SHKLOV AND MSTISLAVL)**

I. TSIARENTSYEU

The article presents a typological analysis of knives of the X-XV centuries from the territory of Staryy Shklov and Mstislavl, obtained in the course of archaeological research by I.A. Marzalyuk in 2008-2012, 2014. Analyzed the main publications devoted to the knives of the Belarusian Dnieper region and adjacent territories. The historiography on this topic has been studied. Based on the state standard of the Russian Federation (Госн Р №51500-99), the terminology of the constituent elements of knives was unified. In the analysis of knives, formal-typological and historical-comparative methods were used, the data of metallography of artifacts from other synchronous sites were taken into account. Artifacts are systematized based on typology of A.E. Leontiev, supplemented by the author (Section III type 2), used research of R.S. Minasyan, Y.A. Zayats, G.N. Saganovich. Conclusions are made about the distribution of certain types, ethnicity of certain types of products, about the legality of the relationship between the type of product and the method of production.

Keywords: *knives, Belarussian Dnieper region, Staryy Shklov, Mstislavl.*

УДК 351.853.3(476.5)+904:726.82(476.5)«14/18»

**АРХЕАЛАГІЧНЫЯ РАСКОПКІ НА ПОЗНЕСЯРЭДНЕВЯКОВЫМ МОГІЛЬНІКУ
КАЛЯ в. МІХАЛІНАВА ЛЁЗНЕНСКАГА РАЁНА Ў 2016 г.**

*канд. гіст. навук В.У. ЧАРАЎКО
(Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт)*

Артыкул прысвечаны апісанню археалагічных раскопак на познесярэдневяковым грунтовым могільніку каля вёскі Міхалінава Лепельскага раёна ў 2016 г. Было адкрыта 26 пахаванняў, якія ўтрымлівалі парэшткі не менш, чым 32 індывідаў (9 мужчын, 8 жанчын, 5 дзяцей, 8 дарослых неўстаноўленага полу і 2 індывідаў, чый пол і ўзрост не вызначаны). Пахаванні размешчаны на рознай глыбіні ў 4 гарызонтах. Касцякі арыенціраваны галавой на захад (3 пахаванні), у тым ліку з адхіленнямі да поўначы (11 пахаванняў) і да поўдня (3 пахаванні). У запаўненні магільных ям 15 пахаванняў выяўлены рэшткі труп. Пахавальны інвентар выяўлены ў 2 пахаваннях і прадстаўлены нацельнымі крыжыкамі. Таксама знойдзены крыжык, пярсцёнак, дэталі галаўнога ўбору, 2 манеты (верагодна, з парушаных пахаванняў). У культурным слаі могільніка прадстаўлены фрагменты керамікі XV – XIX стст.

Ключавыя словы: *Беларускае Падзвінне, археалагічныя даследаванні, пахавальныя помнікі XV – XVIII стст., пахаванні, пахавальны інвентар.*

Уводзіны. Пахавальныя помнікі Беларусі XIV – XVIII стст. да XX ст. не былі прадметам мэтанакіраваных даследаванняў. Яны даследаваліся пераважна пры выпадковым выяўленні або пры вывучэнні шматслойных помнікаў. У выніку аб пахавальным абрадзе Позняга Сярэдневякоўя – Новага часу мы ведаем недастаткова. Для рэканструкцыі пахавальнай практыкі згаданага перыяду найбольш інфарматыўнымі і шматлікімі з’яўляюцца археалагічныя крыніцы, таму археалагічнае вывучэнне познесярэдневяковых пахавальных помнікаў і публікацыя матэрыялаў палявых даследаванняў застаецца перспектыўным напрамкам айчынай археалагічнай і гістарычнай навукі. Адным з такіх помнікаў стаў могільнік каля в. Міхалінава Лёзненскага раёна Віцебскай вобласці.

Асноўная частка. Апісанне могільніка. Могільнік знаходзіцца пасярэдзіне в. Міхалінава і складаецца з дзеючай і старой частак. Старая частка знаходзіцца на паўночнай ускраіне могілак, да нядаўняга часу выкарыстоўвалася як могілкавы сметнік, а зараз засвойваецца пад сучасныя пахаванні. На старой частцы могілак знаходзіцца каменны крыж з высечаным знакам (крыжам з паўсферай над ім). Такія крыжы выступаюць у ролі маркёраў пахаванняў Позняга Сярэдневякоўя – Новага часу, таму намі было прынята правесці на могільніку археалагічныя раскопкі. Раскопкі праводзіліся сіламі студэнтаў Полацкага дзяржаўнага ўніверсітэта і валанцёраў¹.

Апісанне раскопа. На старой частцы могілак быў разбіты раскоп плошчай 20 м², арыенціраваны па баках свету. Ён закладаўся з разлікам, каб уключыць каменны крыж і камень прыкладна ў 6 м на паўднёвы захад ад крыжа, які мог адносіцца да надмагільнай канструкцыі. Раскоп быў разбіты на квадраты 2 × 2 м і даследаваўся ўмоўнымі пластамі па 0,2 м. Стратыграфія мела наступны выгляд. Пад слоём дзёрану знаходзілася праслойка цёмнай, насычанай арганікай глебы магутнасцю каля 0,2 м. Яна была перамяшана са смеццем (дротам і кветкамі ад вяноў, бітымі шкляннымі бутэлькамі). Пад ёй ляжаў слой жоўтага пяску з плямамі шэра-жоўтага колеру (слядамі шматлікіх перакопаў). Мацярык прадстаўлены светлым, бледнажоўтым пяском. На ўсю глыбіню слоя сустракаліся фрагменты керамікі і асобныя косці. Пасля завяршэння работ раскоп быў засыпаны.

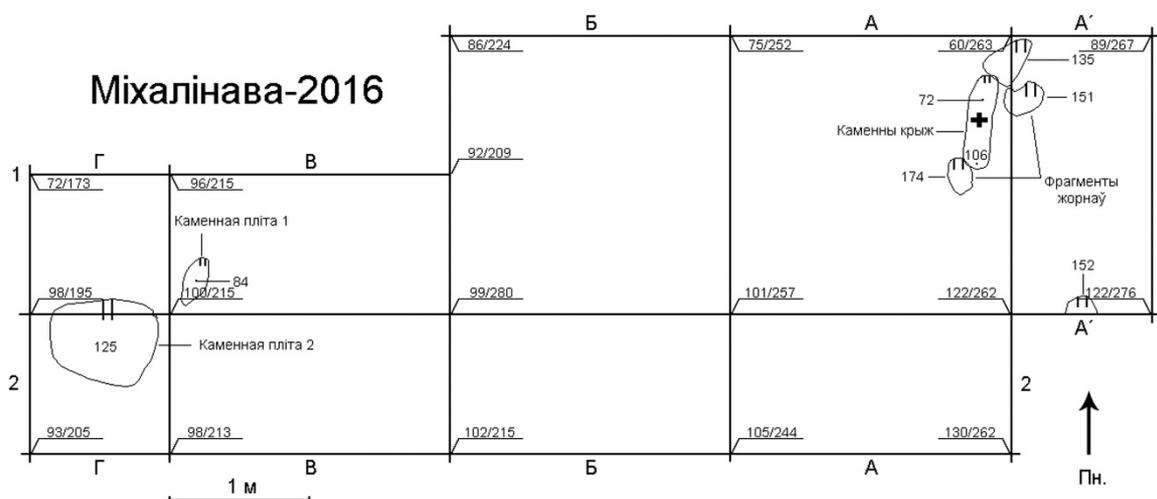
Апісанне каменных надмагілляў. На ўзроўні дзённай паверхні надмагіллі былі прадстаўлены каменным крыжам у квадраце А1 і каменем у квадраце В1 (малюнак 1). Каменны крыж быў нахілены на паўночны бок і ўрос у зямлю па перакладзіну. Ніжняя частка лапасцей знаходзілася ў зямлі. З усходняга боку на ім бароздкамі быў высечаны знак (крыж з паўсферай над ім), які візуальна нагадваў парасон. Вышыня наземнай часткі крыжа складала 0,5 м над узроўнем дзённай паверхні. Агульная вышыня крыжа (устаноўлена пасля таго, як крыж быў вынуты з зямлі) складала 1,01 м, шырыня лапасцей 0,67 м. Каменны

¹ Аўтар выказвае падзяку: Дз.І. Казлову за дапамогу ў арганізацыі даследаванняў, намесніку старшыні Лёзненскага райвыканкама І.А. Дзерваед, кіруючаму справам райвыканкама А.М. Ганчарову, дырэктару раённага ваенна-гістарычнага музея В.М. Самушчанка, старшыні Веляшковіцкага сельсавета Л.І. Васільковай – за ўсебаковае спрыянне археалагічнай экспедыцыі, удзельнікам раскопак: Л. Аверчанка, А. Бурштэйну, А. Доўгай, А. Жылачу, А. Контаравай, П. Круку, А. Пестун, К. Салуніну, Дз. Сядлецкаму, А. Трошка, А. Усцін, Ю. Харытонавай, М. Шчамялёву, П. Ястрэмскаму – за руплівую і добрасумленную працу, І. Камінскаму, А. Коцу, Л. Калбека – за дапамогу ў камеральнай апрацоўцы матэрыяла.

крыж суадносіцца з пахаваннем 3 і знаходзіўся ў нагах магілы, але можа адносіцца і да аднаго з суседніх парушаных пахаванняў.

Камень у квадраце В1 (гл. малюнак 1) аказаўся верхняй часткай каменнай пліты 1 падавальной формы вышынёй 0,86 м і шырынёй 0,46 м (у самай шырокай частцы). На пліце з усходняга боку быў высечаны васьміканцовы крыж з касой перакладзінай. Малюнак зроблены дзвюма двойнымі бароздкамі з пра-межкам паміж імі, якія ўтвараюць контур крыжа. Пліта суадносіцца з пахаваннем 8, але магла абазначаць і суседнія пахаванні 10 ці 26.

На ўзроўні ўмоўнага пласта 2 (0,2–0,4 м ад узроўню дзённай паверхні) на мяжы квадратаў Г1–Г2 знойдзена каменная пліта 2. Яна знаходзілася ў паваленым стане, плоскім бокам уніз. Пліта мела падпрамавугольную форму. Яе памеры складалі 0,75 м у вышыню і 0,42 м у шырыню. На пліце бароздкамі быў высечаны васьміканцовы крыж з касой перакладзінай, узяты ў контур нахштальт гербавага шчыта. Пліта суадносіцца з пахаваннем 12.

Малюнак 1. – Могільнік каля в. Міхалінава Лёзненскага раёна. План каменных канструкцый

На ўзроўні ўмоўнага пласта 3 на мяжы квадратаў А1–А'1 выяўлены камень. На ўзроўні ўмоўнага пласта 4 побач былі знойдзены 2 фрагменты жорнаў. Магчыма, яны ўтваралі незамакнёную абкладку або былі пакладзены для ўмацавання асновы крыжа ў якасці яго «падмурку». Яшчэ адзін камень знаходзіўся ў паўднёвай сценцы квадрата А'1 на ўзроўні ўмоўнага пласта 4 (гл. малюнак 1).

Апісанне пахаванняў. У межах раскопа было адкрыта 26 пахаванняў, якія размяшчаліся на рознай глыбіні ў 4-х гарызонтах. Да першага гарызонта аднесены пахаванні 1 і 11, што знаходзіліся на глыбіні да 0,79 м (тут і далей даецца глыбіня ад узроўню дзённай паверхні); да другога – пахаванні 2, 6–10, 12–13, выяўленыя на глыбіні да 1,03 м, да трэцяга – пахаванні 3–5, 22, 24–25, адкрытыя на глыбіні да 1,45 м, да чацвёртага гарызонту адносіліся пахаванні 14–21, 23, 26, якія знаходзіліся на глыбіні да 1,89 м. Пахаванні пашкоджаны шматлікімі перакопамі, магільныя ямы практычна не чыталіся, што ўказвае на працяглае выкарыстанне даследаванай часткі могільніка. Анатамічны парадак касцей у большасці з іх парушаны. Акрамя таго, у культурным слаі па-за магіламі выяўлена значная колькасць скапленняў касцей і асобных касцей пашкоджаных касцякоў.

Прасочана арыенціроўка 17 пахаванняў. Тры з іх арыенціравана на захад, 11 – на захад з адхіленнем да поўначы, 2 – на паўднёвы захад, 1 – на захад з адхіленнем да поўдня. Пераважае агульны напрамак адхілення да поўначы. Палажэнне рук прасочана для 6 пахаванняў. У двух рукі складзены на жываце пад грудзямі, у двух – адна рука знаходзілася на жываце пад грудзямі, а другая ляжала на тазавых касцях або на грудзях, у двух захавалася толькі адна рука, якая ляжала на жываце пад грудзямі. Антрапалагічная экспертыза праводзілася канд. біял. навук, дацэнтам В.А. Емяльянчык [1]². Па выніках экспертызы, астэалагічны матэрыял належаў не менш чым 31 індывиду, у тым ліку 9 мужчынам, 8 жанчынам, 5 дзецям, 8 дарослым неўстаноўленага полу і 2 індывідам, пол і ўзрост якіх не быў вызначаны з-за незадавальняючай захаванасці парэшткаў.

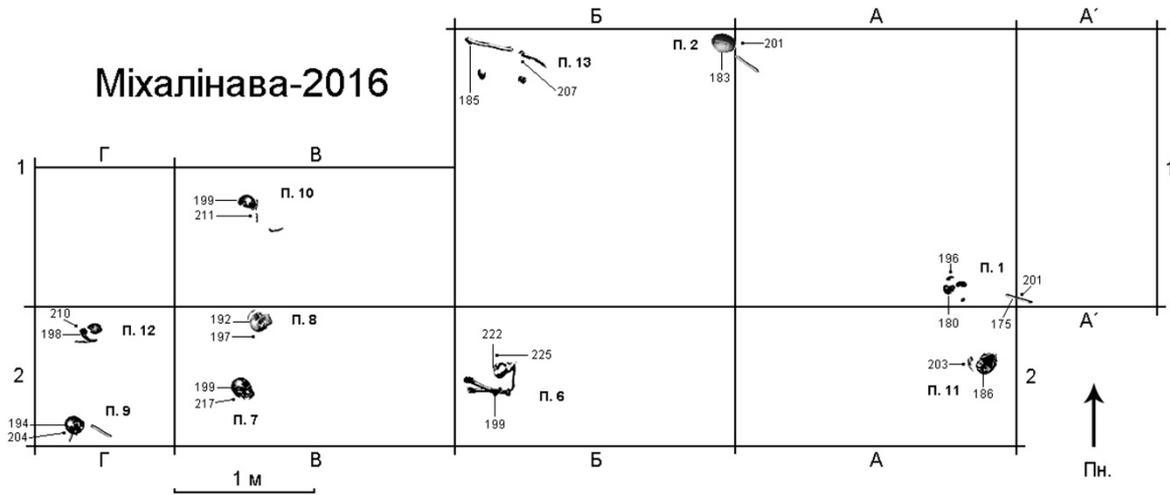
Пахаванне 1 (малюнак 2) знаходзілася ў квадратах А1, А'1, А2 на глыбіні 0,79 м, прадстаўлена асобнымі касцямі і паводле антрапалагічнай экспертызы належала дзіцяці ва ўзросце 3 гадоў. Зыходзячы з

² Аўтар выказвае падзяку кандыдату біялагічных навук, дацэнту В.А. Емяльянчык за праведзеную антрапалагічную экспертызу.

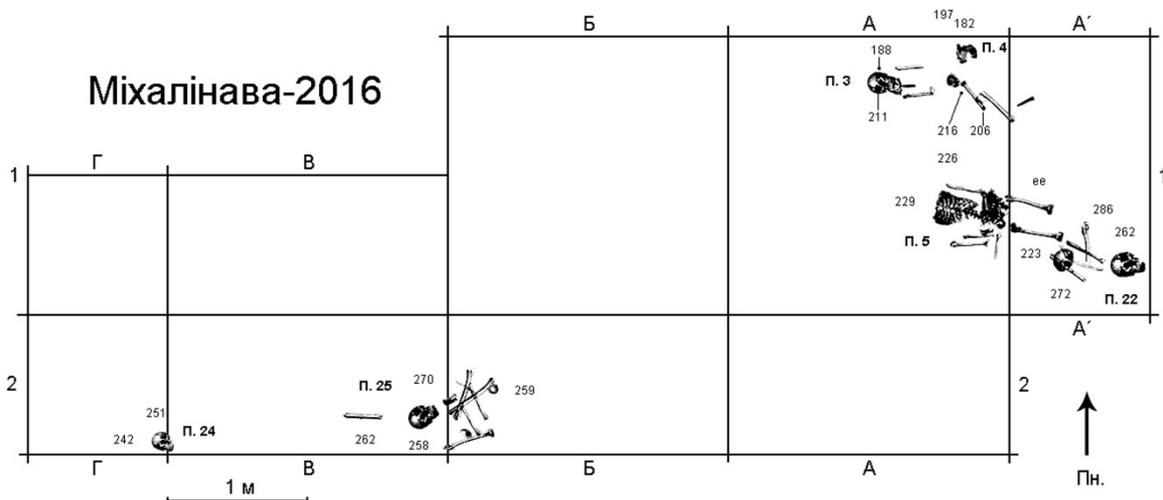
размяшчэння касцей і контураў магілы, шкілет арыенціраваны галавой на захад з адхіленнем да поўначы. Палажэнне рук не ўстаноўлена.

Пахаванне 2 (гл. малюнак 2) размяшчалася ў квадраце Б1 на глыбіні 1,08 м, прадстаўлена асобнымі касцямі і па выніках экспертызы належала дзіцяці ва ўзросце 12–15 гадоў. Арыенціроўка і палажэнне рук не ўстаноўлены. У засыпцы магілы знаходзіўся невялікі фрагмент вугалю.

Пахаванне 3 (малюнак 3) выяўлена ў квадратах А1, А'1 на глыбіні 1,33 м і па даных антрапалагічнай экспертызы належала даросламу індывиду ва ўзросце 18–20 гадоў. Шкілет арыенціраваны галавой на захад з адхіленнем да поўначы. Правая рука пакладзена на жываце пад грудзямі, косці левай рукі адсутнічалі. У магільнай яме зафіксаваны 2 цвікі ад труны. У раёне ног над пахаваннем знаходзіўся каменны крыж. Не выключана, што згаданыя валуны і каменны крыж маглі адносіцца да суседніх парушаных пахаванняў.

Малюнак 2. – Могільнік каля в. Міхалінава Лёзненскага раёна. План пахаванняў. Гарызонты 1–2

Малюнак 3. – Могільнік каля в. Міхалінава Лёзненскага раёна. План пахаванняў. Гарызонт 3

Пахаванне 4 (гл. малюнак 3) знаходзілася ў квадраце А1 на глыбіні 1,22 м, прадстаўлена асобнымі касцямі і паводле антрапалагічнай экспертызы належала дзіцяці 10–12 год. Арыенціроўка, палажэнне рук не ўстаноўлены. У магіле зафіксавана 8 цвікоў ад труны.

Пахаванне 5 (гл. малюнак 3) размяшчалася ў квадратах А1, А'1 на глыбіні 1,13 м і па выніках антрапалагічнай экспертызы належала даросламу чалавеку ва ўзросце ад 20 гадоў. Зыходзячы з размяшчэння касцей і контураў магілы, шкілет быў арыенціраваны галавой на захад з адхіленнем да поўначы. Левая рука пакладзена на жываце пад грудзямі, косці правай знойдзены збоку ад касцяка.

Пахаванне 6 (гл. малюнак 2) выяўлена ў квадраце Б2 на глыбіні 1,0 м, прадстаўлена асобнымі касцямі і па даных антрапалагічнай экспертызы належала мужчыне (?) ва ўзросце ад 20 гадоў. Зыходзячы з контураў магілы, пахаванне было арыенціравана галавой на захад з невялікім адхіленнем да поўначы. Палажэнне рук не ўстаноўлена. У магільнай яме зафіксавана 17 цвікоў ад труны.

Пахаванне 7 (гл. малюнак 2) знаходзілася ў квадраце В2 на глыбіні 1,0 м, прадстаўлена асобнымі касцямі і паводле антрапалагічнай экспертызы належала жанчыне (?) ва ўзросце ад 20 гадоў. Зыходзячы з контураў магілы, пахаванне было арыенціравана галавой на захад з невялікім адхіленнем да поўначы. Палажэнне рук не ўстаноўлена. У магільнай яме зафіксаваны дошкі ад труны.

Пахаванне 8 (гл. малюнак 2) размяшчалася ў квадраце В2 на глыбіні 0,92 м, прадстаўлена асобнымі касцямі і па выніках антрапалагічнай экспертызы ўтрымлівала парэшткі двух жанчын ва ўзросце 18–20 і больш за 50 гадоў. Магільная яма арыенціравана на захад з адхіленнем да поўначы. Палажэнне рук не ўстаноўлена. У магільнай яме зафіксаваны дошкі і 16 цвікоў ад труны. Магчыма, пахаванне было абазначана каменнай плітай 1, якая размяшчалася на адлегласці каля 1 м ад магілы. Не выключана, што згаданая пліта адносілася да пахаванняў 10 або 26.

Пахаванне 9 (гл. малюнак 2) выяўлена ў квадраце Г2 на глыбіні 1,01 м, прадстаўлена асобнымі касцямі і па даных антрапалагічнай экспертызы ўтрымлівала парэшткі двух жанчын ва ўзросце 30–40 гадоў. Шкілет арыенціраваны галавой на захад з адхіленнем да поўначы. Магільная яма арыенціравана на захад з адхіленнем да поўначы. Палажэнне рук не ўстаноўлена. У магільнай яме зафіксаваны дошкі ад труны.

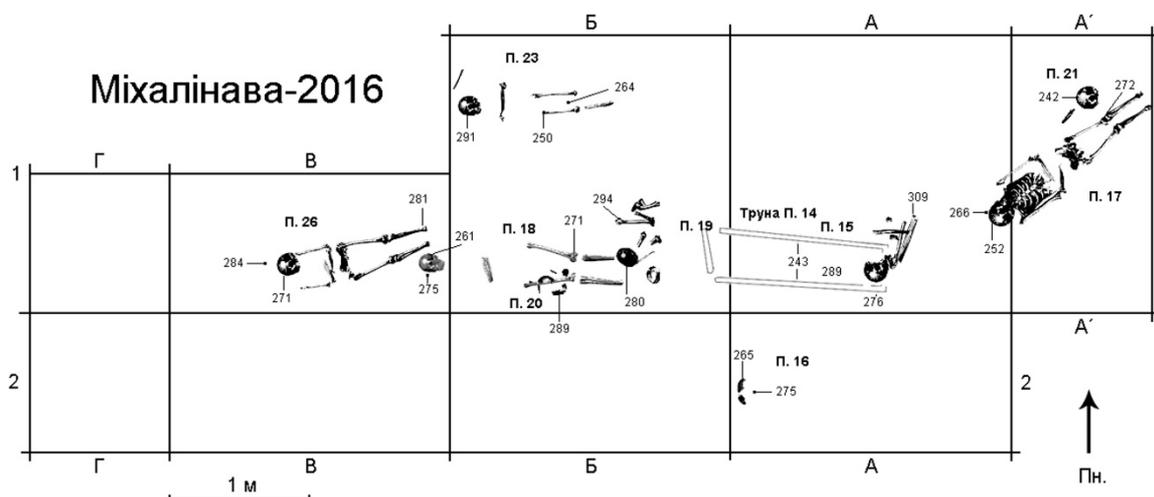
Пахаванне 10 (гл. малюнак 2) знаходзілася ў квадраце В1 на глыбіні 1,03 м, прадстаўлена асобнымі касцямі і паводле антрапалагічнай экспертызы належала даросламу ва ўзросце ад 50 год. Арыенціроўка і палажэнне рук не ўстаноўлены. У магільнай яме зафіксаваны дошкі ад труны.

Пахаванне 11 (гл. малюнак 2) размяшчалася ў квадраце А2 на глыбіні 0,6 м, прадстаўлена асобнымі касцямі і па выніках экспертызы належала жанчыне ва ўзросце 18–20 гадоў. Зыходзячы з размяшчэння касцей і контураў магілы, шкілет арыенціраваны галавой на захад з адхіленнем да поўначы. Палажэнне рук не ўстаноўлена. У магільнай яме зафіксаваны 3 цвікі ад труны.

Пахаванне 12 (гл. малюнак 2) выяўлена ў квадраце Г2 на глыбіні 1,0 м, прадстаўлена асобнымі касцямі і па даных экспертызы належала 3-гадоваму дзіцяці. Зыходзячы з контураў магілы, пахаванне было арыенціравана галавой на захад з адхіленнем да поўначы. Палажэнне рук не ўстаноўлена. Магчыма, пахаванне было абазначана каменнай плітай 2, якая знойдзена над ім у паваленым стане.

Пахаванне 13 (гл. малюнак 2) знаходзілася ў квадраце Б1 на глыбіні 0,99 м, прадстаўлена асобнымі касцямі і паводле экспертызы належала даросламу ва ўзросце ад 20 гадоў. Зыходзячы з размяшчэння касцей і контураў магілы, шкілет арыенціраваны галавой на захад з адхіленнем да поўначы. Палажэнне рук не ўстаноўлена.

Пахаванне 14 (малюнак 4) размяшчалася ў квадрацах А1 і Б1 на глыбіні 1,53 м. Касцяк не захаваўся. Палажэнне рук не ўстаноўлена. У магіле прысутнічалі дошкі і 21 цвік ад труны, арыенціраванай на захад з адхіленнем да поўначы.

Малюнак 4. – Могільнік каля в. Міхалінава Лёзненскага раёна. План пахаванняў. Гарызонт 4

Пахаванне 15 (гл. малюнак 4) выяўлена ў квадраце А1 на глыбіні 1,73 м і належала мужчыне (?) 30–40 гадоў. Арыенціроўка – галавой на паўднёвы захад з адхіленнем да поўдня. Палажэнне рук невядома.

Пахаванне 16 (гл. малюнак 4) знаходзілася ў квадраце А2 на глыбіні 1,42 м, прадстаўлена асобнымі касцямі і паводле антрапалагічнай экспертызы належала індывіду ва ўзросце 14–20 год. Арыенціроўка і палажэнне рук не прасочаны.

Пахаванне 17 (гл. малюнак 4) размяшчалася ў квадраце А'1 на глыбіні 1,5 м і па выніках антрапалагічнай экспертызы належала жанчыне ва ўзросце 18–20 гадоў. Шкілет арыенціраваны галавой на паўднёвы захад. Кісьць правай рукі пакладзена на тазавыя косці, левая рука знаходзілася на жываце пад грудзямі.

Пахаванне 18 (гл. малюнак 4) выяўлена ў квадратах Б1 і В1 на глыбіні 1,68 м і па даных антрапалагічнай экспертызы належала мужчыне (?) ва ўзросце 18–20 гадоў. Касцяк арыенціраваны галавой на захад. Рукі пакладзены на жываце пад грудзямі. Інвентар прадстаўлены нацельным крыжыкам з меднага сплаву. У магільнай яме зафіксаваны дошкі і 36 цвікоў ад труны.

Пахаванне 19 (гл. малюнак 4) знаходзілася ў квадраце Б1 на глыбіні 1,79 м, прадстаўлена асобнымі касцямі і паводле антрапалагічнай экспертызы належала даросламу ва ўзросце 40–50 гадоў. Арыенціроўка і палажэнне рук не ўстаноўлены. У магільнай яме зафіксаваны цвік ад труны.

Пахаванне 20 (гл. малюнак 4) размяшчалася ў квадраце Б1 на глыбіні 1,89 м, прадстаўлена асобнымі касцямі і па выніках антрапалагічнай экспертызы належала мужчыне (?) ва ўзросце звыш 40 гадоў. Арыенціроўка і палажэнне рук не ўстаноўлены.

Пахаванне 21 (гл. малюнак 4) выяўлена ў квадраце А'1 на глыбіні 1,68 м, прадстаўлена асобнымі касцямі і па даных антрапалагічнай экспертызы ўтрымлівала парэшткі двух людзей: мужчыны (?) ва ўзросце звыш 50 гадоў і чалавека, чый пол і ўзрост не быў устаноўлены з-за дрэннага стану захаванасці касцей. Арыенціроўка і палажэнне рук не ўстаноўлены. У магільнай яме зафіксавана 12 цвікоў ад труны.

Пахаванне 22 (гл. малюнак 3) знаходзілася ў квадраце А'1 на глыбіні 1,45 м, прадстаўлена асобнымі касцямі і паводле антрапалагічнай экспертызы ўтрымлівала парэшткі двух людзей: мужчыны ва ўзросце звыш 60 гадоў і індывіда ва ўзросце 15–18 гадоў. Арыенціроўка і палажэнне рук не ўстаноўлены. У магільнай яме зафіксаваны 4 цвікі ад труны.

Пахаванне 23 (гл. малюнак 4) размяшчалася ў квадраце Б1 на глыбіні 1,86 м, прадстаўлена асобнымі касцямі і па выніках антрапалагічнай экспертызы належала мужчыне ва ўзросце 20–30 гадоў. Шкілет арыенціраваны галавой на захад. Рукі пакладзены на жываце пад грудзямі. Інвентар прадстаўлены нацельным крыжыкам з меднага сплаву. У магільнай яме зафіксаваны дошкі і 25 цвікоў ад труны.

Пахаванне 24 (гл. малюнак 3) выяўлена на мяжы квадратаў В2 і Г2 на глыбіні 1,44 м, прадстаўлена асобнымі касцямі і па даных антрапалагічнай экспертызы належала дзіцяці ва ўзросце 3-х гадоў. Арыенціроўка і палажэнне рук не ўстаноўлены.

Пахаванне 25 (гл. малюнак 3) знаходзілася ў квадратах Б2 і В2 на глыбіні 1,37 м, прадстаўлена асобнымі касцямі і паводле антрапалагічнай экспертызы ўтрымлівала парэшткі трох чалавек: мужчыны (?) ва ўзросце 30–40 гадоў, жанчыны ва ўзросце 18–20 гадоў і індывіда ва ўзросце 15–18 год. Арыенціроўка і палажэнне рук не ўстаноўлены. Над пахаваннямі ў перакопе зафіксавана 19 цвікоў, скаба ад труны і манета (2 капейкі Расійскай імперыі 1884 г.).

Пахаванне 26 (гл. малюнак 4) размяшчалася ў квадраце В1 на глыбіні 1,71 м і па выніках антрапалагічнай экспертызы належала мужчыне ва ўзросце звыш 50 год. Касцяк арыенціраваны галавой на захад з адхіленнем да поўдня. Правая рука знаходзілася на грудзях, левая пакладзена на жываце пад грудзямі паверх левай.

Апісанне знаходак. Індывідуальныя знаходкі прадстаўлены трыма нацельнымі крыжыкамі XVIII – XIX стст. з меднага сплаву, дзвюма манетамі XIX ст., казырком ад галаўнога ўбору, а таксама цвікамі і скабой ад трун. Два нацельных крыжыка выяўлены ў пахаваннях 18 і 23. Яшчэ 1 крыжык, пярсцёнак з меднага сплаву і манета (2 капейкі Расійскай імперыі 1844 г.) знойдзены над пахаваннем 25, але не адносіліся да яго. Там жа знойдзены фрагмент косткі фалангі пальца, афарбаваны вокісламі зялёнага колеру (магчыма, ад гэтага пярсцёнка). Па-за магіламі выяўлены скураны казырок ад галаўнога ўбору, які, магчыма, адносіўся да пахавання 23. Пад магільнай плітой 1 знойдзена яшчэ адна манета (2 капейкі Расійскай імперыі 1822 г.).

Рэшткі драўніны ад трун выяўлены ў 3-х пахаваннях, цвікі – у 8-мі, рэшткі драўніны і цвікі – у 4-х. Частка цвікоў выяўлена па-за магіламі і паходзіць ад парушаных пахаванняў. Усяго знойдзена 166 цвікоў і 1 скаба ад трун.

Масавыя знаходкі прадстаўлены шматлікімі фрагментамі керамікі (2101 фрагмент) XV, XVI – XVII, XVIII – XIX стст. Колькасць фрагментаў керамікі на парадкі перавышае колькасць аналагічных знаходак на іншых грунтовых могільніках Позняга Сярэднявек'я – Новага часу. Нехарактэрным для іншых могільнікаў з'яўляецца таксама размеркаванне керамікі па ўмоўных пластах. Звычайна, яна сустракаецца ў верхніх умоўных пластах на глыбіні да 0,6 м ад узроўню дзённай паверхні (могільнікі Доўгае, Дубраўка, Жарнасекава, Івесь, Клешчына, Новы Болецк, Туржэц-2) [2, с. 137; 3, с. 261–266; 4, с. 6–7; 5, с. 183–186]. На могільніку Міхалінава фрагменты керамікі сустракаліся да мацерыка. Гэта абумоўлена шматлікімі перакопамі. Пры перамяшванні культурнага слоя фрагменты посуду перамяшчаліся на розную глыбіню.

Заклучэнне. Такім чынам, у ходзе археалагічных раскопак на могільніку каля в. Міхалінава Лёзненскага раёна ў 2016 г. быў закладзены раскоп плошчай 20 м². Было даследавана 26 пахаванняў, якія ўтрымлівалі парэшткі не менш чым 32-х чалавек. Пахаванні знаходзіліся ў 4-х гарызонтах і былі парушаны шматлікімі перакопамі. Два з іх былі абазначаны каменнымі плітамі з высечанымі крыжамі, адно – каменным крыжам з высечаным знакам (крыжам і паўсферай). Інвентар выяўлены ў двух пахаваннях і прадстаўлены двума нацельнымі крыжыкамі XVIII – XIX стст. з меднага сплаву. Манета 1822 г. знойдзена пад

каменной плитой. Яшчэ адзін крыжык, пярсцёнак, манета 1884 г. і скуруны казырок ад галаўнога ўбору знойдзены па-за магіламі. У 15-ці пахаваннях выяўлены рэшткі дашчатых трун, змацаваных цвікамі. Колькасць трун была большай, на што ўказваюць знаходкі цвікоў па-за магіламі. Памінальны інвентар прадстаўлены фрагментамі керамікі XV – XIX стст. Такім чынам, даследаваныя пахаванні датуюцца XVIII – XIX стст., але могільнік пачаў існаванне ў больш ранні час і дзейнічаў на працягу XV – XIX стст.

ЛІТАРАТУРА

1. Емялянчык, В.А. Вынікі антрапалагічнай экспертызы астэалагічных матэрыялаў з грунтовага могільніка каля вёскі Міхалінава Лёзненскага раёна (раскопкі В.У. Чараўко, 2016 г.) / В.А. Емялянчык // Навуковая справаздача аб правядзенні археалагічных раскопак на могільніку каля в. Міхалінава Лёзненскага раёна і археалагічных разведкаў каля вв. Грабенікі Лёзненскага і Станкавічы Браслаўскага раёнаў Віцебскай вобласці ў 2016 г. / В.У. Чараўко. – [На разглядзе ў Палявым камітэце].
2. Ляўко, В.М. Новы Болецк / В.М. Ляўко // Археалогія Беларусі : энцыкл. У 2 т. – Т. 2.: Л – Я / рэдкал. : Т.У. Бялова (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 2011. – С. 137.
3. Дук, Д.У. Археалагічныя раскопкі на грунтовым могільніку Туржэц 2 Полацкага раёна / Д.У. Дук // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – 2008. – № 15. – С. 261–269.
4. Черевко, В.В. Поминальный инвентарь сельских погребальных памятников Белорусского Подвинья XIV–XVIII вв. и вопросы его интерпретации в свете данных археологии и этнографии / В.В. Черевко // Государства Центральной и Восточной Европы в исторической перспективе : сб. науч. ст. по материалам Междунар. науч. конф., Пинск, 21–22 окт. 2016 г. – Пинск, 2016. – С. 6–9.
5. Черевко, В. В. Внемогильный инвентарь позднесредневековых погребений могильника Михалиново Лioзненского района и его информативность / В. В. Черевко // Проблемы истории и культуры пограничья: гуманитарное знание и вызовы времени : материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 200-летию И. Е. Храповицкого, Верхнедвинск, 16 июня 2017 г. ; редкол.: В.А. Ганский (гл. ред.) [и др.]. – Минск : Белнаучкнига, 2017. — С. 183–186.

Паступіў 17.12.2020

**THE ARCHAEOLOGICAL EXCAVATIONS AT THE LATE-MEDIEVAL CEMETERY
NEAR MIKHALINAVA VILLAGE OF LIOZNA DISTRICT IN 2016**

V. CHARAUKO

The article describes archaeological excavations at the ground cemetery near Mikhailinava village of Liozna district in Vitebsk region in 2016. 26 burials that contained the remains of at least 32 people (probably 9 men, 8 women, 5 children, 8 and people, whose sex could not be determined and 2 people, whose sex and age could not be determined) were open. Burials were placed in four layers. The heads of skeletons are oriented to the West (3 burials), to the West with deviation to the North (11 burial), and to the West with deviation to the South (3 burials). Remains of coffins have been found in the filling of grave pits of 15 burials. A crosses have been found in 2 burials. Fragments of pottery from the 15th to the 19th centuries were discovered.

Keywords: *Belarusian Dvina region, archaeological excavations, funerary monuments of the 15th–18th centuries, burials, grave goods.*

УДК 94:327.5(450-25:560.2)"1343-1347"

КРЕСТОВЫЙ ПОХОД НА СМИРНУ (ИЗМИР) 1343 – 1348 гг.

М.М. ШПЕТ

(Белорусский государственный университет, Минск)

В данной статье автор рассматривает причины, ход и результаты Крестового похода на Смирну (Измир) 1343 – 1348 гг., предпринятого европейскими государствами (Венецианская республика, Орден госпитальеров, Кипрское королевство и Авиньонское папство) против западномалоазийских бейликов (Айдын, Сарухан, Караси). Автор приходит к выводу о том, что несмотря на успехи, достигнутые европейцами в ходе Крестового похода, дальнейшие разногласия относительно пунктов мирного договора и начавшаяся Третья Венециано-Генуэзская война (1350 – 1355 гг.) привели к ослаблению экономического и политического влияния участников Священной лиги 1343 – 1348 гг. в регионе Восточного Средиземноморья во второй половине XIV в. Также этот период стал временем упадка западномалоазийских бейликов, над которыми нависла османская угроза.

Ключевые слова: Крестовые походы, Священная лига, Смирна (Измир), Восточное Средиземноморье, западномалоазийские бейлики.

Введение. После распада Румского султаната (1307 г.) на территории Малой Азии было образовано более десятка бейликов (княжеств), особый интерес среди которых представляют западномалоазийские – Ментеше, Караси, Сарухан и эмират Айдын [1, с. 18]. Получив независимость, беи стали проводить агрессивную по отношению к европейским государствам внешнюю политику, совершая морские и сухопутные набеги, приносявшие им немалые доходы [2, с. 81]. В 1332 – 1337 гг. созданная европейскими государствами Священная лига (Венецианская республика, Генуэзская республика, Орден госпитальеров, Византийская империя, Французское королевство и Авиньонское папство) нанесла ряд поражений западномалоазийским бейликам, вынудив их пойти на подписание мирных и торговых соглашений [3, с. 33–35]. Однако при активном сотрудничестве с Византией, заинтересованной в ослаблении политического и экономического влияния европейских государств, уже в конце 1330-х гг. западномалоазийским бейликам удалось восстановить военную мощь своего флота, что позволило им вновь совершать грабительские набеги во владения европейских государств в Восточном Средиземноморье [2, с. 37–38]. Таким образом, уже в конце 1330-х гг. стала очевидной необходимость в создании новой лиги против западномалоазийских бейликов. Одной из главных причин, подтолкнувших Венецию проявить инициативу в деле создания новой лиги против сельджуков, стало нарушение айдынцами договорённостей о поставках зерна, от которого очень зависел венецианский Крит [3, с. 44]. 1 июня 1339 г. Сенат Венеции рекомендовал своему байло на Негропонте (Эвбее) попытаться заключить соглашение с сельджуками, которое могло бы обеспечить безопасность острову, страдающему от постоянных нападений айдынцев [2, с. 40]. В 1340 г. караван из 12 генуэзских галер, направлявшийся в Константинополь, был атакован 150 айдынскими судами. Несмотря на то, что атака была отбита с большими потерями для сельджуков, они планировали следующее нападение на о. Крит уже в начале 1341 г. [4, с. 195].

Проблематику взаимоотношений европейских государств и западномалоазийских бейликов в середине XIV в. в своих исследованиях затрагивали Э.А. Захариаду [3], Д.М. Николь [5], К.М. Сеттон [6, 7], К.А. Жуков [2; 8], Ж. Деллавиль ле Ру [9], Э.Т. Луттрелль [10], С. Рансимэн [11], У.К. Хэзлитт [12], Леммерль [13], В.М. Миллер [14] и др. Что касается источников по рассматриваемой проблематике, то особенностью изучения данной темы является практически полное отсутствие собственных письменных источников сельджукского происхождения с начала XIV в. Таким образом, источниковую базу исследования, составляют документы, преимущественно, византийского и венецианского происхождения.

Цель исследования – охарактеризовать внешнеполитические отношения европейских государств с западномалоазийскими бейликами в середине XIV в., что необходимо для определения уровня общественно-политического и экономического развития бейликов, а также степени их влияния на внешнеполитическую обстановку в регионе Восточного Средиземноморья в рассматриваемый период.

Основная часть. В 1341 г. западномалоазийские беи были вовлечены в Гражданскую войну в Византии на стороне Иоанна Кантакузина, что было воспринято европейцами как удобное время для начала нового Крестового похода, который был объявлен Папой Римским Климентом VI в 1343 г. [15, с. 263]. В нём участвовали Венецианская республика, Орден госпитальеров, а также Кипрское королевство. Несмотря на растущую угрозу, Генуэзская республика не откликнулась на призыв Папы Римского принять участие в Крестовом походе на Смирну (Измир) [6, с. 186]. На начальном этапе удача сопутствовала крестоносцам. В день Вознесения (13 мая 1344 г.) флот Священной лиги сжёг 52 сельджукских корабля у горы Афон, а 28 октября соединённые силы Венеции и Ордена госпитальеров захватили г. Смирну (Измир) [16, с. 260].

Узнав об успехах крестоносцев, константинопольское правительство императрицы Анны Савойской (матери Иоанна V) весной 1344 г. попыталось подкупить Умур-бея, пообещав выплатить 10 тыс. золотых монет, если тот разорвёт отношения с Кантакузином и вернётся в Смирну (Измир) [17, с. 101–102]. Умур-бей

принял эти предложения, после чего весной 1344 г. газииты Айдына покинули гавань Эноса, а айдынский эмир отправился в Смирну (Измир), так как в Эгейском море появились боевые галеры Священной Лиги [5, с. 39].

После того, как Умур-бей получил подкрепление (войска из Айасулука и Тире), он приступил к осаде Смирны (Измира). Большую опасность для крестоносцев представляли сельджукские баллисты, среди которых особой точностью отличался манджанык «Чёрный верблюд», специально сооружённый для Умур-бея неизвестным магрибским мастером [18, с. 114]. Воодушевлённые словами Константинопольского патриарха Анри д'Асти (1339 – 1345 г.), крестоносцы предприняли вылазку. Преодолев ров, им удалось разрушить тын (частокол), сжечь манджанык «Чёрный верблюд» и юрты в лагере айдынцев [2, с. 40].

Войска Умур-бея были разгромлены, но вскоре ему удалось взять реванш. 17 января 1345 г. (день св. Антония) айдынцы ворвались в собор, где по случаю победы проходила торжественная месса, и перебили более 40 рыцарей-крестоносцев, среди которых были Анри д'Асти (Константинопольский патриарх), Мартино Дзаккария (командующий папскими галерами), а также венецианский адмирал Пьеро Дзено [19, с. 1501]. Новым генеральным капитаном Лиги был назначен настоятель Ломбардии Жан де Бриень, который продолжил защиту Смирны (Измира) во главе войск госпитальеров [9, с. 96]. В связи с гибелью предводителей Крестового похода айдынцы получили время на восстановление баллист для дальнейшей осады. Кроме того, распространились слухи о возможной помощи Умур-бею со стороны Орхана Гази. Тем не менее, айдынцам не удалось быстро вытеснить крестоносцев из Смирны (Измира), в результате чего борьба приобрела затяжной характер [19, с. 1500].

Устранив угрозу со стороны крестоносцев, в первой половине 1345 г. армия Умур-бея вновь вмешалась в Гражданскую войну в Византии на стороне Иоанна Кантакузина. Для прохода войск к Геллеспонту Умур-бей даже уступил часть своих земель Сарухан-бею [20, с. 529–530]. В Геллеспонт к нему присоединились отряды Сулеймана Саруханоглу и Сулеймана Карасиоглу [18, с. 123]. Весной 1345 г. 20-тысячное войско сельджуков прибыло в Дидимотику (Дидимотихон), после чего направилось в Болгарию, где 7 июля в битве при Перифеорие (Анастасиополе, Буру) сельджуко-византийское войско разгромило болгарского воеводу Момчила [20, с. 532–534]. Во время возвращения из Константинополя заболел и скончался Сулейман Саруханоглу, в смерти которого был обвинён Умур-бей, дававший неправильные советы по лечению. Сразу после этого Умур-бей поспешил увести свою армию в Малую Азию, чтобы избежать возможных трудностей при переходе войск через земли Сарухан-бея [18, с. 125]. 12 октября 1345 г. им вновь была предпринята попытка отбить у крестоносцев Смирну (Измир). Устроив засаду, ему удалось выманить из города отряд крестоносцев, однако в завязавшемся сражении сельджуки были наголову разбиты. Кроме того, в плен попало три знатных айдынских бея [21, с. 45].

В феврале 1345 г., когда венецианцы узнали о переговорах между Умур-беем и Орханом Гази, в Смирну (Измир) срочно прибыли две галеры и один транспортный корабль, а осенью 1345 г. Папа Римский организовал военный поход, который возглавил дофин Вьеннский Гумберт II [6, с. 195]. Однако с самого начала у дофина возникли разногласия с венецианцами [7, с. 48]. Дело в том, что в начале 1346 г. между Венецией и Орденом госпитальеров разразилась торговая война, во время которой стороны стали уделять меньше внимания сельджукскому вопросу [10, с. 204]. Кроме того, обострились венециано-генуэзские отношения. Ситуацию усугубил начавшийся голод. 17 марта 1346 г. венецианский Сенат отказал в помощи Гумберту II, а в июне в порту Негропонта (Эвбеи) произошли столкновения между войсками дофина и адмирала Симоно Виньозо, который вскоре захватил греческий о. Хиос, а также Новую и Старую Фокеи (Энифочу и Фочу) [9, с. 98]. Когда же флот дофина наконец достиг Смирны (Измира), выяснилось, что венецианцы и госпитальеры уже заключили мир с айдынцами. После нескольких сражений осенью 1347 г. Гумберт был вынужден покинуть Смирну (Измир) [2, с. 41]. Несмотря на то, что в 1346 г. крестоносцами был одержан ряд крупных побед над сельджуками, в следующем году, когда в Средиземноморье разразилась эпидемия чумы, необходимость заключения мира с айдынцами стала очевидной и для остальных участников Священной Лиги [11, с. 4]. «Чёрная смерть» скорее всего, была принесена в Восточное Средиземноморье генуэзскими торговыми кораблями с Крымского полуострова [5, с. 42]. Болезнь оказала огромное влияние на демографическую ситуацию в регионе. Не сохранилось точных данных относительно жертв пандемии, однако есть данные о том, что население одной лишь Византийской империи сократилось на треть [11, с. 4]. На Кипре чума унесла от половины до двух третей жизней его населения [8, с. 134]. Эпидемия чумы в Восточном Средиземноморье продолжалась вплоть до середины 1349 г. [12, с. 603].

В конце апреля – начале мая 1347 г. айдынский флот (118 кораблей) был наголову разбит войсками Палеологов у о. Имброс [3, с. 53]. Разочарованный поражениями айдынского флота, зимой 1347 – 1348 гг. Иоанн Кантакузин вступил в переговоры с Папой Римским Климентом VI, темой которых стал возможный совместный поход против айдынцев. Узнав об этом, в начале 1348 г. Умур-бей направил войска на Филладельфию (Алашехир), переставшую платить ему дань. Несмотря на то, что айдынцам удалось проникнуть в город и овладеть двумя башнями, осаждённые сделали удачную вылазку и разрушили штурмовые сооружения атаковавших. Между айдынцами и филладельфийцами был заключён мир, после чего войска Умур-бея сняли осаду [22, с. 69]. Весной 1348 г. Умур-бей откликнулся на просьбу Иоанна Кантакузина, присоединиться к его походу против сербского короля Стефана Душана (1331 – 1355 гг.) [23, с. 18], однако перед своим отбытием 20 апреля 1348 г. предпринял очередную попытку отбить Нижний город Смирны (Измира), но был убит во время штурма [22, с. 75].

Новый эмир Айдына Хызыр-бей (1348–1360) вступил в переговоры с участниками Священной Лиги, по результатам которых 18 августа 1348 г. между сторонами было подписано предварительное мирное соглашение. Данная договорённость распространялась на срок вплоть до возвращения из Авиньона айдынских послов, которые должны были доставить в эмират окончательный текст договора со Священной Лигой [24, с. 205]. Условия предварительного мира предусматривали уступку эмиром участникам Священной Лиги половины коммерция в Айасулук (Эфесе, Алтолуго, Сельчуке) и других портах эмирата; дружелюбное отношение эмира и его подданных к христианам крепости Смирна (Измир); айдынский флот не должен был находиться в море, а по требованию Папы Римского мог быть сожжён; эмир обязался пресекать все случаи разбоя и не оказывать поддержки врагам бывших участников Лиги, а также предоставлять помощь при кораблекрушениях [24, с. 207]. Особый пункт соглашения касался передачи тел, павших в битве 17 января 1345 г. предводителей Крестового похода. Эмир давал обещание выдать их, как только от него этого потребуют [25, с. 316]. Несколько статей договора относилось к положению христианской церкви в эмирате. Документ был составлен нотариусом Георгием Калокиром в двух экземплярах на греческом и латинском языках [23, с. 210].

Вскоре в Авиньон к папскому престолу для ратификации пакта было направлено айдынское посольство во главе с Изз ад-Дином Балабаном, расходы на содержание которого (1466 флоринов) оплачивались из папской казны [2, с. 91]. Мусульмане провели в Авиньоне почти год, однако в течение этого времени члены Священной Лиги так и не смогли выработать единой позиции по условиям заключения мира с айдынским эмиром. В июле 1349 г. посольство с папскими дарами (два реза флорентийской ткани стоимостью 90 флоринов) отправилось в обратный путь [3, с. 56]. В своём послании Климент VI уведомлял Хызыр-бея Айдыноглу что, прежде чем заключить договор, ему необходимо обсудить этот вопрос с королём Кипра и дожем Венеции [2, с. 92]. Однако после возвращения дипломатической миссии Изз ад-Дина Балабана из Авиньона Хызыр-бей вновь начал осаду Смирны (Измира) [13, с. 234].

Действия Хызыр-бея привели к тому, что, когда в мае 1350 г. в Авиньоне собрались послы Венеции, Кипра и Ордена госпитальеров, вместо согласования позиций для ратификации договора было принято решение об организации нового похода против сельджуков [26, с. 350]. Таким образом, 11 августа 1350 г. Священная Лига была воссоздана под эгидой Папы Римского Климента VI в составе Венецианской республики, Кипрского королевства и Ордена госпитальеров [12, с. 604]. Однако начавшаяся Третья Венециано-Генуэзская война (1351 – 1355 гг.) не позволила выработать план совместных действий для обороны Смирны (Измира), и к сентябрю 1351 г. Священная Лига прекратила своё существование [14, с. 47].

Заключение. Вторая треть XIV в. стала переломным моментом в истории западномалоазийских бейликов. Быстро оправившись после нанесённых европейскими государствами поражений во второй половине 1330-х гг., западномалоазийские бейлики (Айдын, Сарухан) вновь стали представлять серьёзную угрозу для владений европейских государств в Восточном Средиземноморье. Наиболее могущественным беём являлся Умур-бей Айдыноглу, войска которого стали одной из главных сил, обеспечивших победу Иоанна Кантакузина в Гражданской войне в Византии 1341 – 1347 гг. Однако быстрое восстановление сельджукского могущества настораживало европейские государства. Сразу же после избрания нового Папы Римского Климента VI (1343 г.) был организован Крестовый поход на Смирну (1343 – 1348 гг.), один из важнейших опорных пунктов на полуострове Малая Азия. Стоит отметить, что во время Крестового похода бейлик Ментеше продолжал проводить политику ориентации на Венецию, в связи с чем действия участников Священной Лиги не были направлены против него. На начальном этапе удача сопутствовала крестоносцам, однако вскоре после захвата Смирны (Измира) 28 октября 1344 г. они были вынуждены перейти к её обороне, продолжавшейся вплоть до 1348 г.

20 апреля 1348 г. при попытке отбить Нижний город Смирны (Измира) погиб Умур-бей, после чего его сын Хызыр-бей Айдыноглу пошёл на заключение мирных договоров с государствами-участниками Священной Лиги. Вскоре между членами Священной Лиги начались споры, что послужило поводом для отзыва айдынских послов из Авиньона летом 1349 г. и возобновления осады Смирны (Измира). Несмотря на то, что 11 августа 1350 г. Священная Лига была воссоздана, она вскоре была вынуждена прекратить своё существование из-за начавшейся войны с Генуэзской республикой. Таким образом, несмотря на то, что крестоносцам удалось отвоевать Смирну (Измир) и выдержать несколько осад, из-за возникших противоречий они не смогли развить свой успех. Вступив в войну с Генуэзской республикой, бывшие участники Священной Лиги были вынуждены пойти на подписание мирных соглашений с западномалоазийскими бейликами, что существенно ослабило их экономическое и политическое влияние в регионе в последующий период.

ЛИТЕРАТУРА

1. The Cambridge History of Turkey : in 4 vol. – Vol. 1: Byzantium to Turkey 1071 – 1453 / ed. by K. Fleet. – Cambridge : Cambridge University Press, 2006. – 522 p.
2. Жуков, К.А. Эгейские эмираты в XIV – XV вв. / К.А. Жуков. – М. : Наука, 1988. – 191 с.
3. Zachariadou, E.A. Trade and crusade: Venetian Crete and the Emirates of Menteshe and Aydin 1300 – 1415 / E.A. Zachariadou. – Venice : Hellenic Inst. of Byzantine and Post-Byzantine Studies, 1983. – 270 p.
4. Délibérations des assemblées Vénitiennes : in 2 vol. – Vol. 1 / par F. Thiriet. – Paris : Mouton, 1966. – 329 p.

5. Nicol, D.M. The end of the Byzantine Empire / D.M. Nicol. – London : E. Arnold, 1979. – 108 p.
6. Setton, K.M. The papacy and the Levant: in 4 vol. Vol. 1: The thirteenth and fourteenth centuries / K.M. Setton. – Philadelphia : American Philosophical Soc., 1976. – 512 p.
7. Setton, K.M. Catalan domination of Athens: 1311 – 1388 / K.M. Setton. – London : Variorum, 1975. – 323 p.
8. Жуков, К.А. К истории образования Османского государства. Княжество Айдын / К.А. Жуков // Тюркологический сборник 1978 / отв. ред. А.Н. Кононов. – М. : Наука, Главная редакция восточной литературы, 1984. – с. 126–139.
9. Delaville Le Roulx, J. Les hospitaliers à Rhodes: 1310 – 1421 / J. Delaville Le Roulx; introd. by A. Luttrell. – London : Variorum Reprints, 1974. – 452 p.
10. Luttrell, A.T. Venice and the Knights Hospitallers of Rhodes in the Fourteenth Century / A.T. Luttrell // Papers of the British School at Rome. – Rome : British School at Rome, 1958. – Vol 26. – P. 195–212.
11. Runciman, S. The fall of Constantinople 1453 / S. Runciman. – Cambridge : Cambridge University Press, 1965. – 255 p.
12. Hazlitt, W.C. The Venetian Republic: Its Rise, its Growth, and its Fall A.D. 409 – 1797 / W.C. Hazlitt. – London : Adam and Charles Black, 1915. – 988 p.
13. Lemerle, P. L'émirat d'Aydin, Byzance et l'Occident. Recherches sur la geste d'Umur Pacha / P. Lemerle. – Paris : Presses Universitaires de France, 1957. – 276 p.
14. Miller, W. The Latins in the Levant: A history of Frankish Greece (1204 – 1566) / W. Miller. – New York : E. P. Dutton and Co., 1908. – 675 p.
15. Senatus Venetus de armata contra Turcas. Responsio ad litteras papales et ad ambaxalam Clementis VI 1342 (more Veneto, i.e. 1343), indictione XI, die 11 mensis Januarii // Diplomatarium Veneto-Levantinum, sive Acta et Diplomata res venetas, graecas atque levantis illustrantia : in 2 pars. – Pars 1: a. 1300 – 1350 / ed. G.M. Thomas. – Venetiis : Sumptibus societatis, 1880. – P. 263–265.
16. Die Byzantinischen Kleinchroniken : in 3 bd. – Bd. 2: Historischer Kommentar / hrsg. von P. Schreiner. – Wien : Verlag der Österr. Akad. d. Wiss., 1977. – 420 s.
17. Григора, Н. История ромеев : в 3 т. / Н. Григора ; пер. с греч. Р.В. Яшунского. – СПб.: Своё издательство, 2014. – Т. 2: Книги XII – XXIV. – 496 с.
18. Enverī. Le destān d'Umūr Pacha = (Düstūrname-i Enverī) / Enverī; ed. par I. Melikoff-Sayar. – Paris : Presses Univ. de France, 1954. – 155 p.
19. Chronicle di Giovanni, Matteo e Filippo Villani secondo le migliori stampe e corredate di note filologiche e storiche / G. Villani, M. Villani, F. Villani ; ed. A. Rachelli. – Trieste : Sezione letterario-artistica del Lloyd austriaco, 1857. – 1078 p.
20. Ioannis Cantacuzeni Eximperatoris Historiarum Libri IV: Graece et Latine : in 3 vol. – Vol. 2 / Ioannis Cantacuzeni ; ed. by L. Schopeni. – Bonnae : Impensis ed. Weberi, 1831. – 615 p.
21. Zuchello, P. Lettere di mercanti a Pignol Zuchello // P. Zuchello ; a cura di R. Morozzo della Rocco. – Venezia : Il Comitato, 1957. – 146 p.
22. Le siège de Philadelphie par Umur pacha d'après le manuscrit de la Bibl. patriarcale d'Istanbul, Paneghias 58 / trans. et comm. M. Couroupou // Geographica Byzantina / par H. Ahrweiler. – Paris : Sorbonne, 1981. – P. 67–77.
23. Corpus der griechischen Urkunden des Mittelalters und der neueren Zeit: Reihe A, Regesten: in 5 teilen. Teil 5: (Schluss) Regesten von 1341 – 1453 / hrsg. von F. Dölger. – München: C.H. Beck, 1965. – 138 s.
24. The Truce between the «Sancta Unio» and the Emir of Aydin Khizir, August 18, 1348 // Studies in Pre-Ottoman Turkey and the Ottomans / E. A. Zachariadou. – Aldershot: Ashgate, 2007. – P. 205–210.
25. Treugua cum Turco Zalabi Chidr, domino Ephesi. A. d. 1348, die 18 m. Augusti // Diplomatarium Veneto-Levantinum, sive Acta et Diplomata res venetas, graecas atque levantis illustrantia : in 2 pars. – Pars 1: a. 1300 – 1350 / ed. G.M. Thomas. – Venetiis : Sumptibus societatis, 1880. – P. 313–317.
26. Clementis VI ad Andream Dandulum litterae de unione contra Turcos. A.d. 1350, die 11 m. Septembris // Diplomatarium Veneto-Levantinum, sive Acta et Diplomata res venetas, graecas atque levantis illustrantia : in 2 pars. – Pars 1: a. 1300 – 1350 / ed. G.M. Thomas. – Venetiis : Sumptibus societatis, 1880. – P. 349–350.

Поступила 17.12.2020

THE CRUSADE ON SMYRNA (IZMIR) OF 1343 – 1348

M. SHPET

The author considers causes, the course and results of the Crusade on Smyrna (Izmir) 1343 – 1348 which was organized by European states (the Republic of Venice, the Order of Hospitallers, the Kingdom of Cyprus and the Avignon papacy) against Westernanatolian beyliks (Aydin, Sarukhan, Karasi) in this article. The author concludes that despite the successes achieved by Europeans during the Crusade, further disagreements over the items of the peace treaty and the outbreak of the Third Venetian-Genoese War (1350 – 1355) led to a weakening of the economic and political influence of the participants of the Holy League 1343 – 1348 in the region of the Eastern Mediterranean in the second half of the 14th century. Also the second half of the 14th century became the period of decline of the Westernanatolian beyliks caused by the Ottoman threat.

Keywords: *Crusades, the Holy League, Smyrna (Izmir), the Eastern Mediterranean, Westernanatolian beyliks.*

УДК 355.141.145

ВОЕННЫЕ МОТИВЫ В ГОРОДСКОЙ ГЕРАЛЬДИКЕ БЕЛАРУСИ XVI – XVIII вв.**А.А. ШПУНТ***(Научно-исследовательский институт Вооруженных Сил Республики Беларусь, Минск)*

Рассматривается происхождение и семантика городских гербов Беларуси XVI–XVIII вв., несущих в своих полях изображения военных атрибутов (оборонительной архитектуры и оружия). Приведены и проанализированы варианты классификации городских гербов различных авторов, в результате чего предложена собственная классификация гербов городов Беларуси рассматриваемого периода. В городской геральдике представлены гербы архитектурной (4 ед.), религиозной (6 ед.), владельческой (1), аллегорической (4) групп, а также два представителя группы «Другие гербы». Приведены описания рассматриваемых образцов, проанализированы некоторые спорные точки зрения, а также сделан вывод о соответствии гербовых сюжетов духу времени в контексте истории Великого Княжества Литовского и Речи Посполитой XVI – XVIII вв.

Ключевые слова: городская геральдика, военные мотивы, архитектурные гербы, религиозные гербы, владельческие гербы, аллегорические гербы, Великое Княжество Литовское.

Введение. Городская геральдика является одним из важных элементов идеологического воспитания и формирования национального самосознания граждан.

Городская геральдика Беларуси XVI – XVIII веков представляет собой важный национальный культурно-исторический феномен. На ее становление повлияли особенности государственно-политического развития страны, в том числе многочисленные войны и военные конфликты, что нашло отражение в изображениях сооружений оборонительной архитектуры и оружия (военных атрибутов). Военные мотивы в городской геральдике Беларуси XVI – XVIII веков являются составной частью исторического наследия, которое может быть использовано для создания отечественной военной символики.

К указанному периоду, относится всего три герба, имеющих в полях только оружие, (Бреста XVI в., Пинска 1581 г. и Мстиславля 1634 г.), но если добавить еще пятнадцать, где оборонительная архитектура или оружие (военные атрибуты) выступают как элементы главные или второстепенные (Новогрудка 1595 г., Витебска 1597 г., Кричева 1633 г., Липнишек 1633 г., Чаусов 1634 г., Черикова 1641 г., Любчи 1644 г., Могилева 1661 г., Бобра 1762 г., Михалова 1767 г., Острины 1792 г., Ошмян 1792 г., Геранён 1792 г., Привалки 1792 г., и не существующего теперь Угорья 1792 г.), то получим примерно треть от всех городских гербов Великого Княжества Литовского (далее – ВКЛ).

Основная часть. Независимо от того, рассматриваем ли мы весь комплекс городских гербов или отдельный герб, прежде всего необходимо определиться с критериями времени (периодизация) и тематики (классификация) [20]. Исходя из названия, данная тема соприкасается с классификацией городской геральдики, в русле которой ее и необходимо освещать. Необходимость классификации обусловлена разнообразием и богатством иконографических мотивов, которые содержит в себе городская геральдика Беларуси. Также, в «классификации отчетливо выявляется диалектический характер развития научных знаний: процесс получения новых знаний в определенной степени детерминирован уже существующими знаниями и, вместе с тем, новые знания оказываются сведенными к старым, как более глубокие, более организованные, более упорядоченные» [10]. В этой связи, необходимо отметить первую попытку классификации, которая была представлена в издании «Геральдика беларускіх местаў» (Мінск, 1998) отечественным геральдистом Анатолием Титовым. В частично адаптированном виде она включает в себя две группы:

– I группа: функциональные гербы (отражают отличительную черту географического положения, роль города в обороне страны, торговле, хозяйстве); национальная символика; военные атрибуты; архитектурные мотивы; главные виды деятельности жителей.

– II группа: искусственные гербы («Сюжеты изображений этих гербов находятся не в такой тесной связи с той или иной особенностью города. Они имеют иконографию какого-нибудь святого, возможно покровителя города, содержат герб (или его часть) магната-владельца. В эту же группу входят гербы, отражающие частновладельческую символику, и другие» [17, с. 61]. «Они не несут такой прямой информации о городах, как функциональные гербы. Выбор эмблемы в большинстве случаев зависел чаще от субъективных причин, хотя в отдельных случаях наблюдаются отличия, которые позволяют только формально отнести некоторые гербы к группе искусственных» [17, с. 71]); религиозная символика; оборонительная символика («оружие и другие военные атрибуты» [17, с. 61–62]); архитектурные («Вообще, все гербы этой группы, даже если они не имеют таких ярких признаков военной атрибутики, по их содержанию могут быть отнесены к гермам с оборонительной символикой уже потому, что функциональное содержание городских стен, башен перво-наперво касается обороны города» [17, с. 64]); хозяйственная деятельность го-

родов, их социальные и экономические связи; мемориальная геральдика («гербы, связанные своим содержанием с королевскими и великокняжескими гербами или персонами», «гербы городов, связанные с частновладельческой геральдикой крупных магнатов, во власти которых находились эти города» [17, с. 60]); геральдические и негеральдические животные; гербы, не вошедшие ни в одну из групп.

Предлагаемая классификация громоздка и трудна для понимания. Некоторые позиции можно объединить, некоторые отсутствуют (например «говорящие и литературные» гербы). Исходя из авторских комментариев, трудно увидеть отличия между отдельными позициями, например «изображение военных атрибутов» и с «архитектурными мотивами».

Согласно толкованию А.К. Титова, различия между «функциональностью» и «искусственностью» заключаются в большей и меньшей степенях отображения особенностей города в гербовом поле. По нашему мнению, данное деление не имеет смысла и вытекает, очевидно, из упрощенного понимания функций городского герба. Уже в самих определениях можно увидеть противопоставление, конфликт. «Функциональный» – который функционирует, активно репрезентует город, является его концентрированным воплощением. «Искусственный» – неестественный, будто навязанный со стороны, субъективный плод творчества некоей персоны, репрезентует не столько город, сколько эту персону. Под данными характеристиками прячется в первом случае то, что лежит на поверхности, а во втором – то, что находится в недрах сознания. В этом смысле, кажется, «функциональный» герб спроектировать проще, чем «искусственный». Но обязательно ли «функциональный» герб лучше репрезентует город? Почти все гербы времен Российской империи и СССР можно отнести к «функциональным». И в основу практически, всех этих гербов при проектировании были заложены принципы отображения главных особенностей городов. «Особенности» в большинстве случаев оказались похожими. Герб одного города с успехом мог бы репрезентовать другой. Для репрезентативной функции герба «функциональность» и «искусственность» не имеют значения. Отражены особенности города в гербовом поле или нет – вещь второстепенная. Особенности города – всего только одно из различных направлений, на основании которых происходит проектирование герба [20].

Если же обратиться к опыту таких стран, как Англия, Германия, Польша, Россия, то можно определить два подхода к принципу составления геральдических классификаций:

1. Эмблемы объединяет семантика, главная идея, предназначение или происхождение. В двух различных группах могут находиться аналогичные эмблемы и, наоборот, в границах одной группы – полностью непохожие. Например, если олень является эмблемой в поле владельческого герба – попадает в группу владельческих гербов, олень Св. Губерта – в группу религиозных гербов, просто олень как эмблема сама по себе – в группу анималистических гербов. Одна только группа владельческих гербов может объединять в себе все разнообразие эмблем классификации, содержащихся, например, у Фокс-Дэвиса, Махачека, или фон Винклера.

2. Эмблемы объединяются по принципу употребления, как средства производства или предметы культуры, наконец, по простому подобию или подобию свойств. Знак выступает сам по себе без подтекста. Таким образом, например, все олени попали бы в одну группу – анималистическую.

Второй подход вряд ли может быть пригоден для городской геральдики, поскольку расчленение гербов на множество знаков (люди, животные, растения, элементы одежды и т.д.) не дает возможности для существования в границах классификации таких гербов, как религиозные, говорящие и литературные, владельческие (династические, рыцарские, костельные/церковные) или аллегорические. Классификация, созданная по первому подходу не исключает отражения эмблем без «подтекста», как, например, архитектурные или анималистические. Таким образом, первый подход в данном случае куда более удобный, гибкий, универсальный. Второй подход, как представляется, является более пригодным для сравнительно цельных групп, таких как владельческие гербы, которые просто не могут дробиться по первому подходу, в чем нетрудно убедиться, если обратиться к книгам по теории владельческой геральдики [20].

Применительно к городской геральдике мы предлагаем третий подход, на основе двух предыдущих, где имеет значение как происхождение для групп, так и подобие (фигур) для подгрупп:

- I группа: архитектурные (архитектура данного города или архитектура вообще).
- II группа: религиозные (св. патрон города, символика святых, религиозные сюжеты; религиозные атрибуты).
- III группа: говорящие и литературные (эмблема, буква (буквы), производные от названия города, имя основателя, владельца или иной персоны).
- IV группа: владельческие (династические, рыцарские, костельные (церковные) гербы или их элементы).
- V группа: аллегорические (которые характеризуют город (промышленный, культурный, пограничный и т.д.), орудия труда, символы и продукты производства, военные атрибуты; атрибуты науки и культуры; географическое положение города, возникновение города (название местности, другие особенности и т.д.); другие достопримечательности).
- VI группа: анималистические (животный мир (реальный и мифический)).
- VII группа: другие (не вошедшие в другие группы; эмблемы неизвестного происхождения) [20].

Преимущества представленной классификации в ее компактности и одновременно широких возможностях каждой группы по охвату самых разнообразных гербов. Тематика гербов, входящих в каждую группу, имеет разные степени «конкретности», что вытекает из характера групп. Так, гербы IV группы (владельческие) можно при желании выделить в подгруппы (династические, рыцарские, костельные), что не так просто в отношении V группы (аллегорические), которая имеет множество позиций и «другие достопримечательности». Порядок размещения гербов в каждой группе зависит от степени наибольшего соответствия. Так, первыми идут те, которые не несут признаков иных групп, далее те, которые можно назвать «переходными», что содержат в себе признаки двух, или сразу нескольких групп [20].

Таким образом, городские гербы Беларуси XVI – XVIII вв. с военными мотивами охватывают следующие классификационные группы: архитектурные, религиозные, владельческие, аллегорические, другие гербы.

Архитектурные гербы (архитектура данного города, или архитектура вообще, символизирующая по сути сам город, его идею). Беларусь называли «страной замков», поскольку здесь почти через каждые 30–40 км стоял замок [15]. Тем не менее, из всего количества гербов ВКЛ архитектурные (с изображениями архитектурных объектов) составляют приблизительно 1/7 часть, в то же время, в польской городской геральдике архитектурные гербы от общего количества составляют четвертую часть [25], а в немецкой – почти треть [23]. Данной группе на территории Беларуси соответствуют гербы Черикова 1641 г., Любчи 1644 г., Могилева 1661 г. и Острины 1792 г. (рисунк 1).

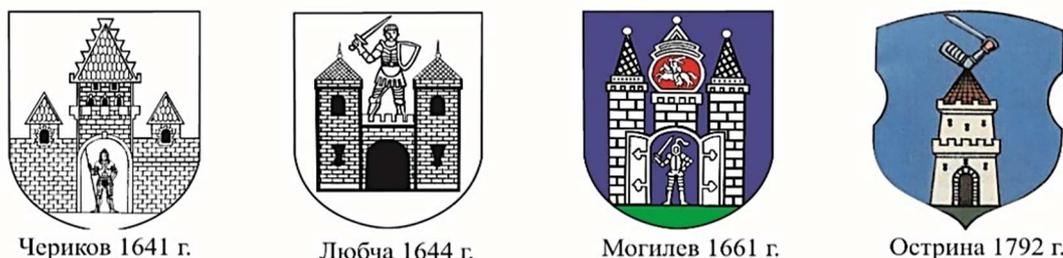

Рисунок 1. – Архитектурные гербы Беларуси

Герб Черикова: «В голубом поле барочного щита на зеленой оконечности серебряная крепость с тремя башнями, средняя из которых выше боковых. В центре средней башни – красные ворота с серебряным рыцарем, вооруженным копьем в правой руке» [1 с. 238]. Город стоит на востоке. Это может служить предположением наличия вооруженного рыцаря. В то же время, оборонительный характер отечественных гербов с архитектурой не исключает отражения гостеприимства города через символику открытых врат, что можно наблюдать в подавляющем большинстве случаев.

Любча в 1590 г. вместе с магдебургским правом получила герб, где соединились элементы гербов владельцев города – Яна Кишки и его жены из рода Нарушевичей. Через 16 лет Любча перешла во владение Радзивиллов, которые возвели там замок, и герб в 1644 г. стал архитектурным: «В голубом поле на зеленом основании врата с двумя башнями. Наверху врат, между башнями вооруженный рыцарь, в правой воздетой руке меч, в левой – щит» [17, с. 189].

Герб Могилева: «в голубом поле барочного щита на зеленой оконечности изображение трех серебряных башен, в средней из которых в открытых воротах находится серебряный рыцарь в доспехах с поднятым над головой мечом. Вверху над воротами на усеченном по своему основанию круглом красном щите под кровлей центральной башни находится серебряный вооруженный всадник с мечом и щитом» [1, с. 225]. «Этот вариант герба, как показала история, стал истинно городским символом, узнаваемым и привычным» [1, с. 226]. Это единственный среди всех белорусских городских гербов, который имеет аугментацию (с англ. *honourable augmentation* – «почетное дополнение») – почетный знак. пожалование высшей властью почетного знака в герб (не только городской) – обычная европейская практика. Как известно, первый герб «высокая каменная башня» был пожалован Могилеву одновременно с магдебургским правом в 1577 г. (по привилею Стефана Батория) [14; 16]. За восстание, поднятое могилевчанами в 1661 г. во время войны 1654–1667 гг., в результате которого был уничтожен московский гарнизон, старый герб получил многочисленные изменения и в таком виде существует сегодня официально.

Герб Острины: «В голубом поле на зеленом основании серебряная башня, на красной крыше которой вооруженная рука с саблей» (описание согласно подтвердительного привилея Станислава Августа: «Башня на которой рука в доспехах с палашом») [11, л. 147], как и большинство отечественных городских гербов, не несет в поле отражение реально существующей архитектуры, но символизирует идею города. К группе владельческих гербов принадлежит военный атрибут – «вооруженная рука с саблей», как и один из вариантов «Малой Погони» (когда в щите помещен не весь герб «Погоня», а его элемент) [12].

Религиозные гербы (святой патрон города, символика святых, религиозные сюжеты, религиозные атрибуты). Данные городские гербы представляют сравнительно значительную группу, содержащую военные атрибуты – гербы Новогрудка 1595 г., Витебска 1597 г., Чаусов 1634 г., Бобра 1762 г., Михалова 1767 г., Привалки 1792 г., Угорья 1792 г. (рисунок 2).

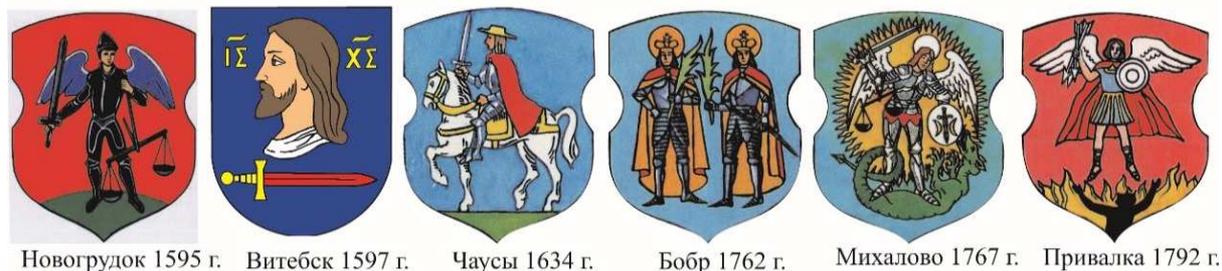

Рисунок 2. – Религиозные гербы Беларуси

Гербы Новогрудка («В красном поле барочного щита на зеленой оконечности изображение Святого Архангела Михаила с крыльями голубого цвета, облаченного в черные одежды, с мечом в правой руке и весами – в левой» [1, с. 163]), Михалова («В голубом поле Архангел Михаил в золотой мандорле, в правой руке меч и весы, в левой тарч с гербом «Остоя», наступает на дракона» [17, с. 199]) и Привалки («В голубом поле Архангел Михаил, в правой руке молнии, в левой тарч, в основании дьявол в огне» [11, л. 60об.]) объединены одним сюжетом, где присутствует вооруженная фигура с мечом. Гербы Бобра («В голубом поле вооруженные святые Борис и Глеб» [17, с. 120]) и Угорья («В серебряном поле святой Георгий, убивающий дракона» [17, с. 245]) попали в группы с военными атрибутами, как и все религиозные гербы в большей или меньшей степени по формальным признакам.

В гербах Чаусов («В голубом поле святой Мартин на белом коне» (по привилею Владислава IV Вазы) [7; 17, с. 251]) и Витебска («В голубом поле испанского щита образ Иисуса Христа, изображенный в профиль, сопровождается справа литерами «ΙΣ» и «С» в две строки и слева такими же литерами «ΧΣ» и «С» также в две строки. Под ним размещен обнаженный меч красного цвета острием влево. <...>» [1, с. 63]) меч – общий элемент. Святой, вооружен он или нет, кроме иных функций, выполняет роль защитника, патрона. Меч может являться и просто атрибутом мученической смерти, как например, для апостолов Павла, Иакова Старшего, святых Фомы Бекета, Екатерины, Люции и др. [3, с. 168]. В сюжете из жизни святого Мартина показывается, как он делится своей мантией с нищим; атрибуты святого Мартина – Нищий, Гусь и Мантия [3, с. 137], «этот герб следует рассматривать в одном ряду городских символов, отражающих идеи защиты, обороны и победы христианских ценностей» [1, с. 237].

В 1781 г. Екатерина II утвердила для Чаусов новый герб: «В верхней части щита часть герба Могилевского: в золотом поле половина Российского герба. В нижней – в красном поле шпага, положенная крестообразно с мечом, соединенные лавровым венком, в память славной победы, одержанной над шведами в окрестностях сего города, под Лесным» [4]. «Когда в 2001 г. встал вопрос о выборе официального геральдического символа для города, Чаусским районным исполнительным комитетом во главе с его председателем А.О. Матюлиным было отдано предпочтение гербу 1781 г., как более отвечающему менталитету граждан» [1, с. 237].

Владельческие гербы (династические, рыцарские, костельные (церковные) гербы или их элементы).

Герб Липнишек относится к группе владельческих (с военными атрибутами): «В красном поле всадник со щитом с изображением герба «Пилава» и с копьём в руке» (описание согласно подтверждающего привилея Станислава Августа: «Герб <...> т. е. Погонь Литовская с пропорцем в красном поле») [11, л. 70об.]. Герб «Пилава»: «В голубом поле серебряный семиконечный крест». Существует также изменение – «в голубом поле золотой семиконечный крест» [22]. Такая же измененная «Пилава» и на щите всадника из привилея 1792 г. У А.К. Титова во всех его изданиях «в золотом поле серебряный семиконечный крест» [17, с. 186] (рисунок 3).

Аллегорические гербы (отражают характер города (промышленный, культурный, пограничный и т.д.), орудия труда, символы и продукты производства, военные атрибуты; атрибуты науки и культуры; географическое положение города, возникновение города (название местности, другие особенности и т.д.); другие выдающиеся особенности). Как указывалось, в данную группу входят три герба: Бреста XVI в., Пинска 1581 г. и Мстиславля 1634 г., несущих в своих полях только оружие (рисунок 4).

Липнишки 1633 г.

Рисунок 3. – Владельческий герб

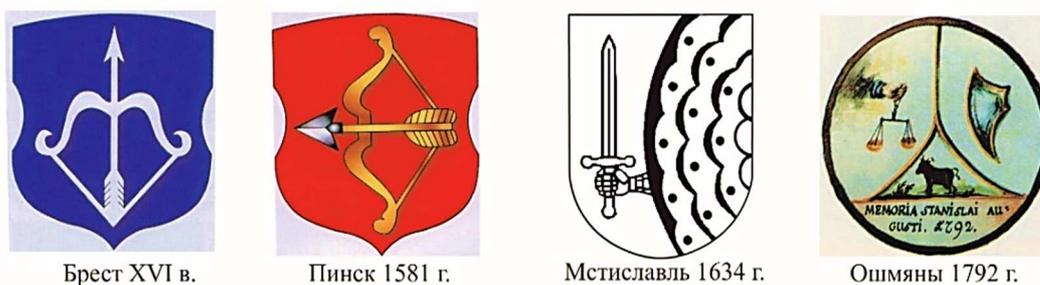

Рисунок 4. – Аллегорические гербы Беларуси

Изображения луков со стрелами помещены в гербах Бреста (второй город ВКЛ, получивший магдебургское право в 1390 г. по привилею Великого князя Витовта [5]) – «В голубом поле барочного щита серебряный лук со стрелой, направленной наконечником вверх» [1 с. 27; 18], и Пинска – «В красном поле барочного щита золотой лук, у которого стальное острие направлено вправо» [1, с. 47; 2, с. 261–264]. На всех сохранившихся городских печатях направление стрелы различное. На ратушной печати 1594 г. в поле натянутый лук со стрелой вправо [19, с. 224], на печати 1670 г. в поле натянутый лук со стрелой влево [19, с. 224], на печати 1781 г. в поле натянутый лук со стрелой вверх [19, с. 225]. Вряд ли можно наличие данных изображений объяснить пограничным положением этих городов, поскольку южные рубежи ВКЛ не знали военных столкновений за изменение границ [9].

Утверждение о влиянии пограничного положения вполне справедливо в отношении гербов городов на восточных рубежах. В представленной группе это герб Мстиславля – «В золотом поле щит, из-за которого выступает вооруженная рука с мечом» (описание согласно привилея Владислава IV Вазы: «меч со щитом сверху») [24]. Можно согласиться с исследователем С. Даниленко, который отметил: «В геральдике общеизвестно было интерпретировать поднятое и ориентированное вверх оружие как призыв к мести. Именно в подобном контексте необходимо понимать герб Мстиславля <...>. По сути мстиславльский герб с изображением «меча мести» являлся говорящим гербом, который обыгрывал само названием города. Косвенным свидетельством этого может служить польскоязычная «Крепость» XVIII в., написанная в иезуитских кругах в честь мстиславльского воеводы Крыштапа Пузыны. В этом произведении этимология названия города выводится именно от существительного «мести» [6]. «Меч мести» был получен городом как-раз во время Смоленской войны 1632 – 1634 гг., которую Речь Посполитая вела с Московским царством.

В 1781 г. Мстиславлю Екатериной II был пожалован новый герб: «В верхней части щита часть герба Могилевского: в золотом поле половина Российского герба. В нижней – в серебряном поле бегущая красная лисица, каковыми зверьми окрестности сего города изобилуют» [2, с. 297–299].

Современный герб Мстиславля зарегистрирован 5 апреля 2001 г. в Гербовом матрикуле Республики Беларусь в следующем описании: «В серебряном поле французского щита из голубого облака выходит длань Господня, вооруженная стальным мечом с золотой рукоятью, под ней герб Мстиславльского княжества – красный волк, повернутый вправо» [1, с. 230]. По утверждению автора данного герба, доктора исторических наук С.Е. Рассадина: «В российской городской геральдике использовались также гербовые эмблемы, весьма схожие с прежней мстиславльской. Конечно, такое сходство удастся установить, если только исправить ошибку, представленную в обоих изданиях монографии Титова А.К. То, что им на основании отрисовок городской печати на документах 1740–1767 гг., принимается за щит (то ли коричневый, то ли серебряный, но странно чешуйчатый) – на самом деле, конечно, изображение облака. Следовательно, и выходящая из него рука с мечом – вовсе не «Малая Погоня», а, скорее сама десница Господня. Как и в гербе Вологды 1780 г.: «В красном поле выходящая из облака рука, держащая золотую державу с серебряным мечом» [13]. Следует предположить, что С.Е. Рассадин не знал о существовании оригинального описания, либо о том, что в геральдике приоритет имеют документальные, а не сфрагистические (печати) источники.

Герб Ошмян (см. рисунок 4), примыкающий к данной группе – единственный, который имеет нехарактерное для белорусской геральдики деление щита (для отечественной геральдики вообще деления щита не характерны): «Французский щит, который имеет опрокинуто-виллообразное деление. В правом красном поле изображена рука, держащая золотые весы, в левом голубом – золотой щит. В нижнем серебряном – красный теленок» [1, с. 166]. Золотой щит, в левом голубом поле дает основание отнести этот герб к группе с признаками военного.

Другие гербы (гербы, не вошедшие в другие группы; эмблемы неизвестного происхождения). Замыкают представленный комплекс гербы Кричева 1633 г. и Геранен 1792 г. (рисунок 5).

Кричев 1633 г.

Геранены 1792 г.

Рисунок 5. – Группа «Другие гербы»

На происхождение кричевского герба («В красном поле барочного щита золотой кавалерский крест, слева от него серебряный меч рукояткой вниз» [1, с. 222; 8]), вероятно, указывает то, что он был пожалован в период Смоленской войны 1632 – 1634 гг., во время которой на короткое время город был занят российскими войсками. В пользу данной версии свидетельствует похожий герб Велижа: «В голубом поле золотой кавалерский крест, под ним серебряный меч с золотой рукояткой» (теперь в составе Смоленской области РФ), происхождение которого не вызывает сомнений. Был пожалован привилеем Стефана Батория от 20 марта 1585 г. в честь побед над Московским царством в Ливонской войне: «А напервей на знакъ и на вечную память звѣтяжства нашего, которое есмы надъ неприятелемъ нашимъ зъ ласки и милосердыя Бога всемогущого, съ помочью его святою одержали, даёмъ тому месту велижскому гербъ, крыжъ золотой, а под ним мечъ голый в полю блакитномъ» [2, с. 297–299]. «Кричев, как пограничный пункт Великого Княжества Литовского на протяжении длительного времени был ареной военных событий, а его жители – храбрыми воинами. <...> Всей своей историей жители Кричева доказали право обладать своим гербом. Издавна крест и меч являлись символами охраны, защиты и победы христианских ценностей. Крест подобной формы олицетворяет также мужество и доблесть защитников города. Не случайно он называется кавалерским» [1, с. 223].

Герб Геранен: «В зеленом поле красное пылающее сердце пронизанное мечом слева» (описание согласно привилея Станислава Августа: «неблагодарное сердце пронизанное мечом» [11, л. 64об.]). Можно провести аналогию с владельческими гербом «Кара» или «Оброна», где представлено сердце, пробитое стрелой, которого удостоился предок рода Акшаков, за то, что согласно легенде, убил татарского предводителя [21].

Заключение. Относительно большое количество (18 из 60) городских гербов с военными мотивами вполне отражает три столетия перманентных войн в которых находилось ВКЛ с конца XV в. и до конца своего существования.

В соответствии с классификацией автора статьи городские гербы на территории Беларуси периода XVI – XVIII вв., которые в той или иной форме содержат в своих изображениях военные мотивы, распределяются по следующим группам: архитектурные (Черикова 1641 г., Любчи 1644 г., Могилева 1661 г., Острины 1792 г.); религиозные (Новогрудка 1595 г., Витебска 1597 г., Чаусов 1634 г., Бобра 1762 г., Михалова 1767 г., Привалки 1792 г., Угорья 1792 г.); владельческие (Липнишки 1633 г.); аллегорические (Бреста XVI в., Пинска 1581 г., Мстиславля 1634 г., Ошмян 1792 г.) и другие гербы (гербы Кричева 1633 г. и Геранен 1792 г.). Все гербовые изображения содержат элементы, указывающие на степень вовлеченности жителей города в военную историю державы, а также особенности местного быта, почитаемых святых и патронов города, принадлежность к шляхетским и магнатским фамилиям. В заключение необходимо отметить, что «официальные геральдические символы являются основным выражением государственной и национальной идеологии и культуры любого государства, своеобразным «олицетворением страны. Для общества с богатой историей это – политический, идеологический и социально-культурный капитал» [1, с. 5].

ЛИТЕРАТУРА

1. Адамушко, В.И. Гербы и флаги Беларуси / В.И. Адамушко, М.М. Елинская. – Минск : Беларусь, 2006. – С. 237.
2. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные археографическою комиссиею : в 5 т. / СПб., 1846–1853. – Т. 3: 1544–1587. – 1848. – 342 с.
3. Бидерманн, Г. Энциклопедия символов / Г. Бидерманн ; под общ. ред. И.С. Свенцицкой. – М. : Республика, 1996. – 355 с.
4. Винклер, П.П. фон. Гербы городов, губерний, областей и посадов Российской империи, внесённые в Полное собрание законов с 1649 по 1900 / П.П. фон Винклер. – СПб. : Изд-е книгопродавца И.И. Иванова, 1899. – С. 164.
5. Власов, Е.А. История административно-территориального деления Белоруссии / Е.А. Власов, А.Ю. Плотников // Гербовед. – 1997. – № 21. – С. 47–48.

6. Даніленка, С. Семантыка магдэбургскіх гербаў Магілёва / С. Даніленка // Старонкі гісторыі Магілёва : матэрыялы I Міжнар. навук. канф., Магілёў, 21–22 мая 1998 г. / МДУ імя А.А. Куляшова. – Магілёў, 1998. – С. 17–26.
7. Историко-юридические материалы, извлечённые из актовых книг губерний Витебской и Могилёвской (ИЮМ) : в 32 вып. – Витебск, 1871–1906. – Вып. 17. – 1888. – С. 97–102.
8. ИЮМ : в 32 вып. – Витебск, 1871–1906. – Вып. 10. – 1879. – С. 307–317.
9. Казлоў, Л.Р. Беларусь на сямі рубяжах / Л.Р. Казлоў, А.К. Цітоў. – Мінск : Беларусь, 1993. – С. 15–16.
10. Мейен, С.В. Методологические аспекты теории классификации / С.В.Мейен, Ю.А. Шрейдер // Вопросы философии. – 1976. – № 12. – С. 67–79.
11. Российский государственный архив древних актов. – Ф. 389. Оп. 1. Д. 556.
12. Рассадін, С. «Галантны век» городской геральдики Беларуси / С. Рассадін // Архівы і справаводства. – 2001. – № 2. – С. 95–102.
13. Рассадін, С. «Галантны век» городской геральдики Беларуси / С. Рассадін // Архівы і справаводства. – 2001. – № 4. – С. 108–117.
14. Стрэнкоўскі, С.П. Вольнасці і прывілеі гарадоў заходняй часткі ВКЛ : вучэб. дапаможнік / С.П. Стрэнкоўскі. – Мінск, 1997. – С. 22.
15. Ткачоў, М.А. Замкі Беларусі. / М.А. Ткачоў. – Мінск : Палымя, 1977. – 84 с.
16. Цітоў, А.К. Вольныя беларускія месцы: Самакіраванне ў нашых гарадах / А.К. Цітоў. – Мінск : Беларус. рэсп. фонд падтрымкі дэмакр. рэформ імя Л. Сапегі, 1996. – С. 21.
17. Цітоў, А.К. Геральдыка беларускіх местаў / А.К. Цітоў. – Мінск : Палымя, 1998. – 287 с.
18. Цітоў, А.К. Пагоня / А.К.Цітоў // ЭГБ : у 6 т. – Мінск, 1999. – Т. 5. – С. 125.
19. Цітоў, А.К. Пячаткі старажытнай Беларусі: Нарысы сфрагістыкі / А.К. Цітоў. – Мінск : Палымя, 1993. – 239 с.
20. Шпунт, А.А. Класіфікацыя гарадской геральдыкі Беларусі / А.А. Шпунт // Весн. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. Гуманітар. навук. – 2004. – № 1. – С. 47–55.
21. Cetwiński, M. Herby, legendy, dawne mity / M. Cetwiński, M. Derwich. – Wrocław : Krajowa agencja wydawnicza, 1987. – 319 s. – S. 131.
22. Górzyński, S. Herby szlachty polskiej / S. Górzyński, J Kochanowski. – Warszawa : Uniwersytet Warszawski, Alfa, 1994. – 176 s. – S. 120.
23. Machatscheck, H. Unterchaltsame Wappenkunde / H. Machatscheck. – Berlin : Neues Leben, 1981. – S. 28.
24. Rimša, E. Lietuvos didžiosios kunigaikštystės miestu antspaudai / E. Rimša. – Vilnius : Žara, 1999. – S. 406
25. Znamierowski, A. Insignia, symbole i herby polskie / A. Znamierowski. – Warszawa : Świat książki, 2003. – 216 s.

Поступила 20.08.2020

MILITARY MOTIVES IN THE URBAN HERALDIC OF BELARUS XVI – XVIII CENTURIES

A. SHPUNT

The origin and semantics of the city coats of arms of Belarus of the 16th – 18th centuries, which carry images of military attributes (defensive architecture and weapons) in their fields, are considered. Variants of classification of city coats of arms of various authors are presented and analyzed, as a result of which a proper classification of coats of arms of Belarusian cities of the period under consideration is proposed. In urban heraldry, there are coats of arms of architectonic (4 units), religious (6 units), owner (1), allegorical (4) groups, as well as two representatives of the “Other coats of arms” group. Descriptions of the samples under consideration are given, some controversial points of view are analyzed, and a conclusion is made about the correspondence of the coat of arms to the spirit of the times and the circumstances of the history of the Grand Duchy of Lithuania and the Rechi Pospolitoj of the 16th – 18th centuries.

Keywords: urban heraldry, military motives, architectonic coats of arms, religious coats of arms, owner coats of arms, allegorical coats of arms, the Grand Duchy of Lithuania.

УДК 94 (476) “1630-1640”

**БЕРАСЦЕЙСКИ ПАВЕТ У ПАЛІТЫЧНАЙ ГЕАГРАФІІ
ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА Ў 1630 – 1640-я гг.****канд. гіст. навук, дац. В.У. ГАЛУБОВІЧ
(Гродзенскі дзяржаўны аграрны ўніверсітэт)**

У артыкуле прадстаўлены вынікі вывучэння ролі і месца Берасцейскага павета ў палітычным жыцці Вялікага Княства Літоўскага ў 1630–1640-я гады. Аўтар звярнуў увагу на неадаследаванасць лакальнай палітычнай гісторыі ў беларускай гістарыяграфіі і фрагментарнасці звестак пра спецыфіку структуры палітычных сіл на Берасцейшчыне ў замежнай навуковай літаратуры. У артыкуле адзначаецца, што палітычная канкурэнцыя ў Берасцейскім павеце была адлюстраваннем працэсаў, якія адбываліся на агульнадзяржаўным узроўні. Кіраўніцтва Берасцейскага ваяводства на працягу 1630–1640-х гг. змянялася некалькі разоў, а ваяводамі былі асобы, якія належалі да трох розных палітычных групіровак, у тым ліку Радзівілаўскай і Сапеганскай. Лакальная адміністрацыя павета фарміравалася з мясцовых шляхціцаў, якія арыентаваліся на адну з палітычных груп. Нягледзячы на тое, што галоўныя ваяводскія і павятовыя пасады належалі каталікам і ўніям, сярод мясцовай шляхты вялікай папулярнасцю карысталася пратэстанцкая групоўка Вялікага Княства Літоўскага на чале з біржанскімі Радзівіламі. Адным з павятовых лідараў і галоўным рэпрэзэнтантам інтарэсаў інішаверцаў на соймах Рэчы Паспалітай з’яўляўся знакаміты берасцейскі шляхціц Пётр Кахлеўскі.

Ключавыя словы: шляхта, Берасцейскі павет, Вялікае Княства Літоўскае, ваявода, Радзівілы, Сапегі.

Уводзіны. У айчыннай навуцы вывучэнню гісторыі палітычных працэсаў у перыяд уваходжання беларускіх зямель у склад Рэчы Паспалітай адводзіцца адносна сціплае месца. Відавочныя прабелы ў вялікай ступені кампенсуюцца за кошт актыўнай працы суседзяў, пераважна польскай гістарыяграфіі. Гэта датычыцца як характарыстыкі на макра-, так і на мікраўзроўні, але далёка не ўсё паспяваюць зрабіць нават нашы гіперактыўныя суседзі. Іх намаганнямі дэталёва рэканструіравана агульная лінія флуктуацыі палітычнага жыцця ВКЛ у XVI–XVIII стст., таму, на сённяшні дзень, маюцца грунтоўныя падставы для разваг над тым, якія палітычныя калізій маглі мець месца ў асобных паветах гэтай дзяржавы [1; 2]. Аднак адкрытым застаецца пытанне адносна таго, як агульныя тэндэнцыі палітычнага жыцця карэляваліся з лакальнымі раскладамі інтарэсаў на павятовым узроўні, у тым ліку і на Берасцейшчыне. Перспектывы даследаванняў у гэтым накірунку значныя, паколькі ёсць даволі істотныя напрацоўкі.

Паспрабуем гэта праілюстраваць толькі на адным невялікім гістарычным адрэзку, які ахоплівае пачатак 30-х – канец 40-х гадоў XVII ст. Вялікую каштоўнасць для гэтага ўяўляюць працы наступных даследчыкаў. У першую, чаргу варта згадаць агляд некалькіх выбарчых кампаній у Вялікім Княстве Літоўскім у 1640-я гады. Ён зроблены польскім гісторыкам Генрыхам Люлевічам у дысертацыйнай працы, абароненай у Варшаўскім ўніверсітэце яшчэ ў 1984 г. [3, с. 299–317]. Характарыстыка так званых радзівілаўскіх соймаў вядомая дзякуючы Уршулі Аўгустыняк, якая звярнула ўвагу на наяўнасць лакальнай падтрымкі ў біржанскіх Радзівілаў на берасцейскім сойміке [4, с. 194–254]. Непасрэдныя адносіны да тэмы нашага артыкула маюць даследаванні Анджэя Рахубы, які вызначыў месца асобных рэгіёнаў у палітычнай гульні магнацкага роду Сапег і намінацыйнай палітыцы [5; 6]. Бадай, найбольш блізка да абранай намі праблематыкі падыйшоў Марыюш Савіцкі, але яго даследаванне мае выбарачны характар [7]. Нарэшце, варта нагадаць і пра наяўнасць асобнай манаграфіі па гісторыі соймаў Берасцейскага павета. Яна падрыхтавана Дыянай Канечнай, якая, на жаль, засяродзіла сваю ўвагу толькі на функцыянальных аспектах дзейнасці ўстановы лакальнага шляхецкага самакіравання [8]. Кожны з пералічаных аўтараў прэзентаваў каштоўныя, але толькі фрагментарныя звесткі пра лакальную палітычную сітуацыю. Гэта прымусіла нас падпрыняць спробу абагульнення выяўленай інфармацыі, яе структурызацыі з улікам патрэб айчыннай гістарыяграфіі ў адаптацыі раней малавывучанаай праблематыкі і неабходнасці засваення стандартаў метадалогіі гістарычных даследаванняў.

Генеральны расклад сіл: вопыт гістарычнай дэдукцыі. Пачаць трэба з агульнай характарыстыкі раскладу палітычных сіл у ВКЛ у 1630–1640-я гг. На гэты час грамадскае жыццё ў княстве віравала паміж некалькімі палюсамі, магнетызм і вага кожнага з якіх з часам змяняліся. Галоўнымі гульцамі ў гэты час былі групоўкі біржанскіх і нявіжскіх Радзівілаў, а таксама Сапег. Акрамя таго, дзейнічалі і менш уплывовыя групы, менш самастойныя і арыентаваныя на каралеўскі двор [2, с. 39–41]. Уплывы галоўных суб’ектаў палітычнага спаборніцтва ў значнай ступені вызначаліся працягласцю жыцця і сталасцю найбольш аўтарытэтных прадстаўнікоў груп. Перавага Сапег у апошнія гады праўлення Жыгімонта Вазы і пэўны

парытэт сіл у першыя гады Уладзіслава Вазы скончыліся для іх суцэльнай катастрофай у сярэдзіне 1630-х гадоў. Гэтым, у першую чаргу, пакарысталіся біржанскія Радзівілы на чале з Крыштафам, які атрымаў вышэйшыя дзяржаўныя ўрады ў княстве – віленскага ваяводы ў 1633 г. і вялікага гетмана ў 1635 г. [9, s. 195; 10, s. 43]. Але смерць харызматычнага лідара пратэстантаў у 1640 г. і жаданне Уладзіслава стрымаць аднаўленне ўплываў біржанскіх Радзівілаў ураўнаважыла сілы галоўных групак у 1640-я гады [2, с. 40]. У значнай ступені гэтая агульная тэндэнцыя карэлюецца з тым, што адбывалася ў паветах.

Сенатары (ваяводы і кашталіны): асобы, арыенцыры. У часы праўлення Уладзіслава Вазы пасада Берасцейскага ваяводы ўваходзіла ў лік самых прахадных у ВКЛ. На працягу вылучанага перыяду ваяводамі паспелі пабыць пяць чалавек, што роўна маргінальнаму, Мсціслаўскаму, ваяводству і цэнтральнаму, Менскаму, ваяводству, кіраўніцтва якога змянялася столькі ж разоў [11, s. 9–10, 30–31, 26–27]. Ужо сам фактар зменлівасці “твараў” на чале галоўнага ўрада ў ваяводстве ператварала палітычнае жыццё ў павеце ў своеасаблівы калейдаскоп. Берасцейскімі ваяводамі ў 1630 – 40-я гг. былі:

- Аляксандр Людвік Радзівіл з 1631 па 1635 гг. Далей перайшоў на ўрад надворнага маршалка ВКЛ;
- Ян Ракоўскі з 1635 па 1638 гг. Далей перайшоў на ўрад віцебскага ваяводы;
- Мікалай Сапега з 1638 па 1642 гг. Далей перайшоў на пасаду віленскага кашталіна;
- Тэафіл Трызна з 1642 па 1645 г. Памёр на пасадзе ваяводы;
- Андрэй Масальскі з 1645 па 1651 гг. Памёр на пасадзе ваяводы [11, s. 9-10].

Трэба адзначыць, што ўрад берасцейскага ваяводы быў прывабным як для ўраднікаў агульнадзяржаўнага ўзроўню, якія не мелі сенатарскага статусу і былі тытулярнымі (А.Л. Радзівіл перайшоў на ваяводства з пасады крайчага ВКЛ, Я. Ракоўскі – з пасады надворнага падскарбія), такі і для мясцовага (М. Сапега і А. Масальскі раней па чарзе займалі пасаду менскага ваяводы) [11, s. 9–10].

Што давала чарговая намінацыя для рэальнага раскладу палітычных сіл у Берасцейскім павеце ў разглядаемы перыяд? Пасада ваяводы была ўплывовым інструментам фарміравання грамадскіх настрояў у павеце. Гэта разумелі і на каралеўскім двары, і ў магнацкіх колах, і ў асяроддзі царкоўных іерархаў. Невыпадкова ўніяцкі мітрапаліт Іосіф Вельямін Ручкі ў лістападзе 1634 г. нагадваў сенатару-каталіку Аляксандру Людвіку Радзівілу, берасцейскаму ваяводзе, пра неабходнасць падтрымкі уніі на соймаках і соймах [12, s. 428]. Самі пералічаныя асобы не былі адназначна самастойнымі гульцамі на палітычнай сцэне ВКЛ і ўваходзілі ў фактычна розныя групыкі. Так, не маючага вялікіх амбіцый А.Л. Радзівіла ў гістарыяграфіі адносяць да ліку так званых рэгалістаў, праманархічна настроеных палітыкаў, але фактычна ён з’яўляўся і лідарам сваёй уласнай партыі, і прадстаўніком каталіцкай ці нясвіжскай групыкі роду Радзівілаў, на чале якой быў канцлер ВКЛ Альбрэхт Станіслаў Радзівіл [3, s. 192–194; 13, s. 111, 125–126; 7, s. 58–65]. На пазіцыі берасцейскай шляхты вялікі ўплыў меў таксама той фактар, што канцлер А.С. Радзівіл у 1631 – 1656 гг. з’яўляўся пінскім старостам [10, s. 232], што вызначальным чынам адбывалася на палітычных пазіцыях суседняй пінскай шляхты [7, s. 58]. Аляксандр Людвік Радзівіл з 1616 г. лічыўся паўнапраўным берасцейскім абывацелем, валодаў пасля падзелу бацькоўскай спадчыны Белай і Дакудавым, да таго ж, з 1633 г. меў у Берасцейскай эканоміі наданне ад караля – “добра Воін” [14, s. 152, 154]. Невыпадкова, што берасцейскі соймак для Аляксандра Людвіка стаў стартовай пляцоўкай для набывання палітычнага вопыту: на форумах берасцейскай шляхты ён прысутнічаў неаднойчы з 1620-х гадоў, а яго аўтарытэту хапала і для абрання дырэктарам соймака, і для абрання соймавым паслом ад павета, і на ўключэнне прарадзівілаўскіх пунктаў у змест соймававай інструкцыі [14, s. 151–152]. Так ці іначэй, у асобе А.Л. Радзівіла мясцовая адміністрацыя займала далёка не старонняга кіраўніка. Па меркаванні сучаснікаў, ваявода быў “разумным” чалавекам і “добрым каталіком” [3, s. 192–193], што не перашкаджала яму актыўна супрацоўнічаць з біржанскімі Радзівіламі і лабіраваць іх інтарэсы. Такі падыход адбываўся і на лаяльнасці, а магчыма, і на спрыянні з боку ваяводы асобам, звязаным з біржанскімі Радзівіламі.

Калі ў прызначэнні А.Л. Радзівіла на пасаду ваяводы была ўнутраная логіка, то з яго наступнікам сітуацыя выглядае больш праявічнай. Есць меркаванне, што ўрадніцкая кар’ера Яна Войцеха Ракоўскага пры Уладзіславе Вазе была “фатальна” звязана з удалым шлюбам [15, с. 25]. Сучаснікі скептычна ставіліся да патэнцыялу яго кар’ернага росту, паколькі Ракоўскі не карыстаўся асаблівай сімпатыяй з боку манарха [16, s. 342]. Спадзяванні Яна Ракоўскага на высокую пасаду, а ў 1635 г. ён імкнуўся атрымаць вялікае маршалкоўства ВКЛ, былі нерэалістычнымі, паколькі ён канкурыраваў з буйнымі гульцамі – Радзівіламі і Сапегамі. Яго аўтарытэту хапіла толькі на тое, каб атрымаць намінацыю на ваяводства пасля Аляксандра Людвіка. Каталік польскага паходжання, ён не выяўляў асаблівай палітычнай актыўнасці і мала цікавіўся сітуацыяй у павеце, прынамсі, яе не кантраляваў, у тым ліку з-за кепскага стану здароўя. Урадніцтва Ракоўскага мела фармальны характар як ў часы займання пасады надворнага падскарбія, так і пазней. Калі ён нават на соймы не ездзіў, то на такія форумы, як павятовы соймак, тым больш не з’яўляўся. Пры аказіі Ракоўскі лёгка развітваецца з Берасцейскім ваяводствам і прымае іншую намінацыю [17, s. 518]. Асобным пытаннем застаецца яго палітычная прыналежнасць. Каралеўскага службоўцу, сыходзячы з веравызнання і паслуг двару яшчэ з часоў Жыгімонта Вазы, трэба залічваць да рэгалістаў. Ян Ракоўскі належаў да так званай чацвёртай сілы (групыкі) ў ВКЛ на чале з Пацамі і Гасеўскімі, найбольшы ўплыў якой прыпаў на

1635 – 1638 гг. [2, с. 40]. З Пацамі берасцейскі ваявода Ракоўскі быў сапраўды звязаны самым непасрэдным чынам: яго маці была Сафія з роду Пацаў [15, с. 24].

Наступныя тры ваяводы распачыналі новы цыкл пашырэння палітычных уплываў у Берасцейскім павеце. Усе тры наступнікі Ракоўскага, несумненна, належалі да так званай сапегаўскай партыі ў ВКЛ. Няма сэнсу шмат казаць пра гэта ў адносінах Мікалая Сапегі, якога прызнавалі нават кіраўніком усёй сямейнай групойкі. Мікалай Сапега быў таксама звязаны з Берасцейшчынай маёнткава: ён валодаў месцам Кодань. Гэта прадвызначыла, што галоўнай арэнай палітычнай дзейнасці М. Сапегі ў 1610 – 1630-я гг. быў мясцовы соймак, ад якога ён абіраўся дэпутатам, паслом, дзе выступаў у ролі каралеўскага прадстаўніка [18, s. 125–126]. Сыход Мікалая на больш высокі ўрад у 1642 г., які быў часткай плана Уладзіслава Вазы па ўзвышэнні Сапег [2, с. 40–41], не змяняў становішча ў павеце. Наступны ваявода, Тэафіл Трызна, належаў да сям’і, звязанай з Сапегамі рознымі сувязямі, улучна са сваяцкімі: яго жонкай была Кацярына Сапега, дачка Мікалая [19, s. 125]. Да ліку сталых супрацоўнікаў сапегаўскай партыі належаў і князь Андрэй Фёдаравіч Масальскі, таксама, праз сваяцкія сувязі, звязанага з Сапегамі. Масальскі пачаў кар’ерны рост са “спадчыннага” гарадзенскага маршалкоўства, але ў 1627 г. быў намінаваны на ўрад берасцейскага кашталіана і займаў яго да 1643 г. [20, s. 133–134]. Вяртанне ў 1645 г. Масальскага ў іншым статусе аб’ектыўна ўмацоўвала сапегаўскую партыю.

Кашталіанамі ў вылучаны час былі дзве асобы – згаданы Андрэй Масальскі і Францішак-Аляксандр Копець. “Панам” берасцейскім апошні з’яўляўся з 1643 г. і да рэзыгнацыі ў 1651 г. [11, s. 100]. Як у адносінах да А. Масальскага, так і адносна Ф.-А. Копця можна ўпэўнена сцвярджаць: яны з’яўляюцца прадстаўнікамі сапегаўскай групойкі [3, s. 207, 314]. Кантроль Сапегамі такога ўплывовага ўрада на працягу дзесяцігоддзяў даваў магчымасць мець сталы ўплыў на мясцовую шляхту.

Такім чынам, усё сенатарскія пасады ў Берасцейскім ваяводстве належалі каталікам, за выключэннем Тэафіла Трызны, які быў уніятам. Напрацягу 1630 – 1640-х гадоў ваяводскі ўрад паспеў пабываць у прадстаўнікоў трох розных палітычных сіл у ВКЛ, але ў апошнія гады праўлення Уладзіслава Вазы сенатары Берасцейшчыны прадстаўлялі адну палітычную сілу – партыю Сапег.

Гродскі расклад. У ваяводствах ВКЛ, якія складаліся з некалькіх паветаў, мясцовая гродская адміністрацыя непасрэдна падпарадкоўвалася старосце. Староста быў ключавой фігурай і ў Берасцейскім павеце. Вельмі адметна, што ў 1624 – 1652 гг. гэты ўрад займаў адзін чалавек – *Гедэон Міхал Трызна*. Як і іншыя прадстаўнікі роду Трызнаў, ён належаў да ліку бліжэйшых супрацоўнікаў сапегаўскай партыі [3, s. 200; 7, s. 50]. На аўтарытэт берасцейскага старосты ўплывала і тое, што ён быў звязаны з каралеўскім дваром, здабыў асаблівы давер манарха за час працы на ўрадзе земскага падскарбія, якім стаў у 1644 г. [16, s. 231–232]. Займаючы амаль на працягу 30 гадоў вышэйшы павятовы ўрад, ён мог непасрэдна ўплываць і на фарміраванне гродскай адміністрацыі ў павеце. Фактычна гэта азначае, што адпаведныя судовыя ўрады былі ў той ці іншай ступені залежныя ад старосты і яго сімпатый. Але ёсць і супярэчнасці, якія не дазваляюць сцвярджаць, што падпарадкаваны берасцейскаму старосце апарат фарміраваўся толькі ў адпаведнасці з партыйна-рэлігійнай прыналежнасцю працадаўцы. Так, напрыклад, выглядае сітуацыя з Пятром Пякарскім. Ён быў кальвіністам і слугой Радзівілаў [4, s. 347], але адначасова некаторы час, прынамсі, да 1624 г., калі берасцейскім старостай быў каталік Леў Сапега (узначальваў гродскую адміністрацыю з 1618 па 1623 гг.) [21], выконваў абавязкі берасцейскага гродскага суддзі [4, s. 347]. Цікава, што, па некаторых звестках, у 1629 г. кальвініст Пякарскі прадстаўляў павет на соймах і як гродскі суддзя [8, s. 164–165].

Земскі расклад: адна адміністрацыя і чатыры партыі. Павятовыя земскія ўрады былі прадметам сталай цікавасці палітычных групак у ВКЛ. Свае людзі на пасадах былі большай гарантыяй для абароны групавых інтарэсаў. Натуральна, што і ў земскай адміністрацыі Берасцейскага павета не было аднастайнай палітычнай прыналежнасці. Даволі паказальнай з’яўляецца ў гэтым сэнсе гісторыя спіса асоб, якіх Уладзіславу Вазе у 1635 г. Крыштап Радзівіл прапаноўваў прызначыць на новаствораныя ў ВКЛ пасады [6]. Сам праект падрыхтаваў не хто іншы, як Пётр Кахлеўскі, давераная асоба і бліжэйшы сябра магната-кальвініста.

Радзівілаўскі слуга бачыў сітуацыю наступным чынам: урад берасцейскага падчашага належала аддаць Крыштафу Пякарскаму, які пакінуў кальвінізм і апынуўся ў ліку слуг А.Л. Радзівіла; пасада чашніка прызначалася для Пятра Пякарскага, сакратара яго каралеўскай міласці, але чашнікам стаў сапегжынец Я.К. Умястоўскі. Новаўтвораны ўрад скарбніка таксама атрымаў не прыхільнік Радзівілаў, а рэгаліст Ян Уладзіслаў Невельскі [6, s. 100–101]. Вынікам гэтай гісторыі стала прасоўванне самога Кахлеўскага на ўрад войскага. Такім чынам, у 1635 г. былі прызначаны чатыры новыя асобы і ўсе яны *прадстаўлялі розныя палітычныя сілы*: каталіцкую галіну роду Радзівілаў, біржанскіх Радзівілаў, групойку Сапег і прыдворную партыю. Не выклікае сумненняў, што і іншыя земскія ўрады прытрымліваліся рознай палітычнай арыентацыі, складанай адказаць на пытанне, якая партыя і калі мела больш прыхільнікаў. Дакладна можна толькі сцвярджаць, што нават пасля 1635 г., у часы астывання “любаві” манарха да біржанскага клана [2, с. 40], біржанскім Радзівілам удавалася прасунуць патрэбных людзей на высокія павятовыя ўрады на Берасцейшчыне. Такі лёс напаткаў Пятра Пякарскага, які вядомы не толькі як парламентарый, але яшчэ і як актыўны дзеяч пратэстанцкай царквы: у 1635 г. ён фундае кальвінскі збор у сваёй маёмасці Ямне

ў Берасцейскім ваяводстве [22, с. 347–352]. У 1637 г. каралеўскі сакратар П. Пякарскі прызначаецца на ўрад земскага суддзі, адну з ключавых пасадаў у мясцовай адміністрацыі [23].

Соймікавы выбар. Аўтарытэт высокіх урадаў, павага да арыстакратычнай крыві і грошай былі штодзённасцю для станавага грамадства Рэчы Паспалітай, але элементы дэмакратыі, прававой дзяржаўнасці часам выбівалі з-пад гэтых “традыцыйных каштоўнасцей” падмурак. Разгул свабоды нівеліраваў любы аўтарытэт, і мала што магло стрымаць самаўпэўненасць шляхты, асабліва, калі за яе плячыма стаялі іншыя высокія аўтарытэты – *браты павятовыя*. З імі лічыліся не толькі магнаты. Нават манарх часам быў вымушаны выкарыстоўваць прамы ціск на берасцейцаў за непадпарадкаванне яго волі. Падчас каранацыйнага сойма 1633 г. сама пазіцыя берасцейскіх паслоў, якія адступілі ад патрабавання павятовай інструкцыі і супраціўляліся ўвядзенню падаткаў, выклікала абурэнне манарха і прымусіла яго спецыяльна звяртацца да павятовых абывацеляў з асобным пасланнем [24, с. 46].

Біржанская партыя: узлёт ці парытэт? Пачаць варта з канстатацыі таго, што ў Берасцейскім ваяводстве біржанскім Радзівілам належала пэўная маёмасць, як і іх прыхільнікам ды слугам. Так, у Сельцах, якія належалі Багуславу Радзівілу, налічвалася 246 дымоў, а ў Камянецкім старостве Януша Радзівіла – 980 дымоў [3, с. 288–289]. Сам Берасцейскі павет з’яўляўся відавочна падзеленым па палітычных ўплывах, што даволі выразна відаць па камплектах паслоў на соймы 1630 – 1640-х гадоў [8, с. 164–166]. У большасці выпадкаў да пачатку 1640-х гг. берасцейская шляхта абірала паслоў на парытэтнай аснове: адзін з’яўляўся пратэстантам-кальвіністам, другі належаў да адной з канкурыруючых каталіцкіх групавак. Падтрымка кальвіністаў на берасцейскім сойміке мела месца і ў папярэднім дзесяцігоддзі, калі нават пасольскія інструкцыі, як у 1627 г., складаліся прыхільна ў адносінах да дысідэнтаў [8, с. 64]. Пазіцыі пратэстантаў заставаліся стабільнымі і на піке росту актываў біржанскіх Радзівілаў пры манаршым двары. Дысідэнты нават выступалі ў якасці каралеўскіх легатаў на берасцейскіх сойміках [8, с. 132]. У 1630-я гады, бадай, нязменнымі пасламі ад Берасця былі Пётр Пякарскі і Пётр Кахлеўскі. У некаторых выпадках, як на каранацыйным сойме 1633 г., увогуле толькі кальвіністы прадстаўлялі берасцейцаў у парламенце Рэчы Паспалітай [8, с. 165]. П. Пякарскі і П. Кахлеўскі былі бліжэйшымі супрацоўнікамі (слугамі-сябрамі) Крыштапа Радзівіла [4, с. 314–315, 347]. Клан Пякарскіх займаў нейкую спецыфічную нішу сярод землеўласнікаў павета. Знаменна, што езуіту Віюку Каяловічу, які жыў у сярэдзіне XVII ст. і з’яўляўся складальнікам гербоўніка шляхты ВКЛ, прозвішча Пякарскі было невядомым [25]. Пётр Пякарскі быў нашчадкам берасцейскага шляхціца Станіслава, уласніка маёнткаў *Трышын і Ямна*. Станіслаў Пякарскі быў звязаны з Радзівіламі і з’яўляўся даверанай асобай яшчэ Мікалая Радзівіла Сіроткі [26, с. 284–285]. Пётр Пякарскі не мог разлічваць на земскую кар’еру ў часы Жыгімонта Вазы, але яго веравызнанне не стала перашкодай для прызначэння гродскім суддзёй у Берасці. Палітычная актыўнасць гэтага шляхціца працягвалася некалькі дзесяцігоддзяў. У 1620-х гадах ён некалькі разоў абіраўся паслом, а ў другой палове 1630-х на змену П. Пякарскаму прыйшоў П. Кахлеўскі [8, с. 163–166]. У 1630-я гг. П. Пякарскі ў розных іпастасях з’яўляўся на соймы тройчы – у 1632–1633 гг. і 1634 г. [8, с. 165].

Пётр Кахлеўскі належаў да даволі заможных берасцейскіх шляхціцаў. Ён валодаў дзесяціцю ўладаннямі [27, с. 216–217]. Аднак нягледзячы на адносную заможнасць П. Кахлеўскага, толькі смерць Жыгімонта Вазы адчыніла для яго магчымасць кар’ернага росту. Справа ў тым, што П. Кахлеўскі ў свой час быў замешаны ў авантуры, звязанай са спробай дэтранізацыі Жыгімонта Вазы, і не меў шанцаў на атрыманне намінацый [27, с. 216–217]. Пры новым уладары П. Кахлеўскі кампенсавалі страты часу і магчымасцей ды атрымаў, дзякуючы свайму патрону, пасады войскага, а потым берасцейскага земскага суддзі. Акрамя таго, ён шэсць разоў выбіраўся соймавым паслом і з’яўляўся адным з галоўных барацьбітоў за інтарэсы дысідэнтаў і біржанскіх Радзівілаў. Апошняя яго пасольства выпала на 1640 г. Нягледзячы на тое, што П. Кахлеўскі перажыў яшчэ некалькі соймавых кампаній, больш ён ні разу не быў запатрабаваны павятовай шляхтай. Што на гэта паўплывала, сказаць складана. Магчыма, сапраўды Крыштаф Радзівіл быў усім для свайго вернага слугі і смерць патрона перагарнула дагэтуль існы свет. Але адыход ад спраў Кахлеўскага не азначаў, што біржанскія Радзівілы страцілі ўплывы на мясцовую шляхту.

Парытэт палітычных сіл у павеце захоўваўся і ў пачатку 1640-х гадоў. Так, у 1642 г. паслом ад павета быў абраны кальвініст Андрэй Пякарскі [8, с. 166; 4, с. 347]. Але на прыканцы дзесяцігоддзя мясцовы соймак становіцца выразна праспагеаўскім [3, с. 314–215].

Сапегі і сапегынцы. Традыцыйнымі зонамі дамінацыі Сапег у ВКЛ з’яўляліся Слоніўскі і Аршанскі паветы, а іншыя, такія як Віленскі, траплялі пад іх кантроль толькі ў выніку дзейнасці Льва Іванавіча Сапегі [5, с. 510]. Вядома, што ў Берасцейскім павеце пэўную кліенцкую базу фарміраваў яшчэ вялікі канцлер Л. Сапега, які, дарэчы, “купляў” прыхільнасць не толькі каталікоў, але і мясцовых кальвіністаў [5, с. 510]. Леў Іванавіч Сапега таксама не грэбаваў асабіста наведваць берасцейскія соймікі. Так, перадканвакацыйны соймак 1632 г. адбыўся пад дырэктарствам патрыярха роду. Акрамя яго, на тым жа соймаку прысутнічаў і Крыштаф Сапега, крайчы ВКЛ [8, с. 65]. Але нават удзел Льва Сапегі не перашкодзіў абранню паслом у Берасці пратэстанта А. Пякарскага [12, с. 390].

Напэўна, нельга казаць пра татальную дамінацыю ў Берасцейскім павеце сапегаўцаў, але тое, што павет разглядаўся імі як адзін з галоўных плацдармаў рэалізацыі палітычных планаў, – несумненна. Варта толькі звярнуць увагу на факт масавасці іх удзелу ў працы павятовага сойма і на колькасць прыкладаў абрання саміх Сапег ды іх прыхільнікаў соймавымі пасламі. Асноўная прасапегаўская аўдыторыя ў павеце складалася з каталіцкай шляхты, якая мела там моцныя ўплывы [12, s. 390, 405].

Дэпапуляцыя, у выніку якой з жыцця ў 1630-х гадах пайшлі некалькі выдатных прадстаўнікоў роду, у вялікай ступені паўплывала на выцсканне Сапег на павятовы ўзровень. У паветах з традыцыйнай сапегаўскай дамінацыяй справа была вырашальная, а ў тых рэгіёнах, дзе не было абсалютнай перавагі, да палітычных кампаній прыцягваліся ўсе магчымыя сілы – ад сапегаўскіх кліентаў і сваякоў да асобных прадстаўнікоў роду. Найчасцей саміх Сапег сярод соймавых паслоў ад Берасцейскага павета можна было сустрэць у 1630-я гг.:

- 1632 г. (перадканвакацыйны соймак) – Крыштаф Сапега, крайчы ВКЛ.
- 1634 г. – Крыштаф Сапега, крайчы ВКЛ.
- 1635 (II) г. – Мікалай Сапега.
- 1637 (II) г. – Мікалай Сапега.
- 1638 г. – Мікалай Сапега, харужы ВКЛ.
- 1646 г. – Павел Сапега, падстолі ВКЛ [8, s. 165–166].

Акрамя іх, пасламі абіраліся такія прадстаўнікі сапезынцаў, як староста берасцейскі Гедэон Трызна на канвакацыйны сойм 1632 г., Ян Казімір Умястоўскі – на каранацыйны сойм 1633 г. і на канвакацыйны 1648 г. Адным з галоўных актараў на берасцейскім соймаке ў 1640-х гг. стаў сапезынец Аляксандр Шуйскі [3, s. 303]. Берасцейскі войскі, потым харужы, ён прадстаўляў павет на соймах 1640 г., 1641 г., 1646 г., на канвакацыйным соймае 1648 г. [8, s. 166]. Канец 1640-х гг. увогуле сведчыць пра рост у павеце аўтарытэту партыі Сапег, якія цалкам кантралявалі мясцовыя соймаковыя нарады. Прыкладам можа быць перадканвакацыйны соймак у Берасці, на якім прысутнічаў партыйны актыў у складзе віцебскага ваяводы Паўла Сапегі, берасцейскага ваяводы Андрэя Масальскага з сынам Казімірам, падкаморыя берасцейскага Казіміра Тышкевіча і Яна Караля Копця, які быў абраны соймаковым дырэктарам [3, s. 314]. Вынікам такой дамінацыі быў кантроль за камплектацыяй пасольскай рэпрэзентацыі з ліку сваіх прыхільнікаў [8, s. 166].

Дэпутаты-партыйцы. Дадатковай ілюстрацыяй групавых арыентацый з’яўляюцца вынікі так званых грамнічных соймакаў, падчас якіх берасцейская шляхта штогод выбіралі двух суддзяў (дэпутатаў) Галоўнага Трыбунала – вышэйшай апеляцыйнай установы ВКЛ [28]. Безумоўна, базавымі крытэрыямі, якім належала адпавядаць суддзям, былі не палітычныя погляды [8, s. 127–128]. Тым не менш, прыналежнасць да пэўнай групыкі магла адыгрываць сваю ролю.

Спектр сімпатыі берасцейскай шляхты ў адносінах да кандыдатур быў дастаткова шырокім, а выбар соймака нярэдка падаў на асоб, якія не займалі пасады і ніяк сябе не праявілі ў палітычным жыцці. Аднак у большасці выпадкаў шляхта аддавала перавагу прадстаўнікам лакальнай, у тым ліку ўрадніцкай, эліты. Даволі заўважнай актыўнасцю вызначаўся падчас грамнічных электаральных кампаній клан Шуйскіх, якіх рэгулярна падтрымлівалі берасцейскія абывацелі. Дэпутатамі ў 1634 г., 1635 г. і 1639 г. былі адпаведна абраныя Ян, Андрэй і Аляксандр Шуйскія [28, s. 214, 217, 230]. Сыходзячы з вядомай палітычнай пазіцыі мясцовага актывіста Аляксандра Шуйскага [3, s. 299, 303], можна дапусціць, што і іншыя прадстаўнікі гэтай сям’і належалі да сапегаўцаў. Двойчы, у 1639 г. і 1646 г., дэпутатам быў берасцейскі падкаморый К. Тышкевіч, пазней вядомы як сапезынец [28, s. 230, 253]. Як відаць па 1639 г., увесь камплект суддзяў мог складацца з прыхільнікаў адной групыкі. Напэўна, залежным ад Сапег, прынамсі па службовай вертыкалі, быў дэпутат 1633 г. і 1640 г. Мікалай Табенскі [28, s. 211, 233].

Радзівілаўскі бок на сесіях Трыбунала рэпрэзентавалі Пякарскія [28, s. 221, 220], але не выключана, што былі і іншыя. Прынамсі, прозвішчы некаторых берасцейскіх дэпутатаў (Райскі, Язерскі) сустракаюцца ў спісах сем’яў, звязаных з біржанскімі Радзівіламі [28, s. 226, 236, 249; 4. s. 350, 371].

Папулярнасць некаторых мясцовых шляхціцаў лагічна трансфармавалася ў магчымасць быць абранымі для выканання трох класічных функцый: *пасольскай, дэпутацкай і ўрадніцкай*. Так было ў выпадках П. Пякарскага і А. Шуйскага. Парадоксам з гэтай перспектывы выглядае выпадак з Пятром Кахлеўскім, які, пры ўсёй сваёй папулярнасці, ні разу не стаў дэпутатам [28]. Патлумачыць гэты казус тым, што ён часта быў соймавым паслом, нельга. Па-першае, соймы склікаліся не кожны год; па-другое, на ВКЛ не распаўсюджвалася канстытуцыя 1616 г. аб забароне сумяшчаць дэпутацкія і пасольскія функцыі [8, s. 129].

Пры ўсім тым, што многіх дэпутатаў можна адносіць ці да сапегаўскай, ці да радзівілаўскай групыкі, іх пасада сведчыла аб тым, што яны адначасова, а магчыма, і ў большай ступені працавалі на прыдворную партыю. Так, у 1636 г. і 1643 г. берасцейская шляхта абрала дэпутатамі каралеўскіх сакратароў – Пятра Пякарскага і Яна Казіміра Умястоўскага, а ў 1634 г. – Максіміліяна Калечыцкага, каралеўскага двараніна [28, s. 220, 243, 214]. Пачаткова сапегаўскі слуга, Я.К. Умястоўскі [4, s. 357] быў пазней больш звязаны з дваром [7, s. 178].

Заклучэнне. Берасцейскі павет і яго шляхта-абывацелі адыгрывалі важную ролю ў палітычным жыцці Вялікага Княства Літоўскага. Там былі сканцэнтраваныя інтарэсы і ўладанні галоўных прэтэндэнтаў на дамінацыю ў краіне. Намінацыйная палітыка манархаў Рэчы Паспалітай выразна сведчыла пра жаданне бачыць на чале Берасцейскага ваяводства прадстаўнікоў арыстакратыі з ліку каталікоў. Ніжэйшы павятовы ўзровень рэпрэзентаваў інтарэсы чатырох палітычных сіл краіны, аднак рэальная канкурэнцыя ў Берасцейскім павеце ў 1630 – 1640-я гады адбывалася паміж галоўнымі палітычнымі групамі – біржанскімі Радзівіламі і Сапегамі. Падтрымка берасцейскай шляхты пратэстантаў была асабліва заўважнай да 1640 г., пазней пачынаецца перыяд росту ўплываў Сапег. Берасцейскі павет вылучаўся тым, што стабільна выбіраў соймавымі пасламі пратэстантаў, найбольш актыўных і таленавітых прадстаўнікоў тагачаснага грамадства.

ЛІТАРАТУРА

1. Rachuba, A. Wielkie Księstwo Litewskie w systemie parlamentarnym Rzeczypospolitej w latach 1569–1763 / A. Rachuba. – Warszawa : Wydawnictwo Sejmowe, 2002. – 376 s.
2. Рахуба, А. Палітычныя групы ў ВКЛ (1569–1732) / А. Рахуба // Спадчына. – 2002. – № 5-6. – С. 32-46.
3. Lulewicz, H. Elita polityczno-społeczna Wielkiego Księstwa Litewskiego w połowie XVII wieku: Praca doktorska napisana w Instytucie Historycznym Uniwersytetu Warszawskiego / H. Lulewicz. – Warszawa, 1984. – 488 s.
4. Augustyniak, U. W służbie hetmana i Rzeczypospolitej: Klientela wojskowa Krzysztofa Radziwiłła (1585–1640) / U. Augustyniak. – Warszawa : Wydawnictwo naukowe *Semper*, 2004 – 398 s.
5. Rachuba, A. Fakcja Lwa Sapiehy – zarys problematyki / A. Rachuba // Między Lwowem a Wrocławiem. Księga jubileuszowa profesora Krystyna Matwijowskiego. – Toruń : Wydawnictwo Adam Marszałek, 2006. – S. 503–511.
6. Rachuba, A. Kandydaci Piotra Kochlewskiego go nowych urzędów litewskich / A. Rachuba // *Kwartalnik historyczny*. – 1991. – № 4. – S. 91–103.
7. Sawicki, M. Stronictwo dworskie w Wielkim Księstwie Litewskim w latach 1648-1655 / M. Sawicki. – Opole, 2010. – 380 s.
8. Konieczna, D. Ustrój i funkcjonowanie sejmiku brzesko-litewskiego w latach 1565–1763 / D. Konieczna. – Warszawa : Wydawnictwo – DiG, 2013. – 198 s.
9. Urzędnicy Wielkiego Księstwa Litewskiego XIV – XVIII wieku : spisy. – T. I: Województwo wileńskie XIV – XVIII wiek / pod red. Andrzeja Rachuby. – Warszawa: «DiG», 2004. – 764 s.
10. Urzędnicy dawnej Rzeczypospolitej XII-XVIII wieku: Spisy / Pod red. A. Gąsiorowskiego. – Kórnik : Biblioteka Kórnicka, 1994. – T. 11: Urzędnicy centralni i dygnitarze Wielkiego Księstwa Litewskiego XIV – XVIII wieku. Spisy / Oprac. H. Lulewicz, A. Rachuba ; PAN. Bibl. Kórnicka. – 255 s.
11. Wolff, J. Senatorowie i dygnitarze Wielkiego Księstwa Litewskiego 1386–1795 / J. Wolff. – Kraków : Druk. Wł. Ananicza i Spółki, 1885. – 351 s.
12. Kempa, T. Wobec kontreformacji. Protestanci i prawosławni w obronie swobód wyznaniowych w Rzeczypospolitej w końcu XVI i pierwszej połowie XVII wieku / T. Kempa. – Toruń : Wydawnictwo Adam Marszałek, 2007. – 624 s.
13. Dziegielewski, J. Izba poselska w systemie władzy Rzeczypospolitej w czasach Władysława IV / J. Dziegielewski. – Warszawa : Wydawnictwo sejmowe, 1992. – 183 s.
14. Jaroszuk, J. Radziwiłł Aleksandr Ludwik / J. Jaroszuk // *Polski słownik biograficzny*. – T. XXX. – Wrocław etc. : Zakład Narodowy imienia Ossolińskich; Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1987. – S. 150–155.
15. Папко, В. Партрэт брэсцкага ваяводы Яна Ракоўскага (каля 1594–1639) / В. Папко // *Беларускі гістарычны часопіс*. – 2018. – № 10. – С. 23–28.
16. Filipczak-Kocur, A. Skarbowość Rzeczypospolitej 1587–1648. Projekty-ustawy-realizacja / A. Filipczak-Kocur. – Warszawa, 2006. – 440 s.
17. Nagielski, M. Rakowski Jan Wojciech / M. Nagielski, T. Wasilewski // *Polski słownik biograficzny*. – T. XXX. – Wrocław etc. : Zakład Narodowy imienia Ossolińskich; Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1987. – S. 517–519.
18. Nagielski, M. Sapieha Mikołaj / M. Nagielski // *Polski słownik biograficzny*. – T. XXXV. – Warszawa-Kraków : Drukarnia Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1994. – S. 124–127.
19. Niesiecki, K. Herbarz polski / K. Niesiecki. – Lipsk : Nakładem i drukiem Breitkopfa i Härtela, 1842. – T. IX. – 469 s.
20. Wasilewski, T. Massalski Andrzej / T. Wasilewski // *Polski słownik biograficzny*. – T. XX. – Wrocław etc. : Zakład Narodowy imienia Ossolińskich; Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1975. – S. 133–134.
21. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі ў Мінску. – Метрыка ВКЛ. – Адз. зах. 93. – Л. 160адв. – 161адв.
22. Акты, издаваемые археографическою комиссией высочайше учрежденною в Вильне. – Т. II.: Акты Брестского земского суда. – Вильна : Тип. Губ. Правления, 1867. – X, 362 с.
23. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі ў Мінску. – Метрыка ВКЛ. – Адз. зах. 113. – Л. 74адв.
24. Wisner, H. Najjaśniejsza Rzeczpospolita. Szkice z czasów Zygmunta III i Władysława Wazy / H. Wisner. – Warszawa : Wydawnictwo NERITON, 2001. – 144 s.
25. Kojalowicz, W. W. Herbarz rycerstwa W. X. Litewskiego tak zwany Compendium czyli o klejnotach albo herbach których familie stanu rycerskiego w prowincjach Wielkiego Xięstwa Litewskiego zażywają / W. W. Kojalowicz. – Kraków : W Drukarni “Czasu” Fr. Kluczyckiego i Spółki, 1897. – 527 s.
26. Кэмп, Т. Мікалай Крыштаф Радзівіл Сіротка (1549–1616). Віленскі ваявода / Т. Кэмп. – Мiр : Музей «Замкавы комплекс «Мiр», 2016. – 508 с.

27. Trawicka, Z. Piotr Kochlewski / Z. Trawicka // Polski słownik biograficzny. – T. XIII. – Wrocław etc. : Zakład Narodowy imienia Ossolińskich; Wydawnictwo Polskiej Akademii Nauk, 1967–1968. – S. 216–217.
28. Deputaci Trybunału Głównego Wielkiego Księstwa Litewskiego (1582–1696) : spis / pod red. Andrzeja Rachuby. – Warszawa : Wydawnictwo DiG, 2007. – 470 s.

Пасмыніў 29.01.2021

**BREST REGION IN THE POLITICAL GEOGRAPHY
OF THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA IN THE 1630 – 1640 s**

V. HALUBOVICH

The article presents the results of the study of the role and place of the Brest County in the political life of the Grand Duchy of Lithuania in the 1630s and 1640s. The author drew attention to the unexplored local political history in the Belarusian historiography and fragmentary information about the specifics of the political forces structure in the Brest region in foreign historiography. The article notes that political competition in Brest was a reflection of the processes that took place at the national level. The leadership of the Brest Voivodeship changed several times during the 1630s and 1640s, and the voivodeships were persons belonging to three different political groups, including the Radzivil and Sapiega ones. The local administration of the County was formed from local gentry, that also oriented one of the political groups. Despite the fact that the main Voevode and County posts belonged to Catholics and Uniates, the Protestant group of the Grand Duchy of Lithuania led by the Radzivils from Birzhy was very popular among the local gentry. One of the County leaders and the main representative of Protestant interests at the Sejms of the Polish-Lithuanian Commonwealth was the famous Brest nobleman Peter Kohlevsky.

Keywords: gentry, Brest region, the Grand Duchy of Lithuania, governor of province, the Radzivils, the Sapegas.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Авласович А.М.</i> Результаты археологического изучения погребальной обрядности Славгородского района Могилёвской области по материалам 2014 – 2017 гг.	2
<i>Азеенко Т.Н.</i> Становление партархива ЦК КП(б)Б (1921 – 1941 гг.)	12
<i>Андрэйчык К.В.</i> Адміністрацыйныя падыходы да аховы нерухомых матэрыяльных гісторыка-культурных каштоўнасцей у 1991 – 2006 гг. (на прыкладзе дзейнасці Мінскага, Магілёўскага, Гомельскага абласных выканаўчых камітэтаў)	16
<i>Бабіч А.Ю.</i> Нарыхтоўка драўніны і лесахімічныя промыслы ў традыцыйнай культуры лесакарыстання беларусаў (першая трэць XX ст.)	21
<i>Белозорович В.А.</i> Координация научной деятельности историков БССР (1954 – 1963 гг.)	26
<i>Борисенко В.В.</i> Вопросы внешнеторговой деятельности БССР в последние десятилетия существования СССР	31
<i>Внукович Ю.І.</i> Вынаходніцтва этнаграфічных рэгіёнаў Беларусі і Літвы: параўнальная характарыстыка	37
<i>Ганчар А.И.</i> Регулирование Временным правительством положения римско-католического духовенства (1917 г.)	50
<i>Гарелик М.В.</i> Дебаты в Британском парламенте по Австрийскому вопросу (1945 – 1951 гг.)	60
<i>Гришанова Н.В., Борун Е.Н.</i> История развития спортивного ориентирования в Полоцком государственном университете: по результатам выступления сборной команды	64
<i>Гушчынскі І.Г.</i> Судовая сістэма на тэрыторыі Беларусі ў 1840 – 1872 гг.	68
<i>Зубков Е.И.</i> Книги из библиотеки Полоцкой иезуитской академии в Отделе рукописей и редкой книги ГМИР	74
<i>Калбека Л.Р.</i> Княжацкія актавыя пячаткі XI – XIV стст. з тэрыторыі Полацка (у зборы Нацыянальнага Полацкага гісторыка-культурнага музея-запаведніка)	81
<i>Кежа Ю.Н.</i> Обряд интронизации полоцких князей (в контексте церемониального обряда Древней Руси)	86
<i>Келлер О.Б.</i> Основание «иезуитских университетов» на католических землях Священной Римской Империи Германской Нации в период с 1550 по 1650 гг.	95
<i>Киенко Д.Г.</i> Выявление новой информации о потерях авиации на территории Беларуси в процессе поиска мест падений самолетов (1941 – 1944 гг.)	101
<i>Котыл С.П.</i> Урочище Пески: место массового уничтожения советских граждан немецким оккупационным режимом 1941 – 1944 гг.	108
<i>Коц А.Л.</i> Праблемы і перспектывы вывучэння жыллёва-гаспадарчых комплексаў Полацка XI – XVIII стст.	112
<i>Крыковскі В.Д.</i> Подготовка младших командиров в городских пунктах военного обучения ССРБ	116
<i>Лосева Е.А.</i> Сотрудничество Франции и ФРГ в рамках европейских программ и инициатив в области высшего образования	122
<i>Магалинскі І.У.</i> Хімічны склад вырабаў з каляровых металаў XIV – XVIII стст. з тэрыторыі Паўночнай і Цэнтральнай Беларусі	127
<i>Марфина О.В., Емельянич О.А.</i> Антропологическое изучение древних и современных демографических процессов как источник знаний о закономерностях исторического развития популяций	131
<i>Аўсейчык У.Я.</i> Стараверы Паўднёва-Усходняй Беларусі: гістарыяграфія і сучасны стан даследаванняў	136
<i>Потрсова Е.С.</i> Статистические материалы как источники изучения пребывания иностранцев на территории Беларуси во второй половине XIX в.	147
<i>Серак Е.В.</i> Прошения участников восстания 1863 – 1864 гг. как исторический источник	152
<i>Скорб М.Г.</i> Российская и австрийская модели государственного устройства повстанческой Сербии (1807 – 1813 гг.)	159
<i>Слесарев А.В.</i> Деятельность Жировичского православного братства под руководством А. Осипчика по организации религиозной жизни белорусской диаспоры в 1947 – 1965 гг.	166
<i>Спиридонова Т.А.</i> Деятельность Совета по делам Русской Православной Церкви при СМ БССР по идейно-политическому и финансовому контролю над церковной жизнью (из отчетов уполномоченных 1954 – 1958 гг.)	172
<i>Сумко А.В.</i> Збіральніцтва ў сістэме жшцезабеспячэння пасляваеннай беларускай вёскі	178
<i>Сурма А.А.</i> Политика Д. Кэмерона в отношении Британского мультикультурализма (2010 – 2016 гг.)	185
<i>Сыцько К.В.</i> Захады да стварэння гістарычных апісанняў парафій Рымска-каталіцкага касцёла на тэрыторыі Беларусі ў сярэдзіне XIX – XX стст.	190
<i>Терентьев И.В.</i> Типология ножей Белорусского Поднепровья X – XV вв. (по результатам археологических исследований Старого Шклова и Мстиславля)	195
<i>Чараўко В.У.</i> Археалагічныя раскопкі на познесярэднявекавым могільніку каля в. Міхалінава Лёзненскага раёна ў 2016 г.	200
<i>Шпет М.М.</i> Крестовый поход на Смирну (Измир) 1343 – 1348 гг.	206
<i>Шпунт А.А.</i> Военные мотивы в городской геральдике Беларуси XVI – XVIII вв.	210
<i>Галубовіч В.У.</i> Берасцейскі Паве́т у палітычнай геаграфіі Вялікага Княства Літоўскага ў 1630 – 1640-я гг.	217